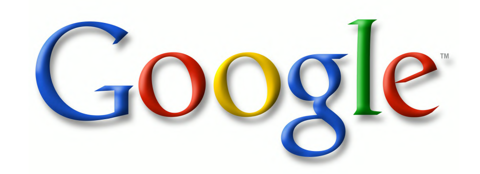

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

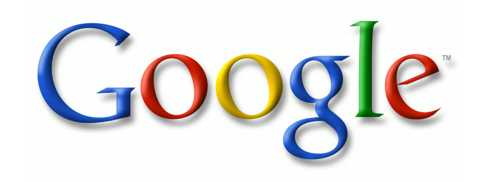
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

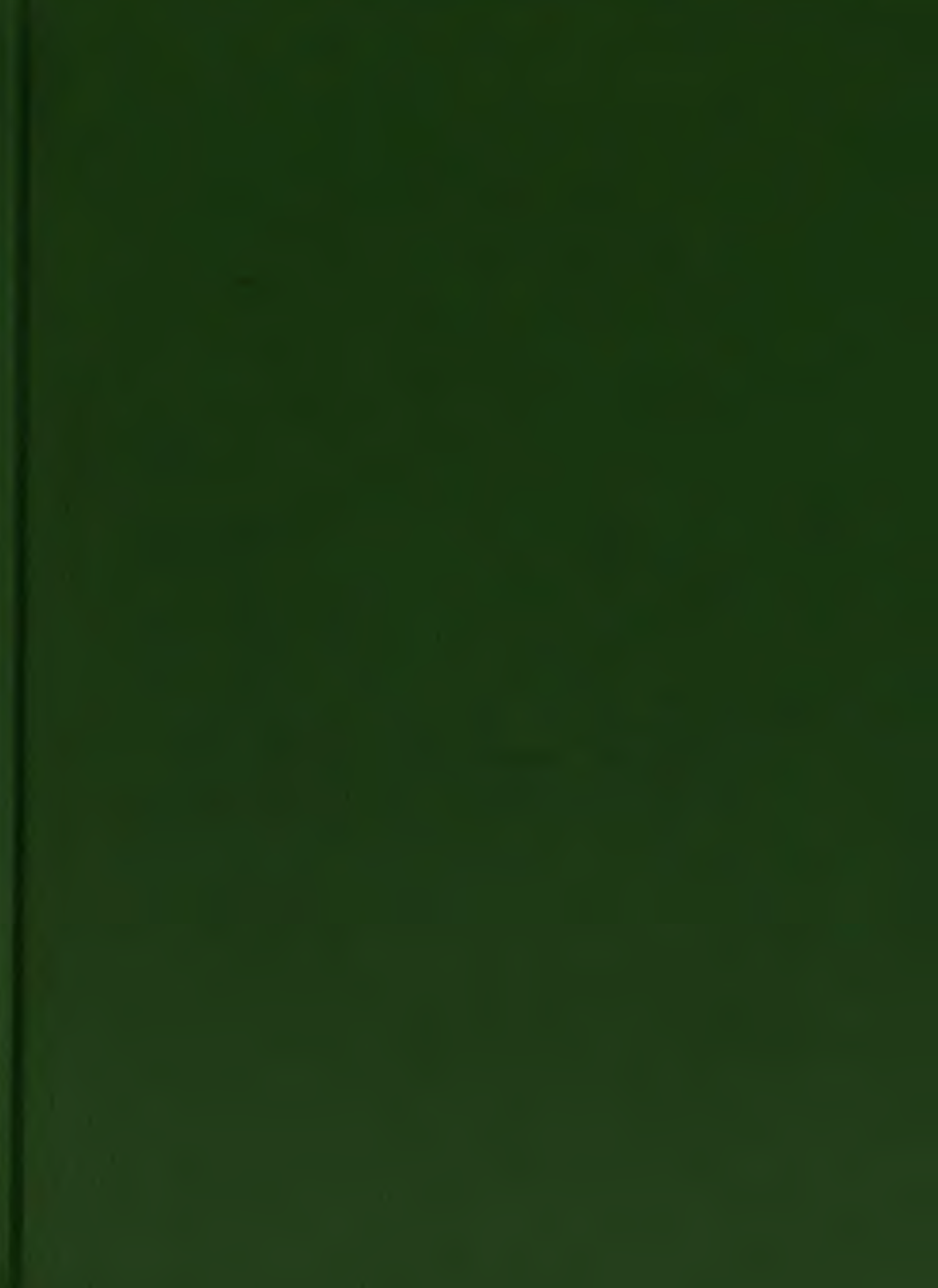
Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ирииадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

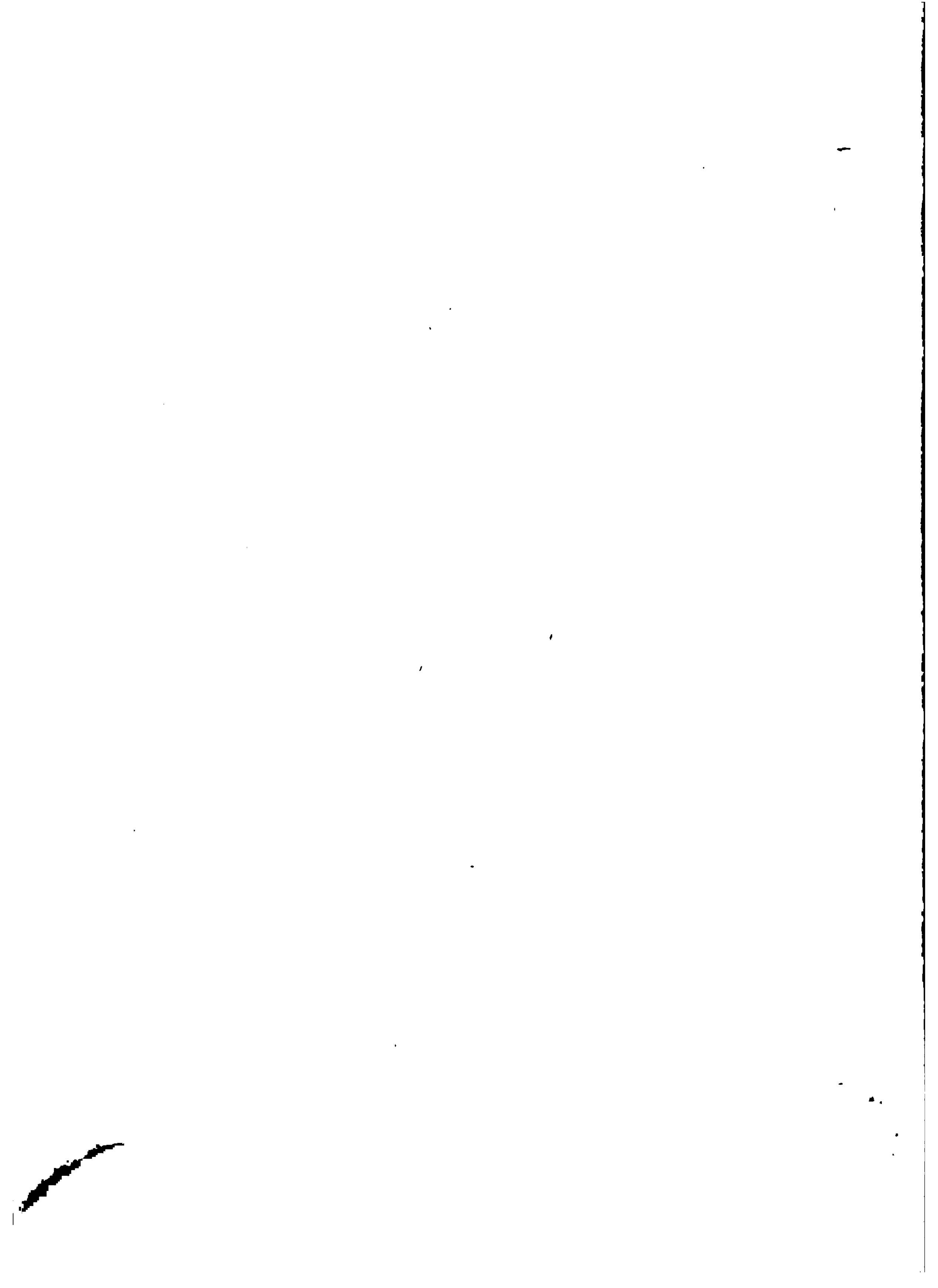
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

[illegible]

Maksimovich, M. A.

[illegible]НІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. А. МАКСИМОВИЧА.

ТОМЪ II.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ, АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ.

5248

КІЕВЪ.

[illegible]ца, на большой Владимірской ул., въ собственномъ домѣ.

1877.

LH

Церковно-Археологическое Общество при Кіевской Духовной Академіи въ засѣданіи 8-го октября 1876 года слушало отношеніе г. Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора кн. А. М. Дундукова-Корсакова, въ которомъ Его Сіятельство предложилъ Церковно-Археологическому Обществу, не пожелаетъ-ли оно принять на себя трудъ продолжать изданіе собранія сочиненій М. А. Максимовича, начатое Юго-Западнымъ Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, напечатавшаго первый томъ этого собранія, и нынѣ остановившееся вслѣдствіе закрытія упомянутаго Отдѣла. При отношеніи г. Генералъ-Губернатора сообщено было, полученное имъ отношеніе Императорскаго Русскаго Географическаго общества, въ которомъ выражено: „Касательно вопроса, предложеннаго Вашимъ Сіятельствомъ о передачѣ наблюденія надъ изданіемъ сочиненій покойнаго М. А. Максимовича которому-либо изъ ученыхъ обществъ, существующихъ въ Кіевѣ, Императорское Географическое Общество, съ своей стороны, полагало-бы наиболѣе цѣлесообразнымъ просить объ этомъ Церковно-Археологическое Общество при Кіевской Духовной Академіи, которое, по предмету занятій своихъ, такъ близко стоитъ къ вопросамъ, изслѣдованіемъ коихъ занимался покойный“.

Выслушавъ отношеніе г. Генералъ-Губернатора, собравъ свѣдѣнія о состояніи изданія и обсудивъ относящіяся къ нему обстоятельства, Церковно-Археологи-

ческое Общество постановило: 1) Въ виду несомнѣннаго достоинства ученыхъ трудовъ покойнаго М. А. Максимовича, имѣющихъ по большей части весьма близкое отношеніе къ задачамъ и занятіямъ Церковно-Археологическаго общества, а также въ память воспоминаній, связывавшихъ покойнаго ученаго съ Кіевскою Духовною Академіею, которой почетнымъ членомъ онъ состоялъ съ 1869 года, — принять предложеніе г. Генералъ-Губернатора. 2) Поручить наблюденіе надъ продолженіемъ изданія „Собранія сочиненій М. А. Максимовича“ особой коммиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Церковно-Археологическаго Общества, каѳедральнаго протоіерея П. Г. Лебединцева, изъ членовъ того-же Общества: И. И. Малышевскаго, В. Б. Антоновича и С. И. Пономарева, предоставивъ этой коммиссіи какъ редакцію издаваемыхъ сочиненій, такъ и сношенія съ цензурою, типографіею и т. п.

Назначенная Церковно-Археологическимъ Обществомъ коммиссія въ засѣданіи 25-го октября поручила приготовленіе третьяго тома „Собранія сочиненій М. А. Максимовича“ И. И. Малышевскому и С. И. Пономареву и редакцію 2-го тома В. Б. Антоновичу. Въ составъ 2-го тома вошли отдѣлы: исторической топографіи, археологіи и этнографіи; въ составъ-же 3-го тома войдутъ всѣ статьи, относящіяся къ исторіи Русскаго языка, исторіи Русской Словесности, а также статьи беллетристическаго содержанія, рѣчи, біографіи ученыхъ и т. п. Къ 3-му тому присоединена будетъ біографія М. А. Максимовича, трудъ составленія которой принялъ на себя С. И. Пономаревъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

II. ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ.

1. Кіевъ и его окрестности.

2. Кіевское княженіе.

3. Переяславское княженіе.

4. Земля Волынская.

III. ОТДѢЛЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ.

IV. ОТДѢЛЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ.

II.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ.

1. КІЕВЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

ОБЪ УЧАСТІИ И ЗНАЧЕНІИ КІЕВА ВЪ ОБЩЕЙ ЖИЗНИ РОССІИ [1]).

Рѣчь, въ Торжественномъ Собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Университета св. Владиміра 2 октября, 1837 года, произнесенная профессоромъ Руской Словесности Михаиломъ Максимовичемъ.

> И рече (Андрей) къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: «видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божья, имать градъ великъ быть, и церкви многи Богъ въздвигнути имать!» Въшедъ на горы сія, благослови я, постави крестъ....
>
> *Несторъ.*

Среди множества городовъ обширной Руской Имперіи— Кіевъ, Москва и Петербургъ возвышаются какъ три великіе памятника трехъ великихъ періодовъ Руской жизни. Это три средоточія, изъ которыхъ Руская жизнь, въ свое древнее, среднее и новое время, развивалась особенно, но всегда съ одинакою, могучею и широкою силою; три исполинскія ступени, по коимъ Россія, съ помощію Божіею, взошла на настоящую высоту своего величія.

Три города сіи, бывъ стольными городами нашего отечества, служили ему источниками тѣхъ великихъ, незыблемыхъ началъ, изъ которыхъ постепенно слагалась одна общая, цѣлая жизнь его. И если представитель нашей древней исторіи есть св. равноапостольный князь Владиміръ, *просвѣтитель* Россіи,—если въ среднія времена народъ Рускій возвеличилъ Іоанна III-го *собирателемъ отечества*, а новая жизнь Россіи

---

[1]) Рѣчь эта была издана отдѣльною брошюрою. Кіевъ. 1837 г.

раскрывала собою мысль *преобразователя* своего — великаго Петра: то можно сказать, что Кіевъ есть памятникъ Русскаго православія, Москва—памятникъ Русской народной самобытности, а Петербургъ—Русскаго самодержавія.

Петербургъ, составляя нынѣ престолъ Русскаго самодержавія, есть и представитель той гражданственности и просвѣщенія, коими Россія со времени великаго Петра уравнивалась съ просвѣщеннымъ западомъ и содѣлалась имперіею европейскою.

Но Москва не перестала отъ того быть средоточіемъ той собственно-Русской народности и самобытности, которыя она воспитала въ средній періодъ жизни для царства Московскаго, и на которыхъ утверждалось въ ней самодержавіе всея Россіи, со временъ великаго Іоанна.

А Кіевъ и понынѣ есть главное мѣсто Русской святыни, и для цѣлой Россіи не утратилъ того церковнаго величія, которое составило первую основу всего величія Русскаго, изъ котораго развилась, которымъ спаслась и утвердилась народная самобытность Руси православной.

Въ Кіевъ не спѣшитъ Россія съ своими гражданскими цѣлями, и не движется она здѣсь тѣмъ непрестаннымъ движеніемъ, съ которымъ она въ Петровомъ градѣ такъ быстро, непрестанно стремится и дѣломъ, и мыслію къ будущему своему величію, вслѣдъ за державнымъ исполиномъ-всадникомъ.

Въ Кіевѣ Русское сердце не порадуется тѣмъ полнымъ біеніемъ своенародной жизни, которая въ настоящей полнотѣ своей разливается въ Москвѣ бѣлокаменной: и въ великомъ Кремлѣ ея—среди священныхъ соборовъ, у подножія Ивана великаго, у Краснаго крыльца и Грановитой палаты,—и на Красной площади – близь Минина и Пожарскаго, въ шумныхъ рядахъ — куда стекается и гдѣ кипитъ Русская промышленность и Русское довольство во всей народной, яркой пестротѣ своей.

Но за то, никуда кромѣ Кіева не притекаетъ Россія отъ востока и запада, отъ сѣвера и полудня своего, для молитвы и святыхъ воспоминаній. Цѣлыя тысячи Русскихъ, отложивъ житейское попеченіе, идутъ набожно поклониться первымъ

праведникамъ—святымъ угоникамъ Печерскимъ и святой главѣ равноапостольнаго просвѣтителя Россіи; идутъ побывать на тѣхъ *святыхъ мѣстахъ*, откуда идетъ Русская земля,—у той величественной рѣки, гдѣ приняла она святое крещеніе—на тѣхъ горахъ и удольяхъ, гдѣ раскрывалась богатырская юность ея, и гдѣ древняя жизнь Руси оставила намъ нетлѣнныя мощи первыхъ поборниковъ нашего православія, да живое слово преданія—въ завѣтъ будущаго своего величія.... И нигдѣ такъ живо не чувствуешь древняго величія Руси, какъ въ Кіевѣ, глядя на его святые храмы и высоты прекрасныя.

Источникъ нашей древней жизни, Кіевъ есть и главное мѣсто живѣйшихъ объ ней воспоминаній, главный хранитель нашего прошедшаго.

Да позволено же мнѣ будетъ—торжественному собранію сему въ новомъ храмѣ наукъ, посвятить воспоминанія и мысли мои объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи.

Не дивное ли самое начало Кіева?...

По преданію церкви, освященному тысячелѣтнимъ вѣрованіемъ Русскихъ и согласному съ свидѣтельствомъ историческимъ о проповѣданіи Андрея Первозваннаго въ странахъ Днѣпровскихъ,—святый апостолъ благословилъ горы Кіевскія, и водрузилъ крестъ, и предрекъ: «яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія,—имать градъ великъ быть, и церкви многи Богъ воздвигнути имать».

И такъ, первымъ началомъ Кіева былъ крестъ Первозваннаго апостола, въ первый вѣкъ христіанства; а его благословеніе горамъ было вѣрнымъ залогомъ священнаго величія сей матери городовъ Русскихъ.

И создался городъ Кіевъ, въ неизвѣстное для исторіи время, княземъ Словенъ Днѣпровскихъ. Но исполнить пророчество апостола суждено было Руссамъ.

Чрезъ восемь вѣковъ, Варяжскій князь Рюрикъ идетъ на княженіе къ Словенамъ Новгородскимъ, въ числѣ дружины своей ведетъ онъ Русь отъ Балтійскаго моря; а въ Царьгородѣ, въ тоже время, готовится уже Словенскій переводъ

священныхъ книгъ, въ которомъ Руссамъ суждено было найти источникъ всего просвѣщенія своего — и вѣры, и грамоты, и языка величаваго, и котораго дальнѣйшее распространеніе и усовершеніе предоставлено было Россіи. Черезъ два года, съ Оскольдомъ и Диромъ Русь переходитъ изъ Новагорода къ Словенамъ Днѣпровскимъ, водворяется въ Кіевѣ, со славою утверждаетъ здѣсь свое имя, и здѣсь полагается начало Русской земли [1]). Черезъ два года, эти Русскіе князья Кіева, по обычаю Варяжскому, идутъ съ Русью въ Царьгородъ за добычею, и возвращаются въ Кіевъ съ безцѣннымъ сокровищемъ вѣры Христовой, дарованной имъ грознымъ и вмѣстѣ благотворнымъ дѣйствіемъ святой Богоматери, покровительницы Кіева; и отъ патріарховъ Цареградскихъ они принимаютъ уже себѣ священнослужителей, и знаменитый первосвященникъ восточной церкви хвалится обращеніемъ Руси....

Вотъ зарожденіе Русской земли въ Кіевѣ, съ самаго начала своего уже христіанской; и могила перваго Русскаго князя въ Кіевѣ — была страдальческая могила христіанина (могила Оскольдова)!

Вѣщій Олегъ, сдѣлавшись Русскимъ княземъ, усвояетъ Кіеву владѣнія Рюрика, водворяетъ его княжескій родъ на Кіевскомъ престолѣ, нарекаетъ Кіевъ *матерью Русскихъ городовъ*, и новыми завоеваніями распространяетъ Русскую землю, возвеличиваетъ ея имя.

Быстро потомъ прибываетъ Русская сила и далеко расширяетъ предѣлы свои Русская земля, при князьяхъ своихъ Святославѣ и Владимірѣ. Во сто лѣтъ юговостокъ Европы былъ уже подъ сильною рукою Русскаго князя. Своимъ именемъ воинственные Руссы уже наложили неизгладимую печать первоначальнаго единства на восточныхъ Словенъ, а своею отвагою побѣдоносною они возбудили въ нихъ ратный духъ и обновили ихъ жизнь.

---

[1]) Что Русская земля началась и распространилась *изъ Кіева* и что Руссы были Варяги или Норманны племени *Словенскаго*, а не Скандинавскаго и не Финскаго, о томъ мои изслѣдованія и мысли изложилъ я въ особомъ сочиненіи: *Откуда идетъ Русская земля*. Кіевъ, 1837.

Но между тѣмъ какъ росла такъ быстро сила Руси изъ стольнаго Кіева и на стѣнахъ Царяграда оставался щитъ Олега, на благословенныхъ горахъ Кіевскихъ утверждался щитъ вѣры православной. Игорь опустошаетъ Азіатскіе берега Чернаго моря; воинственный Святославъ воюетъ Козарію, Тмуторокань, подножіе Кавказа и Болгарію Дунайскую: а мудрая Ольга пріемлетъ крещеніе въ Царьгородѣ, учитъ крещенію въ Кіевѣ, и на Русскомъ небосклонѣ является предтекущая христіанству нашему, какъ денница предъ солнцемъ и какъ заря предъ свѣтомъ.

И этотъ свѣтъ настаетъ скоро—съ нашимъ *Солнцемъ-Владиміромъ.* Съ нимъ возсіяла благодать Божія на горахъ Кіевскихъ, озарила ею Русскую землю, и стольный Кіевъ вскорѣ возвеличился дивнымъ благолѣпіемъ храмовъ Божіихъ и содѣлался источникомъ новой, внутренней жизни для Руси.

Самое цвѣтущее и славное состояніе Кіева было отъ св. Владиміра I-го до кончины Владиміра II-го Мономаха.

Въ эти великія времена Русской жизни, въ Кіевѣ процвѣло наше православіе и совершило собою внутреннее преобразованіе Русскаго духа, и положило начало внутренняго единства Руси, первое начало ея грядущаго величія. Совершающееся въ немъ преобразованіе духа и жизни Русской Кіевъ распространялъ и на другія части Россіи—на Новгородъ и Полотскъ, на Суздаль и Галичь: всѣ они созидались по его образцу; для всѣхъ ихъ Кіевъ былъ разсадникомъ и вѣры, и законовъ, и грамоты, и языка книжнаго; отъ него заимствовали они и князей своихъ и служителей церкви; отъ него воспріяли они и кровь, и имя, и духъ Русскій.

Но когда Кіевъ началъ это внутреннее развитіе и распространеніе новой жизни по Россіи, въ ней господствовалъ уже удѣльный образъ правленія.

Между потомками Владиміра дѣлятся владѣнія Руси, какъ родовое наслѣдіе: начинается разновластіе и междоусобная борьба удѣловъ. Вотще Владиміръ второй миритъ князей, укрѣпляетъ за собою престолъ Кіевскій: Мономахъ былъ послѣдній единовластникъ древней Руси, а съ нимъ кончилось и державное величіе Кіева!

Изъ Кіева развиваются многія сильныя княжества Русскія; но въ немъ самомъ мало по малу убываетъ великокняжеская сила, а съ нею кончается и первоначальная цѣлость Россіи.

Новыя княжества Русскія опять дробятся на мельчайшія, такъ, что предъ нашествіемъ Татарскимъ было уже до 70 особыхъ княжествъ Русскихъ. Такой образъ удѣльнаго правленія сокрушилъ первоначальное, внѣшнее единство Россіи, созданное силою Кіева; но этотъ образъ господства послужилъ Кіеву средствомъ къ преобразованію Россіи въ то внутреннее единство жизни, на которомъ должно было утверждаться все грядущее величіе Руси;—и въ постепенномъ развитіи Русской жизни періодъ удѣловъ былъ необходимою ступенью.

Надо же было истощиться этому Варяжскому образу княжескаго господства, и притомъ самому собою; ибо силою господства сего и создалась первоначальная цѣлость и огромность Россіи. Надо было Россіи собственнымъ кровавымъ опытомъ удѣльнаго разновластія дойти до единодержавія, и долгимъ труднымъ путемъ дробнаго развитія жизни и частной самобытности перейти къ общей самобытности народной, и достичь наконецъ до того полнаго единства и стройной цѣлости своей, о которыхъ уже вѣщій Боянъ, поминая первыя времена междоусобій Русской земли, говорилъ: тяжко тебѣ голова безъ плечь, горе тебѣ тѣлу безъ головы! Да и могъ ли древній Кіевъ эту страшную громаду разнородныхъ племенъ, такъ быстро его внѣшнею силою соединенныхъ, преобразить внутреннимъ единствомъ своей новой жизни, еслибъ не далъ развиваться ей самостоятельно и созрѣвать постепенно по участкамъ неустроеннаго міра?

И вотъ, Русская земля дробится на удѣлы между сынами Владиміра; Кіевъ разсѣваетъ въ нихъ свою новую жизнь, свою Русскую силу: и въ каждомъ изъ нихъ ростетъ она самостоятельно; и съ княжескою кровью Владиміра разливается и напечатлѣвается повсюду одна вѣра, а съ нею и одинъ языкъ, одинакій образъ мысли и жизни. Князья междоусобствуютъ, страсти кипятъ: но среди этой внѣшней борьбы удѣльныхъ князей происходитъ въ народѣ и внутренняя борьба

одной новой жизни съ прежнимъ ея разнообразіемъ. Эта борьба полагаетъ печать живаго единства внутренняго, которое возрастало въ Русскомъ народѣ по мѣрѣ того, какъ внѣшнее единство древней Руси распадалось. Потому-то въ періодъ удѣловъ, не смотря на междоусобія князей, въ Русской землѣ утвердилось православіе, созидались новые города, великолѣпные храмы Божіи и святыя обители; были великіе дѣятели на поприщѣ вѣры и общественнаго блага; были славные писатели и пѣснотворцы,—и вообще древняя Русь ознаменовала себя самыми счастливыми начатками просвѣщенія, какими и западъ современный не во всемъ похвалиться можетъ. Не во времена ли перваго разновластія и въ самомъ Кіевѣ создалась святая Лавра, и процвѣлъ сей великій вертоградъ духовнаго просвѣщенія древней Руси,—и великій создатель его, преемникъ Антонія, преподобный Ѳеодосій, явилъ себя величайшимъ поборникомъ православія, и просвѣщенія, и мира общественнаго?...

. Періодъ удѣловъ Россіи былъ вѣкомъ рыцарства ея, въ которомъ столько же было мрачнаго и кроваваго, сколько свѣтлаго и живоноснаго. Любовь къ Русской землѣ и ея славѣ сильно развилась въ эти первые вѣка нашего христіанства; ратный духъ усилился враждою на поганыхъ и возвысился понятіемъ чести. «Искать себѣ чести а князю славы» было девизомъ Русскаго воина. «Лучше быть изрублену, чѣмъ быть полонену»—взывали удѣльные князья къ своимъ дружинамъ,— «брань славна лучше мира студна»—говорили самые иноки лѣтописатели.

И вотъ уже Кіевъ, разсѣявъ Русскую силу свою по всѣмъ участкамъ Русской земли, между потомками своего великаго князя, самъ остался только съ именемъ *великаго*. Но это имя звучитъ прадѣдовскою славою для Русскихъ; но *золотой* престолъ Кіевскій неодолимо влечетъ къ себѣ Русскихъ князей, и за общее для нихъ его имя, они жертвуютъ часто своимъ удѣльнымъ, вѣрнымъ достояніемъ.

Но вотъ, уже и имени великаго княжества лишается Кіевъ: въ сѣверовосточной Руси оно усвоено Суздалю, на югозападѣ Русскомъ—Галичу. Но и тогда Кіевъ былъ великъ

для народа своимъ величіемъ церковнымъ; и одинъ онъ еще хранилъ единство преобразованной имъ Руси и былъ средоточіемъ обширнаго ея круга: это единство было церковное, единство православія, коего онъ былъ главою и по власти своего митрополита *всея Руси.* То была послѣдняя власть древняго Кіева надъ Русью, съ которою оставался онъ и тогда, когда мірскую власть его давно уже подѣлили между собою потомки Владиміра. То единство Руси было первое, которое не рушилось и тогда, какъ съ нашествіемъ Татаръ все на Руси пришло въ смѣшеніе, и Русскіе князья падали предъ несмѣтною силою ханскою Тогда пало и церковное великолѣпіе древняго Кіева, и онъ изъ багряницы облекся во вретище.

Внукъ Чингисхановъ Мангу, посланный Батыемъ осмотрѣть Кіевъ, былъ пораженъ, увидѣвъ изъ за Днѣпра великолѣпіе, которымъ сіяли высоты его, и предложилъ ему покориться Батыю. Но князь Михаилъ съ презрѣніемъ отвергъ гордыню сильнаго, побилъ пословъ Татарскихъ и удалился въ Венгрію. Кіевляне съ бояриномъ Димитріемъ отчаянно защищались, когда нагрянули черныя тучи Батыевы; съ бою выдали они Кіевъ, и великій городъ разрушенъ былъ до основанія, и храбрые Русичи погибли съ своимъ митрополитомъ подъ саблями поганыхъ (1240).

Отъ стольнаго Кіева остались въ обгорѣлыхъ стѣнахъ Софійскаго собора гробница Ярослава, развалины золотыхъ вратъ его, да югозападный придѣлъ Десятинной церкви надъ священными останками своего великаго строителя. Отъ святой обители Печерской, дивнымъ великолѣпіемъ украшенной, уцѣлѣли одни нетлѣнные останки Русскихъ праведниковъ, да малый придѣлъ церкви, куда, на протяжный звонъ благовѣста, сходились къ церковному служенію благочестивые иноки, укрывшіеся въ окружныхъ лѣсахъ и вертепахъ.

Вотъ что осталось въ великомъ Кіевѣ отъ древней жизни его! И когда Михаилъ, напрасно искавшій помощи у князей, воротился изъ Венгріи; тогда престоломъ ему былъ Днѣпровскій островъ передъ развалинами Кіева, и онъ принялъ мученическій вѣнецъ въ ордѣ, спасая уже только православіе души своей. «*Христіанинъ есмь*» было послѣднее слово послѣдняго

князя Кіевскаго и Черниговскаго. Въ этомъ словѣ заключается все значеніе древняго Кіева въ общей жизни Россіи...

Тяжкая мгла Татарскаго ига налегла на Русскую землю. Но свѣтъ и во тмѣ свѣтитъ!

Свѣтильникомъ Руси былъ новопоставленный въ Никеѣ (1250) митрополитъ Кіевскій Кириллъ. Найдя Кіевъ въ развалинахъ, онъ перенесъ катедру свою во Владиміръ, въ великокняжескую столицу сѣверовосточной Руси. Съ его прибытіемъ туда, повѣялъ новый духъ жизни въ отечествѣ нашемъ. Примиряя и напутствуя князей, возобновляя и умножая церкви, исправляя церковные уставы и духовенство, сей великій пастырь всея Руси ревновалъ о возстановленіи и утвержденіи въ народѣ православія въ его апостольской чистотѣ, которая (по словамъ его) у насъ омрачена была облакомъ мудрости Еллинскаго языка, и въ падшей Греціи, завладѣнной Римомъ, была возмущена чрезвычайно, особенно въ то время.

Живымъ обновленіемъ православія въ жизни народа, онъ ложилъ твердое начало обновленія народной жизни, и у самихъ Татаръ снискалъ уваженіе къ нашей вѣрѣ и духовенству нашему, и учредилъ особую епископію въ столицѣ преемника Батыева.

Россія, несчастливая тяготѣвшимъ надъ ней игомъ и раздорами своихъ удѣльныхъ князей, счастлива была служителями церкви своей, которые были посланниками самаго неба ко благу отечества. Своимъ дѣятельнымъ православіемъ они обновили и утвердили народность Русскую и привели ее къ самобытности. Не святые ли митрополиты Петръ и Алексій были защитниками Руси въ Ордѣ? Не Алексій ли, бывъ главнымъ дѣятелемъ Руси, удержалъ великое княжество за Димитріемъ и уготовилъ ему битву съ Татарами? Не святый ли Сергій чудотворецъ благословилъ Димитрія Донскаго на первую побѣду надъ Татарами, вооруживъ его *нетлѣннымъ оружіемъ* креста и двумя иноками-оруженосцами? Не Вассіанъ ли силою своего слова подвигъ Іоанна на роковую битву съ Татарами, которою рѣшена была самобытность великой Россіи?..

Быть сердцемъ великой Россіи, средоточіемъ ея новаго бытія и величія, провидѣніе судило Москвѣ.

Величіе Москвы создалось на краеугольномъ камнѣ православія. Съ самаго начала своего великокняжества, она стала митрополіей Всероссійской церкви и наслѣдовала отъ Кіева ту церковную власть, по которой принадлежали ей всѣ разрозненныя части древняго Русскаго міра, по которой она съ самаго начала своего уже была средоточіемъ духовнаго единства всея Руси.

Мірскую власть свою Москва стяжала постепенно, и уже не одною силою отваги, какъ древній Кіевъ, но и силою мысли. Медленно собирала она раздробленную и подавленную Русь: но за то прочное и стройное дала ей единство, на незыблемомъ основаніи единства духовнаго.

Москва, содѣлавшись великимъ княжествомъ, собственною силою освободилась изъ подъ ига Татарскаго; отдѣльное слабое бытіе сѣверовосточныхъ княжествъ постепенно соединила она въ одно самобытное, сильное *Русское царство*, и удѣльную власть князей слила въ одну власть *царя*. Такимъ образомъ утвердилась въ ней народная самобытность, а вмѣстѣ съ самобытностію и единодержавіе великой Руси.

Народная самобытность и единодержавіе явились къ ней какъ два живыя начала одного цѣльнаго бытія: они были достояніемъ и слѣдствіемъ вѣковой жизни Россіи, проистекли изъ общаго внутренняго единства и развились совмѣстно. Первымъ шагомъ Руси къ народной самобытности была побѣда Донскаго, и онъ положилъ первое начало единодержавія. Іоаннъ великій довершилъ освобожденіе и самостоятельность Россіи, и былъ первымъ Русскимъ царемъ и утвердителемъ единодержавія. Сѣверовосточная Русь была первою жертвою силы Татарской, и первая возстановилась самобытною чрезъ свое православіе, и потому въ своемъ народѣ назвалась *святою Русью*.

Но возвратимся къ Кіеву. Между тѣмъ какъ митрополиты Кіевскіе дѣйствовали во благо на сѣверовостокѣ ея и создавалась Москва,—Кіевъ находился 80 лѣтъ подъ управленіемъ Татарскихъ воеводъ и оставался въ развалинахъ; а

въ лѣсахъ Черной Руси возникла Литва, и незадолго предъ тѣмъ, какъ усилившаяся Москва стала великимъ княжествомъ, Литовскій князь Гедиминъ, завладѣвъ сѣверозападомъ Русскимъ, образовалъ изъ него другое великое княжество *Литовское*, и, умножая свои завоеванія—вызволилъ Кіевъ отъ Татаръ (1320)—и Кіевское княжество стало удѣломъ великаго княжества Литовскаго.

Вслѣдъ за тѣмъ великое княжество Галицкое, долѣе всѣхъ сохранявшее свою самобытность и присвоявшее себѣ Кіевъ, было соединено съ Польшею и обращено въ *Русское воеводство* (1340).

Такимъ образомъ прежнія княжества Русскія сосредоточились въ двухъ новыхъ великихъ княжествахъ: Московскомъ и Литовскомъ, и вся древняя Русь раздѣлилась на двѣ половины—*западную и восточную*, которыя доканчивали между собою прежнюю удѣльную борьбу, но были соединены единствомъ церкви.

Кіевъ доживалъ свое ветхое княжество. Управляемый Литовскими намѣстниками Грекороссійской вѣры, и намѣстниками митрополитовъ Московскихъ, именовавшихся *Кіевскими*, — онъ хранилъ свое православіе и сберегалъ преданія и драгоцѣнные останки святой старины своей. Въ Литвѣ, большую часть коей составляли Русскіе, также господствовала восточная вѣра и языкъ Русскій. Литовскіе князья у Болгарскаго патріарха испрашивали себѣ особыхъ митрополитовъ; но Кіевляне не принимали ихъ, и Кіевъ съ Галичемъ не отдѣлялся отъ митрополіи Московской.

Князь Ягайло, принявъ съ рукою Ядвиги и корону Польши, некрещенныхъ еще Литовцевъ обратилъ въ латинскую вѣру, требовалъ обращенія въ нее и отъ литовскихъ Руссовъ, и хотѣлъ соединить Литовское княжество съ Польшею. Но литовскіе Руссы своимъ княземъ признали воинственнаго Витовта, и онъ — стѣсняя Москву, воюя Татаръ, овладѣлъ большею частію древней Руси и увеличилъ ею Литовское княжество; а для большей самобытности его и отдѣльности отъ Москвы, онъ заставилъ западно-Русскихъ епископовъ посвятить особаго митрополита Кіевскаго.

Такимъ образомъ произошло первое раздѣленіе всероссійской митрополіи. Кіевъ становится средоточіемъ духовнаго единства для всей западной Руси. Послѣдній великокняжескій намѣстникъ Кіева, благочестивый кн. Симеонъ, обновилъ уже святую лавру (1470). Но съ смертію его кончилось и княжество Кіева: Казиміръ, подобно Ягайлу, принявшій корону польскую, Кіевское княжество обратилъ въ *воеводство* (1471), въ то время, какъ Москва становилась на степень самобытнаго царства. Въ замѣнъ княжества Казиміръ утвердилъ окончательно отдѣльность Кіевской митрополіи отъ Московской; но митрополиты Кіевскіе жили въ Литвѣ; Кіевскіе воеводы были католики; латинская вѣра постепенно усиливалась въ западной Руси, и православіе лишалось своихъ правъ, по мѣрѣ сближенія Литовскаго княжества съ Польшею, которое и довершилось при Сигизмундѣ Августѣ (1569). Кромѣ того, едва обновленный Кіевъ опять разграбленъ былъ Менглигиреемъ (1482) и съ той поры Малороссія вновь была опустошаема набѣгами Крымскихъ Татаръ въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій.

Но въ это тяжкое время на защиту Кіева и Украины является козачество.

Уже давно южные Руссы образовали воинское братство на островахъ Днѣпровскихъ въ Запорожьи, гдѣ положилъ свою голову воинственный Святославъ, вѣщавшій нѣкогда къ дружинѣ своей: «не посрамимъ земли Русскія, но ляжемъ костьми, мертвые бо срама не имутъ!»

Не снося чуждаго ига, дыша славою предковъ, они роились въ темныхъ лѣсахъ и привольныхъ степяхъ Днѣпровскихъ. Тамъ широко развивалася ихъ буйная воля и отвага воинская. Но главнымъ условіемъ козацкаго братства была вѣра православная и старая вражда на поганыхъ. И грозны были для Татаръ и Турковъ козацкіе набѣги и на сушѣ и по Черному морю, которое знакомо было сынамъ южной Руси уже издревле, со временъ Оскольда и Олега. Запорожцы порывались пристать къ Москвѣ, и обращались къ Іоанну III-му; но тогда не была еще пора ихъ соединенія и Запорожье было далеко отъ тогдашнихъ предѣловъ великой Руси.

Набѣги Татарскіе на Кіевъ усиливаютъ въ нихъ вражду на поганыхъ, и козачество съ 16-го вѣка разростается по Украинѣ, и народность Украины обновляется. Славный Баторій видитъ всю важность козачества и для Польши,—и даетъ ему права и воинско-гражданственное устройство въ Украинѣ, и ставитъ воеводство Кіевское при Польшѣ отдѣльнымъ отъ княжества Литовскаго. И вотъ первый, важный шагъ южной Руси къ самобытности народной!

А между тѣмъ росла и возвышалась государственная самобытность и сила Великой Россіи. Православіе процвѣтало въ ея нѣдрахъ; оно осталось неприкосновеннымъ и уваженнымъ отъ Татаръ, и отвергло многократныя покушенія Рима, непокидавшаго своихъ намѣреній привлечь Россію подъ власть папскую. Сильно уже потрясена была эта власть реформаціей и въ самой Польшѣ; но тѣмъ съ большимъ усиліемъ домогалась она присоединить къ себѣ Россію. Главными орудіями сей мысли стали іезуиты; они усилились въ Польшѣ и завладѣли ея политикою. Іезуитъ Антоній, оказавъ услуги Іоанну Грозному, просилъ за то публичнаго пренія о вѣрѣ. Здравымъ разумомъ Московскаго царя была опровержена хитрость ума іезуита, который послѣ того устремилъ уже свои виды на Кіевъ. Православная церковь великой Россіи осталась неколебимою; и при набожномъ Θеодорѣ, послѣднемъ потомкѣ святаго Владиміра на престолѣ Московскомъ, достигла полной самобытности установленіемъ Московскаго патріаршаго престола (1589).

Тогда усилія іезуитовъ обратились на западную Русь, и средствомъ присоединенія оной подъ власть папскую была *Унія*. Для привлеченія къ ней истощены были всѣ мѣры — къ соблазну слабыхъ, къ ожесточенію твердыхъ. Тутъ не было уже и тѣни той вѣротерпимости, которою отличалась всегда Россія, — и Сигизмундъ III обезславилъ себя слѣпымъ довѣріемъ и покровительствомъ іезуитству и открытымъ гоненіемъ на христіанъ, непризнававшихъ надъ собою власти папской. Обращеніе въ Унію сопряжено было съ ужаснымъ насиліемъ. Уніатамъ были предоставлены всѣ мірскія и общественныя выгоды и все покровительство; а православные были поражены

въ самыхъ святыхъ своихъ отношеніяхъ [1]). И въ сію-то печальную годину искушенія, когда Унія производила раздѣленіе между православными западной Руси и овладѣвала ими въ Литвѣ,—пробудившійся Кіевъ является великимъ поборникомъ православія и опять становится средоточіемъ народной дѣятельности Украины и источникомъ духовнаго просвѣщенія Россіи.

Воевода Кіевскій, знаменитый князь Острожскій Константинъ, потомокъ великаго Владиміра, былъ величайшимъ ревнителемъ православія и распространителемъ просвѣщенія въ южной Россіи. Ему первому обязана она учрежденіемъ училищъ и книгопечатанія; ему обязаны всѣ православные за первопечатное изданіе полной библіи словенской: и онъ первый возсталъ на сеймѣ противъ Уніи и писалъ краснорѣчивыя *окружныя увѣщанія* въ Литовскимъ и Волынскимъ церквамъ о пребываніи неотлучно въ православіи.

Съ другой стороны за свою вѣру ополчилось на Унію —козачество. Заслуги Польшѣ сего народнаго рыцарства умѣлъ цѣнить Баторій и забылъ Сигизмундъ, отнялъ права, заслуженныя у Баторія козаками, объявилъ ихъ еретиками (схизматиками), и ужасная казнь постигла ихъ храбраго вождя Наливайка за возстаніе.

Новый Запорожскій гетманъ Петръ Конашевичь-Сагайдачный новыми подвигами для Польши укрощаетъ на время угнетенія на Украинѣ,—и упрашиваетъ Цареградскаго патріарха постановить православнаго митрополита въ Кіевѣ, (ибо, со времени Уніи, православная паства западной Руси 25 лѣтъ сиротѣла безъ пастыря). Ревнуя о православіи, Сагайдачный оставляетъ гетманскую булаву и братство козацкое, записывается въ братство Кіевское, всѣмъ достояніемъ своимъ жертвуетъ въ пользу монастыря и училища, и пишетъ *драгоцѣнное* сочиненіе противъ Уніи.

Кіевское братство, между тѣмъ, становится разсадникомъ духовнаго просвѣщенія: воспитанниками его Богоявленской школы наполняется козачество.

---

[1]) Подробно о томъ изложено въ сочиненіи Бантыша-Каменскаго: *Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ Уніи.* Москва, 1805.

Стараніями Плетенецкаго обновляется св. Лавра, возвращаетъ свои права, начинаетъ книгопечатаніе, и духовенство Кіевское, вооружась богословіемъ, опровергаетъ своими сочиненіями печатныя клеветы іеизутовъ на православіе, и словомъ проповѣди своей распространяетъ оное въ народѣ.

Въ Печерскую Лавру является сынъ Молдавскаго князя, обучавшійся въ Парижѣ и съ честью служившій въ Польской военной службѣ; на 28 году своей жизни онъ постригается въ лаврскіе монахи, и скоро становится архимандритомъ и митрополитомъ Кіевскимъ. Это былъ Петръ Могила, величайшій дѣятель на защиту православія и распространенія духовнаго просвѣщенія. Отобравъ Софійскій соборъ у уніатовъ, онъ возстановляетъ въ немъ митрополичью катедру; обновляетъ Десятинную церковь и изъ—подъ развалинъ ея переноситъ въ Лавру святую главу просвѣтителя Россіи; возстановляетъ и умножаетъ церкви; а для исправленія церковныхъ правилъ, догматовъ и книгъ, намѣренно порченныхъ уніатами, онъ открываетъ Кіевскій соборъ (1640). Въ числѣ многихъ сочиненій своихъ онъ составляетъ *православное исповѣданіе вѣры*, которое понынѣ служитъ главною книгою вѣроученія и имѣетъ достоинство вселенское; (ибо, одобренное всѣми патріархами восточной церкви, оно распространилось по востоку и по Европѣ въ переводахъ на Греческій, Латинскій и Нѣмецкій языки). Сверхъ того сей *старшій братъ и защитникъ Кіево-братской школы* обогатилъ ее средствами, возвысилъ ее на степень академіи и въ завѣщаніи своемъ назвалъ *единственнымъ своимъ залогомъ.*

Козачество съ своей стороны, при новыхъ насиліяхъ православію, продолжало изъ Запорожья свои крестовые походы за восточную церковь, за Богоспасаемый градъ Кіевъ и святую Лавру. Защита вѣры обращается въ защиту Украины, и кровавый рядъ ихъ походовъ заключается блестящими подвигами гетмана Хмельницкаго. Освобожденіемъ Украины возстановилъ онъ народную ея самобытность, и въ народѣ своемъ заслужилъ великое имя *Богдана*, которымъ Кіевское духовенство привѣтствовало его первыя побѣды (1649).

Въ 1654 году великій Богданъ присоединилъ Малороссію къ Великой Россіи, коея царь, еще прежде принявшій титулъ *обладателя всѣхъ сѣверныхъ странъ, дѣдича и отчича*, соединилъ съ Москвою Бѣлоруссію. Такимъ образомъ совершилось первоначальное сліяніе въ одну государственнную самобытность и цѣлость трехъ надолго разорванныхъ частей Руси, и Московскій царь содѣлался *царемъ Великой, Малой и Бѣлой Россіи.*

Но западная Русь въ отношеніи церковномъ подлежала еще патріарху Цареградскому, гетманъ Самойловичъ соглашаетъ его уступить Кіевскую митрополію патріарху Московскому. Такимъ образомъ (1686) возстановилось и церковное единство православной Руси, коея полное единство утвердилъ великій Петръ своимъ самодержавіемъ и преобразовалъ ее въ великую имперію.

Но еще и до соединенія съ Москвою Кіевъ доставлялъ ей средства къ просвѣщенію. Когда славный патріархъ Никонъ предпринималъ обновленіе православной церкви въ Великой Россіи, не изъ Кіева ли былъ вызванъ Епифаній Славинецкій, *мужъ мудрости внѣшнія и духовныя исполненный*, который начальствовалъ надъ ученымъ бртствомъ переводчиковъ, составленнымъ въ Москвѣ изъ Кіевскихъ же монаховъ; не онъ ли первый Московскую церковь огласилъ собственною, изустною проповѣдью?...

Такъ много дѣйствовалъ Кіевъ для православія и духовнаго просвѣщенія Русскаго; такъ много принималъ онъ участія въ общей жизни Россіи и въ средній періодъ!

Когда великій Петръ, постигавшій великое предназначеніе Россіи, насаждалъ въ ней ново-европейское просвѣщеніе и своими преобразованіями начиналъ новый періодъ ея жизни, —не изъ Кіева ли были первые сподвижники его и ревнители православныя церкви нашея—святый Димитрій Ростовскій и Стефанъ Яворскій, который былъ блюстителемъ патріаршаго престола, первымъ президентомъ святѣйшаго Синода и своимъ *Камнемъ вѣры* отразилъ новую грозу противу право-

славія? Не здѣсь ли потомъ—побѣдитель Карла XII-го нашелъ этого краснорѣчиваго, разумнаго, многоученаго Ѳеофана, главнаго сотрудника своего, перваго своего историка и прославителя живымъ словомъ проповѣди, возбуждавшимъ въ народѣ живое сочувствіе къ великимъ дѣламъ и мыслямъ Петровымъ? Не отсюда ли были—и четвертый проповѣдникъ вѣка Петрова,—Гавріилъ Бужинскій, и духовно-глубокомысленный Іоаннъ Максимовичъ, и эти славные страдальцы за православіе—Ѳеофилактъ Лопатинскій, архіепископъ Амвросій и Георгій Конисскій?....

Не академія ли Кіевская была для цѣлой Россіи главнымъ разсадникомъ просвѣщенія въ первую половину прошедшаго вѣка? Въ ней учился и отецъ новой словесности нашей, всеобъемлющій Ломоносовъ, по мысли коего, въ блистательный вѣкъ Елисаветы, учрежденъ Московскій университетъ, содѣлавшійся главнымъ средоточіемъ и главнымъ разсадникомъ народнаго просвѣщенія цѣлой Россіи.

Послѣ того академія Кіевская служила главнымъ мѣстомъ духовнаго просвѣщенія уже собственно для южной Россіи, и преобразованная при благословенномъ Александрѣ (1819) не перестаетъ быть полна глубиною мысли и знанія духовнаго, и процвѣтаетъ силою и красотою христіанскаго слова.

Столь велико было участіе Кіева и въ новой жизни Россіи!...

Старый Кіевъ есть памятникъ его первобытнаго, священнаго величія при Владимірѣ равноапостольномъ и Ярославѣ *благовластномъ*. Святая Лавра Печерская есть памятникъ благочестія и духовнаго просвѣщенія Россіи въ древнія времена, среди междоусобій княжескихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ она есть и святая колыбель нашей исторіи.

Духовная академія съ братствомъ есть памятникъ того духовнаго просвѣщенія, которымъ спасаемо было православіе отъ притѣсненій запада въ средній періодъ Русской жизни, —важнѣйшій памятникъ умственной жизни Кіева въ эти бурныя и бѣдственныя для него времена.

Кіевъ съ твердостію христіанина перенесъ всѣ лишенія и всѣ бѣды, которыя небо посылало ему въ испытаніе, и

нашелъ опять успокоеніе и благоденствіе въ общей жизни съ Россіею. Все благолѣпіе и богатство храмовъ, которымъ нынѣ сіяютъ священныя высоты его, все его внутреннее довольство— ими обновился Кіевъ, находясь уже подъ державою Россіи,— ими Россія возлелѣяла свою древнюю матерь и возблагодарила её за тотъ духовный свѣтъ жизни, которымъ такъ много отъ нее озарялась.

Кіевъ воспріялъ новое бытіе изъ общаго источника благоденствія Россіи. Та полнота гражданственной жизни и просвѣщенія, коими Россія возвышалась въ новомъ періодѣ своего бытія, сообщалась и Кіеву, и онъ, возрастая постепенно въ своемъ внутреннемъ благосостояніи, получаетъ непрестанно и новыя средства содѣйствовать благоденствію того края, коего судьба всегда была тѣснѣйшимъ образомъ сопряжена съ его судьбою.

Въ славный вѣкъ Екатерины великой, ознаменованный для Русскаго просвѣщенія первымъ распространеніемъ въ Россіи народныхъ гражданскихъ училищъ, положено начало гражданскаго народнаго образованія и въ Кіевѣ.

При Александрѣ Благословенномъ, Кіевъ былъ уже предназначенъ къ учрежденію высшаго учебнаго заведенія, коего не доставало еще для сего края. Въ 1809 году здѣсь открыта гимназія, которая, по уваженію къ отличному подвигу Кіевскаго дворянства въ пользу народнаго просвѣщенія, возвышена была (1811) и въ кругѣ ученія, и въ правахъ передъ прочими гимназіями и переведена въ древній Кловскій дворецъ.

Наконецъ подъ державою Николая перваго, Россія спознала всю полноту своего внутренняго и внѣшняго величія, и обратилась къ своенародному и стройному его развитію во всѣхъ отрасляхъ жизни,—по собственной мысли и въ собственныхъ видахъ.

Постановивъ воспитаніе важнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ, нашъ возлюбленный Государь постигъ, что оно должно быть въ полной мѣрѣ *отечественное*, *истино-народное:* и подъ его благотворною десницею, воспитаніе и просвѣщеніе Русское воспріяло новую жизнь во всѣхъ странахъ великой имперіи.

Утвержденное на незыблемомъ и вѣрномъ основаніи, оно пріемлетъ видъ одной общей и стройной системы, столь согласной съ истиннымъ, настоящимъ благомъ и дальнѣйшимъ величіемъ нашего отечества. И быстро оно развивается и совершенствуется, непрестанно получая отъ правительства всѣ возможныя къ тому средства,—имѣя въ исполнителѣ воли и мысли монаршей мужа славнаго въ ученомъ мірѣ своимъ просвѣщеніемъ и трудами учеными, неутомимаго въ дѣятельности государственной,—находя въ его сподвижникахъ полное сочувствіе и усердіе.

При такомъ общемъ преобразованіи и усовершеніи Русскаго воспитанія и просвѣщенія, благостію царя нашего учрежденъ новый Русскій университетъ въ Кіевѣ «въ память великаго просвѣтителя Россіи»—и уже воздвигается величественное зданіе для сего храма наукъ, какъ новый памятникъ обновленной жизни Кіева и той страны, коея средоточіемъ былъ онъ и въ древнее и въ среднее время,—какъ новый и великій знакъ любви царя къ своему народу. Да будетъ же онъ и новымъ алтаремъ народной благодарности къ благотворнымъ его попеченіямъ!

Святая вѣра да будетъ общимъ основаніемъ всего просвѣщенія нашего—умственнаго и сердечнаго, всей нашей жизни частной и общественной! И да сбудутся завѣтныя слова, кои начертаны вокругъ креста, положеннаго въ основаніе нашего университета: *во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ!*

ОЧЕРКЪ КІЕВА [1]).

Первопрестольный городъ Россіи—Кіевъ расположенъ на живописныхъ горахъ и удольяхъ, находящихся на правомъ берегу Днѣпра, подъ 50° 27′ сѣверной широты и 48° 13′ восточной долготы. Въ какомъ вѣкѣ онъ начался, объ томъ нѣтъ историческаго свидѣтельства. Отецъ бытописанія Русскаго—преподобный Несторъ, передалъ намъ сказаніе только о строителяхъ Кіева, трехъ братьяхъ—Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, которые, будучи князьями здѣшнихъ Славянъ, именовавшихся Полянами, построили надъ Днѣпромъ городъ, во имя своего старшаго брата. Послѣ этихъ князей, Кіевъ является въ 9-мъ вѣкѣ, какъ небольшой городокъ, платившій дань Козарамъ, которыхъ имя оставалось здѣсь долго, въ названіи предмѣстья на склонѣ старокіевской горы къ Днѣпру.

Въ 864-мъ году, Русскіе витязи Аскольдъ и Диръ, плывшіе по Днѣпру въ Царьгородъ, спрашивали у Кіевлянъ: «чій се градокъ?» и, отвоевавъ его у Козаръ, начали княжить въ немъ. Такимъ образомъ Кіевъ сталъ городомъ *Русскимъ;* а черезъ два года, крещеніемъ Аскольда и Дира въ Царѣгородѣ —началось христіанство въ Кіевѣ и его тѣснѣйшія сношенія съ Греціей.

Въ тѣ времена Кіевъ составлялъ едва четвертую долю нынѣшняго Стараго города; ибо онъ занималъ собою только сѣверозападную часть старокіевской горы, составляющую такъ называемое Андреевское ея отдѣленіе. Вокругъ города, особенно съ полуденной стороны, простирался великій лѣсъ:

---

[1]) Статья эта была помѣщена какъ введеніе въ книгѣ: «Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ, изданное Иваномъ Фундуклеемъ» Кіевъ. 1847.

перевѣсище или ловище звѣрей, на скатѣ старокіевской горы къ Печерску, было еще и въ 10-мъ вѣкѣ. На сѣверовосточномъ скатѣ ея были предмѣстья, которыя назывались: *Козарами* и *Бесѣдою Пасынчевой*. Подъ Кіевомъ съ той стороны Днѣпра былъ перевозъ, подавшій поводъ къ сказкѣ, отвергнутой Несторомъ, будто Кій былъ не князь, а перевозчикъ. Отъ пристани, при которой тогда Почайна впадала въ Днѣпръ, въѣзжали въ Кіевъ на гору по *Боричеву взвозу*. Съ югозападной стороны первоначальный Кіевъ былъ отдѣленъ провальемъ или оврагомъ, черезъ который ѣздили по мосту, и за которымъ простиралось къ Лыбеди подгородное поле.

Въ такомъ ограниченіи городъ Кіевъ былъ долго и послѣ того, какъ вѣщій Олегъ, въ 882-мъ году, овладѣвъ имъ для Рюрикова рода, сказалъ: «се буди мати градомъ Русскимъ»! Однако населенность Кіева, и славянскимъ и иноплеменнымъ народомъ, возрастала непрестанно. Мѣстомъ сего населенія служили сначала тѣ возвышенности и удолья, которыя отъ старокіевской горы идутъ вверхъ по Днѣпру, къ Вышгороду. Такимъ образомъ и Щековица, бывшая прежде поселеніемъ отдѣльнымъ отъ Кіева, вошла въ его составъ. На Подолѣ не было жилья еще и въ половинѣ 10-го вѣка; ибо тогда онъ былъ потопленъ водами Почайны, также Глубочицы, Кіянки и другихъ ручьевъ, протекавшихъ по немъ съ помянутыхъ возвышенностей.

Въ 988-мъ году совершилось достопамятное крещеніе св. Владиміра въ Корсунѣ, и народа Русскаго въ Кіевѣ, въ водахъ Днѣпра и Почайны. Отселѣ началась новая, христіанская жизнь Руси, развивавшаяся изъ Кіева, съ тою же чрезвычайною силою, съ какою свершались завоеванія, составившія изъ многихъ отраслей восточно славянскаго племени — одно Русское государство. Тогда Кіевъ, по предреченію первозваннаго апостола, явился *градомъ великимъ*, въ которомъ непрестанно воздвигались *церкви многи*.

Кажется, что въ княженіе равноапостольнаго просвѣтителя Руси, началось заселеніе подъ Кіевскими горами, на Подолѣ, который вскорѣ сталъ весьма многолюденъ, и былъ главнымъ мѣстомъ здѣшней торговли.

Распространеніе верхняго Кіева произошло уже при Ярославѣ благовластномъ, который, послѣ побѣды своей надъ Печенѣгами въ 1036-мъ году, къ первоначальному городу прибавилъ новый *великій градъ* съ золотыми вратами, и воздвигъ въ немъ величественный храмъ св. Софіи, и монастыри Георгіевскій и Ирининскій, и свой Ярославскій дворецъ, и митрополію при Софійскомъ храмѣ. Съ того времени еще болѣе усилилось распространеніе вѣры и просвѣщенія книжнаго, умноженіе монастырей и церквей. Все сіе продолжалось и при Ярославичахъ, во второй половинѣ 11-го вѣка, ознаменованной появленіемъ и распространеніемъ святой обители Печерской, которая служила образцемъ и разсадникомъ для другихъ Русскихъ монастырей, такъ же какъ Кіевъ—для другихъ городовъ Русскихъ. Они заодно распространяли и утверждали по всей Владиміровой Руси новую жизнь, которая въ нихъ возникла и возрастала. И хотя еще съ конца 11-го вѣка Кіевъ и обитель Печерская терпѣли нерѣдко бѣды отъ набѣговъ Половецкихъ, отъ междоусобій княжескихъ, отъ пожаровъ и другихъ невзгодъ; однако жизнь *богоспасаемаго* града была уже такъ могуча, что всѣ его раны исцѣлялись скоро,— что онъ оставался еще великимъ городомъ и послѣ того, какъ въ 1169-мъ году великокняжескій престолъ его былъ уже отнятъ у него Андреемъ Боголюбскимъ для Русскаго сѣверовостока. Упадая въ гражданской силѣ, Кіевъ крѣпокъ еще былъ своею силою церковною; и когда Русь была уже раздроблена на удѣлы между потомками Владиміра, Кіевъ держалъ еще церковное единство ея, по власти своего митрополита, который былъ митрополитомъ *всея Руси*.

Набожность князей и народа побуждали ихъ иждивать свое достояніе на строеніе церквей. Оттуда великолѣпіе Кіева церковное, котораго памятниками понынѣ служатъ храмы: Софійскій и златоверхій-Михайловскій. Оттуда и это множество церквей въ древнемъ Кіевѣ, которое для многихъ людей новаго времени казалось невѣроятнымъ. Но нельзя же опровергнуть свидѣтельство Дитмара, что въ Кіевѣ 1018 года было слишкомъ *четыреста* церквей; ибо и въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ (напримѣръ, въ Лаврентьевской и въ Новгород-

ской-второй) читаемъ извѣстіе, что въ пожаръ 1121 года, истребившій сначала весь Подолъ, а потомъ старый городъ, однѣхъ церквей сгорѣло до *шестисотъ*.

Построеніе и украшеніе значительнѣйшихъ церквей въ Кіевѣ, воздвигаемыхъ князьями, производимо было сначала, какъ извѣстно, художниками греческими. Отъ нихъ уже впослѣдствіи научились разнымъ искусствамъ природные Россіяне, между которыми прежде всѣхъ прославился современникъ Нестора, преподобный Алимпій-иконописецъ, мозаикъ и вмѣстѣ врачь Печерской обители. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ, приняты были и художества изъ Греціи въ Кіевѣ; и отсюда распространились по всей Руси, и продолжались въ ней долго въ одномъ и томъ же византійскомъ вкусѣ.

Богатству и населенности Кіева способствовало не одно то, что онъ былъ средоточіемъ и столицею Руси; но и его торговля, весьма цвѣтущая въ древнее время, по которой имя его было извѣстно на западѣ и на отдаленномъ востокѣ. Дитмаръ, удивлявшійся чрезвычайному богатству Кіева различными товарами, говоритъ, что въ немъ было тогда (около 1018-го года) восемь торговыхъ площадей. По другимъ свидѣтельствамъ, иноземнымъ и отечественнымъ, извѣстно, что Кіевъ былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ торговыхъ судовъ, которые изъ цѣлой Руси отправлялись въ Черное море къ Болгарамъ, Корсунцамъ, Грекамъ и Сиріянамъ, что здѣсь былъ складъ *скоры* или пушныхъ мѣховъ, составлявшихъ тогда главный товаръ русскій. По тѣсной связи съ Греціей, Кіевъ конечно изобиловалъ всего болѣе товарами греческими, т. е. золотомъ, паволоками, винами, разными овощами; отъ Венгровъ и Чеховъ получалъ онъ серебро и коней, купцы Галицкіе доставляли ему соль для всей Руси.

При этой обширной торговлѣ древняго Кіева, и въ населеніи его было много промышленныхъ Новгородцевъ и купцевъ иноземныхъ. Здѣсь было много и Жидовъ, хотя они издревле были нелюбы для народа Кіевскаго; жили же они особою, кажется, загородною слободою у воротъ, называвшихся Жидовскими, а впослѣдствіи Львовскими. О населенности Кіева,

между прочимъ, можно судить и по сказанію Нестора о бѣдственномъ 1092-мъ годѣ: «Въ си же времена мнози человѣци умираху различными недуги, якоже глаголаху продающе кореты *(гробы)*: яко продахомъ кореты отъ Филипова дне до мясопуста седмь тысячь».

Что касается до управленія, то Кіевъ, состоя подъ верховною властью князя, имѣлъ главнымъ правителемъ своимъ *тысячскаго*, а подчиненныя должности исправляемы были здѣсь *сотскими* и *десятскими*. При этомъ, по древнерусскому обычаю, Кіевляне имѣли свое *вѣче* или сходку.

Говоря о древнемъ Кіевѣ, нельзя не вспомянуть еще о томъ хлѣбосольствѣ и общественномъ весельи, которыми отличалась его жизнь. Особенно памятны для Руси *почестные* пиры *краснаго-солнца* Владиміра: они донынѣ славятся въ народныхъ пѣснопѣньяхъ и сказкахъ великорусскихъ; объ нихъ любилъ вспомянуть и Несторъ въ своей лѣтописи.

Но всему древнему бытію Кіева, всей его красотѣ и величію, на которыя съ удивленіемъ глядѣлъ изъ-за Днѣпра посланный отъ Батыя ханъ Менгу, суждено было пракратиться разомъ: 6 декабря 1240 года подступилъ къ Кіеву съ своимъ несмѣтнымъ войскомъ Батый, и стольный градъ обратился въ развалины, не смотря на отчаянную защиту Кіевлянъ.

Послѣ того, въ продолженіи 80 лѣтъ Кіевъ влачилъ самую убогую жизнь, подъ тяготою татарскаго ига. Хотя и въ это время появлялись еще князья Кіевскіе: но главными правителями Кіева были воеводы или баскаки Татарскіе. Митрополія Русская перенесена была изъ опустошеннаго Кіева сперва во Владиміръ-Залѣскій, потомъ въ Москву, откуда Кіевскіе митрополиты управляли здѣшнею страною черезъ своихъ намѣстниковъ.

Въ 1320-мъ году воинственный Гедиминъ овладѣлъ Кіевомъ, и присоединилъ его къ своему великому княжеству Литовскому, составленному изъ сѣверозападной Руси и земли Литовской. Съ той поры Кіевъ существовалъ какъ удѣльный западнорусскій городъ, управлявшійся князьями Гедеминова рода. Эти князья, большею частью православнаго исповѣданія, чтили древнюю святыню Кіева, и послѣдній изъ нихъ, князь

Симеонъ Олельковичъ, памятенъ какъ обновитель Печерской Лавры, въ 1470-мъ году. Еще прежде митрополитъ Кипріанъ ознаменовалъ свое недолгое пребываніе въ Кіевѣ поддержаніемъ Софійскаго храма, въ концѣ 14-го вѣка. Около того же времени, по повелѣнію великаго князя Витольда, Кіевъ укрѣпленъ былъ построеніемъ замка, а въ 1415 году, по настоянію того-же князя, учредилась Кіевская митрополія, отдѣльная отъ Московской.

Это отдѣленіе Кіевской митрополіи отъ Московской, утвердившееся окончательно 1474 года, хотя и поставляло Кіевъ главою всей югозападной Руси въ отношеніи церковномъ, но митрополиты Кіевскіе посвящались и жили не здѣсь, а въ столицѣ западнорусской — Вильнѣ. Бытіе всей здѣшней страны тогда было такое тревожное, что Кіевъ не могъ уже прійти въ цвѣтущее состояніе, а вскорѣ окончилось и самое княжество Кіева. Великій князь Казиміръ IV, по принятіи польской короны, обратилъ, 1471 года, Кіевское княжество въ *воеводство,* и далъ въ воеводы Кіеву ненавистнаго Кіевлянамъ католика Мартина Гаштольда, о которомъ осталась и пословица: «король далъ, Гаштольдъ взялъ».

Къ горшей бѣдѣ Кіева, Татары, непереставшіе опустошать южную Русь и такъ сильно разорившіе Кіевъ въ 1416 году, явились опять въ немъ подъ предводительствомъ Менгли-Гирея, и разорили его до основанія, сожгли Печерскую Лавру, а воеводу Ивана Ходкевича съ его семьею и множествомъ народа взяли въ плѣнъ. Это случилось 1-го сентября 1482 года.

Для возобновленія Кіева, по повелѣнію Казиміра, собираемо было до 20,000 народа, изъ поднѣпровскихъ и другихъ областей западнорусскихъ; и въ первые годы 16-го вѣка Кіевъ былъ уже отстроенъ вновь, при воеводѣ своемъ Юріѣ Пацевичѣ, а Кіевскій замокъ при воеводѣ князѣ Дмитріѣ Путятичѣ. Тогда же Александръ Казиміровичъ, желая поправить состояніе и умножить населеніе Кіева, предоставилъ здѣшнимъ гражданамъ нѣкоторыя особенныя права и вольности изъ такъ-называемаго *Магдебурскаго права.* Братъ и преемникъ Александра—Сигизмундъ 1-й, далъ вполнѣ это право гражда-

намъ Кіевскимъ, грамотами 1516 и 1544 г. Такимъ образомъ въ Кіевскомъ гражданствѣ появился новый порядокъ, чуждый для Руси и устранявшій все то изъ прежнихъ узаконеній и обычаевъ, что было несходно съ этимъ нѣмецкимъ правомъ.

По *соединеніи* Литовскаго княжества съ польскою короною 1569 года, стали назначаться въ Кіевъ отъ польскаго правленія *кастеляны* вмѣсто прежнихъ *городничихъ;* да и Кіевскіе воеводы съ 1569 года считались уже польскими, ибо Кіевъ съ той поры былъ польскимъ городомъ, отдѣльнымъ отъ великаго княжества Литовскаго.

Всѣ эти перемѣны вели за собою обезсиленіе въ Кіевѣ старобытной Русской жизни, и усиленіе католичества, которое здѣсь основалось учрежденіемъ *бискупства*, еще въ княженіе Гедемина, а при Сигизмундѣ III-мъ, по вліянію іезуитовъ, католичество взяло рѣшительный перевѣсъ, и ознаменовалось появленіемъ и распространеніемъ *уніи*, причинившей столько раздора въ западной Руси.

Съ отступничествомъ митрополита Рогозы, православная Кіевская митрополія 25 лѣтъ оставалась безъ пастыря; и южнорусскій народъ потерпѣлъ много бѣды за преданность древней вѣрѣ своихъ предковъ.

Въ эти тяжкія времена пробудилась въ Кіевѣ та внутренняя, духовная сила его, которою предназначено было ему дѣйствовать во благо Руси; и онъ вновь явился блюстителемъ и поборникомъ ея вѣры и просвѣщенія. Особенно памятными подвижниками того времени были: воевода Кіевскій князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, архимандриты печерскіе: Никифоръ Туръ и Елисей Плетенецкій, и запорожскій гетманъ Петръ Канашевичъ-Сагайдачный, по убѣжденію котораго Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, въ Печерской лаврѣ, 15-го августа 1620 года, возстановилъ православную митрополію Кіевскую. Вскорѣ явился въ Печерской обители и Петръ Могила, величайшій духовный дѣятель тѣхъ временъ, такъ много способствовавшій къ утвержденію и распространенію православія; возстановившій изъ развалинъ столько древнихъ церквей Кіевскихъ; воспитавшій цѣлое поколѣніе ученаго духовенства для тогдашняго и будущаго просвѣщенія Руси,

и возвысившій училище Богоявленскаго братства, которое возникло передъ появленіемъ Уніи, какъ-бы предназначенное противодѣйствовать ей въ защиту православія.

Вслѣдъ за Петромъ Могилою, 1647 года, воздвигся новый дѣятель, гетманъ Зиновій Хмельницкій, прозванный въ Кіевѣ *Богданомъ*. Докончивъ долгую, кровавую борьбу козачества съ Польшею, онъ выгналъ изъ Кіева все неправославное, и, освободивъ Малороссію отъ Польши, возвратилъ ее въ общій составъ Русскаго царства. Это совершилось въ Переяславѣ добровольною присягою гетмана и всей войсковой старшины, 8-го января 1654 года. Черезъ 6 дней, Кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ и все духовенство, торжественно встрѣчали царскихъ полномоченныхъ за Золотыми воротами Ярославовыми; а 17-го января городъ Кіевъ присягнулъ на вѣрноподданство престолу Русскому. Такимъ образомъ въ достопамятный 1654-й годъ Кіевъ, первоначальникъ Русскихъ городовъ, сталъ вновь принадлежать своей Руси; и хотя Польша въ борьбѣ съ Москвою сильно стремилась къ возвращенію себѣ Кіева, но по трактату 1686 года она отреклась отъ него навсегда.

Того же года, по ходатайству гетмана Самойловича, Константинопольскій патріархъ, отъ котораго зависѣла дотолѣ митрополія Кіевская, согласился на ея подчиненіе Московскому патріаршему престолу; и черезъ то возстановилось церковное единство православной Руси.

И такъ Кіевъ, начиная съ 864 года, существовалъ 376 лѣтъ, какъ самостоятельный Русскій городъ, бывшій столицею Руси 286 лѣтъ; потомъ находился онъ 80 лѣтъ подъ игомъ Татарскимъ, а, по освобожденіи отъ него—пробылъ 259 лѣтъ, сперва княжескимъ, потомъ воеводскимъ городомъ западнорусскаго великаго княжества Литовскаго; послѣ того онъ въ продолженіи 75 лѣтъ принадлежалъ Польшѣ. Такъ прошло 790 лѣтъ его исторической жизни до присоединенія его вновь подъ державу Русскую.

Въ послѣдніе два срока бытія Кіевскаго, собственно городомъ считался Подолъ, называвшійся *нижнимъ* Кіевомъ, въ отличіе отъ *верхняго*, т. е. Стараго города.

Старый Кіевъ оставался въ своихъ древнихъ земляныхъ валахъ. Подолъ по прежнему городился деревянными стѣнами съ башнями, и окапывался рвомъ. Но главнымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ былъ замокъ Кіевскій, на горѣ Киселевкѣ, въ которомъ сосредоточивалось и главное управленіе Кіевомъ, военное и гражданское. Возлѣ этого замка, по Кудрявцѣ, былъ другой, митрополичій замокъ, который, вмѣстѣ съ большею частью Подола, при Сигизмундѣ III-мъ, былъ присвоенъ католическому бискупу, и назывался бискупскимъ замкомъ.

Число жителей Кіевоподольскихъ, въ первой половинѣ 17-го вѣка, считалось отъ 5 до 6 тысячъ. Въ этомъ числѣ было не мало польскихъ католиковъ, имѣвшихъ на Подолѣ 3 костела. Въ 17-мъ вѣкѣ здѣсь водворились и іезуиты, съ своею коллегіей. Церквей православныхъ тогда было на Подолѣ 13. Водвореніе Армянъ въ Кіевѣ произошло преимущественно въ концѣ 15-го вѣка, по грамотѣ Казиміра IV-го. Пребываніе Жидовъ, при всемъ ихъ стремленіи къ Кіеву, было перемежающееся: въ 16-мъ вѣкѣ они не имѣли здѣсь правъ гражданства; а королевскими грамотами 1619 и 1650 г. имъ запрещено было вовсе постоянное жительство и владѣніе домами въ Кіевѣ. Торговля Кіевлянъ была не очень значительна; она производилась преимущественно хлѣбомъ, мѣхами, воскомъ и медомъ.

Главное, чѣмъ Кіевъ былъ дорогъ и важенъ для всей Руси, это была Печерская лавра, сохранившая въ себѣ столько святыхъ залоговъ отъ древней Русской жизни. Изъ сего святилища и возникла въ 16-мъ вѣкѣ та новая духовная дѣятельность Кіева, которая потомъ развилась такъ плодоносно въ Богоявленскомъ братствѣ. Въ Лаврѣ началось и книгопечатаніе Кіевское, 1616 года.

Еще до соединенія съ Москвою, Кіевъ служилъ ея просвѣщенію, напримѣръ, многоученымъ Епифаніемъ Славинецкимъ и его товарищами; а когда Кіевъ сталъ принадлежать Россіи, то она изъ него получала себѣ непрестанно духовныхъ дѣятелей, во главѣ которыхъ стоитъ святитель Димитрій Ростовскій, съ Стефаномъ Яворскимъ и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Извѣстно, что Богоявленская коллегія, съ 1701

года называющаяся духовною академіею, была до исхода прошлаго столѣтія главнѣйшимъ разсадникомъ просвѣщенія для цѣлой Руси.

Что касается до управленія Кіевомъ, со времени его присоединенія къ Россіи, то главное начальство надъ нимъ, до 1764 года, принадлежало *гетману* Малороссійскому, а ближайшее управленіе Кіевскому *полковнику* (такъ какъ, еще при первомъ раздѣленіи Малороссіи на полки въ 16-мъ вѣкѣ, учрежденъ былъ Кіевскій полкъ, существовавшій до новаго образованія Малороссіи въ 1782 году). Граждане Кіевскіе продолжали управляться и судиться по Магдебургскому праву, подъ начальствомъ своего *войта.* Кромѣ того, съ 1654 по 1700 годъ, назначаемы были въ Кіевѣ отъ Русской державы особые *воеводы*, начиная съ князя Ѳедора Семеновича Куракина.

Съ началомъ 18-го вѣка учредилось въ Кіевѣ управленіе губернаторское; а въ 1707 году началось генералъ-губернаторство, опредѣленіемъ на сію должность князя Димитрія Михайловича Голицына, памятнаго Кіеву построеніемъ каменной церкви Николая Пустыннаго и обновленіемъ Китаевской пустыни.

Вслѣдъ за тѣмъ 1708 года учреждена была обширная *губернія* Кіевская, къ которой причислена была вся восточная Малороссія и значительное пространство средней Россіи, всего 36 городовъ, а съ приписными 56. Изъ этой губерніи въ 1781 году отдѣлено къ Кіеву только 11 Малороссійскихъ уѣздовъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, подъ названіемъ Кіевскаго *намѣстничества.* Къ нему въ 1792 году прибавлено было еще 5 уѣздовъ или повѣтовъ, на правой сторонѣ Днѣпра, отъ прежняго Кіевскаго воеводства, возвращеннаго опять подъ державу Русскую. Наконецъ, въ 1797 году Кіевъ, отчисленный отъ восточной или собственно такъ называемой Малороссіи, назначенъ *губернскимъ* городомъ нынѣшней Кіевской губерніи, на правой сторонѣ Днѣпра. Такимъ образомъ Кіевъ сталъ вновь средоточіемъ того края, съ которымъ искони сопряжена была тѣсно его судьба, и отъ котораго былъ онъ отлученъ на время, только съ 1667 года, по договору Андрусовскому.

О состояніи Кіева подъ Русскою державою можно сказать, что замѣтное улучшеніе онаго началось въ 90 годахъ 17-го вѣка, въ началѣ царствованія Петра великаго. Эти годы особенно ознаменовались стремленіемъ гетмана и другихъ Малороссійскихъ старшинъ къ построенію каменныхъ зданій церковныхъ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: большой Никольскій монастырь на Печерскѣ, и Богоявленская братская церковь на Подолѣ, построенные гетманомъ Мазепою, во вкусѣ западныхъ церквей (такъ какъ и въ просвѣщеніи Кіевскомъ вообще, со временъ Петра Могилы, существовали уже формы, занятыя изъ просвѣщенія западноевропейскаго). Изъ свѣтскихъ зданій того десятилѣтія памятно въ Кіевѣ зданіе магистрата, сгорѣвшее 1811 года.

Въ 18-мъ вѣкѣ, Петръ Великій означилъ слѣдъ своего пребыванія въ Кіевѣ собственноручнымъ заложеніемъ крѣпости, 15-го августа 1706 года, тамъ гдѣ въ древности было Берестово, любимое село Владиміра и Ярослава, и гдѣ въ слѣдующіе вѣка было село или мѣстечко Печерское, вокругъ лавры. Съ той поры послѣдовало заселеніе всей этой *Печерской* части нынѣшняго Кіева, въ которой съ 1711 года имѣли пребываніе начальники города и губерніи. Къ примѣчательнымъ событіямъ тѣхъ временъ принадлежитъ пожаръ, опустошившій Печерскую лавру 22-го апрѣля 1718 года, и слѣдовавшее за тѣмъ обновленіе лавры нынѣшними зданіями.

Императрица Елисавета Петровна, въ бытность свою въ Кіевѣ 1744 года, заложила на Старомъ городѣ церковь Андрея Первозваннаго и другую св. Георгія. Въ эти же времена митрополитъ Рафаилъ Заборовскій оставилъ въ Кіевѣ славную память о себѣ, попеченіями о духовной академіи и разныхъ церковныхъ зданіяхъ. Въ царствованіе же Елисаветы положено начало застроенію такъ-называемой *Дворцовой* части Кіева, которая со временъ Батыя была необитаема и отдѣляла Печерскую гору, съ лаврою и Пустынно-Николаевскимъ монастыремъ, отъ Стараго Кіева. Въ ней, на мѣстѣ древняго Кловскаго или Стефановскаго монастыря, въ Липовой рощѣ, построенъ отъ лавры 1744 г. *Кловскій дворецъ*. Послѣ того, около 1753 года, устроенъ былъ деревянный на каменномъ

ярусѣ *Государевъ дворецъ*, и при немъ дворцовый садъ, которымъ такъ любовалась императрица Екатерина.

Съ 1790 года эта дворцовая часть города начала застраиваться и другими зданіями, по плану Кіева, утвержденному императрицею Екатериною, 1787 года. Тогда здѣсь были помѣщены и присутственныя мѣста, которыхъ нынѣшнее зданіе построено уже въ губернаторство Панкратьева.

Населенности Кіева, какъ въ этой, такъ и въ другихъ его частяхъ, между прочимъ послужилъ переводъ сюда изъ Дубна въ 1797 году такъ-называемыхъ *контрактовъ*, на которые ежегодно въ январѣ мѣсяцѣ съѣзжается множество помѣщиковъ изъ трехъ западныхъ и нѣкоторыхъ другихъ губерній, для разныхъ экономическихъ сдѣлокъ.

Въ царствованіе Александра Благословеннаго въ Кіевѣ 1809 года учреждена гимназія, которая въ 1811 году была возвышена въ кругѣ ученія и въ правахъ передъ другими гимназіями, и помѣщена въ Кловскомъ дворцѣ. Академія Кіевская получила новое образованіе въ 1819 году. Весь Подолъ, опустошенный пожаромъ 9-го іюля 1811 года, отстроенъ вновь, въ томъ правильномъ видѣ, какимъ онъ красуется теперь, особливо при взглядѣ на него отъ Андрея Первозваннаго и съ горы Щековицы.

Но, слѣдя за всѣми перемѣнами Кіева въ продолженіи 193 лѣтъ, протекшихъ отъ его присоединенія подъ Русскую державу, нельзя не замѣтить, что временемъ наибольшаго преобразованія и возрастанія его было царствованіе нынѣшняго Государя Императора, особенно съ 1834 года, въ которомъ начало приводиться въ исполненіе высочайше утвержденное 7-го января положеніе объ устройствѣ Кіева. Того-же года, въ 15-й день іюля, открытъ былъ въ Кіевѣ и университетъ св. Владиміра—«въ память великаго просвѣтителя Россіи». Съ той поры Кіевъ примѣтно ростетъ, украшаясь непрестанно новыми зданіями и улучшаясь въ своемъ благоустройствѣ.

Первая или *Печерская часть* Кіева, будучи предназначена подъ обширную Кіевопечерскую крѣпость, измѣнилась уже много, получая ежегодно въ замѣнъ прежнихъ небольшихъ домовъ и хижинъ, большія красивыя зданія крѣпостныя.

Передъ начатіемъ этихъ построеній, вслѣдствіе Высочайшаго указа 1827 года 2-го декабря, окончательно удалены изъ Кіева евреи, которые водворились было опять здѣсь, особенно на Печерскѣ, при его заселеніи въ прошломъ вѣкѣ. Другіе жители Печерска выселялись преимущественно къ Лыбеди, и этимъ въ 1834 году положили начало такъ-называемому *Новому строенію*. Эта *Лыбедская* часть города, имѣя своимъ средоточіемъ величественное зданіе университета св. Владиміра, заложенное 31-го іюля 1837 года, — ростетъ съ каждымъ годомъ, и впослѣдствіи будетъ конечно одною изъ многолюднѣйшихъ частей Кіева, которую по справедливости можно бы назвать *Новымъ Кіевомъ*.

Въ *Дворцовой*, нынѣ главной и знатнѣйшей части города, въ 1834 году, вмѣсто прежней Липовой рощи при Кловскомъ дворцѣ, явилось вдругъ цѣлое красивое застроеніе, названное *Липками*. Вслѣдъ за тѣмъ и на другихъ мѣстахъ Дворцовой горы возникали новыя зданія, между которыми особенно красуется — институтъ для благородныхъ дѣвицъ. При дворцовомъ садѣ, въ нижнемъ ярусѣ государева дворца, — оставшемся послѣ пожара, бывшаго въ немъ 1819 года, — учреждено заведеніе искуственныхъ минеральныхъ водъ.

Старый Кіевъ также получилъ новое устройство и хотя срытіе внутреннихъ его валовъ и уничтоженіе его тѣсныхъ, перепутанныхъ уличекъ и переулковъ измѣнили совершенно прежній, оригинальный видъ его; за то нынѣ его видъ сталъ открытѣе, и самъ онъ сдѣлался удобнѣе для жительства и способнѣе для дальнѣйшаго улучшенія.

Крещатицкое удолье, пролегающее между горами старокіевскою и дворцовою, бывшее *дебрею* въ нашествіе Батыя, почти необитаемое еще и въ концѣ прошлаго столѣтія, въ послѣдніе годы обратилось въ одну изъ лучшихъ улицъ Кіева, которая становится уже средоточіемъ здѣшней промышленности.

Что касается до нижняго Кіева или Подола, то онъ, перестроенный вновь послѣ пожара 1811 года, обновляется и нынѣ стройными каменными зданіями, особенно въ прибережной сторонѣ своей, не смотря что Днѣпръ, необычайнымъ разливомъ въ 1845 году, затоплялъ здѣсь 538 домовъ. Граждане

Кіевскіе, по высочайшему указу 1834 года 23-го декабря, получили устройство общее другимъ городамъ Русскимъ, и съ 1835 года управляются уже городскою *думою*.

Отъ собственно такъ называемой нынѣ Подольской части Кіева отдѣлилась еще новая часть его, названная *Плоскою*, по имени Плоской слободы, издавна здѣсь существовавшей. Къ этой шестой части Кіева въ 1834 году причислены предмѣстья: Куреневка — (получившая это имя отъ сторожевыхъ куреней, послужившихъ ей основаніемъ), Пріорка или Преварка, и Сырецъ. Подобно сему, и на противоположномъ концѣ Кіева, къ Печерской части причислено предмѣстье Звѣринецкое, гдѣ нѣкогда былъ княжескій звѣринецъ и сельцо Выдубичи.

Для удобнѣйшаго сообщенія верхнихъ частей Кіева съ Подоломъ, прежній Крещатицкій взвозъ, устроенный вновь еще въ началѣ прошлаго столѣтія, а для этого взвоза и вся Михайловская гора, нынѣ преобразованы въ новомъ видѣ; да и Днѣпровскій берегъ на Подолѣ укрѣпляется набережною. Наконецъ, для сообщенія всего Кіева съ Полтавскою и Черниговскою губерніями, которое такъ затруднительно бываетъ въ весеннее время, начались уже приготовленія къ постройкѣ новаго, постояннаго моста черезъ Днѣпръ.

Всѣ эти перемѣны и устройства открываютъ для Кіева путь къ болѣе прочному благосостоянію, и къ дальнѣйшимъ успѣхамъ его населенности и промышленности. А соединеніе губерній Волынской и Подольской, вмѣстѣ съ Кіевскою, подъ одно управленіе Кіевскаго военнаго губернатора, — и учрежденіе Кіевскаго учебнаго округа, въ которомъ съ этими тремя губерніями соединены еще Черниговская и Полтавская, — сдѣлали Кіевъ средоточіемъ всего этого края, для распространенія и утвержденія въ немъ общерусской жизни и народнаго Русскаго просвѣщенія, въ ихъ современномъ характерѣ и совершенствѣ. Все это вмѣстѣ поставило Кіевъ на чреду лучшую противъ прежней, и подало ему несомнѣнную надежду на дальнѣйшее процвѣтаніе.

Въ настоящую пору величина всего Кіева простирается — въ длину 14 верстъ, отъ устья Лыбеди до предмѣстья

Прѣварокъ; а въ ширину 4 версты, по средней мѣрѣ отъ Днѣпра къ Лыбеди.

Населенность Кіева постоянными его жителями простирается нынѣ свыше 50 тысячъ душъ обоего пола. Кромѣ того здѣсь проживаетъ, для промысла и работъ, разнаго состоянія людей болѣе 6 тысячъ; да постоянно квартирующихъ чиновъ военнаго вѣдомства свыше 13½ тысячъ, кромѣ полковъ, приходящихъ сюда каждое лѣто для лагерей и крѣпостныхъ работъ. Многолюдство Кіева въ зимнее время увеличивается на мѣсяцъ съѣздомъ на контракты; при чемъ сбирается и ярмарка, продолжающаяся съ 15-го января по 1-е февраля. Но несравненно большій приливъ народа къ Кіеву бываетъ въ лѣтнее время; ибо тогда со всѣхъ концевъ Россіи стекаются сюда богомольцы, которыхъ число простирается въ годъ отъ 50 до 80 тысячъ.

Число учащихся обоего пола въ Кіевскихъ учебныхъ заведеніяхъ, свѣтскихъ и духовныхъ, простирается свыше 4 тысячъ.

Православныхъ церквей въ Кіевѣ: каменныхъ 24, деревянныхъ 12, и еще 32 церкви въ 7 монастыряхъ, да 7 церквей домовыхъ при разныхъ заведеніяхъ. Домовъ каменныхъ 303, а деревянныхъ 5,714.

Торговыхъ площадей въ Кіевѣ теперь 8,—какъ было и въ 11-мъ вѣкѣ, при Ярославѣ. Кромѣ ярмарки контрактовой, въ Кіевѣ сбирается еще 5 небольшихъ ярмарокъ, съ предметами сельской промышленности. Главная торговля Кіевская производится по прежнему на Подолѣ, гдѣ находится и гостинный каменный дворъ съ 52 лавками. Типографій въ Кіевѣ 5.

Въ заключеніе упомянемъ, что гербомъ Кіева служитъ изображеніе архистратига Михаила, поражающаго копьемъ змѣя подъ ногами своими. Это изображеніе служило въ древности и великокняжескимъ гербомъ Руси. Нѣтъ сомнѣнія, что оно принято еще при св. Владимірѣ и его сподвижникѣ св. Михаилѣ, — во знаменье той побѣды христіанства надъ язычествомъ, которая совершилась въ Кіевѣ и по которой онъ такъ святъ для цѣлой Руси.

ТОПОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ КІЕВЛЯНИНА [1]).

1. О мѣстѣ села Предславина на Лыбеди.

Лыбедь, на которой, по свидѣтельству Нестора, и въ его время находилось село Предславино, обтекаетъ Кіевъ съ западной его стороны и впадаетъ въ Днѣпръ за Выдубицкимъ монастыремъ. Въ старые годы эта рѣчка была многоводнѣе, чѣмъ теперь. Монастыри Кіевскіе, особенно въ 17-мъ вѣкѣ, получали значительный доходъ отъ своихъ мельницъ, приводимыхъ въ движеніе волнами этой рѣчки; а лѣвый берегъ ея доставлялъ лучшій кирпичъ для церквей и зданій Кіевскихъ.

Въ древнее время на Лыбеди совершилось нѣсколько битвъ, изъ которыхъ особенно памятна междуусобная битва Русскихъ князей 1146 года у *Шелвова борку*, послѣ которой князь Игорь Ольговичъ схваченъ былъ въ болотѣ, гдѣ увязъ конь его, содержался сперва въ Выдубицкомъ, потомъ въ Переяславскомъ монастырѣ и вскорѣ потомъ постригся въ монахи. Этотъ борокъ и древнее сельцо *Шелвовое* очень могутъ быть полагаемы на мѣстѣ, называемомъ теперь *Шулявщиною.* Тамъ теперь находится загородный митрополичій домъ и Шулявская роща, которая лѣтъ за десять передъ симъ была густа и тѣниста. Ежегодно 1-го мая собираются туда Кіевскіе жители на гулянье. Но многіе ли изъ гулящихъ знаютъ и вспоминаютъ о томъ, кто за 115 лѣтъ насадилъ эту рощу и основалъ здѣшній загородный домъ,—о злополучномъ Кіевскомъ архіепископѣ Варлаамѣ Ванатовичѣ? [2]).

---

[1]) Кіевлянинъ 1841 года, стр. 102—118.

[2]) См. Описаніе Кіевософ Собора и Кіевской Іерархіи. К. 1825. стр. 128.

Но Лыбедь особенно примѣчательна тѣмъ, что на ней соединяются воспоминанія о Русскихъ княжнахъ и княгиняхъ изъ временъ еще отдаленнѣйшихъ. Такъ, самое древнее преданіе о Кіевѣ украсило эту рѣчку именемъ Лыбеди—сестры трехъ братьевъ, коихъ именами запечатлѣны три горы, составлявшія ихъ мѣстопребываніе. Замѣтимъ, что и на Лыбеди, при ея впаденіи въ Днѣпръ есть красивая гора, называемая *Дѣвичь-горою.* Подъ нею есть источникъ *Лукирема*, разливавшійся въ небольшое озеро; былъ тамъ еще протокъ, называвшійся *Живцемъ*; а нѣсколько далѣе впадаетъ въ Днѣпръ небольшая рѣчка *Любка*, надъ которою находилось издревле сельцо Багриново. Мѣстоположеніе и названіе Дѣвичь-горы такія романическія, что ее очень бы можно избрать въ жилище для сестры перваго Кіевскаго князя; а въ стихотворной сказкѣ Подолинскаго говорится, что на Дѣвичь-горѣ (неизвѣстно впрочемъ, на этой ли самой) когда-то былъ и теремъ, и много чуднаго тамъ происходило. Но мы, изъ старинныхъ монастырскихъ записей, узнали только то, что эта Дѣвичь-гора на Лыбеди принадлежала, въ 12-мъ или въ началѣ 13-го вѣка, княгинѣ *Иринѣ*, и подарена ею Михайловскому золотоверхому монастырю. Лѣтописи, кажется, не упоминаютъ объ этой княгинѣ; но ея имя осталось надолго въ монастырскомъ названіи Дѣвичь-горы—горою или землею *Орининскою*. Еще болѣе достойно воспоминанія на Лыбеди село *Предславино*. Въ этомъ селѣ жила Владимірова жена Рогнѣда, и здѣсь она, въ 986 году, разыграла такъ занимательно трагическую сцену съ своимъ княземъ-богатыремъ.

По мнѣнію Карамзина, Владимірова дочь Предслава была отъ Рогнѣды: слѣдственно, родилась въ этомъ селѣ, которое потому и названо было ея именемъ. Судьба княжны Предславы была горьше, чѣмъ судьба ея матери, прозванной *Гориславою*. За эту княжну сватался Польскій король Болеславъ храбрый; но князь Ярославъ отказалъ ему въ рукѣ родной сестры своей. Руской княжнѣ, вѣроятно, не по мысли былъ этотъ женихъ, который воевалъ съ отцемъ ея (992), помогалъ преступному ея брату Святополку, а къ тому еще такъ былъ «великъ и толстъ, яко и на кони немогый сидѣти», по выра-

женію лѣтописца. Однако Предслава не избѣгли своего жребія: въ 1018 году, она досталась въ жертву мстительной страсти Болеславовой и увезена была въ Краковъ.

Нельзя однакожь утвердительно полагать, что село Предславино названо было по имени Владиміровой дочери. Оно могло принадлежать еще той Предславѣ, сродницѣ Игоревой, коея посолъ Копецаръ находится въ Кіевскомъ посольствѣ въ Царьградѣ 944 года. Отъ кого бы впрочемъ ни получило свое имя село Предславино, но оно ознаменовано частымъ пребываніемъ великаго Владиміра и, вѣроятно, было нѣкоторое время любимѣйшимъ его мѣстомъ въ окрестности Кіева. Поэтому въ особенности и желательно бы опредѣлить, гдѣ именно находилось это село?

На Лыбеди не осталось имени Предславина; а остатки жилья, въ нѣсколькихъ мѣстахъ на Лыбеди находимыя, не могутъ быть въ семъ случаѣ показателями: и предположеніе, что Предславино находилось близь Васильковской дороги по сю сторону Лыбеди, произвольно. Единственными указателями въ семъ случаѣ остаются старинныя названія урочищъ. Невдалекѣ отъ Стараго Кіева, за Лыбедью, есть земля, называемая *Борщовскою;* она подарена золотоверхому Михайловскому монастырю *ктиторомъ* онаго — великимъ княземъ Святополкомъ — Михаиломъ. Въ записяхъ 16-го вѣка границы ея описываются слѣдующимъ образомъ:

«Почавъ отъ *тѣсныхъ улицъ къ Владиміровой грушѣ*, отъ груши старою дорогою къ Жилянскимъ лозамъ, отъ лозъ на курганъ Жилянскій, отъ кургана къ Борщовкѣ, Борщовкою внизъ около селища Борщовскаго въ луговину, луговиною къ вербамъ вверхъ и къ дорогѣ Борщовской, дорогою Борщовскою вверхъ Лыбеди и къ гаткѣ, отъ гатки вверхъ въ долину Глубокою, изъ Глубокой долины на *старое путище*, путищемъ опять къ тѣмъ улицамъ».

Названія упомянутыхъ здѣсь урочищъ приводятъ насъ къ мысли: не въ этихъ ли мѣстахъ находилось село Предславино? Возлѣ этого села безъ сомнѣнія былъ садъ, гдѣ находилась груша, подъ которою, можетъ быть, особенно любилъ отдыхать Владиміръ, послѣ богатырскихъ своихъ подвиговъ: и ее наз-

вали *Владимировою грушею*, а потомъ это имя осталось надолго и на запустѣломъ урочищѣ. На урочищѣ *тѣсныхъ улицахъ* можетъ быть находилась самая застроенная часть села; а *старое путище*, ведущее черезъ глубокую долину къ тѣснымъ улицамъ, не было ли тою дорогою, по которой Владиміръ ѣхалъ къ своей Рогнѣдѣ, и которая послѣ 985 года стала для него уже не милымъ путемъ и вѣроятно была имъ оставлена? Тогда любимѣйшимъ загороднымъ мѣстомъ для великаго князя сдѣлалось село Берестовое, возлѣ котораго совершилось и возникло такъ много святаго послѣ крещенія Владимірова.

2. О мѣстѣ Туровой Божницы.

«И паки совокупившеся вси Кіяны у Туровы Божницы»..

Воскрес. лѣтоп.

По сказанію Степенной книги, первая церковь, поставленная св. Владиміромъ въ Кіевѣ, была церковь во имя мученика Турова при Днѣпрѣ, гдѣ крещенъ народъ Кіевскій, на мѣстѣ, называемомъ *святымъ*. Митрополитъ Евгеній [1]) сомнѣвался въ имени *Турова*, предполагалъ: не во имя ли *Θеодора Тирона* была та церковь? Мы думаемъ однакожь, что названіе оной церкви было—*Турова церковь;* но только называлась она такъ по имени *Тура*, а не *Турова*. Кому принадлежало сіе имя—это остается пока историческою загадкою; но названіе Туровой церкви подтверждается неоспоримо названіемъ *Туровой божницы*, упоминаемой въ лѣтописяхъ подъ 1146 годомъ. Однозначительность этихъ двухъ названій заставляетъ насъ думать, что они принадлежали одному и тому же зданію; да и нѣтъ, кажется, причины предполагать противное. На какомъ-же именно мѣстѣ находилась божница или церковь Турова?

---

[1]) Въ Описаніи Кіевософ. Собора, стр. 5. Въ харатейныхъ Прологахъ 14-го вѣка сказано, что мѣсто крещенія на рѣкѣ Почайнѣ издревле именуется *святымъ*, гдѣ стоитъ церковь Петрова... Въ свою очередь мы могли бы предположить: не поставлено ли здѣсь названіе *Петрова*, вмѣсто *Турова*, по недоумѣнію писца объ этомъ имени?...

Святымъ мѣстомъ и по нынѣ называется въ народѣ мѣсто Крещатицкаго источника, противъ коего древняя Почайна вливалась въ Днѣпръ. Тамъ всего естественнѣе было св. Владиміру поставить церковь въ память крещенія 12 сыновей своихъ и народа Кіевскаго; потому почти несомнѣнно можно полагать, что Божница или церковь Турова, находилась возлѣ Крещатицкаго источника [1]).

Такимъ образомъ опредѣляется мѣсто и того народнаго вѣча, которое въ началѣ августа 1146 года происходило у Божницы Туровой, и на которомъ Кіевскій престолъ былъ отданъ князю Игорю, воспріявшему чрезъ годъ вѣнецъ священномученика.

Теперь на этомъ святомъ мѣстѣ возвышается давно красивый памятникъ св. Владиміру, построенный Кіевлянами въ 1802 году [2]), и въ каждую среду преполовенія совершается туда крестный ходъ изъ Софійскаго собора, и освящается вода Крещатицкаго источника, къ которому и во всякое время приходитъ народъ съ вѣрою въ его цѣлебное свойство.

Живописное удолье, въ глубинѣ коего, надъ Днѣпромъ, находится сіе достопамятное мѣсто, составляетъ нынѣ почти единственный уголокъ земли Старокіевской, сохраняющій на себѣ свой древній, природный видъ. Потому желательно, чтобы и на будущее время не трогала его преобразовательная рука человѣка; и если суждено ему когда нибудь измѣниться въ своемъ видѣ, то пусть измѣняетъ его сама природа; а она себя не испортитъ.

3. О мѣстѣ Витичева холма.

При въѣздѣ въ Кіевъ Днѣпровскою заставою, на лѣвой сторонѣ отъ нея возвышается живописный холмъ, у подошвы коего протекаетъ Неводницкій потокъ. Нѣкоторые этотъ

---

[1]) Въ томъ мѣстѣ и означена предположительно Туровская церковь на чертежѣ древняго Кіева, приложенномъ къ первой книгѣ Кіевлянина.

[2]) Отъ нѣкоторыхъ старожиловъ Кіевскихъ мы слышали, что при построеніи сего памятника, найденъ былъ въ землѣ обломокъ серебрянной руки по локоть съ сжатыми и что то державшими перстами, и что эта рука взята была въ магистратъ, гдѣ и оставалась... вѣроятно до пожара.

холмъ называютъ теперь *Витичевымъ*. Но это древнее имя придано ему не далѣе какъ за 20 лѣтъ; и онъ обязанъ за то Кіевскому топографу Берлинскому [1]). Въ самомъ же дѣлѣ Витичевъ холмъ, о которомъ говорится въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ, на которомъ былъ въ 10-мъ вѣкѣ городокъ *Витичевъ*, а въ концѣ 11-го построенъ былъ городокъ *Святополчь* — находится, хотя на правомъ берегу Днѣпра, но гораздо ниже Кіева, за Трипольемъ. Объ немъ мы будемъ со временемъ говорить особо.

Что же касается до мнимаго Витичева холма подъ Кіевомъ, то его должно называть *Неводницкимъ холмомъ*, ибо весь этотъ участокъ земли назывался изстари *Неводичами*, отчего и долина, и озеро въ ней, и выходящій оттуда потокъ, и возлѣ него идущая дорога называются *Неводницкими*. На Неводницкомъ потокѣ смежались владѣнія Печерскаго и Выдубицкаго монастырей, и такое сосѣдство ихъ иногда подавало поводъ въ размолвкамъ. Но 1-го мая 1618 года въ Неводичахъ «сталасе певная угода и пріятельское померкованье» между Печерскимъ архимандритомъ Елисеемъ Плетенецкимъ и уніатскимъ Выдубицкимъ игуменомъ Антоніемъ Грековичемъ. Для совершенія этой *угоды*, въ назначенный часъ съѣхались туда прошенные отъ обѣихъ сторонъ *пріятели:* Михайло Мишка Холоневскій, подвоеводій Кіевскій, Теодоръ Елецъ, хоружій Кіевскій, и Θеодоръ Сущанскій Проскура, Кіевскій земскій писарь, прибылъ туда и самъ Антоній Грековичъ, а отъ Плетенецкаго присланъ былъ Печерскій экономъ, отецъ Θеодосій. По разсмотрѣніи дѣла, прошенные пріятели написали и подписали *листъ компромисъ* оной пріятельской уваги, въ удовлетвореніе Выдубицкаго игумена, позывавшаго въ судѣ на архимандрита Печерскаго; а причина этого позва состояла въ слѣдующемъ. Въ 1612 году, Грековичъ отъѣхалъ на Волынь и тамъ пробылъ довольно долго на *послугахъ* митрополита своего Ипатія Потѣя или Поцѣя. Въ его отсутствіе, 10-го августа, Печерскіе служители обтрусили груши, деренъ и другія овощи въ Неводницкихъ садахъ, которые они считали

---

[1]) См. его Кратное Опис. Кіева. Спб. 1820 стр. 183.

своими; а 12-го августа въ ночь — Марко Щпакъ, Мишка Терещенко, Гришка Возовый, Өедоръ Труханенко со многими другими Печерскими подданными, учинили *инвазію* и на самый Выдубицкій монастырь, отбили ворота, «сторожа Хидка окрутне кіями обили.. церковныя рѣчи розджаковали,» а потомъ еще и «овоцъ въ монастиру потрясщи, незвычайне побрали».

Въ концѣ листа компромиса написано: «дѣялосе на месцу рожницъ, тамъ, где делится долина Зверинская Неводичи, зъ озерка поточкомъ зъ ровчакомъ въ затонъ идучимъ, року Божого нарож. 1613 мѣсяца мая 1-го дня».

Затономъ встарину называлось довольно большое озеро, простиравшееся вдоль Днѣпра отъ устья Неводницкаго потока къ Выдубицкому монастырю, которому доставляло оно большое обиліе рыбы. Въ послѣдствіи, кажется, подъ исходъ 17-го вѣка, это озеро поглощено Днѣпромъ, почему и потокъ сталъ впадать непосредственно въ Днѣпръ; и въ томъ мѣстѣ, съ началомъ 18-го вѣка, учредилась *Неводницкая пристань*, и устроена (1702 г.) переправа черезъ Днѣпръ по мосту. Что касается до *озерка* въ Неводницкой долинѣ, изъ коего вытекаетъ потокъ, то оно прозвано потомъ было, неизвѣстно по какому случаю, *проклятымъ озеромъ*. Подъ этимъ именемъ упоминается оно въ первый разъ въ дѣлахъ 1694 года.

4. Копыревъ конецъ.

Упомянутый топографъ Кіева сдѣлалъ еще ошибку — въ опредѣленіи мѣста, называвшагося въ древности *Копыревымъ концемъ*. По его словамъ, Копыреву концу должно быть въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Цареконстантиновская улица [1]). Но въ лѣтописяхъ говорится опредѣлительно, гдѣ находился Копыревъ конецъ; напримѣръ: 1161 г. 6-го марта — «повелѣша нести тѣло его (Изяслава) въ монастырь къ св. Симеону, «иже есть въ Копыреви концы». А монастырь и церковь св. Симеона, какъ извѣстно, находились на горѣ Вздыхальницѣ; слѣдственно имя *Копырева конца* принадлежало той части города, гдѣ находится оконечность Старокіевской горы, надъ которою

---

[1]) Тамъ же, на стр. 187.

теперь высится Андреевская церковь, и около которой спускается издревле взвозъ на Подолъ, называемый нынѣ Андреевскимъ взвозомъ. Разумѣется, что къ Копыреву концу принадлежало и окружное подгорье. Такъ и означенъ, на нашемъ чертежѣ Стараго Кіева, этотъ конецъ Старокіевской горы, называвшійся въ 16-мъ и 17-мъ вѣкѣ *Уздыхальницею*.

При поворотѣ Андреевскаго взвоза на Подолъ, берутъ изъ горы Вздыхальницы песокъ отличной бѣлизны. Но за 200 лѣтъ не однимъ бѣлымъ пескомъ примѣчательно было для Кіева подгорье Вздыхальницкое. Тамъ была въ то время школа, заведенная отцами іезуитами. Мѣсто этой школы должно быть особенно памятно для Кіевскаго Богоявленскаго братства. Возникшая при этомъ братствѣ духовная школа была какъ бѣльмо на глазу для учителей Вздыхальницкихъ, и они всячески стремились сокрушить этотъ зародышъ понынѣ славной академіи Кіевской. Это стремленіе усилилось особенно съ 1632 года, когда Петръ Могила сталъ *старшимъ братомъ, опекуномъ, смотрителемъ и защитникомъ* сего училища, когда онъ въ 1633 году возвратился въ Кіевъ съ утвердительною грамотою новаго короля Владислава IV-го для сей школы, началъ именовать ее *коллегіею* и завелъ въ ней полный курсъ наукъ, по примѣру коллегій іезуитскихъ. Преподаваніе наукъ въ братской коллегіи было также на латинскомъ языкѣ, какъ и у іезуитовъ: и они, воспользовавшись симъ обстоятельствомъ, въ 1633 году распустили слухъ между Кіевскими жителями, что ихъ дѣтей въ Богоявленской школѣ обращаютъ въ латинство, что тамошніе учители уніаты, не православные. А обращеніемъ въ латинство и уніатствомъ такъ былъ напуганъ и раздраженъ южнорусскій народъ въ тѣ времена, что клевета, пущенная іезуитами, сильно взволновала жителей Кіевскихъ, и грозная туча не замедлила собраться надъ Богоявленскою школою. «Отсюда какіе перуны, какіе громы разразились надъ нами»! говоритъ Сильвестръ Коссовъ [1]), бывшій тогда

---

[1]) См. его сочиненіе: *Екзегезисъ*, т. е. изслѣдованіе дѣла объ училищахъ Кіевскихъ и Винницкихъ, въ коихъ учатъ монахи Греческаго исповѣданія. Эта книжечка, содержащая въ себѣ опроверженія клеветъ іезуитскихъ, написана на Польскомъ языкѣ и напечатана въ Кіевопечерской лаврѣ 1635 года.

учителемъ иностранныхъ языковъ въ Богоявленской школѣ, а въ послѣдствіи митрополитомъ Кіевскимъ. «Никакое перо подробно описать того не можетъ. То было такое время, что мы, приготовясь къ смерти исповѣдію, съ часу на часъ ожидали, какъ князья станутъ начинять нами Днѣпровскихъ осетровъ, или какъ одного огнемъ, а другаго мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ. Наконецъ Сердцевѣдецъ Богъ, видя невинность нашу и настоятельную потребность наукъ для Русскаго народа, разсѣялъ облака ложныхъ мнѣній, остановилъ испаренія, производившія сію грозу, такъ что всѣ увидѣли въ насъ истинныхъ сыновъ восточной церкви.... Послѣ сего, по особенному милосердію и благости Всевѣдущаго Господа, обыватели и другихъ городовъ спѣшили наполнять наши *Аполлоновы житницы* дѣтьми своими, какъ муравьями, притомъ въ большемъ числѣ, чѣмъ прежде, при нашихъ предшественникахъ, кои всѣ безпрерывно учили по латинѣ».

Не смотря и на то, іезуиты не переставали разсѣвать клевету на учителей Богоявленскаго братства; но Богданъ Хмельницкій успѣшнѣе всѣхъ искоренилъ эти клеветы: въ 1648 году онъ выгналъ навсегда іезуитовъ изъ Кіева и самое гнѣздо ихъ на Вздыхальницѣ разорилъ до основанія.

Въ то время опустѣла было и Богоявленская коллегія, ибо питомцы высшихъ классовъ ея, увлеченные потокомъ козацкаго ополченія, ушли на ратное дѣло. Однако *житницы Апполоновы* скоро опять наполнились ими, какъ муравьями, и латинь, за которую братская школа довольно потерпѣла отъ латинщиковъ, процвѣтала въ ней неувядаемо.

Латинскіе стихи Θеофана Прокоповича на мѣстоположеніе Кіева.

Вотъ образецъ академической игры въ латинскіе стихи. Эти варіацiи на тему: у Кіева съ востока Днѣпръ, а съ запада горы, написаны искусною рукою знаменитаго питомца Кіевской академіи: потому для читателей Кіевлянина конечно любопытно будетъ узнать объ нихъ [1]).

[1]) Вѣроятно, немногіе изъ нашихъ читателей знали о существованіи этихъ стиховъ въ Θеоφановой книгѣ: Miscellanea Sacra. Wratislaviae, 1744.

Descriptio.

Situs urbis Kiioviae, quod nempe haec ab Oriente fluvio Boristhene alluitur, ab Occidente vero montibus tumet; quod unoquoque disticho bis decies expressum est.

Amne Boristhenio sonat urbs qua Lucifer exit:
Montibus assurgit, qua trahit umbra Diem.
Occiduas urbis cinxere cacumina partes:
Oppositum Aurora perluit unda latus.
Montibus objecta est sero venit haesperia unde:
Perstrepit urbs fluvio Phosporus unde venit.
Unda pulsantur primum spectantia solem:
Haesperiam versus, maenia monte tenent.
Pars natat urbis aquas solem qua spectat Eoum:
Multus in occidua mons regione tumet
Qua primos solis radios videt imminet amni:
Qua videt extremos—urbs tenet alta juga.
Surgentem spectans solem urbs fremit amne propinquo:
Assurgit celsis quae cadit ille jugis.
Solis ab exortu ferit unda Boristhenis urbem:
Mons, sed ab occidua maenia parte tegit.
Prima natare Diem vicinis fluctibus urbem:
Ultima montosum tergus habere videt.
Unde Dies surgit, fluvius praeterfluit urbem:
Haesperia multus parte tuetur apex.
Undosa est facies urbis, quae spectat ad ortum:
Sed serum spectans est scopulosa Diem.
Larga fluenta tenet, roseum qua perspicit ortum
Urbs, sed ab occasu culmina montis habet.
Unde venit Tytan allabitur aedibus amnis:
Montis consurgunt culmina, quo ille cadit.
Ortum undosa Diem vidit urbs, sed monte superbit
Qua videt occidui solis abire jubar.
Solis ad occasum vertit terga ardua montis
Urbs: orientalem sed lavat amne plagam.
Maenia flumen adit, Tytan solet unde venire:
Mons obstat, madidis nox venit unde votis.

Tergus ad occasum, faciem urbs convertit ad ortum:
Hanc munit fluvius, plurimus illud apex.
Montibus occiduo munita urbs clymate multis:
Currit ab Eoa plurima parte Thetis.
Surgenti soli vicinum urbs objicit amnem:
Occidum superat monte frequente Diem.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПАРАГРАФЫ О КІЕВѢ [1]).

1.

Errare humanum est... какая грустная для человѣка правда! Но въ тоже время она и успокоительная, особенно для ученой братіи, непрестанно спотыкающейся на многотрудномъ пути къ вожделѣнной и обѣтованной *истинѣ*. И какъ нарочно-же бываетъ иногда, что у тебя на мысли такое-то имя или число, а рука пишетъ или языкъ молвитъ другое, и твоя недуманная описка или обмолвка идетъ въ дѣло.

Не разъ случалось это и на поприщѣ нашего Кіевознанія. Такъ, напримѣръ, въ 1830 году издано было въ Кіевѣ весьма дѣльное историческое изслѣдованіе о древней церкви святаго Иліи, сочиненное студентомъ академіи *Евфимомъ Остромысленскимъ* и удостоенное Румянцевской награды. Оно было читано и одобрено митрополитомъ Евгеніемъ; однако напечатано было съ такимъ заглавіемъ на выходномъ листѣ: «Изслѣдованіе о древнѣйшей Кіевской церкви св. Иліи, упоминаемой въ договорѣ великаго князя Кіевскаго *Игоря Святославича* съ Греками 945 года»... Тоже самое напечатано и въ заглавіи перваго листка. И никто на ту пору не примѣтилъ, что здѣсь, вмѣсто *Игоря Рюриковича*, невзначай поставлено другое имя, назвучанное пѣснію о полку Игоревѣ, *Игоря Святославича...*

Подобная описка случилась и со мною въ 1850 году, когда я, зимуючи въ Москвѣ, издавалъ тамъ третью книгу моего

---

[1]) Кіевскія Епархіальныя вѣдомости 1869 года, № 2, стр. 61, № 3, стр. 99 и № 4, стр. 133.

Кіевлянина. Въ той книгѣ помѣщена 5 глава моей «книжной старины южнорусской,» гдѣ сначала говорится о первыхъ изданіяхъ *Кіевопечерскихъ*, и на страницѣ 123 поставлено такое заглавіе:

«20. *Отъ отечника Печерскаго*. 1627, въ 4».

Покойный Тихонъ Ѳедоровичъ Большаковъ тогда же замѣтилъ мнѣ эту нечаянную ошибку, и она меня смущала. Ну, думаю, если кто нибудь со временемъ повторитъ ее... Такъ и случилось! Закревскій, въ своемъ обширномъ описаніи Кіева, предлагая «реестръ *важнѣйшимъ* книгамъ, вышедшимъ изъ лаврской типографіи», поставилъ на страницѣ 699:

«Отъ отечника Печерскаго, 1627 г. въ 4», да еще и сослался при этомъ на ту страницу своей книги, гдѣ помѣщена выписка изъ статьи г. Стасова, упоминающая о печатныхъ изданіяхъ *патерика Печерскаго!* Мнѣ досадна теперь та моя обмолвка именно потому, что ее повторилъ г. Закревскій, находящійся при библіотекѣ Московскаго музея и нарочно отправлявшійся въ Петербургъ «для занятій въ публичной библіотекѣ» (стр. 928). Вѣдь онъ могъ тамъ своими глазами видѣть оба экземпляра этой весьма рѣдкой Кіевской книги, принадлежавшей прежде Кастерину и Коротаеву, и прочесть ея заглавіе: «*Отъ отечника Скитскаго*». Считаю справедливымъ дѣломъ просить всѣхъ, у кого есть книга Закревскаго и мой Кіевлянинъ 1850 года, сдѣлать поправку на вышеозначенныхъ страницахъ, поставить: *Скитскаго*, вмѣсто *Печерскаго!*

Кстати вспомянуть о тогдашнемъ Кіевскомъ типографѣ «мужѣ трезвенномъ и цѣломудренномъ», какъ онъ названъ въ предисловіи къ Бесѣдамъ Златоустаго, изданнымъ въ Печерской лаврѣ 1623 года. То былъ *Тимофей* Александровичъ Вер.—такъ онъ означалъ на книгахъ недописанною свою фамилію, почему книговѣдцы и называли его обыкновенно *Веромъ*. Но лѣтъ за пять отыскалась въ Кіевѣ полная его фамилія — въ завѣщаніи митрополита Іова Борецкаго, въ дому котораго, бывшемъ на Подолѣ, близь Воскресенской церкви, работалъ этотъ книгопечатникъ въ 1625 и 1626 году, обзаводясь собственною типографіей. Завѣщаніе Іова напечатано

1863 года, въ 21 нумерѣ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, и тамъ прочли мы: «на пану *Тимофею Александровичу Вербицкому*, типографѣ Кіевскомъ, золотыхъ четыреста». Какъ обрадовался бы этому *Вербицкому* покойный Большаковъ! А въ книгѣ Закревскаго онъ именуется—*Тимофеемъ Александровичемъ* (стр. 71, 72), съ удареніемъ надъ буквою *о*. Зачѣмъ же обращать его имя по—отчеству въ фамильное, когда уже извѣстна полная его фамилія?

Приведу здѣсь еще одну мою обмолвку изъ первой книги Кіевлянина, 1840 года. Тамъ, въ «Обозрѣніи Стараго Кіева» сказалъ я: «Невидно теперь уже слѣда и древней церкви св. Симеона, еще въ началѣ прошедшаго столѣтія стоявшей развалиною надъ Подоломъ, на горѣ Вздыхальницѣ» (стр. 48). Закревскій на это справедливо замѣтилъ, что Аѳанасій Кальнофойскій тѣ развалины видѣлъ «въ 1638 году, т. е. въ семнадцатомъ столѣтіи, а мы живемъ въ девятнадцатомъ, слѣдовательно сдѣсь слова: *прошедшаго вѣка* составляютъ маленькую ошибку» (стр. 402). Дѣйствительно, что ошибка— и не маленькая, ибо здѣсь обмолвка цѣлымъ столѣтіемъ!

За это вѣрное указаніе, я считаю себя обязаннымъ указать на такой же недосмотръ въ книгѣ Закревскаго. У него, въ заглавіи третьяго плана, награвировано: «планъ Кіева отъ 1400 до 1600 года». Въ книгѣ, на страницѣ 923, напечатано «Изъясненіе третьяго плана 1600 года». Но по содержанію того плана видно, что 1600 годъ ошибочно поставленъ вмѣсто 1700; тамъ означено не мало подробностей, принадлежащихъ семнадцатому вѣку — отъ старокіевскихъ укрѣпленій князя Черкасскаго, до Братскаго монастыря.

2.

О пожарѣ Трехсвятительской церкви въ 17-мъ вѣкѣ.

Въ моемъ «Обозрѣніи Стараго Кіева» (1840 г.) такъ было сказано о древней церкви св. Василія: «Первое возстановленіе Васильевской церкви относится къ незабвенному для Кіева митрополитству Петра Могилы.... Но около 1660 года она сгорѣла и опять было запустѣла. Нынѣшняя каменная

церковь, также на древнемъ остаткѣ, построена уже при Варлаамѣ Ясинскомъ 1695 года и освящена во имя Трехъ—Святителей». (стр. 16).

Закревскій, въ своемъ нынѣшнемъ «Описаніи Кіева» (1868 г.), написалъ, что сія церковь «истреблена пожаромъ 17 *августа* 1651 года, во время занятія польскими войсками города, и прибавилъ такое примѣчаніе: М. А. Максимовичъ, описывая эту церковь, *ошибочно* показалъ: 1) что она сгорѣла около 1660 г., но *по украинскимъ лѣтописямъ* она сгорѣла 17 августа 1651 г. 2) что эта церковь возобновлена въ 1695 г., но возобновленіе было произведено въ 1693 г.» (стр. 210).

Но вѣдь не одинъ же я первый показалъ этотъ пожаръ 1660 года. Еще митрополитъ Евгеній, въ описаніи Кіевософійскаго собора, на стр. 102, сказалъ слѣдующее: «Васильевская церковь митрополитомъ Петромъ Могилою приписана была къ Братскому монастырю, отъ котораго тамъ опредѣленъ былъ строитель съ братіею для служенія. Но по сгорѣніи *около* 1660 *года* опять запустѣла и приписана была къ Золотоверхомихайловскому монастырю». Показаніе о пожарѣ того же года было повторяемо и послѣ меня въ Фундуклеевскомъ обозрѣніи Кіева (1847 г.); да и въ прежнемъ описаніи Кіева самаго Закревскаго (1858 г.) также было показано истребленіе той церкви пожаромъ «около 1660 года». (См. тамъ стр. 78). Почему бы Закревскому не указать о себѣ, что и я молъ прежде показывалъ тоже?... Но онъ, гоняясь такъ часто за чужими ошибками, дѣйствительными и мнимыми, умалчиваетъ о своихъ. Такъ на стр. 736, говоря о Спасской-Берестовской церкви, онъ приводитъ слова Берлинскаго: Государь Петръ I-й включилъ ее, съ намѣреніемъ сохранить древній памятникъ, въ крѣпостное огражденіе, и тамъ же съ глумленіемъ выписываетъ онъ слова другихъ Кіевописателей, для показанія, какъ они повторяли туже мысль «варируя слогомъ». Но чѣмъ указывать на другихъ, не лучше ли ему къ себѣ бы обратиться? Вѣдь у него, въ прежнемъ изданіи, на страницѣ 205, также сказано «Петръ I-й, желая сохранить сію церковь, какъ древній памятникъ, включилъ ее въ крѣпостное огражденіе»!

Въ предисловіи ко второму изданію своей книги, Закревскій изложилъ нѣкоторыя руководительныя мѣры или правила, и во первыхъ: «Не выдавать вымысловъ за событія и не подкрѣплять ихъ фальшивыми цитатами изъ другихъ авторовъ, какъ это встрѣчается иногда. Для знатока легко открыть подлогъ». (Стр. IV).

Опровергая показаніе о пожарѣ Васильевской церкви около 1660 г., взятое мною изъ книги Евгенія, Закревскій сказалъ: «Но, *по украинскимъ лѣтописямъ*, она сгорѣла 17-го августа 1651 года». По какимъ же это украинскимъ лѣтописямъ?... Развѣ только по «лѣтописи Кіева», сочиненной самимъ Закревскимъ, а въ старинныхъ украинскихъ лѣтописяхъ о томъ не упоминается; изъ нихъ видно, что пожаръ былъ тогда не на старомъ или верхнемъ городѣ, а на *Подолѣ*, и погорѣли церкви Кіевоподольскія. Я очень люблю точное и вѣрное означеніе *годовъ*, но поправляю и отмѣняю прежде принятые годы не иначе, какъ на основаніи достовѣрномъ. Въ настоящемъ же случаѣ, я остаюсь по прежнему при Евгеніевомъ показаніи 1660 года, зная, что онъ свои свѣдѣнія о Трехсвятительской церкви заимствовалъ изъ *старинныхъ городовыхъ книгъ* и разныхъ грамотъ; видя въ тоже время, что показаніе Закревскаго о 1651 годѣ ошибочно и напрасно.

Въ своей «лѣтописи Кіева», начинаетъ онъ сказаніе такими словами: «въ это время при приближеніи князя Януша Радзивила, гетмана литовскаго, предводительствовавшаго поляками, митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, архимандритъ Печерскій Іосифъ Тризна, Адамъ Кисель, воевода Кіевскій, члены магистрата съ гарнизономъ оставили Кіевъ». (Стр. 56).

Ну, какъ же можно взводить такую напраслину на преемниковъ Петра Могилы, чтобы они, при наступленіи Радзивила, оставили на произволъ литовскаго войска и святую Софію, и древнія святыни Печерской лавры! Этого не могло быть и не было. Объ этомъ вотъ что говоритъ украинская *лѣтопись самовидца:* «Князь Радзивилъ... Потягнулъ на Кіевъ, и тамъ, притягнувши на Подолное мѣсто (въ печатномъ изданіи: на *долное* мѣсто) немалъ пустое засталъ, бо съ козаками и мѣщане Кіевскіе уступили суднами у низъ Днѣпра къ Перея-

славлю, Черкасамъ и къ инымъ мѣстамъ коло Днѣпра, гдѣ могли пройти байдаками и иными суднами. А митрополита Кіевскій Сильвестръ Коссовъ не уступовалъ съ катедры, але зоставалъ при церкви святой Софіи; также и архимандритъ Печерскій Іосифъ Тризна съ братіею зоставали у монастыру Печерскомъ, любо великую шкоду и небезпечность здоровя мѣли. И поплюндровавши въ Кіевѣ, войско литовское потягнуло подъ Бѣлую—церковь». Больше ничего о томъ не сказано въ лѣтописи козака старо—украинскаго. Здѣсь, кстати, можно прочесть отрывокъ изъ записки Московскаго подъячаго, Григорія Богданова, посыланнаго къ гетману Богдану Хмельницкому и бывшаго у него въ Корсунѣ, *въ половинѣ іюля*, вмѣстѣ съ возвращавшимся изъ Москвы Назаретскимъ митрополитомъ Гавріиломъ.

«И гетманъ тотчасъ до Кіевскаго полковника *(Антона Ждановича)* послалъ листъ, что онъ Кіевъ покинулъ безъ его гетманскаго розсказанія, и за то онъ будетъ каранъ войсковымъ караньемъ, потому, что онъ то учинилъ не добро: самой стольной городъ, и церкви Божіи и святые мощи, откудова православная христіанская вѣра зачалась и возсіяла яко солнце, выдалъ въ ляцкіе еретическіе руки на поруганье; й онъ бы полковникъ тотчасъ шолъ на заставу въ прежніе мѣста, и до Кіева польскихъ воинскихъ людей не допускалъ; а онъ гетманъ двухъ полковниковъ къ нему пошлетъ тотчасъ. И тогожъ числа гетманъ велѣлъ въ Кіевъ для обереганья итти двумъ полкамъ Уманскому да Бѣлоцерковскому. Да гетманъ же писалъ до митрополита, чтобъ онъ въ Кіевѣ жилъ безо всякаго страхованья и молилъ Бога, чтобъ православная христіанская вѣра отъ еретическихъ рукъ была свободная; а до полковниковъ бы его и до козаковъ о такомъ дѣлѣ, чтобъ за Кіевъ козаки не стояли, впредь не писалъ; а хотя де Господь Богъ милость свою, за ихъ многое согрѣшенье, отъ нихъ православныхъ христіанъ отрынетъ и выдасть ихъ въ еретическіе руки, и ему митрополиту смерти боятися не годится; хотя за православную христіанскую вѣру и пострараждетъ, и онъ отъ Господа Бога вѣнецъ воспріиметъ.

А какъ Назаретцкой митрополитъ и подьячей, ѣдучи до гетмана, были въ Кіевѣ, и въ тѣ поры польскіе люди пошли было до Кіева, и Кіевскій полковникъ Антонъ съ козаками, не допуская польскихъ людей до Кіева, встрѣтилъ за пятнадцать верстъ, и польскіе люди съ козаками учинили бой, и бились во весь день, и козаки польскихъ людей побили, и до Кіева ихъ не допустили. А какъ у козаковъ съ поляками былъ бой, и Кіевскіе мѣщане животы свои изъ Кіева вывозили, и въ тѣ поры съ великаго страхованья другъ друга топтали и межъ ими въ Кіевѣ по улицамъ и на перевозѣхъ тѣснота была большая. А митрополитъ и подъячей, въ тѣ поры отъ польскихъ людей, будучи въ Кіевѣ, были въ великомъ страхованьѣ. А въ Кіевѣ города и крѣпостей никакихъ нѣтъ, и въ осадѣ сидѣть отъ воинскихъ людей негди». (См. *Акты Юж.* и *Зап. Россіи* Т. III, 1861 г. стр. 473). Но возвратимся къ украинскимъ лѣтописямъ. Какъ ничего не сказано о сгорѣвшихъ тогда Кіевскихъ церквяхъ, въ лѣтописи Самовидца, такъ ничего о томъ не вспомянуто и въ лѣтописи Черниговской. «Подобно тому и въ старшей изъ лѣтописей прошлаго столѣтія, написанной *Григорьемъ Грабянкою*, замѣчено только, что «Радзивилъ—завиталъ въ Кіевъ, где огнемъ спалилъ пустое Подолное мѣсто».

Позднѣйшія лѣтописанья *Симоновскаго* и Ригельмана ничего особеннаго къ этому не добавляютъ. Но самое важное свидѣтельство для насъ, въ настоящемъ случаѣ, представляетъ *лѣтопись Іоакима Ерлича*, православно-русскаго шляхтича, ближайшаго очевидца того временныхъ событій въ Кіевѣ. Изъ той украинской лѣтописи (совсѣмъ упущенной изъ виду Закревскимъ) видно, что за день до прибытія въ Кіевъ Радзивила, т. е. 2-го августа, была схватка у козаковъ съ Гонсевскимъ на болоньи, при чемъ выжжено тамъ 50 хатъ. Радзивилъ съ своимъ войскомъ пришелъ къ Кіеву 4-го августа; и на другой день велѣлъ расположиться войсковому обозу около Софійскаго монастыря въ стародавнихъ валахъ; а самъ остановился въ томъ же монастырѣ, въ покояхъ митрополичьихъ. На слѣдующій день былъ онъ въ Печерскомъ монастырѣ и снабдилъ крѣпкою сторожею монастырь и мѣстечко Печерске.

А 17-го *августа* своевольники, для грабежа, зажгли Кіевъ (т. е. Подолъ), гдѣ сгорѣло тогда болѣе *двухъ сотъ* домовъ (въ печатномъ изданіи поставлено wiecéj jak 2,000!) и нѣсколько церквей, а именно:

1) церковь святой *Пречистой* на рынкѣ, въ которой спрятаны были городскія и земскія книги, и всѣ пропали;

2) дѣвичій монастырь *Флоровскій*;

3) церковь *Добраго Николы*, и

4) кляшторъ *Бернардинскій*.

Видите, и по этому *современному* свидѣтельству украинской лѣтописи, погорѣли въ тотъ день церкви на Подолѣ, а не на старомъ городѣ, который занятъ былъ тогда войсковымъ обозомъ литовскимъ. Но вотъ въ дополненіе, и оттуда два письма о тогдашнемъ пожарѣ. (Напечатаны въ *старожитностяхъ*, изданныхъ въ Варшавѣ Амвросіемъ Грабовскимъ, 1840 года). Отъ 10-го *августа:* «Показался огонь надъ Днѣпромъ и сровнялъ съ землею до 60 домовъ; однако костелъ св. Яцка отстояла пѣхота». Вотъ 17-го *августа:* «Опять показался огонь страшный и невиданный. Сперва сгорѣлъ костелъ о. Бернардиновъ, съ кляшторомъ и школами; затѣмъ церковь армянская и двѣ каменныя стародавнія церкви дизунитовъ, одна пресвятой Троицы, другая еще Кіевскимъ княземъ Владиміромъ заложенная. (Однихъ шляхетскихъ домовъ сгорѣло до трехъ сотъ!) Къ вечеру поднялся такой ужасный вихорь, что намъ, *глядѣвшимъ съ горы*, представлялся адъ или Содомъ и Гоморъ»... (стр. 339).

Зачѣмъ же было Закревскому, въ своей лѣтописи Кіева, распространять тотъ пожаръ еще и на *старый городъ*, на древнюю Трехсвятительскую церковь, основанную св. княземъ Владиміромъ? Зачѣмъ было ему въ возраженіе ссылаться такъ напрасно и невѣрно на *украинскія лѣтописи*?...

Могла и въ тотъ день, 17-го августа, сгорѣть Васильевская церковь, но только не Старокіевская, а та *козацкая* церковь св. Василія, которая поставлена была гетманомъ Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ, около 1620 г. Она находилась возлѣ самаго Флоровскаго монастыря и, по всей вѣроятности, сгорѣла вмѣстѣ съ нимъ въ тотъ пожаръ Кіевоподольскій.

Изъ вышеприведеннаго письма литвина католика, для Кіевскаго бытописанья прибавляется еще та подробность, что въ пожаръ 17-го августа 1651 года сгорѣла *Армянская церковь*, находившаяся возлѣ Добраго Николая, гдѣ нынѣ церковь Покровская. Но тутъ представляется еще вопросъ любопытства: о какой православной церкви думали тогда, что она заложена княземъ Владиміромъ? Должно быть о древней церкви *Пречистненской*, называвшейся въ просторѣчьи *Матерь Божія.* Такъ и Коховскій, говоря о сгорѣвшихъ тогда церковныхъ зданіяхъ, называетъ только одно изъ нихъ «vetustissimum Deiparae ascetarium» (стр. 282). Что же касается до другой каменной церкви, названной въ томъ письмѣ *Троицкою*, то едвали тутъ не была въ виду сгорѣвшая тогда стародавняя церковь *Флоровская.*

Мнѣ остается упомянуть еще о той *явкѣ*, которую подали въ гродской судъ Кіевскіе мѣщане, по возвращеніи своемъ въ городъ и съ которой дана имъ выпись 2-го ноября 1651 года. Въ ней упоминается только одна изъ сгорѣвшихъ въ то время церквей «соборная каменная Пресвятыя Богородицы» и подробно говорится о сгорѣвшихъ въ ней книгахъ и грамотахъ, что согласно съ показаніемъ лѣтописи Ерлича. Тамъ же сказано, что въ приходѣ Радзивила съ литовскими ратными людьми «выгорѣлъ весь городъ съ немногими останки». Безъ всякаго сомнѣнія и здѣсь подъ именемъ *города* надо разумѣть *Подолъ*, который въ томъ вѣкѣ и былъ собственно «городомъ Кіевомъ».... Потому то и писали тогда нерѣдко: *Кіевъ*, вмѣсто *Подолъ*, какъ это мы видѣли выше въ лѣтописи Ерлича. Такъ и на листѣ митрополита Исаіи Копинскаго Луцкому Братству, писанномъ 1-го марта 1632 г., сказано: «дань съ монастыря святаго Архистратига Михаила церкве золотоверхое *надъ Кіевомъ*». Такъ и въ Тератургимѣ Аѳанасія Кальнофойскаго 1628 г. сказано: «церковь св. Симеона *надъ самимъ Кіевомъ*». (Она находилась на горѣ Вздыхальницѣ или Андреевской, какъ это подтверждается и другимъ свидѣтелемъ 17-го вѣка, составителемъ *Пчелы;* но Закревскій въ своемъ прежнемъ описаніи Кіева помѣщалъ Симеоновскую церковь *на самомъ Подолѣ*, за Канавою, подъ Щека-

вицею; а теперь онъ перенесъ ее ужъ подъ гору Кисилевку, въ Кожемяки, на мѣстѣ нынѣшней Воздвиженской церкви).

3.

О двукратномъ возобновленіи Трехсвятительской церкви въ 17-мъ вѣкѣ.

Первое возобновленіе было въ митрополитство Петра Могилы. Въ книгѣ Закревскаго сказано такъ: «еще въ 1646 году Бопланъ видѣлъ ея остатки: уцѣлѣли только двѣ полуразрушенныя стѣны вышиною отъ 5 до 6 футовъ, покрытыя греческими надписями. Болѣе четырехъ-сотъ лѣтъ церковь эта лежала въ развалинахъ; потомъ была исправлена (вѣроятно Петромъ Могилою 1632—1647 г.) и приписана къ Братскому монастырю».... (Стр. 209).

Я нахожу, что это сказаніе неисправно и не достаточно. Зачѣмъ здѣсь словцо: *вѣроятно?* Если Бопланъ видѣлъ эту церковь 1646 г. еще *въ развалинахъ*, то невѣроятно, что-бы она была *исправлена* Петромъ Могилою, котораго жизнь окончилась съ послѣднимъ днемъ того 1646 года. Если же она была исправлена въ его митрополитство, какъ это *достовѣрно*, то невѣроятно, чтобы Бопланъ видѣлъ ее 1646 года въ развалинахъ. Означенные у Закревскаго годы 1632 — 1647 ничего тутъ не объясняютъ; да они и поставлены не совсѣмъ вѣрно: ибо митрополитство Петра Могилы началось въ 1633 году, а окончилось вмѣстѣ съ 1646. Онъ скончался *въ 4 часу ночи* противъ новаго года, съ четверга на пятницу, какъ это сказано въ лѣтописи Ерлича, близкаго тому свидѣтеля. Но о началѣ Могилиного митрополитства сказано въ той лѣтописи не совсѣмъ *обстоятельно*, особенно же о посвященіи его во Львовѣ. Слѣдуя показанію Ерлича, Евгеній (въ описаніи Кіевософійскаго собора на 170 страницѣ) сказалъ, что Могила «вызвалъ въ Львовъ Волошскаго митрополита съ епископами и тамъ того же (1632) года, принялъ отъ нихъ посвященіе» и прибавилъ, что оттуда онъ возвратился опять въ Краковъ на коронацію короля Владислава IV-го, бывшую 6-го февраля 1633 года». Для болѣе вѣрной опредѣленности, я скажу, что

на избирательномъ сеймѣ, бывшемъ въ *ноябрѣ* 1632, выбраны были два кандидата на митрополію Кіевскую: архимандритъ Печерскій *Петръ Могила* и подстароста Винницкій *Михаилъ Ласко.* (Актъ избранія помѣщенъ мною въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1867 г. № 8). Новый король утвердилъ перваго кандидата Петра Могилу; но его посвященіе во Львовѣ было уже послѣ коронаціи, *въ апрѣлѣ* 1633 года, и было оно совершено соборомъ *четырехъ* епископовъ православной митрополіи Кіевской, а именно: *Исаакія Борисковича*, епископа Луцкаго и Острожскаго, *Авраамія*, Пинскаго и Туровскаго, *Паисія* Ипполитовича, Холмскаго и Бельзскаго, и *Іереміи Тисаровскаго*, епископа Львовскаго, Галицкаго и Каменецъ—Подольскаго. Я заимствую это свѣдѣніе изъ современной *лѣтописи Львовской*, ближайшее свидѣтельство которой въ этомъ случаѣ важнѣе показанія Ерлича. Да и митрополитъ Евгеній, если бы зналъ лѣтопись Львовскую, онъ предпочелъ бы ея свидѣтельство. Вотъ подлинныя ея слова: «того жъ року (1633) Петръ Могила воеводичь Молдавскій, архимандритъ Кіевскій Печерскій, въ Львовѣ посвящался у святой Пречистой на митрополитство. А было при посвященю владикъ четыре: 1) *Аврамій* владика Смоленскій 2) *Еремѣя* владика Львовскій, 3) *Исаакій*, 4) *Паисій* Мѣлецкій [1]); архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ барзо много; также и шляхты Русской и Полской, и людей барзо много. А першое посвященіе было въ середу святочную (бо святого Юра было), другое въ суботу, а третее въ недѣлю проводную; и апарата взялъ на себе, который самъ патріархъ святѣйшій посвящовалъ».

Въ Кіевъ возвратился *митрополитъ* Петръ Могила къ іюлю того года.

Возвращая въ свое вѣдомство отъ уніатовъ православные монастыри и церкви, онъ отобралъ въ томъ числѣ бывшую въ ихъ рукахъ и уже запустѣлую церковь Трехсвятительскую, съ принадлежавшими къ ней угодьями, и отдалъ ее въ распоряженіе Братскаго монастыря, за которыми и была она

[1]) Прежній игуменъ Мѣлецкій, *Паисій*, къ своему епископскому титулу прибавлялъ: «и строитель монастыря Мѣлецкаго.

утверждена грамотою Владислава IV-го, данною 12-го мая 1638 года. Тогда приступлено было къ ея исправленію, и оно производилось въ 1639 году. Въ моихъ «запискахъ о первыхъ временахъ Кіевскаго Богоявленскаго Братства», напечатанныхъ 1865 въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, сказано уже, что «возстановленіемъ Трехсвятительской церкви, по порученію Петра Могилы, занимался игуменъ Братскаго монастыря *Леонтій Андреевичъ Бранкевичъ*». Такъ какъ это свѣдѣніе еще ново для Кіевоописателей и упущено изъ виду Закревскимъ, то я пополню его теперь изъ современныхъ свидѣтельствъ, напечатанныхъ 1861 года, въ 3 томѣ «актовъ южной и западной Россіи».

Въ началѣ 1640 года Петръ Могила нарядилъ посольство въ Москву, къ царю Михаилу Өеодоровичу для испрошенія милостыни на устроеніе разоренныхъ церквей Кіевскихъ. Въ числѣ посланныхъ, были: *Игнатій Оксеновичъ Старушичъ*, намѣстникъ митрополіи Кіевской и архимандріи Печерской, *Сильвестръ Ясинскій*, игуменъ Выдубицкій, и Леонтій Бронкевичъ, игуменъ Кіевобратскій. Они выѣхали изъ Кіева 9-го февраля, въ Москву прибыли 5-го марта, а 9-го апрѣля приняты были у государя; и дано имъ государево жалованье игуменамъ по камкѣ адамашкѣ, по 40 соболей и денегъ по 15 рублей. Леонтій, въ своей челобитной (см. въ *актахъ* № 40), объяснялъ, что церковь трехъ Святителей, воздвигнутая св. княземъ Владиміромъ во имя ангела своего св. Василія великаго, стояла долго пуста и разорена, а теперь митрополитъ Петръ Могила выдвигнулъ ту первоначальную церковь отъ отступниковъ православной вѣры, и отдалъ ее подѣлывать и строить ему Леонтію и всему Братскому монастырю; и что онъ началъ ее подѣлывать, но устроить ее всѣмъ: сосудами, ризами и книгами, стало ему не подъ силу; а потому проситъ онъ у государя милостиннаго жалованья. И по указу царскому выдано было Леонтію: пять печатанныхъ книгъ *Миней:* апрѣль, май, іюнь, іюль, и августъ, и соболями сто рублей.

Здѣсь, къ названію церкви *первоначальною*, можно вспомянуть слова изъ Тератургимы: «церковь св. Василія, *первѣе*

всѣхъ созданная великимъ Владиміромъ». Таково было тогдашнее понятіе о ней у Кіевлянъ.

По возвращеніи посольства изъ Москвы, игуменомъ Братскаго монастыря сталъ вышепомянутый *Игнатій* Старушичь; и дана ему была новая королевская грамота, отъ 7-го іюня 1640 года, на Трехсвятительскую церковь и на бывшую близь нея Воздвиженскую, съ принадлежавшими къ нимъ издавна угодьями. Игнатій не замедлилъ, конечно, довершить обновленіе Трехсвятительской церкви, начатое Леонтіемъ 1639 года.

Какъ же могъ Бопланъ видѣть въ 1646 году ея развалины?... По моему примѣчанію, она и не была разрушенною, не «лежала въ развалинахъ» а только бывала по временамъ въ запустѣніи, какъ и нѣкоторыя другія стародавнія церкви Кіевскія. Что же касается до Боплана, то онъ видѣлъ и описалъ не ея развалины, а только придалъ имъ ошибочно ея имя. Онъ говоритъ: «замѣчательны полуразрушенныя стѣны храма св. Василія, вышиною отъ 5 до 6 футовъ, покрытыя греческими надписями. Эти надписи вырѣзаны были болѣе чѣмъ за 1400 лѣтъ предъ симъ, на алебастрѣ, но время почти совершенно ихъ сгладило. Въ развалинахъ открываютъ гробницы многихъ Русскихъ князей». Развѣ можно относить это къ Трехсвятительской церкви, въ которой ни одной княжеской гробницы не видно изъ древнекіевскаго лѣтописанья, въ зданіи которой донынѣ видно древнее узкое окно въ олтарной стѣнѣ на сѣверъ?... Нѣтъ, это развалины Десятинной церкви, съ невысокими остатками ея разрушенныхъ стѣнъ, съ греческими литерами на ихъ обломкахъ, съ бывшими въ ней древнекняжескими гробницами, изъ которыхъ въ 1635 году открыта была *Петромъ Могилою* гробница св. князя Владиміра. А что польскій инжинеръ, хорошо опредѣлившій намъ вышину полуразрушенныхъ стѣнъ, ошибочно отнесъ ихъ къ церкви св. Василія, это вовсе неважно и нисколько неудивительно послѣ того, какъ онъ тѣ греческія надписи отнесъ болѣе чѣмъ за 1400 лѣтъ (вмѣсто 645), или въ другомъ мѣстѣ своей книги, говоритъ, что древній Кіевъ разрушенъ за *девять* вѣковъ (вмѣсто *четырехъ*) до того времени!

Посмотримъ теперь на второе возобновленіе Трехсвятительской церкви, бывшее въ митрополитство Варлама Ясинскаго.

Въ книгѣ Закревскаго сказано:

«Цари Іоанъ и Петръ Алексѣевичи и Московскій патріархъ Адріанъ, между прочими правами и привилегіями, отдали *грамотою отъ 28-го сентября 1691 года* Кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому и *запустѣвшую* древнюю церковь св. Василія, подъ вѣдомство Кіевской митрополіи» (стр. 210).

Здѣсь опять ссылка на грамоты такая же невѣрная и напрасная, какъ и та ссылка его на украинскія лѣтописи! Ни въ царской грамотѣ отъ 28-го сентября, ни въ патріаршей отъ 26-го, нѣтъ и помину о запустѣвшей церкви св. Василія или Трехсвятительской. Въ этомъ всякому можно удостовѣрится: тѣ грамоты напечатаны Евгеніемъ въ прибавленіяхъ къ описанію Кіевософійскаго собора, подъ нумерами: 26 и 27 [1]).

На той же 210 страницѣ, Закревскій назвалъ *ошибочнымъ* мое показаніе, что эта церковь возобновлена 1695 года, и говоритъ въ возраженіе мнѣ: «Но возобновленіе было *произведено* въ 1693 г. См. выше». А выше у него, на той же страницѣ, сказано: «въ 1693 г. *приступлено* къ возобновленію ея». Но приступить къ дѣлу и произвести его не одно и тоже; да и невѣроятно, чтобы въ одно лѣто была исправлена и возобновлена *обвалившаяся* каменная церковь, въ которой были уже «подѣланы хлѣбные амбары». Вѣроятнѣе предположить такъ, что въ 93 году приступлено къ ея возобновленію; 94 произведена постройка, а въ 95 въ храмовой день 30-го января, освящена церковь и тѣмъ довершено ея возобновленіе. Не вижу достаточнаго основанія отмѣнять здѣсь 1695 годъ, общепринятый издавна Евгеніемъ, Берлинскимъ и другими.

Тамъ же у Закревскаго сказано: «въ 1783 г., а по другимъ 1787 г., причисленъ къ ней бѣдный приходъ». Вотъ эти годы дѣйствительно ошибочны и требуютъ поправки. Изъ

---

[1]) «Вотъ каковы бываютъ ссылки» говоритъ Закревскій, разбирая одну ошибочную цитату въ паломникѣ покойнаго И. П. Максимовича (стр. 283).

старой метрической книги, хранящейся въ той церкви, я удостовѣрился, что Трехсвятительскій приходъ начался съ 1789 года; а въ прошедшемъ году былъ еще приходъ Покровскій [1]).

4.

О набережной землѣ Крещатицкой.

Въ *Кіевлянинѣ* 1841 года помѣщены были «топографическія замѣтки», въ которыхъ между прочимъ я попытался опредѣлить—мѣсто *Туровой божницы*, упоминаемой въ лѣтописаньи подъ 1146 годомъ. По тогдашнему соображенію моему опредѣлено было такъ: «*святымъ мѣстомъ* и понынѣ называется въ народѣ мѣсто *Крещатицкаго источника*, противъ коего древняя Почайна вливалась въ Днѣпръ. Тамъ всего естественнѣе было св. Владиміру поставить церковь, въ память крещенія 12 сыновей своихъ и народа Кіевскаго. Потому *почти несомнѣнно* можно полагать, что божница или церковь Турова находилась *возлѣ Крещатицкаго источника.* Такимъ образомъ опредѣляется мѣсто и того народнаго вѣча, которое въ началѣ августа 1146 года происходило *у Туровой Божницы*».

Закревскій, въ своемъ прежнемъ описаніи Кіева (1858 г.) возразилъ противъ этаго тѣмъ, что «здѣсь нѣтъ мѣста для народнаго вѣча» и сказалъ: «судя по смыслу лѣтописей, Турова божница была на Кіевоподолѣ, *близъ торговой площади*». (Стр. 229). Тамъ же на Подолѣ, но передвинувъ ближе къ Днѣпру, онъ поставилъ Турову божницу и въ новомъ Описаніи Кіева, въ § 128; но тутъ онъ написалъ уже большое противъ меня возраженіе; прежде всего настаиваетъ онъ особенно на томъ, что для вѣча потребна *площадь*, что вѣче собрано было у Туровой божницы, слѣдовательно *на площади*».

Конечно на площади, а не въ самомъ *оврагѣ* Крещатицкомъ, на который мѣтитъ онъ, намѣреваясь именно тѣмъ поразить мое мнѣніе. За тѣмъ у него слѣдуетъ такая выходка:

[1]) Церковь Покровская деревянная стояла на Михайловской площади. *Ред. Еп. Вѣд.*

Съ невозмутимымъ спокойствіемъ и съ удивительною устойчивостію, въ продолженіе 25 лѣтъ, многоуважаемый Михаилъ Александровичъ Максимовичъ *хочетъ увѣрить* всѣхъ вообще и каждаго въ особенности, что Турова божница стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ каменный памятникъ св. Владиміру»......

Это пишетъ обо мнѣ человѣкъ далекій отъ меня и вовсе незнакомый мнѣ лично! Все, что я печаталъ о Кіевѣ, разумѣется, издано было—для *всѣхъ вообще;* но г. Закревскій для меня есть одинъ изъ тѣхъ *въ особенности*, которыхъ я не думалъ и *не хочу* ни въ чемъ увѣрять. Послѣ 1841 года, сколько могу припомнить, я нигдѣ уже не выражалъ печатно своего мнѣнія о мѣстѣ Туровой божницы у Крещатицкаго источника. Но Закревскій говоритъ: «эту же самую мысль повторилъ авторъ и *въ апрѣлѣ 1866 года* (т. е. въ статьѣ «о мѣстѣ Андреевской церкви»); стало быть въ отношеніи этаго обстоятельства остался при прежнемъ мнѣніи (стр. 850). Охота же выдумывать небылицы! Въ той моей статьѣ нѣтъ и помину о божницѣ Туровой; да и не къ мѣсту было бы говорить о ней. Но вотъ онъ продолжаетъ свое возраженіе.

«Если бы здѣсь рѣчь шла объ одной только Туровой божницѣ, которая по всей вѣроятности была не болѣе нынѣшняго Крещатицкаго памятника, то въ такомъ случаѣ не стоило бы и возражать. Обстоятельство это было *возможно* и только. Но не въ томъ дѣло. Здѣсь существенный вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы указать на ту самую мѣстность Кіева, гдѣ собиралось вѣче, о которомъ говорится въ текстѣ лѣтописи. Если намъ удастся отыскать эту мѣстность, то мѣсто для Туровой божницы, второстепенный вопросъ, самъ собою опредѣлится» (стр. 847).

Ну, а если бы возлѣ Крещатицкаго источника нашлось ровное мѣсто для вѣча, не меньше того, какое на планахъ Закревскаго отведено для Ярославля двора, тогда и Туровой божницѣ *можно* остаться тутъ же, у источника Крещатицкаго?

Но Закревскій говоритъ: «не должно забывать, что Кіевляне подлѣ Туровой божницы въ 1146 году *составили вѣче*, стало быть, собралось туда не десятокъ человѣкъ, а по крайней

мѣрѣ *сотъ пять*, и притомъ сотни эти *пріѣхали верхомъ* на лошадяхъ. И такъ, при опредѣленіи мѣста, мы должны всѣ эти обстоятельства принимать въ разсчетъ»...

Зачѣмъ же назначать именно *не менѣе пяти-сотъ* всадниковъ? Въ лѣтописи этаго не сказано, «а лѣтописи сей дополнять не слѣдуетъ»!—говоритъ Закревскій строго въ возраженіе другимъ (стр. 343). Кто нибудь, пожалуй, скажетъ, что у Туровой божницы собралось *не менѣе тысячи;* а другой можетъ сказать, *не болѣе ста человѣкъ.* Въ лѣтописи говорится такъ:

«Игорь же ѣха Кіеву, и созва *Кіяне вси* на гору на Ярославль дворъ... И паки скопишася *вси Кіяне* у Туровы божницы, и послаша по Игоря.... *Кіяне же вси*, съсѣдше съ конь и начаша молвити».... Отсюда видно только то, что какъ на Ярославлѣ дворѣ, такъ и у Туровой божницы, были одинаково—*вси Кіяне*. Само собою разумѣется, что здѣсь говорится не о всѣхъ вообще Кіянахъ, которыхъ было многотысячное число, а собственно о тѣхъ выборныхъ и уполномоченныхъ Кіянахъ, которымъ предоставлялось право договора съ князьями, участіе въ вѣчѣ и т. п. Опредѣленнаго же на то числа Кіянъ изъ лѣтописи не видно. Каково бы ни было, впрочемъ, то число, но Закревскій нарядилъ уже къ Туровой божницѣ не менѣе пятисотъ всадниковъ и—говоритъ такими словами:

«Приступимъ къ дѣлу. Стоитъ только взглянуть на мѣстность: буераки и дебри, чтобы дать рѣшительный отвѣтъ. Ссылаемся на всѣхъ Кіевлянъ; пусть они скажутъ: есть ли какая либо физическая возможность въ наше время собрать порядочную конницу на этомъ мѣстѣ, то есть въ Крещатицкомъ оврагѣ? Именно въ наше время, когда столь многое уже разчищено и сглажено. Еще на нашемъ вѣку мѣстность эта была покрыта, по скату горъ, рытвинами и деревьями; еще мы помнимъ, какъ Александровскій или Крещатицкій спускъ имѣлъ бревенчатую мостовую, по временамъ непроходимую (Берлинск. с. 91). Изъ актовъ извѣстно, что, начиная отъ церкви Рождества Христова на Подолѣ, до бывшаго дворца въ государевомъ саду, до 1797 года, на этомъ пространствѣ не было ни одного зданія, и что мѣсто это имѣло видъ пус-

тыни. Въ дѣтствѣ нашемъ разсказывали намъ старожилы, которые слышали отъ очевидцевъ, что вся эта мѣстность была покрыта рытвинами, обвалами и лѣсомъ; что даже днемъ не всѣ отваживались ходить черезъ это мѣсто съ Подола въ Печерскую лавру, а совершали свои путешествія на Печерскъ чрезъ Старый Кіевъ. За полтораста лѣтъ тому назадъ все это мѣсто было покрыто дремучимъ лѣсомъ, о проѣзжей дорогѣ вздумалъ первый кн. Голицынъ въ 1715 году. Теперь спрашиваемъ, что же было за 720 лѣтъ тому назадъ? Гдѣ тутъ могло быть мѣсто для народнаго вѣча? Если же здѣсь не было вѣча, то не было и Туровой божницы. Кажется ясно»! (Стр. 847).

Что же это, въ самомъ дѣлѣ, какъ не дѣтскія сказки?

«Тамъ лѣсъ и даль видѣній полны»!..

Изъ какихъ *актовъ* видно, что памятный для Кіева генералъ губернаторъ князь Голицинъ *первый* вздумалъ сдѣлать проѣзжую дорогу съ Печерска на Подолъ, въ 1715 году? Это видно только изъ книги Берлинскаго (стр. 49); а Закревскій придумалъ еще отъ себя, будто и Андреевскій взвозъ сдѣланъ первоначально тѣмъ же княземъ, около того же 1715 года; а до той поры будто бы двѣ горы, Вздыхальная и Киселевка, составляли одну сплошную гору и дорога на Подолъ была черезъ Кожемяки... Но изъ актовъ видно ясно, что *Крещатицкій* узвозъ отъ Печерской горы на Подолъ, къ воротамъ *Крещатицкимъ Рождественскимъ*, былъ и въ 17-мъ и въ 16-мъ вѣкахъ, также какъ былъ тогда и Андреевскій взвозъ на Подолъ отъ воротъ *Кіевскихъ*. Закревскій говоритъ: «*изъ актовъ извѣстно*, что, начиная отъ церкви Рождества Христова на Подолѣ, до бывшаго дворца въ государевомъ саду, до 1797 года на этомъ пространствѣ не было ни одпаго зданія и что мѣсто это имѣло видъ пустыни».

До 1797.... *Ни одного зданія*... Этакая способность видѣть въ актахъ и лѣтописяхъ то, чего нѣтъ въ нихъ, и не видѣть того, что въ нихъ есть!.... *Приступая къ дѣлу*, Закревскій позабылъ и на этотъ разъ про свое *первое* правило: «не выдавать вымысловъ за событія и не подкрѣплять ихъ фальшивыми цитатами». (Стр. IV).

Посмотрите на *планъ* Кіева, сочиненный въ 1745 году (въ уменьшенномъ видѣ онъ находится въ Фундуклеевомъ Обозрѣніи Кіева). Тамъ надъ самымъ берегомъ Днѣпра, между Крещатицкимъ источникомъ и Подоломъ, означены *застроенныя зданіями мѣста*; а на сѣверномъ концѣ государева сада, на горѣ, изображена подъ литерою В «*крѣпостца называемая Стародумъ*». И такъ, еще за *сто двадцать* лѣтъ до нашего времени были *зданія* и жилища по обѣ стороны Крещатицкаго удолья.

Та крѣпостца *Стародумъ* существовала тамъ и въ 17-мъ вѣкѣ, и называлась тогда *Малымъ—Городкомъ* или просто *Городкомъ*. Въ извѣстной росписи Кіеву 1683 года, сказано: «*Малой—Городокъ* старого строенія, что на Печерской горѣ, кругомъ выводовъ 125 сажень, весь худъ и обвалился. И опять: «противъ колодца Крещатика» *калитка* (въ Старокіевскомъ Михайловскомъ валу), что ходятъ къ *Малому—Городку*, что на Печерсвой горѣ». Изъ отписокъ 1674 года, напечатанныхъ въ Синбирскомъ сборникѣ, видно, что въ этотъ *Городокъ*, также какъ и въ *мѣстечко Печерское*, наряжаемо было изъ воеводской команды по *пятидесяти* человѣкъ.

Но для нашего вопроса важнѣе набережное строеніе, означенное на планѣ 1745 г. между Крещатицкими воротами и Крещатицкимъ источникомъ. Кокое именно было тамъ строеніе? Это видно отчасти изъ купчей записки 1742 года, находящейся въ актахъ Михайловскаго монастыря. Она помѣщена въ *Хроникѣ* того монастыря, составленной покойнымъ И. М. Скворцовымъ и напечатанной въ прибавленіи къ Кіевскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ 1861 года). Въ ней сказано: «на землѣ Крещатицкой, недалече воротъ Рождественскихъ, *за Броваромъ государевымъ*, купленное строеніе у *Александра Мизникова*, который нынѣ въ чину куріерскомъ, таковое: свѣтлица съ комнатою; при немъ пекарню, баню, станю, сажалку и колодези зъ садомъ, а также комору съ ліохомъ—за 300 рублей». И такъ за 126 лѣтъ въ числѣ бывшихъ тамъ надъ берегомъ Днѣпра строеній, находились: *государевъ броварь* т. е. пивоварня, и выше описанный дворъ *Мизникова*. А что здѣсь же, надъ берегомъ Днѣпра, было поселеніе и въ 17-мъ

вѣкѣ, то видно изъ универсала гетмана Мазепы, даннаго въ 1699 году Михайловскому монастырю. Тамъ сказано: «а особне тутъ же докладаемъ и пилно приказуемъ, абы хто колвенъ любо зъ ратныхъ государскихъ, любо съ козаковъ, мѣщанъ и посполитыхъ людей, на землѣ ихъ монастырской, *у Крещатика, подъ городомъ, надъ берегомъ, двори и бани маетъ*, и на пляцахъ въ Подольномъ городѣ живетъ, таковый каждый повиненъ отдавати до монастыря ихъ Михайловскаго куничную повинность. (См. акты западной Россiи т. V стр. 286). Есть свидѣтельства о населенности Крещатицкаго берега и отъ 16-го вѣка, напримѣръ запись 1598 г. на монастырскiй жилой груктъ — *подъ горою, съ Крещатика,* называемый Царевскiй».

Довольно, кажется, приведенныхъ мною указанiй для убѣжденiя *всѣхъ вообще*, что въ прежнiе вѣка надъ Крещатицкимъ берегомъ Днѣпра было просторное и заселенное мѣсто, что Днѣпръ тогда былъ далѣе отъ Крещатицкой горы, чѣмъ нынѣ. Есть прямое на это указанiе и на лѣвомъ боку Днѣпра: противъ Крещатицкой горы, на острову, огибаемомъ Черторыей, донынѣ есть протокъ, называемый *Старикомъ*. (Такихъ *Стариковъ*, сопровождающихъ нынѣшнiй Днѣпръ, есть не малое число въ разныхъ мѣстахъ).

«Теперь спрашиваемъ, что же было за 720 лѣтъ тому назадъ? Гдѣ же тутъ могло быть мѣсто для народнаго вѣча»? взываетъ Закревскiй побѣдоносно.

Должно быть и въ древнее время та набережная равнина подъ Крещатицкою горою была не меньше, если еще не больше, чѣмъ въ 16-мъ и въ 17-мъ вѣкахъ; и было тогда возлѣ Крещатицкаго источника довольно мѣста для *торговой площади* и для *народнаго вѣча*, собиравшагося у Туровой божницы. Я полагаю, что въ 10-мъ вѣкѣ именно здѣсь, при впаденiи въ Днѣпръ тогдашней Почайны, было главное Кiевское торговище изъ тѣхъ восьми, о которыхъ упоминается въ хроникѣ Дитмара; что именно здѣсь совершено было и *Крещенiе* Кiевскаго народа при святомъ князѣ Владимiрѣ, отчего и произошли названiя этой мѣстности—*Крещатикомъ* и *святымъ мѣстомъ*. «Оттолѣ *ту гору* надъ Днѣпромъ и нынѣ

простолюдины зовутъ Крещатикомъ» — говоритъ Сильвестръ Коссовъ, въ своемъ Патерикѣ 1635 года. Но съ теченіемъ времени названіе *святаго—мѣста* присвоилось собственно—Крещатицкому источнику; а названіе *Крещатика* перенесено въ позднѣйшее время и на всю нынѣшнюю Крещатицкую улицу, первая половина которой именовалась прежде *Евсійковою долиною*, а дальнѣйшая половина ея зовется издревле—*Песками*. Между тѣмъ, въ продолженіе прошлаго 18-го столѣтія, Днѣпръ передвинулся подъ самую Крещатицкую гору, и срѣзалъ всю бывшую тамъ Набережную равнину, а также тотъ длинный и узкій островъ, которымъ отдѣлялась отъ него древняя Почайна. Тогда не стало и этой знаменитой рѣки,— *изъ Днѣпра текущей и паки въ Днѣпръ впадающей*, — по словамъ очевидца ея св. Димитрія Ростовскаго.

5 и послѣдній.

О мѣстѣ трехъ бывшихъ въ Кіевѣ церквей: Воздвиженской Іоанновской и Семеоновской.

Въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1767 года напечатана была моя небольшая статья «о мѣстѣ Кіевской церкви св. Андрея». Тамъ предложены мои послѣднія соображенія и о трехъ близкихъ къ тому мѣсту церквахъ, бывшихъ въ прежнее время: *Воздвиженской*, *Іоанновской и Семеоновской.*

О Воздвиженской церкви еще Берлинскій въ своей книгѣ (1820) полагалъ, что она находилась «недалече теперешней Андреевской церкви въ старомъ Кіевѣ, *къ югу*, повыше колодца». (Стр. 189). Въ оправданіе и подтвержденіе этого мнѣнія, я представилъ въ моей статьѣ три указанія:

1) Новыя для Кіевописателей слова изъ принадлежащаго мнѣ *лѣтописца южнорусскаго* 17-го вѣка: «Вшедши на гору, подлѣ которой теперь *брама Кіевская стоитъ отъ полудня и церковь Воздвиженія креста святого*, благословилъ и крестъ поставилъ». Это написано было тогда, конечно, когда существовала еще тамъ древняя Воздвиженская церковь, т. е. въ исходѣ 16-го вѣка, или въ началѣ 17-го. Сильвестръ Кос-

совъ въ своемъ Патерикѣ 1635 г. писалъ уже такъ: «поставилъ крестъ на горѣ, подлѣ которой теперь *брама мѣская* (т. е. городская) стоитъ отъ полудня». (Стр. 11). Такъ и въ тератургимѣ Аѳанасія Кальнофойскаго 1638 года, при исчисленіи *шести* Старокіевскихъ церквей, не упоминается уже о церкви Воздвиженской. Также и въ хроникѣ Густынской: «и крестъ на нихъ водрузи—недалече нынешней брамы отъ полудня». (Стр. 251). Хотя же въ Кіевскомъ Синопсисѣ 1674 года, на страницѣ 15, было сказано: «и крестъ водрузи на мѣстѣ, *идеже нынѣ* церковь Воздвиженія креста Господня», но здѣсь словцо *нынѣ*, взятое изъ прежнихъ писаній, было анахронизмъ, который и поправленъ въ третьемъ изданіи Синопсиса (1680 г.) такъ: «*на мѣстѣ, идеже по семь* церковь Воздвиженія креста Господня сооружися».

2) Первый отъ тѣхъ Кіевскихъ и городскихъ воротъ крѣпостной *выводъ* къ сторонѣ Днѣпра назывался *Воздвиженскимъ*, какъ это видно изъ росписи Кіеву 1682 года. Такъ онъ назывался, безъ сомнѣнія, отъ бывшей здѣсь Воздвиженской церкви.

3) Остатки каменнаго зданія съ высѣченною изъ бѣлаго камня *гробницею*, которыя открыты были при планировкѣ улицы, идущей отъ Андреевской церкви, къ Михайловскому монастырю. Живо помню ту гробницу, найденную уже безъ крышки; ее видѣли тогда и другіе любители древностей: не припомню только, въ какомъ именно было это году; кажется, въ 1840 или вскорѣ послѣ него. Вѣроятно, у кого нибудь изъ тогдашнихъ Кіевлянъ найдется и записка о той развалинѣ, признанной тогда мною и другими за остатокъ Воздвиженской церкви.

Вотъ основанія, на которыхъ я сказалъ мое послѣднее слово о мѣстѣ той церкви.

О положеніи древней церкви св. Симеона, кромѣ прежняго на нее указанія тератургимы, я привелъ еще слова, найденныя и объявленныя О. М. Бодянскимъ,—слова *Пчелы*, извѣстной по *Крупичь-польскому* ея списку 1679 года: «и крестъ на нихъ, гдѣ теперь церковь св. Симеона стоитъ, поставилъ».

Не будь этой древней церкви въ 17-мъ вѣкѣ и двухъ тогдашнихъ о ней свидѣтельствъ, мы не знали бы навѣрное, гдѣ былъ *Копыревъ конецъ*, въ которомъ находилась она, по сказанію древняго лѣтописанья; ибо въ памятникахъ позднѣйшихъ вѣковъ имя Копырева конца уже не встрѣчается, также какъ повторяемое нерѣдко въ нихъ имя *Вздыхальной горы* не встрѣчается въ лѣтописаньи древнемъ. *Неизвѣстное* опредѣляется *извѣстнымъ*, а не наоборотъ. Когда же изъ двухъ приведенныхъ свидѣтельствъ 17-го вѣка видно ясно, что церковь св. Симеона стояла *на Андреевской горѣ, надъ самымъ Подоломъ*, я имѣю полное право утвердительно повторить свое прежнее мнѣніе, что *Копыревымъ концемъ* называлось въ древнее время то предмѣстье или предгородье *стараго Кіева*, которое находилось на склонахъ всей Андреевской горы. И не встрѣтилъ я доселѣ въ древнемъ лѣтописаньи ни единаго мѣста, противорѣчащаго предложенному выводу. Вотъ два случая, требующіе моего объясненія. Всеволодъ Ольговичъ въ 1140 г. пришелъ изъ Вышегорода на Кіевъ въ *мартѣ* мѣсяцѣ во время ростополи, слѣдовательно — не низменнымъ путемъ со стороны Оболони, а нагорнымъ путемъ, сходившимся съ Бѣлогородскою дорогою. Поэтому онъ могъ стать передъ старымъ городомъ Кіевомъ и зажигать дворы въ Копыревскомъ предмѣстьи, даже не входя въ Подолъ—ни *Кожемяцкими* воротами, ни *Іорданскими*, бывшими со стороны Оболони. Романъ Мстиславичъ, въ 1202 г., пришелъ изъ Галича сперва въ Кіевскую область, въ свой здѣшній надѣлъ на р. Роси, куда и собрались къ нему Черные Клобуки и люди изъ всѣхъ здѣшнихъ городовъ; съ ними онъ поспѣшилъ къ Кіеву,— разумѣется, не Бѣлогородскимъ, а *Василевскимъ* путемъ, и пришелъ къ Подолу—со стороны Крещатика древнимъ *Крещатицкимъ взвозомъ;* и Кіяне отворили ему не Кожемяцкія, а тѣ *Подольскія* ворота, которыя находились со стороны Копырева конца и въ позднѣйшіе вѣка назывались *Крещатицкими* или *Рождественскими*.

При такомъ положительномъ выводѣ о Копыревѣ концѣ, я не усомнился сказать, что и *церковь св. Іоанна* поставлена была 1121 года на Андреевской горѣ; а изъ сказанія той же

Кіевской лѣтописи, что въ 1151 году Берендѣи съ своими вежами—«сташа межи дебрьми отъ Олговы оли и въ *городъ святаго Іоанна*, а сѣмо оли и до Щековицы»—я усмотрѣлъ, что на протяженіи отъ Ольговой могилы, т. е. Щековицы, дебрями Кожемяцкими, *огородъ св. Іоанна* былъ въ концѣ тѣхъ дебрей (а *сѣмо*, т. е. на другой сторонѣ горы, Берендѣи поставлены были на Подолѣ также до Щековицы): стало быть, церковь св. Іоанна, съ своимъ садомъ или огородомъ, находилась на западной сторонѣ Андреевской горы, обращенной къ Кожемяцкому удолью. По такому соображенію, и сказано было въ заключеніе той статьи, что въ древнемъ городѣ Кіевѣ, при въѣздѣ изъ него на Подолъ — по Андреевскому взвозу, воротами *Кіевскими*—вправѣ отъ нихъ стояла Святославовская церковь *св. Симеона* съ бывшимъ при ней *монастыремъ*, а влѣвѣ—Мономаховская церковь *св. Іоанна* съ находившимся при ней *огородомъ*.

У г. Закревскаго установился свой особенный, совсѣмъ другой, взглядъ на всю эту Кіевскую мѣстность; а потому моя небольшая статья возбудила многословную полемику въ его обширной книгѣ.... И ужъ чего тамъ не насказано! Много бы мнѣ пришлось написать параграфовъ, если-бъ я захотѣлъ объяснять подробно все то, въ чемъ не сходятся наши взгляды и понятія, — на что возражаетъ мнѣ Закревскій. Но я здѣсь ограничусь существеннымъ и главнымъ.

Посмотримъ сперва на его выводъ о церкви Воздвиженской, изложенный на страницѣ 416.

«И такъ, по всей справедливости, мы должны: 1) начать исторію Крестовоздвиженской церкви не раньше 1590 годовъ. 2) Рѣшительно не имѣемъ права назначить ей опредѣленнаго мѣста; но, руководствуясь словами акта, даннаго Владиславомъ IV-мъ въ 1640 г. іюня 7-го, можемъ сказать, что эта церковь была *нагорной фундаціи*, т. е. на Старомъ городѣ. Принимая во вниманіе свидѣтельство Густинскаго и Южнорусскаго лѣтописцевъ 17-го вѣка, о коихъ мы въ началѣ этой статьи говорили, можемъ прибавить, что церковь эта была не далеко отъ городскихъ *Кіевскихъ* воротъ и находилась къ югу отъ оныхъ. А какъ, по нашимъ разысканіямъ, Кіев-

скія ворота (брама) стояли *надъ Кожемяками*, какъ на главномъ пути въ Кіевоподолъ, а не на Андреевскомъ взвозѣ, какъ нѣкоторые ошибочно полагаютъ, потому что его тогда еще не было: онъ былъ загороженъ замкомъ; то Воздвиженская церковь стояла къ западу отъ Десятинной церкви, и не къ востоку, какъ думаютъ Берлинскій и М. Максимовичъ и ихъ послѣдователи. Что же касается до щебня, о которомъ говоритъ Берлинскій, будто бы оставшагося отъ сей церкви, то это совершенно произвольное объясненіе. Щебень этотъ могъ скорѣе произойти отъ разрушенной Десятинной церкви, которая по величинѣ немногимъ уступала Софійскому храму; тамъ же были монастыри св. Андрея и св. Ѳеодора, однимъ словомъ весь древній Кіевскій кремль переполненъ остатками храмовъ и жилищъ. Послѣ всего этого, безъ прямаго указанія достовѣрныхъ источниковъ и безъ видимыхъ развалинъ, можно ли съ спокойною совѣстію назначить опредѣленное мѣсто для Крестовоздвиженской церкви»?

Сколько тутъ противорѣчія и самому себѣ, и дѣйствительности исторической!

Авторъ отрекается рѣшительно отъ права назначать Воздвиженской церкви *опредѣленное мѣсто* и говоритъ, «что не можно его назначить съ спокойною совѣстію, безъ видимыхъ развалинъ», и прочая. А между тѣмъ, на двухъ планахъ своихъ, онъ назначаетъ ей одно и тоже, стало быть, *опредѣленное* мѣсто: на второмъ планѣ—«43) церковь Воздвиженія св. креста, 1212 г.»: на третьемъ планѣ—«52) *развалины* церкви Воздвиженія св. креста» (стр. 922, 923). Откуда же увидѣны и взяты Закревскимъ эти развалины, на томъ мѣстѣ, на которомъ онѣ у него назначены? Да и назначено мѣсто—не къ *западу* отъ Десятинной церкви, какъ онъ утверждаетъ въ своемъ выводѣ, а къ *востоку* отъ нея, что онъ отрицаетъ у Берлинскаго и у меня—назначено оно тамъ, гдѣ находится нынѣшняя Андреевская церковь!

Закревскій говоритъ въ своемъ выводѣ: «по всей справедливости, мы должны начать исторію Крестовоздвиженской церкви *не раньше* 1590 годовъ». Зачѣмъ же самъ онъ начинаетъ ея исторію съ 1212 года, какъ это видно изъ его вто-

раго плана? Да и въ самой книгѣ, въ § 8, у него сказано: «Близь теперешней церкви св. апостола Андрея, въ 1212 году, Мстиславъ Романовичъ, князь Смоленскій, выстроилъ церковь Воздвиженія св. креста; посему этотъ (Андреевскій) взвозъ назывался *Крестовоздвиженскимъ*». На той же 179 страницѣ сказано: «чтя преданіе Несторово, что св. апостолъ Андрей (40 г.) на горѣ Кіевской водрузилъ крестъ, какъ знаменіе будущаго обращенія Кіевлянъ къ христіанству, Мстиславъ Романовичъ выстроилъ въ 1212 г. вблизи этого мѣста Крестовоздвиженскую церковь; но она была въ 1240 г. разорена, а впослѣдствіи времени забыли и мѣсто ея».

Здѣсь у Закревскаго таже исторія церкви и почти тоже мѣсто, какъ и у Берлинскаго, вопреки тому, что сказано въ его выводѣ. Здѣсь также построеніе церкви вмѣняется *Мстиславу Романовичу*, не смотря на то, что объ этомъ ничего не говорится не только *въ древнемъ лѣтописаньи*, но даже и у позднѣйшихъ лѣтописцевъ Южнорусскихъ. А между тѣмъ Закревскій пишетъ: «М. Максимовичъ, въ новой статьѣ своей, приводитъ слѣдующій текстъ изъ Южнорусскаго лѣтописца: «похованъ (Мстиславъ Мстиславичъ) въ церкви Воздвиженія креста честнаго, которую самъ змуровалъ въ Кіевѣ». Но какъ древніе лѣтописцы наши объ этомъ обстоятельствѣ ничего не упоминаютъ, то свидѣтельство Южнорусскаго лѣтописца 17-го вѣка не заслуживаетъ вниманія» (стр. 416). Между тѣмъ у Закревскаго и теперь даже на послѣднихъ страницахъ его книги повторяется 1212 годъ, взятый изъ Кіевскаго Синопсиса, гдѣ впрочемъ ошибочно отнесенъ этотъ годъ не къ построенію церкви, а къ кончинѣ и погребенію *Мстислава Мстиславича* († 1228 г.) «въ церквѣ Честнаго Креста Господня, юже созда». Въ моей статьѣ было уже это замѣчено, а также и то, что въ 1212 году, занятомъ войнами, не могъ ее построить Мстиславъ Мстиславичъ, равно какъ и Мстиславъ Романовичъ; что первый изъ нихъ могъ построить ее въ 1215 году, когда онъ нарочно, ради своихъ дѣлъ, пріѣзжалъ въ Кіевъ, оставивъ Новгородцевъ и сказавъ имъ: «есть ми орудія въ Руси».

Посмотримъ теперь на дороги и ворота, какъ онѣ представлены въ выводѣ Закревскаго. Еще Берлинскій закрылъ до 1715 года ту *обыкновенную дорогу* съ Кіевоподола на Печерскъ, которая издревле шла Крещатицкимъ взвозомъ, потомъ черезъ нынѣшній государевъ садъ и т. д. и называлась *Старою дорогою* (напр. въ грамотѣ 1523 г.). По примѣру Берлинскаго, но вопреки ему, Закревскій закрылъ и древній *Андреевскій взвозъ*, также до 1715 г.; а взамѣнъ того показалъ дорогу на Кожемяки и Гончары, называя её *главною и древнѣйшею*. Онъ говоритъ: «дорога эта намъ очень извѣстна; въ продолженіи четырехъ лѣтъ путешествовали по ней каждый день отъ Скавики до гимназіи на Кловѣ». (Стр. 396). Но это еще не ручательство, чтобы и всѣ Кіяне издревле ходили тѣмъ же путемъ съ Подола на Печерскую гору. На страницѣ 368 онъ говоритъ: «разсматривая внимательно мѣстоположеніе Кіева, мы должны придти къ убѣжденію, что *древняя дорога* со Старого Кіева на Подолъ проходила не нынѣшнимъ Андреевскимъ взвозомъ, но, начинаясь близь недавно уничтоженныхъ Батыевыхъ или *Софійскихъ воротъ*, она постепенно спускалась на Гончары и Кожемяки». Должно однакоже имѣть въ виду, что передъ Софійскими воротами былъ оврагъ или ровъ, который продолжался въ Кожемяцкія дебри и черезъ который издревле былъ *мостъ*. Гдѣ же поднималась та дорога на Софійскую гору, чтобы ей выйти черезъ тотъ мостъ въ ворота Софійскія? Такой подъемъ былъ едва ли удобнѣе Андреевскаго взвоза. Впрочемъ эти ворота были единственныя, къ которымъ могла выходить на гору та дорога Кожемяцкая.

Но у Закревскаго поставлены еще *Николаевскія* ворота возлѣ Десятинной церкви, которыя также «вели въ Кожемяки». (Стр. 377). Это уже просто выдумка. Ворота *Николаевскія*, какъ видно изъ Росписи Кіеву, стояли на сторонѣ города, обращенной къ Днѣпру «въ томъ же валу», въ которомъ на полдень отъ нихъ разстояніемъ на 63 сажени, были ворота *Трехсвятительскія*.

Но не довольствуясь и тѣмъ, Закревскій ставитъ еще третьи ворота въ Кожемяки. «Должно думать—говоритъ онъ

что *Кіевскія* Старогородскія ворота были недалеко отъ Батыевыхъ и вели со Стараго города на Подолъ чрезъ Гончары и Кожемяки».

Нѣтъ, такъ не должно думать! А въ доказательство тому, возьмемъ Роспись Кіеву 1682 года и съ нею пройдемъ отъ Софійскихъ воротъ до Кіевскихъ, бывшими тамъ стародавними *валами* и *выводами*.

«*Софійскія ворота* и выводъ и деревянная башня, по мѣрѣ кругомъ вывода 47 сажень съ полусаженью; передъ воротъ *подъемный мостъ*».

Отсюда 50 сажень до *Наугольнаго* вывода, «что къ бояраку и къ Кожемяцкой слободѣ». Выходъ туда—*калиткою*.

Отъ этого вывода до *Петровскаго* 35½ сажень; а отъ Петровскаго вывода до *Предтеченскаго* 74½ сажень, а отъ Предтеченскаго вывода до *Рождественскаго* 93 сажени съ аршиномъ.

Этотъ выводъ назывался *Рождественскимъ*, очевидно, по церкви «Рождества Богородицы Десятинной», возлѣ которой онъ находился. А названіе *Предтеченскаго* вывода не есть ли прямое указаніе на бывшую здѣсь церковь *св. Іоанна* и не даетъ ли оно собою разумѣть, что та древняя церковь была во имя *св. Іоанна Предтечи?*

«*Рождественскій* выводъ 18 сажень безъ аршина. Отъ того выводу до *Кіевскихъ воротъ* 41 сажень съ полусаженью».

Вотъ гдѣ были тѣ *Кіевскія* «проѣзжія ворота, что ѣздятъ въ *нижній* Кіевъ городъ»! Онѣ стояли къ *востоку* отъ Десятинной церкви, между выводами Рождественскимъ и Воздвиженскимъ; такъ и въ Патерикѣ Сильвестра Коссова 1635 г., сказано о церкви Десятинной: «была та церковь подлѣ брамы нынѣшней *Кіевской*, на горѣ стоящей». (Стр. 16). Кажется ясно, что тѣ ворота стояли надъ взвозомъ Андреевскимъ, которыми и ѣздили на Подолъ, называвшійся въ тѣ времена по преимуществу *городомъ Кіевомъ*.

Закревскій въ своемъ выводѣ говоритъ: «*по нашимъ розысканіямъ* Кіевскія ворота (брама) стояли *надъ Кожемяками*, какъ на главномъ пути въ Кіевоподолѣ, а не на *Андреев-*

скомъ взвозъ, какъ нѣкоторые ошибочно полагаютъ, потому что его тогда еще небыло; онъ былъ *загороженъ замкомъ*».

О такихъ разысканіяхъ и толкованіяхъ, по истинѣ, можно сказать словами Геродотовой Мельпомены: «право, смѣшно мнѣ, какъ гляжу я на нашихъ землеописателей и не нахожу въ ихъ толкахъ никакого смысла». Какъ часто повторяется въ книгѣ Закревскаго, что Андреевскій взвозъ былъ *загороженъ замкомъ*! Но эта фраза принадлежитъ къ его неправильному представленію всей той мѣстности, будто-бы Андреевская или Вздыхальная гора и Кисилевка, до 1715 года, составляли одну сплошную, нераздѣльную гору, и будто вся она, даже до нынѣшней Андреевской церкви, занята была Кіевскимъ замкомъ. Объ этой фантасмагоріи я имѣлъ уже случай говоритъ въ нынѣшнемъ году въ моихъ «письмахъ о Кіевѣ» къ М. П. Погодину, напечатанныхъ въ его «Русскомъ». Изъ старинной «ревизіи Кіевскаго замка» видно ясно, что и въ 16-мъ вѣкѣ гора Вздыхальная и Киселевка стояли также *двумя* особыми, отдѣльными горами, и что Кіевскій замокъ весь помѣщался на одной Киселевкѣ, которая потому и называлась *замковою* горою. Вольно же Закревскому загородить себѣ замкомъ всю эту Кіевскую мѣстность! Выходя изъ того предположенія, сдѣланнаго Берлинскимъ, что Копыревъ конецъ долженъ быть *на Подолѣ*, на улицѣ Цареконстантиновской, Закревскій въ своемъ прежнемъ «описаніи Кіева» (1858 г.) Симеоновскую и Іоанновскую церковь помѣщалъ на Подолѣ, за канавою, подъ Щекавицею. Очень понятно, черезъ десять или двадцать лѣтъ можно перемѣнить свое мнѣніе о нѣкоторыхъ подробностяхъ, какъ это объясняетъ о себѣ Закревскій. (Стр. 405). Я также теперь на нѣкоторыя подробности о древнемъ Кіевѣ смотрю уже не такъ, какъ за тридцать лѣтъ, когда не было еще издано ни «полнаго собранія Русскихъ лѣтописей», ни «актовъ, относящихся къ западной Россіи», ни множества другихъ историческихъ памятниковъ, съ той поры обнародованныхъ. Дѣло въ томъ, какъ мы ими воспользовались и что изъ нихъ вывели *исторической истины* о Кіевѣ.

Въ нынѣшнемъ изданіи своего «Описанія Кіева» Закревскій перенесъ церковь св. Іоанна уже на Щековицу, на полуденную ея сторону, распространяя туда и Копыревъ конецъ отъ Житняго-торга. На какомъ *основаніи* сдѣлано перемѣщеніе туда Іоанновской церкви изъ подъ Щекавицы, того не видно изъ его книги. Но сдѣлавъ это по своему личному произволу, онъ назначаетъ уже въ настоятели этой церкви того Щекавицкаго *попа Василія*, котораго въ 1182 году Печерская братія избрала себѣ въ архимандриты. Такое назначеніе сдѣлано Закревскимъ потому только, что ни о какой другой церкви на горѣ Щекавицѣ уже нигдѣ болѣе не говорится. И это называетъ онъ *полнымъ основаніемъ!* Но въ древней лѣтописи вѣдь не сказано, что та церковь на Щекавицѣ, при которой находился о. Василій, была во имя *св. Іоанна;* да и нѣтъ никакого указанія, чтобы тамъ была Іоанновская церковь. Авторъ прибавляетъ: во имя какого Іоанна, Крестителя или Богослова и говоритъ: *не знаемъ.* (Стр. 882). Но сказавши здѣсь: не знаемъ, онъ и въ *объясненіи* втораго плана (стр. 922), и въ *указатель* (стр. 935), называетъ ее церковью *св. Іоанна Богослова;* и это опять безъ всякаго основанія, на обумъ и напрасно; ибо та древняя церковь, о которой идетъ рѣчь, была во имя *св. Іоанна Крестителя*, по указанію Старокіевскаго Предтеченскаго вывода, возлѣ котораго она находилась, по вышесказанному соображенію.

Что касается до церкви *св. Симеона*, то Закревскій нынѣ отводитъ ей самое неудобное, даже невѣроятное для древняго *монастыря* мѣсто — въ Кожемякахъ, подъ горою Киселевкою и толкуетъ, что это и значитъ въ Тератургимѣ: *надъ самымъ Подоломъ.*

Но я привелъ другое современное свидѣтельство, котораго уже перетолковать нельзя, свидѣтельство *Пчелы*, гдѣ прямо сказано, что церковь св. Симеона была на горѣ Андреевской. Нельзя перетолковать, такъ можно совсѣмъ его отвергнуть, назвать выдумкою... И Закревскій прибѣгнулъ къ этому критическому способу, что бы спасти свое мнѣніе о Копыревѣ концѣ. Онъ говоритъ: «и такъ, этотъ компиляторъ Пчелы, наперекоръ другимъ показаніямъ, вмѣсто Воздвиженской церкви,

вздумалъ выставить церковь св. Симеона! Очевидная несообразность». (Стр. 412). И еще говоритъ онъ: «Но въ Пчелѣ, вмѣсто Воздвиженской церкви, показана на старомъ Кіевѣ церковь св. Симеона. Такое противорѣчіе современниковъ весьма замѣчательно. Тутъ должно быть одно изъ двухъ: если одна сторона говоритъ правду, то другая лжетъ.... Все это единогласно говоритъ, что на Старомъ Кіевѣ была церковь Воздвиженія св. креста. Одинъ только составитель Пчелы, написавшій ее въ какомъ то невѣдомомъ Крупичь — полѣ, говоритъ, что на Старомъ Кіевѣ была церковь св. Симеона. По этой причинѣ, показаніе его есть явная выдумка, не заслуживающая быть свидѣтельствомъ». (407).

Закревскій укоряетъ и меня за принятіе этого свидѣтельства Пчелы, при которомъ все его представленіе той Кіевской мѣстности оказывается невѣрнымъ и неудачнымъ. Онъ говоритъ: удивительныя вещи! И такія мѣста, въ своей новой статьѣ, г. Максимовичъ приводитъ, какъ доказательства своихъ розысканій». (Стр. 412). Да именно такія прямыя, мѣткія, опредѣлительныя указанія современниковъ люблю я и принимаю ихъ въ руководство, если признаю, что они таковы. Отрицаемое и порицаемое Закревскимъ свидѣтельство Пчелы я призналъ вѣрнымъ и важнымъ; а потому, въ защиту его, предложу слѣдующія замѣчанія.

1) Нѣтъ никакой *несообразности* и *противорѣчія* въ томъ, что одно и тоже мѣсто въ однихъ писаніяхъ означается церковью *Воздвиженскою*, а въ Пчелѣ *Симеоновскою*. Это показываетъ только близость обѣихъ церквей къ тому мѣсту. У одного Кіевописателя сказано, что Боричевъ взвозъ на Старокіевской горѣ проходитъ не далече Трехсвятительской церкви; у другого сказано, что онъ проходитъ недалече св. Михаила Золотоверхаго: оба эти сказанія справедливы, а по суду Закревскаго о Пчелѣ надобно признать, что здѣсь одна сторона говоритъ *правду*, а другая *лжетъ*. Если же о *Симеоновской* церкви, которая была еще и въ 17-мъ вѣкѣ, одинъ тогдашній писатель говоритъ, что она была на Андреевской горѣ; другой писатель того же вѣка показываетъ ее также въ числѣ Старокіевскихъ церквей, стоящею надъ самымъ

Подоломъ; а третій писатель 19-го вѣка, *наперекоръ имъ*, показываетъ ту церковь подъ Щекавицею на Подолѣ или подъ Киселевкою въ Кожемякахъ: то здѣсь явное *противорѣчіе* и *несообразность*; здѣсь уже дѣйствительно надо признать, что только одна первая сторона говоритъ правду.

2) Завѣтное для насъ мѣсто на Старокіевской горѣ, по словамъ Южнорусскаго лѣтописца, гдѣ теперь *брама Кіевская* и *церковь Воздвиженія;* по словамъ Сильвестра Коссова и хроники Густынской: гдѣ теперь *брама градская* или *Кіевская;* по словамъ Пчелы: гдѣ теперь *церковь св. Симеона*. Отсюда видно, что и церковь Воздвиженская, и церковь Симеоновская, и брама Кіевская или городская были близко того мѣста и невдалекѣ другъ отъ друга. Отсюда же видно, что внесенное въ Пчелу «житіе св. Владиміра», въ которомъ упоминается *о церкви Симеоновской*, написано человѣкомъ, хорошо знавшимъ Кіевъ во второй трети 17-го вѣка, когда была еще та церковь, но уже не было Воздвиженской. Простой *компиляторъ* въ 70 годахъ того вѣка скорѣе поставилъ бы тутъ *Воздвиженскую церковь*, повторяя прежнее сказаніе, какъ это сдѣлалъ и въ самомъ Кіевѣ неизвѣстный нашъ составитель *Синопсиса*, сказавшій было въ 1674 году: «идеже нынѣ церковь Воздвиженія». Простой компиляторъ Пчелы въ 1679 году, если бы сочинялъ то житіе Владиміра, непремѣнно придерживался бы двукратно уже изданнаго и знаменитаго *Синопсиса*, и повторилъ бы его слова о церкви Воздвиженской.

3) Не въ одной только Пчелѣ, но и въ *Тератургимѣ* Аѳанасія Кольнофойскаго церковь св. Симеона показана также —*на старомъ Кіевѣ*. Въ доказательство тому, я приведу самыя слова, которыми въ той книгѣ объясняется верхняя часть перваго рисунка.

«Въ другую сторону дорожка (съ Печерской горы) прямо черезъ долъ—до *большихъ валовъ, въ нихъ*, какъ бы въ своей оградѣ, до *городскихъ воротъ* простирающейся:

церковь св. *Софіи*, уже нѣсколько лѣтъ начавшая значительно поправляться;—

церковь св. *Архангела Михаила* и при ней монастырь;—

церковь св. *Феодора Тирона*, только стѣны стоятъ;—
церковь св. *Василія*, первѣе всѣхъ созданная великимъ Владиміромъ;—
церковь *Пресвятыя Богородицы* Десятинная;—
церковь *св. Симеона*, надъ самымъ Подоломъ;—
а прочія лежатъ большими могилами, кажется на вѣки погребены.

Отъ нихъ—воротами, мимо замка на высокой горѣ воздвигнутаго, съѣздъ внизъ до жалостнаго *Кіева* (Подола), нынѣ едвали достойнаго называться именемъ прежняго Кіева: въ томъ было церквей болѣе 300 каменныхъ, 100 деревянныхъ, а въ нынѣшнемъ всѣхъ едва 13.

Какъ же не видѣть изъ этихъ словъ, что церковь св. Симеона показана здѣсь въ числѣ шести церквей *Старокіевскихъ*, стоящею *надъ самымъ Подоломъ* (на Андреевской горѣ, по показанію Пчелы)? Вольно же Закревскому не видѣть этого и, въ возраженіе мнѣ, говорить, что изъ словъ Кальнофойскаго «нельзя вывести заключенія, что церковь св. Симеона была на Старомъ Кіевѣ». (Стр. 406). Вслѣдъ за тѣмъ онъ говоритъ:

«Впрочемъ слова Кальнофойскаго далеко не такъ важны въ этомъ отношеніи, какъ показаніе нашихъ древнихъ лѣтописей, которыя ясно и убѣдительно говорятъ, что церковь св. Симеона была въ Копыревѣ концѣ; а *Копыревъ конецъ былъ на Подолѣ*, а не на Старомъ Кіевѣ. (Стр. 406).

Вотъ и разгадка всему многосложному недоумѣнію и напрасному толкованію Закревскаго. Задавшись гипотезою Берлинскаго, что Копыревъ конецъ долженъ быть на Подолѣ, онъ насильственно стягиваетъ туда—къ Житнему-торгу и къ бывшимъ Кожемяцкимъ воротамъ все, что въ древнемъ лѣтописаньи встрѣчается съ именемъ Копырева конца; туда переноситъ онъ и Симеоновскую церковь, вопреки яснымъ и прямымъ свидѣтельствомъ двухъ очевидцевъ ея въ 17-мъ вѣкѣ, при которыхъ окончательно рушится его гипотеза о Копыревѣ концѣ и все его умоначертаніе о Кіевѣ, на этой гипотезѣ основанное.

3) Закревскій съ нелюбіемъ отзывается даже о самомъ мѣстѣ, гдѣ была списана Пчела, и называетъ его — *какимъ то невѣдомымъ* Крупичъ—полемъ! Пусть же отъ нынѣ будетъ вѣдомо *Крупичъ-поле* или *Крупъ-поле*, какъ оно названо 1734 г. въ «Описи имѣній, принадлежавшихъ гетману Даніилу Апостолу» (см. матеріалы для отечественной исторіи, изданные Михаиломъ Судіенкомъ 1853 г. т. 1, стр. 252). Это *село*, которое до 1782 года принадлежало къ *Басанской сотнѣ* бывшаго Переясловскаго полка. Тамъ то въ 1679 году, при церкви св. Николая, о. *Виноградскій* потрудился сдѣлать списокъ *Пчелы*, за что и да будетъ ему отъ насъ непреходящее *спасибо!*

1868 года, 30 декабря.

Михайлова-гора.

О КІЕВСКОМЪ СИНОПСИСѢ И О НѢКОТОРЫХЪ УРОЧИЩАХЪ ДРЕВНЯГО КІЕВА, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ОПИСАНІИ КІЕВА ЗАКРЕВСКАГО.

(Письмо къ П. Г. Лебединцеву) [1].

Habent sua fata libelli..... Одною изъ счастливѣйшихъ у насъ историческихъ книгъ былъ *Кіевскій Синопсисъ*. Трижды изданный въ Кіевѣ во второй половинѣ 17-го столѣтія, онъ такъ полюбился новоучрежденной Петербургской академіи наукъ, что она, начиная съ 1736 года, разъ двадцать издавала его, какъ учебную книгу Русской исторіи. Наконецъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда незабвенный Евгеній сталъ митрополитомъ Кіевскимъ, въ слѣдующемъ же 1823 г. онъ напечаталъ *Кіевскій Синопсисъ* съ своимъ къ нему *прибавленіемъ*, а въ 1836 году издалъ его еще разъ—и это было «*пятое изданіе Кіевское, исправнѣйшее*», какъ означено на заглавномъ листѣ.

Въ предисловіи къ этому изданію сказано: «кто былъ *сочинитель* сего сокращенія, *неизвѣстно*, хотя многіе приписывали оное Кіево-печерскому архимандриту Иннокентію Гизелю... Извѣстно только, что сочинитель выписалъ и сократилъ сію книгу до 14-го столѣтія изъ *хроники* Ѳеодосія Софоновича, игумена Кіево-золотоверхо-Михайловскаго монастыря».

Таково было послѣднее слово послѣдняго, многоученаго издателя этой заслуженной книги, которое очень важно къ исторіи литературы! Оно можетъ быть отмѣнено только находкою современнаго свидѣтельства о томъ, кѣмъ именно былъ *сочиненъ* Кіевскій Синопсисъ.

---

[1]) Письма о Кіевѣ. С.-Петербургъ 1871 года—стр. 127—134.

Закревскій, въ своемъ обширномъ Описаніи Кіева, постоянно называетъ Синопсисъ — *сочиненіемъ Гизеля*. Мало того — онъ говоритъ: «два года спустя по смерти Софоновича, Гизель перевелъ его хронику на славянскій языкъ, кое-гдѣ передѣлалъ, и издалъ въ 1674 г. *подъ своимъ именемъ*, назвавъ Синопсисомъ, и хронику забыли». (См. стр. 523).

Меня удивило это показаніе, столь же неосновательное, какъ и то, будто Евгеній воспользовался трудомъ Иринея Фальковскаго, будто Фундуклеево Обозрѣніе Кіева есть сочиненіе Журавскаго, и прочая.

Кіевскій Синопсисъ напечатанъ былъ въ Печерской лаврѣ три раза — въ 1674, 1678 и 1680 годахъ — и *по благословенію* пречестнаго о Христѣ господина Иннокентія Гизеля, милостію Божіею архимандрита тояжде святыя лаври». Такъ означено на заглавномъ листѣ всѣхъ трехъ изданій. Но это вовсе не значитъ, чтобы Гизель издалъ въ 1674 году Кіевскій Синопсисъ — подъ своимъ именемъ!.. Того же 1674 года напечатаны были въ лаврѣ *Анаѳиматы* также по благословенію Иннокентія Гизеля, а въ 1654 году они напечатаны были по благословенію предмѣстника его, архимандрита Іосифа Тризны. *Сочиненіе* книги и начальническое *благословеніе* напечатать ее — двѣ вещи разныя; а Закревскій смѣшалъ ихъ, и взвелъ на Гизеля небывальщину.

И такъ, что написано въ Кіевскомъ Синопсисѣ — хорошо ли оно или дурно, того не должно относить къ лицу *Гизеля*, и такъ часто поминать почтеннымъ именемъ его, какъ это дѣлаетъ Закревскій, весьма не милостивый къ Кіевскимъ ученымъ писателямъ 17-го вѣка, начиная съ блаженной памяти *Сильвестра Коссова*. Да и всѣхъ вообще Кіевописателей онъ судитъ очень строго, по такимъ правиламъ *исторической критики*, которыхъ самъ не исполняетъ, и осуждая другихъ въ произволѣ и прочемъ, самъ дозволяетъ себѣ полный *произволъ* — такъ что всѣ Кіевописатели, живые и усопшіе, могли бы, сказать ему единогласно: *врачу, исцѣлися!*

Вотъ, напримѣръ, ему не желательно, чтобы Спасская церковь на Берестовѣ существовала тамъ со временъ Владиміра. И онъ говоритъ иронически: «разсказавъ о прише-

ствіи св. Владиміра изъ Корсуня въ Кіевъ и объ уничтоженіи кумировъ, превелебный отецъ Иннокентій съ важностію продолжаетъ: «повелѣ же Владиміръ поставити каменную церковь въ Кіевѣ святаго Спаса великую, и на томъ мѣстѣ, идеже кумиръ Перунъ бяше, церковь святаго Василія и т. д. Но у преподобнаго Нестора о Спасской церкви ничего *не говорится, стало быть, это выдумка»* (стр. 732).

Вотъ какое на этотъ разъ *правило исторической критики,* о которой *тогда* (т. е. въ 17-мъ вѣкѣ) *не имѣли понятія*, по словамъ Закревскаго (стр. 907)! Онъ говоритъ: «мнѣніе о построеніи Владиміромъ святымъ Спасской церкви въ Кіевѣ, какъ и многія, не имѣющія никакого основанія, тоже принадлежитъ изобрѣтательности Кіевскихъ ученыхъ 17-го вѣка». И въ заключеніе: «намъ кажется, что уважая истину, нельзя спокойно утверждать то, на что нѣтъ ни прямаго, ни косвеннаго указанія въ *древнѣйшихъ* и *достовѣрныхъ* нашихъ свидѣтельствахъ, и утверждать для того только, чтобы идти вслѣдъ за прежними авторитетами». (Стр. 734).

Между тѣмъ Закревскій на своемъ новоначертанномъ первомъ планѣ древнѣйшаго Кіева (до 988 года) ставитъ за канавою—*капище Волоса,* а на второмъ планѣ древняго Кіева (до 1240 года) ставитъ на томъ мѣстѣ —*церковь св. Власія,* не смотря на то, что объ томъ *капищѣ* и о той *церкви* нѣтъ и помину нигдѣ, не только въ Несторовой лѣтописи, но даже и въ Кіевскомъ Синопсисѣ всѣхъ трехъ изданій. И Закревскій не отвергнулъ новѣйшаго сказанія о нихъ, предложеннаго въ первый разъ, кажется, въ *Описаніи Кіева* Берлинскаго, 1820 г., на основаніи какого-то, никому неизвѣстнаго городоваго акта 1692 года! Онъ не сказалъ здѣсь: «мы уже неоднократно замѣчали, что Кіевскіе грамотеи 17-го столѣтія любили начало каждой мѣстности Кіева относить ко временамъ Владиміра святаго, и обильно украшали исторію Кіева разнаго рода вымыслами» (стр. 758),—какъ это сказалъ онъ по поводу извѣстной записи о *Рождественской церкви,* о которой дѣйствительно говорится, напримѣръ, въ грамотѣ великаго князя литовскаго Жигимонта I-го 1524 года, съ упоминаніемъ, что къ этой церкви *со стародавна* принадлежало.

Хотя при церкви св. Власія, Закревскій и дѣлаетъ оговорку, что Несторъ объ этомъ ничего не говоритъ, и что «это обстоятельство остается еще доказать»; однакоже на своихъ планахъ Кіева онъ поставилъ и капище и церковь, и въ своей *льтописи Кіева* прямо утверждаетъ, что «на Оболони стояло *капище Волоса»* (стр. 10), — слѣдуя только авторитету Берлинскаго, и не дожидаясь свидѣтельствъ *древнѣйшихъ* и *достовѣрныхъ!*

Но вотъ и древнѣйшіе прологи 13-го и 14-го вѣка, которые, по свидѣтельству Карамзина, а потомъ Бодянскаго и Лавровскаго, говорятъ, что то мѣсто, гдѣ народъ Кіевскій крестился въ *Почайнѣ* (а по Нестору и хроникѣ Густынской въ *Днѣпрѣ*), съ той поры зовется *Святымъ мѣстомъ*—«идежъ нынѣ церквы Петрова» [1]).

Но Закревскій говоритъ: «ни Несторъ, ни послѣдующіе лѣтописцы ничего не знаютъ о Петровской церкви на мѣстѣ крещенія Кіевлянъ, слѣдовательно и это «извѣстіе—*не заслуживаетъ никакого вѣроятія»* (стр. 850.)

А Волосово капище, извѣстное одному Берлинскому [2]), заслуживаетъ гораздо большаго вѣроятія! Впрочемъ Закревскій говоритъ о себѣ: *мы многое принимаемъ за достовѣрное*, чего не находится и въ Несторовой лѣтописи» (стр. 104). Стало быть, не все умолчанное и пропущенное Несторомъ—есть выдумка! Если же Закревскому, Кіевлянину 19-го вѣка, можно

---

[1]) Во второй книгѣ моего Кіевлянина 1841 года, въ статьѣ «о мѣстѣ Туровой божницы», было указаніе на это мѣсто древнихъ харатейныхъ прологовъ съ такимъ предположеніемъ: не поставлено ли здѣсь названіе *Петрова* вмѣсто *Турова*, по недоумѣнію писца объ этомъ имени (стр. 108)?

Филаретъ Черниговскій, въ своей исторіи Русской церкви, принялъ *церковь Петрова* за первоначальное, подлинное чтеніе, и въ § 20 написалъ: «на мѣстѣ крещенія народа построенъ храмъ во имя ап. *Петра*, твердаго проповѣдника вѣры»; а въ примѣчаніи говоритъ: «въ извѣстіяхъ о построеніи храмовъ Владиміромъ можно видѣть образчики невѣжества писцовъ. Въ прологѣ: «идѣже церковь Бориса и Глѣба—трудъ послѣдующаго времени».

[2]) Максимъ Ѳедоровичъ Берлинскій родился 1764 года, а скончался, на 84 году жизни своей, 6-го января 1848 г. Моя *поминка* о немъ, читанная мною въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ, напечатана во *Временникѣ* 1860 г. У меня хранится автографъ его *Описанія Кіева*, подаренный мнѣ имъ на память.

многое принимать за достовѣрное, чего нѣтъ у Нестора, то нельзя же лишать этого права и тѣхъ прежнихъ ученыхъ Кіевлянъ: Сильвестра Коссова, Аѳанасія Кальнофойскаго, Ѳеодосія Софоновича и другихъ, которые въ первой половинѣ 17-го вѣка видѣли еще развалины древняго Кіева, наслѣдовали преданія прежнихъ поколѣній Кіевскаго народа, и по одному этому уже составляютъ для насъ *авторитетъ;* а въ критикѣ и логикѣ были едвали не сильнѣе Кіевописателей нынѣшняго столѣтія....

Въ заключеніе письма моего о Кіевскомъ Синопсисѣ, приведу слѣдующій о немъ случай изъ книги Закревскаго. На страницѣ 121 сказано: «кажется, подобными источниками руководствовался и Ѳеодосій Софоновичъ, послѣ коего Инокентій Гизель, *въ своемъ Синопсисѣ 1674 года*, написалъ слѣдующее:.... «Тогда священници и діаконы, облекшеся въ священныя одежды, стояху при брезѣ на доскахъ, на рѣцѣ Почайнѣ устроенныхъ, идѣже при брезѣ *нынѣ* церковь святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба» (Синопс. 49)!

Но историческая критика не дозволяетъ говорить на обумъ и приводить свидѣтельства изъ книги, которыхъ нѣтъ въ ней. Въ *Синопсисѣ 1674 года* (также какъ и въ *старомъ лѣтописцѣ* южнорусскомъ) нѣтъ указанія на церковь Бориса и Глѣба; тамъ на страницѣ 65 сказано: «тогда священници и діаконы облекшеся въ священныя одежды, стояху при брезѣ на лавкахъ, на рѣцѣ Почайнѣ устроенныхъ и—только. Прибавка: «идѣже при брезѣ нынѣ церковь....» сдѣлана въ послѣдующихъ изданіяхъ Синопсиса, по позднѣйшимъ прологамъ, и составляетъ мнѣніе, принятое Кіевлянами извнѣ, уже въ исходѣ 17-го столѣтія.

8 апрѣля 1868 г.

Михайлова-гора.

О ХРАМѢ БОГОМАТЕРИ ВЛАХЕРНСКОЙ ВЪ КІЕВѢ [1].

Письмо въ Кіевъ [2]) на новый 1866 годъ.

Что новаго замышляется у васъ въ Кіевѣ на *1866* годъ? Этотъ новый годъ особенно замѣчателенъ: завершаетъ собою *тысячелѣтіе Русскаго христіанства.* Въ *866* году Кіевскіе князья Оскольдъ и Диръ ходили на Царьгородъ за добычею; и воротились въ Кіевъ съ безцѣннымъ сокровищемъ вѣры Христовой. Съ этого похода на Царьгородъ и начинается историческая извѣстность Руси: «начася прозывати *Руська земля*» говоритъ преподобный Несторъ.

Тысячелѣтіе Русскаго государства, начавшееся 862 года княженіемъ Рюрика на Русскомъ сѣверѣ, уже ознаменовано достойнымъ памятникомъ въ Новгородѣ. Нынѣ пришла пора ознаменовать тысячелѣтіе Русскаго христіанства — въ Кіевѣ, гдѣ началось наше православіе и откуда оно распространилось во всѣ концы древней, Владиміровой Руси. Чѣмъ-же ознаменовать? На то указываетъ само событіе. Когда Кіевская рать въ двухъ стахъ кораблей (челновъ) обступила Царьгородъ, царь Михаилъ съ патріархомъ Фотіемъ цѣлую ночь молились въ набережной церкви Богоматери Влахернской; а потомъ вынесена была съ пѣніемъ честная риза Богоматери и погружена въ волны: тогда поднялась на морѣ сильная буря и разбила большую часть кораблей. Устрашенные вожди языческой Руси увѣровали тогда въ истиннаго Бога и приняли святое крещеніе; а греческая церковь тогда воспѣла: *Возбранной воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся отъ злыхъ, благодарственная восписуемъ ти раби твои, Богородице!....*

---

[1]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1866 г. № 2.

[2]) П. Г. Л—ву.

И такъ, надобно нынѣ воздвигнуть въ Кіевѣ храмъ во имя *Богоматери Влахернской*, обратившей Кіевскую Русь отъ язычества въ христіанство, — явившей свое благоволеніе къ Кіеву и при созданіи драгоцѣнной для всего Русскаго міра Печерской церкви.

Въ древнее время и была въ Кіевѣ церковь Влахернской Богоматери, заложенная на Кловѣ преподобнымъ Стефаномъ Печерскимъ. Но со времени нашествія Батыева уже нѣтъ той церкви.... Тѣмъ болѣе надобно воздвигнуть въ Кіевѣ новый храмъ во славу *имущей державу непобѣдимую*. А чтобы почтить и тысячелѣтнюю память о нашихъ первыхъ *князьяхъ-христіанахъ*, справедливо было бы установить въ день Богоматери Влахернской (2-го іюля) *крестный ходъ на Осколь- дову-могилу*, гдѣ и нынѣ, какъ въ древнее время, находится небольшая церковь св. Николая.

Вотъ мысли мои въ нынѣшній день, которыми и привѣтствую васъ съ наступающимъ новымъ годомъ.

28 декабря 1865 г.

Михайлова-гора.

ОБОЗРѢНІЕ СТАРАГО КІЕВА [1]).

Среди прочихъ частей нынѣшняго Кіева, на особой высокой горѣ находится часть его, называемая *Старымъ Кіевомъ* или *Старымъ городомъ*. Имя сіе показываетъ уже, что здѣсь былъ тотъ первопрестольный Кіевъ, который отъ Вѣщаго Олега названъ *матерью Русскихъ городовъ*. По возвышенности своего положенія надъ низменнымъ Подоломъ, Старый Кіевъ назывался встарину *Верхнимъ* или *Вышнимъ городомъ*.

1. Окрестности Стараго Кіева.

Отъ Старокіевской горы на полдень, возвышается надъ Днѣпромъ другая, обширная гора, на которой находится теперь главная и населеннѣйшая часть Кіева, называемая *Печерскомъ*. Въ древнее и среднее время сія гора покрыта была густымъ лѣсомъ. Посредствомъ *Кловскаго провалья* она раздѣлялась на два особыя отдѣленія, которыя и теперь существуютъ подъ названіемъ *Печерскаго* и *Дворцоваго*. На первомъ, болѣе далекомъ отъ Стараго города отдѣленіи сей горы, въ древнѣйшее время было только село *Берестовое*, весьма любимое св. Владиміромъ, который въ немъ и скончался 1015 года; объ этомъ селѣ теперь напоминаетъ намъ только *Спасъ на Берестовѣ*—небольшая каменная церковь, поставленная Петромъ Могилою на развалинѣ древней церкви, воздвигнутой св. Владиміромъ.

За селомъ Берестовымъ, во второй половинѣ 11-го вѣка, началось отшельническое пещерное жительство богоугодной братіи, собранной преподобными отцами нашими Антоніемъ и

---

[1]) Кіевлянинъ 1840 года стр. 5—58.

Θеодосіемъ, — и создался трудами Русскихъ праведниковъ святой *монастырь Печерскій.* Святославъ Ярославичъ въ 1073 г. началъ здѣсь построеніе великой, *небеси подобной* церкви Успенія Пресвятой Богородицы; а въ 1159 году Печерскій монастырь возведенъ на степень *лавры* Андреемъ Боголюбскимъ, по завѣщанію отца его Юрія Долгорукаго.

Къ сѣверозападу отъ Берестова, противу того мѣста гдѣ вливается въ Днѣпръ глубокая *Черторыя*, — въ 882 г., на полугорѣ, началось пустынное поселеніе—*могилою Оскольда.* На сей могилѣ перваго Русскаго князя—христіанина поставлена была церковь св. Николая, можетъ быть еще св. княгинею Ольгою [1]). Въ 11-мъ вѣкѣ существовалъ тамъ женскій Никольскій монастырь, въ которомъ пострижена была мать преподобнаго Θеодосія. Теперь на Оскольдовой могилѣ кладбище, съ небольшою Николаевскою церковью, построенною въ 1809 г. Воронежскимъ купцомъ Мещеряковымъ, на мѣсто обветшавшей деревянной. Что касается до *Пустынно-Николаевскаго* мужескаго монастыря, то онъ извѣстенъ становится съ началомъ 12-го вѣка. Нынѣшняя въ немъ каменная церковь построена уже въ 1713 году Кіевскимъ губернаторомъ кн. Голицынымъ, а большой Николаевскій монастырь, обращенный 1831 года въ военный соборъ, сооруженъ около 1696 года гетманомъ Мазепою.

---

[1]) Въ Лаврентьевскомъ (1377 г.) и другихъ старшихъ спискахъ Русской лѣтописи не сказано, кто и когда *постави* первоначальную церковь св. Николы на Оскольдовой могилѣ; но въ Кіевскомъ Синопсисѣ сказано, что ее поставила *св. Ольга* по своемъ крещеніи; и это весьма вѣроятно. Для княгини Ольги, какъ для новой христіанки, весьма естественно было построеніемъ церкви почтить память и могилу перваго Русскаго князя христіанина, пострадавшаго отъ ближника ея Олега. Существованіе именно *женскаго* монастыря при Никольской церкви, также говоритъ въ пользу сего мнѣнія. Правда, что въ позднѣйшихъ спискахъ Русской лѣтописи построеніе сей церкви приписано *Ольмѣ;* но сіе имя придумано уже позднѣйшими лѣтописцами и произведено ими отъ *Ольмина двора*, который во время Нестора находился на Оскольдовой могилѣ или Угорскомъ. Мнѣ кажется, что и самое названіе *Ольминъ дворъ* едвали не ошибочно распространилось въ лѣтописяхъ, и что въ первоначальныхъ спискахъ Несторовой лѣтописи едвали не было написано *Ольжинъ дворъ*, подобно тому, какъ Вышгородъ, принадлежавшій Ольгѣ, называется въ лѣтописяхъ градъ *Ольжинъ* (Ольженъ), (Вольжинъ).

На другомъ отдѣленіи Печерской горы, которое обращено къ Старому городу, не ранѣе какъ въ концѣ 11-го вѣка возникла отрасль Печерскаго монастыря, насажденная преподобнымъ игуменомъ Стефаномъ — *монастырь Кловскій* или *Стефаничъ*. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ сей монастырь, вскорѣ послѣ 1744 года построенъ былъ отъ лавры *Кловскій дворецъ*, гдѣ теперь первая Кіевская гимназія. Вслѣдъ за тѣмъ (около 1753 г.) устроенъ былъ нынѣшній дворцовый садъ и въ немъ поставленъ деревянный *Государевъ дворецъ*, въ нижнемъ ярусѣ коего (оставшемся послѣ пожара, бывшаго въ 1819 году) помѣщается теперь заведеніе искуственныхъ минеральныхъ водъ.

Но монастыри Печерской горы, въ отношеніи къ Кіеву, прежде были загородные, какъ въ наше время монастырь Выдубыцкій и пустынь Китаевская. Обширная лаврская слобода, на мѣстѣ которой въ началѣ прошлаго столѣтія устроена Петромъ великимъ *Печерская крѣпость*, считалась деревнею, а потомъ *мѣстечкомъ Печерскимъ*. На всемъ Дворцовомъ отдѣленіи Печерской горы, кромѣ упомянутыхъ двухъ дворцевъ, не было строенія даже до конца прошлаго столѣтія, именно до 1790 года.

Подобно сему и *Крещатикъ*, довольно красиво отстроенная теперь частица Кіева, соединяющая собою Старый городъ съ Печерскомъ, до начала нынѣшняго столѣтія былъ почти необитаемъ. Въ его глубокомъ удольи, спускающемся къ Днѣпру, съ древнихъ временъ славенъ былъ только источникъ, въ которомъ крещены 12 сыновей Владиміровыхъ и который потому названъ *Хрещатикомъ;* а въ народѣ по сю пору называется *Святымъ мѣстомъ*. Можетъ быть на семъ-то Святомъ мѣстѣ поставлена была церковь во имя мученика *Турова*, о которой говоритъ Степенная Книга, какъ о первой изъ поставленныхъ св. Владиміромъ церквей. Находящійся надъ источникомъ павильонъ, въ память св. Владиміру, выстроенъ 1802 года. Сюда ежегодно въ среду преполовенія бываетъ крестный ходъ изъ Софійскаго собора, уставленный съ 1804 года митрополитомъ Серапіономъ.

На рѣчкѣ *Лыбеди*, протекающей мимо Кіева по югозападной его сторонѣ, было въ древнее время *Предславино* и другія села. Надъ этою рѣчкою только въ нынѣшнее дѣсятилѣтіе началась строиться Лыбедская часть Кіева.

И такъ знатнѣйшая теперь половина Кіева, къ юговостоку отъ Стараго города простирающася, не была городомъ еще и въ прошедшемъ столѣтіи, и какъ-бы ждала обновленнаго бытія Кіеву, чтобы войти въ составъ его со святою Печерскою лаврою, и занять въ немъ первое мѣсто.

Что касается до *Подола* или *Нижняго города*, простирающагося подъ Старымъ городомъ, на его сѣверной сторонѣ; то въ среднія времена онъ составлялъ хотя и бѣдную, однако населеннѣйшую часть Кіева, и много содѣйствовалъ просвѣщенію цѣлой Руси своимъ *Богоявленскимъ братствомъ*. Подолъ и въ древнее время составлялъ также весьма многолюдную и застроенную часть Кіева. Однако его городовое заселеніе не древнѣе временъ Владиміровыхъ. Въ княженіе Ольги на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ» пишетъ преподобный Несторъ: «бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ (внизу) горы Кіевскія».

Достопамятная *Почайна*, именемъ которой называется теперь небольшой ручей, впадающій въ Днѣпръ за Подоломъ, верстахъ въ трехъ отъ Стараго города, въ прежнее время текла по Подолу и, пройдя подъ горою Старокіевскою, большимъ *ручаемъ* вливалась въ Днѣпръ противъ Крещатицкаго источника, въ нее впадавшаго [1]). На своемъ продолженіи Почайна съ лѣвой стороны отдѣлялась отъ Днѣпра длинною

---

[1]) Можетъ быть, въ древнее время *Ручай* и *Почайна* были два отдѣльныя протока, сливавшіеся воедино передъ впаденіемъ оныхъ въ Днѣпръ. Какъ-бы ни было, но Почайна протекала возлѣ Рождественской церкви еще и въ 1700 году, что видно между прочимъ изъ царской грамоты, въ семъ году данной Михайловскому монастырю. Песчаная коса, отдѣлявшая Почайну отъ передвижнаго Днѣпра, снесена уже его волнами. Старожилы помнятъ еще, что отъ нея въ прошломъ вѣкѣ оставался рядъ островковъ; послѣдній изъ нихъ, бывшій противъ Крещатика, снесенъ лѣтъ за десять. Любопытныя еще подробности о сліяніи Днѣпра съ Почайною въ прошломъ столѣтіи, извлечены Берлинскимъ изъ бывшаго Магистратскаго архива. См. *его* [illegible] *Описаніе Кіева*, Спб. 1820, въ 8.

песчаною косою; а съ правой стороны она принимала въ себя разные ручьи, протекавшіе съ горныхъ возвышенностей на Подолъ. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нынѣшняго Подола, даже и въ позднѣйшее время, были болота, поросшія камышемъ. Заливное передвижнымъ Днѣпромъ и покрытое лозою *Оболонье*, въ древнѣйшее время простиралось гораздо ближе къ Старому Кіеву, чѣмъ теперь; на немъ Кіевляне пасли свои стада и совершали поклоненіе *скотью богу Волосу*.

Изъ сего краткаго обозрѣнія мѣстъ, окружающихъ Старокіевскую гору, очевидно, что первоначальное и главнѣйшее существованіе Кіева было на сей горѣ. Мѣстомъ для его дальнѣйшаго распространенія служили тѣ возвышенности и удолья, которыя отъ Старокіевской горы идутъ къ горѣ Щековицѣ, и, простираясь за нею на нѣсколько верстъ, потомъ поворачиваютъ на сѣверовостокъ къ Вышгороду. Такимъ образомъ составляется полукружная гряда горъ надъ Подоломъ и Днѣпромъ: на одномъ ея концѣ возвышается Старокіевская гора съ своимъ славнымъ городомъ; на другомъ концѣ гора *Хоревица* съ нѣкогда процвѣтавшимъ на ней Вышгородомъ и укрывающимся за нею Межигорьемъ. На продолженіи сей гряды, не вдалекѣ отъ горы Кіевской, выдается гора Щековица [1]), на которой въ 912 году возникла славная *могила Олегова*. Ея именемъ называлось въ древности и все многолюдное жилье, на той горѣ бывшее. Теперь тамъ возвышается построенная отъ города въ 1780 году каменная *церковь всѣхъ святыхъ*, также съ городскимъ кладбищемъ, какъ и на укромной могилѣ Оскольдовой. Сіе-то Наддѣпровское трехгорье служило первоначально мѣстомъ городоваго заселенія Словѣнской отросли, называвшейся Полянами.

2. Андреевское отдѣленіе Стараго Кіева и его предмѣстья.

Въ какомъ вѣкѣ началось построеніе Кіева, объ этомъ нѣтъ никакихъ историческихъ извѣстій. Преподобный Несторъ сохранилъ только слѣдующее мѣстное преданіе своего народа.

---

[1]) Древнее имя *Щековицы* уже измѣнилось: въ 17-мъ вѣкѣ (см. Кіев. Синопс.) ее называли *Шковицею;* теперь зовутъ ее *Скавикою.*

«Быша тріе братья: единому имя Кій, а другому Щекъ, а третему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кій на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ ныне зовется Щекавица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ негоже прозвася Хоревица. И сотвориша градъ во имя брата своего старшаго и нарекоша имя ему Кіевъ; бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь». Сіе преданіе повторяютъ у Нестора и Поляне, во отвѣтъ Оскольду и Диру, когда сіи воители, плывучи мимо по Днѣпру и увидѣвши городокъ на горѣ, спросили: «чій се градокъ»?

Но у Нестора записано еще другое преданіе о самомъ первомъ, завѣтномъ и священномъ началѣ Кіева—о крестѣ Андрея Первозваннаго. Святый Апостолъ «пойде по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. Заутра вставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать божія, имать градъ великъ быть, и церкви многи Богъ воздвигнути имать. Вшедъ на горы сія, благослови я, постави крестъ, и помолився Богу, и слѣзе съ горы сея, идеже послѣже бысть Кіевъ.»

На этой завѣтной высотѣ красуется теперь церковь *Андрея Первозваннаго*, заложенная собственноручно императрицею Елисаветою въ 1744 году, когда она пріѣзжала на богомолье въ Кіевъ. Сія ружная церковь, построенная по плану извѣстнаго де-Ростреллй, освящена 19-го августа 1767 года. Съ балкона Андреевской церкви представляется необыкновено живописный, обширный видъ стройнаго Подола съ широкимъ Оболоньемъ, и многоразливнаго *словутнаго* Днѣпра, и возвышающейся надъ ними полукружной гряды горъ, и многокартиннаго, ненаглянаго Заднѣпровья. Начиная съ сего же средоточнаго мѣста, всего лучше можно обозрѣвать и Старый Кіевъ, вспоминая объ немъ по степенямъ его перемѣнчиваго бытія: сперва въ первоначальномъ *древнѣйшемъ* его видѣ—до крещенія Владимірова, потомъ въ *древнее* время его найбольшаго величія и славы, которыхъ онъ не утратилъ и тогда, какъ уже сталъ игралищемъ междоусобій княжескихъ, за тѣмъ въ *средніе* вѣка его упадка, съ нашествія Татарскаго до возста-

новленія въ немъ православной митрополіи и до его обновленія подъ державою Россіи.

Древнѣйшій городъ Кіевъ начинался тамъ, гдѣ Андреевская гора отдѣляется небольшимъ оврагомъ отъ монастыря Михайловскаго. Этотъ оврагъ есть заглохшій слѣдъ древняго *Боричева взвоза*, надъ которымъ, по сказанію Нестора, жилъ Полянскій князь *Кій*, и по которому была главная дорога въ Кіевъ отъ Днѣпра. Къ Днѣпру, или говоря точнѣе, ко впадающему въ Днѣпръ *Ручаю*, Боричевъ взвозъ проходилъ съ горы тамъ, гдѣ стоитъ теперь Рождественская церковь [1]. Невдалекѣ отъ сего мѣста у Боричева взвоза была и пристань.

Отъ Боричева первоначальный городъ Кіевъ простирался вдоль Андреевской горы до сѣверозападнаго ея предѣла, гдѣ начинается другой старинный взвозъ на Подолъ, называемый теперь *Андреевскимъ* и гдѣ въ среднія времена, а вѣроятно и въ древнія, находились городскія ворота.

На этой, особенно видной, обращенной къ Днѣпру сторонѣ первоначальнаго города, поставленъ былъ надъ горою, вѣроятно, еще при первыхъ Русскихъ князьяхъ, *каменный теремъ* съ большимъ *теремнымъ дворомъ*. На семъ—то *княжемъ* дворѣ—*у солнышка у краснаго*, *у ласкова* князя Владиміра—бывали такъ часто богатырскіе *почестные пиры*, которые такъ поэтически прославляются въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, — объ которыхъ преподобный Несторъ повѣтствуетъ въ своей лѣтописи: «устави (Владиміръ) на дворѣ въ гридницѣ пиръ творити, и приходити боляромъ и гридомъ, соцькимъ и десяцьскимъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя» и т. д. Положеніе теремнаго двора опредѣляетъ Несторъ такъ: «за святою Богородицею надъ горою дворъ теремный: бѣ бо ту теремъ каменъ». Изъ его же словъ [2])

---

[1]) Нѣкоторые Кіевоподольскіе старожилы помнятъ, что въ 1810 году, когда для построенія нынѣшней каменной церкви Рождественской разбирали прежнюю деревянную, построенную 1564 года, то въ ея основаніи найдено было надписаніе, что она поставлена была на *узвозѣ Боричевомъ*.

[2]) «Ольга же повѣле ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмъ внѣ града» и т. д.

можно видѣть, что за теремомъ была другая половина теремнаго двора, уже *внѣ града:* безъ сомнѣнія, она простиралась по склону горы и покрыта была садомъ.

«Внѣ двора теремнаго», гдѣ теперь церковь Трехсвятительская, въ древнѣйшее время возвышался *Перуновъ холмъ.* На томъ холмѣ, набожный и въ язычествѣ своемъ, Владиміръ поставилъ шесть кумировъ Словенскихъ. Но когда онъ въ 988 году возвратился въ Кіевъ изъ Корсуня, уже преображенный святымъ крещеніемъ, тогда велѣлъ онъ ниспровергнуть прежніе свои кумиры: одни изрубить, другіе сжечь; Перуна же велѣлъ онъ влечь съ горы къ Боричеву на Ручай. Совершивъ крещеніе своего народа, Владиміръ повѣле рубити церкви и поставляти по мѣстамъ, идеже стояху кумиры; и постави *церковъ св. Василія* на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идеже творяху потребы князь и людье».— Сія церковь, съ нашествія Батыева, четыре вѣка оставалась развалиною, въ которой несломаны были только нижняя часть стѣнъ, да узкое алтарное окно къ сѣверу. Первое возстановленіе Васильевской церкви относится къ незабвенному для Кіева митрополитству Петра Могилы, который, устроя Богоявленское братство, приписалъ къ нему и сію церковь. Тогда на ея древнемъ остаткѣ построена была новая и опредѣлены для служенія въ ней строитель и братія. Но около 1660 года она сгорѣла и опять было запустѣла. Нынѣшняя каменная церковь, также на древнемъ остаткѣ, построена уже при Варлаамѣ Ясинскомъ 1695 года и освящена во имя *Трехъ—Святителей.* При ней въ прошломъ столѣтіи былъ Трехсвятительскій мужескій монастырь, приписанный къ Софійскому, какъ видно изъ вѣдомости о монастыряхъ Кіевской епархіи 1756 года [1]).

---

[1]) Трехсвятительская церковь названа монастыремъ и на генеральномъ планѣ Кіева 1745 года; въ послѣднее время монастырь сей приписанъ былъ опять къ училищному Братскому монастырю; а съ 1783 года, Трехсвятительская церковь сдѣлана приходскою.

Древняя Васильевская церковь имѣла въ ширину 16^{1} г. а въ длину 25 сажень; сложена была изъ тонкихъ четвероугольныхъ кирпичей, на толстой известковой съ толченымъ кирпичемъ подмазкѣ, подобно Софійской и Десятинной церквамъ. По этому можно думать, что она первоначально была по-

Мѣсто подъ юговосточнымъ угломъ Андреевской горы, гдѣ Peруновъ кумиръ волокли по Боричеву взвозу, прозвано было въ народѣ *Чортовымъ беремищемъ*. Противоположный большой отрогъ Андреевской горы, вокругъ котораго спускается на Подолъ Андреевскій взвозъ, въ старину назывался *Вздыхальницею*.

Къ югозападу отъ терема былъ дворъ Варяга Θеодора, гдѣ онъ съ сыномъ своимъ Іоанномъ принялъ мученическій вѣнецъ за христіанство, во время Владимірова язычества (983 г.). На томъ мѣстѣ Равноапостольный князь заложилъ въ 989 году великолѣпную каменную церковь во имя пресвятой Богородицы, и по освященіи оной 996 года мая 12-го, поручилъ ее Анастасу Корсунянину, и приставилъ на служеніе въ ней священниковъ Корсунскихъ; и уставилъ завѣтною грамотою давать на ея содержаніе десятину съ княжескихъ доходовъ, почему церковь сія и названа *Десятинною*. Въ ней св. Владиміръ положилъ мощи св. Ольги и главу св. Климента, папы Римскаго; здѣсь же погребенъ былъ первый нашъ митрополитъ св. Михаилъ, скончавшійся въ 992 году: а въ 1015 г. посреди Десятинной церкви поставлена была краснокаменная гробница [1]) и Равноапостольнаго князя, рядомъ съ гробницею княгини его Анны, скончавшейся въ 1011 году. Въ сей же церкви, въ 1044 году, Ярославъ положилъ кости умершихъ въ язычествѣ своихъ дядей, Ярополка и Олега, совершивъ надъ ними безпримѣрный въ нашей исторіи обрядъ крещенія послѣ смерти.

строена деревянная, и потомъ уже поставлена каменная Греческими художниками, соорудившими Десятинную церковь. По сгорѣніи Васильевской церкви около 1660 года, она черезъ нѣсколько лѣтъ приписана была къ монастырю Михайловскому; а 1691 г. отдана Софійскому.

Кромѣ сей Васильевской церкви, основанной св. Владиміромъ во свое крестное имя, — въ древнемъ Кіевѣ была еще другая *церковь св. Василія*, которую на новомъ дворѣ построилъ во свое имя Рюрикъ Ростиславичъ, и которую освящалъ 1-го января 1198 г. митрополитъ Никифоръ II-й. Но гдѣ стоялъ новый Ростиславовъ дворъ, неизвѣстно.

[1]) Я назвалъ гробницы св. Владиміра и Анны *краснокаменными*, для означенія того, что онѣ были не изъ настоящаго *мрамора*, а изъ краснаго шифера.

Для построенія Десятинной церкви вызваны были Владиміромъ греческіе художники. Ея стѣны и полъ украшены были мраморомъ и великолѣпною мусіею. Въ нее же были отданы Владиміромъ всѣ привезенные изъ Корсуня иконы, кресты и сосуды церковные. А два капища и 4 мѣдныхъ коня, изъ Корсуня же привезенные, поставлены были за Десятинною церковью, на площади, называвшейся *бабинымъ торжкомъ*, гдѣ они стояли и въ Несторово время. Въ основаніи своемъ Десятинная церковь имѣла видъ четвероугольника, длиною около 24, а шириною 16 сажень.

Въ 1204 году когда, неистовый Рюрикъ съ Половцами грабилъ Кіевъ, ограблена была и Десятинная церковь; а во время нашествія Батыева въ 1240 году она обращена въ развалины, и неразрушеннымъ остался только югозападный уголъ, вышиною около 5 сажень. Изъ найденныхъ подъ развалинами въ 1635 году княжескихъ гробницъ, Петръ Могила вынулъ главу св. Владиміра и положилъ ее сначала въ Спасскую церковь на Берестовѣ, и въ томъ же году перенесъ въ лавру. Къ уцѣлѣвшему углу древней церкви, придѣлавъ къ нему новыя стѣны изъ древнихъ же кирпичей, Могила отстроилъ малую Десятинную церковь, во имя Рождества Богородицы, и надстроилъ еще деревянный придѣлъ во имя Петра и Павла. Сія Могилянская церковь, неизвѣстно почему, называлась въ послѣдствіи Николаевскою.

Краснорѣчивыя развалины древняго Десятиннаго храма оставались нетронутыми до митрополита Евгенія; при немъ же, сначала въ 1828 году были разрыты развалины; а въ 1828 году и развалины и Могилянская церковь разобраны до основанія, и на нихъ мѣстѣ, надъ древними гробницами, того же года 2-го августа, заложена новая церковь, также во имя Рождества Богородицы, съ двумя придѣлами, во имя св. Владиміра и св. Николая. Эта церковь строится по плану Стасова, иждивеніемъ Курскаго помѣщика Анненкова. На ея украшеніе употребляются многія изъ принадлежностей древней Десятинной, найденныхъ подъ ея развалинами. Тринадцать большихъ выпуклыхъ буквъ, оставшихся на каменныхъ облом-

кахъ и составляющихъ древнѣйшій памятникъ письменности въ Россіи вдѣланы по мѣстамъ надъ окнами новой церкви.

На западъ отъ Десятинной церкви, да и на полдень отъ нея, первоначальный городъ простирался уже недалеко—до близь лежащаго оврага, которымъ оканчивалась тамъ Андреевская гора. Черезъ тотъ оврагъ, по направленію къ Софійскому собору, былъ въ древнее время *мостъ*, по которому въѣзжали въ Кіевъ черезъ каменныя ворота. Ворота сіи находились въ земляномъ валу, окружавшемъ первоначальный городъ, и вѣроятно стояли противъ терема. Они сложены были изъ широкихъ кирпичей и камня, подобно золотымъ вратамъ, въ соотвѣтствіе коимъ можетъ быть они и сооружены были. Остатокъ ихъ существовалъ еще въ прошломъ столѣтіи, и разобранъ уже при комендантѣ Массе въ 1799 г. Ворота сіи въ прошедшемъ столѣтіи назывались *Кіевскими* воротами, а также и *Батыевыми*.

Кромѣ сихъ воротъ, въ древнѣйшемъ Кіевѣ было еще нѣсколько; но гдѣ именно и въ какомъ числѣ они стояли, неизвѣстно. Вѣроятно одни были со стороны Боричева, а другія со стороны Андреевскаго взвоза [1]).

Вокругъ первоначальнаго города,—который помѣщался на такъ называемомъ Андреевскомъ отдѣленіи Старокіевской горы,—безъ сомнѣнія уже съ древнѣйшихъ временъ были разныя заселенія, особливо по сѣверному и западному склону Андреевской горы. Объ нихъ напоминаютъ собою эти маленькія, полуземляныя хатки, которыми и теперь еще, какъ ласточьими гнѣздами, облѣплены кое гдѣ склоны Старокіевской горы, безъ которыхъ и теперь какъ-то неполна былабы картина Стараго Кіева.

---

[1]) Въ Эймундовой Сагѣ повѣствуется, что при нападеніи Брячислава на Кіевъ (въ 1021 году), открыто было только двое городскихъ воротъ, а прочія были закрыты. Каменныя, такъ называемыя Батыевы ворота, на планѣ Кіева 1745 года названы *Кіевскими*. Но въ 17-мъ вѣкѣ воротами *Кіевскими* назывались кажется тѣ, которыя (какъ видно изъ словъ Кальнофойскаго,—см. ниже) стояли надъ Андреевскимъ взвозомъ; ибо въ патерикѣ Коссова (стр. 16 и 181) упоминается о развалинахъ Десятинной церкви *возлѣ нынѣшней брамы Кіевской, на горѣ стоящей*. Можетъ быть сіи ворота въ древности назывались *Подольскими*. «Отвориша ему (Роману) Кія не ворота Подольская въ Копыревѣ конци».

Со всею вѣроятностію можно допустить, что *Пасынчья бесѣда* и *Козары*, о коихъ упоминаетъ Несторъ, находились на склонѣ Старокіевской горы къ Днѣпру и составляли набережное предмѣстье первоначальнаго Кіева возлѣ Боричева взвоза. *Въ концѣ* ихъ, по сказанію Нестора—же, еще и въ его время стояла *надъ Ручаемъ церковь св. Иліи*, бывшая въ половинѣ 10-го вѣка, при Игорѣ, *соборною* церковью христіанской Руси. Можетъ быть сія церковь была древнѣйшая въ Кіевѣ, поставленная еще въ княженіе Оскольда [1]).

Михайловская гора и ее окружающія удолья въ древнѣйшее время были покрыты лѣсомъ. Вѣроятно въ тѣхъ удольяхъ, которыя принадлежатъ къ ней съ югозападной стороны, во время Ольги было *перевѣсище*, находившееся *внѣ града*, по замѣчанію Нестора.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Софійскій соборъ и его окружающія зданія, во время Владиміро и даже Ярославово 1037 года, было загородное поле, на которомъ была только *могила Дирова*—вторая могила Русскаго князя-христіанина.

Но гдѣ была христіанская-же могила св. княгини Ольги, заповѣдавшей *не творить* надъ нею *тризны*, а погребсти ее *ровно съ землею?* Объ этомъ нѣтъ показаній ни у Нестора, ни у другихъ нашихъ лѣтописателей.

Не говорится у преподобнаго Нестора и о томъ, гдѣ была церковь блаженной Ольги, имѣвшей при себѣ священника Григорія. Только въ одной, такъ называемой Іоакимовской, лѣтописи сохранилось извѣстіе, что св. Ольга построила деревянную, первую въ Кіевѣ *церковь св. Софіи*, для которой она получила иконы отъ патріарха. Какъ ни сомнительна во многомъ та лѣтопись, но ея сказаніе о древнѣйшей Софій-

[1]) Вопросъ о мѣстѣ древней Ильинской церкви, мнѣ кажется, рѣшенъ удовлетворительно въ академическомъ *Изслѣдованіи* Евфима Остромысленскаго (Кіевъ, 1830 г. въ 4). Что касается до времени построенія сей церкви, то она, я думаю, могла быть построена скорѣе при князѣ Оскольдѣ, чѣмъ при Олегѣ или Игорѣ. Посланный въ Русь отъ патріарха Игнатія около 867 г. епископъ Михаилъ, безъ сомнѣнія, заботился о томъ, чтобы въ Кіевѣ была построена церковь и вѣроятно сему епископу принадлежало основаніе Кіевской соборной церкви св. Иліи, тѣмъ болѣе, что и въ Царѣградѣ соборная церковь была также во имя св. Иліи.

ской церкви весьма вѣроятно,—особливо при извѣстіи Дитмара, что Кіевскій архіепископъ (1018 г. 14-го августа) встрѣчалъ Болеслава храбраго *въ монастырѣ св. Софіи*, который, по несчастному случаю, за годъ передъ тѣмъ былъ опустошенъ пожаромъ. Объ этомъ пожарѣ и преподобный Несторъ подъ 1017 годомъ говоритъ: «и погорѣ много церквей *въ Кіевѣ*». Судя потому, что Болеславъ, которому осажденные Кіевляне отворили ворота, былъ встрѣченъ въ прежнемъ Софійскомъ монастырѣ, можно предполагать, что оный монастырь и древнѣйшая въ самомъ городѣ церковь св. Софіи находились невдалекѣ отъ воротъ Кіевскихъ, на западной сторонѣ города, гдѣ еще до крещенія Владимірова были дворы христіанъ.

3. Михайловское отдѣленіе Стараго Кіева.

Михайловская гора составляетъ юговосточное отдѣленіе горы Старокіевской, и возвышается надъ Днѣпромъ рядомъ съ Андреевскою горою, отъ которой отдѣляется только Боричевымъ взвозомъ. На сей горѣ, противъ холма Перунова, еще въ первое время крещенія Руси св. Владиміромъ, нашъ первый митрополитъ св. Михаилъ, въ знаменіе побѣды христіанства надъ язычествомъ, основалъ *монастырь* во имя *Архистратига Михаила*. Съ той поры на Михайловской горѣ находились преимущественно построенія монастырскія. Отсюда же вѣроятно получилъ свое начало и *гербъ Кіевскій*, представляющій Архистратига Михаила, стоящаго на горѣ, съ открытою головою, съ мечемъ въ одной рукѣ, со щитомъ въ другой. Изображеніе Архистратига, сдѣланное изъ золоченой мѣди, стоитъ и нынѣ на Михайловской церкви.

Вмѣсто первоначальной деревянной церкви Михайловскаго монастыря, князь Святополкъ Изяславичъ въ 1108 году соорудилъ каменную церковь, съ 15 позлащенными верхами, почему и монастырь сей названъ *золотоверхимъ*.

Греческая княжна Варвара, бывшая супругой Святополка, привезла изъ Греціи въ даръ Кіеву мощи св. великомученицы Варвары. Сіе святое сокровище нынѣ хранится въ сереброванной ракѣ на серебряномъ подножіи подъ новымъ золочен-

нымъ балдахиномъ, въ особомъ сѣверномъ придѣлѣ Михайловскаго храма, и привлекаетъ въ него тысячи набожныхъ молельщиковъ. Каждый вторникъ читается тамъ акаѳистъ св. великомученицѣ Варварѣ, сочиненный Кіевскимъ митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ въ началѣ 18-го вѣка. Молельщики, на память поклоненія своего, пріобрѣтаютъ тамъ серебрянные и золотые крестики и кольца, также берутъ елей и святую воду. Прежній деревянный гробъ великомученицы Варвары хранится въ ризницѣ. Золотая лампада съ жемчужнобриліантовою кистью, висящая передъ мощами, принесена въ даръ Екатериною великою. Образъ, представляющій усѣкновенную главу св. великомученицы, украшенъ девятью драгоцѣнными перстнями, подаренными отъ разныхъ особъ. Весьма примѣчателенъ еще осыпанный бриліантами храмовой образъ Архистратига Михаила, присланный въ 1817 году въ даръ сему монастырю побѣдоноснымъ императоромъ Александромъ Благословеннымъ.

Что касается до древней Михайловской церкви, то Святополкъ-Михаилъ ее *украси дивно*, по выраженію лѣтописца. Стѣны ея, какъ и другихъ церквей древняго Кіева, покрыты были мусіею. Величина ея была въ длину 15, а въ ширину $8^1/_2$ сажень. Но при нашествіи Батыевомъ сбиты были ея золотые верхи, и оставлены однѣ стѣны до купола, изъ которыхъ только на внутренней стѣнѣ алтаря уцѣлѣла и донынѣ полоса древней мозаической картины, представлявшей тайную вечерю.

Что было съ Михайловскимъ монастыремъ до 16-го столѣтія, неизвѣстно. Но въ началѣ 16-го вѣка онъ устроенъ вновь стараніемъ игумена Макарія, который испросилъ на то въ 1523 г. королевскую грамоту у Жигимонта I-го [1]). Однако

---

[1]) Въ сей любопытной грамотѣ объ исправленіи запустѣвшей тогда Михайловской церкви и возстановленіи при ней общины, между прочимъ сказано: «а то есмы учинили для того, иже де ихъ тая церковь отъ вынятя Кіевского опустѣла, хвалы Божіей въ ней не было». Но здѣсь подъ именемъ *вынятья Кіевского* не должно, кажется, разумѣть разоренія или взятія Кіева Батыемъ; вѣроятнѣе, что здѣсь разумѣлось одно изъ послѣднихъ разореній Кіева Татарами, набѣгавшими въ концѣ 15-го вѣка. Изъ двухъ грамотъ (1501—1503 г.), данныхъ королемъ Александромъ воеводѣ Кіевскому князю

въ продолженіе ста лѣтъ Михайловская церковь пришла въ ветхость. Обновилъ ее Іовъ Борецкій [1]) котораго, по желанію дворянства и козачества Украинскаго, особливо по просьбѣ гетмана Петра Сагайдачнаго, посвятилъ въ митрополиты бывшій тогда въ Кіевѣ Константинопольскій патріархъ Ѳеофанъ. Сіе посвященіе происходило 1620 года въ великой Печерской церкви, въ самый день Успенія. Такимъ образомъ возстановилась тогда православная митрополія въ Кіевѣ, 25 лѣтъ сиротѣвшая безъ пастыря. Но какъ въ то время Софійскій соборъ былъ занятъ Уніатами, потому Іовъ Борецкій и преемникъ его Ісаія Копинскій имѣли свою каѳедру въ Михайловскомъ монастырѣ (съ 1620 по 1633 годъ), который никогда не доставался во власть уніатовъ, хотя имъ и дано было право на оный отъ воеводы Кіевскаго. Увеличеніе Михайловской церкви двумя боковыми придѣлами, относится къ вѣку Петра Великаго. Построеніе каменной колокольни начато въ 1716 г., а нынѣшняя каменная ограда сдѣлана 1758 г.

Іовъ Борецкій при золотоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ въ 1621 г. построилъ, во свое прежнее имя, *церковь св. Іоанна Богослова* [2]), и учредилъ при ней *Михайловскій женскій* или *Богословскій* монастырь,— въ которомъ престарѣлая супруга Борецкаго была первою настоятельницею, и который существовалъ здѣсь до 1712 г., а въ этомъ году переведенъ на Подолъ въ сосѣдство Іорданскаго женскаго монастыря.

Путятичу, видно, что еще въ самомъ началѣ 16-го вѣка зачиналось игуменство въ Михайловскомъ монастырѣ (ибо туда назначенъ былъ отъ воеводы Путятича старецъ *Иванъ Смольянинъ*, на мѣсто коего король опредѣлилъ *Гришка Григорьевича Поповича* въ 1501 г., а вскорѣ потомъ игумена Іону); однако оно кажется не упрочилось тогда, и не послужило къ возстановленію монастыря — до игумена Макарія.

[1]) Сильвестръ Коссовъ (епископъ Мстиславскій, а потомъ митрополитъ Кіевскій послѣ Петра Могилы) въ своемъ *Патерикѣ* (писанномъ на Польскомъ языкѣ и напечатанномъ въ Кіевѣ, 1635 въ 4) — на 180 стр. именно говоритъ, что Михайловскій храмъ «уже не мало обрушенный, значительно возстановилъ Іовъ Борецкій». О томъ свидѣтельствуетъ и Кальноѳойскій, въ своей надгробной надписи Іову Борецкому, который погребенъ былъ въ Михайловской церкви, — но гдѣ именно, теперь уже неизвѣстно. (О сей надписи см. далѣе въ статьѣ *о надгробіяхъ*).

[2]) Вмѣсто прежней деревянной, въ 1613 году поставлена нынѣшняя каменная церковь Іоанна Богослова съ трапезою.

При Золотоверхомъ монастырѣ заведена была и типографія [1]) Іовомъ Борецкимъ, который по кончинѣ своей 1631 года погребенъ въ Михайловской церкви.

Преданіе увѣряетъ, что въ переднемъ придѣлѣ сей церкви погребенъ по правую сторону князь Святополкъ-Михаилъ, а по лѣвую сторону княгиня Варвара,—гдѣ и дѣйствительно видны гробничныя формы.

Послѣ Исаіи Копинскаго настоятелями Михайловскаго монастыря были игумены, съ 1737 года архимандриты; а съ 1800 года онъ опредѣленъ въ настоятельство и мѣстопребываніе викарія митрополіи Кіевской, епископа Чигиринскаго.

Но еще за полвѣка до того, какъ поставлена была золотоверхая церковь Святополкомъ Изяславичемъ, отецъ его Изяславъ Ярославичъ создалъ во свое крестное имя великолѣпный *монастырь Дмитріевскій*, заложеный въ 1055 году, послѣ побѣды надъ Торками. Въ 1086 году, убитый подъ Звенигородомъ князь Ярополкъ Изяславичъ былъ погребенъ въ церкви св. апостола Петра, которую самъ онъ началъ строить въ монастырѣ Дмитріевскомъ. О семъ монастырѣ Несторъ повѣтствуетъ слѣдующее: «Изяславъ же постави монастырь св. Дмитрія и выведе Варлаама на игуменство къ св. Дмитрію *(изъ монастыря Печерскаго)*, хотя створити выше сего монастыря, надѣяся на богатьство. Мнози бо монастыри отъ царь и отъ бояръ и отъ богатства поставлени, но не суть таци *(такіе)*, кацы суть поставлени слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣньемъ. Антоній бо не имѣ злата ни серебра, но стяжа слезами и пощеньемъ». Сіи слова преподобнаго Нестора были пророческія: монастырь Антоніевъ и нынѣ сіяетъ нетлѣннымъ, дивнымъ величіемъ, при всѣхъ переворотахъ, испытанныхъ имъ въ продолженіи 8-ми вѣковъ; а монастыря Дмитровскаго давно уже нѣтъ, и самое мѣсто его покрылось сомнѣньемъ.

Къ юговостоку отъ Михайловской церкви, внутри монастырской ограды лежитъ въ землѣ разрушенное каменное осно-

---

[1]) Въ сей митрополичьей типографіи напечатанъ былъ 1620 г. Лимонарь или Цвѣтникъ Софронія патріарха Іерусалимскаго. Типографомъ былъ Спиридонъ Соболь.

ваніе большой древней монастырской церкви. Отъ сего мѣста нѣкогда спускался по Михайловской горѣ взвозъ на Подолъ мимо Крещатика, называвшійся въ 17-мъ вѣкѣ *Крещатицкимъ*. Изъ городовыхъ записей 1654 года извѣстно, что сей взвозъ назывался еще *Дмитровскимъ*, а лежащій при его началѣ нагорный оврагъ *Дмитровскою лукомью* или *лукомытью* [1]). Все сіе приводитъ къ мысли, что упомянутая развалина на Михайловской горѣ есть остатокъ монастыря Дмитріевскаго. Однако есть другое извѣстіе, у Сильвестра Коссова: въ Патерикѣ своемъ на страницѣ 180 говоритъ онъ, что въ его время (1635 г.) отъ Дмитріевскаго монастыря оставался только *плацъ* не далеко отъ монастыря Печерскаго. Сіе извѣстіе любопытно, какъ мнѣніе, бывшее въ 17-мъ вѣкѣ; впрочемъ оно могло быть не древнимъ преданіемъ, и только ученымъ мнѣніемъ тогдашнихъ Печерскихъ иноковъ; и тотъ *плацъ*, о которомъ говоритъ Коссовъ, могъ быть остаткомъ не монастыря Дмитріевскаго, а только *Петропавловской* Берестовской церкви, при коей находился священникомъ благочестивый Іларіонъ до 1051 года.

4. Софійское отдѣленіе Стараго Кіева.

Дальнѣйшее распространеніе Стараго Кіева произошло при Ярославѣ благовластномъ, особливо послѣ 1036 г., когда онъ разбилъ Печенѣговъ, напавшихъ на Кіевъ, и сею побѣдою положилъ конецъ ихъ набѣгамъ на Русь.

Въ память сей славной побѣды, на мѣстѣ пораженія Печенѣговъ, Ярославъ заложилъ въ 1037 г. величественную каменную *церковь св. Софіи*. Въ томъ же году «заложи Яро-

---

[1]) Извѣстіе объ этомъ отыскано въ бывшемъ Магистратскомъ архивѣ Бердинскимъ, которому принадлежитъ и мнѣніе о существованіи Димитріевскаго монастыря на Михайловской горѣ. Но митрополитъ Евгеній (въ *Опис. Кіев. Лавры*) слѣдовалъ показанію Сильвестра Коссова. Между Кіевскими старожилами ведется мнѣніе, что Дмитріевскій монастырь находился неподалеку отъ древняго Кловскаго, именно на крутомъ бугрѣ Печерской горы, гдѣ теперь стоитъ Нѣмецкая кирка. Не тамъ ли полагалъ и Коссовъ? У него и *плацъ* Дмитріевскаго монастыря и *Кловъ* одинаково означены: *nie daleko monastera Pieczarskiego*.

славъ *градъ великій*, у него же суть *золотыя врата*». Такимъ образомъ къ первоначальному городу прибавилось цѣлое Софійское отдѣленіе, составлявшее съ тѣхъ поръ знатнѣйшую часть Кіева. Съ той поры здѣсь уже былъ и главный *княжій дворъ*, называвшійся въ 12-мъ вѣкѣ *дворомъ Ярославлимъ* и находившійся гдѣ нибудь возлѣ Софійской церкви.

Церковь св. Софіи, премудрости Божіей, посвящена у насъ Рождеству Богородицы, и храмовой праздникъ ея совершается 8-го сентября [1]). Она построена была по подобію великолѣпнаго Софійскаго храма въ Царѣградѣ, воздвигнутаго въ 6-мъ вѣкѣ царемъ Юстиніаномъ; но только въ меньшемъ противъ нея размѣръ: ибо Ярославовская церковь имѣла въ длину 17, въ ширину 25½ сажень, въ вышину до карниза подъ куполомъ 10 сажень съ аршиномъ, а въ поперечникѣ купола 10 аршинъ; Юстіановская же имѣла въ длину слишкомъ 40, въ ширину 36, въ вышину до аркъ 23 сажени, а въ поперечникѣ купола 38 аршинъ. Богатою рукою благовластный Ярославъ украсилъ храмъ Софійскій золотомъ и серебромъ, мусіею и мраморомъ, и установилъ при немъ митрополію, т. е. каѳедру и дворъ митрополичьи и помѣстилъ тамъ избраннаго въ 1051 г. въ митрополиты благочестиваго Берестовскаго священника Іларіона *Русина*.

При нашествіи Батыевомъ Софійская церковь, по своей огромности, менѣе Десятинной и другихъ Кіевскихъ церквей потерпѣла разрушенія: древнія стѣны ея уцѣлѣли почти до самаго купола.

Знаменитому митрополиту Кипріану принадлежитъ первое обновленіе Софійскаго храма. Но онъ послѣ того, бывъ не разъ разграбляемъ Татарами, и съ 1596 года завладѣнъ уніатами, пришелъ было въ крайній упадокъ. Но когда митро-

---

[1]) Рисунокъ примѣчательной храмовой иконы Софійскаго собора съ подробнымъ ея описаніемъ и сличеніемъ съ храмовыми иконами другихъ Софійскихъ церквей, помѣщенъ въ *Описаніи Кіево-Софійскаго собора и Кіевской Іерархіи*. Кіевъ, 1825 г., въ 4. Сія книга, богатая свѣдѣніями и разными приложеніями, составлена учеными трудами митрополита Евгенія, который при Софійскомъ соборѣ основалъ библіотеку рукописей, назначивъ и особаго библіотекаря съ жалованьемъ.

политомъ Кіевскимъ сталъ благодѣтельный Петръ Могила, тогда онъ, по силѣ данныхъ ему отъ короля Владислава IV-го привилегій, отобралъ отъ уніатовъ Софійскую церковь для православной митрополіи Кіевской (въ 1633 г.) и приложилъ великое попеченіе о возстановленіи оной. Къ древнимъ стѣнамъ ея онъ придѣлалъ новыя пристройки и надстроилъ новый куполъ. Соревнуя Петру Могилѣ, и послѣдующіе митрополиты заботились о внутреннемъ убранствѣ Софійскаго храма, и привели его постепенно въ нынѣшній видъ. Теперь въ Софійскомъ соборѣ находится 17 придѣловъ; вершина его состоитъ изъ 11 большихъ и 4 малыхъ куполовъ; вышина его отъ полу до верха креста 22 сажени. Нынѣшняя ограда съ тріумфальною колокольнею построена около 1746 г. митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ.

Между драгоцѣнностями Софійской церкви въ древнее время находился въ алтарѣ (по свидѣтельству Кіевскаго Пролога) крестъ, принесенный изъ Царяграда святою Ольгою. Теперь изъ древнихъ украшеній сего храма остались только нѣсколько половыхъ плитъ бѣлаго мрамора и краснаго лещедника, нѣсколько гранитныхъ перилъ съ вырѣзанными на нихъ орлами и другими изображеніями; но всего замѣчательнѣе мозаическія изображенія, оставшіяся по стѣнамъ въ алтарѣ и внутри церкви подъ куполомъ. Особенно прекрасенъ величественный образъ Богоматери въ алтарѣ на полусводѣ отъ горнаго мѣста. Она изображена на золотомъ полѣ въ исполинскій ростъ, стоящею на четвероугольномъ золотомъ камнѣ съ воздѣтыми руками, въ лазоревомъ хитонѣ, съ бѣлымъ утиральникомъ за червленнымъ поясомъ, съ лазоревыми поручьми, а на главѣ и раменахъ съ золотою складочною фелонью или покрываломъ. Подъ симъ изображеніемъ находятся еще два, также древней мозаической работы: на верхнемъ представлена тайная вечеря, а на другомъ, нижнемъ, десять святителей. Алтарное мѣсто, на которомъ впродолженіе 8-ми вѣковъ сохранилось изображеніе Божіей Матери невредимымъ, названо въ народѣ нерушимою стѣною. Кромѣ того въ алтарѣ открыты въ прошломъ году еще двѣ древнія мозаическія картины, заслоненныя иконостасомъ: на одной изображена Пречистая

Дѣва, прядущая веретеномъ, а на другой благовѣствующій Архангелъ Гавріилъ. Внутри церкви, также древнею мусіею изображены на восточной къ алтарю дугѣ образъ спасителя на золотомъ полѣ, а поверхъ дуги Божія Матерь. Изъ древнихъ изображеній четырехъ евангелистовъ на треугольникахъ подъ куполомъ сохранился образъ св. Марка и половина образа св. евангелиста Іоанна. По дугамъ изображены были 40 мучениковъ; но изъ нихъ только на 15 уцѣлѣла древняя мусія.

Изъ чудотворныхъ иконъ, находятся въ Софійскомъ храмѣ четыре: *Любецкая* икона Божіей Матери, и *Любецкая* —же икона Спасителя, перенесенныя сюда изъ Любеча митрополитомъ Гедеономъ—Святополкомъ княземъ Четвертинскимъ; икона *Купятицкой* Божіей Матери, перенесенная въ Кіевъ во второй половинѣ 17-го вѣка православными монахами изъ села Купятичей Пинскаго уѣзда, когда тамошнимъ монастыремъ завладѣвали сперва Бенедиктинцы, а потомъ уніаты; наконецъ икона Николая Мокраго, такъ названнаго по чудотворному спасенію утопшаго въ Днѣпрѣ младенца.

Въ Софійскомъ храмѣ погребенъ былъ своимъ сыномъ Всеволодомъ великій князь Ярославъ, скончавшійся 1054 г. февраля 19-го и положенъ здѣсь въ *мраморной ракѣ*. Въ 1093 г., возлѣ отцевской гробницы, погребенъ былъ и Всеволодъ Ярославичъ, а потомъ и сыновья Всеволодовы: юный князь Ростиславъ, который, по предреченію Печерскаго чудотворца Григорія, утонулъ въ рѣкѣ Стугнѣ, во время битвы съ Половцами 1093 г., и Владиміръ Мономахъ, въ семъ же храмѣ вѣнчанный 1119 года царственнымъ вѣнцемъ и бармами, присланными ему изъ Царягорода, которыми и теперь Русскіе цари вѣнчаются въ Москвѣ на единодержавіе. Уцѣлѣвшая отъ разрушенія бѣломраморная гробница Ярославова, украшенная рѣзными изображеніями, стоитъ въ придѣлѣ св. Владиміра, вдѣланная въ сѣверную стѣну большаго алтаря.

Тѣла Кіевскихъ митрополитовъ погребаются въ усыпальницѣ или склепу, находящемся въ югозападномъ углѣ церкви; но святыя мощи митрополита Макарія, убитаго Татарами 1-го мая 1497 года, на пути его изъ Вильны въ Кіевъ, почиваютъ въ ракѣ на правой сторонѣ сего же храма; а на

лѣвой сторонѣ онаго находятся, также подъ золоченою сѣнью, части мощей многихъ святыхъ, въ томъ числѣ кость отъ правой руки св. Владиміра, положенная сюда Петромъ Могилою, и лѣвая рука отъ мощей св. великомученицы Варвары.

При Софійской церкви съ 1051 года былъ кафедральный монастырь, въ которомъ въ послѣднее время бывало братіи до ста человѣкъ. Но въ 1786 г., когда съ саномъ митрополита Кіевскаго соединено и званіе архимандрита Печерской лавры, монастырь сей упраздненъ и оставленъ только мѣстопребываніемъ Кіевскаго митрополита, а Софійскій храмъ оставленъ кафедральнымъ соборомъ. Съ того времени по 1814 годъ первымъ соборнымъ протоіереемъ былъ знаменитый Кіевскій проповѣдникъ Іоаннъ Леванда, который и погребенъ въ Софійской церкви.

Наконецъ, достойно воспоминанія, что великій строитель храма сего, въ послѣдніе годы своей жизни, основалъ при немъ первое на Руси книгохранилище народное. «И бѣ Ярославъ любя церковные уставы..... и книгамъ прилѣжа, и почитая часто въ нощи и во дни, и собра писцы, и прелагаше отъ Грекъ на словенское письмо, и спишаша книги многи, ими же поучахуся вѣрніе людіе, и положи въ св. Софіи, юже созда самъ».

Изъ другихъ монастырей, построеныхъ Ярославомъ, извѣстны два, оба невдалекѣ отъ Софійской церкви: первый изъ нихъ *монастырь св. Георгія*, заложенный Ярославомъ во свое крестное имя, на западъ отъ Софійской церкви, по направленію къ Золотымъ вратамъ. Ярославъ назначилъ сей монастырь для посвященія и *столованія* Русскихъ епископовъ, и повелѣлъ по всей Руси ежегодно праздновать день его освященія 26-го ноября (по стариннымъ Кіевскимъ мѣсяцословамъ 1045 г.) Въ Георгіевской церкви въ 1063 г. погребенъ невольный затворникъ и схимникъ, князь Судиславъ Владиміровичъ. Другой монастырь, на югъ отъ Софійскаго храма, былъ *монастырь св. Ирины*. Предполагаютъ весьма правдоподобно, что онъ былъ женскій, и поставленъ Ярославомъ въ честь своей княгини Ингигерды, которой гробница находится въ великомъ Новѣгородѣ въ знаменитой Софійской церкви, воз-

двигнутой въ 1045 г., по образцу Кіевской, Ярославовымъ сыномъ Владиміромъ. Впрочемъ построеніе Иринивской церкви близь Софійской могло быть также въ подраженіе Царюгороду; ибо и тамъ возлѣ первоначальной Софійской церкви, построенной Константиномъ великимъ, также находилась церковь св. Ирины.

Что касается до сооруженнаго Ярославомъ *града великаго* съ Золотыми вратами, то сія ограда состояла изъ большихъ земляныхъ валовъ, и еще, какъ полагаютъ многіе, изъ каменной стѣны вокругъ Кіева. Была ли дѣйствительно сія стѣна, и какъ далеко простиралась она, объ томъ ничего не видно изъ нашихъ лѣтописей, иностранные же писатели среднихъ вѣковъ говорятъ объ ней преувеличенно.

Кіевскія *Золотыя врата* сооружены и названы симъ именемъ въ подобіе Золотыхъ вратъ Царягорода, воздвигнутыхъ царемъ Өеодосіемъ великимъ въ память его побѣды надъ Максимомъ. На своихъ Золотыхъ вратахъ Ярославъ поставилъ *церковь св. Благовѣщенія*, для того «да всегда радость граду тому святымъ Благовѣщеніемъ будетъ». Сохранилось преданіе, что на сей церкви былъ золотой куполъ: а створы въ воротахъ были обиты золочеными мѣдными листами. Въ Польскихъ хроникахъ пишется, будто Болеславъ храбрый, въѣзжая торжественно въ Кіевъ, ударилъ по золотымъ вратамъ своимъ мечемъ, который отъ того ущербился, и что сей мечъ *щербецъ* долго сохранялся въ Краковѣ, и что короли Польскіе, при своемъ коронованіи, также идучи на битву, всегда имъ припоясывались. Но, по свидѣтельству Нестора, Болеславъ въѣзжалъ въ Кіевъ 1018 года; а на мѣстѣ Золотыхъ вратъ и Софійскаго храма еще и въ 1036 г. было «поле внѣ града». Потому, если въ самомъ дѣлѣ существовалъ Болеславскій мечъ, ущербленный объ Золотыя врата, то его ущербилъ не Болеславъ храбрый, а развѣ его правнукъ Болеславъ II-й,— вѣроятно на прощанье съ Кіевомъ, гдѣ онъ въ 1069 году такъ загостился у Изяслава Ярославина, что прогулялъ свое королевство и бѣжалъ въ Венгрію, лишенный отъ папы королевскаго званія. Въ Польскихъ хроникахъ пишется, что и сей Болеславъ ударялъ своимъ мечемъ объ Золотыя врата.

Кромѣ золотыхъ вратъ въ древней Ярославовской оградѣ были еще *Жидовскія* и *Лятскія* врата. Обо всѣхъ трехъ упоминается въ Русской лѣтописи подъ 1151 годомъ, при осадѣ Кіева Юріемъ Долгорукимъ.

Относительно Жидовскихъ воротъ [1]), я полагаю за несомнѣнное, что это были тѣ самыя ворота, которыя въ послѣдствіи назывались *Львовскими*, и что сіе послѣднее названіе они получили уже въ концѣ 13-го вѣка, по имени Галицкаго города Львова, подобно тому, какъ находящаяся теперь вмѣсто ихъ застава названа въ концѣ прошедшаго столѣтія *Житомирскою*. Деревянныя Львовскія ворота, вмѣсто прежнихъ каменныхъ построенныя, существовали до 1795 года. Икона св. Богоматери, *всѣхъ скорбящихъ радости*, стоявшая на каменныхъ Львовскихъ воротахъ, хранится въ Срѣтенской церкви, не въ дальнемъ оттуда разстояніи находящейся [2]). Къ сей иконѣ Кіевляне, не только православные, но и католики, имѣютъ особенное почитаніе, и по субботамъ приходятъ къ ней на слушаніе акаѳиста.

Что касается до *Лятскихъ* воротъ, то они находились по другую, юговосточную сторону Золотыхъ, и къ нимъ пролегала дорога черезъ тѣ *дебри* или овраги, на которыхъ теперь помѣщается Крещатицкая и отъ нея идущая Софійская улица. На ихъ мѣстѣ и въ послѣдующіе вѣка, тѣмъ же именемъ назывался проѣздъ черезъ верхній Старокіевскій валъ [3]). Ворота Лятскія были роковыя для древняго Кіева: «ту бѣ видѣти ломъ копейный и щитомъ спеканіе». Черезъ нихъ-то сокрушительный Батый вломился въ древній Кіевъ и ниспровергъ все, чѣмъ онъ былъ застроенъ отъ Владиміра, Ярослава и ихъ потомковъ.

---

[1]) О Жидовскихъ воротахъ упоминается въ Кіевской лѣтописи и подъ 1146 г. Въ записи 1589 г. упоминаются *Жидовскіи кладовищи* (кладбища), находившіяся за пробитымъ валомъ, который отъ Львовскихъ воротъ идетъ внутрь города.

[2]) Нынѣшняя деревянная *Срѣтенская* церковь построена 1752 г. на мѣсто прежней обветшавшей, неизвѣстно когда основанной.

[3]) Объ нихъ упоминается и въ вышеприведенной грамотѣ Жигимонта І-го Михайловскому игумену Макарію: «и землю къ тому монастырю маетъ держать по давному, какъ передъ тымъ бывало: по самый валъ, и по Лядскія ворота, и по Евсикову долину, по старую дорогу, по Михайловскій узвозъ».

5. Развалины и укрѣпленія Стараго Кіева.

Печальный видъ запустѣнія представлялъ собою нашъ первопрестольный Кіевъ въ продолженіе четырехъ вѣковъ, покрытый развалинами и обломками своего прежняго величія. Митрополитъ всея Руси Кириллъ II-й, посвященный въ 1250 г., и его преемники не находили уже себѣ пристанища въ Кіевѣ и утверждали свою каѳедру въ Суздалѣ и Москвѣ, гдѣ находился престолъ великокняжескій, а когда Русская митрополія раздѣлилась на Московскую и Кіевскую, тогда митрополиты Кіевскіе проживали болѣе въ Вильнѣ и Новогродкѣ Литовскомъ. Народъ Русскій благоговѣлъ къ нетлѣнной святынѣ своего Кіева, и чуждался его развалинъ. Величавая древняя жизнь его въ народной памяти слилась въ одинъ богатырскій вѣкъ Владиміровъ; дѣйствительныя событія Русской древности въ народномъ воображеніи разрослись въ исполинскіе размѣры. Древній Кіевъ сталъ баснословнымъ. Укромныя пещеры его народная молва продолжила до Смоленска и Москвы, провела ихъ подъ Днѣпромъ. Народныя сказанія о Кіевѣ расходились по далекимъ странамъ, и тамъ дополнялись новыми вымыслами. Нѣкоторые западные писатели съ удивленіемъ разсуждали и писали о чрезвычайной длинѣ пещеръ, и о развалинахъ каменной стѣны древняго Кіева, простиравшейся на 8 миль. Для самыхъ Кіевлянъ не только *Лысая гора*, на лѣвой сторонѣ Днѣпра находящаяся, но даже и въ Кіевѣ *садъ Кучинскаго* сталъ пугалищемъ и считался сборнымъ мѣстомъ Кіевскихъ вѣдьмъ. Еще въ половинѣ 17-го вѣка проповѣдникъ Доминиканскаго Кіевскаго монастыря, Петръ Розвадовскій, исчисляя урочища, коими владѣлъ тотъ монастырь въ Кіевѣ, писалъ между прочимъ: «грунтъ къ Днѣпру за Бернардинами, подлѣ грунту Лейзора арендатора жида; тамъ былъ деревянный типографскій дворъ между симъ жидомъ и садомъ Кучинскаго, гдѣ вѣдьмы слетались».... Этотъ садъ находился на склонѣ Михайловской горы къ Днѣпру, по направленію отъ Чертова беремища къ Хрещатику. На полуденномъ склонѣ Михайловской горы, гдѣ теперь театръ, въ 16-мъ вѣкѣ была *Введенская нива*, которую пахалъ Кіев-

скій мѣщанинъ Черевчѣй и его потомки. Черезъ сію ниву лежала *Михайловская стежка* или дорожка, по которой ходили Кіевляне въ Печерскій и Никольскій монастыри, а начинающаяся отсюда нынѣшняя Крещатицкая улица называлась тогда *Евсѣйковою долиною*, черезъ которую шла *старая* набережная дорога и (обще съ *Крещатицкимъ взвозомъ* съ Михайловской горы) спускалась къ берегу рѣки Почайны, до моста, находившагося возлѣ Рождественской церкви, противъ Михайловскаго или древняго Боричева взвоза. Сія старая дорога подъ Михайловскою дорогою на Подолъ, устроена вновь Кіевскимъ губернаторомъ кн. Голицынымъ около 1715 г.

Но чтобы имѣть нѣкоторое понятіе о самомъ Старомъ городѣ, въ томъ состояніи, какъ онъ былъ еще около половины 17-го вѣка, взгляните на планъ Печерской лавры, изданный Печерскимъ монахомъ Афанасіемъ Кальнофойскимъ въ 1638 году, при его книгѣ Тератургимѣ. На верхнемъ уголкѣ того плана набросанъ въ отдаленіи видъ Стараго города, и вотъ какъ онъ тамъ описанъ:

47. Въ другую сторону дорожка прямо чрезъ долъ до *большихъ валовъ:* въ нихъ, какъ бы въ своей оградѣ, простирающейся до вратъ городскихъ,
48. Церковь *св.. Софіи*, уже нѣсколько лѣтъ начавшая значительно поправляться.
49. Церковь *св. Архангела Михаила* и монастырь при ней.
50. Церковь *св. Θеодора Тирона*,—только стѣны стоятъ.
51. Церковь *св. Василія*, первѣе всѣхъ созданная великимъ Владиміромъ.
52. Церковь *Пресвятыя Богородицы Десятинная.*
53. Церковь *св. Симеона*, надъ самымъ Кіевомъ (Подоломъ); а прочія лежатъ большими могилами, кажется, на вѣки погребенны.
54. Отъ нихъ воротами мимо замка, на высокой горѣ воздвигнутаго, сходитъ дорога до плачевнаго Кіева (Подола), нынѣ едвали достойнаго называться именемъ прежняго Кіева; въ томъ было церквей болѣе 300 каменныхъ, деревянныхъ 100; а въ нынѣшнемъ всѣхъ едва 13»..

Современникъ Кальнофойскаго, польскій инженеръ Бопланъ, въ своемъ Описаніи Украины (1650 г.) также говоритъ, что въ Кіевѣ тогда было только десять православныхъ церквей и четыре костела католическіе, что полуразрушенныя стѣны Васильевской церкви возвышались отъ 5 до 6 футовъ и покрыты были вырѣзанными на алебастрѣ, но отъ времени уже изгладившимися, греческими надписями. По его же словамъ Старый Кіевъ называли тогда *Епископскимъ* городомъ, а Подолъ—*Мѣщанскимъ*.

При всемъ запустѣніи своемъ Старый Кіевъ служилъ однако главнымъ убѣжищемъ для Кіевлянъ въ тѣ непокойныя и бѣдственныя для нихъ времена. Въ древнихъ валахъ, коими окружены были и Андреевское, и Софійское, и Михайловское отдѣленіе Стараго города, окрестные жители находили себѣ защиту отъ нападеній непріятельскихъ; и въ такихъ случаяхъ они обновляли прежніе валы, городились новыми палисадами.

Что касается до Кіевскаго замка, то онъ стоялъ не на Вздыхальницѣ, а на горѣ Кисилевкѣ [1]), слѣдственно онъ принадлежалъ собственно къ Нижнему городу или Подолу, которымъ и управлялъ онъ. Построеніе сего замка вѣроятно принадлежитъ воинственому князю Витовту. Ханъ Эдигей, бывшій врагомъ сего князя, въ 1416 году привелъ въ запустѣніе Кіевъ, ограбилъ Печерскую церковь; но Кіевскаго замка, какъ ни осаждалъ, а взять не могъ. Александръ Гванини, комендантъ Витебскій, пишетъ, что въ его время (т. е. въ началѣ 17-го вѣка) «Кіевскій замокъ былъ вдвое больше Краковскаго, имѣлъ 7 большихъ и много меньшихъ башенъ деревянныхъ, обтыненъ былъ частоколомъ и окопанъ валомъ». Но Гванини не разумѣлъ ли всего Стараго города подъ именемъ замка?...

---

[1]) Что Кіевскій замокъ стоялъ на горѣ Кисилевкѣ, это видно между прочимъ изъ записки Петра Розвидовскаго о владѣніяхъ Кіевскаго Доминиканскаго монастыря (см. въ прибавленіи въ Опис. Кіев. Соф. соб.). Въ ней сказано: «по опустошеніи Іоакимова конвента, Доминикане подселились *подъ замокъ на Житный торгъ* и основали костелъ подъ именемъ св. Николая». Далѣе. «Грунтъ подъ горою Вздыхальницею *отъ замку съ сей стороны* подлѣ Бернардиновъ». Еще: «Грунтъ *за замкомъ высокимъ Кіевскимъ*, гдѣ мы кирпичный заводъ поставили. Около того на нашемъ грунтѣ сидѣло нѣсколько кожемяковъ».

Кромѣ сего Кіевскаго замка, возлѣ Стараго города былъ еще другой, *митрополичій замокъ*, неизвѣстно когда построенный, за такъ называвшимся *пробитымъ валомъ* [1]), на Кудрявцѣ. Въ 1604 году (когда Жигимонтъ III-й отдалъ бискупу Кіевскому цѣлую часть Подола за канавою къ горѣ Щекавицѣ, а бискупъ сверхъ того забралъ подъ свою власть всю Юрданскую Оболонь и подъ Старымъ городомъ урочище *Кожемяки*), — урядники бискупскіе заняли замокъ на Кудрявцѣ и всѣ угодья митрополичьи, и съ той поры замокъ тотъ назывался *Бискупскимъ*. На его мѣстѣ уже митрополитъ Іоасафъ Кроковскій устроилъ митрополичій дворецъ, существовавшій до 1784 года. Теперь тамъ пустое подворье близь Вознесенской церкви.

Въ 15-мъ вѣкѣ былъ еще одинъ небольшой замокъ— Кіевскаго князя Симеона Олельковича; но онъ также принадлежалъ не къ Старому городу, а стоялъ противъ него на лѣвой сторонѣ Днѣпра за Чорторыею. На мѣстѣ сего замка въ 17-мъ вѣкѣ было уже пустое заглохшее городище съ довольно высокимъ валомъ, которое называли *Олельковымъ городищемъ*. За нимъ не въ дальнемъ разстояніи находились *Сторожевыя горы*. Можетъ быть на мѣстѣ сего же городища и въ древнее время былъ *Городецъ*, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ. Но возвратимся къ валамъ Старо—Кіевскимъ.

Крѣпостные валы Стараго города не разъ были обновляемы и въ позднѣйшее время. Такъ, вскорѣ послѣ того, какъ Украина съ Кіевомъ, освободясь отъ Польши усиліями Хмельницкаго, присоединилась къ Россіи въ 1654 году, прежнее Старокіевское укрѣпленіе обновлено было княземъ Куракинымъ, первымъ Кіевскимъ воеводою отъ Россіи.

Въ 1679 году, когда подъ Кіевомъ собрано было многочисленное войско Московское и Запорожское, въ ожиданіи Турецкаго нашествія изъ-подъ Чигирина, —князь Черкаскій, командовавшій Московскимъ войскомъ—«на знаменіе бытія

---

[1]) Долина, а въ послѣдствіи слобода *Кудрявецъ*, лежащая между Старокіевскимъ, такъ называвшимся, *Пробитымъ валомъ* и *Глубокою долиною*, получила свое имя отъ протекавшей тамъ рѣчки Кудрявца, на которой въ 17-мъ вѣкѣ была монастырская гребля и *млынокъ* (какъ видно изъ записи 1676 г.).

своего подъ Кіевомъ обведоша великій градъ Кіевскій многими крѣпкими валами» (Кіевскій Синопсисъ). Къ сдѣланнымъ тогда окопамъ принадлежитъ нижній валъ, проходившій отъ Михайловскаго монастыря до Золотыхъ вратъ, по южной отлогости Старокіевской горы. Посредствомъ вала сего пригородилось тогда къ Старому Кіеву новое *Печерское* отдѣленіе. Именемъ *Печерскихъ* названы были и каменныя ворота въ семъ нижнемъ валу, которыя существовали до 1833 года, и въ позднѣйшее время назывались иногда Лядскими. На мѣстѣ ихъ сбирается теперь Крещатицкій базаръ, возлѣ урочища, называемаго *Козьимъ болотомъ.*

Въ послѣдній разъ укрѣпленъ былъ Старый Кіевъ во время войны съ Турціею (1732—37). Тогда Минихъ, поверхъ старыхъ окоповъ и деревянныхъ укрѣпленій, насыпалъ огромный валъ, обходящій вокругъ Стараго города, и соединилъ оный съ Подоломъ посредствомъ палисадовъ; а къ Печерской крѣпости отъ него провелъ ретраншементы. Сія Старокіевская крѣпость, въ отличіе отъ Печерской, называлась еще и Софійскою.

Въ высокомъ бастіонѣ Миниховскаго вала были засыпаны и каменные остатки Золотыхъ вратъ Ярославовыхъ; а возлѣ нихъ (вправо) сдѣланы были тогда же обыкновенныя каменныя ворота, которыя также назывались *Золотыми* и существовали до 1799 года. На древнемъ остаткѣ Золотыхъ вратъ въ 17-мъ вѣкѣ стояла икона Казанской Божіей Матери, которая 1699 года октября 20-го перенесена въ нынѣшнюю на Старомъ Кіевѣ Троицкую церковь [1]), какъ видно изъ надписи, на той иконѣ находящейся. Рисунокъ съ Золотыхъ вратъ, снятый 1657 года, найденъ между бумагами послѣдняго

---

[1]) Троицкая церковь возобновлена 1732 г., иждивеніемъ гарнизоннаго полка, и до 1764 г. считалась полковою; а когда основана первоначально, неизвѣстно. Кромѣ сей и Стрѣтенской церкви, въ Софійскомъ отдѣленіи Стараго Кіева есть еще церковь *Златоустинская*, деревянная, построенная 1631 г. На западной сторонѣ Михайловскаго монастыря (на древнемъ Перевѣсищѣ) существовала деревянная церковь *Покровская*, упраздненная 1784 г. Что касается до Католическаго костела, находящагося вблизи того мѣста, то онъ основанъ по указу 19-го апр. 1799 г.; а новое возлѣ него каменное зданіе, еще не конченное, заложено въ 1817 г., во имя св. Александра

Польскаго короля Станислава Августа. Сбереженный Минихомъ остатокъ Золотыхъ вратъ раскрытъ отъ земли въ 1832 году и составляетъ нынѣ «памятникъ достойный сохраненія».

Остатки древняго Иринпнскаго монастыря еще въ 17-мъ вѣкѣ засыпаны были землею въ излучинѣ верхняго Старокіевскаго вала, проходившей возлѣ ограды Софійскаго собора. Юго-восточная половина развалинъ Ирининской церкви раскрыта въ 1833 году; остальная же ихъ часть находится еще въ неразрытомъ концѣ сего вала, подъ садомъ Воронца [1]). При раскрытіи земли надъ алтарнымъ мѣстомъ, найдено много мѣдныхъ копеечекъ, битыхъ въ Псковѣ 1659 года. Изъ этого видно, что сей валъ проведенъ былъ надъ развалинами Ирининской церкви уже послѣ Куракина, вѣроятно, при князѣ Черкаскомъ (1679 г.).

На древнемъ основаніи сосѣдняго съ Ирининскимъ монастыремъ монастыря Георгіевскаго, построена была еще въ 17-мъ вѣкѣ деревянная церковь; а въ 1744 году, повелѣніемъ и иждивеніемъ императрицы Елисаветы, поставлена тамъ каменная ружная церковь св. Георгія. Въ ней находится красивая гробница князя Константина Александровича Ипсилантія, скончавшагося 1816 года 27-го іюня [2]).

---

[1]) Основаніе Ирининской церкви имѣетъ въ длину и въ ширину 11½ сажень. Подробное изслѣдованіе о сей церкви (написанное *К. Каневскимъ*), помѣщено въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1836 кн. 12. Раскрытіе развалинъ ея, равно какъ и Золотыхъ вратъ, произведено Лохвицкимъ.

[2]) Сей Молдавскій господарь, отецъ извѣстныхъ Ипсилантіевъ—Александра и Димитрія, послѣднее время своей жизни провелъ въ Кіевѣ, гдѣ и скончался. На гробницѣ его находится слѣдующая стихотворная надпись:

«Въ гробницѣ сей, родныхъ слезами орошенной,
Лежитъ владѣтель Ипсилантій незабвенной,
Что знаменитаго былъ Александра сынъ,
Высокій господарь, державный Константинъ,
Честь, слава Греціи, отчизнѣ лучь спасенья,
Отъ ига тяжкаго надежда свобожденья,
Съ кѣмъ милость и любовь, законъ и правота,
И мудрость, совершенствъ другихъ всѣхъ красота,
Молдавскою страной и Влахской управляли,
Кому бы доблести безсмертье даровали,
Коль жизни смертнаго назначенный предѣлъ
Равнялся бы числу его великихъ дѣлъ».

За святою Ириною—говоритъ Несторъ—была *могила Дирова.* Она, я думаю, находилась гдѣ нибудь на горѣ, невдалекѣ отъ древнихъ Лятскихъ воротъ. Но теперь напрасно бы стали искать ея слѣдовъ—теперь, когда для благоустройства нынѣшняго Кіева, можно сказать на нашихъ глазахъ, не только изчезли внутренніе валы Стараго Кіева, но во многихъ мѣстахъ уже изгладились и тѣ насыпи, надъ которыми трудились Черкасскій и Минихъ. Въ оставшемся надъ Боричевымъ отрывкѣ стариннаго вала (срытаго въ 1834 году), можно примѣтить, подъ верхнимъ и среднимъ слоемъ земли, древнѣйшую основу, —можетъ быть остатокъ того еще вала, которымъ окопанъ былъ первоначальный Кіевъ. Въ томъ валу, который идетъ надъ краемъ Андреевской горы вдоль Днѣпра, дотлѣваютъ большіе деревянные срубы, коими Старый Кіевъ городился въ среднія времена, поверхъ древняго окопа.

Въ настоящее время быстро обновляющійся Старый Кіевъ выравнивается прямыми улицами и площадями, выстраивается новыми домами, на мѣсто ветхихъ лачужекъ и узенькихъ кривыхъ переулковъ, которыми, какъ лабиринтомъ, покрылись древнія развалины Стараго Кіева въ вѣка его бѣдности.

Подъ этими очередными слоями заселеній Старого города, скоро нельзя будетъ распознать и тѣхъ немногихъ мѣстъ, на которыхъ еще въ 17-мъ вѣкѣ стояли обнаженныя развалины Русской древности. При тогдашнемъ обновленіи Стараго города обломки древнихъ зданій разошлись на новое жилье; а остальная часть ихъ покрылась новыми слоями земли,—подъ садами, на нихъ выросшими, и подъ домами, на нихъ водворившимися.

Такъ остатки *Андреевскаго* или *Янчина монастыря*, который въ 1086 г. построенъ былъ Всеволодомъ Ярославичемъ, и въ которомъ настоятельствовала извѣстная въ нашихъ лѣтописяхъ дочь его *Янка*,—скрываются въ неизвѣстности подъ землею, невдалекѣ отъ Десятинной церкви.

Такъ невидно теперь уже слѣда и древней *церкви св. Симеона*, еще въ началѣ прошедшаго вѣка стоявшей развалиною надъ Подоломъ, на горѣ Вздыхальницѣ. Церковь сія съ монастыремъ воздвигнута была любознательнымъ княземъ

Святославомъ Ярославичемъ [1]) и памятна погребеніемъ въ ней Святославова внука Игоря Ольговича, по убіеніи его въ 1147 году. Сей святой мученикъ былъ уже схимникомъ въ Өеодоровскомъ монастырѣ, и взятъ оттуда возмутившимися Кіевлянами 19-го сентября, въ самый часъ молитвы своей въ Өеодоровской церкви передъ образомъ св. Богоматери.

Каменная *церковь св. Өеодора* основана была въ 1128 г. Мономаховымъ сыномъ Мстиславомъ великимъ. Его сыновья учредили при ней мужескій монастырь и назвали его, въ память своего тамъ погребеннаго (1132 г.) отца, *Вотчимъ* монастыремъ. Отъ Өеодоровской церкви въ 17-мъ вѣкѣ оставались еще стѣны. Но теперь кажется надъ ея основаніемъ [2]) находится полудеревенскій дворъ Королёва, съ утлымъ жильемъ и небольшимъ садомъ. А тотъ древній образъ св. Богоматери, передъ которымъ молился князь Игорь Ольговичъ, хранится въ большой Печерской церкви, въ придѣлѣ св. Стефана, на жертвенникѣ.

Но гдѣ была другая, тѣмъ-же Мстиславомъ въ 1131 г. основанная церковь *св. Богородицы Пирогощей*, въ которую Новгородсѣверскій князь Игорь Святославичъ, освободясь изъ плѣна Половецкаго, *ѣхалъ по Боричеву*, чтобы поклониться въ

---

[1]) Я заключаю сіе изъ того, что въ Кіевской лѣтописи монастырь св. Симеона называется монастыремъ отца и дѣда Игорева (см. *Карамзина* И. Г. Р. Т. II, прим. 308), и полагаю, что крестное имя Святослава было Симеонъ. Мѣстоположеніе монастыря св. Симеона, по нашимъ лѣтописямъ, было *въ Копыревѣ концѣ;* слѣдственно этимъ именемъ называлось нагорное предмѣстье, находившееся у самаго Стараго города на Вздыхальницѣ и около нея. «Ста (Всеволодъ Ольговичъ) у города въ Копыревѣ конци». 1129 года въ Копыревѣ концѣ основана *церковь св. Іоанна*.

[2]) Часть сихъ развалинъ была раскрываема въ 1838 г. Ставровскимъ, отъ комитета изысканія Кіевскихъ древностей. Образокъ, золотые перстни и другія вещи, тамъ найденныя, хранятся въ Музеѣ древностей, существующемъ при университетѣ св. Владиміра; а подробное извѣстіе о семъ помѣщено въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1839 г. кн. 3. Впрочемъ не всѣ единогласно признаютъ сіи развалины за остатокъ Өеодоровскаго монастыря. Въ краткой запискѣ о Михайловскомъ монастырѣ, составленной въ 1785 г. для императрицы Екатерины великой, остаткамъ Өеодоровскаго монастыря названо каменное основаніе какой-то древней церкви, находившейся на востокъ, или точнѣе сказать на сѣверовостокъ — отъ Михайловской церкви, которое и дѣйствительно существуетъ тамъ, въ архіерейскомъ саду.

ней св. иконѣ Пирогощей?.... Та икона была привезена изъ Царягорода на одномъ кораблѣ съ достопамятнымъ образомъ Владимірской Божіей Матери, который Андреемъ Боголюбскимъ перевезенъ былъ изъ Вышгорода во Владиміръ на Клязьмѣ, а нынѣ составляетъ драгоцѣнную святыню Московскаго Успенскаго собора.

Одною изъ позднѣйшихъ церквей древняго Кіева была церковь *Воздвиженія Честнаго Креста*, построенная въ 1212 г. незабвеннымъ героемъ древней Руси, *Удатнымъ* княземъ Мстиславомъ Мстиславичемъ, который въ 1228 г. скончался, принявъ схиму, и погребенъ въ сей церкви. На мѣстѣ оной еще въ 16-мъ вѣкѣ стояла каменная Воздвиженская церковь. Но теперь не осталось и ея слѣдовъ.

Такъ на Старомъ Кіевѣ неизвѣстны мѣста многихъ церквей, многихъ дворовъ княжескихъ и боярскихъ, о которыхъ говорятъ наши древнія лѣтописи, и положеніе которыхъ можно опредѣлять только гадательно. А между тѣмъ на Старомъ городѣ нѣтъ мѣста, кажется, гдѣ бы на извѣстной глубинѣ не было слѣдовъ и обломковъ долговѣчнаго на немъ жилья.

Проходя по Старому Кіеву и вспоминая минувшее, невольно говоришь себѣ: здѣсь была колыбель Русской жизни, гдѣ развилась и процвѣла она съ такою богатырскою силою и гдѣ просіяла она свѣтомъ христіанства.... Теперь—здѣсь великое кладбище древней Русской жизни, въ концахъ коего Софійскій и Михайловскій храмы возвышаются надъ всѣмъ новымъ, какъ два величественные памятника, тою-же древнею жизнію воздвигнутые, во свидѣтельство о себѣ позднѣйшему потомству!....

6. Университетъ св. Владиміра.

Проходя отъ Софійскаго собора черезъ Золотыя врата, выходишь на поле, простирающееся до рѣчки Лыбеди. Отъ Золотыхъ вратъ ведетъ новая дорога къ величественному зданію, которое готовится для Университета св. Владиміра.

Торжественное открытіе университета происходило 1834 года, 15-го іюля — въ день, посвященный памяти равноапостольнаго *Просвѣтителя* Россіи.

Заложеніе зданія совершено 1837 года 31-го іюля. Въ его основаніе, освященное Кіевскимъ митрополитомъ Филаретомъ, положена платиновая медаль, на которой изображены: съ одной стороны—портретъ Августѣйшаго основателя сего храма наукъ; а съ другой—Крестъ въ сіяніи, съ надписью кругомъ: *«во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ»*.

Университетское зданіе возвышается еще одинокое, посреди широкаго поля, и причисляется къ Старому Кіеву; но скоро вокругъ него возникнетъ новая часть города, которую по справедливости можно назвать *Новымъ Кіевомъ*.

1839 г.

Къ сему обозрѣнію прилагается *чертежъ* Стараго Кіева въ *древнемъ* его видѣ, съ тѣми только подробностями, для которыхъ имѣемъ достовѣрныя или вѣроятныя основанія; остальныя подробности, напр. княжескіе и боярскіе дворы, упоминаемые въ лѣтописяхъ, могутъ быть означены предположительно, по личному усмотрѣнію каждаго.

О МѢСТѢ КІЕВСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. АНДРЕЯ [1]).

Какъ только задумаешь говорить о Кіевѣ въ отношеніи церковномъ, невольно обращаешься мыслію къ древнему преданію о св. апостолѣ Андреѣ: «вшедъ на горы сія, благослови я, постави крестъ, и, помолився Богу, и слѣзъ съ горы сея, идѣже послѣ-же бысть Кіевъ».

На какомъ же именно мѣстѣ Старокіевской горы поставленъ былъ крестъ св. Андреемъ? Объ этомъ, кажется мнѣ, не было уже преданія у Кіевлянъ одиннадцатаго вѣка; а еслибъ оно было, преподобный Несторъ не преминулъ бы упомянуть о немъ, по своей особенной любви къ обозначенію мѣстностей. А ему представлялся удобный для того случай въ лѣтописи подъ 1086 годомъ, гдѣ онъ писалъ: «въ лѣто 6594, Всеволодъ заложи *церковь святаго Андрея*, при Иванѣ преподобномъ митрополитѣ: сотвори у церкви тоя монастырь, въ немъ же постриже дщи его дѣвою, именемъ Янька»... Тутъ Несторъ непремѣнно упомянулъ бы о мѣстѣ поставленія креста св. апостоломъ, если бы оно было извѣстно тогда по преданію, и если бы *на томъ мѣстѣ* поставлена была княземъ Всеволодомъ церковь во имя св. Андрея.

И такъ, изъ Несторова сказанія видно только то, что св. апостолъ Андрей молился и водрузилъ крестъ на той наддніпровской горѣ, гдѣ впослѣдствіи возникъ первоначальный градъ Кіевъ.

Бытіе помянутаго *Янчина* монастыря видно по лѣтописямъ до самаго нашествія Батыева; но нигдѣ неупомянуто о немъ такъ, чтобы можно было усмотрѣть его мѣстоположеніе,

---

[1]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1866, № 11, стр. 350.

а въ позднѣйшіе вѣка и совсѣмъ о томъ не упоминается. При такой неизвѣстности о мѣстѣ этого монастыря, оно на чертежѣ древняго Кіева назначается гадательно, согласно съ тѣмъ соображеніемъ Иринея Фальковскаго, что этотъ монастырь былъ въ «недальнемъ разстояніи отъ Десятинной церкви» (см. *Кіевскій Мѣсяцословъ* на лѣто 1799). Того же мнѣнія былъ и Берлинскій [1]). Такъ принимаетъ и г. Закревскій [2]).

Новѣйшій описатель нынѣшней церкви св. Андрея Первозваннаго (см. *Кіевскій народный Календарь* на 1866 годъ) справедливо замѣчаетъ, что «въ настоящее время даже трудно указать мѣсто, гдѣ была Андреевская обитель». Не смотря на то, онъ говоритъ, что эта древняя обитель была основана Всеволодомъ «*на томъ мѣстѣ*, гдѣ св. апостолъ поставилъ крестъ», и что церковь Крестовоздвиженскую князь Мстиславъ Романовичъ (т. е. не Романовичъ, а Мстиславичъ) поставилъ — «*нѣсколько ниже*»!

Кіевляне, жившіе послѣ нашествія Татарскаго, дорожа древнимъ преданіемъ о св. апостолѣ Андреѣ, желали опредѣлить себѣ то мѣсто, на которомъ поставленъ былъ имъ *крестъ*, какъ завѣтное начало первопрестольнаго города Кіева; и они признали его на томъ сѣверовосточномъ концѣ Старокіевской горы, на которомъ около ста лѣтъ уже красуется Елисаветинская церковь св. Андрея Первозваннаго: это мнѣніе стародавнихъ Кіевлянъ обратилось для насъ въ вѣковое преданіе, и его охотно признаешь, взойдя на ту прекрасную высоту надднѣпровскую.

Положеніе этого мѣста опредѣлялось въ первой половинѣ 17-го вѣка двумя древними церквами, еще бывшими здѣсь въ ту пору, а именно: *Симеоновскою* и *Крестовоздвиженскою*.

Указаніе на Симеоновскую церковь сохранилось въ житіи св. Владиміра, помѣщенномъ въ *Пчелѣ*, извѣстной по списку сдѣланному въ Крупичь-полѣ 1679 года [3]). Тамъ о св. Андреѣ Первозванномъ сказано: «пришедши на горы Кіевскіи, благо-

---

[1]) См. его *Описаніе Кіева*. 1820 г.

[2]) См. его *Лѣтопись и Описаніе города Кіева*. 1858 г.

[3]) См. въ книгѣ Бодянскаго: *о времени происхожденія Славянскихъ письменъ*, 1855 г., примѣчаніе 109.

словивъ ихъ, и крестъ святый на нихъ, *гдѣ теперъ церковь св. Симеона стоитъ*, поставилъ». Изъ Тератургимы Аѳанасія Кальнофойскаго, изданной въ Кіевѣ 1638 года, видно, что въ то время, въ числѣ шести Старокіевскихъ церквей, стояла еще церковь св. Симеона *«надъ самимъ Кіевомъ»* (т. е. Подоломъ). «Отъ нихъ (т. е. отъ Старокіевскихъ церквей)—говоритъ Кальнофойскій—*воротами*, мимо замка, на высокой горѣ воздвигнутаго, сходитъ дорога до плачевнаго *Кіева (Подола)*, нынѣ едва ли достойнаго называться именемъ прежняго Кіева». Тутъ разумѣется *Андреевскій* взвозъ, идущій на Подолъ мимо горы Кисилевки, на которой стоялъ Кіевскій замокъ.

Имѣя въ виду эти современныя указанія Пчелы и Тератургимы на церковь св. Симеона, я полагаю несомнѣнно, что она стояла на томъ самомъ концѣ Стараго Кіева, на которомъ нынѣ возвышается церковь Андревская. Это подтверждается и упоминаніями древней Кіевской лѣтописи о церкви и монастырѣ св. Симеона. Такъ подъ 1147 годомъ, гдѣ описано убіеніе князя Игоря Ольговича, сказано, что 19-го сентября тѣло его отвезено было *«на Подолье*, на торговище» и тамъ положено въ церкви св. Михаила (въ божницѣ Новгородской); а на разсвѣтѣ другаго дня митрополитъ послалъ туда Ѳеодоровскаго игумена Онанью—«и отпѣ надъ нимъ обычныя пѣсни, везе на *конецъ града въ монастырь святому Семеону*, бѣ бо монастырь отца его и дѣда его Святослава,—тамо положиша».

Этотъ *конецъ* града и горы Старокіевской назывался въ позднѣйшіе вѣка *Вздыхальною* или *Вздыхальницею*, а въ древнія времена *Копыревымъ концемъ:* онъ составлялъ тогда предмѣстье или предгородье древняго города Кіева, называемаго нерѣдко въ лѣтописаньи и просто, *горою*, по отношенію къ *Подолью*. Это видно изъ нѣскольких мѣстъ Кіевской лѣтописи. Напримѣръ, подъ 1140 годомъ; «пойде Всеволодъ Ольговичъ изъ Вышегорода къ Кыеву, и пришедъ ста *у города въ Копыревѣ конци* и нача зажигати дворы, иже суть *предъ городомъ въ Копыревѣ конци*.

Подъ 1150 годомъ: «въ тоже время Святославъ Ольговичъ перенесе мощи брата своего Игоря, *отъ святого Семеона изъ Копырева конця*, въ Черниговъ».

Подъ 1162 годомъ: «и веземъ и *(Изяслава)* Мстиславъ ле жива, посла въ монастырь *къ святому Семеону, еже есть въ Копыреви конци*».

А что Кіевскій замокъ былъ именно на той горѣ, которая съ половины 17-го вѣка зовется *Киселевкою* (по имени воеводы Кіевскаго *Адама Киселя*), это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ описи Кіевскаго замка, составленной въ 16-мъ вѣкѣ, ясно сказано о *замковой горѣ*, что у нея «отъ полуночное стороны, за брамою Воеводскою, прилегла гора на име *Щековица*...; а съ другое стороны, отъ полудня, за Драбскою брамою, только черезъ ровъ—прилегла гора на име *Клинецъ*, ровна съ замковою; а другая тамъ-же подалей вышча, на име *Вздыхальная*, але тая остра, можетъ быти унижона копанемъ».

И такъ г. Закревскій напрасно сомнѣвался въ положеніи Кіевскаго замка на горѣ Киселевкѣ и полагалъ его на горѣ Вздыхальницѣ (§ 8), называя его — «выстроеннымъ Поляками». (Кіевскій замокъ и строился и возобновлялся всегда Русскими, а не Поляками). Напрасно и церковь св. Симеона, стоявшая на горѣ Вздыхальницѣ, *надъ самимъ Подоломъ*, помѣщена у г. Закревскаго на самомъ Подолѣ, подъ горою Щековицею! А объ Андреевскомъ взвозѣ у него сказано сперва, что онъ «одинъ изъ *древнѣйшихъ* (§ 8); а потомъ, что онъ прорытъ въ *позднѣйшее* время» (§§ 21 и 66). Я держусь перваго мнѣнія и думаю, что при началѣ этого крутаго взвоза стояла древняя церковь св. Симеона, на мѣстѣ нынѣшней Андреевской.

Посмотримъ теперь на другое опредѣленіе того мѣста, гдѣ поставленъ былъ крестъ св. апостоломъ Андреемъ. Въ старомъ *лѣтописцѣ* южнорусскомъ 17-го вѣка, сказано такъ: «вшедши на гору, *подлѣ которой теперъ брама Кіевская стоитъ отъ полудня и церковь Воздвиженія креста святого*, благословилъ и крестъ поставилъ» [1]).

---

[1]) Въ *Густынской хроникѣ* сказано такъ: «и пришедъ, идѣже нынѣ горы Кіевскія, ихъ же благослови и крестъ на нихъ водрузи, *недалече нынѣшней брамы отъ полудня*», (стр 251). У С. Коссова «поставилъ крестъ — на горѣ, возлѣ которой теперь *брама мѣская* стоитъ отъ полудня» (стр. 11). Въ Патерикѣ Сильвестра Коссова, на стр. 16, о Десятинной церкви сказано: «была та цекровь возлѣ *брамы нынѣшней Кіевской*, на горѣ стоявшей».

Гора, возлѣ которой стоятъ ворота Кіевскія отъ полудня.. Ясное дѣло, что это гора Вздыхальница, возлѣ которой стояли прежде ворота, называвшіяся въ 17-мъ вѣкѣ *Кіевскими*, и церковь Воздвиженія.

Тутъ надо припомнить, что древнѣйшій валъ первоначальнаго города Кіева проходилъ нѣсколько выше нынѣшняго мѣста Андреевской церкви, такъ, что это мѣсто и стоявшая здѣсь церковь св. Симеона была за валомъ, внѣ города.

Кіевская брама, черезъ которую ѣздили по Андреевскому взвозу на Подолъ, была именно *отъ полудня*. А что эти городскія ворота назывались въ томъ вѣкѣ *Кіевскими*, это видно и изъ *Росписи Кіеву* 1682 года [1]), гдѣ сказано такъ: *Кіевскій выводъ* и проѣзжіе ворота, что ѣздятъ въ нижней Кіевъ городъ. Къ *Кіевскимъ воротамъ* желѣзная рѣшотка большая невставлена, для того, что выводъ не въ отдѣлкѣ.

Первый отъ этихъ воротъ земляной выводъ вала къ сторонѣ Днѣпра назывался *Воздвиженскимъ*—по имени церкви, бывшей тамъ еще и въ началѣ 17-го вѣка, но вскорѣ потомъ разобранной. Въ Тератургимѣ 1638 г. объ ней уже не упоминается въ числѣ Старокіевскихъ церквей.

Крестовоздвиженская церковь поставлена была не Мстиславомъ Романовичемъ, какъ было сказано у Берлинскаго и у Евгенія и повторено у Закревскаго (§ 8, 9, 77), но *Мстиславомъ Мстиславовичемъ*, и не въ *1212* году, когда онъ лѣто и зиму подвизался противъ Чуди, а вѣроятно въ *1215* году, когда онъ нарочно пріѣзжалъ въ Кіевъ. Въ этой церкви онъ и погребенъ *1228* года [2]). Объ ней несправедливо писали у насъ, будто въ древности она была *деревянная*, а уже впослѣдствіи поставлена каменная. «Похованъ въ церкви Воздвиженія Креста Честнаго, которую самъ *змуровалъ* въ Кіевѣ»—

---

[1]) См. въ *Чтеніяхъ* 1858 г. кн. 2.

[2]) Въ *Кіевскомъ Синопсисѣ* сказано о Мстиславѣ Мстиславичѣ: «преставися въ Торску *(т. е. въ Торческѣ)* и погребоша его въ Кіевѣ, въ церквѣ Честнаго Креста Господня, юже созда. Року отъ Рождества Христова 1212». Тутъ *1212* годъ—не созданія церкви, а Мстиславовой кончины, поставленный ошибочно вмѣсто *1228*, по ошибкѣ Польскаго историка, которымъ руководствовался сочинитель Кіевскаго Синопсиса.

сказано въ старомъ лѣтописцѣ южнорусскомъ о Мстиславѣ Мстиславичѣ,—и это правдоподобнѣе. А стояла она на юго-востокъ отъ нынѣшней Андреевской церкви. На это указываетъ вышепомянутый Воздвиженскій выводъ землянаго вала; а также и остатки каменнаго зданія съ гробницею, высѣченною изъ бѣлаго камня, которыя открыты были (помнится мнѣ въ 1839 году), при планировкѣ улицы, идущей отъ Андреевской церкви къ Михайловскому монастырю.

Въ половинѣ 17-го вѣка не было уже на Старомъ Кіевѣ ни Симеоновской, ни Крестовоздвиженской церкви. Тогда на завѣтной высотѣ построена была *деревянная церковь Андрея Первозваннаго*. Объ этой церкви совсѣмъ позабыто въ Кіевѣ и не вспомянуто, кажется, еще ни въ одномъ описаніи Кіева и церкви Андреевской. Извѣстіе объ ней сохранилось въ «*путешествіи въ святую землю* Московскаго священника Іоанна Лукьянова» 1701—1702 годовъ. При описаніи «преславнаго града Кіева», путешественникъ говоритъ: а «гдѣ святый апостолъ Андрей крестъ поставилъ, тотъ холмъ въ городской стѣнѣ зѣло красовитъ; на томъ мѣстѣ стоитъ церковь деревянная ветха, во имя святаго апостола Андрея Первозваннаго» (стр. 13).

Если та церковь была или казалась *ветхою* въ началѣ 1701 года, то она стояла на томъ мѣстѣ, конечно, около полувѣка. Такъ первая на Руси церковь во имя св. Бориса и Глѣба, поставлена была въ Вышгородѣ Ярославомъ І-мъ, около 1020 года; а въ 1071 году Изяславъ Ярославичъ, будучи въ Вышгородѣ, видѣ ту церковь ветху сущу и построилъ новую.

Объ той Андреевской церкви не упоминается и въ Росписи Кіеву 1682 года; но тамъ же неупомянуто и объ *Георгіевской* деревянной церкви, построенной въ *1674* году, на развалинахъ древней. Строителемъ этой церкви былъ тогдашній воевода Кіевскій, князь *Юрій Петровичъ Трубецкой*. Примѣчая, что онъ построилъ ее въ память своего патрона, можно примѣнить этотъ древнерусскій христіанскій обычай и къ *построенію Андреевской* деревянной церкви, и принять

предположительно, что она построена была въ *1656* году [1]), тогдашнимъ воеводою Кіевскимъ, *Андреемъ Васильевичемъ Бутурлинымъ*, въ память своего святаго патрона.

Неизвѣстна намъ дальнѣйшая судьба этой церкви—сгорѣла ли она или же была разобрана при новой насыпкѣ Старокіевскихъ валовъ и того высокаго бастіона, на которомъ въ 1744 году императрица Елисавета собственноручно заложила нынѣшнюю церковь св. Андрея Первозваннаго.

Въ дополненіе къ сказанному выше о церкви св. Симеона, можно упомянуть, что она поставлена была (на мѣстѣ древней, основанной) Святославомъ Ярославичемъ конечно тогда, какъ онъ княжилъ въ Кіевѣ, т. е. въ 1073—1076 годахъ.

Кромѣ ея въ Копыревѣ-концѣ была еще церковь, *св. Іоанна*, о которой извѣстно изъ лѣтописи Кіевской, подъ *1121* годомъ: «того же лѣта заложи церкви святаго *Ивана* въ Копыревѣ-концн». Кто заложилъ? Разумѣется, *Владиміръ Мономахъ*, о которомъ говорится въ лѣтописи подъ тѣмъ годомъ; да и не могло статься, чтобы онъ, воздвигавшій каменныя церкви въ Переясловѣ, въ Смоленскѣ, въ Суздалѣ, не поставилъ ни одной церкви въ Кіевѣ, будучи здѣсь на княженіи! Что же касается до мѣста, гдѣ находилась Іоанновская церковь, то его можно положить также на горѣ Вздыхальницѣ, по указанію той - же лѣтописи на *огородъ* этой церкви, бывшій со стороны удолья, называемаго Кожемяками. Подъ 1151 годомъ, лѣтописатель Кіевскій, обозначая подробно размѣщеніе вокругъ города полковъ, собранныхъ на отпоръ нашествію князя Юрія, говоритъ: «повелѣша Володимеру (Мстиславичу) пойти съ Берендѣи, и съ вежами и съ стады ихъ пойти ко Олговѣ (т. е. *къ Олеговой—могилѣ*); и сташа межи дебрьми отъ Олговы оли и въ огородъ святаго Іоанна; а сѣмо оли и до Щьковицѣ». Отсюда ясно для меня, что Берендѣи стояли тогда по обѣимъ сторонамъ замковой горы или Киселевки: на западной сторонѣ — начиная отъ Олеговой могилы на Щековицѣ, по удолью Кожемяцкому, до огорода Іоанновскаго

[1]) Того же 1656 года, 21-го декабря скончался въ Кіевѣ знаменитый въ здѣшней исторіи Василій Васильевичъ Бутурлинъ, и повезенъ былъ изъ Кіева братомъ его Андреемъ.

въ Копыревѣ-концѣ; а на восточной сторонѣ—отъ Копырева-конца, по Подолью, до Щековицы.

И такъ, по моему соображенію, въ древнемъ городѣ Кіевѣ, при выѣздѣ изъ него на Подолье воротами *сѣверными* или *Кіевскими*, вправѣ отъ нихъ, стояла святославовская церковь *св. Симеона*; а влѣвѣ (на томъ пространствѣ, гдѣ нынѣ узорочный садъ А. Н. Муравьева смежается съ дворомъ покойнаго М. А. Грабовскаго), могла быть Мономаховская церковь *св. Іоанна*, съ прилежащимъ къ ней огородомъ.

10 апрѣля, 1866 г.

Михайлова-гора.

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНІЯ КІЕВОСОФІЙСКАГО СОБОРА [1]).

Въ историческихъ писаніяхъ о Кіевѣ давно ведется разногласіе о времени построенія Софійскаго храма Ярославомъ I-мъ. Одни полагаютъ, что онъ заложенъ былъ *1037* года; другіе относятъ этотъ годъ къ совершенію и освященію храма; а заложеніе полагаютъ двадцатью годами ранѣе, именно въ *1017*. Послѣднее мнѣніе несогласно съ лѣтописью Нестора, но оно поддержано двумя именитыми людьми, занимавшимися спеціально — *описаніемъ Кіевскаго собора* (см. *Описаніе*, изданное 1825 года митрополитомъ *Евгеніемъ*, и другое, изданное 1854 г. каѳедральнымъ протоіереемъ Иваномъ Михайловичемъ *Скворцевымъ*); а потому необходимо разсмотрѣть это мнѣніе, дабы окончательно рѣшить вопросъ — о началѣ Софійскаго собора, составляющаго драгоцѣннѣйшій памятникъ Кіевской древности.

Первымъ основаніемъ того мнѣнія служитъ *разнорѣчіе* свидѣтельствъ о времени заложенія и освященія храма. Евгеній, въ первой главѣ своего Описанія, приводитъ эти свидѣтельства, начиная съ Несторовой лѣтописи, и потомъ говоритъ: «Изъ сихъ разнорѣчій, чему вѣрить, неизвѣстно» (с. 13). Но въ настоящемъ случаѣ нельзя считать свидѣтельствъ по ихъ числу, поставляя наравнѣ съ древнею лѣтописью Нестора —произведенія позднѣйшихъ вѣковъ и рѣшая вопросъ, такъ сказать, по большинству голосовъ. Если Несторъ, жившій въ Кіевѣ въ томъ же 11-мъ вѣкѣ, въ которомъ сооруженъ Кіевософійскій соборъ, говоритъ опредѣлительно, что Ярославъ *заложилъ* его въ *1037* году, и если нѣтъ инаго свидѣтельства

---

[1]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1867, № 1, стр. 11.

изо всего древняго, до-татарскаго времени, то и надо признать Несторово показаніе и на немъ основаться. Когда же наравнѣ съ нимъ поставлены показанія и Воскресенской, и Никоновой и другихъ лѣтописей позднѣйшаго состава, тогда пришлось предпочесть ихъ показаніе о заложеніи Софійскаго собора въ *1017* году и освященіи въ *1037*, относя къ этому двадцатилѣтію и другія Ярославовы построенія въ Кіевѣ. «Конечно—продолжаетъ Евгеній—столь многихъ и важныхъ зданій не могъ Ярославъ окончить въ одинъ 1037 годъ, и если съ 1017 до 1037 года онъ производилъ ихъ, то 20 лѣтъ не слишкомъ долго для исполненія сихъ предпріятій, при другихъ его занятіяхъ» (стр. 13). Но при такомъ взглядѣ—увеличеніе древняго Кіева относится къ *первой* половинѣ Ярославова княженія здѣсь; между тѣмъ, какъ изъ Несторова сказанія видно ясно, что оно произошло во *вторую* половину Ярославова княженія въ Кіевѣ, когда онъ былъ уже *единовластецъ* Русской земли.

Такое же представленіе, какъ у Евгенія, господствуетъ и въ Описаніи И. М. Скворцева, съ тою особенностью, что здѣсь встрѣчается попытка согласить Несторово сказаніе съ мнѣніемъ писателей позднѣйшихъ. Въ параграфѣ 6 предложенъ такой вопросъ: «годъ *1037*, показанный у пр. Нестора, есть-ли годъ основанія собора, или совершенія его и освященія?» а въ заключеніе сказано: «и такъ годъ *1037*, показанный у пр. лѣтописца и повторяющійся въ другихъ древнихъ сказаніяхъ, мы будемъ почитать годомъ совершенія собора, а не основанія, потому особенно, что это мнѣніе писателей нашихъ древнихъ» (стр. 5).

Но это мнѣніе нашихъ писателей, жившихъ въ позднѣйшіе вѣка, послѣ нашествія татарскаго,—мнѣніе несогласимое ни со свидѣтельствомъ нашего древняго лѣтописателя Кіевскаго, ни съ показаніемъ древняго-же лѣтописца Новгородскаго. Излагая сперва Несторово сказаніе, Скворцевъ говоритъ: «Если принять это мнѣніе, то нельзя продолжать построеніе собора далѣе *1051* года, ибо въ этомъ году лѣтописецъ упоминаетъ уже о поставленіи митрополита Иларіона въ св. Софіи» (стр. 4). Заключеніе вѣрное: начатый въ *1037* году,

Софійскій соборъ былъ оконченъ и освященъ, конечно, еще до поставленія Иларіона; только у Нестора не означенъ годъ освященія, а извѣстно изъ древняго преданія, что онъ освященъ *4-го ноября*, митрополитомъ Ѳеопемптомъ. Справедливо замѣчено у Скворцева, что сказаніе о Ярославовыхъ построеніяхъ, записанное у Нестора подъ *1037* годомъ,—«можно почитать изображеніемъ не современности, а только однородности дѣяній Ярослава». Эта разновременность выражена и въ самомъ сказаніи Несторовомъ: въ 1037 году Ярославъ заложилъ городъ великій Кіевъ, у котораго Золотыя врата, и церковь св. Софіи; *по семъ*—каменную церковь св. Благовѣщенія на Золотыхъ вратахъ; *по семъ*—св. Георгія монастырь и св. Ирины. Постепенно, въ три раза, происходило заложеніе помянутыхъ церквей въ томъ «*великомъ* городѣ», который прибавленъ Ярославомъ къ первоначальному Кіеву. О построеніи и освященіи церкви св. Георгія, мы положительно знаемъ изъ пролога 14-го вѣка, что оно было въ первые годы митрополитства Иларіонова, слѣдовательно не ранѣе *1051* года. Заложеніе «великаго города Кіева» и въ немъ величественнаго храма св. Софіи, было въ *1037* году; да и не могло быть ранѣе: это ясно изъ сказанія о битвѣ съ Печенѣгами, записаннаго Несторомъ подъ *1036* годомъ.

«И бѣ Печенѣгъ безъ числа. Ярославъ выступи изъ града и сполчи дружину, постави Варяги по средѣ, а на правѣй сторонѣ Кыяне, а на лѣвѣмъ крилѣ Новгородци. Сташа предъ градомъ; Печенѣзи приступати начаша; и сступишася *на мѣстѣ, идѣже стоитъ нынѣ святая Софья, митрополья Руськая; бѣ бо тогда поле внѣ града;* и бысть сѣча зла; и едва одолѣ къ вечеру Ярославъ».

При этомъ отчетливомъ изображеніи, казалось бы, нельзя и усомниться въ томъ, что за предѣлами первоначальнаго Кіева, на западной сторонѣ его, еще и въ *1036* году не было ни оградваго вала съ Золотыми вратами, ни Софійскаго храма, а было только *поле внѣ града*. Но въ описаніи Скворцева, съ предположеніемъ, что для построенія Софійскаго храма, заложеннаго Ярославомъ еще 1017 года, было не мало благопріятнаго времени, напримѣръ въ 1019 и еще болѣе въ

1026, сказано: «все это дѣлается весьма вѣроятнымъ, если слова пр. Нестора о сраженіи съ Печенѣгами 1036 года разумѣть такъ, что это сраженіе произошло не на мѣстѣ, гдѣ соборъ (тогда, быть можетъ, уже почти совершенный), а тамъ гдѣ митрополья Русская, т. е. жилище митрополита, тогда здѣсь несуществовавшее» (с. 5). Но такъ нельзя разумѣть словъ Нестора; ибо у него *Русскою митропольей* называется не жилье митрополита, а самая церковь св. Софіи, ставшая, по назначенію Ярослава, каѳедральною церковью митрополита всея Руси. «Соступились на мѣстѣ,—идеже нынѣ стоить святая Софья, митрополья Русьская»—и далѣе подъ 1037 годомъ: «заложи же (Ярославъ) и церковь святыя Софья, премудрость Божію, митрополью». Тоже находимъ и въ Кіевской лѣтописи подъ *1180* годомъ: «погорѣша дворове на горѣ и *великая митрополья св. Софья*».

Съ конца 16-го вѣка, когда Софійскій соборъ взятъ былъ подъ унію, каѳедральною церковью православной Кіевской Руси была Пречистенская церковь на Подолѣ,—и патріархъ Ѳеофанъ говоритъ въ своей грамотѣ *1620* года, что онъ посѣтилъ всѣ церкви въ Кіевѣ «почавши отъ церкви соборной Успенія Пресвятыя Богородицы, *митрополіи Кіевской*»; а жилище новопоставленнаго тогда митрополита Іова Борецкаго и его преемника Исаіи Копинскаго было въ Михайловскомъ Золотоверхомъ монастырѣ.

И такъ, принимая за основаніе свидѣтельство Несторовой лѣтописи, мы признаемъ за положительную историческую истину, что *1037* годъ былъ годомъ *заложенія*, а не совершенія и освященія Кіевософійскаго храма Ярославова. Это потверждается и свидѣтельствомъ древней Новгородской лѣтописи, составленной въ первой половинѣ 13-го вѣка; въ ней подъ *1037* годомъ написано: «*заложи Ярославъ* городъ Кыевъ и церковь святыя Софія».

Но въ тойже Новгородской лѣтописи означено и другое заложеніе Софійской церкви въ Кіевѣ (именно въ Кіевѣ, а не въ Новгородѣ), бывшее *1017* года: «Ярославъ иде къ Брестію, и *заложена бысть святая Софія Кыевѣ*». Этимъ извѣстіемъ пополняется Несторова лѣтопись, въ которой подъ

1017 годомъ сказано только: «Ярославъ вниде въ Кіевъ, *и погорѣша церкви*». По сличеніи этихъ двухъ древнихъ свидѣтельствъ, слѣдовало бы, кажется, вывести такое заключеніе, что послѣ пожара Кіевскихъ церквей, происшедшаго вслѣдъ за первымъ приходомъ Ярослава въ Кіевъ, заложена была въ томъ же году въ Кіевѣ Софійская церковь, но не та, которая основана Ярославомъ послѣ, въ *1037* году. Новгородская лѣтопись и не вмѣняетъ Ярославу заложеніе той церкви. (Она могла быть заложена въ 1017 году митрополитомъ Іоанномъ, по уходѣ Ярослава изъ Кіева къ Берестію).

Но вотъ что сдѣлалъ позднѣйшій составитель лѣтописи (чуть-ли не Воскресенской, составленной въ 16-мъ вѣкѣ). Взявъ сказаніе двухъ древнихъ лѣтописей, Несторовой и Новгородской, онъ составилъ изъ нихъ такое смѣшеніе: къ *1017* году — отнесъ не только *заложеніе* Софійской церкви Ярославомъ, но и града великаго Кіева съ Золотыми вратами, и самую битву съ Печенѣгами; а въ *1037* году положилъ *совершеніе* и Софійской церкви, и града Кіева... Это новосоставленное мнѣніе распространилось скоро, — переходя въ лѣтописи Никоновскую, Софійскую, въ новыя Новгородскія и другія, въ тоговременные прологи, въ палинодію Копыстенскаго... а наконецъ оно принялось и въ обоихъ «описаніяхъ Кіево-Софійскаго собора». Очевидно, что такая позднѣйшая и произвольная передѣлка *древнихъ* свидѣтельствъ о двухъ разновременныхъ заложеніяхъ Софійской церкви въ Кіевѣ—не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности, и что, для ея возстановленія, надо признать *два* особыя заложенія Софійской церкви въ Кіевѣ: одно, бывшее въ 1037 году и относящееся къ величественному Ярославову храму, донынѣ существующему; другое, бывшее въ 1017 году и относящееся къ другой Софійской церкви, заложенной вмѣсто прежней, въ томъ году сгорѣвшей. (Такъ и въ Новгородѣ, когда въ 1045 году сгорѣла прежняя, деревянная церковь св. Софіи, заложена была въ томъ же году новая, каменная церковь св. Софіи, княземъ Владиміромъ Ярославичемъ).

А что въ числѣ Кіевскихъ церквей, сгорѣвшихъ въ томъ пожарѣ 1017 года, была и *Софійская*, съ находившимся при

ней *монастыремъ*, о томъ есть *современное* свидѣтельство, въ хроникѣ Межиборскаго епископа Дитмара (+ 1018). Вотъ что говоритъ онъ въ концѣ своей хроники о входѣ Болеслава храбраго съ Святополкомъ въ Кіевъ, въ августѣ *1018* года: «архіепископъ этого города, съ мощами святыхъ и разными другими принадлежностями благолѣпія, почтилъ приходъ ихъ *въ монастырь св. Софіи, который въ прошломъ году, по несчастному случаю, сгорѣлъ*».

И такъ, до основанія Кіевософійскаго собора Ярославова, было въ Кіевѣ еще *двѣ* церкви во имя св. Софіи: одна первоначальная, сгорѣвшая въ 1017 году; другая, заложенная того же года. О бытіи этой второй церкви не сохранилось лѣтописныхъ извѣстій, равно какъ и о бытіи премногихъ Кіевскихъ церквей: но можно съ полною вѣроятностію полагать, что она была не только заложена, но и построена въ томъ Софійскомъ монастырѣ, въ которомъ была вышеозначенная встрѣча Болеслава и Святополка. Что же касается до первоначальной Софійской церкви, то она была построена въ Кіевѣ еще при великой княгинѣ Ольгѣ. Извѣстіе объ этомъ распространилось въ прошломъ столѣтіи изъ-такъ называемой Іоакимовой лѣтописи, гдѣ сказано, что блаженная Ольга, по возвращеніи своемъ изъ Царягорода, построила въ Кіевѣ деревянную церковь св. Софіи, для которой иконы прислалъ ей патріархъ. Нашлось теперь и другое, очень давнее о томъ извѣстіе — въ святцахъ апостола, писаннаго въ *1307* году. Тамъ означены *два* освященія Софійской церкви въ Кіевѣ: одно подъ *4-го ноября*, относящееся къ Ярославову храму; другое *11-го мая*, о которомъ сказано такъ: «священіе святыя Софья въ Кыевѣ, въ лѣто *6460*», т. е. *952*. По этому указанію, освященіе первоначальной Софійской церкви въ Кіевѣ приходится также въ правленіе вдовствующей княгини Ольги, но еще до ея путешествія въ Царьгородъ, бывшаго въ 955, или вѣрнѣе, въ 957 году. Въ этомъ, конечно, нѣтъ еще ничего несбыточнаго; ибо въ Кіевѣ и до того времени жили христіане и строились церкви. Но могло случиться, что переписчикъ тѣхъ святцевъ, означая годъ освященія 6460, не дописалъ въ концѣ какого нибудь числа, и что въ древнѣйшемъ

подлинникѣ былъ 6465 или 66 годъ. Во всякомъ случаѣ, построеніе и освященіе первоначальной Софійской церкви въ Кіевѣ было въ 50 годахъ 10 вѣка, при великой княгинѣ Ольгѣ; и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ бытіи этой церкви до 1017 г. и говорить будто мнѣніе о ея существованіи «основано только на разнорѣчіи списковъ Несторовой лѣтописи» [1]). (У Нестора нѣтъ и помину о ней). Бытіе этой первоначальной Софійской церкви признавали и Евгеній, и Скворцевъ и, наконецъ, Филаретъ Черниговскій [2]).Ириней Фальковскій, писавшій краткія замѣчанія о Кіевскихъ церквахъ, въ своемъ *Кіевскомъ Мѣсяцословѣ* 1799 г., признавалъ также построеніе той церкви великою княгинею Ольгою (по лѣтописи Іоакимовой), и говорилъ: «на томъ ли мѣстѣ она бытіе свое имѣла, гдѣ послѣ правнукомъ Ольгинымъ, Ярославомъ Владиміровичемъ, въ тоже именованіе выстроена нынѣшняя каменная, или на иномъ, совсѣмъ неизвѣстно» (стр. 41).

Въ Описаніи Скворцева сказано: «монастырь св. Софіи первобытный могъ быть еще далѣе Ярославовой митрополіи въ *полѣ*. (Монастыри не строились въ самомъ городѣ)» (стр. 6).

Едва-ли можно согласиться съ этимъ предположеніемъ, и особенно—съ его основаніемъ, будто монастыри не строились въ самомъ городѣ. Противъ этого достаточно указать на построенный Ярославомъ «великій городъ Кіевъ» — съ двумя въ немъ монастырями, Георгіевскимъ и Ирининскимъ, кромѣ каѳедральнаго Софійскаго.

Для меня казалось болѣе вѣроятнымъ, что первобытный Софійскій монастырь находился не въ открытомъ *полѣ* со

---

[1]) Такъ говоритъ г. Закревскій въ своей книгѣ о Кіевѣ, изданной въ 1858 году (см. § 118). При всемъ достоинствѣ этой книги, авторъ ея оспариваетъ и отрицаетъ иногда то, что не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Такъ, напримѣръ, приводя слова изъ книгъ Берлинскаго и Фундуклея о Борисо-Глѣбской церкви, построенной въ Вышгородѣ Ярославомъ около 1020 года, г. Закревскій дѣлаетъ такое замѣчаніе: «выдуманы обстоятельства, о которыхъ Несторъ ничего не знаетъ» (см. § 34). Закревскій не призналъ этой первоначальной на Руси церкви во имя Бориса и Глѣба, о которой именно *Несторъ* написалъ подробное сказаніе въ житіи св. Страстотерпцевъ.

[2]) Историкъ Русской церкви признавалъ построеніе Софійской церкви блаженною Ольгою, а освященіе относилъ къ *957* году (см. *Русскіе Святые*, іюль, стр. 69).

стороны Лыбеди, откуда бывали обыкновенно непріятельскія наступленія на Кіевъ, а въ самомъ городѣ, возлѣ западныхъ его воротъ, между ними и Десятинною церковью, которая, какъ видно, потерпѣла также 1017 года (она была возобновлена и вновь освящена *1039* года). Болеславъ и Святополкъ пришли въ Кіевъ, по Бѣлоградскому пути, въ ворота *западныя* (разумѣется, не Золотыя, которыхъ тогда еще не было). Встрѣча ихъ Кіевскимъ архіепископомъ, т. е. митрополитомъ Іоанномъ, въ монастырѣ Софійскомъ даетъ поводъ предполагать его первымъ со входа въ тогдашній городъ Кіевъ тѣми западными воротами. Это мнѣніе мое предложено было еще въ *Обозрѣніи Стараго Кіева*, напечатанномъ въ *Кіевлянинѣ* 1840 года (см. стр. 22).

Но возвратимся къ Ярославову храму св. Софіи. Извѣстна историческая надпись о немъ, начертанная подъ его куполомъ на четырехъ среднихъ аркахъ, должно быть, въ началѣ прошлаго столѣтія. Нельзя оставить безъ замѣчанія годовъ, означенныхъ въ этой надписи.

«Изволеніемъ Божіимъ нача здатися сей Премудрости Божія храмъ въ лѣто *1037*»...

Тутъ годъ основанія храма означенъ былъ вѣрно; при послѣднемъ обновленіи хотѣлось, вѣроятно, кому-то перемѣнить этотъ годъ на *1017*, но по ошибкѣ поставленъ *1011* г.

«Совершися же въ лѣто *1038* и освященъ Ѳеопемптомъ»...

Вотъ этотъ годъ слѣдовало бы перемѣнить, ибо нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы зданіе Софійскаго храма, начатое въ *1037* году, было совершено въ *1038*. Десятинная церковь, при Владимірѣ великомъ, строилась 7 лѣтъ. (Заложена 989, совершена 996). Новгородская каменная церковь св. Софіи, заложенная Владиміромъ Ярославичемъ 1045 года, строилась также 7 лѣтъ. Ярославовъ храмъ св. Софіи въ Кіевѣ также не могъ совершиться ранѣе 7 лѣтъ. Еще не нашлось древней замѣтки о годѣ его освященія; а есть *1045* годъ, относимый въ Кіевскихъ Мѣсяцословахъ къ освященію Георгіевской церкви. Но эта церковь, какъ замѣчено выше, освящена была Иларіономъ при жизни Ярослава, стало быть, между *1051* и *1054* годами. За неимѣніемъ древняго указанія на

годъ освященія Софійскаго собора, не отнести-ли къ нему этотъ *1045* годъ, издавна извѣстный въ церковной хроникѣ Кіева, но ошибочно пріуроченный къ Георгіевской церкви?..

Далѣе въ надписи означенъ *1631* годъ, въ которомъ будто-бы Владиславъ IV-й сталъ королемъ и возвратилъ Софійскій соборъ сынамъ благочестивой восточной церкви. Здѣсь ошибка. Жигимонтъ III-й, въ правленіе котораго Софійскій соборъ взятъ былъ подъ унію, скончался въ апрѣлѣ *1632* г.; сынъ его Владиславъ IV-й избранъ въ короли съ ноября того года; а возвращеніе Софійскаго собора къ православнымъ послѣдовало уже въ іюлѣ *1633* года.

Затѣмъ означено вѣрно, что Софійскій храмъ началъ обновляться въ лѣто *1634*, тщаніемъ митрополита Петра Могилы.

Къ этой прежней надписи прибавилась еще новая, относящаяся къ обновленію храма въ лѣто *1851*.

И такъ Софійскому собору, считая отъ основанія его, нынѣ уже *830* лѣтъ.

12 дек. 1866 г.

Кіевъ.

О ПОСТРОЕНІИ И ОСВЯЩЕНІИ КІЕВСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ [1]).

Великій князь Ярославъ, соорудивъ Софійскую церковь и Золотыя ворота съ церковью Благовѣщенскою, «по семъ (заложи) святаго Георгія монастырь и святыя Ирины». Такъ написано въ лѣтописи Несторовой подъ 1037 годомъ. Въ «Обозрѣніи Стараго Кіева», напечатанномъ въ 1 книгѣ *Кіевлянина*, сказано почти все, что извѣстно было въ 1840 году о вышепомянутыхъ церквахъ, между прочимъ и то, что по стариннымъ Кіевскимъ Мѣсяцословамъ освященіе Георгіевской церкви полагается въ 1045 году. Но въ древнихъ *прологахъ* находится объ этомъ важное извѣстіе, которымъ еще не воспользовались описатели Кіева. Вотъ оно, по драгоцѣнному списку пролога, находящемуся въ *древлехранилищѣ* Михаила Петровича Погодина, писанному вѣроятно въ 14-мъ вѣкѣ, на пергаментѣ самаго большаго формата, крупнымъ уставомъ, украшенному въ началѣ каждаго мѣсяца разноцвѣтными изображеніями святыхъ.

— Въ тотъ же день священие церкви святаго Георгия въ Киевѣ предъ враты святыя София.

Блаженный и присноцамятны всея Рускыя земли князь Ярославъ, нареченный в святѣмъ крещеньи Георьгий, сынъ Владимѣрь крестившаго землю Рускую, братъ же святою мученику Бориса и Глѣба: се всхотѣ создати церковь в свое имя святого Георгия, да еже всхотѣ и створи; и яко начаша здати ю, и не бѣ многа дѣлатель у нея; и се видѣвъ князь, призва тиоуна: почто не много оу церкве стражющихъ. Тиоунъ

[1]) Кіевлянинъ 1850 г., стр. 66—67.

же рече: понеже дѣло властелское, боятся людье трудъ подъимше наима лишени будутъ. И рече князь: да аще тако есть, то азъ сице створю. И повелѣ куны возити на телѣгахъ в комары Златыхъ вратъ, и возвѣстиша на торгу людемъ да возмутъ кождо по ногатѣ на день. И бысть множьство дѣлающихъ. И тако вскорѣ конча церковь, и святи ю Лариономъ митрополитомъ, мѣсяца ноября въ 26 день, и сотвори въ ней настолованне новоставимымъ епископомъ, и заповѣда по всей Руси творити праздникъ святаго Георгия мѣсяца ноября 26 день.

Изъ этого сказанія открывается, что освященіе церкви совершено митрополитомъ Рускимъ *Иларіономъ*; слѣдственно *не въ 1045 году*, но позднѣе, по крайнѣй мѣрѣ, *шестью* годами; ибо достопамятный Иларіонъ поставленъ въ митрополиты 1051 года, какъ извѣстно изъ лѣтописи Несторовой. А выраженіе пролога «предъ враты святыя Софія» можетъ служить подтвержденіемъ, что древняя церковь св. Георгія стояла тамъ или почти тамъ, гдѣ поставлена Елисаветою нынѣшняя; ибо Софійскія ворота въ древности, конечно, стояли къ Золотымъ воротамъ, противъ западныхъ дверей церкви. Что же касается до перваго возобновленія Георгіевской церкви въ 1674 году, то объ немъ подробно мы узнали только изъ *отписки* Кіевскаго воеводы князя Трубецкаго къ царю Алексѣю Михайловичу, помѣщенной въ *Синбирскомъ Сборникѣ*, 1845 года.

О КІЕВСКОМЪ УРОЧИЩѢ КОПЫРЕВѢ-КОНЦѢ, ПО ПОВОДУ СТАТЬИ О НЕМЪ Г. ЗАКРЕВСКАГО [1]).

1.

Не охотно мнѣ толковать снова о той древле-Кіевской мѣстности, о которой было уже говорено мною, года за три въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и за тридцать лѣтъ—въ моемъ Кіевлянинѣ. Но меня побуждаетъ на то недавняя, полемическая статья Закревскаго, и собственно потому, что она напечатана, въ «Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества», и озаглавлена названіемъ моихъ [2]) «Писемъ о Кіевѣ» и «Объяснительныхъ параграфовъ о Кіевѣ».

Нѣкоторыя изъ тѣхъ писемъ и всѣ пять параграфовъ написаны въ 1868 году, по поводу обши наго «Описанія Кіева», сочиненнаго Николаемъ Закревскимъ. Мнѣ хотѣлось послужить Кіевознанію нѣсколькими новыми для него замѣчаніями и свѣдѣніями, и прояснить нѣкоторыя историческія мѣстности и событія Кіевскія, невѣрно понятыя и неправильно представленныя Закревскимъ. И я надѣюсь, что многое изъ сказаннаго въ тѣхъ письмахъ и параграфахъ будетъ навсегда принято въ Кіевознаніе. Но изо всѣхъ мѣстностей и событій, о которыхъ была тамъ у меня рѣчь, несогласная съ толкованіями и показаніями Закревскаго, онъ въ своей нынѣшней статьѣ проситъ читателя «обратить свое вниманіе на нашъ споръ о мѣстѣ древняго *Копырева конца*» (с. 101); а все прочее оставлено имъ безъ отвѣтнаго объясненія, подъ име-

---

[1]) Кіевскія Епарх. Вѣдомости 1871 г. № 1.

[2]) См. томъ III, выпускъ I, въ отдѣлѣ библіографіи.

немъ—*нападковъ*, *ухищреній* и т. п.; на самомъ же дѣлѣ, большая часть возраженій моихъ была только *отраженіемъ* его опрометчивыхъ нападеній и напрасныхъ вымысловъ на меня и на другихъ Кіевописателей.

Мои возраженія были не *голословныя* отрицанія и не ухищренныя словоизвитія, но прямыя доказательства, на положительныхъ извѣстіяхъ и свѣдѣніяхъ основанныя. А на грубыя противъ меня выходки, какими полна и его нынѣшняя статья, не отвѣчать же было мнѣ любезностями мадригальными. Впрочемъ, какова бы ни была у кого привычка и манера выражаться, каковъ бы ни былъ кто, по натурѣ своей, въ часы полемическаго замышленія и дѣйствія: онъ обязанъ прямодушно и честно обходиться съ опровергаемымъ мнѣніемъ, представлять его читателямъ въ подлинномъ его видѣ, не измѣняя его своими собственными прибавками, убавками и выдумками. Хорошо Закревскій говоритъ, что «отъ критики требуется прежде всего добросовѣстное служеніе наукѣ» (с. 101), что «для изслѣдователя истина дороже собственной гипотезы» (с. 105); да не то выходитъ у него на дѣлѣ.

2.

Испросивъ вниманіе читателя къ нашему спору о Копыревѣ концѣ, Закревскій говоритъ: «но прежде всего мы должны сдѣлать необходимое отступленіе и поговорить о воротахъ и выводахъ (бастіонахъ), бывшихъ, по показанію росписи Кіеву въ 1682 г., на Старомъ Кіевѣ; обстоятельство это весьма важно при изслѣдованіи мѣсности Стараго города въ 17-мъ вѣкѣ. Впрочемъ назначеніе мѣстъ воротамъ и бастіонамъ, упоминаемымъ въ росписи, не составляетъ никакой трудности».. (с. 101). И когда онъ, начавъ отъ *Софійскихъ* воротъ Меньшаго-Верхняго города, направился къ западу отъ нихъ, къ *Наугольному* выводу, и къ слѣдующимъ за нимъ: *Петровскому*, *Предтеченскому*, *Рождественскому*, и сказалъ: «отъ сего вывода, поворотя къ востоку, разстояніемъ на 14½ сажень, находились *Кіевскія ворота*, что ѣздятъ въ Нижній Кіевъ городъ»: я подумалъ, наконецъ то нашелъ онъ эти трудныя

для него «Кіевскія ворота» на ихъ подлинномъ мѣстѣ! Но я подумалъ это напрасно. Закревскій, и по Росписи Кіеву, лишь дойдетъ до того мѣста, гдѣ находились дѣйствительно Кіевскія ворота, не находитъ ихъ на томъ мѣстѣ и уклоняется въ другую сторону, въ Гончары и Кожемяки. Причина тому заключается въ двухъ его гипотезахъ: 1) будто главная и древняя дорога со Стараго города на Подолъ спускалась на Гончары и Кожемяки; 2) будто Андреевская гора или Вздыхальница и гора Замковая или Киселевка, до 1715 года, составляли одну сплошную, нераздѣльную гору, и вся она занята была Кіевскимъ замкомъ, даже до нынѣшней Андреевской церкви, возлѣ которой очутились у него и *Драбскія* ворота замка, вмѣсто бывшихъ тутъ воротъ *Кіевскихъ*... При такомъ неправильномъ представленіи, у него, для выѣзда изъ древнѣйшаго или Меньшаго-Верхняго Кіева на Подолъ, тою дорогою Кожемяцкою, приставлены были къ ней трое воротъ: *Софійскія*, *Кіевскія* и даже *Николаевскія!* (см. Опис. К. стр. 177). Онъ говорилъ такъ: «*по нашимъ розысканіямъ*, Кіевскія ворота (брама) стояли надъ Кожемяками, какъ на главномъ пути въ Кіевоподолъ, а не на Андреевскомъ взвозѣ, какъ нѣкоторые ошибочно полагаютъ, потому что его тогда еще не было, онъ былъ *загороженъ замкомъ*». Или такъ: «должно думать, что *Кіевскія* Старогородскія ворота были *недалеко* Батыевыхъ (или *Софійскихъ*) и вели со Стараго города на Подолъ черезъ Гончары и Кожемяки».

Возражая на это, въ моемъ пятомъ параграфѣ я сказалъ: «Нѣтъ, такъ не должно думать! А въ доказательство тому, возьмемъ Роспись Кіеву 1682 года и съ нею пройдемъ отъ Софійскихъ воротъ до Кіевскихъ, бывшими тамъ стародавними *валами* и *выводами*». И послѣ указанія Росписи, что отъ Рождественскаго вывода до Кіевскихъ воротъ «41 сажень съ полусаженью», я сказалъ: «вотъ гдѣ были тѣ «*Кіевскія* проѣзжія ворота, что ѣздятъ въ Нижній Кіевъ городъ»! Онѣ стояли къ востоку отъ Десятинной церкви, между выводами Рождественскимъ и Воздвиженскимъ. Такъ и въ Патерикѣ Сильвестра Коссова 1635 года сказано о церкви Десятинной: «была та церковь подлѣ брамы нынѣшней *Кіевской*, на горѣ

стоящей» (стр. 16). Кажется ясно, что тѣ ворота стояли надъ взвозомъ Андреевскимъ, которымъ и ѣздили на Подолъ, называвшійся въ тѣ времена по преимуществу *городомъ Кіевомъ*».

Закревскій нынѣ также, слѣдуя Росписи, дошелъ отъ Софійскихъ воротъ до Кіевскихъ. Ну, тутъ бы имъ и быть! При такомъ прямомъ опредѣлительномъ указаніи Росписи напрасны уже всѣ наши предположенія и толкованія, несходящіяся съ этимъ указаніемъ. Но Закревскій не остается на дѣйствительномъ мѣстѣ Кіевскихъ воротъ,—дѣлаетъ отступленіе отъ этого ихъ мѣста, и возвращается на свою собственную гипотезу о нихъ, говоря: «вслѣдствіе *тщательныхъ изслѣдованій* на планѣ и въ натурѣ, *должны были* находиться надъ самымъ урочищемъ Гончаровъ, а слѣдовательно и вели чрезъ это урочище на Подолъ» (стр. 102).

Должно думать... Должны были... хотя бы то и вопреки очевиднымъ указаніямъ и свидѣтельствамъ! У Закревскаго не рѣдко свое личное *мнѣніе* предпочитается старому *свидѣтельству* современниковъ. Ворота *Кіевскія* не могли и быть надъ Гончарами и Кожемяками: тамъ стоялъ «*Наугольный выводъ*, что къ бояраку и къ Кожемяцкой слободѣ»; и была изъ него туда только проходная *калитка*. Отъ того вывода до Рождественскаго Закревскій намѣрялъ у себя на планѣ 157 сажень 2 аршина и 8 вершковъ... Да отъ Рождественскаго вывода до Кіевскихъ воротъ было землянаго валу еще 41½ сажень, по направленію *къ востоку*. Согласно съ этимъ указаніемъ Росписи и въ Патерикѣ Коссова сказано о Десятинной церкви: «была та церковь *возлѣ брамы нынѣшней Кіевской*, на горѣ стоящей» (стр. 16); и еще сказано тамъ объ апостолѣ Андреѣ: «поставилъ крестъ на горѣ, *возлѣ которой теперь брама мѣская* (т. е. городская) *стоитъ отъ полудня*» (стр. 11). Въ старомъ лѣтописцѣ южнорусскомъ читаемъ тоже: «вшедши на гору, подлѣ которой теперь *брама Кіевская стоитъ отъ полудня*». Въ Густынской хроникѣ: «и крестъ на нихъ водрузи недалече *нынѣшней брамы отъ полудня*» (стр. 251). Изъ всѣхъ этихъ указаній на ворота *Кіевскія* или *Городскія* видно ясно, что онѣ были *Сѣверныя* ворота первоначальнаго или Меньшаго - Верхняго города, стоявшія на горѣ противъ

Андреевскаго взвоза, которымъ и ѣздили въ эти ворота со Стараго города на Подолъ, оставляя влѣвѣ Кіевскій замокъ, бывшій на горѣ Киселевкѣ, издревле отдѣльной отъ горы Андреевской [1]).

3.

«Послѣ этого отступленія займемся мы изслѣдованіемъ о Копыревѣ концѣ». О немъ говоритъ Закревскій, и начинаетъ такими словами: «съ непоколебимою вѣрою въ непреложность своей гипотезы, что древній Копыревъ конецъ былъ *на горѣ Уздыхальницѣ*, Максимовичъ»..... Но я оставлю эту рѣчь моего возражателя въ самомъ ея началѣ, видя здѣсь намѣренное ограниченіе моего мнѣнія. Онъ и далѣе все налегаетъ на мое *первоначальное* мнѣніе о Копыревѣ концѣ, повторяя: былъ *на горѣ Вздыхальницѣ*. Зачѣмъ-же это невѣрное представленіе и моего первоначальнаго мнѣнія, объявленнаго въ Кіевлянинѣ 1840 года? Тамъ сказано, что Копыревымъ-концемъ называлось предмѣстье, находившееся «у самаго Стараго города *на Вздыхальницѣ и около нея*» (см. стр. 58). Во второй книгѣ Кіевлянина на 1841 годъ, въ Топографическихъ замѣткахъ сказано также, «къ Копыреву-концу принадлежало и *окружное подворье*» (см. стр. 113).

Согласно съ этимъ я говорилъ о Копыревѣ концѣ и въ моей недавней статьѣ: о мѣстѣ Кіевской церкви св. Андрея *(1866* г.), и въ моемъ пятомъ объяснительномъ параграфѣ *(1869* г.), какъ о предмѣстьи Стараго города, которое расположено было не только на вершинѣ Вздыхальницы, но и «*на склонахъ* всей Андреевской горы». Для чего же Закревскій, въ своемъ нынѣшнемъ «изслѣдованіи», всякій разъ ограничиваетъ мое мнѣніе сперва только *нагорною* частицею Копырева конца? Для того, чтобы, указывая потомъ на *окружныя* и *подгорныя* мѣста этого урочища, и прибавивъ еще отъ себя вовсе не принадлежащее сюда урочище *Кудрявецъ*, извести на меня такую небылицу и напраслину, будто бы по

[1]) Объ этомъ объяснено въ моемъ письмѣ къ М. П. Погодину. «О Литовскомъ замкѣ въ Кіевѣ».

моимъ выводамъ было въ древности *четыре Копырева конца* (стр. 104). Таково у него «безпристрастное разсмотрѣніе» нашихъ мнѣній! Но любознательный читатель, изъ вышеприведенныхъ словъ моихъ, можетъ уже видѣть, что по моему мнѣнію Копыревъ конецъ былъ предмѣстьемъ той части *Стараго города*, которая составляла собою *древнѣйшій* Кіевъ, впослѣдствіи называвшійся *Меньшимъ-Верхнимъ городомъ*, а въ позднѣйшее время *Андреевскимъ отдѣленіемъ*. Крайними предѣлами Копырева конца были: съ западной стороны *Кожемяцкое удолье*, а съ восточной—подгорный *Ручай* или *Потокъ*, (иногда называвшійся «Боричевымъ потокомъ») и древній *взвозъ Бόричевъ*, отдѣлявшій Андреевскую часть Стараго города отъ Михайловской.

Первымъ указаніемъ для меня, что Копыревъ конецъ составлялъ предмѣстье, примыкавшее къ древнѣйшему городу Кіеву, была нагорная древняя церковь *св. Симеона* съ монастыремъ «иже въ Копыревѣ концѣ». Она и принята за *основаніе* моего мнѣнія объ этой исторической мѣстности Кіевской. Остатокъ Симеоновской церкви существовалъ еще въ первой половинѣ 17-го вѣка, и сохранились два тогдашнія Кіевскія свидѣтельства о ней: въ *Тератургимѣ*, напечатанной 1638 г., и въ *Пчелѣ*, извѣстной по Крупичь-польскому ея списку 1679 г., изъ которыхъ ясно видно, что та церковь стояла *надъ самымъ Кіевомъ-Подоломъ, на Андреевской горѣ*. «Не будь этой церкви въ 17-мъ вѣкѣ и двухъ тогдашнихъ о ней свидѣтельствъ, мы не знали бы навѣрное, гдѣ былъ Копыревъ конецъ, въ которомъ находилась она по сказанію древняго лѣтописанья; ибо въ памятникахъ позднѣйшихъ вѣковъ имя Копырева конца уже не встрѣчается, также какъ повторяемое нерѣдко въ нихъ имя Вздыхальной горы не встрѣчается въ лѣтописаньи древнемъ. *Неизвѣстное* опредѣляется *извѣстнымъ*, а не наоборотъ. Когда же изъ двухъ приведенныхъ свидѣтельствъ 17-го вѣка видно ясно, что церковь св. Симеона стояла *на Андреевской горѣ, надъ самымъ Подоломъ*, тогда я имѣю полное право утвердительно повторить свое прежнее мнѣніе о Копыревѣ концѣ». Такъ сказано въ моемъ пятомъ параграфѣ; и я привожу здѣсь эти слова, чтобы читатели могли видѣть не только

мнѣніе мое о спорной мѣстности, въ настоящемъ его видѣ, но и его историческое *основаніе.*

4.

Я различаю строго: «что отъ *мнѣнія*, и что отъ *свидѣтельства*» (выраженіе стародавнихъ Кіевлянъ)... Потому *церковь св. Симеона* и принята мною, какъ главное и незыблемое основаніе для опредѣленія мѣста Копыреву концу. Напрасны всѣ усилія Закревскаго снести эту церковь съ ея нагорной высоты, засвидѣтельствованной двумя очевидцами ея въ первой половинѣ 17-го вѣка. Къ тому-же, стараясь низвести ее на Подолъ, онъ и самъ еще не знаетъ, гдѣ бы тамъ ее поставить? Въ прежнемъ своемъ Описаніи Кіева, изданномъ 1858 года, онъ помѣщалъ Симеоновскую церковь *за канавою* (смотри на планѣ подъ нумеромъ 41; тамъ, подъ Щековицею, подписано у него: *Копыревъ конецъ*). Въ нынѣшнемъ Описаніи Кіева онъ *думаетъ* («мы думаемъ, но не болѣе» сказано у него на стр. 399) помѣстить церковь св. Симеона подъ Кисилевкою, въ Кожемякахъ, гдѣ нынѣ новая церковь Воздвиженская,—на мѣстѣ совершенно неудобномъ и даже невѣроятномъ для древней великокняжеской церкви съ монастыремъ.

Особенно смущало Закревскаго приведенное мною свидѣтельство *Пчелы*, прямо и опредѣлительно указывающее, что церковь св. Симеона была *на Андреевской горѣ.* Онъ всячески отрицалъ и порицалъ это современное свидѣтельство, укоряя и меня за принятіе его въ доказательство. Но я, въ концѣ пятаго параграфа, представилъ достаточную, кажется, защиту Пчелы, отверженной Закревскимъ.

Что касается до *Тератургимы* Аѳанасія Кальнофойскаго, по словамъ котораго Симеоновская церковь стояла *надъ самымъ Кіево-Подоломъ*, то Закревскій и въ нынѣшней статьѣ продолжаетъ еще безуспѣшную осаду свою этого показанія и моей на него ссылки. Не даромъ—же онъ говорилъ, что «свидѣтельство Кальнофойскаго, какъ писателя мѣстнаго, видѣвшаго собственными глазами остатки храма св. Симеона,

заслуживаетъ обстоятельнаго разсмотрѣнія» (с. 394). Въ концѣ пятаго параграфа моего сказано: «не въ одной только Пчелѣ, но и въ Тератургимѣ церковь св. Симеона показана также *на Старомъ Кіевѣ*». Здѣсь выраженіе «Старый Кіевъ» поставленъ мною въ противоположность *Кіевоподолу*, въ значеніи Старокіевской горы, чтобы означить *нагорное* положеніе той церкви; но Закревскій крѣпко ухватился за это не довольно точное выраженіе (утопающій хватается и за соломинку!), и говоритъ: «теперь спрашивается, если бы церковь св. Симеона находилась въ *районѣ Старокіевскихъ валовъ*, то для чего везти тѣло Игоря на конецъ града, т. е. въ Копыревъ конецъ?» (с. 105). Для того, сказалъ бы я другому вопрошателю, что въ той нагорной части Копырева конца, примыкавшей къ Старому Кіеву, былъ тотъ «монастырь отца его и дѣда его Святослава», по словамъ Кіевской лѣтописи. Но Закревскому, придумавшему на этотъ случай «районъ Старокіевскихъ валовъ», я приведу въ отвѣтъ слова изъ извѣстной ему статьи моей о мѣстѣ Кіевской церкви св. Андрея: «Тутъ надо припомнить, что древнѣйшій валъ первоначальнаго города Кіева проходилъ нѣсколько выше нынѣшняго мѣста Андреевской церкви, такъ что это мѣсто и стоявшая здѣсь церковь св. Симеона были *за валомъ, внѣ города*».

Закревскій такъ увлекся своимъ «*райономъ* Старокіевскихъ валовъ», что и вслѣдъ за тѣмъ, подправляя мой переводъ изъ Тератургимы, передалъ его читателямъ невѣрно, и вмѣсто моихъ словъ: «до городскихъ воротъ» (т. е. до воротъ Кіевскихъ) поставилъ—*до городскихъ валовъ!* (стр. 106).

За тѣмъ Закревскій вотъ еще что говоритъ обо мнѣ: «первоначально онъ утверждалъ, что Копыревъ-конецъ, а въ немъ и церковь св. Симеона были *на горѣ Вздыхальницѣ*; но всякій житель Кіева скажетъ, что гора эта находится не внутри Старокіевскихъ валовъ, а внѣ оныхъ. Слѣдовательно, ссылка въ этомъ случаѣ на слова Кальнофойскаго составляетъ стольже неудачное доказательство, какъ и ссылка на Крупичьпольскую Пчелу» (стр. 106).

Я ссылался на свидѣтельство двухъ Кіевлянъ первой половины 17-го вѣка, когда существовали еще остатки *шести*

нагорныхъ древлекіевскихъ церквей, въ томъ числѣ Ѳеодоровской и Симеоновской,—когда у жителей Кіевскихъ было еще въ ходу и названіе горы *Вздыхальницы*. Что же касается до ссылки Закревскаго на *всякаго* изъ нынѣшнихъ жителей Кіева о позабытомъ уже ими названіи той горы, то я приведу здѣсь отрывокъ изъ «Кіева», написаннаго А. Н. Муравьевымъ, бесѣдовавшимъ нѣкогда на Щековицѣ съ престарѣлымъ ея священникомъ: «Позвольте мнѣ обезпокоить васъ еще однимъ вопросомъ, сказалъ я, гдѣ здѣсь гора Уздыхальница»?—«Вы вѣрно изъ столицы, отвѣчалъ онъ съ радушною улыбкою; всѣ пріѣзжіе обыкновенно пытливы и доискиваются такихъ мѣстъ и именъ, о которыхъ мы, природные жители, никогда не слышимъ. Что за Вздыхальница? Всякая гора покажется такою, когда взберешься на нее по крутизнѣ и не разъ вздохнешь отъ усталости, какъ на нашу Скавицу».

5.

Послѣ такихъ маловажныхъ возраженій противъ *нагорнаго* мѣстоположенія Симеоновской церкви, безвредныхъ для моего мнѣнія о Копыревѣ-концѣ, и безполезныхъ для его убѣжденія о бытіи этого урочища на Подолѣ, Закревскій придумалъ еще вотъ что: чтобы къ 17-му вѣку не было въ Кіевѣ и остатка той древней церкви!—Для этого замышленія у него два предлога.

1) Предположивъ себѣ мнимое противорѣчіе Тератургимы съ древнею лѣтописью, онъ такъ его себѣ объясняетъ: «Въ 17-мъ вѣкѣ Кіевляне, видя множество развалинъ, позабыли уже то мѣсто, гдѣ находилась древняя церковь св. Симеона, и присвоили это названіе совсѣмъ другимъ развалинамъ» (стр. 117). Нѣтъ, старожитные преемники древлекіевскихъ, родныхъ преданій, не могли позабыть своихъ святыхъ церквей, еще оставшихся въ запустѣлыхъ остаткахъ;—они знали поименно даже и тѣ древнія церкви, которыя лежали уже въ развалинахъ. Сочинитель Тератургимы, назвавъ поименно только шесть нагорныхъ церквей, говоритъ: «а прочія лежатъ большими могилами, кажется навѣки погребенны». Къ ихъ

числу принадлежала уже и *Воздвиженская* церковь. Однако Кіевляне хорошо ее знали, если богоявленскій игуменъ, Игнатій Оксеновичъ Старушичъ испросилъ ее въ 1640 году у короля Владислава IV-го, вмѣстѣ съ Трехсвятительскою церковью, запустѣлою, но не «лежавшею въ развалинахъ». Въ 1674 году поставлена была деревянная церковь *св. Георгія*— на развалинахъ древней, Ярославовской: видите, знали въ Кіевѣ и ея мѣсто, по ея развалинѣ. Иностранецъ Ляссота, бывшій въ маѣ 1594 года въ Кіевѣ, пишетъ въ своемъ дневникѣ между прочимъ слѣдующее: «не вдалекѣ отъ святой Софіи находилась прежде церковь святой *Екатерины*, теперь совершенно разрушенная, такъ что отъ нея осталась только часть одной стѣны». Очевидно, что здѣсь у него рѣчь о развалинахъ Ярославовской же церкви св. *Ирины*.

2) Закревскій говоритъ: «если бы упоминаемая церковь (т. е. Симеоновская) сохранилась до 17-го вѣка, то составитель Росписи Кіеву 1682 года, говоря о *всѣхъ* церквахъ Кіевскихъ, въ томъ числѣ и о деревяныхъ, не преминулъ бы упомянуть и о церкви св. Симеона» (стр. 107).

Неоснователенъ и этотъ предлогъ Закревскаго. Начать съ того, что въ Росписи перечислены не *всѣ* Кіевскія церкви того времени. Въ ней не названы даже двѣ Старокіевскія церкви, построенныя во второй половинѣ 17-го вѣка: ни *Андреевская*, ни вышепомянутая *Георгіевская*. Такъ и при исчисленіи Кіевоподольскихъ церквей, въ Росписи пропущена древняя каменная церковь *Успенская*, бывшая въ первую треть 17-го вѣка «Русскою митрополіей».

Какъ же можно молчаніемъ этой Росписи 1682 года о *Симеоновской* церкви доказывать ея небытіе въ первой половинѣ 17-го вѣка? Подъ такимъ предлогомъ, пожалуй, можно говорить, что не сохранилось къ 17-му вѣку и древней *Өеодоровской* церкви, о которой въ Тератургимѣ сказано: «только стѣны стоятъ». Но во второй половинѣ 17-го вѣка, конечно, не было уже ни тѣхъ древнихъ стѣнъ, ни остатка церкви Симеоновской; а потому не могло быть и помину о нихъ въ офиціальной Росписи Кіеву, въ «приказной избѣ» составленной.

Не стану терять времени моего на подробный разборъ той полемической путаницы, въ которой Закревскій насчитываетъ на меня четыре Копырева-конца! Я упомянулъ уже, что онъ подкинулъ моему мнѣнію цѣлое урочище *Кудрявецъ*. И послѣ этого спрашиваетъ: «Что же это такое? Опроверженіе ли это самого себя, или изобрѣтеніе еще другаго, новаго Копырева-конца?» (с. 103). Да; это изобрѣтеніе г. Закревскаго, достойное балаганной фантасмагоріи, а не трудовъ археологическихъ! Въ моемъ объясненіи пришествія Всеволода Ольговича изъ Вышгорода къ Кіеву нагорнымъ путемъ, была въ виду *западная* сторона Копырева-конца, предѣломъ которой было дно Кожемяцкой дебри; слѣдовательно онъ пришелъ *сюда*, спустясь удольемъ Глубочицкимъ, и *здѣсь* (а не на Кудрявцѣ)—«нача зажигати дворы, иже суть предъ городомъ въ Копыревѣ конци».

Церковь св. *Іоанна*, поставленная 1121 года Мономахомъ въ Копыревѣ-концѣ, находилась по моему соображенію также на Андреевской горѣ, на западной ея сторонѣ, противъ бывшаго надъ нею вывода *Предтеченскаго*. Это названіе вывода навело меня на мысль, что та древняя церковь была во имя св. Іоанна Предтечи. При церкви былъ огородъ, т. е. садъ, на западномъ склонѣ горы, какъ это можно видѣть изъ словъ Кіевской лѣтописи (подъ 1151 годомъ): «и сташа межи дебрьми отъ Олговы (могилы) оли и въ огородъ святаго Іоанна». Закревскій, въ своемъ возраженіи на это, говоритъ: «Предтеченскій выводъ отстоялъ на *105* сажень отъ горы Уздыхальницы, на которой, по первоначальному мнѣнію автора, былъ Копыревъ конецъ; слѣдовательно, возлѣ Предтеченскаго вывода выросъ изъ земли новый Копыревъ-конецъ!» (стр. 104). Зачѣмъ-же такъ легкомысленно морочить вниманіе читателей, и этою вымышленною цыфрою (105 сажень), и напраснымъ отдаленіемъ Предтеченскаго вывода отъ Вздыхальницы?... Вѣдь эта гора начиналась отъ Старокіевскихъ валовъ и выводовъ, въ томъ числѣ и отъ Предтеченскаго, и примыкала къ нимъ непосредственно, безъ всякаго промежутка; слѣдовательно, и предмѣстье Копыревъ-конецъ прилежало къ самымъ валамъ и выводамъ, и только ими отдѣлялось отъ

города. Впрочемъ у Закревскаго свое особенное понятіе и о *Взъихальницѣ:* у него этимъ именемъ, и въ книгѣ и на чертежахъ, означена даже Замковая гора или Киселевка, вслѣдствіе несчастной гипотезы о мнимомъ сліяніи этой горы во едино съ Андреевскою до 1715 года.

Въ заключеніе всей статьи своей, Закревскій говоритъ: «болѣе возражать мы не станемъ». И хорошо онъ сдѣлаетъ; ибо такими возраженіями не только не проясишь научнаго дѣла, но еще болѣе затуманишь его для себя и для читателей.

6 марта 1871 года.

Кіевъ.

ЛИТОВСКІЙ ЗАМОКЪ ВЪ КІЕВѢ.

(Письмо къ М. П. Погодину) [1].

Посмотримъ на ближайшую къ Щековицѣ гору *Киселевку*, на которой нѣкогда стоялъ Кіевскій замокъ, а лѣтъ за десять устроено тамъ кладбище Флоровскаго женскаго монастыря съ красивою церковью во имя св. Троицы.

Закревскій въ нынѣшнемъ Описаніи Кіева, говоритъ слѣдующее: «по неизвѣстному намъ источнику, или по догадкѣ, г. *Журавскій* (т. е. *Крыжановскій*) сообщаетъ, что на мѣстѣ бывшаго замка Кіевляне долго засѣвали свои огороды и баштаны. Сколько мы припомнимъ съ 1812 по 1830 годъ, поверхность Уздыхальницы и Киселевки была рѣшительно ничѣмъ не занята; около 1816 года изрѣдка, лѣтомъ, Киселевка служила сборнымъ мѣстомъ для кулачнаго боя; но полиція вскорѣ прекратила это наслажденіе рабочаго люда» (стр. 372).

Въ прежнемъ своемъ Описаніи Кіева, изданномъ въ 1858 года, Закревскій говорилъ: «впрочемъ, послѣ приведенныхъ выше свидѣтельствъ, я почитаю мнѣніе Максимовича, что Кіевскій замокъ находился на горѣ Кисилевкѣ, вѣроятнѣйшимъ передъ другими» (стр. 135).

Дѣйствительно, означенное помѣщеніе замка опредѣлено было *моимъ* соображеніемъ, въ «Кіевлянинѣ» 1840 года. Но когда въ слѣдующемъ 1841 году покойный баронъ Шодуаръ сообщилъ мнѣ неизвѣстную дотолѣ стародавнюю *Ревизію* Кіевскаго замка,—когда въ 1844 году обнародована была въ книгѣ *Zrzódła* такая же Ревизія, составленная въ половинѣ 16-го вѣка: тогда помѣщеніе замка на горѣ Кисилевкѣ стало уже

[1]) Письма о Кіевѣ. С.-Петербургъ 1871 г. Письмо 6, стр. 24—27.

не моимъ личнымъ *мнѣніемъ*, болѣе или менѣе вѣроятнымъ, но положительнымъ и достовѣрнымъ *свидѣтельствомъ современниковъ.*

Между тѣмъ Закревскій и въ нынѣшнемъ Описаніи своемъ говоритъ: «приведемъ наконецъ третье *мнѣніе*, выраженное М. А. Максимовичемъ, и которое для извѣстныхъ нашихъ писателей служило доселѣ авторитетомъ». И далѣе: «г. *Журавскій* въ своемъ Обозрѣніи Кіева еще болѣе развилъ это *мнѣніе*, и оно получило кажущійся авторитетъ». И наконецъ: «и такъ, послѣ всего того, что *мы* о Кіевскомъ замкѣ *разыскали*, съ *мнѣніемъ* М. А. Максимовича невозможно согласиться» (стр. 369—371). Вотъ какая перемѣна сталась послѣ моихъ недавнихъ «Археологическихъ записокъ о Кіевѣ». Но что же новаго *разыскалъ* Закревскій о Кіевскомъ замкѣ? Не разыскалъ ничего, а выдумалъ много! Главная выдумка та, что на своихъ новоначертанныхъ планахъ прежняго Кіева, *три отдѣльныя горы* — Киселевку, Клинецъ и Вздыхальницу — онъ сдвигнулъ *въ одну нераздѣльную* гору, оставляя ихъ въ такомъ видѣ даже до 1715 г. (стр. 400). Говорите же послѣ этого, что «гора съ горою не сходится»! Задавшись своею мыслію о сліяніи тѣхъ трехъ горъ въ одну, Закревскій повелъ длинную противъ меня полемику, при которой многое, на тѣхъ горахъ бывшее, представилось ему не на своихъ мѣстахъ и не въ своемъ видѣ, и среди которой онъ, обратясь ко мнѣ, говоритъ такими словами: «нѣтъ, Михаилъ Александровичъ! далеко еще до *слѣдственно.* Такъ легко строятся только воздушные замки» (стр. 402).

Полно, такъ ли?.... А современнаго свидѣтельства, что Кіевскій замокъ стоялъ именно на той горѣ, которая со второй половины 17-го вѣка зовется *Киселевкою*, опровергнуть невозможно.

Посмотрите, какъ ясно обозначены тѣ Кіевскія горы въ стародавней, вышеупомянутой *Ревизіи Кіевскаго замка.*

— «*Гора Замковая* высокая досыть и прикра. Къ ней прилегли близко *иншыи горы*, также высокіи. Одъ *полуночное* стороны, за брамою *Воеводиною*, прилегла гора на име *Щековица*, съ которое видно все посередъ замку; бо гора Зам-

ковая съ тое стороны похила на долъ, а въ серединѣ вышшая, нежели по краямъ; а такъ потреба-бы и тамъ впоперекъ тарасу, который бы щитилъ одъ горы оное Щекавицы.

«А зъ другое стороны, одъ *полудня*, за *Драбскою* брамою, только *черезъ ровъ*, где можетъ чоловикъ каменемъ съ руки докинути.... прилегла гора на име *Клинецъ*, ровна зъ Замковою. А *другая*, тамъ же *подалей*, вышча, на име *Вздыхальная*, але тая остра, можетъ быти *унижона копанемъ*.

«А еще одъ третее стороны, одъ *заходу солнца*, одъ церкви светого Спаса, гора высокая также, яко Замковая».

— *Видите ли горы сія?*

А у Закревскаго, *три* горы — Замковая (Киселевка), Клинецъ и Вздыхальная — сходятся въ *одну* сплошную гору, и онъ городитъ на ней Кіевскій замокъ—даже до нынѣшней Андреевской церкви, и переставляетъ сюда съ Киселевки *Драбскія* ворота замка, на мѣсто бывшихъ здѣсь воротъ *Кіевскихъ*.....

И вышелъ замокъ тотъ, мечтѣ его послушный,
Съ полуночи—*земной*, и къ полудню—*воздушный!*

3 февраля 1868 г.

Михайлова-гора.

О ГОРѢ ЩЕКАВИЦѢ.

Письмо къ М. П. Погодину) [1].

> ..... Ой, изгадай, друже милый,
> Якъ зо мною ты гулявъ
> На Скавицѣ, да шукавъ
> *Вѣщою* могилы!...
> Мы чужихъ могилъ шукаемъ,
> А могила знайде насъ.
> Колижъ прійде смертный часъ,
> Того не вгадаемъ!

Такъ писалъ я отсюда нашему Кіево-Подольскому пріятелю, который *утеръ пота* надъ старописьменными памятниками юго-западной Россіи, да и въ могильной порохнѣ покопался изрядно. Съ нимъ однажды, помнится въ 1856 году, ѣздилъ я на Щекавицу, чтобы посмотрѣть въ двоемъ: гдѣ могла быть тамъ могила *Вѣщаго Олега!* И встрѣтился намъ, среди несмѣтнаго множества могилъ позднѣйшаго времени, презанимательный жилецъ сосѣдняго удолья. Онъ привелъ насъ къ площадкѣ на *сѣверовосточной* сторонѣ горы, и сказалъ: «тутъ была могила Олега!»—сказалъ съ увѣренностью, живо мнѣ напомнившею покойнаго Кондратія Андреевича Лохвицкаго. Что же это указаніе любопытнаго Кіянина: мѣстное преданіе, или недавняя выдумка? Скорѣй, выдумка, но объ которой можно сказать великорусскою пословицею: «догадка лучше разума»: ибо никто изъ ученыхъ Кіевописателей не указалъ еще намъ лучшаго и вѣроятнѣйшаго мѣста для Олеговой могилы на Щекавицѣ.

---

[1]) Письма о Кіевѣ. С.-Петербургъ 1871. Письмо 5, стр. 19—23.

Въ такъ называемыхъ *мѣстныхъ преданіяхъ* нерѣдко повторяются только позднѣйшія мнѣнія и догадки грамотныхъ людей; но иногда въ нихъ отзывается и глубокая древность, особенно въ мѣстныхъ именахъ. Напримѣръ, тотъ отрогъ Старокіевской горы, который высится надъ Гончарами и Кожемяками съ *западной* ихъ стороны, зовется *Дитинцемъ*. Это имя не записано нигдѣ; но оно, очевидно, ведется тутъ издревле, и показываетъ собою, что для жителей Кожемяцкой дебри—тѣмъ отрогомъ горы начинался *дѣтинецъ* «великаго града Кіева, заложеннаго Ярославомъ въ 1037 году. Пропущенное въ лѣтописаніи словцо донынѣ хранится въ устахъ и памяти мѣстныхъ жителей.

Но возвратимся на Щекавицу или Скавику, на которой однако мы съ тобою не были, кажется, обозрѣвая Кіевъ въ 1835 году. А у меня она—какъ будто передъ очами. Я былъ на ней въ іюнѣ прошлаго года—и знаешь ли съ кѣмъ? Съ нашимъ заслуженнымъ старѣйшиною Дмитріемъ Матвѣевичемъ Перевощиковымъ, который былъ уже гимназическимъ учителемъ, когда я гулялъ еще пятилѣтнимъ хлопцемъ.

Тамъ на Скавикѣ, у самой церкви Всѣхъ Святыхъ, погребенъ и мой прадѣдъ, блаженной памяти, Иванъ Леонтьевичъ Максимовичъ, бунчуковый товарищъ. Въ 1787 году былъ онъ въ числѣ уѣздныхъ предводителей Кіевскаго намѣсничества, провожавшихъ Екатерину вторую по Днѣпру, отъ Кіева до Кременчука...... Да почіетъ его прахъ съ миромъ!

Въ Описаніи Кіева Закревскаго, на стр. 882, сказано: «г. *Журавскій*, въ обозрѣніи Кіева, пишетъ слѣдующее: «въ началѣ 17-го вѣка, Щекавица составляла уже достояніе коронное; и когда Днѣпръ началъ вторгаться опять въ средину Подола, и сильными наводненіями безпокоить жителей, то король Сигизмундъ III-й, для распространенія города, далъ гражданамъ Кіевскимъ на эту гору привилегію 15-го февраля 1616 года». Но къ сожалѣнію, мы нигдѣ не встрѣчали этой грамоты; къ тому же авторъ не сказалъ, гдѣ ее видѣть можно».

Сожалѣніе не напрасное: та грамота не маловажная—и по данному ею праву, и по названнымъ въ ней урочищамъ,

особенно по *Юркову ставку*, еще бывшему въ началѣ 17-го столѣтія, но изсякшему къ началу 18-го, когда изъ той *долины* протекалъ уже только *Юрковъ потокъ*..... Скажу для тебя, что весною 1701 года, при многолюдной громадѣ Кіянъ, подъ горою Скавикою, читали и слушали ту грамоту генеральные старшины—Кочубей, Скоропадскій, Гамалѣя и Савичъ, пріѣзжавшіе изъ Батурина въ Кіевъ, по повелѣнію гетмана Мазепы, разсудить и помирить Кіевскаго войта съ игуменомъ Кирилловскаго монастыря..... А видѣть ту грамоту можно всякому—въ *Сборникѣ Муханова*, 1866 года, на страницахъ 449—451. А взята она—изъ старописьменной книги Кіевскихъ актовъ, которую я сообщилъ Павлу Александровичу, въ проѣздъ его черезъ Кіевъ въ 1835 году, и которая обстоятельно описана имъ въ прежнемъ его *Сборникѣ*, 1836 года (см. *Примѣчаніе* къ № 91, въ обоихъ Сборникахъ). Закревскій, въ своемъ обширномъ Описаніи Кіева, перечисляетъ 119 *источниковъ*, между которыми есть малѣйшіе и совсѣмъ пустые; а между тѣмъ онъ упустилъ изъ виду двукратно изданный *Сборникъ Муханова*, въ которомъ прежде чѣмъ гдѣ либо напечатаны весьма важныя грамоты города Кіева.

Что же касается до могилы Вѣщаго Олега, то на двухъ первыхъ планахъ древняго Кіева, новоначертанныхъ Закревскимъ, означены: *Щекавица* сама по себѣ, и особо отъ нея *Ольгова могила*. Признаюсь, я не вижу основанія для такого ихъ разлученія, и нахожу оное напраснымъ. У Нестора сказано объ Олегѣ: «и погребоша и на горѣ, иже глаголется *Щекавица*; есть же могила его до сего дни, словеть *могила Ольгова*». Изъ дальнѣйшей Кіевской лѣтописи видно, что ту гору Кіяне называли и *Щекавицею*, и *Ольговою могилою* и просто *Ольговою*, подобно тому какъ называли: *увозъ Боричевъ*, и просто *Боричевъ*, и проч.

До слѣдующаго письма!

29 января 1868 г.

Михайлова-гора.

О СОЗДАНІИ КІЕВСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. КИРИЛЛА [1]).

Въ прошломъ іюнѣ, будучи въ Кіевѣ, я посѣтилъ давно невидѣнную мною бывшую Кирилловскую обитель:

«Отъ Маріи княгини древле устроенну,
Константиномъ Острожскимъ княземъ обновленну».

Такъ о ней сказано 1765, въ стихотворной надписи къ образу святителя Димитрія Ростовскаго, бывшаго здѣсь постриженцемъ и игуменомъ. Вспомянулись мнѣ на дняхъ эти два стиха, и мнѣ приходило на мысль, что если бы сдѣлать къ нимъ еще хоть такую прибавку:

А княземъ Потемкинымъ вовсе упраздненну,
И въ умалишенныхъ домъ вскорѣ обращенну—

тогда вышло бы краткое изображеніе всей исторической судьбы нѣкогда знаменитаго и богатаго монастыря Кирилловскаго.

Но кто же была та *княгиня Марія*, создавшая эту прекрасную церковь, до нынѣ уцѣлѣвшую съ своими древними фресками, къ сожалѣнію, еще нераскрытыми? Современныя извѣстія о княгинѣ сохранились въ древней Кіевской лѣтописи; а ея имя, Марія, находится въ южнорусскихъ писаніяхъ 17-го вѣка. Такъ, въ *Старомъ лѣтописцѣ* сказано: «княгиня *Марія Всеволодовая* того року (1179) умерла, будучи схимницею, въ монастыру Кирилскомъ Кіевскомъ, и погребена есть въ церкви святого Кирила, которую сама она змуровала». Должно быть и наша Кіевская княгиня Всеволожая приняла имя Маріи вмѣстѣ съ схимою, также какъ приняла его суздальская княгиня Всеволожая въ 1206 году. Но вотъ удиви-

[1]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1869 г. № 1, стр. 21.

тельное дѣло: создательница Кирилловской церкви—для всѣхъ Кіевоописателей, бывшихъ и нынѣшнихъ, осталась неузнанною, во мглѣ недоумѣній. И вотъ уже почти два столѣтія—только безъ пяти лѣтъ—продолжается эта историческая мгла, наведенная Кіевскимъ Синопсисомъ. Попытаемся-же разогнать ее критическимъ обозрѣніемъ всѣхъ бывшихъ надъ нею мнѣній, недоумѣній и толковъ:

«И *истина* должна открыться»!

Основаніемъ нашего знанія о древнемъ бытіи Кирилловскаго монастыря служатъ три упоминанія о немъ Кіевской лѣтописи во второй половинѣ 12-го вѣка, а именно: въ 1171, 1179 и 1194 годахъ. Посмотримъ на каждое изъ нихъ.

Вотъ *первое* упоминаніе, 1171 года: «сняшася братья Вышегородѣ и пришедше сташа на Дорогожичи подъ святымъ Кюриломъ». Отсюда видно, что Кириловскій монастырь былъ уже въ томъ году.

Второе и главное упоминаніе подъ 1179 годомъ, заключается въ слѣдующихъ словахъ: «въ тоже лѣто приведе Святославъ за Всеволода, за середняго сына, жену изъ Ляховъ, Казимѣрну, во Филипово говѣнье.... Тогоже лѣта преставися княгиня Всеволожая, пріемше на ся чернечьскую скиму, и положена бысть въ Кіевѣ, у святаго Кюрила, юже бѣ сама создала».

Для тоговременнаго Кіянина это было совершенно ясно; но въ 17-мъ столѣтіи возникло разномысліе: новобрачная ли Казиміровна умерла въ томъ году; или же тутъ записаны извѣстія о двухъ княжнахъ—о бракѣ молодой невѣстки Святослава и о кончинѣ престарѣлой матери его, которыя обѣ, по имени ихъ мужей, были *Всеволожи* или *Всеволодовы?* Отсюда произошли два разныя толкованія: одно, принадлежащее сочинителю *Кіевскаго Синопсиса;* другое—составителю *хроники*, названной *Густынскою*. Первое мнѣніе пошло въ ходъ и скоро стало господствующимъ, по необычайному успѣху Синопсиса, двадцать пять разъ напечатаннаго (съ 1674 до 1836 г.). А второе мнѣніе оставалось въ забвеніи до изданія въ свѣтъ Густынской хроники въ 1843 году. Но толкованіе Синопсис-

ное превозмогаетъ его и нынѣ, у новыхъ Кіевоописателей. Вотъ оно:

«Въ лѣто отъ созданія міра 6686, отъ Р. Х. 1172, преставися благовѣрная княгиня Марія, жена князя Всеволода Святославича, а дщи короля польскаго Казиміра, совершенна инокиня сущи, и погребена бысть въ церкви святыя живоначальныя Тройцы, идеже и предѣлъ святаго Кирилла, въ Кіевѣ: юже церковъ и манастыръ, нынѣ зовомый Кирилскій, сама построила».

Здѣсь прежде всего бросается въ глаза 1172 годъ, поставленный ошибочно вмѣсто 1178, какъ это видно по 6686 году отъ сотворенія міра. А между тѣмъ этотъ ошибочный 1172 годъ (по которому кончина Казиміровны пришлась бы семью годами прежде ея замужества) печатался во всѣхъ изданіяхъ Синопсиса и былъ принятъ даже Иринеемъ Фальковскимъ, въ его «Кіевскомъ Мѣсяцословѣ» 1799 года. Но главное и существенное во мнѣніи Синопсиса то, что строительницею Кириловскаго монастыря признана *Марія Казиміровна*, ставшая женою Всеволода Святославича—1179 года, въ Филипово говѣнье (т. е. на заговѣны передъ Филиповымъ постомъ).

Сходно съ Синопсисомъ уразумѣлъ сказаніе Кіевской лѣтописи и Татищевъ, признавъ кончину новобрачной Казиміровны въ 1179 году; но онъ, имѣя въ виду рожденіе отъ нея князя Михаила, придумалъ двѣ подробности: день смерти ея и причину болѣзни, и написалъ такъ: «преставися княгиня Марія Казиміровна, супруга Всеволода Святославича, постригшися въ болѣзни въ схиму, *августа 6-го дня*, и положена въ церкви св. Кирилла, которую сама создала. Болѣзнь же ея приключися отъ тяжкаго рожденія сына Михаила, который по ней остался» (Ист. Т. III, стр. 234). Но въ примѣчаніи 526 говоритъ онъ вотъ что: «здѣсь бракъ и кончина въ одномъ году пришло, чему видится для построенія церкви и ея перемѣнности совершенной быть нельзя».

На эту же несообразность, чтобы Казиміровна въ одинъ и тотъ же годъ вышла замужъ, приняла схиму и построила каменную церковь, указывалъ и Карамзинъ (Ист. Т. III, прим.

90). Противъ этого г. Закревскій говорилъ такъ: «все это могло совершиться очень естестественно въ одинъ годъ, хотя исторіографъ и удивляется» (см. стр. 127 въ изд. 1858 г.). Но г. Крыжановскій, въ своей замѣчательной статьѣ о Кирилловскомъ монастырѣ, напечатанной въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1863 года, показалъ до очевидности, что Марія Казиміровна не могла быть строительницею Кирилловской церкви. Онъ говоритъ: «годъ начинался тогда съ марта; значитъ Марія жила въ Кіевѣ не болѣе трехъ съ половиною мѣсяцевъ (половину ноября, декабря, генварь и февраль). Въ это короткое и при томъ зимнее время нельзя построить большой каменной церкви. Но свидѣтельство это опровергаетъ и таже самая лѣтопись *(т. е. Кіевская или такъ-называемая Ипатьевская)*, именно тѣмъ, что упоминаетъ о Кирилловскомъ монастырѣ, какъ уже существующемъ, подъ 1171 годомъ, восьмью годами прежде Маріи». Вотъ это послѣднее указаніе здѣсь весьма важно и вполнѣ убѣдительно. А преждевременная смерть новобрачной Кизиміровны была только мнимая смерть, приписанная ей Кіевскимъ Синопсисомъ также напрасно, какъ и построеніе Кирилловской церкви. Еслибы Казиміровна въ самомъ дѣлѣ умерла такъ скоро послѣ своего брака, то не могла бы она быть матерью св. Михаила Черниговскаго. Ясное дѣло, что въ концѣ того мартовскаго 1179 года умерла не она, а та *княгиня Всеволожая*, которая построила Кирилловскую церковь еще до 1171 года. По этому напрасно было и Татищеву придумывать *6-е августа*, отлагая мнимую кончину Казиміровны на девятый мѣсяцъ ея замужества.

Прочтемъ теперь сказаніе Густынской хроники: «въ тожъ лѣто Святославъ Всеволодовичъ Кіевскій поятъ за сына своего средняго Всеволода дщерь короля полского Казимера втораго, реченного Справедливого.... Въ тоже лѣто преставися благовѣрная княгиня *Марія Всеволодовая, мати Святославля*, дщи Казимера полского Мниха, иже постригжеся въ схиму и положена бысть въ церквѣ святаго Кирила, юже сама создала бѣ».

Вотъ это вѣрное уразумѣніе древлекіевскаго сказанія: скончалась не новобрачная невѣстка Святослава, а его мать, вдовствующая княгиня Всеволожая, создавшая Кирилловскую церковь. Но, къ сожалѣнію, и въ сказаніе Густынской хроники вкралась большая ошибка, именно та, что княгиня Марія Всеволодовая, мати Святославля, названа также Казиміровною, дочерью Казиміра — Мниха! Составитель хроники не взялъ въ соображеніе того, что этотъ польскій король, современникъ и зять Ярослава I-го, умеръ вскорѣ послѣ него, именно, 28-го ноября 1058 года. Какъ-же могла дочь его быть женою Ярославова правнука, Всеволода Ольговича, и родить ему втораго сына Ярослава въ 1140 году и дожить до 1179?. Выбросьте эту напрасную прибавку: «дщи Казимера — Мниха», и въ словахъ Густынской хроники останется чистая историческая истина.

Теперь посмотримъ на третье упоминаніе Кіевской лѣтописи о Кирилловскомъ монастырѣ подъ 1194 годомъ. Говоря подробно о послѣднихъ дняхъ Святослава Всеволодовича, лѣтописатель сказалъ наконецъ: «и веля ся постричи въ черньци, и посла по свата Рюрика, и преставися мѣсяца іуля, и положиша и во святемъ Кюрилѣ, во отнѣ ему монастырѣ».

Какъ же это: за 15 лѣтъ выше въ лѣтописи сказано положительно, что монастырь и церковь св. Кирилла *создала* княгиня Всеволожая, мать Святослава; а здѣсь монастырь названъ *Отнимъ?*—Должно быть такъ, что это слово поставлено здѣсь не въ буквальномъ смыслѣ *отцевскаго*, а въ общемъ значеніи *родительскаго*. Такъ разумѣлъ и составитель Густынской хроники, а для большей ясности и во избѣжаніе противорѣчія, онъ передалъ древлекіевское извѣстіе съ слѣдующихъ словахъ: «въ сіе же лѣто разболѣся Святославъ Кіевскій, и постригся во иночество, преставися іюля и положенъ бысть во церкви святаго Кирилла, *юже мати его созда*».

Но еще гораздо прежде, въ лѣтописи Суздальской, гдѣ совсѣмъ пропущены упоминанія о двухъ княгиняхъ 1179 г., и всѣ подробности о заболѣвшемъ Святославѣ, сказано о немъ

такъ: «Того же лѣта (1195) преставися князь Кіевскій Святославъ и положенъ бысть въ монастыри, въ церкви святаго Кирила, *юже бѣ создалъ отецъ его*». Такимъ образомъ здѣсь —отъ перемѣны прилагательнаго имени *Отній*, принятаго въ буквальномъ смыслѣ, на существительное имя *отецъ*— строителемъ Кирилловскаго монастыря и церкви становится князь *Всеволодъ Ольговичъ*. Но это противорѣчитъ прямому и положительному сказанію Кіевской лѣтописи о созданіи той церкви *княгинею Всеволожею*. Кому же ближе было знать это, и кому намъ вѣрить? Безъ сомнѣнія, древнему лѣтописателю Кіевскому, а не отдаленному отъ Кіева суздальцу, который тамъ же (подъ 1195 годомъ) и преемство Кіевскаго княженія Рюрикомъ послѣ Святослава записалъ по своему, совсѣмъ не такъ, какъ оно было по сказанію Кіевской лѣтописи.

(Рюрикъ, находившійся тогда въ своемъ Овручѣ, призванъ былъ въ Кіевъ еще умирающимъ Святославомъ; встрѣченный и принятый радостно всѣми Кіянами, онъ сидѣлъ уже на отнемъ столѣ Кіевскомъ, когда недошла еще, вѣроятно, до Суздаля и самая вѣсть о кончинѣ Святослава. А лѣтописецъ Суздальскій говоритъ: «и посла великій князь Всеволодъ (Юрьевичъ) мужи свои въ Кіевъ, и посади въ Кіевѣ Рюрика Ростиславича»).

Но что же сказалъ Кіевскій Синопсисъ о погребеніи Святослава Всеволодовича? Сославшись на Стрыйковскаго, онъ говоритъ: «преставися и погребенъ бысть въ церквѣ святаго Кирилла *Чернѣговской*, року 1198». Печальное извѣстіе! Изъ него видно, что на Святослава Кіевскаго перенесена кончина меньшаго брата его Ярослава, княжившаго въ *Черниговѣ* и тамъ погребеннаго въ 1198 году.... Такъ—то и погребеніе княгини Всеволодовой, въ созданной ею церкви, перенесено въ Синопсисѣ на молодую жену ея внука, Всеволода Святославича Чермнаго.

Но вотъ, въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, заговорили въ Кіевѣ о другой строительницѣ Кирилловской церкви о *Маріи Всеволодовнѣ*— и Синопсисная рѣчь о Маріи Казиміровнѣ на полвѣка притихла.

«Построена, по мнѣнію нѣкоторыхъ, княжною Кіевскою, королевою польскою Маріею, дщерію великаго князя Всеволода Ярославича, внукою (!) святаго князя Владиміра, 1160 году».

Такъ напечатано въ «Краткомъ Историческомъ Описаніи Кіевопечерскія Лавры», которое неоднократно издаваемо было съ 1791 года по 1817 г. (см. тамъ прибавленіе: «достопамятнѣйшія древности въ Кіевѣ»). Сочинителемъ этой книги былъ митрополитъ Самуилъ Миславскій (1796 г.): а лѣтъ за тридцать я слышалъ отъ старыхъ лаврянъ, что въ сочиненіи ея участвовалъ и Ѳеофанъ Шіяновъ, будучи лаврскимъ типографомъ. Не случилось мнѣ узнать, кто эти «нѣкоторые», бывшіе первоначальниками такого мнѣнія; но тѣже самыя слова встрѣчались мнѣ и въ 4 книгѣ географическаго словаря, изданной 1804 года Щекатовымъ.

Имѣя въ виду годъ построенія 1160, невольно усомнишься, чтобы та королева Марія была дочь Всеволода Ярославича. Извѣстныя три дочери его — блаженная Янка, Ирина или Екатерина и Евпраксія скончались еще во время Нестора и помянуты въ его лѣтописи. И за какимъ же королемъ польскимъ была она?...

Берлинскій, въ своемъ «Краткомъ Описаніи Кіева» 1820 г., такъ говоритъ: «основаніе монастыря приписывается еще въ 12-мъ столѣтіи, супругѣ короля *Казиміра* Маріи, дочери Всеволода І-го Ярославича» (стр. 116).

Здѣсь, конечно, нельзя и подумать о Казимірѣ первомъ или Мнихѣ, который женатъ былъ на дочери святаго Владиміра, Доброгнѣвѣ—Маріи. Здѣсь можно разумѣть только Казиміра Втораго или Справедливаго, который дѣйствительно былъ женатъ на *Всеволодовнѣ*, но на дочери — не Всеволода Ярославича, а его пра—правнука, Всеволода Мстиславича Белзскаго, скончавшагося въ 1195 году. Та королева польская и была мать нашей Маріи Казиміровны. При такомъ вольномъ избраніи княгинь на построеніе Кирилловской церкви, можно бы указать еще на одну Всеволодовну, на дочь великаго князя Всеволода Ольговича, Звениславу, которую онъ въ 1141 году отпустилъ въ ляхи за Болеслава.... Тогда, по крайней мѣрѣ,

была-бы здѣсь родная дочь истинной строительницы той церкви, великой княгини Всеволодовой.

А между тѣмъ и самъ митрополитъ Евгеній, въ составленномъ имъ «Полномъ Мѣсяцословѣ», не нашелъ ничего лучшаго сказать о той церкви, какъ повторить: «построена, по мнѣнію нѣкоторыхъ, княжною Кіевскою, дочерью Всеволода I-го Ярославича, Маріею, супругою короля польскаго 1160 года».

Тоже повторялось и въ «Паломникѣ» Максимовича (Ивана Петровича), издававшемся съ 1842 года.

Наконецъ и преосвященный Макарій, въ своемъ первомъ «Очеркѣ исторіи Русской церкви въ періодъ до татарскій», изданномъ 1847 года, тоже сказалъ о Кирилловскомъ монастырѣ: «построенъ дочерью великаго князя Всеволода Ярославича, польскою королевою Маріею, въ 1160 или 72 году». Здѣсь 1172 годъ, очевидно, прибавленъ изъ Кіевскаго Синопсиса: но здѣсь было уже послѣднее явленіе этой призрачной строительницы Кирилловскаго монастыря.

Въ то время, какъ началось полувѣковое господство этого мнѣнія о королевѣ Всеволодовнѣ, не поддался ему въ Кіевѣ одинъ только «математическихъ класовъ надзиратель, учитель богословіи, іеромонахъ *Ириней*», который, въ своемъ «Кіевскомъ Мѣсяцословѣ на лѣто 1799», вотъ что сказалъ о Кирилловской церкви: «создана великимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ Чермнымъ (!), или княжною Маріею, супругою Всеволода Святославича, 1144 или 1172 годовъ» (стр. 34).

Тутъ едвали не въ первый разъ въ Кіевѣ оглашенъ былъ Всеволодъ Ольговичъ строителемъ той церкви, по лѣтописи Суздальской, изданной 1767 года, по Кенигсберскому списку. Оттуда же взятъ Иринеемъ и 1144 годъ, который однако-же и тамъ относится не къ Кирилловской церкви, а къ Георгіевской, заложенной Всеволодомъ Ольговичемъ въ Каневѣ. О строителяхъ Кирилловской церквиИриней сказалъ на двое, не зная самъ, кому повѣрить: сказанію Суздальской лѣтописи или Кіевскаго Синопсиса?.. Колебаніе неизбѣжное; ибо Иринею, какъ видно, неизвѣстно еще было свидѣтельство древ-

ней Кіевской лѣтописи, которое одно только даетъ вѣрное рѣшеніе этого вопроса.

Впрочемъ, Иринеево указаніе на двухъ строителей, на Всеволода и на Казиміровну, хотя осталось въ забвеніи, но оно было такъ сказать, предначертаніемъ для имѣющихъ быть *новыхъ* толкованій о Кирилловскомъ монастырѣ, которыя и начались съ 1847 года, вслѣдъ за тѣмъ, какъ издана была вновь Суздальская лѣтопись по списку Лаврентьевскому. Тогда ея показаніе о созданіи Кирилловской церкви и монастыря Всеволодомъ Ольговичемъ принято было уже за несомнѣнное и достовѣрное свидѣтельство; но при этомъ пришлось или предоставить Маріи Казиміровнѣ только нѣкоторое участіе въ той церкви, или совсѣмъ устранить ее, отвергнувъ и самое сказаніе о ней, или же порѣшить дѣло такимъ раздѣломъ: на долю Всеволода — основаніе монастыря, а на долю Маріи—построеніе церкви. Такимъ образомъ произошли *три* новыя мнѣнія.

Первое изъ нихъ явилось въ «Обозрѣніи Кіева», изданномъ И. И. Фундуклеемъ 1847 года. Тамъ о Кирилловскомъ монастырѣ сказано такъ: «несомнѣнно то, что онъ уже существовалъ въ *первой* половинѣ 12-го вѣка; ибо строителемъ Кирилловской церкви, по сказанью древнихъ лѣтописцевъ, былъ Кіевскій князь Всеволодъ Ольговичъ, скончавшійся 1146 года.. Что касается до княгини Маріи Казиміровны, супруги Всеволода Святославича Чермнаго, скончавшейся и погребенной здѣсь 1179 г., то она, вѣроятно, была устроительницею только придѣла церковнаго» (стр. 78). Къ этому мнѣнію принадлежитъ и толкованіе Закревскаго (въ обоихъ изданіяхъ его «Описанія Кіева», (1858 и 1868 г.), по которому основаніе монастыря и построеніе церкви можно приписать съ достовѣрностью Всеволоду Ольговичу; а Марія Казиміровна могла или возобновить бывшую до нея церковь, «или приказать учинить какую—либо передѣлку» (стр. 389). Но въ Кіевской лѣтописи сказано: *сама создала;* да и въ Синопсисѣ написано: *сама построила.* Сколько было возобновленій и передѣлокъ Софійскаго собора, и отъ сколькихъ людей! Но только объ одномъ Ярославѣ сказать можно: создалъ его.

Второе мнѣніе, объявленное 1863 года, принадлежитъ Крыжановскому (Ефиму Михайловичу). Показавъ ясно, какъ мы уже видѣли, что Марія Казиміровна вовсе не могла быть строительницею Кирилловской церкви, онъ отвергъ и самое сказаніе о ней, признавъ за несомнѣнное, что строителемъ былъ Всеволодъ Ольговичъ. Тутъ данъ полный перевѣсъ показанію Суздальскаго лѣтописца; но понятіе Кіевскаго Синопсиса о строительницѣ осталось и въ самомъ отрицаніи или непринятіи авторомъ даже свидѣтельства Кіевской (такъ называемой Ипатьевской) лѣтописи. Вы взяли это древнее свидѣтельство, но придали ему толкованіе Синопсиса, и говорите, что этого свидѣтельства «ни въ какомъ случаѣ нельзя принять»! Напротивъ, его то и должно принять за основаніе, и вы сами его примете, но только въ такомъ случаѣ, когда отбросите отъ него неправильное истолкованіе, вслѣдствіе котораго—новобрачная и мнимоумершая Казиміровна заслонила собою престарѣлую *княгиню Всеволожую*.... Отъ того сія княгиня не была усмотрѣна и новыми Кіевоописателями ни въ древней Кіевской лѣтописи, ни въ хроникѣ Густынской, и осталась у нихъ неузнанною и неназванною.

Такъ и въ *третьемъ* новомъ мнѣніи, которое объявлено 1865 г. Похилевичемъ, въ его книгѣ «монастыри и церкви г. Кіева»:

«Вѣроятно, что монастырь основанъ Всеволодомъ II-мъ (Ольговичемъ), а каменная въ немъ церковь построена супругою Всеволода Святославича» (стр. 116).

Но пора, наконецъ, разстаться съ Маріею *Казиміровною*, какъ разстались за двадцать лѣтъ съ *Маріею Всеволодовною!* Пора уже признать истинную строительницу Кирилловскаго монастыря и церкви, вышепомянутую княгиню Всеволожую, матерь Святославлю. Погодинъ, въ своемъ словарѣ князей удѣльнаго періода, изданномъ въ 1855 году, вотъ что сказалъ о *Всеволодѣ Ольговичѣ:* «1116 г..... женился на дочери Мстислава Володимеровича.... жена его умерла 1179 г. и положена у св. Кирилла, въ монастырѣ ею созданномъ» (стр. 70, 73). Вотъ это прямой и вѣрный выводъ изъ древней лѣтописи Кіевской! Мнѣ хотѣлось только дознаться, откуда взятъ здѣсь

1116 годъ? Оказалось, что онъ опредѣленъ соображеніемъ самаго историка, и можетъ быть принятъ, какъ вѣроятнѣйшій. Приведу тѣ слова Кіевской лѣтописи, изъ которыхъ ясно видно, что великая княгиня Всеволожая была *Мстиславна*.

«Въ тоже лѣто (1141) посла Изяславъ къ сестрѣ, рече: испроси ны у зятя Новгородъ великій брату своему Святополку. Она же тако створи.... Въ сеже лѣто (1142) посла Всеволодъ Святополка въ Новгородъ, шюрина своего, смолвяся съ Новгородци... И не любяхуть сего Олговичи, братья Всеволожа, и поропташа нань, аже любовь имѣеть съ Мстиславичи, съ шурьями своими».

И такъ, строительницею Кирилловской церкви и монастыря была *княгиня Марія Мстиславна*, жена Всеволода Ольговича, дочь Мстислава великаго, внука Владиміра Мономаха. Послѣ своего тридцати лѣтняго замужества, она оставалась еще тридцать три года вдовою и скончалась въ 1179 году, и положена въ церкви, *юже бѣ сама создала*.

Да будетъ же благословенна память ея, у васъ, Кіевскіе люди!

1868 года, ноября 26.

Михайлова-гора.

ЗАПИСКИ О ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНАХЪ КІЕВСКАГО БОГОЯВЛЕНСКАГО БРАТСТВА [1]).

1.

Вотъ уже 250 лѣтъ, какъ существуетъ Кіевское Богоявленское братство на своемъ нынѣшнемъ мѣстѣ.... Сколько достопамятныхъ въ исторіи людей училось въ этомъ старобытномъ всеучилищѣ Руси!

Къ двумъ съ половиною вѣкамъ его исторической жизни добавляется еще 25 лѣтнее бытіе прежней Богоявленской школы, которая съ 1589 года, благословеніемъ патріарха Іереміи, была возвышена предъ прочими приходскими школами Кіевскими. Но объ ней еше не открыто, кажется, тогo-временныхъ извѣстій, ни и объ томъ пожарѣ, которымъ она истреблена, какъ полагаютъ, 1614 года.

Печальная пустота этого пожарища восполняется нынѣ знаменитыми именами предполагаемыхъ тамъ наставниковъ и питомцевъ. Такъ въ «исторіи Кіевской академіи» о. Макарія Булгакова, изданной 1843 года, сказано, что Іовъ Борецкій и Мелетій Смотрицкій были въ той школѣ наставниками и что Мелетій назывался ея ректоромъ. Въ книгѣ г. Аскоченскаго: «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею», изданной 1856 года,—къ питомцамъ той школы отнесены не только Кириллъ Транквиліонъ-Ставровецкій, Захарія Копыстенскій и Богданъ Хмельницкій (какъ у о. Макарія), но и Елисей Плетенецкій, Леонтій Карповичъ, Кассіанъ Саковичъ и сподвижники Хмельницкаго—Павелъ Тетеря и Якимъ Сомко.

---

1) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1865 г. №№ 21, 23 и 24.

Но для признанія «неотъемлемой принадлежности» ихъ всѣхъ къ прежней Богоявленской школѣ, надобно тоговременное свидѣтельство о каждомъ, начиная съ Елисея Плетенецкаго, который скончался въ октябрѣ 1624 г. — семидесятилѣтнимъ старцемъ, а съ 1595 года былъ уже архимандритомъ.

Нельзя и подумать, чтобы въ Кіевской школѣ, получившей патріаршее благословеніе 1589 года, не принималъ дѣятельнаго участія святопамятный князь Константинъ Острожскій, будучи воеводою Кіевскимъ до кончины своей въ 1608 году. Но объ этомъ не нашлось еще и намека въ тоговременной письменности, также, какъ невидно изъ нея и прежней Богоявленской церкви, при которой находилась та братская школа. Единственный слѣдъ ихъ — купчая запись 1594 года, данная Кіевскимъ земяниномъ Андреемъ Обухомъ и его женою Настасіею Сверщовскою — на ихъ Сверщовскій дворъ на Подолѣ и сѣножать на Оболони. Но и той купчей записи не знаемъ мы въ подлинникѣ; а говорится объ ней уже черезъ сто лѣтъ, въ царской грамотѣ 1694 года, что проданы дворъ и сѣножать—«въ Братскій монастырь». Словомъ сказать, 25 лѣтнее бытіе первоначальной Богоявленской школы требуетъ новаго историческаго изслѣдованія и удостовѣренія. Извѣстіе объ немъ было обнародовано еще Герардомъ Миллеромъ и Василіемъ Рубаномъ «въ Старинѣ и Новизнѣ» 1773 года; но въ своемъ нынѣшнемъ видѣ оно есть только мнѣніе историческое.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ самой академіи Кіевской было еще такое мнѣніе, по которому ея начало полагалось въ 1620 году, т. е. со времени ея утвержденія и благословенія патріархомъ Ѳеофаномъ. Такъ, въ «Кіевскомъ Мѣсяцословѣ на лѣто 1798», составленномъ Иринеемъ Фальковскимъ, въ «Хронологіи вещей достопамятныхъ» означено: «отъ заведенія Кіевской академіи—... 178 годъ.

2.

Мѣсто, на которомъ основалось Кіевское братство въ 1615 году, принадлежало прежде Стефану Лозкѣ, маршалку Мозырскаго повѣта, имѣвшему значительныя помѣстья и въ

землѣ Кіевской, около Радомышля [1]). Въ Межигорскомъ монастырѣ поминалось его имя въ числѣ *ктиторовъ*, на ряду съ Богданомъ Стеткевичемъ и другими. Свой Кіевскій дворъ Стефанъ Лозка подарилъ женѣ своей «Галшкѣ Гулевичевнѣ», принадлежавшей къ давнему и знатному роду на Волыни. Тамъ, въ первой половинѣ 16-го вѣка, Ѳеодосій Гулевичъ былъ епископомъ Луцкимъ и Острожскимъ. Своимъ иждивеніемъ онъ возобновилъ въ Луцкѣ запустѣлую древнюю церковь св. Димитрія, которая долго послѣ того считалась принадлежащею дому Гулевичей. Въ 1596 году, на Брестскомъ соборѣ, находился Демянъ Гулевичъ, будучи «маршалкомъ свѣтскаго кола» и подписался на протестѣ противъ новообъявленной церковной уніи. А въ 17-мъ вѣкѣ, когда составилось Луцкое Крестовоздвиженское братство, къ нему принадлежало нѣсколько человѣкъ изъ этой фамиліи, въ томъ числѣ и Марья Гулевичева.

По наслѣдственной набожности и по любви къ Русскому народу, *Анна Гулевичевна Лозкина*, съ согласія своего мужа, отдала Кіевскій домъ и дворъ свой на пользу общественную, а. именно: на устроеніе тамъ монастыря патріаршей ставропигіи, школы для дѣтей всякаго сословія и гостинницы для духовныхъ странниковъ греко-восточнаго исповѣданія; а чтобы ея фундація пришла въ дѣйствіе, она немедленно ввела туда священноинока Исаію Копинскаго съ нѣсколькими монахами и свѣтскими лицами, и завела тамъ школу; и такое распоряженіе свое утвердила на судѣ — записью *1615 года 14-го октября*. Съ этой записи и начинается *положительная* и достовѣрная исторія Кіевскаго братства.

---

[1]) Тамъ ему принадлежали: Рожевъ, Ставищи, Роковщина, и другія селища. По близости ихъ къ Радомышлю, который принадлежалъ къ владѣніямъ Печерскаго монастыря, архимандритъ Мелетій Хребтовичъ хотѣлъ вымѣнять ихъ у Стефана Лозки на нѣкоторыя лаврскія села, находящіяся въ сторонѣ Слуцкой — на Осово, Левнищевичи, Печеряны, и получилъ на то дозволительный королевскій листъ 1590 г.; однако этотъ обмѣнъ не состоялся.

Въ мѣстечкѣ Рожевѣ, на р. Здвижени, былъ небольшой укрѣпленный замокъ, въ которомъ Галшка Гулевичевна-Лозкина жила и въ 1618 году. Того года 25-го августа Ярошъ Сума, самозванный полковникъ, напалъ на Рожовъ и произвелъ въ немъ разореніе и грабительство (см. архивъ Юго-Западной Россіи, ч. III, № 71).

И такъ, богомысленный мужъ *Исаія Копинскій* былъ первымъ исполнителемъ распоряженія достопамятной основательницы Кіевскаго братства и первымъ его устроителемъ, о чемъ и самъ онъ напоминалъ въ генварѣ 1632 года, будучи митрополитомъ Кіевскимъ: «яко съ початку за стараніемъ нашимъ, такъ и теперъ за благословеніемъ, то мѣстце святое фундоватися маетъ».

И вотъ, согласно правиламъ, которыя даны были отъ патріарховъ прежнимъ западнорусскимъ братствамъ — Львовскому, Виленскому, Могилевскому, — составляется братство Кіевское, и заводится при немъ *Уписъ* или *Реестръ* братскій, въ предисловномъ обязательствѣ котораго говорится такъ: «начинаемъ сіе душеспасительное друголюбное съединеніе, *братство церковное* въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, благословеніемъ и повелѣніемъ святѣйшаго Вселенскаго патріарха Константинопольскаго Киръ Тимоѳея, начальнѣйшаго во Христѣ пастыря нашего, и прочихъ святѣйшихъ патріарховъ, Александрійскаго и Антіохійскаго и Іерусалимскаго—на утѣшеніе и утвержденіе въ благочестіи нашему Россійскому роду, сыномъ всходнего православія, обывателямъ воеводства Кіевского, такъ духовного вшелякого, яко и свѣтского шляхетского стану, и всее рѣчи посполитое местское, и всѣмъ Христоименитымъ людемъ»... и т. д.

Читая сіи строки, надо припомнить время, когда это дѣялось. Двадцать лѣтъ уже въ іерархіи Кіевской свирѣпствовала церковная унія; былъ уже третій митрополитъ Кіевскій изъ уніатовъ, Іосифъ Вельяминъ Рутскій, и не было уже ни одного православнаго епископа; а воеводою Кіевскимъ былъ тягостный для Руси Станиславъ Жолкевскій.

Начинаемъ — говорятъ — церковное братство въ Кіевѣ. Видно, что оно было тутъ дѣло новое, а не продолженіе прежняго братства, состоявшаго при Богоявленской церкви, сгорѣвшей въ предыдущемъ году, вмѣстѣ со школою и шпиталемъ. Братство, какъ общество людей, не прекратилось бы отъ пожара; оно только озаботилось бы о возобновленіи погорѣвшихъ зданій. Но въ предисловіи реестра и въ записи Гулевичевны нѣтъ и помину объ нихъ и объ ихъ возобнов-

леніи, которое въ ту пору было бы надежнѣе, чѣмъ построеніе ихъ вновь, отъ новаго православнаго братства церковнаго. Это умолчаніе не даетъ ли намъ разумѣть, что Кіевское братство учредилось само по себѣ, безъ отношенія къ прежнему? Въ исторіи о. Макарія сказано: «для попеченія объ училищѣ вновь составилось братство, вѣроятно изъ прежнихъ членовъ, съ прибавкою впрочемъ и новыхъ» (стр. 18). Предположеніе это не имѣетъ для себя опоры въ свидѣтельствахъ тоговременныхъ.

Къ сожалѣнію нашему, не сохранился братскій реестръ цѣлымъ подлинникомъ, и мы не можемъ, по собственоручнымъ подписямъ членовъ, прослѣдить изъ году въ годъ постепенное возрастаніе Кіевскаго братства, видѣть въ-очью всѣхъ первыхъ начинателей его и дальнѣйшихъ подвижниковъ, въ томъ числѣ и достопамятнаго въ его исторіи гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго. Только въ надгробныхъ стихахъ тогдашняго «ректора братскихъ школъ» Кассіана Саковича, сказано о славномъ гетманѣ:

«Въ которое ся братство зо всѣмъ войскомъ вписалъ,
И на него ялмужну значную отказалъ».

3.

Изъ великаго множества подписей, бывшихъ въ братскомъ реестрѣ, сохранилось только 22—въ копіи, принадлежавшей митрополиту Евгенію, съ которой онѣ напечатаны 1846 года, во второмъ томѣ «Памятниковъ», изданныхъ Кіевскою временною комисіей. Въ книгѣ г. Аскоченскаго повторены эти подписи, но въ томъ же порядкѣ, какъ онѣ напечатаны въ Памятникахъ, и отъ этого вышелъ анахронизмъ: 15 братій, записавшихся послѣ 1630 года, очутились при самомъ началѣ братства. Авторъ говоритъ: «въ непродолжительное время по основаніи училища на землѣ, подаренной Гулевичевою, внесли въ уписъ свои имена: Аѳанасій Пузына, епископъ Луцкій и Острожскій, архимандритъ Жидичинскій; нѣкто Андрей Литинскій изъ Литиничъ; Исаія Трофимовичъ, вписавшійся душею и рукою»; Сильвестръ Косовъ, «префектъ школъ Кіевскихъ братскихъ» и т. д.

Достойны воспоминанія всѣ подвижники православія и просвѣщенія, ознаменовавшіе себя въ нашей исторіи; но въ ней каждый изъ нихъ долженъ стать въ своемъ видѣ, на своемъ мѣстѣ и въ свое время.

Аѳанасій Пузына выбранъ въ епископы Луцкіе не ранѣе, какъ въ 1632 году, на томъ знаменитомъ Варшавскомъ сеймѣ, на которомъ и архимандритъ Печерскій Петръ Могила выбранъ въ митрополиты Кіевскіе. Тогда устраненъ былъ отъ епископіи Луцкой уніатскій епископъ Іеремія Почаповскій, который не допускалъ на эту епископію Исакія Борисковича, посвященнаго на нее патріархомъ Ѳеофаномъ 1620 года. А явился будущій епископъ на тотъ избирательный Варшавскій сеймъ, въ числѣ 140 депутатовъ отъ шляхетства Волынскаго, будучи еще міряниномъ—*Александромъ Пузыною*. Подъ этимъ именемъ онъ виденъ и на листѣ Луцкаго братства 1619 г. Очевидно, что его архіерейская подпись въ реестрѣ Кіевскаго братства никакъ не ранѣе 1633 года; а по придаточному званію «архимандрита Жидичинскаго» [1]) можно относить ее къ 1640 году, ко времени Кіевскаго собора. Впрочемъ, этотъ «владыка Луцкій и Острожскій» былъ въ Кіевѣ и въ февралѣ 1647 года, при избраніи Сильвестра Коссова въ митрополиты Кіевскіе; а скончался онъ 1650 года 25-го декабря.

Исаія Трофимовичъ, *Сильвестръ Коссовъ*, *Софроній Почаскій*—мужи извѣстные въ нашей исторіи; но ихъ служеніе въ Богоявленскомъ братствѣ принадлежитъ уже ко времени Могилянскому, и началось не ранѣе 1632 года. *Исаія Трофимовичъ Козловскій*, ближайшій сотрудникъ Петра Могилы, былъ взысканъ имъ изъ іеромонаховъ Виленскаго братства. Едва ли не оттуда взятъ былъ и монахъ *Сильвестръ Коссовъ*. Оба они, въ іюнѣ 1631 года, находились уже при Петрѣ Могилѣ, въ бытность его во Львовѣ. *Софроній Почаскій* былъ изъ питомцевъ Кіево-братской школы; онъ первый, подъ име-

---

[1]) При устраненіи Іереміи Почаповскаго отъ епископіи Луцкой, ему предоставленъ былъ Жидичинскій монастырь до кончины его, которая послѣдовала въ 1637 году. Въ тѣ поры архимандрія Жидичинская была спорнымъ мѣстомъ, котораго домагался и новый уніатскій митрополитъ Рафаилъ Корсакъ.

немъ *Стефана Почаскаго*, означенъ въ числѣ двадцати учениковъ, читавшихъ надъ гробомъ гетмана Сагайдачнаго— стихи или *вѣрши*, напечатанные того же 1622 года, отъ имени ректора и проповѣдника Кассіана Саковича. Черезъ десять лѣтъ послѣ того, Софроній Почаскій, уже какъ «профессоръ риторики» въ лаврской Могилянской школѣ, являлся къ великому архимандриту въ свѣтлое воскресенье—съ 23-мя учениками и съ привѣтственными стихами, которые и напечатаны въ томъ 1632 году, подъ заглавіемъ «*Евхаристиріонъ* албо вдячность». Того же года, вмѣстѣ со всею лаврскою школою, и Почаскій переведенъ былъ въ Богоявленское братство. Тогда и Сильвестръ Коссовъ сталъ въ немъ профессоромъ и префектомъ.

Но обратимся къ старѣйшей братіи, вступившей въ Кіевское братство еще при его началѣ. Изъ шести подписей, принадлежащихъ къ 1616 году, прочтемъ первыя три:

«Во иноцѣхъ *Захарія Копыстенскій* исповѣдникъ, яко и ненавидящи злое, прилѣпляющеся благому, составленное въ Кіевѣ градѣ братство пріимаю и облобызаю, повинующеся апостолу глаголющу: братолюбіемъ же другъ къ другу любезни. На сіе же и руку мою подписую. Писалъ дня 4-го января по старому правдивому календарю, року 1616».

«Азъ, во іеромонасѣхъ худѣйшій *Тарасій* Л. *Земка*, братство православныхъ Кіевское при храмѣ святыхъ Богоявленій похваляю, и самъ въ немъ быти и при немъ стояти желаючи, въ реестръ и имя свое вписую рукою».

«Азъ, треокаянный *Іезекіель Курцевичъ*, архимандритъ монастыря Терехтемировскаго, видя яко врагъ и ненавистникъ спасенія нашего пакоститъ во благочестіи нашемъ, и сего ради видихъ вещь зѣло добру—составленіе Братства во градѣ Кіевѣ, и того ради всегда есмь готовъ съ ними пострадати добро и зло, и кровь мою за благочестіе дати, и для того и руку мою подписую, власною рукою».

Не говорятъ ли собою эти три подписи, что Кіевское церковное братство тогда было дѣло новое, только что зачинавшееся, а не продолженіе прежняго?...

Захарія Копыстенскій въ ту пору былъ еще іеродіакономъ Печерскаго монастыря, гдѣ и подвизался онъ въ непрестанныхъ книжныхъ трудахъ — отъ предисловнаго толкованія службъ, въ Часословѣ 1617 года, до переведеннаго имъ толкованія на Апокалипсисъ, напечатаннаго въ 1625 году. По кончинѣ достопамятнаго возобновителя Печерской лавры, Елисея Плетенецкаго, Захарія былъ полтора года архимандритомъ Печерскимъ и скончался 1626 года въ среду свѣтлой седмицы, оставивъ по себѣ память ученаго мужа и попечительнаго пастыря.

Тарасій Левковичъ Земка, не видный нигдѣ въ продолженіе восьми лѣтъ, со времени его вступленія въ Кіевское братство. (Не здѣсь ли и находился въ эти годы «мужъ ученый въ языкахъ греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и русскомъ»? Такъ онъ названъ въ надгробной ему надписи), съ 1624 года Тарасій видѣнъ постоянно, изъ году въ годъ, въ Печерскомъ монастырѣ—типографомъ, проповѣдникомъ, соборнымъ старцемъ. При этихъ должностяхъ въ лаврѣ, онъ былъ еще около пяти лѣтъ «игуменомъ Богоявленскимъ Кіевскимъ», начиная съ 1627 года, какъ это видно по его подписи въ изданномъ того года «Лексиконѣ славенорусскомъ» архитипографа Памвы Берынды. Въ сентябрѣ 1632 года скончался Тарасій Земка—и съ нимъ оканчивалось старшее поколѣніе ученыхъ Кіевлянъ, отъ котораго оставался только одинъ, уже безвременный—Исаія Копинскій. Для чего-же историки Кіевской академіи пишутъ, что Тарасій Земка принадлежалъ къ числу питомцевъ Петра Могилы, посыланныхъ отъ него въ заграничныя училища и возвратившихся въ 1631 году? Справедливѣе было бы сказать, что воеводичь Молдавскій, постригшійся въ печерскіе иноки 1625 года, поучался церковному знанію и дѣлу у тогдашнихъ лаврянъ и присно-памятнаго митрополита Іова Борецкаго. Въ первоизданной Петромъ Могилою книгѣ—Служебникѣ 1629 года, предпослано знаменитое писаніе Тарасія Земки о литургіи.

Еще говорятъ историки, что въ 1631 году Тарасій былъ опредѣленъ въ ректоры братскихъ школъ. Но и въ этомъ году онъ былъ не ректоромъ, а *игуменомъ* Богоявленскимъ.

Это видно изъ его подписей на трехъ актахъ, относящихся къ учрежденію лаврской Могилинской школы, писанныхъ въ исходѣ 1631 года. (См. въ прибавленіяхъ къ «Описанію Кіево-печерской лавры», сочиненному митрополитомъ Евгеніемъ). А въ это же время, именно въ сентябрѣ и октябрѣ 1631 года, видѣнъ изъ Межигорскихъ актовъ *«ректоръ* братскихъ Кіевскихъ школъ *—Томашъ Іевлевичъ»*. Объ этомъ ректорѣ Іевлевичѣ не вспомянуто ни въ одной исторіи академіи; но онъ былъ уже объявленъ въ моей «Книжной Старинѣ южно-русской», напечатанной въ Кіевлянинѣ 1850 года (см. на стр. 128).

Іезекіилъ Курцевичъ былъ архимандритомъ Терехтемировскаго Успенскаго монастыря до 1620 года, въ которомъ, при возстановленіи Кіевской православной митрополіи, онъ посвященъ былъ въ епископы Владимірскіе и Брестскіе. Его собственноручную подпись можно видѣть въ памятникахъ Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства, на вышепомянутомъ листѣ 1619 года. Въ историческихъ сочиненіяхъ онъ является обыкновенно не подъ своимъ именемъ. Еще въ «лѣтописцѣ Густынскаго монастыря» онъ названъ *Іосифомъ Курцевичемъ*; такъ принято и въ Описаніи Кіево-софійскаго собора (стр. 156 и 157). Въ «памятникахъ Кіевской коммисіи» подпись его напечатана съ именемъ *Іезекіиля Куневича*. Такъ она повторена и въ книгѣ г. Аскоченскаго (стр. 74); но тамъ же далѣе говорится объ *Іосифѣ* епископѣ Владимірскомъ (стр. 90), какъ будто о другомъ лицѣ. Впрочемъ, подобныя измѣненія собственныхъ именъ встрѣчаются не рѣдко. Сама Анна Гулевичевна, еще и въ исторіи о. Макарія, зовется не иначе, какъ *Гугулевичевною*, и къ этому ея прозванію привыкли было всѣ академисты.

4.

Первоначальное собраніе Кіевскаго братства, въ которомъ было принято и подписано братское обязательство, происходило, какъ по всему видно,—*1615 года 9-го декабря*, въ именинный день Анны Гулевичевны. Къ тому же дню устроена была при гостинницѣ домовая церковь *Зачатія св.*

Анны;—и сталъ этотъ день на-долго торжественнымъ праздникомъ въ братствѣ. Извѣстіе, что Аннинская гостинническая церковь устроена была еще Гулевичевною, хотя принадлежитъ позднѣйшему времени [1]), но его нельзя не принять, имѣя въ виду пребываніе тамъ молитвеннаго мужа, Исаіи Копинскаго, съ монашествующею братіей, которые не могли же обойтись безъ своей церкви.

Вскорѣ послѣ того заложена была въ братскомъ дворѣ большая церковь, именемъ которой назвалось и самое братство. Объ ней не упоминается еще ни въ предисловномъ братскомъ обязательствѣ, ни въ подписи Захаріи Копыстенскаго 4-го генваря 1616 года. Но въ слѣдующей за тѣмъ подписи Тарасія Земки, принадлежащей очевидно къ тому же году, сказано: «братство православное Кіевское—при *храмѣ святыхъ Богоявленій*». Это упоминаніе о церкви Богоявленской даетъ намъ разумѣть, что она была уже заложена въ 1616 году, и вѣроятно 6-го генваря, въ день св. Богоявленія, который у прежнихъ Кіевлянъ былъ городовымъ праздникомъ и сопровождался особенною, торжественною церемоніею, подъ предводительствомъ Кіевскаго войта. А тогдашній войтъ, съ бурмистрами и райцами могъ праздновать уже столѣтіе своей магдебургіи, дарованной городу Кіеву королемъ Жигимонтомъ первымъ 1516 года.

Но построеніе этой новозаложенной братской церкви было позднѣе. Въ 1616 году въ Кіевскомъ братствѣ не стало первоначальника его, Исаіи Копинскаго. Онъ упрошенъ былъ на устроеніе монастырей Густынскаго и Ладинскаго подъ городомъ Прилукою, принадлежавшихъ тогда къ Украинскому владѣнію князя Михаила Михайловича Вышневецкаго. Въ тѣхъ двухъ монастыряхъ и было около 15 лѣтъ любимое мѣсто-пребываніе Исаіи, начальству котораго княгиня Раина Вишневецкая, урожденная Могиловна, поручила и всѣ церкви въ городахъ и селахъ той обширной Украинской Вишневещины.

---

[1]) Такъ сказано у митр. Евгенія въ «краткомъ свѣдѣніи о началѣ Кіевской академіи» (см. въ прибавленіи къ Опис. Кіево-Софійскаго собора 1825 г. стр. 222).

Кто же послѣ Исаіи былъ старшимъ въ Кіевскомъ братствѣ? Объ этомъ не сохранилось тоговременнаго извѣстія. Между тогдашними Кіево-подольскими священниками, въ особенномъ уваженіи и любви народной былъ настоятель Воскресенской церкви, Іоаннъ Матвѣевичъ Борецкій—питомецъ Львовскаго братства, бывшій тамъ съ 1604 года ректоромъ и учителемъ языковъ греческаго и латинскаго. Но этотъ добродѣтельный и просвѣщенный мужъ въ 1617 году перемѣстился въ Золотоверхій Михайловскій монастырь, гдѣ принялъ монашество [1]), съ именемъ Іова; а въ концѣ слѣдующаго года избранъ былъ въ игумены, на мѣсто умершаго Іосифа Мировскаго.

Между тѣмъ явился новый строитель Кіевскаго братства—«мужъ христіанскихъ добродѣтелей и милостынь полный», по выраженію Іова Борецкаго. То былъ питомецъ Острожскихъ школъ и Запорожской сѣчи, гетманъ Петръ Конашевичъ — Сагайдачный, уроженецъ Червонорусскій. Послѣ многолѣтнихъ войнъ и походовъ, онъ въ 1619 году пріопочилъ въ своемъ Кіевскомъ дому, гдѣ находилась его жена Анастасія, урожденная Повченская. Въ то время, вспомагая православнымъ монастырямъ и церквамъ на Украинѣ, онъ построилъ въ Кіевскомъ братствѣ *Богоявленскую церковь* съ придѣломъ св.. *Благовѣщенія.*

Объ этомъ построеніи братской церкви была современная замѣтка въ старомъ ея синодикѣ, который къ сожалѣнію не сохранился. Ириней Фальковскій, ссылаясь на 121 листъ того синодика, въ своемъ «Кіевскомъ Мѣсяцословѣ на лѣто 1799» говоритъ: «церковь бывшаго Кіево-братскаго на Подолѣ монастыря Богоявленій Господнихъ, деревянная создана Запорожскимъ гетманомъ Петромъ Конашевичемъ—Сагайдачнымъ, 1620 года» (стр. 40).

Вслѣдъ за тѣмъ онъ построилъ на Подолѣ и другую церковь во имя св. *Василія,*—какъ это видно изъ универсала,

---

[1]) Его примѣру послѣдовала и жена его, Никифора Ѳедоровна Чеховичевна; она постриглась въ монахини и была игуменьею новоустроеннаго Богословскаго дѣвичьяго монастыря. Меньшой братъ Іова, Порфирій Борецкій, былъ Терехтемировскимъ игуменомъ въ митрополитство Петра Могилы.

даннаго Братскому монастырю въ 1656 году Кіевскимъ полковникомъ Василіемъ Дворецкимъ, гдѣ сказано: «отъ грунту церкви Васильевское месное, презъ тогожъ Сагайдачнаго уфундованое» [1]).

Такимъ образомъ усердіемъ незабвеннаго гетмана прибавились двѣ новыя церкви къ восьми, бывшимъ тогда на Подолѣ. Между ними соборною издавна была Успенская или Пречистенская, которую въ тѣ поры называли обыкновенно *Матерь—Божія*, а ея настоятелей—«протопопами Матер—божскими» [2]). Пребываніе Сагайдачнаго въ Кіевѣ было временемъ обновленія церковнаго. Патріархъ Өеофанъ, въ своей второй грамотѣ 1620 года, говоритъ о себѣ, что посѣтилъ онъ церкви въ самомъ городѣ Кіевѣ», почавши отъ церкви соборной Успенія Пресвятыя Богородицы, митрополіи Кіевской, посредѣ града муромъ и Спаса святого деревомъ новообновленые и коштомъ великимъ благочестивыхъ граждан Кіевскихъ украшенные и иные».

Городомъ Кіевомъ, какъ извѣстно, назывался тогда собственно Подолъ. Надъ нимъ возвышались: Кіевскій замокъ, бывшій на горѣ Киселевкѣ, и древній, нагорный Кіевъ, называвшійся тогда «Старымъ городищемъ».

5.

Въ 1620 году, среди великаго поста, въ братской гостинницѣ остановился достопамятный духовный странникъ, іерусалимскій патріархъ Өеофанъ, бывшій въ Москвѣ и тамъ посвятившій въ патріархи государева отца Филарета Никитича. При немъ находился экзархъ патріаршаго престола Константинопольскаго, Арсеній, архимандритъ великой церкви.

---

[1]) На второй Могилянской записи о лаврской школѣ 1631 года подписался—«Іаковъ Өеодоровичъ, священникъ Васильевскій Кіевскій, рукою власною». Объ этой церкви *Василія Великаго* на Подолѣ упоминаются и въ «Росписи Кіеву» 1682 года.

[2]) На той же Могилянской записи подписанъ: «Өедоръ Березницкій, недостойный протопопа Кіевскій Матробозскій, рукою власною». Сличите воеводскій листъ князя К. К. Острожскаго на гору Щековицу, отданую 1581 г. протопопу о. Ивану Михайловичу.

Тогда Кіевское Братство около десяти мѣсяцевъ было, можно сказать, средоточіемъ Кіевской іерархіи, куда со всѣхъ ея концовъ притекали обрадованные православные люди. Θеофанъ не замедлилъ посѣтить монастыри: Печерскій, Пустынно—Никольскій, Золотоверхо-Михайловскій, Кирилловскій, Межигорскій и Терехтемировскій, и всѣ приходскія церкви въ самомъ Кіевѣ; а потомъ онъ далъ Кіевскому братству двѣ благословенныя грамоты.

Въ первой грамотѣ, 17-го мая, сказано: «смиренія нашего благословеніемъ, нововдруженное братство Богоспасаемаго града Кіева благословихомъ и хартіею нашею благословенною въ вѣчные роды укрѣпихомъ». Изъ нея видно, что по прошенію братій патріархъ изявилъ согласіе основать въ Кіевѣ, по примѣру прочихъ братствъ западнорусскихъ, братство *юношеское:* «братство *младенческое*, старѣйшему братству единомысльное и повинующееся о Господѣ, заложити изволыше, благословихомъ» [1]).

Вторая грамота 26-го мая дана Кіевскому братству па патріаршую *ставропигію.* Въ ней сказано: «видячи церкви Божія великое озлобленіе отъ апостатовъ, законопреступныхъ пастырей ихъ, бывшихъ въ земли Русской, [2]) на знакъ бытности нашей въ мѣстѣ Кіевѣ, — *на грунтѣ братскомъ, при церкви святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія*, крестъ водружаемъ и ставропигіонъ патріаршеское достойно быти судивши, благословляемъ». Этою же грамотою Θеофанъ благословилъ находящихся въ братствѣ молодыхъ иноковъ — «*способомъ монастырскимъ* по закону св. Василія общежительно быти».

Такимъ образомъ исполнилось уже все, что предназначала для Кіевскаго братства основательница его, Анна Гулевичевна. Съ 1615 года была тутъ *школа* для дѣтей всякаго зва-

---

[1]) Это братство состояло изъ юношей или молодиковъ, еще недостигшихъ полнаго мужества и «неискусобрачныхъ» — какъ сказано въ грамотѣ митрополита Исаіи Копинскаго, данной 1632 г. *юношескому* братству Луцкому.

[2]) Тутъ разумѣются отступники отъ православія, принявшіе унію— митрополитъ Михаилъ Рагоза, епископы: Кириллъ Терлецкій, Ипатій Потѣй и прочіе.

нія и *гостинница* для духовныхъ странниковъ; а въ 1620 г. сталъ здѣсь и *монастырь Ставропигіи патріаршей*.

Даны были Ѳеофаномъ грамоты на Ставропигію и Межигорскому монастырю, и двумъ новымъ братствамъ: Луцкому Крестовоздвиженскому и Слуцкому Преображенскому. Но важнѣйшимъ дѣламъ іерусалимскаго патріарха было возстановленіе православной митрополіи Кіевской, на которое онъ рѣшился по общему желанію здѣшнихъ православныхъ людей и по особенному настоянію гетмана Сагайдачнаго. Въ Печерской лаврѣ, въ храмовой день ея (15-го августа), при великомъ множествѣ народа, посвященъ былъ въ Кіевскіе митрополиты *Іовъ Борецкій*. Послѣ того были посвящены патріархомъ и другіе духовные пастыри на епископскія мѣста, занятыя уніатами, а именно: *Мелетій Смотрицкій*, архимандритъ и ректоръ Виленскій, въ архіепископы Полоцкіе; *Іезекіиль Курцевичъ*—въ епископы Владимірскіе и Брестскіе, *Исаія Копинскій*—въ епископы Перемышльскіе; *Исакій Борисковичъ*, игуменъ Чернчицкій—въ епископы Луцкіе и Острожскіе; *Паисій Ипполитовичъ*, игуменъ Мелецкій—въ епископы Холмскіе и Бельзскіе; а на епископство Пинское и Туровское поставленъ былъ грекъ *Авраамій*, епископъ Стагонскій.

Между тѣмъ, какъ происходило посвященіе православныхъ епископовъ, Станиславъ Жолкевскій, бывшій воеводою Кіевскимъ и короннымъ гетманомъ, потерпѣлъ страшное пораженіе отъ Турковъ на р. Цецорѣ, въ которомъ и онъ погибъ, а прочіе военачальники польскіе взяты были въ плѣнъ. Поэтому случаю былъ въ октябрѣ того года варшавскій сеймъ, для выбора новыхъ военачальниковъ и для совѣта о новой войнѣ, въ которомъ принималъ участіе и гетманъ Сагайдачный.

Въ генварѣ 1621 года, послѣ праздника Богоявленія, патріархъ Ѳеофанъ простился съ Кіевомъ, благословивъ братство еще третьею поучительною грамотою 7-го генваря, и своимъ кипариснымъ крестомъ, который донынѣ находится надъ царскими вратами братской Богоявленской церкви. Гетманъ Сагайдачный, съ своими козаками и многими духовными

лицами, провожалъ патріарха до Волошской границы, гдѣ и разстались въ городѣ Бушѣ.

6.

Посмотримъ теперь на разныя извѣстія и мнѣнія о Кіевскомъ братствѣ того времени, встрѣчаемыя у историковъ академіи.

У Евгенія—въ «краткомъ свѣденіи»—сказано, что «по отъѣздѣ патріарха Ѳеофана, воставшее отъ католиковъ и уніатовъ гоненіе на новопосвященнаго имъ митрополита Кіевскаго Іова Борецкаго и другихъ православныхъ епископовъ, разрушило сіе заведеніе. А хотя церковь братскую обновилъ въ 1622 году гетманъ войскъ Запорожскихъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный и братство поддерживалъ, но училища возстановить не смѣлъ безъ дозволенія польскаго короля, и уже въ 1629 году февраля 19-го получилъ отъ короля Сигизмунда III-го грамоту, дозволяющую имѣть Богоявленскому братству церковь для совершенія Божіей службы по закону греческому, съ училищемъ».... и т. д. (стр. 210).

Но гетманъ Сагайдачный въ тѣ годы былъ уже въ такой силѣ, что весьма могъ и самъ собою обновить братскую школу. А если бы даже и для этого понадобилось дозволеніе королевское, онъ легко могъ получить его; не отказалъ же король Луцкому Братству 1619 года въ дозволительной грамотѣ на построеніе церкви, богадѣльни и школы. Впрочемъ, Кіевобратская школа продолжалась и въ 1622 году: тому свидѣтели—ректоръ Саковичъ съ 20 учениками, читавшими его стихи надъ гробомъ Сагайдачнаго [1]). А въ Жигимонтовой

---

[1]) Вотъ списокъ тѣхъ учениковъ или *спудеевъ*, извлеченный изъ книги: «Вѣршѣ на жалосный погребъ зацного рыцера, Петра Конашевича Сагайдачнаго, гетмана войска Его К. М. Запорожскаго. Зложоныи презъ инока Кассіана Саковича ректора школъ Кіевскихъ въ братствѣ»:

1) Стефанъ Почаскій. 2) Петръ Созоновичъ Балыка. 3) Іоаннъ Саковичъ. 4) Ѳеофилактъ Іоанновичъ, бурмистровичъ К. 5) Іоаннъ Тарнавскій, протопоповичъ К. 6) Ѳеодоръ Скаревскій. 7) Леонтій Балыка, бурмистровичъ К. 8) Іеремія Ставровецкій. 9) Іоаннъ Стецкій. 10) Николай Отрешкевичъ. 11) Іоаннъ Козаринъ. 12) Іоаннъ Пелчицкій. 13) Евтихій Самуиловичъ. 14)

грамотѣ, данной Кіевскому братству 1629 года (т. е. черезъ семъ лѣтъ послѣ смерти Сагайдачнаго), даже нѣтъ и рѣчи объ *училищѣ*, какъ будто его и не было.

Неизвѣстно, по какому именно поводу была испрошена эта несвоевременная и недостаточная королевская грамота. Макарій и Аскоченскій указываютъ передъ нею на прекратившуюся польско-козацкую войну, т. е. на войну Тарасову. Но это указаніе напрасное, потому что Тарасова война была въ слѣдующемъ 1630 г., а не въ предыдущемъ 1628, подъ которымъ она ошибочно значится у Малороссійскихъ историковъ.

Что же касается до опустошенія Кіевскаго братства по отъѣздѣ іерусалимскаго патріарха, то въ исторіи Макарія сказано такъ, что гонители православія тогда «произвели, особенно въ Кіевѣ, страшные грабежи монастырей и церквей; и братское училище, вмѣстѣ съ своею гостинницею и церковью, вновь потерпѣло совершенное разореніе»... (стр. 20). Въ книгѣ Аскоченскаго это разореніе представлено въ такихъ чертахъ: «въ это-то бурное время, на-равнѣ съ прочими, и Кіевское училище подверглось опустошенію. Братство разсѣяно; ученики и учители умирали въ истязаніяхъ; церковь разграблена, гостинница разорена, и не остаться бы камню на камнѣ, если бы гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный съ своими козаками не остановилъ буйства грабителей и убійцъ» (1. 91).

Но тутъ останавливаетъ слѣдующее обстоятельство: если бы нападеніе на Кіевское братство въ 1621 году было такое ужасное, то уцѣлѣвшій отъ него ближайшій его свидѣтель, ректоръ Кассіанъ Саковичъ, не преминулъ бы провозгласить о немъ, въ своихъ *вѣршахъ*, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того писанныхъ. Вспомнимъ, какъ Сильвестръ Коссовъ, въ своемъ *Екзегезисѣ*, изобразилъ ту опасность, которая въ 1633 году только угрожала учителямъ братской колегіи, гдѣ и онъ тогда находился. Но Саковичъ, передающій многія тогдашнія подробности, не говоритъ ни о разореніи Кіевскаго братства, ни о возобновленіи его Сагайдачнымъ. Что значитъ

Матѳей Кизимовичъ. 15) Григорій Кондратовичъ. 16) Димитръ Кривковичъ. 17) Лукашъ Берында. 18) Георгій Вороничъ. 19) Карпъ Михайловичъ. 20) Симеонъ Шулга.

такое молчаніе? Не то ли, что покушеніе или нападеніе на Кіевское братство не было такое страшное, какъ его рисуютъ? Каковъ бы ни былъ новопоставленный Кіевскій воевода Өома Замойскій, но тогдашніе Кіевскіе мѣщане не были такъ слабы и уступчивы, чтобы у себя, среди города, допустить сопротивниковъ своихъ на такія неистовства.

Но возвратимся къ повѣствованію г. Аскоченскаго о Сагайдачномъ.

7.

«Огорченный вѣроломствомъ поляковъ, онъ (Сагайдачный) отказался помогать имъ противъ Турковъ, и, поднявшись съ своимъ станомъ, перешелъ черезъ Днѣстръ и вступилъ въ Малороссію».

Нѣтъ, гетманъ Сагайдачный воротился изъ-за Днѣстра на Украину уже по окончаніи хотинской войны, въ которой онъ, съ 40-тысячнымъ козацкимъ войскомъ, принималъ весьма дѣятельное участіе,—какъ это видно изъ нѣскольких польскихъ дневниковъ и лѣтописцевъ южнорусскихъ. Кассіанъ Саковичъ, вспомянувъ о цецорскомъ пораженіи Жолкевскаго, при которомъ не было тогда войска Запорожскаго, говоритъ:

«Бо и въ тойрочной войнѣ Богъ вѣсть якъ было,
Гды бы Запорожское войско не прибыло,
Которое съ короннымъ войскомъ обокъ ставши,
Менжне поганъ разило, въ помощъ Бога взявши.
Оттоль вѣдаймо, чого згода доказуетъ,
Домы, панства и царства вцале заховуетъ.
Дай Боже згоду межи всѣми христіаны
И звитяжество христіанскимъ царомъ на поганы!»

Доблестный гетманъ Сагадачный воротился въ Кіевъ съ хотинской войны передъ Филиповскимъ заговѣньемъ, обремененный тяжелыми ранами, отъ которыхъ и скончался черезъ пять мѣсяцевъ, на проводной недѣлѣ.

Далѣе въ книгѣ Аскоченскаго написано: «съ прибытіемъ Сагайдачнаго въ Кіевъ гоненіе на православныхъ значительно стало утихать. Онъ началъ отнимать вооруженною рукою церкви, занятыя католиками и уніатами, и, овладѣвъ остатками Кіево-братскаго монастыря, занялся возобновленіемъ какъ его, такъ и находившагося при немъ училища. Не жалѣя никакихъ издержекъ, Сагайдачный поручилъ постройки свѣдущему въ архитектурѣ гетману Жицкому, далъ монастырю села, и возстановилъ школу, пожертвовавъ ей все свое достояніе. Устроивъ все, какъ должно, Сагайдачный окончательно сложилъ съ себя гетманство и принялъ иноческій санъ» (ч. 1. 91).

Но изъ современныхъ сказаній не видно, чтобы въ 1621 году были захвачены въ Кіевѣ католиками и уніатами разныя церкви и Богоявленское братство, и чтобы лежащій на одрѣ болѣзни гетманъ возвращалъ ихъ вооруженное рукою. По свидѣтельству Саковича, онъ—

«Ку смерти ся отъ килку недель готуючи,
Сповѣдю и жалостю грѣхи ветуючи,
Тайну седмъкротъ принялъ маслосвященія,
Такъ тежъ тайны святого зъ нимъ причащенія;
Маетность свою роздалъ, едину на шпиталѣ,
Другую зась на церквы, школы, монастырѣ.»

И мы знаемъ изъ универсаловъ гетманскихъ, что Сагайдачный укрѣпилъ и за Корсунскимъ и за Мотронинскимъ монастырями нѣкоторыя угодья. Но о *селахъ*, данныхъ отъ него Кіево-братскому монастырю, не знали и коллегіанты 17-го вѣка. Кіевскому братству далъ онъ нѣсколько тысячъ золотыхъ (червонцевъ),—собственно на школу на *науки*, какъ свидѣтельствуетъ Саковичъ. Кромѣ того Сагайдачный завѣщалъ полторы тысячи золотыхъ—«на школу братства львовскаго, на науку и на цвиченье бакаляровъ учоныхъ», какъ сказано въ записи 1622 года, данной его душеприкащиками: митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ и гетманомъ Олиферомъ Остаповичемъ Голубомъ. Объ этомъ пожертвованіи говоритъ и [illegible], упоминая притомъ, что Сагайдачный надѣлилъ [illegible] церковь во Львовѣ.

Въ церкви Кіево-братской донынѣ сохранился большой золочено-серебрянный ручной крестъ, обсаженный девятью каменьями, съ такою надписью: «року 1622 далъ сей крестъ рабъ Божій Петръ Конашевичъ—Сагайдачный гетманъ войска его К. М. Запорожскаго, до церкви святаго Богоявленія Господня, въ домъ братскій, на отпущеніе грѣховъ своихъ». Можно опредѣлительно сказать, что въ Кіевскомъ братствѣ гетманъ Сагайдачный былъ строителемъ Богоявленской церкви и фундаторомъ братскихъ школъ, по которымъ особенно и вспоминали его. Такъ въ универсалѣ Кіевскаго полковника Дворецкаго 1659 года сказано: «монастыреви Богоявленія Господня брацкому Кіевскому и школамъ, при немъ будущимъ для наукъ высокихъ, презъ побожныхъ а вельце славныхъ годной памяти людей, то есть презъ пана Сагайдачнаго, гетмана войска Запорожского, и черезъ преосвященнаго въ Богу зошлого отца Петра Могилу, митрополита Кіевскаго, зъ умыслу побожне для обороны отъ супостатъ вѣры и церкви православныя, за часу гоненія ихъ, фундованнымъ».

Что же касается до свѣдущаго въ архитектурѣ гетмана *Петра Жицкаго*, то онъ есть не иной кто, какъ *Иванъ Петрежицкій*, бывшій гетманомъ въ 1632 году, о которомъ говорится и въ книгѣ Аскоченскаго (ч. I. 113), но особо отъ *Жицкаго*. Это лицо принадлежитъ «Исторіи Руссовъ», которая у насъ лѣтъ за сорокъ пошла въ ходъ, подъ славнымъ именемъ Георгія Конискаго [1]).

---

[1]) Весьма замѣчательная въ отношеніи художественномъ, она преисполнена свѣдѣній невѣрныхъ и сбивчивыхъ, къ распространенію которыхъ послужила не мало «Исторія Малороссіи» Маркевича. Вотъ нѣсколько строкъ изъ «Исторіи Руссовъ» о гетманѣ Сагайдачномъ:

...«А самъ, бывши спокойнымъ правителемъ гетманства, поправлялъ внутренніе безпорядки правительственные и воинскіе, воспящалъ усильно уніатство, возвращалъ съ него церкви, а въ томъ числѣ воротилъ и соборную Кіевскую Софію, создалъ вновь церкви, и между-тѣмъ построилъ братскій Кіевскій монастырь на Подолѣ, подъ распоряженіемъ гетмана Петра Жицкаго, яко въ архитектурѣ свѣдущаго; надалъ сему монастырю достаточныя деревни, и возобновилъ въ немъ, съ помощію митрополита Кіевскаго Петра Могилы, древнюю Кіевскую академію, заведенную со временъ послѣдняго крещенія Россіи, но отъ нашествія и разоренія Татарскаго крывшуюсь въ разныхъ монастыряхъ и пещерахъ. И поживши Сагайдачный въ

О монашествѣ гетмана Сагайдачнаго не говорили наши иноки ни въ 17-мъ, ни въ прошломъ столѣтіи,—безъ сомнѣнія потому, что онъ и не былъ монахомъ; а еслибъ былъ, то не умолчали бы о томъ ни Кассіанъ Саковичъ, ни другіе черноризцы Кіевскіе. Первое извѣстіе о томъ появилось 1796 года, въ «Исторіи Украины» Энгеля, который, не понимая что значитъ вступленіе въ церковное братство, принялъ его за пострижепіе въ монашество. Это недоразумѣніе нѣмца Энгеля у насъ распространилъ Бантышъ-Каменскій, вторымъ изданіемъ своей «Исторіи Малой Россіи», напечатаннымъ 1829 года. Отсюда монашество Сагайдачнаго принято было и митрополитомъ Евгеніемъ (см. въ прибавленіи къ Кіевскому Синопсису — 1836 г., списокъ Малороссійскихъ гетмановъ). Тогда и въ Кіевскомъ братствѣ стали было даже поминать Сагайдачнаго подъ именемъ «инока Павла»,—о чемъ я слышалъ отъ самаго Иннокентія въ 1840 году.

Въ старомъ помянникѣ К. Михайловскаго монастыря находится слѣдующая современная замѣтка: «року 1622 *апрѣля 10-го* дня, благочестивый мужъ панъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный гетманъ войска его К. М. Запорозкого, по многихъ знаменитыхъ военныхъ послугахъ и звитязствахъ, на ложи своемъ простеръ нози свои, приложися къ отцемъ своимъ съ добрымъ исповѣданіемъ исполненъ благихъ дѣлъ и милостини, въ Кіевѣ. Погребенъ *при церкви школы Словенское*, въ мѣстѣ, на Подолѣ честно, въ дому братства церковнаго».

Сходно съ этимъ и у Саковича сказано, что Сагайдачный погребенъ *«при церкви братской»*—«юже онъ гетманъ Петръ созда» — написано было въ старомъ Синодикѣ этой церкви. Самуилъ Величко сказалъ въ своей лѣтописи, что гетманъ Сагайдачный: «погребенъ честно и знаменито, чрезъ преосвященнаго митрополита своего Кіевскаго отца Іова Борецкаго, *при церкви соборной* въ томъ же монастыру брацкомъ Кіевскомъ сущей». Но Стефанъ Лукомскій, въ своей

полной славѣ великаго и славнаго гетмана Малороссійскаго болѣе двадцати лѣтъ, скончался въ Кіевѣ въ 1622 году и погребенъ въ церкви того созданнаго имъ братскаго монастыря, коего почитался онъ главнымъ ктиторомъ».

Не ужели это написано перомъ Георгія Кониснаго!

исторіи двухъ войнъ, написанной въ городѣ Прилукѣ 1770 года, пользуясь лѣтописью Величка, передѣлалъ по своему и назначилъ мѣсто погребенія Сагайдачнаго»—*въ трапезѣ* того монастыря»!

Но гдѣ же надгробный камень, о которомъ упоминаетъ Саковичъ, приводя и самую надпись? Можетъ быть, онъ оставленъ на своемъ мѣстѣ, при построеніи нынѣшней каменной Богоявленской церкви, въ 1693 году, и вошелъ въ ея основаніе. Прочтемъ послѣдніе четыре стиха той надписи:

«Року тысеча шесть сотъ двадесять второго,
Погребенъ въ монастыри брацтва Кіевскаго.
На который тисячій килка офѣровалъ,
Аже бы тамъ науки фундовано, жадалъ».

8.

«Погребенъ *въ монастырѣ* братства Кіевскаго»... говоритъ тогдашній ректоръ братскихъ школъ. Итакъ, напрасно утверждалъ Евгеній, а за нимъ и Макарій, что Кіевское братство еще не называлось монастыремъ,—или, что въ немъ еще не было монастыря—даже до 1633 года, до митрополитства Петра Могилы. Нельзя согласиться и съ тѣмъ ихъ утвержденіемъ, будто право *ставропигіи* дано было патріархомъ Ѳеофаномъ только братской церкви, а не монастырю; потому, говорятъ они, и могъ Петръ Могила подчинить новозаведенный Братскій монастырь своей Епархіальной власти, не нарушая тѣмъ права ставропигіи патріаршей. Въ книгѣ Аскоченскаго сказано сначала, что Ѳеофанъ утвердилъ право ставропигіи — за Богоявленскимъ училищнымъ монастыремъ (1. 88); но потомъ, говоря о подчиненіи монастыря епархіальной власти, онъ замѣчаетъ, что «этотъ поступокъ Петра Могилы не нарушалъ права ставропигіи, даннаго патріархомъ Ѳеофаномъ: ибо ставропигія принадлежала не монастырю, а только церкви существовавшей въ то время» (1. 331). Если уже такъ отдѣлять монастырь отъ церкви, то начало братскаго монастыря надо признать еще съ октября 1615 года, когда здѣсь водворились Исаія Копинскій и прочіе иноки, и

когда здѣсь не было еще Богоявленской церкви. Въ 1620 г. патріархъ Ѳеофанъ, грамотою 26-го мая, благословилъ здѣшнихъ иноковъ «*способомъ монастырскимъ* общежительно быти»; а также онъ благословилъ здѣсь быть *ставропигіи патріаршей*, водрузивъ крестъ «*на грунтѣ братскомъ*, при церкви святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія». Отсюда видно, что право ставропигіи дано было не только церкви, но и состоящему при ней монастырю—всему *дому братскому*, по выраженію того времени. Такъ и разумѣли тогдашніе православные люди, духовные и свѣтскіе, называя патріаршею ставропигіею цѣлое Богоявленское братство. О томъ свидѣтельствуютъ извѣстныя три записи, данныя Петру Могилѣ отъ духовенства, шляхетства и Запорожскаго войска. «Мы Исаія Копинскій, милостію Божіею архіепископъ Кіевскій, Галицкій и всея Россіи, митрополитъ православный, и мы всѣ православные епископы, архимандриты, игумены, іеромонахи, протопопы, іереи и иноцы, сынове святое восточное апостольское церкви, послушенства архіепископа Константинопольскаго и Вселенскаго патріархи, а братія уписные *братства церковнаго Кіевскаго*, *ставропигіумъ патріархи Константинопольскаго*, пастыря нашего, при церкви святыхъ Богоявленій, въ мѣстѣ Кіевѣ будущаго»... и т. д.

Какъ этою записью, такъ и двумя другими, Петру Могилѣ, еще до митрополитства его, предоставлено было, на всю его жизнь—*старшинство* надъ монастыремъ и надъ всѣмъ, что принадлежало къ Кіевскому братству. Ему, какъ *любопослушнику* патріарха Константинопольскаго, также признававшему братство Кіевское патріаршею ставропигіей, не для чего было и нарушать ставропигіальнаго права какимъ-то особеннымъ подчиненіемъ братскаго монастыря своей епархіальной власти, отдѣльно отъ братской церкви. А новособранная Петромъ Могилою община ученыхъ иноковъ, еще и до перевода ея изъ лавры въ братскій монастырь, была подчинена ему, какъ архимандриту Печерскому и своему *фундатору*.

Итакъ, можно сказать утвердительно, что Богоявленскій братскій монастырь, съ правомъ патріаршей ставропигіи, существовалъ съ 26-го мая 1620 года. Но кто былъ тогда

игуменомъ Богоявленскимъ, это неизвѣстно. А съ 1627 года былъ здѣсь *игуменомъ*—знаменитый *Тарасій Левковичъ Земка*, продолжавшій притомъ свое прежнее служеніе въ Печерской лаврѣ, гдѣ и скончался 13-го сентября 1632 года. Замѣчено выше, что историки напрасно назначали его въ ректоры братскихъ школъ 1631 года: *ректоромъ* тогда былъ *Томашъ Іевлевичъ*. Игуменство и ректорство соединялись въ одномъ лицѣ уже впослѣдствіи. Неизвѣстно, съ кого именно это началось: Иннокентій Гизель съ 1647 года подписывался уже «игуменъ и ректоръ». Исторія Кіевской академіи не собрала еще всѣхъ отцевъ коллегіатовъ Могилянскаго времени. Такъ, напримѣръ, въ ней не являлся еще ни разу предмѣстникъ Игнатія Старушича *игуменъ Леонтій Андреевичъ Бронкевичъ*, который занимался возобновленіемъ древней *Трехсвятительской* (т. е. Васильевской) церкви, по порученію Петра Могилы.

9.

О Кіевобратской школѣ перваго 17-ти лѣтія мало сохранилось извѣстій положительныхъ; даже то мѣсто въ Ѳеофановой грамотѣ, гдѣ говорится о школѣ, по неизвѣстности подлинника, нынѣ читается въ двухъ варіантахъ. По одному, напечатанному въ «Исторіи Іерархіи Россійской» (ч. I), такое чтеніе: «школу *Еллино - Словенскаго* и *Латино - Польскаго* письма». По другому, изданному въ «Памятникахъ Кіевск. Врем. Коммисіи» (т. II), читается такъ: «школу *Еллино-Словенскаго* и *Латинскаго* письма». Отсюда выходитъ значительная разница въ заключеніяхъ о преподаваніи языковъ въ тогдашней Кіевской школѣ.

Евгеній и Макарій держались перваго чтенія, по которому выходитъ, что въ Кіевской школѣ учили *четыремъ* языкамъ. У Евгенія, въ краткомъ свѣдѣніи, сказано было такъ, что до 1620 года въ этой школѣ обучали юношество только Русской грамотѣ и латинской словесности; а Ѳеофанъ «повелѣлъ распространить кругъ наукъ еще обученіямъ греческаго и польскаго языковъ» (стр. 209). Но не въ обычаѣ и не въ духѣ тогдашнихъ православно-русскихъ школъ было бы

учить латинскому языку безъ греческаго; да и въ томъ же краткомъ свѣдѣніи сказано далѣе, что «языкъ греческій заведенъ былъ съ самаго начала сего училища» (стр. 217). Такимъ образомъ къ Ѳеофанову повелѣнію могла бы относиться только прибавка языка *польскаго.* Но патріарху іерусалимскому едва-ли свойственно было дѣлать такую прибавку; да онъ, какъ видно, и не вмѣшивался въ кругъ преподаванія; во второй грамотѣ своей, онъ говоритъ о Кіевской школѣ, какую онъ засталъ, видѣлъ и благословилъ.

Въ книгѣ Аскоченскаго (ч. I. стр. 87) сначала принятъ второй варіантъ грамоты, называющій тамъ школу *Еллино-Словенскаго* и *Латинскаго* письма, изъ чего слѣдуетъ, что здѣсь учили только этимъ *тремъ* языкамъ. Однако въ той-же книгѣ говорится далѣе, что «до Петра Могилы въ школахъ Кіевскихъ существовало преподаваніе и польскаго языка; но съ переименованіемъ оныхъ въ коллегію и съ введеніемъ новой программы, нарѣчіе польское исключено, какъ совершенно ненужное (ч. II. 149).

О прекращеніи въ Кіевской коллегіи четвертаго языка, т. е. польскаго, говорилось еще въ Исторіи Макарія, съ такимъ предположеніемъ, что это сдѣлано «можетъ быть и по особенной непріязни къ полякамъ, какъ гонителямъ православныхъ» (стр. 52). Въ книгѣ Аскоченскаго тоже сказано: «такому исключенію можетъ быть содѣйствовало еще и то обстоятельство, что нарѣчіе это принадлежало объявленнымъ гонителямъ православія и притѣснителямъ Украины».

Но здѣсь прекращается историками польскій языкъ въ Кіевской школѣ именно тогда, когда онъ только начинаетъ въ ней проявляться со всею свѣжестью нововведенія. Вспомнимъ, чѣмъ привѣтствовали ученики преобразованной Кіевской школы митрополитство своего мецената въ 1633 году: *польскими* стихами, напечатанными въ лаврѣ подъ именемъ Mnemosyne. Профессоромъ иностранныхъ языковъ здѣсь былъ три года Сильвестръ Коссовъ, такой любитель польщизны, что и въ послѣдніе годы его митрополитства (1657), когда Кіевъ и вся Малороссія были уже подъ Русскою державою, даже дѣловыя бумаги у него въ Кіево-софійской капитулѣ

были писаны по-польски (см. образчикъ въ описаніи Кіево-софійскаго собора, стр. 251, съ собственноручными подписями: Sylvester Kossow... Lasarz Baranowicz... Klemens Staruszycz... Theodosius Sophonowicz).... Самъ Петръ Могила, принадлежавшій до своего монашества къ рыцарству польскому, любилъ польскій языкъ, на которомъ и передъ кончиною своею написалъ онъ достопамятное для Кіевской коллегіи завѣщаніе. Итакъ, въ Кіевской коллегіи не было предполагаемаго нелюбія къ языку польскому, и можно думать, что онъ былъ нѣкоторое время преподаваемъ и въ ней, по примѣру братскихъ школъ Виленской и Могилевской.

Историки академіи вводятъ и прекращаютъ польскій языкъ слишкомъ произвольно. Такъ, у Евгенія въ Описаніи Кіево-софійскаго собора (стр. 171), сказано было, что Петръ Могила младшимъ своимъ питомцамъ «съ 1631 года поручилъ обучать дѣтей наукамъ на *латинскомъ* и *польскомъ* языкахъ, назначивъ имъ школы при лаврскомъ больничномъ Троицкомъ монастырѣ». Въ Исторіи Макарія тоже повторяется, что Петръ Могила «опредѣлилъ въ новооткрытыя школы нѣкоторыхъ изъ возвратившихся своихъ питомцевъ преподавать науки на *латинскомъ* и *польскомъ* языкахъ» (стр. 37). Но посмотрите въ подлинную запись Петра Могилы объ этой лаврской школѣ, (которая напечатана Евгеніемъ въ «Описаніи Кіево-печерской лавры» 1831 года, т. е. за 12 лѣтъ до изданія Исторіи Кіевской академіи о. Макарія); въ той записи сказано, что Петръ Могила новособранную ученую братію водворяетъ на означенномъ мѣстѣ, дабы они преподавали «науки вызволеныи *Греческимъ*, *Словенскимъ* и *Латинскимъ* языкомъ».

Имѣя въ виду это постановленіе лаврской школы 1631 года о преподаваніи наукъ на *трехъ* языкахъ, а также и то, что Луцкая братская школа, устроявшаяся по образцу Кіевской, названа была въ 1624 году *Греко-Латино-Словенскою*, я полагаю, что такъ называлась и школа Кіево-братская, согласно съ вторымъ варіантомъ Өеофановой грамоты. Впрочемъ ее называли въ тѣ поры и просто — *школою Словенскою*, — какъ это мы видѣли изъ замѣтки въ помянникѣ Михайловскаго монастыря о кончинѣ гетмана Сагайдачнаго.

10.

Объ учителяхъ тогдашней Кіево-братской школы очень мало сохранилось извѣстій положительныхъ. Достовѣрно знаемъ только двухъ учителей, бывшихъ ректорами: *Кассіана Саковича*, виднаго въ 1622 году, и Ѳому Іевлевича, упоминаемаго въ 1631 году. Между тѣмъ въ Исторіи Макарія сказано такъ: «вообще же *учителями* во все это время являются здѣсь монашествующіе, которыхъ ввела въ дворъ свой Анна Гулевичевна» (стр. 30). Зачѣмъ-же предполагать здѣсь учителями однихъ монаховъ, и только тѣхъ, которые были введены сюда вмѣстѣ съ Исаіею Копинскимъ? Не видно еще ни откуда, чтобы и Саковичъ и Іевлевичъ были тутъ съ 1615 года. Что же касается до *монашества* учителей, то оно не было непремѣннымъ условіемъ въ тогдашнихъ школахъ. Іоаннъ Борецкій, задолго до своего монашества, былъ и учителемъ и ректоромъ во Львовской школѣ; а въ Исторіи Макарія онъ зачисленъ и въ учители Кіевской школы, также еще до его монашества. Въ тогдашней Виленской школѣ, за неимѣніемъ *своихъ* учителей латинскаго языка, нанимали и *нѣмцевъ*. Итакъ, достаточно было бы того условія, назначеннаго Гулевичевною, чтобы учители и всѣ тутъ были *православнаго* исповѣданія. Изъ ея записи видно, что она ввела въ свой дворъ не только *духовныхъ*, но и *свѣтскихъ* лицъ: священно-инока Исаію Копинскаго и прочихъ чернцовъ, а также и школу (т. е. учителей); и сказано далѣе: «потомки тежъ свои на то обликгую, же жаднымъ способомъ перешкоды въ той поссесіи тамъ мешкаючимъ *православнымъ*, въ иночествѣ, въ школѣ и всякомъ строеніи тамъ пребывающимъ, чинити не маютъ». Нѣтъ никакого основанія тогдашнихъ учителей и выбираемыхъ изъ нихъ ректоровъ Кіево-братской школы ограничивать одними монашествующими. Это началось уже съ той новой ученой братіи, которую собралъ Петръ Могила въ 1631 году, для преподаванія свободныхъ наукъ въ лаврской школѣ, и которую потомъ онъ водворилъ въ братскомъ монастырѣ.

[illegible] Аскоченскаго сказано такъ: «вообще же *на*- [illegible] первобытной Кіевской школѣ постоянно

являются лица монашествующіе, въ силу того пункта записи Анны Гулевичевой, которымъ она первоначально ввела во владѣніе подареннымъ ею дворомъ и землею — іеромонаха и прочихъ зъ чернцовъ» (1. 103). Но такого пункта нѣтъ въ ея записи: она «заразъ въ той дворъ и на его плацъ духовныхъ и свѣтскихъ православныхъ — впровадила» и отдала во владѣніе какъ имъ, такъ и всѣмъ *духовнымъ* и *свѣтскимъ*, состоящимъ въ православіи восточной церкви.

Предположивъ однихъ монашествующихъ начальниками школы, Аскоченскій прибавляетъ: «только при такихъ блюстителяхъ школьнаго ученія могла быть въ то время осуществлена благочестивая мысль дарительницы». Но въ то время — кто же, какъ не іеромонахъ и ректоръ Кассіанъ Саковичъ подалъ собою соблазнительный примѣръ отступничества отъ православія восточной церкви? А вслѣдъ за нимъ перешелъ въ уніатскій расколъ и бывшій Виленскій ректоръ Мелетій Смотрицкій, его же Макарій и Аскоченскій зачисляютъ въ учители и ректоры первобытной школы Кіевской.

11.

Главное наблюденіе и попеченіе о цѣломъ Кіевскомъ братствѣ и всѣхъ его частяхъ лежало на *старшемъ братѣ*. Въ это званіе выбираемъ былъ на извѣстное время, (на «часъ певный»), способный человѣкъ духовнаго или свѣтскаго стана; а въ помощь ему выбирались годичные *старосты*.

Это правило видно изъ трехъ вышепомянутыхъ записей, данныхъ Петру Могилѣ, а поставлено оно, вѣроятно, еще въ тѣхъ «братскихъ повинностяхъ и порядкахъ», которые написаны были 1615 года, при самомъ началѣ Кіевскаго церковнаго братства [1]). Къ сожалѣнію эти «повинности и порядки»

---

[1]) У Евгенія, въ краткомъ свѣдѣніи, сказано, что патріархъ Θеофанъ, при Кіевскомъ братсгвѣ «учредилъ еще – братство *церковное* и братство *милосердія*» (стр. 209). Но это только разныя пазванія Кіевскаго братства, которыми оно именовалось отъ самаго начала. Такъ Луцкое братство, начавшееся 1617 года, именовалось *церковнымъ* братствомъ и братствомъ *милосердія*.

утратились, или же заронились гдѣ-нибудь въ безвѣстности архивной. Въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ братскаго вписнаго реестра, первое мѣсто занимаетъ слѣдующая запись:

«За згодною прозьбою всѣхъ ихъ милостей и отцевъ нашихъ духовныхъ и стану шляхетского обывателей Кіевскихъ, всякаго стану вписанныхъ Братства, церкви и монастыря Богоявленіе въ Кіевѣ, ставропигіи святѣйшаго Вселенскаго, прирожонаго отца и пастыря Россійской церкви, патріархи Константинопольскаго, старшимъ братомъ, опекуномъ и фундаторомъ того святого Братства, обители и школъ, любовнѣ въ тотъ Братскій реестръ подписуюсь. Петръ Могила, милостію Божіею архимандритъ Свято-Великой Чудотворной лавры Печерской Кіевской, яко любопослушникъ святѣйшаго Вселенскаго Константинопольскаго патріархи, въ лѣто 1631 мѣсяца марта 11-го дня, рукою власною».

На чье же мѣсто выбранъ былъ Петръ Могила въ званіе *старшаго брата, опекуна и фундатора?* Это можно опредѣлить днемъ его выбора—11-мъ числомъ марта 1631 года. То былъ девятый день по кончинѣ митрополита *Іова Борецкаго.* Собравшееся на его *девятинахъ* Кіевское братство избрало и для себя ему въ преемники того-же именитаго мужа, котораго и умирающій Іовъ назначилъ первымъ своимъ душеприкащикомъ. Извѣстно, какое тяжелое время настало по смерти Сагайдачнаго для возстановленной Кіевской іерархіи, для Кіевскаго Богоявленскаго братства, и для всей православной Кіевской Руси. Много труда и заботы предстояло митрополиту Іову; а его средства были скудны, ограниченныя однимъ Михайловскимъ монастыремъ, въ которомъ онъ оставался по прежнему, въ званіи игумена. Тамъ жилъ при немъ, сослужителемъ его, почтенный мужъ Исаакій Борисковичъ, оставшійся только съ званіемъ епископа Луцкаго и Острожскаго.

Для умноженія средствъ братскаго монастыря и училища, купленъ былъ въ 1621 году, у инокини Парасковіи Кучинской, большой дворъ ея, знаменитый тогда по преданіямъ, на Старокіевскомъ подгорьи, противъ Рождественской церкви. Въ 1624 году Кіевское братство пріобрѣло еще два лавочныя мѣста возлѣ соборной церкви, у мѣщанки Люціи Миткеви-

чевой; да въ 1628 году небольшой дворъ на Борисо-глѣбской улицѣ, у козака Петра Динкова.

А свой Кіевскій дворъ, находившійся близъ Воскресенской церкви, митрополитъ Іовъ заложилъ отцамъ Межигорцамъ. Въ томъ дворѣ его (а не въ Михайловскомъ монастырѣ) заведена была типографія, въ которой сначала работалъ Кіевскій типографъ *Александръ Тимофѣевичъ Вербицкій*, напечатавшій два изданія Часослова, 1625 и 1626 г.; а потомъ печаталъ здѣсь разныя церковныя книги *Спиридонъ Соболь* въ 1627—1630 годахъ. Этотъ Черкашенскій дворъ Іова Борецкаго, по его завѣщанію, приняли въ свое владѣніе Межигорцы, и въ исходѣ того же 1631 года продали его ректору Томашу Іевлевичу.

Въ завѣщаніи своемъ, писанномъ 1-го марта на канунѣ своей смерти, онъ говоритъ слѣдующее: «и его милость господина отца Петра Могилу, архимандрыта Печерскаго, и его милость отца Исаакія, епископа вышепомененнаго, по Бозѣ першими опекунами такъ того святого монастыря Михайловского, яко и всѣхъ речей моихъ рухомыхъ учинивши, — за напершій и церкве Божой и всему православному народови Россійскому потребнѣйшій..... Въ томъ тестаментѣ остатное воли моее кладу: *абы школы въ братствѣ Кіевскомъ для цвиченя дѣтокъ христіанскихъ, а не где индей фундованы были, подъ неблагословеніемъ приказую.*

Новоизбранный старшій братъ Богоявленскаго братства не оставлялъ однакоже своего предпріятія «фундовать школы», будучи того года во Львовѣ, далъ 15-го іюня обѣтную запись іеромонаху Исаіи Трофимовичу, монаху Сильвестру Коссову и другимъ ученымъ братіямъ, которые къ нимъ еще должны были присоединиться, о томъ, что предназначенный фундушъ будетъ непремѣнно исполненъ въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ, или-же гдѣ ему и имъ заблагоразсудится, и назначилъ имъ крайнимъ срокомъ 12-ть мѣсяцевъ. Такимъ образомъ тогда не было еще опредѣлено, гдѣ именно быть новой школѣ.

Но въ томъ же 1631 году, избранный всею капитулою Михайловскаго монастыря въ игумены, архіепископъ сѣвер-

скій *Исаія Копинскій*, 20-го іюля былъ возведенъ на престолъ митрополіи Кіевской.

Тогда великій архимандритъ Печерской лавры приступилъ къ открытію своей школы при каменной Троицкой церкви на святыхъ вратахъ, въ больничномъ монастырѣ,—испросивъ на то дозволеніе Константинопольскаго патріарха Кирилла, а также благословеніе Кіевскаго митрополита Исаіи Копинскаго и трехъ тогдашнихъ епископовъ, Исаакія, Авраамія и Паисія -- какъ означено въ его записи 18-го ноября 1631 года.

Но эта лаврская школа устрояема была для Кіевскаго братства. Еще въ декабрѣ 1631 года, въ день Зачатія св. Анны, вся Богоявленская братія просила своего старшаго брата, чтобы онъ заводимую имъ школу и находящихся при ней учителей перевелъ въ Братскій монастырь и основалъ ее здѣсь, какъ при ставропигіи патріарха Константинопольскаго и мѣстѣ удобнѣйшемъ для воспитанія учащихся. И въ слѣдующій день Петръ Могила объявилъ свое согласіе основать здѣсь своимъ иждивеніемъ школы, съ тѣмъ, чтобы ему быть пожизненнымъ опекуномъ, блюстителемъ и защитникомъ братской церкви, монастыря, школъ и всего къ нимъ принадлежащаго. И было утверждено это дѣло тремя записями, данными Петру Могилѣ—отъ Кіевскаго шляхетства 30-го декабря 1631 года, отъ духовенства 5-го генваря 1632 года, и отъ гетмана Ивана Петрижицкаго и всего войска Запорожскаго 12-го марта 1632 года.

12.

Лаврская школа была уже въ ходу; о томъ свидѣтельствуетъ книжка *Евхаристиріонъ*, напечатанная 1632 года 29-го марта, состоящая изъ стихотвореній, которыми ученики или *спудеи* риторики и ихъ профессоръ, Софроній Почаскій, привѣтствовали Петра Могилу съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова. Этою книжкою опредѣляется характеръ лаврской *гимназіи*, которая послужила родникомъ *коллегіи* и потомъ *академіи* Кіевской. Новое поколѣніе ученыхъ *гимназі-*

астовъ, было съ большимъ запасомъ тогдашней западноевропейской учености, такъ щедро изукрашенной язычествомъ или *поганствомъ* классической еллино-латинской древности. Ученость эта принята была въ то время въ Кіевѣ, какъ внѣшнее условіе, необходимое для возрастанія здѣшняго православно-русскаго просвѣщенія въ уровень съ просвѣщеніемъ латино-польскимъ. Но ея усвоеніе оговорено было въ Евхаристиріонѣ такъ:

«Если зъ доброго стался злымъ человѣкъ першій;
Вторый все то отмѣнилъ, діявола стерши;
Теды зъ наукъ поганскихъ латво учинити
Христіаномъ Христову, и за свою мѣти».

Стихотворенія, составляющія Евхаристиріонъ, расположены въ двѣ части: 1) «*Геликонъ*, то есть садъ умѣетности первый», въ которомъ воспѣты «8 *кореній* наукъ вызволеныхъ»; 2) «*Парнасъ*, албо садъ умѣетности вторый,» въ которомъ воспѣты «10 *лѣторослій* наукъ вызволеныхъ». Геликонъ оканчивается стихами къ Богу, а Парнасъ—стихами къ пресвятой Дѣвѣ; эти стихи, равно какъ и всѣ почти корни и лѣторосли свободныхъ наукъ, обращаются подъ-конецъ въ панигирикъ меценату Кіевскому. Такъ, въ Парнасѣ «*Калліопе*, то есть цвиченье въ писанію высокихъ и поважныхъ речій» завершается слѣдующими стихами:

«Поровнаетъ рыцеровъ нашъ Могила давныхъ:
Бо звитязца таемныхъ есть весполъ и явныхъ».

Имена 23 учениковъ, подписанныя подъ стихотвореніями, показываютъ, что въ лаврскую школу были отданы преимущественно дѣти православнаго шляхетства Кіевскаго [1]). Нѣ-

[1]) Для памяти потомства выпишемъ имена тѣхъ учениковъ.

Въ лаврской школѣ 1632 года:

1) Стефанъ Стрибыль. 2) Григорій Трипольскій. 3) Александръ Олекшичъ. 4) Самуель Мужиловскій. 5) Андрей Черхавскій. 6) Василій Климовичь. 7) Василій Каменицкій. 8) Михаилъ Полубенскій. 9) Мартинъ Суринъ. 10) Филипъ Миклашевскій. 11) Іоаннъ Заруцкій. 12) Василій Сущанскій-Проскура. 13) Филонъ Ильковскій. 14) Степанъ Колчицкій. 15) Максимъ Кресловскій. 16) Өеодоръ Сусло. 17) Василій Чудновецъ. 18) Василій Устрицкій. 19) Ге-

которые изъ нихъ (Филонъ Ильковскій и Самуилъ Мужиловскій)—встрѣчаются и въ числѣ 13 учениковъ, подписанныхъ подъ стихами, составляющими вышепомянутую *Мнемозину*. Того-же 1632 года лаврская школа, съ ея учителями и учениками, переведена была въ Богоявленское братство.

Между тѣмъ апрѣля 30-го (а по старому штилю 20-го) умеръ въ Варшавѣ король Жигимонтъ третій, главный вводитель и покровитель церковной уніи, породившей столько раздора и соблазна въ славяно-христіанскомъ мірѣ,—столько мученій и бѣдствій Православно-русскому народу бывшаго великаго княжества Литовскаго.

Тогда православные люди польскаго государства, оживленные надеждою на возстановленіе своихъ правъ, поспѣшно снаряжали депутаціи на избраніе новаго короля. Тогда то воеводичь Молдавскій почуялъ вполнѣ свое призваніе—«ратовать Православную церковь» (какъ говорилъ о немъ Исаія Копинскій). Назначенный въ депутаты отъ Кіевскаго духовенства на избирательный сеймъ, вмѣстѣ съ Исаіей Трофимовичемъ и другими, онъ поспѣшилъ въ Варшаву, и возвратился въ Кіевъ уже въ половинѣ слѣдующаго года—въ санѣ митрополита Кіевскаго. Тогда для богоявленскаго братства и для всей Православной Кіевской іерархіи настало новое, могилянское время.

Но что же сталось съ первоначальникомъ Кіевскаго братства, Исаіею Копинскимъ? О немъ скажемъ здѣсь словами изъ лѣтописца монастыря Густынскаго: «и сѣдяше на митрополіи яко двѣ лѣтѣ, со всякимъ бѣдствованіемъ, и остави престолъ судомъ нѣкіимъ Божіимъ, понеже изнемоглъ бѣ старостію».

оргій Негребецкій. 20) Евтихій Соболь. 21) Стефанъ Трипольскій. 22) Трофимъ Онушкевичъ. 23) Іеремія Войсяцкій.

Въ Богоявленской школѣ въ іюлѣ 1633 года:

1) Александръ Тишкевичъ. 2) Георгій Тиша. 3) Іоаннъ Тиша. 4) Самуель Мужиловскій. 5) Адамъ Тиша. 6) Филонъ Ильковскій. 7) Филиппъ Константиновичъ. 8) Тимофей Княгиницкій. 9) Стефанъ Бабневскій. 10) Захарія Березецкій. 11) Андрей Гродецкій. 12) Порфирій Карлчевскій. 13) Василій Вѣтрицкій.

Взятый внезапно и насильно изъ Михайловскаго монастыря въ Печерскую лавру, Исаія вскорѣ перешелъ оттуда въ Мгарскій Лубенскій монастырь, имъ же основанный 1622 года, и прилагалъ попеченіе о трехъ обителяхъ украинскихъ, по прежнему на нихъ праву. Тамъ любили его и называли тогда «епископомъ Лубенскимъ». Но молодой владѣлецъ Вишневеччины, имѣвшій свою резиденцію въ Лубнахъ, не захотѣлъ держать у себя такъ близко докучнаго старца, который еще недавно изъ Кіева своимъ писаніемъ увѣщевалъ его возвратиться къ покинутой имъ православной церкви. Въ 1636 году князь Еремѣй Михайловичъ передалъ свои монастыри митрополиту Петру Могилѣ, съ которымъ былъ въ родствѣ, со стороны покойной матери своей, Раины Могилянки, и который въ 1632 году посвятилъ ему свою книжку «Крестъ Христа Спасителя и каждаго человѣка». Тогда Исаія Копинскій, оставшійся только съ званіемъ архіепископа Сѣверскаго и игумена Михайловскаго, удалился въ Полѣсье, въ намѣреніи возвратить себѣ золотоверхій Михайловскій монастырь. Подавалъ онъ о томъ жалобную просьбу королю Владиславу, являлся и въ городскій Владимірскій судъ; и было дано повелѣніе королевское (27-го мая 1637 г.) разсудить это дѣло особой комиссіи, состоявшей изъ князя Адама Сангушка, воеводы Волынскаго, Николая Ланцкоронскаго, архидіакона Кіевскаго, Степана Аксака, судьи Кіевскаго, и еще нѣсколькихъ лицъ. Неизвѣстно рѣшеніе той комиссіи; но домогательство Исаіи не исполнилось. Потрясенный до глубины души своими личными обидами и скорбями, и вновь наставшими тогда тревогами и бѣдами отечественными, онъ скончался въ *1640* году *5-го октября*,—какъ это записано въ старомъ помянникѣ Антоніевой пещеры, которой блюстителемъ былъ онъ до вызова его, въ 1615 году, на первоначальное устроеніе Кіевскаго братства.

1865 г. 13 ноября.

Михайлова-гора.

СВЯТЫЯ ВРАТА ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ [1]).

«Не любо ми есть въ Кіевѣ быти»—говорилъ я себѣ не разъ эти слов.. Святослава; и каждый разъ, когда я, оставляя Кіевъ былъ уже на лѣвой сторонѣ Днѣпра, на душѣ у меня становилось легко и просторно. Но въ отдаленіи отъ Кіева возникаетъ грусть по немъ, и влечетъ къ нему неодолимою силою. И когда я увижу вновь его священныя высоты и торжественную красу Печерской лавры: опять радуется ими душа моя, и я вполнѣ сочувствую тогда древнему лѣтописцу, говорившему: «кто убо не возлюбитъ Кіевскаго княженія; понеже вся честь и слава и величество, и глава всѣмъ землямъ Русскимъ Кіевъ!»

Приближаясь къ Печерской обители, съ благоговѣніемъ останавливаешься у ея *святыхъ воротъ*. Много думъ и воспоминаній возникаетъ въ душѣ на семъ мѣстѣ, передъ ликами древнихъ праведниковъ нашихъ, исходящими на встрѣчу своимъ соотчичамъ. Здѣсь, передъ сонмомъ сихъ «*небесныхъ граждан отъ Русскаго міра*,» какъ живо и полно чувствуется духовное величіе и великое значеніе твое, святая Русь!...

Не даромъ св. Симонъ, епископъ Суздальскій, желалъ вмѣнить во прахъ всю свою славу и власть, чтобы *торчать щепкою* за сими вратами! [2]).... Не даромъ и строитель ихъ, правнукъ великаго Ярослава, три года сидѣлъ здѣсь привратникомъ, въ исплатанномъ рубищѣ!....

Оставивъ добровольно свой Черниговскій престолъ, князь Святославъ Николай Давидовичъ, постригся въ Печерскомъ

---

[1]) Москвитянинъ 1848 г., № 7, стр 39—43.

[2]) См. Посланіе св. Симона къ Черноризцу Поликарпу.

монастырѣ, 1106 года 17-го февраля. Раздавъ убогимъ часть своего имущества, онъ соорудилъ эти каменныя врата, и на нихъ каменную же церковь во имя св. Троицы. Здѣсь-же онъ основалъ больницу для немощныхъ иноковъ, опредѣливъ къ ней особаго начальника изъ Печерянъ, и своего врача Петра, родомъ Сиріанина. Впослѣдствіи эта больница составила особый Троицкой монастырь, понынѣ существующій въ лаврѣ, на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Троицкая церковь замѣчательна и въ отношеніи зодческомъ; ибо она (по сказанію Аѳанасія Кальнофойскаго) построена была по образцу Ярославовой церкви св. Благовѣщенія на Золотыхъ вратахъ.

Въ больничномъ монастырѣ съ давняго времени есть еще Никольская церковь; но неизвѣстно, кѣмъ она основана первоначально: Печерянами ли, въ память благодѣтельнаго брата; или же самимъ княземъ, во имя своего святаго!

При Троицкихъ вратахъ есть небольшая книжница, гдѣ продаются книги, печатаемыя въ лаврѣ. Какъ она умѣстна здѣсь! Она напоминаетъ собою, что Черниговскій князь отдалъ Печерскому монастырю свои *книги многи*, которыя здѣсь были въ тринадцатомъ вѣкѣ, по свидѣтельству св. Симона.

Дѣлами и жизнію князь *Святоша* оправдалъ это имя, которое усвоилось ему исключительно изъ всѣхъ князей Святославовъ [1]). Тридцать шесть лѣтъ провелъ онъ, въ подвигахъ иноческаго смиренія и труда, въ Печерской обители, которую оставлялъ только разъ, и то для примиренія двоюродныхъ братьевъ своихъ Ольговичей (Игоря и Святослава) со Всеволодомъ, великимъ княземъ Кіевскимъ. Это было въ 1142 году, не задолго передъ кончиною Печерскаго князя-инока [2]).

---

[1]) Имя *Святоши* принадлежало Черниговскому князю еще до пострижевія его,—какъ видно изъ Несторовой лѣтописи подъ 1037 годомъ. Это имя есть уменшительная форма имени *Святославъ*,—также *Мистиша* значитъ *Мстиславъ*, и т. п.

[2]) У митрополита Евгенія (въ *Опис. Кіевс. Лавры* 1831 г. 115) кончина преподобнаго князя положена *около 1136 г.*; но въ Патерикѣ сказано, что онъ провелъ 30 лѣтъ, не со времени своего постриженія въ 1106 году, а послѣ 6 лѣтняго послушанія въ лаврѣ. Такимъ образомъ Печерскій князь-инокъ былъ живъ еще въ 1142 году, подъ которымъ и поминаетъ о немъ Кіевская лѣтопись, говоря: «и посла по нихъ Всеволодъ брата своего *Святошю*».

Ознаменованный святостью еще при жизни, онъ преставился 14-го октября, и сподобился почить нетлѣнно въ пещерѣ Антоніевой, гдѣ и нынѣ находятся его святыя мощи.

Памятно было для иноковъ его мѣсто въ великой церкви. Блаженный Нифонтъ, епископъ Новгородскій, въ 1156 году, за три дни передъ кончиною, видѣлъ себя во снѣ—молящимся со слезами, въ церкви Печерской, *на Святошинѣ мѣстѣ* [1]).

То было въ тѣ времена, когда Кіевъ былъ уже на отцвѣтѣ своего первопрестольнаго величія; когда Русская земля (по выраженію пѣвца Игорева) засѣвалась и росла усобицами. За тѣмъ настали для Руси еще горшія времена Татарщины. Многострадальный Кіевъ тогда терпѣлъ бѣды за бѣдами; и едва выходилъ изъ своихъ развалинъ, какъ опять въ нихъ обращался. Но подъ ними, во глубинѣ своихъ пещеръ,—сей великій отшельникъ Русской земли сохранялъ для нея свое лучшее достояніе—нетлѣнную святыню древней, Владиміровой Руси.

Въ тѣ трудные вѣка Украина могла только молиться и воевать. Наконецъ въ 16 вѣкѣ она, какъ озимая колосистая пажить, заволновалась весело своимъ козачествомъ; и раздались по ней благодарственныя пѣсни народа: что «святой Богъ нашихъ не забывалъ,—на великія усилія и на отвѣты врагомъ сохранялъ,—и нѣтъ никого, ктобы одолѣлъ насъ»!

Такъ сознавала и высказывала себя возрожденная сила Русскаго юга, при началѣ новыхъ усилій и новыхъ страданій своихъ, когда въ концѣ 16 вѣка разразилась новая гроза, возвѣянная на насъ езуитами. Тогда непреклонные украинцы мужественно понесли на себѣ тяжкій крестъ вѣрогоненія западнаго; и

«Отдавъ за вѣру честь и кровь,
Спасли души своей любовь!»

Волынь и Галичь съ своей стороны постояли дружно за Восточную церковь. Тогда и богоспасаемый Кіевъ, выходя

---

[1]) См. Кіевская Лѣтопись подъ 1156 годомъ *(во 2 томѣ Полнаго собр. Рус. Лѣтоп).*

изъ своего молитвеннаго уединенія,—воздвигся вновь на общее дѣло—на защиту своего православія.

При самомъ началѣ Уніи, породившей столько раздора на святорусской землѣ,—Никифоръ Туръ, архимандритъ Печерской лавры, не попустилъ въ обиду сего святилища Русской жизни. Преемникъ Тура, Елисей Плетенецкій, удержалъ древнія права лавры, обновилъ ея общежительство, завелъ въ ней книгопечатаніе, и собралъ ученое братство, котораго красою были Леонтій Карповичъ и Захарія Копыстенскій. Въ архимандритство Захарія, 1625 года, постригся въ Печерскіе иноки сынъ Молдавскаго князя и воеводы Іоанна—*Петръ Могила*. Просвѣщенный на Западѣ, служа въ войскахъ польскихъ, онъ исполнился ревностью о православіи, и явился великимъ поборникомъ Южно-Русской земли. Будучи архимандритомъ Печерскимъ и потомъ митрополитомъ Кіевскимъ, онъ иждивалъ свое имущество частію на «возстановленіе храмовъ Божіихъ, отъ которыхъ только жалостныя развалины оставались, частію на основаніе школъ въ Кіевѣ, правъ и вольностей народа Русскаго» [1]). Петръ Могила стремился къ тому, чтобы просвѣщеніе тогдашняго запада обратить на пользу Русскаго просвѣщенія,—основою котораго принято было христіанство, въ его первобытной чистотѣ.

Однимъ изъ первыхъ подвиговъ великаго Іерарха было учрежденіе лаврскаго училища и особаго училищнаго братства. Школа эта, именовшаяся *гимназіей*, въ концѣ 1631 года помѣщена была у Святыхъ воротъ, при Троицкой церкви; а училищному братству, въ которомъ начальствовалъ *Исаія Трофимовичъ*, отданъ былъ больничный Троицкій монастырь. Лаврская школа была уже въ ходу [2]).

Но исполняя всеобщее желаніе Кіевскаго народа, Петръ Могила присоединилъ и школу, и цѣлое лаврское училищное братство, къ Богоявленскому Кіевоподольскому братству и

---

[1]) Собственныя слова Могилы изъ его завѣщанія (см: *Опис. Кіев. Лавры*. К. 1834).

[2]) Подробнѣе объ этомъ сказалъ я въ статьѣ моей *о лаврской Могилинской школѣ*, напечатанной въ Чтеніяхъ 1847, № 6.

школъ, которыя существовали еще съ 1589 года, но на ту пору были въ упадкѣ.

И когда вспомнишь, какъ быстро возрасла и разцвѣла тогда *коллегія* или академія Кіевская, — невольно скажешь, что тогда сошло на нее благословеніе отъ Святыхъ вратъ Печерской лавры; и невольно повторятся слова, на нихъ надписанныя: «отверзутся врата твоя присно, Іерусалиме новый, день и нощь не затворятся».

О ЛАВРСКОЙ МОГИЛИНСКОЙ ШКОЛѢ [1]).

Съ наступленіемъ 1847 года свершается *второе столѣтіе* послѣ кончины митрополита Петра Могилы, послѣдовавшей въ ночь подъ новый 1647 годъ. При этомъ двухвѣковомъ срокѣ родилось во мнѣ желаніе помянуть среди васъ, милостивые государи, о великомъ іерархѣ Кіевскомъ, который совершилъ такъ много на пользу православія и просвѣщенія Русскаго. Не подробное жизнеописаніе его и не обширное похвальное слово ему я хочу представить вашему вниманію; я ограничусь воспоминаніемъ только о томъ, чѣмъ начались его дѣянія и что послужило поводомъ и богатымъ средствомъ къ возвышенію и обновленію достопамятной для всей Руси Богоявленской братской школы или академіи Кіевской.

Петръ Могила явился въ Печерской лаврѣ, въ этомъ святилищѣ Русской жизни, 1625 года; слѣдственно тогда именно, какъ южная Русь, потерпѣвъ столько отъ враговъ восточныхъ, страдала такъ много отъ враговъ западныхъ и нуждалась въ могучемъ, великомъ дѣятелѣ. Его постоянная мысль была, что тогдашній упадокъ благочестія въ Русскомъ народѣ (говоря его же словами) [2]) происходитъ отъ недостатка въ наукахъ и въ образованіи. Чтобы отвратить «великую утрату на душахъ людскихъ, и отъ православія заблудшихъ взыскать» онъ предпринялъ основать школы, гдѣ бы «моло-

---

[1]) Статья эта была читана въ засѣданіи Общества Истор. и Древн. Росс. при Московскомъ универс. 25 генваря 1847 г. и, затѣмъ, напечатана въ «Чтеніяхъ» того-же общества 1847 г. кн. 6. Смѣсь стр. 77—80.

[2]) Сличите первую его запись, данную въ Львовѣ 1631 г., и завѣщаніе его, писанное 1646, дек. 22-го.

дежь была наставляема во всякомъ благочестіи, въ нравахъ добрыхъ и въ наукахъ свободныхъ». Съ этой цѣлью онъ, прежде всего, отправилъ, на своемъ иждивеніи, нѣсколько молодыхъ Кіевлянъ во Львовскую академію и въ училища иностранныя. Такимъ образомъ онъ воспиталъ новое поколѣніе Кіевскихъ ученыхъ, къ которому принадлежали: Трофимовичъ, Коссовъ, Почаскій, Кальнофойскій, Гизель и другіе. Изъ питомцевъ своихъ Могила составилъ особую *общежительную* братію Печерскаго монастыря, давъ первую запись объ томъ во Львовѣ, въ братской церкви, передъ престоломъ Господнимъ, 15 іюня 1631 года [1]). Тогда при немъ были: Исаія Трофимовичъ, правая рука его во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ по православію, и Сильвестръ Коссовъ, будущій преемникъ его по митрополіи Кіевской.

Училище, для котораго назначалась сія общежительная братія, положено было (по совѣщанію съ соборомъ Печерскимъ и по общему согласію) помѣстить въ лаврѣ при наворотной каменной церкви св. Троицы; а для училищнаго братства избранъ больничный Троицкій монастырь, тамъ же находящійся. Испросивъ на эти предпріятія соизволеніе и благословеніе отъ Вселенскаго патріарха Кирилла, своего друга, а также отъ митрополита Кіевскаго, Исаіи Копинскаго, и православныхъ епископовъ: Исакія Борисковича, Аврамія Стагонскаго и Паисія Ипполитовича, Петръ Могила, въ концѣ того же 1631 года, при святыхъ вратахъ Печерскихъ, водворилъ школу и училищную братію «для умноженія хвалы Божіей, для сообщенія и расширенія свободныхъ наукъ на греческомъ, словенскомъ и латинскомъ языкахъ, всякаго званія людямъ, согласно православной вѣрѣ восточнаго благочестія».

Еще недавно думали, да и теперь многіе того же мнѣнія, что учрежденіе лаврской школы было предпріятіемъ Могилы, которое только готовилось, а въ исполненіе не приходило. Но уцѣлѣла въ небольшомъ числѣ книжка, подъ назва-

---

[1]) Эта первая и другія двѣ записи Петра Могилы на учрежденіе лаврской школы напечатаны митрополитомъ Евгеніемъ при Описаніи Кіевопечерской лавры 1831 г.

ніемъ *Евхаристиріонъ албо Вдячность* (т. е., благодарность), напечатанная въ лаврѣ 1632 года. Вся она состоитъ изъ стихотвореній, поднесенныхъ Петру Могилѣ отъ учениковъ лаврской школы, въ привѣтствіе съ Свѣтлымъ праздникомъ того жъ 1632 года. Изъ этого видно, что лаврская школа въ то время была въ ходу, хотя и было уже согласіе Могилы на ея присоединеніе къ братству Богоявленскому. Эта школа именовалась *Гимназіумомъ*, ученики *Спудеями*, а училищная братія *Гимнастисами киновита монастыря Печерскаго. Профессоромъ* Риторики въ ней былъ тотъ Софроній Почаскій, который, послѣ Трофимовича, служилъ ректоромъ въ братской коллегіи, а 1640 года переведенъ былъ въ Ясскій монастырь. Его имя подписано подъ предисловіемъ Евхаристиріона, а подъ стихотвореніями подписаны имена 23 учениковъ изъ класса риторики, между которыми встрѣчаются извѣстныя въ то время фамиліи православнорусскаго дворянства [1]). Стихи или *вѣрши*, изъ которыхъ состоитъ Евхаристиріонъ, стоютъ вниманія уже потому, что они цѣлымъ вѣкомъ упредили сатиры Кантемировы и 40 годами старше стиховъ Симеона Полоцкаго; а между тѣмъ объ нихъ, кажется, не было еще помину въ исторіяхъ русскаго стихотворства; и Почаскій, которому безъ сомнѣнія принадлежитъ большая часть этихъ стиховъ, не значится между писателями, даже въ словарѣ митрополита Евгенія.

Стихотворенія, составляющія Евхаристиріонъ, расположены въ двѣ части: «*Геликонъ*, то есть садъ умѣетности первый»—и «*Парнассъ*, албо садъ умѣетности вторый». Въ первомъ воспѣты «8 кореній наукъ вызволеныхъ (т. е., свободныхъ)», а во второмъ воспѣваются «10 лѣторослій наукъ выз-

---

[1]) *Прим.* Для памяти выпишу здѣсь имена всѣхъ 23 учениковъ:

1) Стефанъ Стрибылъ. 2) Григорій Трипольскій. 3) Александръ Олекшичъ. 4) Самуель Мужиловскій. 5) Андрей Черхавскій. 6) Василій Климовичъ. 7) Василій Каменицкій. 8) Михаилъ Полубенскій. 9) Мартинъ Суринъ. 10) Филиппъ Миклашевскій. 11) Іоаннъ Заруцкій. 12) Василій Сущанскій—Проскура. 13) Филонъ Ильковскій. 14) Степанъ Кольчицкій. 15) Максимъ Кресловскій. 16) Θеодоръ Сусло. 17) Василій Чудновецъ. 18) Василій Устрицкій. 19) Георгій Негребецкій. 20) Евтихій Соболь. 21) Стефанъ Трипольскій. 22) Трофимъ Онушкевичъ. 23) Іеремія Войсяцкій.

воленыхъ». Геликонъ заключается стихами къ Богу, а Парнассъ стихами къ Пресвятой Дѣвѣ. Эти стихи, равно какъ и всѣ почти *корни* и *лѣторосли*, обращаются подъ конецъ въ Панигирикъ Петру Могилѣ. Вотъ для примѣра одно стихотвореніе изъ Парнасса: «*Калліопе*, то есть цвиченье въ писанью высокихъ и поважныхъ речій».

Калліопе, звитяжцовъ преславныхъ похвало!
Умолкни, що ся предъ тымъ за поганъ ставало;
Не выноси Алциду зъ Ахиллесомъ дѣльнымъ,
Не залецай Гектора зъ Енеашемъ сильнымъ;
Ото маешь рыцера моцій неслыханныхъ,
Звитяжцу надъ эребомъ силъ непоровнаныхъ.
Если для справъ высокихъ до пекла дорогу
Этеови эмыслила, признай то все Богу.
По немъ тежъ завидуйся, ижъ не только старый
Вѣкъ множилъ богатыревъ, лечъ и нашъ несталый
Поровнаетъ рыцеровъ нашъ Могила давныхъ:
Бо звитяжца таемныхъ есть весполъ и явныхъ.

Что языкъ и складъ стихотвореній этихъ польскорусскіе, это общая принадлежность письменныхъ Западнорусскихъ произведеній въ 17-мъ вѣкѣ. Особенность Евхаристиріона въ томъ, что онъ есть почти первое стихотворное выраженіе той эпохи, когда въ наше древне-русское просвѣщеніе внесена была тогдашняя ученость Западноевропейская, такъ богато изукрашенная язычествомъ или *поганствомъ* класcической Эллинолатинской древности. Эта ученость была принята какъ внѣшнее условіе, необходимое для возрастанія нашего просвѣщенія. Но Русскій умъ тогда же видѣлъ и необходимость и возможность устранить отъ нея все, что принадлежало ей какъ вымыслъ ума, непросвѣтлѣннаго божественною истиною, и обратить ее въ свое, христіанское просвѣщеніе.

«Если зъ доброго стался злымъ человѣкъ першій;
Вторый все то отмѣнилъ, діявола стерши;
Теды зъ наукъ поганскихъ латво учинити
Христіаномъ Христову, и за свою мѣти».

Подобныя мысли въ Евхаристиріонѣ, въ какомъ бы видѣ ни высказывались, замѣчательны для насъ, какъ тѣ первыя, живыя впечатлѣнія, которыя рано или поздно оправдываются.

По обычаю тѣхъ временъ, рѣдкая книга выходила въ свѣтъ, не украшенная гербомъ какого нибудь вельможи и стихотворнымъ къ нему надписаніемъ. Довольно вспомнить Острожскую библію со стихами Даниловича, или Литовскій Статутъ со стихами Андрея Рымши, или Зеркало Богословія со стихами Кирилла Транквилліона (на однихъ экземплярахъ въ честь Лаврентія Древинскаго, на другихъ въ честь князя Пузины). Подобно тому и Евхаристиріонъ, на оборотѣ заглавнаго листа, не могъ обойтись безъ «Стеммы ясневелможныхъ Могиловъ». Кромѣ того есть въ немъ по картинкѣ передъ Геликономъ и передъ Парнассомъ; на первой представленъ Могила, стоящій на Геликонѣ въ архимандритскомъ облаченіи, съ патерицею въ правой рукѣ и съ вѣтвію въ лѣвой; господарская корона, скипетръ и панцыръ брошены къ ногамъ. На другой (во знаменье Могилы, воеводича земель Молдавскихъ) представленъ Римлянинъ Сцевола, съ разными вокругъ символическими прибавками. Вотъ стихи, подписанные подъ первою картинкою:

«Сцептра тотъ зоставуетъ, шарлатъ и короны,
Кого Богъ взываетъ до свои обороны.
Щасливысь, пречеснѣйшій о архимандрито,
Которому познанье Бога есть открыто.
Зверхность, слава, оздоба — то все подъ ногою;
Вѣра, милость до Бога — то надъ головою».

Такъ выражалась *благодарность* великому архимандриту отъ ближайшихъ, первыхъ питомцовъ его, иждивавшаго все свое имущество—«частію на обновленіе разрушенныхъ домовъ Божіихъ, отъ которыхъ жалостныя оставались развалины; частію на основаніе школъ въ Кіевѣ, правъ и вольностей народа Русскаго». Сими словами Могилы, изъ его завѣщанія, кончаю воспоминаніе мое о школѣ, насажденной имъ у святыхъ воротъ Печерскихъ. Извѣстно всѣмъ, какимъ плодоноснымъ древомъ наукъ явилась эта лаврская лѣторосль, приви-

тая и возращенная самимъ же Могилою на корнѣ Богоявленскомъ, подавленномъ въ то тяжкое время насиліемъ сторонних и отступничествомъ своихъ [1]).

---

[1]) Кассіанъ Саковичъ, бывшій ректоромъ Богоявленскаго братства, по смерти гетмана Сагайдачнаго отступилъ въ унію и потомъ сдѣлался католикомъ. Противъ него Петръ Могила написалъ на польскомъ языкѣ книгу Литосъ, напечатанную въ Печерской лаврѣ 1644. Кстати объ сочиненіяхъ Могилы. Кромѣ извѣстнаго поученія его *о крестѣ*, напечатаннаго 1632 года, есть еще (неупомянутое ни въ словарѣ Евгенія, ни въ другихъ нашихъ библіографіяхъ) *Слово духовное* на бракосочетаніе Януша Радзивила съ Маріею, дочерью Василія воеводы и господаря Волошскаго, произнесенное Петромъ Могилою (на Польскомъ и Волошскомъ языкѣ въ Ясской господарской церкви). Оно напечатано въ Кіевопечерской лаврѣ 1645 г., на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ. «Mowa Duchowna przy szlubie».... и проч. (въ 4.; листовъ, помѣч. по тетрадямъ 13. На оборотѣ заглавнаго листа два герба — Радзивиловъ и Могиловъ; подъ ними 6 стиховъ. На второмъ листѣ предисловіе. *Мова* начинается съ 3-го листа). Экземпляръ этой рѣдкой книги принадлежитъ библіотекѣ г. Свидзинскаго, весьма богатой книгами, печатанными въ польскихъ и западнорусскихъ типографіяхъ.

О НАДГРОБІЯХЪ ВЪ ПЕЧЕРСКОМЪ МОНАСТЫРѢ [1]).

— *Передъ Богомъ тебѣ молвлю: всю мою славу и власть я вмѣнилъ бы во прахъ, если бы мнѣ щепкою торчать за вратами или валяться сметьемъ въ монастырѣ Печерскомъ и попираему быть людьми. Ибо лучше день одинъ въ дому Божіей Матери, чѣмъ тысяча лѣтъ временной чести; лучше бы желалъ я въ немъ пребывати, чѣмъ жить мнѣ въ селахъ грѣшничьихъ.*

Такъ писалъ смиренный Суздальскій епископъ Симонъ къ своему ближнему Печерскому иноку Поликарпу, въ первой половинѣ 13-го вѣка. Столь велика была его набожная любовь къ святой обители, въ которой самъ онъ прежде былъ инокомъ. Устрояя новую епархію въ Суздальскомъ княжествѣ, Симонъ не переставалъ мыслить о монастырѣ Печерскомъ; заботливо собиралъ всѣ повѣстія и преданія объ немъ, желая сохранить ихъ отъ забвенія; описалъ житіе *первоначальника* русскихъ иноковъ—преподобнаго Антонія и нѣсколькихъ другихъ преподобныхъ Печерянъ; написалъ сказаніе о созданіи Великой Печерской церкви, какъ бы предвидя ея скорое разореніе,—и завѣщалъ, чтобы по смерти перевезли его тѣло въ обитель Печерскую.

И цѣлая Русь, притекая сюда на поклоненіе нетлѣннымъ останкамъ своихъ праведниковъ, среди ихъ поклоняется и мощамъ *св. Симона, епископа Суздальскаго.* Его ревностная любовь и усердіе къ монастырю Печерскому какъ бы разлились по всей Руси и переживаютъ вѣка. Многіе—какъ на-

---

[1]) Кіевлянинъ 1840 года стр. 131—165.

зывалъ онъ—*гражане* Русскаго міра стремились сюда, чтобы успокоиться здѣсь отъ житейскихъ бурь и страданій; и сія святая колыбель нашей исторіи издревле принимала въ свое лоно земные останки благочестивыхъ гражданъ русскихъ.

Потому Русская душа не только преисполнена бываетъ благоговѣйныхъ чувствъ и молитвенныхъ помысловъ, предъ нетлѣнными мощами и священными гробницами безсмертныхъ жильцевъ сей обители; но погружается и въ историческую думу—при воспоминаніи о тѣхъ великихъ подвигахъ, которые совершились въ этихъ стѣнахъ для просвѣщенія и блага Россіи,—при воспоминаніи и о тѣхъ благочестивыхъ Россіянахъ, которые сподобились погребенія въ семъ дому Пресвятой Богородицы.

1. О надгробіяхъ, нынѣ существующихъ внутри и возлѣ Великой Печерской церкви.

Большая часть надгробій, нынѣ существующихъ внутри и вокругъ великой Печерской церкви, относится къ прошедшему вѣку, въ которомъ Печерская обитель вторично обновлена и украшена тѣмъ благолѣпіемъ, какимъ она сіяетъ на священной высотѣ своей.

Всѣ находящіяся тамъ надписи любознательный поклонникъ сей святой обители можетъ прочесть или въ ней самой, или же въ двухъ *описаніяхъ Кіевопечерской лавры* (изъ коихъ *краткое*, изданное въ 1804 и 1817 г. въ 12 д., сочинено епископомъ Θеофаномъ Шіяновымъ, когда былъ онъ еще типографомъ лаврскимъ; а *подробное*, изданное въ 1828 и 1832 г. въ 4 д., составлено митрополитомъ Евгеніемъ). Мы воспомянемъ здѣсь только о немногихъ надгробіяхъ, которыя особено останавливаютъ на себѣ наше вниманіе.

Шагахъ въ 14 отъ великой церкви на полдень, возлѣ дверей трапезы, лежатъ два небольшіе камня, на которыхъ часто видите отдыхающихъ путниковъ, пришедшихъ издалека на поклоненіе святымъ Печерскимъ угодникамъ. Рѣдкій изъ этихъ молельщиковъ знаетъ, надъ кѣмъ положены тѣ камни. На первомъ изъ нихъ читаете слѣдующую надпись:

Славнаго Донскаго войска знатный старшина и походный полковникъ *Θеодоръ Ивановичъ Флоровъ*, въ государственой службѣ подъ городомъ турецкимъ Хотиномъ, на генеральной баталіи августа 1-го отъ непріятеля во главу усѣчеся; тщаніемъ Донскихъ козаковъ глава его сыскана въ непріятельскомъ разбитомъ лагерѣ, въ шатрѣ командующаго Сераскера, и присовокуплена къ тѣлу, которое, по его желанію, здѣсь въ святой лаврѣ погребеся сентября 18-го, 1739 года.

И такъ это могила одного изъ храбрыхъ сподвижниковъ той Русской побѣды надъ Турками, которая вдохновила собою первую оду знаменитому пѣснопѣвцу блистательнаго вѣка Елисаветина, нашему безсмертному рыбаку Ломоносову.

Подъ другимъ камнемъ лежатъ кости двухъ страдальцевъ, также обезглавленныхъ, но уже не на полѣ чести, а на позорной плахѣ. Ихъ погубила злая воля преступнаго гетмана; но—

«Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно церковь пріютила»—

по выраженію нашего незабвеннаго пѣвца Полтавы, упрочившаго ихъ память. На ихъ убогомъ надгробіи съ трудомъ уже разбираете полуизгладившуюся слѣдующую надпись:

Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
Елицы зде естесмо положенны сущи.
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
И за правду и вѣрность къ Монарсѣ нашу,
Страданія и смерти испыимо чашу,
Злу дояньемъ Мазепы, все вѣчно правы,
Посѣченны зоставше топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычни,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Року 1708, мѣсяца іюля 15-го дня, посѣчены средъ обозу войскового, за Бѣлою Церквою на Борщаговцѣ и Ковшевомъ, благородный *Василій Кочубей*, судія генеральный,

Іоаннъ Искра, полковникъ Полтавскій; привезены же тѣла ихъ іюля 17-го въ Кіевъ, и тогожъ дня въ обители святой Печерской на семъ мѣстѣ погребены.

Остановясь у главнаго или западнаго преддверія великой Печерской церкви, вы съ благословеніемъ вспомните *Наталію Долгорукую:* она погребена здѣсь, подъ однимъ изъ камней помоста, возлѣ своего сына, въ цвѣту жизни обрекшаго себя на иночество въ обители Печерской. Еще недавно надъ ихъ могилами лежали рядомъ двѣ чугунныя доски. На первой было написано:

Подъ сей доской положено тѣло *княгини Наталіи Борисовны Долгоруковой*, дочери генералъ-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметьева, супруги оберъ-камергера князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, которая родилась въ Лубнахъ въ 1714 году генваря 17-го числа, въ супружество вступила въ 1730 году апрѣля 5-го, и овдовѣла въ 1739 году ноября 8-го числа, постриглась въ монахини въ Кіевофлоровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ 1758 году сентября 28-го, и наименована при постриженіи Нектарія, и въ томъ имени приняла схиму въ 1767 году марта 18-го числа, и поживе честно и богоугодно по чину своему; скончалась въ 1771 году іюля 3-го дня.

Какъ много думъ наводитъ эта краткая повѣсть о той, чья жизнь была плѣнительнымъ образцемъ любви супружеской и благочестія христіанскаго, и такъ полна была превратностей рока.!.... Теперь эта надпись нарѣзана па золоченой доскѣ, вдѣланной въ стѣну на правой сторонѣ преддверія; а противъ нея находится другая доска съ надгробною надписью о сынѣ злополучнаго князя Долгорукаго, *Дмитріѣ Ивановичѣ*, который скончался на 30 году жизни въ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, 1769 года 26-го мая, въ вечерній благовѣстъ....

Войдя въ великую Печерскую церковь, вы съ сердечнымъ благоговѣніемъ поклоняетесь священнымъ гробницамъ трехъ первыхъ и великихъ просвѣтителей Руси вѣрою христовою. Какъ бы на стражѣ нашего православія, сіи три гробницы предстоятъ у трехъ входовъ во внутренюю Печерскую

церковь. При входѣ въ нее съ полуденной стороны, изъ придѣла Іоанна Богослова, на правой сторонѣ возлѣ стѣны находится сребрококанный кипарисный кивотъ, въ которомъ хранится глава святаго князя Владиміра, сего перваго героя и апостола Русской земли, принесшаго ей святое крещеніе отъ предѣловъ полуденныхъ. Съ полуночной стороны, при входѣ во внутреннюю церковь изъ придѣла св. Стефана, открыто почиваютъ въ серебряной ракѣ нетлѣнныя мощи св. митрополита Михаила, который былъ первымъ сподвижникомъ равноапостольнаго князя, и крестивъ 12 сыновей его, распространялъ святое крещеніе въ сѣверныхъ предѣлахъ Русской земли. При входѣ въ великую Печерскую церковь западными или передними дверьми, предстоитъ подъ золоченою сѣнью чудотворящій, древній гробъ преподобнаго Өеодосія, который, устроя Печерскую обитель и ограждая ее древнимъ уставомъ православной церкви, охранялъ великаго князя Изяслава отъ прельщеній могущественнаго владыки Запада, Григорія VII-го [1]). А надъ Царскими вратами главнаго алтаря великой церкви возвышается чудотворящій Образъ почившей во гробѣ Божіей Матери, первѣйшей *покровительницы* святой Печерской обители и всей Православной Руси...

Совершивъ молитвенное поклоненіе сей святынѣ и земнымъ останкамъ трехъ святыхъ мужей, ублажаемыхъ нашею церковью, вы обращаете любознательный взоръ на всѣ принадлежности величественнаго Печерскаго храма и предаетесь вновь воспоминаніямъ отечественнымъ.

У самыхъ Царскихъ вратъ главнаго алтаря вы опять вспомните о древнемъ знаменитомъ родѣ благороднаго и доблестнаго сподвижника Петра великаго. Святыя врата сіи съ такимъ изяществомъ устроены изъ серебра въ 1749 году, иждивеніемъ графа Сергія Борисовича Шереметева. Изъ надписи на нихъ вы увидите, что и въ прежнемъ зданіи великой Печерской церкви находились таковыя же серебряныя Царскія врата, состроенныя въ 1713 году тщаніемъ и иждивеніемъ

---

[1]) Извѣстно посланіе преподобнаго Өеодосія къ Изяславу *о Латинской или Варяжской вѣрѣ*, писанное вѣроятно около 1073 года, и письмо папы Григорія VII-го къ сему же князю, писанное 1075 г., уже по смерти Өеодосія.

незабвеннаго Русскаго фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева.

Невдалекѣ отъ Царскихъ вратъ вы почтите благороднымъ воспоминаніемъ другаго доблестнаго мужа, который въ продолженіе двухъ блистательныхъ царствованій, Елисаветы и Екатерины великой, гремѣлъ побѣдоносною славою русскаго воинства, и свой славный вѣкъ докончилъ мирно, въ тишинѣ сельскаго уединенія,

«Какъ вечеръ во зорѣ румяной».

На лѣвомъ крылосѣ съ полуночной стороны, на мѣдной доскѣ, начертана слѣдующая надпись:

1797 года мѣсяца генваря 8-го дня, на семъ мѣстѣ подъ спудомъ въ каменной палаткѣ для вѣчного покоя положено тѣло преставльшагося мудраго и славнаго Россійскихъ войскъ полководца, фельдмаршала *графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго*, родившагося 1725 года.

Кромѣ сего смиреннаго надгробія, есть еще въ большой Печерской церкви памятникъ Задунайскому герою, состоящій изъ мраморнаго бюста его, поставленнаго на высокомъ мраморномъ же піедесталѣ [1]). Сей памятникъ, воздвигнутый старшимъ сыномъ Задунайскаго, государственнымъ канцлеромъ

---

[1]) Кромѣ сего памятника, на хорахъ въ верхнемъ этажѣ церкви, въ придѣлѣ Преображенія Господня, на стѣнѣ около портрета графа Румянцова, находятся въ кругахъ 29 надписей:

«1) Портретъ его Румянцова; 2) покоритель Колберха; 3) главнокомандующій арміею въ Прусіи; 4) главнокомандующій Малороссіи; 5) главнокомандующій второю арміею противъ Порты Отоманской; 6) главнокомандующій первою арміею и завоеватель Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи; 7) побѣдитель при Фокшанахъ; 8) побѣдитель визиря съ 160 тысячами ратниковъ при Кагулѣ, имѣвъ самъ оныхъ до 17.000; 9) покоритель Измаила; 12) покоритель Исакчи; 13) покоритель Тульчи; 14) покоритель Браилова; 15) покоритель Галаца; 16) покоритель Журжи; 17) поразитель враговъ на водахъ Дуная и за онымъ; 18) всегдашній усмиритель Польскихъ волненій; 19) покоритель Турны; 20) покоритель Туртукая; 21) побѣдитель въ горахъ Балканскихъ; 22) стѣснитель верховнаго визиря при Шумлѣ; 23) славный миротворитель при Кучукъ-Кайнарджи; 24) главнокомандующій Украинскою арміею; 25) занявшій Молдавію безъ кровопролитія; 26) строгій наблюдатель воинской чинности, законовъ и правосудія; 27) примѣръ милосердія и равнодушія; 28) ревностный воспріятель паки побѣдоноснаго оружія; 29) главный распорядитель къ утушенію Польскаго мятежа».

любознательнымъ графомъ Николаемъ Петровичемъ, находится по лѣвую сторону отъ полуденныхъ дверей великой церкви, въ придѣлѣ Іоанна Богослова.

На противоположной сторонѣ, въ придѣлѣ св. Стефана, читаете на золоченой доскѣ надгробную надпись еще одному Русскому фельдмаршалу:

Подъ симъ мѣстомъ покоится тѣло генералъ-фельдмаршала войскъ Россійскихъ *графа Іоанна Васильевича Гудовича*, родившагося 1732 ноября 11-го дня, а скончавшагося 1821 генваря 22-го дня.

Но особенное вниманіе привлекаетъ къ себѣ княжеская гробница съ гипсовымъ изображеніемъ возлежащаго на ней героя западной Руси, знаменитаго потомка св. Владиміра. Гробница сія находится за досчатою загородкою внутри большой Печерской церкви, по лѣвую сторону отъ переднихъ или западныхъ дверей. На ней золотыми буквами начертана слѣдующая надпись:

Константинъ Іоановичъ князь Острозскій, гетманъ великаго князства Литовскаго, защищеніемъ восточнаго благочестія и храбростію во браняхъ пресловутый: многіе церкви Божіе, ради отроковъ училища, странопріемницы немощныхъ ради, въ княженіи своемъ Острозскомъ и въ стольномъ градѣ Литовскомъ Вилнѣ создавши, вторую Гипсиманію, Пресвятые Богородицы Печерскіе домъ, ущедрилъ пребогатно, въ немъ же яко ктиторъ именитый, по преставленіи своемъ сподобися положенъ быти, 1533 году.

Глядя на сіе надгробіе, вы переноситесь мыслію въ другіе вѣка, когда Кіевъ и вся западная Русь жили отдѣльно отъ Москвы и всей восточной Руси; когда сіи двѣ половины Русскаго міра не рѣдко даже враждовали другъ съ другомъ, доканчивая древнюю удѣльную борьбу... Но и тогда онѣ заодно берегли свое древнее православіе, насажденное въ нихъ св. Владиміромъ, и равно дорожили святынею роднаго Кіева, изъ котораго развилась ихъ единая Русская жизнь.

И въ тѣ времена святая Печерская лавра принимала въ свои нѣдра земные останки многихъ благочестивыхъ и доблестныхъ сыновъ Руси, и ихъ надгробіями напоминала объ

нихъ потомству. Но огневое разореніе возобновленной тогда Печерской церкви, произведенное сильнымъ пожаромъ въ 1718 году, истребило и надгробія, которыя въ ней находились. Изъ нихъ въ нынѣшней великой Печерской церкви сохранились только величавая гробница князя Острожскаго, да смиренное надгробіе незабвеннаго Иннокентія Гизеля, которому по смерть усвоено было титло *благодѣтеля* и *покровителя Кіевскихъ школъ*, по завѣщанію безсмертнаго основателя оныхъ Петра Могилы.

Сіе надгробіе состоитъ изъ желѣзной доски, лежащей подъ тѣми вратами, въ которыя изъ алтаря въ большую церковь совершается выходъ съ переносомъ; на ней вырѣзаны слова:

Здѣ опочиваетъ яснепревелебный господинъ отецъ *Иннокентій Гизіель*, трудолюбной и благоразумной, правленіе свое чрезъ двадесять седмь лѣтъ и полчварта мѣсяца, въ сей обители святой Печерской имѣвшій Архимандритъ, къ вѣчнымъ же обителемъ преставльшійся року 1683 мѣсяца ноемврія 18-го дня.

Иннокентій Гизель погребенъ въ усыпальницѣ подъ лѣвымъ крылосомъ, гдѣ въ 1707 году погребенъ и преемникъ его, потомъ митрополитъ Кіевскій *Варлаамъ Ясинскій*, по своему завѣщанію.

2. О надгробіяхъ, бывшихъ въ Печерскомъ монастырѣ въ половинѣ 17-го вѣка.

Но хотя прежде бывшіе надгробные памятники и погибли отъ разрушительнаго пламени; однако память объ нихъ не утратилась для потомства. Аѳанасій Кальнофойскій, монахъ Печерской лавры, описывая чудеса святой обители сей въ книгѣ своей *Тератургимъ* [1]), помѣстилъ въ ней (въ польскомъ переводѣ) большую часть надгробныхъ надписей, которыя тогда находились въ Печерской церкви.

---

[1]) Книга сія написана на польскомъ языкѣ и напечатана въ Печерской типографіи готическими буквами, 1638 г. въ 4 д. Аѳанасій Кальнофойскій посвятилъ сіе сочиненіе *князю Иліи Четвертенскому*.

Эти надписи для насъ драгоцѣнны: онѣ даютъ намъ свѣдѣніе и внушаютъ собою благодарное воспоминаніе о тѣхъ сынахъ и цѣлыхъ родахъ западной Руси, которые нѣкогда были ревнителями нашего древняго православія. Потому читатели конечно съ любопытствомъ прочтутъ здѣсь рядъ надписей, извлеченный мною изъ Тератургимы [1]), и дополненный изъ другихъ источниковъ краткими извѣстіями о лицахъ, которыя погребены были въ Печерскомъ монастырѣ въ прежнее время [2]). Со времени перенесенія [3]) мощей преподобнаго Θеодосія изъ пещеръ въ великую церковь, *чудотворящій гробъ* сего великаго *начальника* Русскихъ иноковъ занималъ всегда первое мѣсто между гробницами, тамъ находившимися.

Возлѣ сего святаго гроба въ 12-мъ вѣкѣ погребены были Минскій князь *Глѣбъ Всеславичь*, скончавшійся въ Кіевѣ 1119 г. сентября 13-го; а черезъ 40 лѣтъ послѣ него его супруга *Анастасія Ярополковна*, скончавшаяся на 84 году

[1]) Переводя буквально сіи надписи, я опустилъ похвальныя вѣрши (стихи), при многихъ изъ нихъ находящіяся, большею частію переведенныя Кальнофойскимъ на языкѣ польскомъ. Сіи похвалы для насъ любопытны, но болѣе, какъ памятники вкуса того времени, когда и въ Кіевѣ, какъ на всемъ Европейскомъ западѣ, миѳологія и исторія древняго классическаго міра составляли не только необходимую стихію красоты стихотворной, но даже и непремѣнное условіе сочиненій учёныхъ, такъ что самые проповѣдники и богословы облекали христіанскіе предметы въ одежду языческую. До какой степени простиралась тогда эта западная манера, можно видѣть даже у нашего епископа, а потомъ митрополита *Сильвестра Коссова* (который, вмѣстѣ съ Кальнофойскимъ и Гизелемъ, принадлежитъ къ числу воспитанниковъ, посыланныхъ Петромъ Могилою для образованія во Львовскую академію и разныя иностранныя училища); на 10 страницѣ своего *Патерика* (1635 г.) онъ говоритъ: «mow Stentorea voce: *Kiovia nostra coelum est*» (нашъ Кіевъ есть небо), — и потомъ изъясняетъ сіе изреченіе сравненіемъ Печерскихъ угодниковъ съ Сатурномъ, Юпитеромъ, Марсомъ....

[2]) Возлѣ Рождественской церкви, при дальней или Θеодосіевской пещерѣ, обновленной 1635 г.,—находилось много гробовъ разныхъ благочестивыхъ, усопшихъ людей.

[3]) Мощи преподобнаго Θеодосія перенесены 14-го августа 1090 г. и положены были въ притворѣ на правой сторонѣ,—въ ракѣ или гробѣ, богато украшенномъ 1130 г., иждивеніемъ Суздальскаго тысяцкаго, князя Георгія Симоновича. Ограбленный татарами сей гробъ стоялъ безъ украшенія до 1764 года. Первоначальный гробъ Θеодосіевъ сохраняется до нынѣ въ дальней пещерѣ, подобно гробу преподобнаго Антонія, хранящемуся въ пещерѣ ближней.

своей жизни [1]). Надгробіе сей княгини оставалось еще въ 17-мъ вѣкѣ съ слѣдующею надписью:

Глѣба Всеславича князя Кіевскаго супруга, дщерь князя Ярополка Изяславича, послѣ супруга своего въ четыредесятъ лѣтъ скончася, и купно съ нимъ во главахъ преподобного Θеодосія положенна, лѣта 6666 (1158) Іануар. д. 3 нощи часа 1.

Въ Печерской церкви оставалось еще одно княжеское надгробіе отъ 12-го вѣка:

Воззванная на судъ смертный *Евпраксія*, инокиня, дщерь князя Всеволода, идѣже душею ставися, тамо въ лѣто 6617 (1109) іюля д. 9-го тѣло сложи.

Евпраксія, по сказанію нашихъ лѣтописей, положена была въ Печерской церкви у южныхъ дверей, и надъ нею сдѣлана была *божонка*. Въ монахини она постриглась 1106 года. Если сія княжна, какъ полагалъ Карамзинъ, была супруга нѣмецкаго императора Генриха IV-го, извѣстная у западныхъ писателей подъ именемъ *Пракседы*, то она тѣмъ болѣе достойна памяти потомства [2]).

Кромѣ сихъ гробницъ, не было уже другихъ, принадлежавшихъ къ древнему времени: онѣ ограблены и истреблены были злыми татарами, во время разрушенія ими Печерской лавры, когда и отъ древней великой церкви остался только небольшой придѣлъ. Благочестіемъ иноковъ и мірянъ Русскихъ скоро возобновленъ былъ сей придѣлъ, и до исхода 15-го вѣка составлялъ бѣдную наружно, но великую внутренно Печерскую церковь.

Монастырь Печерскій и въ тѣ времена,—еще до возобновленія своего незабвеннымъ Кіевскимъ княземъ Симеономъ

---

[1]) О сей княгинѣ въ Воскр. Лѣт. сказано: «положена бысть въ Печерскомъ монастырѣ у св. Θеодосія въ головахъ; имѣяшеть бо великую любовь къ св. Богородици и къ отцю Θеодосью, и со княземъ своимъ ревнующе отцю своему Ярополку: Ярополкъ бо всю жизнь дая *(Богородицѣ)*: Небольскую волость, и Деревскую, и Лучьскую, и около Кіева; а Глѣбъ вда въ животѣ своемъ съ княгинею 600 гривенъ сребра; а по животѣ его княгиня дасть 100 гривень сребра а 50 золота, а по животѣ своемъ села и съ челядью и со всѣмъ».

[2]) См. И. Г. Р. Т. II, прим. 157. Т. IX прибавл. стр. 291.

Олельковичемъ,—не переставалъ быть главнымъ предметомъ набожнаго почитанія для цѣлой Руси [1]); ибо онъ былъ главнымъ мѣстомъ древней Русской святыни, которой не сильны были сокрушить ни время, ни сила человѣческая. Потому-то Кіевъ [2]), не только въ древнее время, когда онъ, бывъ первопрестольнымъ средоточіемъ цѣлой Руси, служилъ ей первымъ источникомъ христіанства и главнымъ сѣятелемъ перерожденной имъ Русской жизни; но и въ среднее время, когда онъ сталъ уже удѣломъ Литовскаго княжества,—и тогда онъ распространялъ свѣтъ своего древняго православія, свою Русскую жизнь и народность на своихъ новыхъ властителей.

Такъ Миндовгъ, князь Голшанскій, содѣлался православнымъ христіаниномъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ 1321 году сталъ Кіевскимъ намѣстникомъ своего дяди Гедимина. Такъ великій Литовскій князь *Ольгердъ Гедимоновичъ*, при концѣ жизни своей, принялъ православіе съ именемъ *Александра*, постригся въ схиму съ именемъ *Василія*, и по кончинѣ погребенъ въ церкви св. Богородицы, созданной имъ въ Вильнѣ. Къ принятію православія склонилъ его Печерскій архимандритъ Давидъ, съ помощію Юліаніи Александровны, княжны Тверской, бывшей за Ольгердомъ и послѣ него постригшейся въ монашество подъ именемъ *Марѳы* и скончавшейся въ Литвѣ (1392) г. Тѣло ея перевезено было въ Кіевскія пещеры,—по всей вѣроятности, удѣльнымъ Кіевскимъ княземъ *Владиміромъ*

---

[1]) Для показанія, какіе набожные помыслы внушалъ Печерскій монастырь своимъ поклонникамъ, приведемъ отрывокъ изъ книги, *глаголемой Ксеносъ сирѣчь странникъ Зосимы, діакона* Сергіева монастыря, ходившаго во святыя мѣста въ 1420 году.

«Отъ Русскія страны и стольна града Москвы, изъ великія лавры преподобнаго игумена Сергія, потщахся постигнути славный градъ Кіевъ, иже бѣ мати всѣмъ градомъ Русскимъ. И, достигнувъ благодатію Божіею града Кіева, пребыхомъ въ лаврѣ, еже зовется Кіевская печера, у гроба преподобнаго Антонія и игумена Ѳеодосія, полъ лѣта; и тамъ бо возмыслихомъ и восхотѣхомъ видѣти святыя мѣста, идѣже Христосъ своими стопами походи, и святіи апостоли послѣдоваху ему, и святіи отцы паки идѣже спасахуся».

[2]) Мысли мои относительно Кіева подробнѣе изложилъ я въ *рѣчи объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи*, напечатанной 1837 г. въ Кіевѣ въ 4 д., и въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1837 г. № 10.

Ольгердовичемъ, который почилъ прахомъ своимъ также въ Печерскомъ монастырѣ [1]). Возлѣ гроба Ѳеодосіева погребенъ былъ въ 1394 году *Левъ—Скиргайло Ольгердовичъ*, княжившій въ Кіевѣ послѣ своего брата Владиміра.

Отъ другихъ сыновей Ольгердовыхъ произошли многіе знаменитые роды Русскихъ князей, какъ то: князья Черторыйскіе, Вишневецкіе, Корецкіе, Сангушки, Полубенскіе. Сіи князья были тогда не только доблестными сынами западной Руси, но и вѣрными чадами православной церкви, подобно князьямъ Острожскимъ и Четвертенскимъ [2]), отъ племени св. Владиміра происшедшимъ. Многіе члены сихъ княжескихъ родовъ находили себѣ въ Печерскомъ монастырѣ вожделѣнный пріютъ успокоенія отъ бурь житейскихъ, которыми сильно волновалась тогда западная Русь.

Такъ изъ владѣтельнаго, вѣчной памяти достойнаго, дома князей Острожскихъ въ Печерской обители погребенъ былъ знаменитый гетманъ Константинъ, съ своею супругою и съ доблестными предками своими—Василіемъ и Ѳеодоромъ.

---

[1]) Что Владиміръ Ольгердовичъ и еще нѣсколько братьевъ его погребены были въ Печерскомъ монастырѣ, видно изъ духовнаго завѣщанія въ немъ-же написаннаго 1446 г. іюня 16-го, Княземъ Андреемъ Владиміровичемъ. Вотъ начало сего завѣщанія, писаннаго на пергаментѣ (старцемъ Паѳнутіемъ Лихачевымъ): «се язъ, рабъ Божій, князь Андрей Владиміровичъ, пріездилъ есмь въ Кіевъ съ своею женою и съ своими дѣтками, и были есмо въ дому Пречистыя, и поклонилися есми пречистому образу ея, и преподобнымъ отцемъ Антонію и Ѳеодосію, и прочимъ преподобнымъ и богоноснымъ отцемъ Печерскимъ, и благословилися есьми отъ отца нашего архимандрита Николы и у всѣхъ святыхъ старцевъ, и поклонихомся отца своего гробу князя Владимира Ольгердовича и дядь своихъ гробамъ, и всѣхъ святыхъ старцовъ гробамъ въ печерѣ, и размыслихъ на своемъ сердци: колико-то гробовъ, а вси тіи жили на семъ свѣтѣ, а пошли вси къ Богу; и помыслилъ есмь помалѣ и намъ тамо поити, гдѣ отцы и братія наша, и подумалъ есмь съ своею княгинею, и съ отцемъ своимъ, съ Николою архимандритомъ Печерскимъ и съ святыми старцы, и съ своими бояры, и отписалъ есмь своей женѣ княгини Маріи и своимъ дѣтемъ и ее дѣтемъ свою отчину и свою выслугу».. и т. д. (Къ имѣніямъ сего князя принадлежали: *Условенескъ*, *Мочежаное*, *Каменецъ*, *Логожажъ*, *Лемницы*, *Полонное*).

[2]) Князья *Четвертинскіе*, *Полубинскіе*, *Чарторыскіе*, именовались такъ по произношенію польскому; но первоначальныя, Русскія имена ихъ *Четвертенскіе*, *Полубенскіе*, *Черторыйскіе* или *Чорторыйскіе* (отъ древ. Волынскаго города Черторысска).

Мощи *благовѣрнаго Θеодора, князя Острожскаго,* сего ревностнаго сына православной церкви, почиваютъ и нынѣ въ дальнихъ или Θеодосіевыхъ пещерахъ.

О существующемъ нынѣ надгробіи гетмана Константина сказано выше [1]). На прежнемъ надгробіи сего героя было написано:

Константинъ Іоанновичъ, князь Острозскій, воевода Троцкій, гетманъ великаго княства Литовскаго; по многихъ побѣдахъ отъ смерти полягши, здѣ погребенъ, лѣта отъ Р. Х. 1533, имѣяй лѣтъ 70; одержа побѣдъ 63.

Надъ гробницею княгини Острожской была слѣдующая надпись:

Татіана, княгиня Острозская, воеводина Троцкая, гетманша великаго княства Литовскаго, старостина Брацлавская и Винницкая, лѣта по Р. Х. 1531 индикта 11, іюля 12-го, душу свою творцу своему отдавъ, бренное тѣло здѣ сложила.

Изъ дома князей Голшанскихъ или Ольшанскихъ погребена была возлѣ великой Печерской церкви княжна *Юліанія Юрьевна,* скончавшаяся на 16 году своей жизни и сподобившаяся святаго нетлѣнія. Честныя мощи *святой Юліаніи княжны Ольшанской* обрѣтены [2]) въ началѣ 17-го вѣка, въ правленіе архимандрита Елисея Плетенецкаго, и тогда же положены были въ югозападномъ углѣ Печерской церкви. При митрополитѣ Петрѣ Могилѣ онѣ переложены въ новую раку, въ которой и почивали открыто до 1718 года; а послѣ онаго поставлены во гробѣ въ Антоніевой пещерѣ. На мѣсто

---

[1]) Рисунокъ нынѣшняго надгробія князя Острожскаго приложенъ къ I части исторіи Малой Россіи Бантыша-Каменскаго. М. 1830, въ 8.

[2]) О обрѣтеніи и перенесеніи мощей святой Юліаніи, см. въ *Четь-Минеяхъ* подъ 6-мъ числомъ іюля. Тамъ сказано, что на первоначальномъ гробѣ Юліаніи была серебряная вызолоченная доска, съ изображеніемъ герба князей Ольшанскихъ и съ надписью: «*Іуліанія княжна Олшанская,* дщерь князя Георгія Олшанскаго, преставльшаяся дѣвицею, въ лѣто отъ рожденія своего шестоенадесять». Ни въ Четь-Минеяхъ, ни въ Тератургимѣ не говорится ничего о времени ея жизни, но мы имѣемъ нѣкоторыя основанія думать, что сія святая княжна жила въ первой половинѣ 16-го столѣтія. Объ этомъ скажемъ подробнѣе въ статьѣ *о Пересопницѣ и Дубровицахъ.*

ихъ 1830 г., 1-го октября перенесены въ великую Печерскую церковь мощи св. митрополита Михаила, изъ Антоніевой пещеры, куда онѣ перенесены были изъ Десятинной церкви около 1103 года.

Потомки Кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича, извѣстные подъ именемъ *Олельковичей*, ознаменовали себя благочестіемъ жизни и особеннымъ усердіемъ къ Печерской церкви, въ которой изъ сего рода погребены были четыре князя. Надъ ихъ гробницами были слѣдующія надписи:

Александръ Владиміровичъ, князь и дѣдичный господинъ земли Кіевской, состоя предъ смертію инокомъ, здѣ погребенъ. Лѣта 6992 (1484).

Кончина сего разумнаго, дѣятельнаго и справедливаго князя полагается обыкновенно 1455 г., съ котораго началъ княжить сынъ его; но изъ сей надписи, по видимому, слѣдуетъ, что онъ еще при жизни оставилъ княженіе и былъ инокомъ. Супругою сего Кіевскаго князя была *Анастасія*, сестра великаго князя Московскаго Василія Темнаго, дочь княгини Софіи.

Въ лѣто 6979 христіански скончавшуся князю *Симеону Александровичу Олельковичу*, дѣдичному господину земли Кіевскои, князю Слуцкому, возстановителю святой церкви Печерскои, юже обнови при королѣ Казимірѣ и при В. О. архимандритѣ Іоаннѣ, лѣта 6978 (1470), грудня 3.

Сей благочестивый и храбрый князь Кіевскій былъ особенно любимъ и чтимъ въ народѣ, и, по словамъ Псковской лѣтописи — «превознесеся во всей Руси, якоже и великихъ Кіевскихъ князей древнихъ честно имя его». Умирая, сей князь поручилъ юнаго сына и все семейство свое попеченію короля Казиміра; но Казиміръ Кіевское княжество обратилъ въ воеводство, и, не смотря на сопротивленіе Кіевлянъ, поставилъ въ Кіевѣ воеводою Мартына Гаштольда, католика. Съ тѣхъ поръ князья Олельковичи владѣли только Слуцкомъ, гдѣ жила еще въ 1508 году вдовствующая Симеонова супруга Анастасія. Изъ нихъ въ Печерской церкви погребены были два князя, какъ видно изъ надписей:

Благочестиво отшедшему *Василію Симеоновичу Александровичу Олельковичу*, иже отыде свѣта сего 7003 (1495), индикта 13, іюня 4-го.

Георгій Юрьевичъ Олельковичъ, князь Слуцкій, дѣдичный господинъ Кіевскои земли, умре лѣта 1579, квѣтня 12, и здѣ положенъ.

Князья Корецкіе, потомки Дмитрія-Бутава Ольгердовича, питали особенное усердіе къ Печерскому монастырю. Ими къ великой Успенской церкви пристроенъ былъ придѣлъ св. архидіакона Стефана, подъ коимъ много тѣлъ погребено княжескихъ, гетманскихъ, воеводскихъ и другихъ. Въ Печерскій помянникъ внесены были, какъ попечители и фундаторы Печерской обители: князь *Θеодоръ*, сынъ его князь Евфимій, молодой князь *Юрій*, княжна *Анна*, въ монашествѣ Анастасія, и княжна *Серафима*, игуменья монастыря Корецкаго. Изъ нихъ въ Печерской церкви погребены были: князь *Θеодоръ Ивановичъ* и его сынъ *Евфимій*. Къ первому отношу я слѣдующую надпись:

Кн. Θеодоръ Іоанновичъ Ярославичъ, по трудѣхъ мірскихъ здѣ опочиваетъ.

Широкія панства Θеодоръ Ярославичъ Ивановичъ отдѣдичившій, многою сіялъ я знатностію, властію и доблестію: а кгды взятъ есмь съ позорища сея жизни, съ убогимъ Иромъ поравнялся; и за панство седмь ступеней земли получилъ. Той одмѣнѣ не дивуйся, читачу: и тебѣ тожъ достанется! Досвѣдчишь самъ, же не равны рождаемся, равны умираемъ.

Надъ княземъ Евфиміемъ-Богушемъ, также не устрашимымъ воиномъ и непреклоннымъ сыномъ православной Руси, была слѣдующая надпись:

Лѣта отъ Р. Х. 1576, августа д. 19-го, *Евфимій Богушъ Θеодоровичъ князь Корецкій*, воевода Волынскій, староста Луцкій, Брацлавскій, Винницкій и Звѣнигородскій, изъ списка живыхъ изятый, здѣ свои кости погребсти повелѣ.

Знаменитые потомки Дмитрія-Корибута Ольгердовича, *князья Вишневецкіе*, подобно другимъ Русскимъ князьямъ, были преданы православію. Въ Печерской церкви погребены были: *Михаилъ* и *Александръ* Вишневецкіе, родные братья

того Дмитрія Вишневецкаго, который былъ гетманомъ Запорожскихъ козаковъ и прославился своимъ безстрашіемъ, непреклонною преданностію къ православной вѣрѣ и геройскою за то смертію въ Царьгородѣ—на желѣзномъ крюку, надъ пучиною моря [1]). Вотъ ихъ надгробія:

Михаилъ Корибутовичъ князь Вишневецкій (кастелянъ Кіевскій, староста Каневскій, Черкаскій, Любецкій и проч.), смертныя сбросивъ одежды, лѣта отъ Р. Х. 1584, 16-го октября, 2 часа ночи, съ понедѣльника на вторникъ, до небесныхъ обителей отыде.

Александръ Александровичъ Корибутовичъ князь Вишневецкій, по трудѣхъ міра сего, здѣ избра себѣ успокоеніе, лѣта 1577, апрѣля 3-го, въ 6 часъ ночи, со вторника на среду. Поживе лѣтъ 33 и 4 мѣсяца.

Въ Печерской церкви погребена была и теща сего Александра Вишневецкаго, супруга Бряцлавскаго воеводы князя Георгія Капусты, происходившаго отъ князей Переяславскихъ.

Анна Шимковна к. Андреева Капустина, кастелянка Бряцлавская, старостина Овруцкая, здѣ погребенная, року отъ Р. Х. 1577, іюл. 19-го, почиваетъ. Поживе лѣтъ 54, мѣсяца четыри, дній 19.

Изъ сего же княжескаго дома въ Печерскій помянникъ вписаны были, какъ благотворители Печерскаго монастыря: князья *Александръ*, *Бонифатій*, *Александръ*, *Михаилъ и Адамъ*.

Изъ дома князей Сангушковъ-Ольгердовичей многіе были фундаторами Печерскаго монастыря. Хотя и не всѣ изъ нихъ здѣсь погребены были; но въ помянникъ Печерскій внесены

---

[1]) Украинская народная пѣсня о казакѣ Байдѣ, вѣроятно сложена была сему гетману Вишневецкому, по замѣчанію издателя Украинскихъ пѣсень, Спб. 1836 (г. Лукашевича), а не ко временамъ Дорошенка относится, какъ предполагалъ я въ моемъ изданіи Украинскихъ народныхъ пѣсень, М. 1834, Ч. I, стр. 106. Такимъ же образомъ и пѣсня (тамъ же на стр. 149 помѣщенная):

«Вôдкôль ѣдешь! Одъ Дунаю.
А счо чувавъ про Михайлу?...»

по всей вѣроятности сложена на смерть Чигиринскаго сотника Михайла Хмельницкаго (Богданова отца),—по замѣчанію г. Маркевича.

были имена: кн. *Өеодора*, кн. *Андрея*, княжны *Авксентіи*, кн. *Александра*.

Изъ дома *князей* Полубенскихъ въ Печерскомъ монастырѣ погребены были многіе, и во-первыхъ *князь Андрей Өеодоровичъ*, правнукъ Андрея-Вигунта Ольгердовича, погребенный возлѣ Кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича. Надъ его сыномъ, кн. *Василіемъ Андреевичемъ*, умершимъ въ первой половинѣ 16-го вѣка, была слѣдующая надгробная надпись:

Староста Мстиславскій, маршалокъ Гроденскій, *Василій Андреевичъ Полубенскій* христіански умерши, въ церкви Пресвятой Богородицы Печерской обрѣте себѣ погребеніе. О немъ, читачу, мимо грядый, благое слово молви: Боже, милостивъ буди къ душѣ раба твоего милосердаго и справедливаго Василія Полубенскаго.

Надъ славнымъ воиномъ *Львомъ Полубенскимъ* (вѣроятно сыномъ, а по Нѣсецкому—братомъ Василія) было такое надгробіе:

Князь *Левъ Васильевичъ Полубенскій*, отдавши долгъ свѣту, въ сей церкви Пресвятои Богородицы Печерскои возлѣ своихъ положенъ.

Leo Polubinscius hic cum suis quiescit;
Si eundo ad umbram vestrum quis insolescit,
Sile, expergefactus leo obvium laedit,
Nec cui cedit.

Сіе латинское четверостишіе [1]) заимствовалъ я изъ книги Симона Старовольскаго, Monumenta Sarmatarum (Crac. 1655 fol.), въ которой помѣщены (на стр. 532) надгробія еще двумъ князьямъ Полубенскимъ:

Ивану Полубенскому, убитому въ Литвѣ на сраженіи за отчизну.

---

[1]) У Кальнофойскаго сіе четверостишіе не Василію, а Льву Полубенскому—переведено по польски такимъ образомъ:

«Lew Połubiński tu przy swoich leży,
W droge gdzie mimo kto te urne bieży.
Milcz byś nie zbudził, Lew komu zastąpi,
Nie rad ustąpi».

Михаилу Полубенскому, убитому въ Московіи подъ Бѣлою, при изгнаніи Владислава.

Въ той же книгѣ Старовольскаго приведено еще одно надгробіе изъ Печерскаго монастыря:

Александру Иловскому, воеводѣ Плоцкому (съ 1555 г.), славному воину временъ Жигимонта I-го.

Всѣ прочія надгробія, бывшія въ Печерскомъ монастырѣ, пропущены іезуитомъ Старовольскимъ, ибо они принадлежали не полякамъ и не католикамъ, а православнымъ Русскимъ; но любопытно, почему въ Monumenta Sarmatarum приняты и эти четыре надгробія, также относившіяся къ православнымъ Русскимъ?...

Издавна именитый Русскій родъ *Тишкевичей* отличался доблестями гражданскими и преданностію православной церкви. По свидѣтельству Нѣсецкаго, *Иванъ Тишкевичъ*, сынъ Тишка, по смерти супруги своей постригся въ Печерскомъ монастырѣ и былъ въ немъ архимандритомъ; а внукъ роднаго его брата Михаила (женатаго на вдовѣ князя Глинскаго), по имени *Германъ*, былъ архимандритомъ монастыря Кіево-Михайловскаго. Первый изъ нихъ жилъ въ концѣ 15-го вѣка, а Германъ былъ архимандритомъ или игуменомъ въ концѣ 16-го вѣка, его отецъ Юрій упоминается въ званіи Гроденскаго маршалка подъ 1568 годомъ; а двоюродный братъ Юрія, Чернобыльскій староста *Янгуринъ Тишкевичъ*, былъ отличнымъ воиномъ своего времени. На его надгробіи въ Печерскомъ монастырѣ была слѣдующая надпись:

Янгуринъ Скуминовичъ Львовичъ Тишкевичъ, маршалокъ короля его милости, староста Чорнобыльскій, 7071 (1563) року, окт. 10-го, здѣ сложивъ бренное тѣло, къ вѣчнымъ отыде радостямъ.

Въ похвальныхъ стихахъ, принадлежавшихъ къ сему надгробію, Янгуринъ Тишкевичъ именованъ *Русскимъ Пирромъ*, *Сарматскимъ Гекторомъ*.

Ельцы, составлявшіе также одинъ изъ значительныхъ родовъ западной Руси, питали особенное усердіе къ Печерскому монастырю. Ими къ великой Успенской церкви пристроена была съ сѣверозападной стороны особая церковь, гдѣ

и погребаемы были члены сей фамиліи. Тамъ, возлѣ своихъ предковъ, погребенъ былъ въ исходѣ 16-го вѣка *Дмитрій Елецъ*, Кіевскій писарь, сынъ Овруцкаго старосты Ѳеодора Ельца,—и его супруга *Марья*, урожденная Олизарова. Дѣдъ его былъ извѣстный староста или державца Чернобыльскій — Яковъ Елецъ, женатый на княжнѣ Маринѣ Юрьевнѣ Глинской. Возлѣ Дмитрія Ельца погребены были его сыновья: *Филиппъ*, подстолій Кіевскій, и *Иванъ*, женатый на Христинѣ Тишкевичевой, сестрѣ того Януша Тишкевича, который, будучи воеводою Кіевскимъ (по 1648 г.), сильно содѣйствовалъ уже къ утѣсненію своей предковской вѣры. Надъ Иваномъ Ельцомъ была слѣдующая надпись:

Вырокомъ смертельныхъ враговъ, отыде свѣта сего *Иванъ Елецъ*, року отъ Р. Х. 1603, ноября 11-го, часа 13. Поживе лѣтъ 24.

Изъ давняго и знатнаго Русскаго года *Копцовъ*, въ Печерской церкви погребенъ былъ *Исидоръ*.

Исидоръ Копецъ, маршалокъ и писарь короля его милости, по кончинѣ въ церкви Пресвятой Богородицы Печерскои погребенъ.

Вотъ еще четыре надгробныя надписи, находившіяся въ Печерской церкви:

До вѣчной отчизны отыде свѣта сего Гаврило Меновичъ *Богданъ Госикій*, року 7035 (1527). Индикта 14. Марта 20-го.

Бурмистръ великаго града Могилева *Василій Якимовичъ*, тѣломъ отдавъ долгъ природѣ, року 1620, здѣ опочиваетъ.

1621 року, *Симеонъ Лыко*, мужъ твердый въ вѣрѣ, испытанный въ храбрости, по многихъ справахъ достойныхъ героя, въ Бозѣ почи и здѣ возлежитъ.

Истинный христіанинъ *Николай Шашкевичъ*, хорунжій Брацлавскій, року 1624, ноября 3-го, предавъ душу свою Господу Богу, здѣ положенъ.

Изъ Печерскаго помянника видно, что въ предверіи церковномъ погребены были въ половинѣ 16-го вѣка:

Лонгинъ Суринъ, умершій 1552 г. дек. 6-го.

Андрей Суринъ, умершій 1557 г. іюля 14-го.

Здѣсь кончается рядъ тѣхъ православно-русскихъ міранъ, о погребеніи коихъ въ Печерскомъ монастырѣ сохранилась память для потомства. Съ благодарностію воспоминаемъ ихъ имена... Но съ этимъ воспоминаніемъ сопрягается печальная дума о той тяжкой годинѣ для западной Руси, когда надъ нею возшумѣла наконецъ западная буря вѣрогоненія,—когда Польша такъ насильственно и безжалостно отрывала отъ православной церкви вѣрныхъ дотолѣ чадъ ея, и такъ неразумно и недостойно завлекала западную Русь въ ту сѣть, которою она сама уловлена была отъ іезуитовъ. Еще, при началѣ сихъ бѣдствій, въ послѣднемъ году 16-го вѣка, Русскіе князья: *Острожскіе*, *Сангушки*, *Вишневецкіе*, *Корецкіе*, *Рожинскіе*, *Горскіе*, *Солмирецкіе* и многіе другіе вельможи и рыцари Западнорусскіе являются какъ избранные *попечители* церкви и христіанскихъ соборовъ [1]). Еще во второй половинѣ 17-го вѣка *Гедеонъ-Святополкъ князь Четвертенскій* служилъ православной церкви въ санѣ епископа Луцкаго и Острожскаго, а потомъ митрополита Кіевскаго, и съ помощію гетмана Самойловича возсоединилъ іерархію Кіевскую съ Московскою (1685 г.); а *Сильвестръ князь Четвертенскій*, еще въ первой половинѣ 18-го вѣка былъ епископомъ Могилевскимъ и усердно ходатайствовалъ у Петра великаго за тѣснимое отъ Польши православіе [2]). Но въ продолженіе 17-го и 18-го вѣка, потомки помянутыхъ князей и многихъ другихъ знатныхъ фамилій православно-рускихъ поотпадали отъ своего кореннаго Русскаго рода и отъ древней вѣры своихъ доблестныхъ предковъ...

---

[1]) Въ генеральные провизоры или попечители церкви они были избраны въ Вильнѣ 1599 г. конфедераціею, образовавшеюся незадолго передъ тѣмъ въ Литовскомъ княжествѣ и Польшѣ на защиту православнаго и евангелическаго исповѣданій, отъ притѣсненій, производимыхъ католическимъ духовенствомъ. Актъ сей конфедераціи весьма любопытенъ; въ Русскомъ переводѣ съ польскаго языка онъ помѣщенъ въ *приложеніяхъ* къ *описанію Кіево-софійскаго собора*, подъ № 15.

[2]) Въ окруженой грамотѣ митрополита Іова Борецкаго, 1629 г., 12-го апрѣля, коею онъ сзываетъ всѣхъ православнорусскихъ духовнаго и свѣтскаго стану людей на помѣстный Кіевскій соборъ,—сказано именно, что сей соборъ для того: «яко бысмы конечне мѣли и могли успокоены быти въ нашихъ *великихъ дотькливостяхъ, которые терпимо презъ отступство нѣкоторыхъ щекгульныхъ особъ отъ благочестія нашего*».

Великія оскорбленія потерпѣли православные через сіе отступничество [1]). Великій уронъ отъ того произошелъ и для самой Польши.... Но въ сію печальную годину, на защиту вѣры, воздвиглось козачество Украинское, и обезсмертило себя своими крестовыми походами. Вмѣстѣ съ тѣмъ воздвиглось и духовенство пробудившагося Кіева; а Печерская лавра, просіявшая новыми чудесами свыше, была опять, какъ въ древнее время, средоточіемъ умственной дѣятельности и духовной жизни; и Печерскіе иноки ознаменовали себя немерцающею славою своихъ подвиговъ и стяжали вѣчную благодарность потомства.

Ихъ надгробными надписями [2]) заключимъ наши воспоминанія о мужахъ, погребенныхъ въ Печерскомъ монастырѣ. Первая изъ нихъ относится къ досточтимому обновителю Печерской церкви и устроителю святой лавры, архимандриту *Плетенецкому*, коего попеченіемъ учреждена въ 1616 году и типографія Печерская.

Святой души благочестиваго старца, *Елисея Плетенецкаго*, архимандрита Печерскаго, память: по кончинѣ своей опочи внутрь церкви въ придѣлѣ, егоже при жизни своей для гроба себѣ устрои. Року 1624, окт. 29-го д., часа 19.

Вторая надпись относится къ преемнику сего архимандрита, благочестивому, попечительному и многоученому сочинителю *Палинодіи:*

Ко блаженству вѣчнои жизни возванный *Захарія Копыстенскій*, архимандритъ Печерскій, року 1626, свѣтлой седмицы въ великую среду, въ сей церкви князей Корецкихъ тѣломъ опочи.

---

[1]) Представленіе Сильвестра князя Четвертенскаго къ Петру великому писанное 1720 г., напечатано въ *историческомъ извѣстіи объ Уніи.* М. 1805. стр. 173.

[2]) Сіи надписи и находившіяся при нихъ похвалы сочинены Кальнофойскимъ, который въ число ихъ включилъ и надпись съ похвалою, имъ же сочиненную, въ надгробіе досточтимому митрополиту Кіевскому Іову Борецкому.

«Въ церкви св. архимандрита Михаила Золотоверхого (которую возстановилъ) Русины митрополита своего, сынове отца, братія игумена, студенты мецената, убогіе милостынника, всѣ купно съ плачемъ взаемнымъ погребли, положили и написали. Року 1631, мѣс. мар. 2-го д. въ среду второи недѣли поста, 16 часа, отдалъ душу свою Господу Богу».

Вотъ еще двѣ надписи ученымъ лаврскимъ инокамъ:

Памва Берында, справщикъ книгъ и типографіи Печерскои директоръ, протосинкелъ св. отца патріарха Ерусалимского, мужъ ученый, оставилъ лексиконъ Словенорусскій, по трудѣхъ иноческихъ, исповедницкихъ и типографскихъ, здѣ опочи. Року 1632, іюля д. 13-го.

Справщикъ книгъ и типографіи распорядитель, проповѣдникъ печерскій *Тарасій Земка*, мужъ ученый въ языкахъ Грецкомъ, Латинскомъ, Словенскомъ и Русскомъ, по кончинѣ своей здѣ положенъ. Року 1632, сент. 13-го д.

Наконецъ воспомянемъ о главномъ духовномъ дѣятелѣ тѣхъ временъ, о митрополитѣ Кіевскомъ и архимандритѣ Печерскомъ—*Петрѣ Могилѣ*. Послѣ великихъ подвиговъ своихъ на пользу православія и просвѣщенія Русскаго, онъ скончался 50 лѣтъ отъ рожденія, въ ночь подъ новый 1647 годъ, и погребенъ 19-го марта, на завѣщанномъ имъ мѣстѣ—въ великой Печерской церкви при лѣвомъ крылосѣ между двумя столпами. Намъ неизвѣстно, какое было надгробіе сему незабвенному архипастырю. Но великая соборная панихида, которую цѣлая академія ежегодно въ день его кончины совершала надъ его гробомъ въ Печерскомъ храмѣ, была самымъ краснорѣчивымъ ему славословіемъ [1])! А *его коллегія* или *духовная академія Кіевская*, которую въ своемъ завѣщаніи назвалъ онъ *единственнымъ залогомъ своимъ*, и которая долго называла себя его именемъ, составляетъ и понынѣ несравненный, живой памятникъ великому іерарху.....

1839 г.

[1]) Сіе торжественное поминовеніе Петра Могилы подъ новый годъ возобновлено въ братскомъ монастырѣ преосвященнымъ Викаріемъ Кіевскимъ и епископомъ Чигиринскимъ *Инокентіемъ*, въ бытность его ректоромъ академіи.

НАДГРОБНАЯ СУЕТА [1]).

Недавно вниманіе одного путешественника, посѣщавшаго Печерскую лавру, останавливалось на двухъ надгробныхъ камняхъ, лежащихъ близь входа въ братскую трапезу, и они внушили ему замѣтку *«о могилахъ* Искры и Кочубея», напечатанную въ 51 нумерѣ *Дня.* Въ заключеніе онъ говоритъ: право, надо уважить нашу старину; не хотятъ родственники Кочубея и Искры поставить памятника—общество, да и сама лавра, мнѣ кажется, можетъ это сдѣлать.

Зачѣмъ обременять давнюю могилу новымъ памятникомъ, когда есть на ней старинное надгробіе? И за что же Русское общество, еще не воздавшее своего долга и Богдану Хмельницкому, стало бы заботиться о памятникѣ генеральному судьѣ Кочубею и Полтавскому полковнику Искрѣ, которые знамениты въ нашей исторіи только тѣми истязаніями и смертною казнью, какія претерпѣли они на старости, въ 1708 году, за свой доносъ на гетмана Мазепу?....

Печерская лавра пріютила у себя гробы страдальцевъ; вписала ихъ имена въ свои помянники и совершаетъ донынѣ молитвенное поминовеніе о ихъ душахъ.....

А на ихъ могилѣ, возлѣ дверей братской трапезы, полтора вѣка уже лежитъ этотъ убогій камень, извѣщающій о нихъ тоговременнымъ десятистишіемъ:

«Кто еси мимо грядый, о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положенны сущи» и т. д.

Какимъ же новымъ памятникомъ можно замѣнить это надгробіе, и для чего была бы та неумѣстная суета?....

---

[1]) День 1864 г. № 10, стр. 19.

Правда, многочисленные богомольцы, садящіеся для отдыха на этомъ камнѣ, все больше и больше изглаживаютъ нарѣзанную на немъ надпись. Но вѣдь она, хоть и съ трудомъ, еще читается; къ тому же она столько разъ была напечатана въ разныхъ книгахъ, хотя и не совсѣмъ вѣрно. Для сохраненія этого памятника нашей старины, давно бы пора огородить его небольшею желѣзною рѣшеткою, нарочито простою и крѣпкою. Вотъ все, въ чемъ настоитъ дѣйствительная надобность для *могилы* Искры и Кочубея.

Въ подобной огорожѣ нуждается и сосѣдній могильный камень, тоже съ надписью полуизглаженной, которая состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: «славнаго Донскаго войска знатный старшина и походный полковникъ Ѳеодоръ Ивановичъ Флоровъ, въ государственной службѣ подъ городомъ турецкимъ Хотиномъ, на генеральной баталіи августа 1-го отъ непріятеля во главу усѣчеся; тщаніемъ Донскихъ козаковъ глава его сыскана въ непріятельскомъ разбитомъ лагерѣ, въ шатрѣ командующаго Сераскера, и присовокуплена къ тѣлу, которое, по его желанію, здѣсь, въ святой лаврѣ погребеся сентября 18-го, 1739 года».

5 февраля, 1864 года.

Михайлова-гора.

НАДГРОБНЫЕ СТИХИ КОЧУБЕЮ И ИСКРѢ ВЪ ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРѢ [1]).

Давно уже печатаются въ разныхъ книгахъ надгробные стихи Кочубею и Искрѣ; но вездѣ печатаются они неисправно, съ недостачею въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и смысла и стихотворнаго склада. Напримѣръ, седьмой стихъ — еще «въ Краткомъ Описаніи Кіевопечерской лавры», издававшемся неоднократно съ 1791 по 1817 годъ, печатался онъ такъ:

Злу даньемъ Мазепы, все вѣчно правы,
Посѣченны зоставше топоромъ во главы...

Въ обоихъ половинахъ седьмаго стиха недостаетъ по одному слогу и нѣтъ смысла въ его словахъ; не смотря на то, онъ повторялся въ этомъ видѣ, иногда съ небольшими подправками; а въ прошломъ 1865 году, въ книгѣ г. Похилевича «монастыри и церкви города Кіева», предложено такое чтеніе:

Злыденнымъ Мазепою мы, вѣчно правы...

Между тѣмъ на надгробномъ камнѣ это мѣсто надписи состоитъ въ слѣдующихъ словахъ:

За уданьемъ Мазепы, о Всевѣдче правый!
Посѣчены зоставше топоромъ во главы...

Вся надпись разбирается трудно, но не потому собственно, что она очень уже изглажена богомольцами, которые такъ часто отдыхаютъ на этомъ камнѣ, лежащемъ доступно для

---

[1]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости. 1866 г. № 23, стр. 717.

всѣхъ у входа въ братскую трапезу Печерской лавры. Лѣтъ за восемьдесятъ онъ былъ изглаженъ гораздо менѣе, а стихи на немъ читались ошибочно и трудно. Ясное дѣло, что неразборчивость надписи много зависитъ отъ самихъ читателей — отъ незнакомства ихъ съ письменнымъ западнорусскимъ языкомъ прежняго времени и съ силлабическимъ складомъ тогдашняго стихотворства. Отъ того-то и третья пара стиховъ была прочтена и печаталась обыкновенно такъ:

И за правду и вѣрность *къ* Монарсѣ нашу
Страданія и смерти *испыймо* чашу...

Здѣсь оба вторыя полустишія лишены по одному слогу; въ начальномъ словцѣ *ижъ* (что) не замѣчено и пропущено надстрочное *ж;* а подъ конецъ прочтено *испыймо* вм. *испилисмо*—по тому же незнакомству съ этою глагольною формою, по которому и великій поэтъ Пушкинъ, помѣщая при своей поэмѣ Полтавѣ эту надгробную надпись, не призналъ глагола *естесмо* во второмъ стихѣ, и читалъ его такъ:

Елицы здѣ *естествомъ* положены сущи.

Долговременное повтореніе этой исторической надписи въ неисправномъ видѣ, побудило меня возстановить подлинное ея чтеніе. Вотъ оно:

Кто еси мимо грядый, о насъ невѣдущій,
Елици зде естесмо положени сущи?
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати:
Ижъ за правду и вѣрность ку Монарсѣ нашу
Страданія и смерти испилисмо чашу.
За уданемъ Мазепы, о Всевѣдче правый!
Посѣчени зоставше топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матере Владычны,
Подающой всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Года за два былъ возгласъ одного путешественника о томъ, чтобы надгробный камень съ этою надписью замѣнить новымъ памятникомъ Кочубею и Искрѣ. Противъ этого, въ

томъ же *Днѣ*, напечатано было мое возраженіе, подъ заглавіемъ: «Надгробная Суета». Никакой новый памятникъ не можетъ замѣнить собою этого смиреннаго, краснорѣчиваго камня, полтора вѣка уже лежащаго надъ прахомъ двухъ погребенныхъ здѣсь страдальцевъ. Пусть же онъ и навсегда остается нерушимо на своемъ мѣстѣ! Надобно только оградить его поскорѣе крѣпкою, но не высокою рѣшеткою... Вотъ въ чемъ существенно нуждается историческое надгробіе Кочубея и Искры.

8 ноября 1866 г.

Кіевъ.

ВЫДУБИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ [1]).

Когда приближаетесь къ Кіеву съ лѣвой стороны Днѣпра, и передъ вами во всей красѣ своей предстанетъ святая Печерская лавра,—верстахъ въ двухъ отъ нея, внизъ по теченію Днѣпра, вы увидите небольшой монастырь, полусокрытый въ глубинѣ горнаго удолья. Этотъ монастырь называется *Выдубицкимъ;* имъ оканчивается величественная панорама, которая образуется длиннымъ рядомъ живописныхъ возвышеній и удолій, служащихъ подножіемъ первопрестольному городу Россіи.

Между окрестностями Кіевскими, Выдубицкій монастырь составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ, по древности своей, по красотѣ своего положенія и по тѣмъ прекраснымъ видамъ, которыя отсюда представляются.

Дорога сюда изъ Кіева идетъ съ нагорной стороны, мимо Звѣринецкихъ укрѣпленій, заложенныхъ въ 1810 году. Не спускаясь еще въ самый монастырь, можно, поворотивъ направо, пройти на возвышеніе, которое поднялось надъ монастыремъ съ полуденной его стороны, и которое по своей ровной вершинѣ особенно благопріятно для прогулки. Длинный, ровный хребетъ сего возвышенія, круто спускаясь съ обоихъ боковъ своихъ, оканчивается еще большею крутизною надъ Днѣпромъ. Деревья и кустарники, растущіе на семъ мѣстѣ, заслонили собою Кіевъ и все, что простирается отсюда на сѣверъ. За то, какой-то особенный просторъ душѣ даетъ это мѣсто, когда, отдыхая на немъ, заглядишься на гряду возвышеній, идущихъ на полдень, и на широкое подъ ними

---

[1]) Кіевлянинъ 1841 года, стр. 5—26.

роздолье, по которому течетъ многоразливный Днѣпръ, далеко уносящій за собою ваши мысли. Особенно хорошо здѣсь весною, когда Днѣпровскія волны разольются какъ синее море, и полуденный вѣтеръ отъ нихъ навѣваетъ такую животворную свѣжесть, что и давно отжитая старина какъ будто молодѣетъ въ вашей памяти.

Живописное возвышеніе это безъ сомнѣнія есть тотъ *холмъ надъ Выдобичами*, на которомъ во второй половинѣ 11-го вѣка былъ *Красный дворъ* великаго князя Всеволода, и я предложилъ бы всѣмъ, посѣщающимъ этотъ холмъ, называть его *холмомъ Всеволодовымъ*, въ память любимаго Ярославова сына, питавшаго особеную любовь къ этимъ мѣстамъ.

Другой холмъ, находящійся съ лѣвой или сѣверной стороны монастыря, принадлежитъ къ ряду Звѣринецкихъ возвышеній, идущихъ отсюда къ Кіеву, вверхъ по Днѣпру. На нихъ разбросано село *Звѣринецъ*, съ древнихъ временъ принадлежавшее монастырю Выдубицкому, и своимъ названіемъ показывающее, чѣмъ заняты были нѣкогда эти мѣста. Сѣверная часть этихъ возвышеній, отдѣляемая отъ Печерской горы Неводницкимъ потокомъ, называлась изстари Неводичами [1]).

Упомянутые два холма надъ Выдубицкимъ монастыремъ, расходясь другъ отъ друга, оставляютъ между собою глубокое удолье, спускающееся къ Днѣпру двумя уступами. На верхнемъ уступѣ находится монастырскій садъ. Нижній уступъ составляетъ собою четвероугольную долину, которая съ восточной стороны оканчивается надъ Днѣпромъ крутымъ обрывомъ и на которой расположенъ монастырь. Обставленный

---

[1]) Начиная отъ *Неводницкаго* или Неводничаго потока, Выдубицкому монастырю издревле принадлежалъ весь правый берегъ Днѣпра до самой Лыбеди, отъ устья коей былъ прежде поромный перевозъ черезъ Днѣпръ, принадлежавшій сему же монастырю. Нагорная граница Выдубицкой земли (по ограниченью, сдѣланному 1567 г. отъ князя Острожскаго) шла отъ вершины Неводницкаго потока черезъ озеро Неводницкое, находящееся въ долинѣ сего же имени; отсюда на гору черезъ *борочокъ* (котораго во второй половинѣ прошлаго вѣка уже не было); а потомъ черезъ *Перепеличъ-долину* и *Трипольскій гостинецъ* (дорогу)—до Лыбеди. Горная оконечность надъ лѣвымъ берегомъ Лыбеди называлась горою *Вусовицею*.

такимъ образомъ съ трехъ сторонъ горами, и открытый только къ востоку, сей монастырь представляетъ собою такой мирный и затишный пріютъ жизни, что, кажется, и самимъ костямъ труженика здѣсь покойнѣе лежать, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ; потому и кладбище, находящееся въ этой обители, имѣетъ привлекательность необыкновенную.

Съ этимъ характеромъ Выдубицкой обители согласуется и небогатое обстроеніе оной деревяннымъ жильемъ, и простая досчатая ограда ея. Каменныхъ зданій тамъ четыре: церковь архистратига Михаила, стоящая почти на краю обрыва и относящаяся (по крайней мѣрѣ своимъ основаніемъ) къ 11-му вѣку; церковь Георгія побѣдоносца, находящаяся среди монастыря и построеніемъ своимъ принадлежащая къ концу 17-го вѣка; современная сей церкви небольшая трапеза съ церковью Преображенія Господня; колокольня, находящаяся при въѣздѣ въ монастырь съ нагорной или западной стороны, —рядомъ съ настоятельскимъ домомъ.

Упомянуть должно еще о небольшой деревянной бесѣдкѣ, которая сдѣлана въ лѣвомъ углѣ ограды и своимъ ветхимъ балкономъ, можно сказать, повисла надъ самымъ Днѣпромъ. Бесѣдка эта весьма любима посѣтителями, по прекрасному виду изъ нея на Днѣпръ, па его заливы, пески и луга, и на темный боръ Заднѣпровскій. Этотъ видъ не такъ обширенъ, какъ тотъ, что представляется съ полуденнаго колма; но онъ не менѣе привлекателенъ своею опредѣленною полнотою, которая производитъ въ душѣ отрадно успокоительное сосредоточеніе и наводитъ невольную задумчивость. Здѣсь, при видѣ Днѣпра, черезъ который въ древнее время была переправа противъ самаго монастыря, воспоминаются живо событія, совершавшіяся нѣкогда въ этихъ мѣстахъ. Здѣсь же всего лучше припоминается исторія и самой обители.

Первымъ началомъ Выдубицкаго монастыря полагается небольшая церковь св. архистратига Михаила, поставленная нашимъ первымъ, святымъ митрополитомъ. Такимъ образомъ эта церковь была современна первоначальной церкви Михайловскаго Золотоверхаго монастыря, сходствуя съ нею и самымъ поводомъ къ построенію, т. е. вторичнымъ низверже-

ніемъ въ Днѣпръ кумира, *выдыбавшаго* или выплывавшаго въ семъ мѣстѣ, отчего оно и получило названіе *Выдобычей* или *Выдубичей* [1]). Преданіе о такомъ началѣ монастыря и названіи мѣста многіе принимаютъ за баснословіе. Но мы не считаемъ себя вправѣ отрицать это преданіе, потому только, что оно записано не въ древней лѣтописи, а въ Кіевскомъ Синопсисѣ,—между тѣмъ, какъ въ самомъ преданіи нѣтъ ничего несбыточнаго. Почему-бы напримѣръ деревянный кумиръ Перуна не могъ вынырнуть изъ Днѣпра верстахъ въ пяти отъ Стараго Кіева, если онъ, по преданію,

---

[1]) *Выдубичами* называлось вообще все удолье, въ которомъ находится монастырь; а въ 17-мъ вѣкѣ и Звѣринецкое сельцо надъ монастыремъ, называемое нынѣ Звѣринецкою слободою. Тамъ въ 1587 г. было подданыхъ 8 дымовъ; 1638 г. считалось 10; а 1647 г. было ихъ тамъ уже 42. Вотъ двѣ квитанціи въ полученіи подымнаго: 1) «Федоръ Сущанскій—Просвура писаръ земскій и поборца воеводства Кіевского вѣдомо чиню тымъ моимъ квитомъ, ижъ мнѣ отдалъ двое подимное на сеймѣ валномъ Варшавскомъ въ року теразнѣйшомъ 1638 ухваленое, ясне велебній его милость отецъ Петръ Могила воеводичъ земель Молдавскихъ, архиепископъ митрополита Кіевскій, Галицкій и всея Руси, зъ маетности до монастира светого Михайла Видубицкаго належачихъ, ведлугъ юраменту чрезъ подданые выконаного: въ селѣ Осоркахъ не зостало жадного подданого, тилко самъ атаманъ; а при самомъ монастирѣ димовъ десятъ; въ селѣ Свиноедахъ зъ димовъ пяти; зъ кождого диму по золотому; сумма золотыхъ 16. Зъ чого я его милость квитуючи, даю тотъ мой квитъ за подписомъ руки моей и притисненемъ печати. Писанъ въ Кіевѣ, дня 9-го августа року 1638». 2) «Александеръ Ленкевычъ Иногорскій, подвоеводій и поборца воеводства Кіевского, вѣдомо чиню тимъ моимъ квитомъ, ижъ мни велебній его милость отецъ Ігнатій Оксеновичъ Старушичъ, ігуменъ Видубыцкій, отдалъ подимное двое на сеймѣ шестонеделнимъ Варшавскимъ близко прошлимъ ухваленыхъ, а на сеймику Житомѣрскомъ принятіе, зъ добръ до монастіра Видубыцкого належачихъ: зъ села Видубыча зъ димовъ четиридесятъ двохъ, зъ села Осокорковъ зъ димовъ седмнайцять, зъ села Свиноедовъ зъ димовъ тринайцять; зъ каждого диму по золотому едному, всего сумою золотихъ седмъдесятъ два за рокъ теразнѣйшій 1648. Зъ чого его милость квѣтую. Въ Кіевѣ дня осмнадцатого мѣсяца февруарія року 1647». По реестру пожитковъ монастырскихъ, составленному 1593 г., значится, что въ то время съ этаго «нагорнаго села» приходило монастырю въ годъ: «куницы грошевой зъ городовъ зъ садками, зъ каждого по грошъ 12, зо всѣхъ чинитъ полтори копи и шесть грошей». Подъ реестромъ подписано было: «и се я Калистъ ігуменъ на тотъ часъ Видубицкій, вывѣдавшися о всемъ томъ, списалъ есми на реестръ сесь для вѣдомости о томъ и потомнимъ людемъ по мнѣ тамъ бу[illegible] есми сесь реестръ списаній власною рукою моею до ри[illegible]ской. Року 1594, мѣсяца марта 13-го дня».

записанному Несторомъ, плылъ до самыхъ пороговъ, и уже въ Запорожьи выброшенъ вѣтромъ на пески [1]); и почему поклонники сего кумира, видя его плывущаго Днѣпромъ, не могли взывать къ нему: «выдыбай, нашъ господарю боже, выдыбай!»

Каково-бы впрочемъ ни было происхожденіе Выдубичей и первое начало монастыря, но изъ лѣтописи Несторовой видно, что каменная церковь св. Михаила въ Выдубичахъ заложена была въ 1069 году Всеволодомъ Ярославичемъ и освящена въ 1088 году митрополитомъ Іоанномъ добрымъ, который въ слѣдующемъ году освящалъ великую Печерскую церковь; а изъ того, что монастырь Выдубицкій именовался *Всеволожимъ,* можно заключить, что устроеніе онаго принадлежало сему князю.

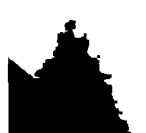
Первое разореніе монастырь сей потерпѣлъ въ 1096 году отъ Половецкаго хана Боняка, который 20-го іюня набѣжалъ на Выдубичи, зажегъ Красный дворъ и монастырь, а потомъ ворвался и въ обитель Печерскую. Кіевская лѣтопись замѣчаетъ, что черезъ 111 лѣтъ отъ созданія каменной церкви въ Выдубичахъ, не было на Кіевскомъ престолѣ ни одного князя, который наслѣдовалъ бы любовь Всеволодову къ сему мѣсту. Несмотря на то, монастырь Всеволодовъ былъ на значительной степени, ибо его игумены поступали прямо на знатнѣйшія епархіи [2]). Изъ числа сихъ игуменовъ, особеннаго воспоминанія заслуживаетъ *Сильвестръ*, бывшій здѣсь по 1119 годъ: послѣ преподобнаго Нестора, онъ едвали не первый изъ нашихъ иноковъ писалъ— «своего ради отечества Русскія земли».

---

[1]) У Нестора сказано: «и проиде сквозѣ пороги, изверже и вѣтръ на рѣнѣ, и оттолѣ прослы *Перуняна рѣнь*, яко же и до сего дне словеть». Слово *рѣнь* изъясняли различно:

Гизель въ Кіевск. Синопс. переводилъ оное *горою*, Карамзинъ—мысомъ и т. д. Но это слово, нынѣ употребительное въ Галицкомъ нарѣчіи Южнорусскаго языка, означаетъ *песокъ*. И такъ названіе *Перуняна рѣнь* всего справедливѣе можетъ быть переводимо — *Перуновы пески*. При этомъ можно вспомнить *рѣнь—пески* Саратовскіе.

[2]) Такъ напр. игуменъ *Сильвестръ* 1-го генваря 1119 г. посвященъ во епископа Переясловскаго; игуменъ *Андріянъ* въ 1190 году поставленъ епископомъ Бѣлгородскимъ.

Въ 1198 году великій князь Рюрикъ Василій украсилъ монастырь Выдубицкій построеніемъ каменной стѣны подъ церковью св. Михаила у Днѣпра. Эта стѣна удивляла современниковъ: «о ней же (говоритъ Кіевская лѣтопись) инови не дерзнуша помыслити отъ древнихъ, али но дѣлу ятися». Заложена она была 10-го іюля, а окончена сентября 24-го, —и въ тотъ же день князь Рюрикъ, имѣя *любовь несытну о зданіяхъ*, пріѣхалъ съ семьею своею въ монастырь, «и постави кутью у св. Михаила, и створи пиръ немалъ». *Художникомъ* стѣны этой былъ Русскій зодчій, тотъ самый тысяцкій Милонѣгъ Петръ, который въ Новѣгородѣ соорудилъ церковь св. Вознесенія. Теперь нѣтъ уже и слѣда этой замѣчательной стѣны: вѣроятно она разрушена еще татарами, которые не жалѣли труда и рукъ, сокрушая и ниспровергая огромнѣйшія твердыни, безъ помощи огня и пороха; подробнымъ повѣствованіемъ объ этой стѣнѣ прекращается Кіевская лѣтопись; и послѣ того, только одинъ разъ уже упоминается Выдубицкій монастырь въ Русскомъ лѣтописаніи, — именно въ 1250 году, при сказаніи о путешествіи Даніила Романовича Галицкаго на поклонъ къ Батыю.

«Пришедъ въ домъ архистратила Михаила, рекомый Выдобичь, и созва калугеры *(т. е. монаховъ)*, да сотворятъ молитву о немъ..... изыде изъ монастыря въ лодьи». Изъ этихъ словъ видно, что обитель Выдубицкая, прежде другихъ монастырей Кіевскихъ начала опять свое бытіе, послѣ рокового нашествія на Кіевъ въ 1240 году. Къ сожалѣнію, и всѣ грамоты древнихъ Русскихъ князей и другія записи Выдубицкаго монастыря, какія были до 16-го вѣка, къ намъ не дошли [1]): они—«сгинули въ тотъ часъ, коли Кіевь и монастиръ тотъ

[1]) Въ привилегіи Жигимонта I-го, 1505 г. 5-го іюня, подтверждающей Выдубицкому монастырю владѣніе Звѣринцемъ, упоминаются привилегіи Владислава и Казиміра, существовавшія еще въ то время; но и онѣ затрачены. Древнѣйшій изъ дошедшихъ къ намъ актовъ Выдубицкаго монастыря есть грамота митрополита Іосифа Салтана, 1504 года, которая напечатана ниже (см. стат. «о Гнилецкомъ монастырѣ»). Къ древнимъ владѣніямъ монастыря Выдубицкаго, кромѣ упомянутыхъ въ 1 и 2 примѣчаніи, принадлежали еще: *Багриново*, на правомъ берегу Днѣпра, за Лыбедью; а на лѣвой сторонѣ Днѣпра, противъ самого монастыря, село *Осокорки* съ богатыми при немъ угодьями для рыбной ловли.

былъ отъ непріятеля крижа светого поколько кратъ збуренъ». Такъ сказано въ привилегіи Жигимонта Августа, данной монастырю сему 1541 г. 5-го марта. Потому о судьбѣ Выдубицкой обители до исхода 16-го вѣка скажемъ только вообще, что хотя она и терпѣла нѣсколько разъ опустошеніе отъ набѣговъ татарскихъ, однако продолжала свое существованіе, владѣя значительными угодьями, еще отъ древнихъ Русскихъ князей данными.

Съ послѣднихъ годовъ 16-го вѣка по 1636 годъ Выдубицкимъ монастыремъ владѣли уніаты, и въ немъ особенно сосредоточена была ихъ власть надъ Кіевомъ; ибо уніатскіе Выдубицкіе игумены большею частію были въ то же время и *Софійскими* или *Кіевскими намѣстниками* уніатскаго митрополита.

Посвященіе Іова Борецкаго въ митрополиты Кіевскіе, въ 1620 году, подало поводъ къ сильнѣйшимъ гоненіямъ на православіе. Папскіе приверженцы видѣли, что съ возобновленіемъ православной митрополіи Кіевской подрывается ихъ недавняя власть въ западной Руси,—и своими дѣйствіями до того ожесточили народъ, что жители Витебска убили уніатскаго епископа Іосафата Кунцевича; а Запорожскіе козаки напали на Выдубицкій монастырь и утопили въ Днѣпрѣ Антонія Грековича, бывшаго здѣсь игуменомъ, а потомъ генеральнымъ намѣстникомъ уніатскаго митрополита Вельямина Рутскаго.

Тяжкая распря, произведенная уніей, длилась очень долго; однако съ 1632 года, когда Владиславъ избранъ въ короли, а Петръ Могила сталъ митрополитомъ, православная митрополія Кіевская начала рѣшительно возвращать свои давнія права. По конституціи 1632 года 1-го ноября, утвержденной королемъ и сеймомъ, митрополиту Вельямину Рутскому предоставлено было въ Кіевѣ только владѣніе Выдубицкимъ монастыремъ да вотчинами Софійскаго монастыря, и то только по его смерть. Онъ скончался 1637 года, назначивъ еще при жизни въ преемники себѣ своего коадьютора Рафаила Корсака. Этотъ новый уніатскій митрополитъ хотѣлъ было удержать за собою вотчины Кіевской митрополіи и Выдубицкій

монастырь; однако Петръ Могила не допустилъ его къ тому, а Запорожскіе козаки преслѣдовали его съ своей стороны, такъ что онъ бѣжалъ 1639 года въ Ригу, гдѣ и скончался.

Такимъ образомъ Выдубицкій монастырь, послѣ сороколѣтняго обладанія уніатами, возвратился наконецъ къ православной митрополіи, но разоренный и опустошенный [1]. Кажется, что во время онаго обладанія произошелъ здѣсь и тотъ обвалъ береговой земли, отъ котораго повредился фундаментъ Михайловской церкви, и алтарная часть ея обрушилась въ Днѣпръ. Преданіе объ этомъ сохранилось въ монастырѣ; а очевидными свидѣтелями сего разрушенія остаются и понынѣ выдавшіеся надъ обрывомъ большіе дикіе камни, изъ которыхъ сложенъ церковный фундаментъ.

Возобновленіе Михайловской церкви [2] и монастыря сего принадлежитъ тому незабвенному іерарху, коего попеченіемъ и другіе древніе храмы Кіевскіе возникли изъ вѣковыхъ развалинъ. Между церковными утварями Выдубицкаго монастыря хранятся и нынѣ: большой серебряный крестъ съ подножіемъ, на которомъ слѣдующая надпись: «въ лѣто 1642, мая 27 дня, сей крестъ сооруженъ бысть повелѣніемъ преосвященнаго Кіевскаго, Петра Могилы, и данный въ монастырь святого архистратига Михаила Выдубицкого Кіевского»; — евангеліе Львовской печати 1636 г. въ малый листъ съ надписью: «сіе евангеліе оковано повелѣніемъ преосвященного

[1] Въ Синопсисѣ, напечатанномъ на польскомъ языкѣ въ Вильнѣ 1632 г., и того же года посвященномъ Владиславу IV-му, сказано, что Выдубицкій монастырь [illegible] владѣніями [illegible] уніатами. Изъ этого однако не должно заключать, чтобы монастырь Выдубицкій въ [illegible] оставался [illegible] уніатамъ; за нѣсколько лѣтъ еще [illegible] возвращенъ въ [illegible], [illegible] приведенъ былъ въ большую бѣдность [illegible] [illegible] усилій. Это особенно видно изъ иска, представленнаго Кіевскому суду [illegible] Григоріемъ [illegible], который въ 158[illegible] году [illegible] по владѣнію Выдубицкимъ монастыремъ [illegible] Захаріи Филипповича.

[2] Къ [illegible] обновленію сей церкви принадлежитъ слѣдующее извѣстіе, написанное на книгѣ «Благовѣстникъ», находящейся въ архивной библіотекѣ: «[illegible] крестъ на верхахъ святого архистратига. Бывъ въ монастыру Выдубицкомъ [illegible] року 1555, при игуменѣ того монастыря Климентію Старушичу. Нинѣ же [illegible] [illegible] рабомъ Божіимъ іеромонахомъ Самуиломъ [illegible], стараніемъ и коштомъ его, року 1683 мѣсяца сентебрія 3-го».

Кіевского, Петра Могилы»;—а на одномъ служебникѣ, хранящемся въ здѣшней библіотекѣ (печатанномъ въ 1629 году) находится слѣдующая собственноручная надпись: «сей служебникъ въ славу и честь Господа Бога въ Тройцѣ святѣй славимаго, и во оставленіе грѣховъ и въ память себѣ и родителемъ своимъ, далъ есть въ храмъ святаго архистратига Михаила чудесе въ монастырь Выдубицкій Кіевскій преосвященный архіепископъ митрополитъ Кіевскій Галицкій и всея Россіи, архимандритъ Печерскій, строитель же, ктиторъ и обновитель того же святого монастыря Выдубицкого, по конечномъ запустѣніи и разрушеніи его отъ отступникъ реченныхъ унитовъ: да никто же убо отъ сего святого храма и монастыря дерзнетъ отьяти, отдалити или соби присвоити его, подъ вѣчною и николиже ни отъ кого же разрѣшимою клятвою и анаѳемою святыхъ и богоносныхъ отецъ и того же архіерея проклятствомъ, въ лѣто 1636 мѣсяца ноеврія 23-го дня. Петръ Могила архіепископъ митрополитъ Кіевскій рукою власною».

Обновляя Выдубицкій монастырь, Петръ Могила предназначалъ его для своего коадьютора, котораго однако не было, а въ послѣдствіи монастырь Выдубицкій сдѣлался неподвластнымъ митрополиту Кіевскому, такъ что царскою грамотою 1688 года митрополиту Гедеону - Святополку [1]) дозволено было только имѣть свои кельи въ Выдубицкомъ монастырѣ для пріѣзда и отдохновенія. Уже въ 1691 году при митрополитѣ Варлаамѣ Ясинскомъ, Выдубицкій монастырь, наравнѣ съ другими, возвращенъ подъ вѣдомство Кіевской митрополіи.

Въ 1696 году полковникъ Стародубскаго полка Михайло Миклашевскій, по набожному усердію, которымъ одушевлялось тогда дворянство и козачество Малороссійское, построилъ своимъ коштомъ въ этомъ монастырѣ каменную церковь во имя *св. Георгія побѣдоносца* и каменную трапезу съ церковью *св. Преображенія Господня.*

---

[1]) Въ завѣщаніи Кіевскаго митрополита Гедеона - Святополка князя Четвертенскаго, 1690 года, на Выдубицкій и другіе монастыри Кіевскіе мужескіе отписано по 200 золотыхъ на сорокоусты *цѣлорочные*, т. е. годовые.

О построеніи новой церкви, въ Выдубицкомъ помянникѣ, на особомъ листѣ, написано слѣдующее извѣстіе: «новая церковь *святаго великомученника Георгія* [1]) основанна бѣ въ Выдубицкомъ монастиру року отъ Рождества Христова 1696 іюня 11-го, а совершися каменнымъ зданіемъ 1701 іюля 15-го, коштомъ благородного Михаила Миклашевского, полковника Стародубовского; а въ самомъ основаніи бяше, благословляя мѣсто, самъ великій архіерей и премудрый митрополитъ праправославный Кіевскій Варлаамъ Ясинскій; ибо самъ святительскими си руками, начиная основаніе, и землю копаше, и мощи четырехъ святыхъ: Михаила епископа Синадскаго, Іоанна Златоустого, великомученика Георгія и великомученицы Варвары, самъ во основаніи во олтарную стѣну положи, и каменемъ привали, и ваппомъ замаза. Тогожъ 1701 року октоврія 9-го и освящена есть тымъ же всесвященнѣйшимъ архипастиромъ, бьяше же сопособствуя во освященіи архимандритъ Печерскій Іоасафъ Кроковскій. И самъ той же Михаилъ христолюбивый ктиторъ со женою своею Анною бѣ при посвященіи, воздая благодареніе Богу за освященное дѣло; сотвори же и учрежденіе въ той день, и всей братіи милостыню даде. А егда освящаху святый престолъ, вложиша въ онь мощи: Василія великого, Григорія Богослова, Іоанна Златоустого, великомученика Георгія, великомученицы Варвары и святого преподобного мученика Никона Сухого Печерского; ихъ же молитвами и заступленми святого архистратига Михаила да помянетъ Господь Богъ ктитора, архіерея и ігумена, на тотъ часъ бывшаго, іеромонаха Варлаама во царствіи си: аминь». Передъ мѣстною иконою св. Георгія находится ковчегъ, устроенный въ видѣ гробницы, съ частицами мощей великомученицы Варвары, Іоанна Дамаскина и другихъ святыхъ и частію крови великомученика Георгія.

Въ трапезной Спаской церкви останавливаетъ на себѣ вниманіе иконостасъ, представляющій родословное древо, среди вѣтвей котораго изображены ветхозавѣтные праотцы Іисуса

---

[1]) Въ подлинникѣ поставлено: «новая церковь святого архистратига Михаила»; но это очевидная описка.

Христа по плоти, въ положеніи возлежащихъ; а по среди нихъ, надъ царскими вратами, пресвятая дѣва съ предвѣчнымъ младенцемъ.

Въ трапезѣ на стѣнѣ уцѣлѣлъ еще лѣпной гербъ Миклашевскаго; а въ залѣ настоятельскаго дома хранится большой старинный портретъ сего козацкаго полковника, извѣстнаго въ исторіи своими храбрыми подвигами и нелюбовью къ нему гетмана Мазепы [1].

Новый храмовой праздникъ въ Выдубичахъ былъ поводомъ къ народному гулянью, которое и теперь собирается

---

[1] О томъ, какъ поступалъ Мазепа съ Миклашевскимъ, см. въ исторіи Кониского; а здѣсь, по поводу имени его, предлагаемъ нѣсколько постороннихъ замѣчаній. Въ Выдубицкомъ помянникѣ, въ началѣ *поминанія иноковъ* написанъ «родъ честнои инокинѣ Магдалины............ игуменія монастыря паненского Печерского». Фамильное имя сей игуменіи и схимницы Маріи Магдалины затерто чернилами; но оно видно изъ слѣдующаго письма ея. «Року 1701, марта 17-го дня. Извѣстно творю, ижъ будучи игуменіею монастира Печерского дѣвического, умыслила и взяла намѣреніе, абы построена была церковь мурованая въ предреченной той святой обители Вознесенія Христова на небеса; до которагo святобливого дѣла просиламъ ихъ милости отцевъ монастира Видубицкого, абы позволили на грунтѣ своемъ на Либеди цеглнѣ ставити на уготоване цеглы; речь слушную уважывши, его милость отецъ Варлаамъ Страховскій, игуменъ монастира Видубицкого зъ отцами и братіею и свои цеглнѣ готовіе для поспѣху позволили; тіе цегельнѣ по зготованью матеріи на церковъ вышъреченную повинны будемъ благодарнѣ монастиревѣ Видубицкому отдати и отци тоей святой обители яко своимъ власнымъ кгрунтомъ владѣти маютъ. Извѣстно, ижъ ради певности, на семъ писаніи при печати монастирской руку подписаламъ. Дѣялося въ монастиру Печерскомъ дѣвическомъ Вознесенія Христова; року, мисеца и дня вышей написанного. Марія Магдалена Мазепиная, игуменія Печерская Дѣвического и Глуховского». Отсюда видно, почему фамильное имя сей игуменіи затерто въ помянникѣ: это была мать гетмана Мазепы. Можетъ быть ей же принадлежитъ собственноручная подпись: «Марина Мазепина, подчашина Черниговска»—вписанная около 1666 года въ каталогъ Луцкаго братства. Въ такомъ разѣ опредѣлилось бы, что гетмановъ отецъ Степанъ Мазепа былъ подчашимъ Черниговскимъ. Нѣкоторые думаютъ, что преданное анаѳемѣ имя преступнаго гетмана обратилось въ бранное слово; но это напрасно: нарицательное имя *Мазепа* (отъ слова *мазать*) употреблялось гораздо прежде, какъ бранчивое слово, соотвѣтствующее Великорускому слову *харя* или *рожа*, и едва ли не занятое изъ языка польскаго. Печатное доказательство тому находится въ изданной 1644 г. въ Кіевѣ на польскомъ языкѣ книгѣ Литосъ, написанной весьма умно и рѣзко въ обличеніе Кассіана Саковича, который перешелъ въ унію, а потомъ сдѣлался католикомъ. Тамъ, на стран. 124, сей отступникъ отъ православія названъ *«объеретичалымъ мазепою»*.

здѣсь ежегодно въ Егорьевъ день. Но гулянья Кіевскія вообще не имѣютъ уже ни народнаго характера, ни даже простаго веселья народнаго. Тѣмъ менѣе стоитъ вниманія гулянье Выдубицкое въ Егорьевъ день: оно только смущаетъ собою мирное уединеніе монастыря, особливо въ часъ вечерней молитвы. Тогда и Всеволодовъ холмъ, покрытый разнобоярщиною Кіевскаго народа и оглашаемый звуками нѣмецкихъ шармановъ, невольно напоминаетъ собою лысую гору. Одно только гулянье прилично мѣсту сей обители и имѣетъ здѣсь смыслъ народный: это поминаніе своихъ родичей на ихъ могилахъ, бывающее послѣ свѣтлой недѣли.

Кромѣ упомянутыхъ нами трехъ церквей, въ Выдубицкомъ монастырѣ есть еще *церковь св. Благовѣщенія* въ верхнемъ ярусѣ надъ церковью Михайловскою. Она возобновлена 1766 года, по благословительной грамотѣ митрополита Арсенія Могилянскаго, въ коей названа она *старинною* церковью. Вѣроятно въ это время перенесенъ въ нее иконостасъ изъ церкви преподобнаго Даніила, которая находилась во второмъ ярусѣ Выдубицкой колокольни, гдѣ нынѣ лежитъ монастырскій архивъ; въ Благовѣщенской же церкви помѣщаются ризница и библіотека монастырская.

Изъ остальной исторіи Выдубицкаго монастыря замѣчательнѣе другихъ слѣдующія два событія: въ памятный для русскихъ монастырей 1786 годъ, указомъ 10-го апрѣля, Выдубицкій монастырь положенъ въ третьемъ классѣ и опредѣлено ему быть больницею для прочихъ монастырей Кіевскихъ; а 18-го декабря 1797 года положено, чтобы Выдубицкими настоятелями были архимандриты. Въ слѣдствіе того, сей монастырь и нынѣ принадлежитъ къ числу третьекласныхъ и управляется архимандритами; но больничное его назначеніе давно уже прекратилось.

СКАЗАНІЕ О МЕЖИГОРСКОМЪ МОНАСТЫРѢ [1]).

Кто не слыхалъ о Межигорскомъ монастырѣ, бывшемъ въ такой славѣ и любви у народа Малороссійскаго? «Посмотри — говоритъ Петръ Могила — тамъ болѣе полутораста иноковъ живетъ въ общинѣ, трудами рукъ своихъ, по примѣру великаго Антонія пустынножителя».

И вотъ я въ Межигорьи... но не въ монастырѣ, а на фаянсовой фабрикѣ, и, глядя на ея работы, вспоминаю слова пророка: «и снидохъ въ домъ скудельничь, и сей творяше дѣло на каменехъ, и разбися сосудъ, его же той творяше отъ глины руками своими; и паки той сотвори изъ него другій сосудъ, яко же угодно во очію его творити» (*Iеремiи* XVIII. 3, 4).

Еще весною 1787 года прекратилась Межигорская обитель отъ пожара, ускорившаго ея конецъ, за годъ передъ тѣмъ назначенный. Но не смотря и на другой пожаръ, истребившій въ 1810 году фаянсовую фабрику, заведенную тутъ вмѣсто монастыря, запустѣніе какъ-бы и не касалось этого прекраснаго надднѣпровскаго удолья. Величавый Преображенскій храмъ, воздвигнутый предпослѣднимъ Всероссійскимъ патріархомъ Іоакимомъ, и Петропавловская церковь, поставленная послѣднимъ кошевымъ атаманомъ Запорожской сѣчи, Петромъ Кальнишевскимъ, красуются и теперь, какъ-бы только-что построенные для Межигорской братіи, на умноженіе хвалы Божіей. На востокъ отъ нихъ, на Пекарницкой горѣ, раскрыта вновь давняя Межигорская пещера съ бывшею въ ней подземною церковью во имя св. Онуфрія. Въ

---

[1]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1865 №: 6—7.

другой сторонѣ отъ нихъ — бьетъ по-прежнему подгорный свѣтловодный ключь, называемый *Звонками.* И зеленѣютъ по горамъ, еще въ полной силѣ, огромные многовѣковые дубы [1]... Безотвѣтные они свидѣтели долгой жизни монастыря; но подъ ихъ сѣнью, подъ шумомъ ихъ листьевъ, живѣе воображается почти забытая старина этого достопамятнаго мѣста.

(1857 г. въ Кіевѣ).

Глава первая.

Въ древнее время, до нашествія татарскаго, былъ монастырь *Спаса Бѣлаго* надъ Днѣпромъ, между Вышгородомъ и Межигорьемъ. Начало его отнесено мѣстнымъ преданіемъ ко временамъ Владиміровымъ, такъ же какъ и начало монастырей Михайловскаго-Золотоверхаго и Михайловскаго-Выдубицкаго. Основателями Спасскаго монастыря за Вышгородомъ полагаются Греческіе монахи, пришедшіе съ первымъ Кіевскимъ митрополитомъ св. Михаиломъ, 988 года. Древнему лѣтописанью нашему не пришлось ни разу помянуть объ этомъ монастырѣ, какъ и о нѣкоторыхъ другихъ, бывшихъ тогда въ предѣлахъ Южнорусскихъ. Изъ Кіевской лѣтописи подъ 1161 годомъ видна за Вышгородомъ только наддѣпровская *божница.* Къ этому же 1161 году давніе Межигорцы относили построеніе своего древняго монастыря княземъ Андреемъ Боголюбскимъ, котораго поминали они какъ *создателя* или *ктитора* ихъ монастыря [2]).

---

[1]) Въ Описаніяхъ Кіева упоминаются Межигорскіе дубы, называемые *Владиміровыми.* Тѣ два знаменитые дуба уже свалились, во время Севастопольской осады, и пошли на топливо.

[2]) Такъ означено въ Межигорскомъ Синодикѣ, списанномъ 1625 года, повелѣніемъ игумена Коментарія (см. на 199 листѣ). Кіевляне прошлаго столѣтія построеніе каменной церкви княземъ Андреемъ, вмѣсто прежней деревянной, относили къ 1164 году. Такъ въ «Краткомъ Описаніи Кіево-Печерской Лавры», которое издавалось съ 1791 года (составлено митрополитомъ Самуиломъ Миславскимъ), и въ «Кіевскомъ Мѣсяцословѣ на лѣто 1799», изданномъ Иринеемъ Фальковскимъ.

Отношеніе Андрея Боголюбскаго къ Вышгороду извѣстно: въ 1155 году былъ онъ посаженъ здѣсь на княженіе отцомъ своимъ, Юріемъ Владиміровичемъ; но поспѣшилъ того же года уйти въ свой родимый и любимый Суздаль. Туда взялъ онъ изъ Вышгорода древнюю икону Богоматери, названную тамъ *Владимірскою.* И вотъ онъ возблагодарилъ за сію святыню покинутый имъ градъ Ольгинъ—построеніемъ возлѣ него каменной монастырской церкви *Спаса Бѣлаго.* Такъ назывался этотъ монастырь, конечно, въ отличіе отъ *Спаса на Берестовѣ,* находившагося по другую сторону Кіева, возлѣ Печерской лавры, при каменной церкви, поставленной еще св. Владиміромъ. Тотъ монастырь существовалъ со второй половины 11-го вѣка и не одинъ разъ поминается въ древнемъ лѣтописаньи [1]).

Въ нашествіе Батыя на Кіевъ разрушены были татарами и Борисоглѣбская церковь въ Вышгородѣ, и монастырь Спаса Бѣлаго. Отъ Вышегородской церкви, сооруженной 1115 года Владиміромъ Мономахомъ и Святославичами, уцѣлѣло каменное основаніе, на которомъ столько разъ уже возобновлялась она деревяннымъ строеніемъ, и не одинъ разъ собирался

Весьма можно положить, что 1161 годъ относится къ заложенію той церкви, а 1164 къ ея совершенію и освященію.

Что касается до преданія о началѣ монастыря при св. Владимірѣ, то оно извѣстно изъ записки объ этомъ монастырѣ, составленной во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Если историки приняли таковое преданіе, довольствуясь этою запискою; то они должны принять и преданіе о началѣ Выдубицкаго монастыря—на основаніи равносильномъ, на запискѣ, составленной въ этомъ монастырѣ, тоже въ прошломъ столѣтіи. Кромѣ того, еще въ третьемъ изданіи Кіевскаго Синопсиса (1680 года). въ той главѣ, гдѣ идетъ рѣчь о церквахъ, поставленныхъ вслѣдъ за крещеніемъ Руси св. Владиміромъ, включено преданіе старыхъ людей, между прочимъ и о построеніи Михайловской церкви въ Выдубичахъ—въ митрополитство Михаила.

[1]) Изъ игуменовъ Спасо-Берестовскаго монастыря извѣстны по лѣтописямъ четыре: Германъ (1072 г.), Савва (1115 г.), Лука (1185 г.), Петръ Акеровичъ (1230 г.).

Напрасно два первые игумены присвоены Спасскому Межигорскому монастырю—въ «Историческомъ свѣдѣніи» объ этомъ монастырѣ, которое издано въ Кіевѣ 1830 года, тогдашнимъ Межигорскимъ священникомъ Симеономъ Лободовскимъ. Тамъ означено еще пять игуменовъ: Антоній, упоминаемый 1499 года, и прочіе. Не знаю, гдѣ упоминается Антоній: не одно-ли это лицо съ Автономомъ?

при ней въ давніе годы монастырь Вышегородскій. Но отъ Спаса Бѣлаго осталось только нагорное урочище съ именемъ *Спащины*. Монахи этого монастыря, при грозѣ Батыевой, укрылись въ сосѣднихъ лѣсахъ Межигорья и въ пещерѣ, тамъ ископанной.

Въ тѣ поры Кіевскій князь Михаилъ Всеволодовичъ, воротясь изъ своего скитанія по чужимъ землямъ, жилъ «подъ Кіевомъ—во островѣ»; а въ 1245 году 20-го сентября принялъ въ Ордѣ вѣнецъ мученика. У Межигорцевъ онъ поминался тоже въ числѣ *ктиторовъ* ихъ монастыря [1]). По преданію, онъ построилъ для здѣшвей братіи деревянную церковь во имя св. *Николая*, при которой и оставался нѣкоторое время монастырь, названный по его новому мѣсту—*Межигорскимъ*. Участіе князя Михаила въ здѣшней обители наводитъ на мысль, что онъ жилъ тогда на томъ *островѣ*, возлѣ Вышгорода, на которомъ 1146 года провелъ свои послѣдніе дни заболѣвшій великій князь Всеволодъ Ольговичъ, и на которомъ былъ, какъ видно, загородный дворъ княжескій.

Спустя восемьдесятъ лѣтъ послѣ нашествія Батыя на Кіевъ, вся приднѣпровская украина или земля Кіево-Переяславская перешла изъ-подъ власти татарской во власть литовскую, присоединенная Гедиминомъ къ его великому княжеству. Тогда начался новый рядъ удѣльныхъ князей Кіевскихъ, продолжавшійся полтораста лѣтъ, до кончины князя Симеона Александровича или Олельковича. Съ этимъ благочестивымъ правнукомъ Ольгерда Гедиминовича окончилось Кіевское *княжество:* въ 1471 году оно обращено было въ *воеводство*—Ольгердовымъ внукомъ Казиміромъ Ягелловичемъ, великимъ княземъ литовскимъ. Что касается до Кіевской митрополіи, которая въ послѣ-татарское время перешла въ Москву, то еще въ 1415 году она возстановилась отдѣльною митрополіею отъ Московской, для всей западной Руси, по настоянію великаго князя Витовта.

Тогдашнее бытіе Межигорскаго монастыря, какъ и многихъ другихъ, продолжалось незамѣтно для исторіи. По от-

---

[1]) Въ вышепомянутомъ Синодикѣ 1625 года, хранящемся въ библіотекѣ Кіево-Софійской, князь Михаилъ—названъ Монахомъ.

рывочнымъ извѣстіямъ мы знаемъ только, что онъ существовалъ и въ тѣ времена, заложенный попрежнему во имя св. *Спаса*, и что при главномъ его храмѣ были придѣлы св. *Николая* и св. апостолъ *Петра* и *Павла*. Отъ князей Кіевскихъ былъ надѣленъ этотъ монастырь прилежащею къ нему землею на правомъ берегу Днѣпра и соотвѣтственнымъ ей лѣвымъ берегомъ съ рыболовными озерами: Божатинымъ, Заподьемъ и другими [1]). Назначена была ему и медовая дань съ Вышгорода, Петровецъ, Козаровичъ и другихъ вотчинъ.

Татарскія нападенія на Кіевъ, бывшія въ княженіе Витовта, отъ Тамерлана и Эдигея, конечно, не обходились безъ ущерба и Межигорью. Но самый тяжкій и опустошительный для Кіева былъ набѣгъ Крымскаго хана Менгли-Гирея, осенью 1482 года. Тогда и Межигорскій Спасскій монастырь постигло совершенное разореніе.

Менглигиреевы татаре долго не переставали рискать въ окружности Кіева, не давая оправиться здѣшней сторонѣ, и Межигорье оставалось въ запустѣніи. Но монастырь не прекращался: онъ продолжалъ бытіе свое въ сосѣднемъ селѣ Петровцахъ, при церкви «святого Николы Межигорского»; а сельская церковь была тамъ во имя св. Спаса. Изъ тогдашнихъ игуменовъ извѣстны только по имени: *Нифонтій* (въ позднѣйшихъ писаніяхъ *Вонифонтій*), *Автономъ* и *Сильвестръ*; а изъ благотворителей монастыря извѣстенъ одинъ—Слуцкій князь Юрій Семеновичъ, отъ котораго было здѣсь напрестольное евангеліе, данное въ генварѣ 1500 года.

Къ возобновленію Межигорья приступлено было не ранѣе, какъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ набѣга Менглигиреева, когда Кіеву стало защитнѣе отъ татаръ, при усилившемся козачествѣ Черкасскомъ, котораго подвижникомъ тогда былъ Черкасскій и Каневскій староста, Евстаѳій Дашковичъ. По грамотѣ Жигимонта Казиміровича, данной 1523 г. 12-го марта, на имя Кіевскаго воеводы Андрея Немировича, предоставлено было Кіевскому іеромонаху *Мисаилу Щербинѣ* право на за-

---

[1]) Изъ грамоты 1523 года, напечатанной въ Актахъ Зап. Рос. Т. II. № 121.

пустѣлый Межигорскій монастырь св. Спаса, съ землями и со всѣмъ, какъ было въ немъ издавна. «А къ тому (сказано въ грамотѣ) игуменъ того монастыря Межигорского отъ своего збожья, которое себѣ на живность отколькольвекъ будетъ провадити, мыта не маетъ городового, ани обѣстки давати; которого-жъ монастыря ты, пане воевода, ани митрополитъ, а нихто съ подданныхъ нашихъ не маетъ подавати, а ничимъ ся въ него не вступовати: бо мы беремъ то на насъ господаря. А какъ онъ (Мисайло) тотъ монастырь справить и общину установить, ино маютъ братія того монастыря, по его смерти, игумена межи собою обираючи, установливати и за насъ Бога просити». Грамоту сію правилъ достопамятный князь Константинъ Ивановичъ Острожскій. Но не смотря на принятіе Межигорья подъ непосредственную власть господарскую, оно возобновлялось медленно. Чтобы видѣть тогдашнее убожество монастыря, взгляните на небольшое, писанпое въ четвертку, евангеліе, положенное сюда въ 1546 году Андреемъ Полозомъ (фамилія извѣстная въ числѣ Кіевскихъ пановъ и землянъ того вѣка). Это евангеліе—старѣйшій изъ дошедшихъ до нашего времени Межигорскихъ вкладовъ, сохранившійся въ библіотекѣ Кіево-Софійской. По листамъ его читается слѣдующая надпись: «въ лѣто 7054 марта 8-го дня индикта 4 положилъ есми сіе святое евангеліе *въ манастырь* Межигорскій на престоле святого Миколы, рабъ Божій Андрей Полозъ: хто бы мелъ сіе евангеліе съ монастыря святого взяти, тотъ розсудится на томъ свете».

Въ этомъ-же евангеліи есть замѣтка тогдашняго игумена *Адріана* о медовой дани съ разныхъ вотчинъ, списанная изъ прежняго изветшалаго евангелія, о которомъ упомянуто выше [1]). Есть и другая приписка, изъ которой мы узнаемъ, что совершеніе Межигорскаго храма св. *Спаса*, съ храмами св. *Николая* и св. апостолъ *Петра* и *Павла*,—сталось 1555 года, и что Межигорскимъ игуменомъ тогда былъ *Онуфрій*.

И такъ Межигорье, опустѣлое еще при Казимірѣ Ягелловичѣ, возобновилось при его внукѣ Жигимонтѣ-Августѣ,

[1]) Въ этой припискѣ Юрій названъ великимъ княземъ Слуцкимъ. Титулъ великаго князя присвояли себѣ многіе удѣльные князья въ тѣ вѣка.

правленіе котораго памятно для Кіевской земли соединеніемъ ея и прочихъ земель великаго княжества Литовскаго съ королевствомъ польскимъ въ одно государство, 1569 года. Этотъ господарь сперва отдалъ Межигорье въ вѣдомство Кіевскаго замка, подъ начальство тогдашняго Кіевскаго воеводы, князя Константина Константиновича Острожскаго; а въ 1571 году пожаловалъ Межигорскій монастырь, вмѣстѣ съ землею Вышегородскою, въ пожизненное держанье Евтиху Высоцкому, писарю коронной канцеляріи по Русскимъ дѣламъ [1]). Такимъ образомъ воеводское вмѣшательство въ Кіевскіе монастыри, которому противодѣйствовали Александръ и Жигимонтъ Казиміровичи—въ свою господарскую пользу (состоявшую не въ одномъ богомольи за нихъ, но и въ денежномъ приношеніи отъ новоизбранныхъ архимандритовъ и игуменовъ), возобновилось опять, и отдача монастырей, въ пользу свѣтскихъ лицъ разнаго званія, стала не рѣдкою. Впрочемъ кормленье коронного писаря Высоцкаго общиннымъ достояніемъ Межигорскаго монастыря продолжалось только пять лѣтъ. Новоизбранный король Стефанъ Баторій, въ первый же годъ правленія своего, т. е. въ 1576 году, возвратилъ Межигорскому монастырю всѣ прежнія права и владѣнія. Но не такъ легко было возвратить на дѣлѣ то, что возвращалось въ королевскихъ грамотахъ, при томъ гражданскомъ настроеніи, какое настало и на Руси Кіевской, когда она стала частію государства польскаго. Межигорскій игуменъ Онуфрій, встрѣчая непрестанныя обиды отъ Кіевскаго воеводскаго намѣстника, князя Евстаѳья Ружинскаго, и отъ другихъ лицъ, приносилъ жалобы воеводѣ князю Острожскому, и вслѣдствіе того Баторій, въ 1580 году, повелѣлъ Кіевскому ротмистру Касперу Стужинскому охранять Межигорье отъ всякаго насилія; но насилія не прекращались.

Новый игуменъ и строитель Межигорскаго монастыря (въ Петровцахъ), *Іосифъ Бобриковичъ Копоть*, принялся за свое дѣло съ новымъ усердіемъ. Въ 1585 году онъ выпросилъ было у Смоленскаго воеводы, Филона Семеновича Кмиты, воз-

---

[1]) См. грамоту 1571 г. въ Актахъ Зап. Рос. т. III, № 53.

вращеніе Межигорью давняго права на островъ Спащину. Но онъ такъ уже горячо вступался за монастырскія права и владѣнія, что сталъ въ разладъ со всѣми, отъ воеводскаго намѣстника, князя Матвѣя Воронецкаго, до монастырскихъ подданыхъ Петровчанъ, и не разъ терпѣлъ даже побои. Это случилось ему и съ козаками, у которыхъ съ 1576 года былъ на Днѣпрѣ свой городъ Терехтемировъ и свой Терехтемировскій монастырь, по жалованной имъ на то грамотѣ Баторіевой. Въ 1592 году козаки, съ своимъ гетманомъ Христофоромъ Косинскимъ, возставали противъ князей Острожскихъ и другихъ Волынскихъ пановъ за землю Кіевскую и овладѣли было Кіевскимъ замкомъ. Воспользовавшись военными снарядами, они обратились и къ владѣніямъ замковымъ. Тогда они, съ своимъ войсковымъ писаремъ Иваномъ Гренковичемъ, напали и на Межигорье и, въ жаркомъ спорѣ съ игуменомъ, избили его, изорвали и Баторіеву пергаментную грамоту, данную 1580 года на охраненіе монастыря. Черезъ годъ послѣ этого проишествія, Бобриковичъ перемѣстился въ Вильну, гдѣ былъ впослѣдствіи игуменомъ и ректоромъ Святодуховскаго братскаго монастыря, а въ 1633 году, при коронаціи Владислава, избранъ и утвержденъ въ епископы Мстиславскіе.

Вскорѣ по отбытіи его изъ Межигорья настала печальная година великаго ущерба для православной митрополіи Кіевской, оставшейся на цѣлую четверть вѣка безъ православнаго митрополита, а на нѣсколько лѣтъ и безъ своихъ епископовъ. Виною тому была бѣдственная для западной Руси и для всего польскаго королевства церковная *унія*, провозглашенная 1596 года на Брестскомъ соборѣ и запечатлѣнная тамъ взаимными проклятіями—*унитовъ*, передавшихся Римскому костелу, и *неунитовъ*, [illegible] вѣрными своему древнему православію восточно[illegible] послѣднихъ былъ князь К. К. Острожскій, [illegible]скій, подавшійся на гражданскую [illegible]омъ бывшій великимъ ревнител[illegible] Южнорусскаго и про[illegible] такъ насильно и не[illegible]омъ III-мъ, подъ руко-

Въ тѣ поры и Межигорье подверглось новому запустѣнію, при игуменѣ *Іосифѣ Герасимовичѣ*, бывшемъ тутъ съ 1595 года. Святопамятный князь Острожскій присылалъ въ 1598 году напоминательный листъ своему воеводскому намѣстнику Мышкѣ-Холоневскому о чиненіи справедливости игумену Іосифу отъ подданыхъ Кіевскаго замка; а къ слѣдующему году онъ назначилъ въ Межигорье новаго игумена, старца *Аѳанасія*. Съ его пришествіемъ начинается новая, лучшая жизнь Межигорья, по которой оно и достопамятно въ бытописаньи.

Глава вторая.

Игуменъ Аѳанасій родомъ былъ изъ Москвы. Еще отрокомъ приведенный въ Южнорусскую землю, вмѣстѣ съ другими плѣнниками, онъ воспитался при князѣ Острожскомъ; постриженіе въ иноки принялъ отъ схимника Варсонофія; а на игуменство Межигорское прибылъ въ Кіевъ 25-го января 1599 года, съ двумя иноками, Флавіаномъ и Коментаріемъ. И стало собираться къ нему множество братіи, «яко къ нѣкоему цвѣтнику пчельный рой», по выраженію современика; и Межигорская обитель, прожившая шесть вѣковъ бытіемъ малымъ и прерывистымъ, процвѣла быстро; и вскорѣ стала она для Кіевской Руси второю лаврою, какъ обитель преподобнаго Сергія для Руси Московской.

Аѳанасій пришелъ на игуменство Межигорское, какъ уже сказано, по назначенію князя Острожскаго, отъ котораго даны были ему утвердительные листы (1599 и 1600 г.). Когда же въ 1608 году скончался святопамятный воевода Кіевскій, тогда Аѳанасій испросилъ королевскую грамоту, данную ему 1609 года на пожизненное игуменство и на возстановленіе Межигорскаго монастыря; а вслѣдъ за тѣмъ онъ позаботился и объ утвержденіи здѣсь *ставропигіи,* на которую и получена была въ 1610 году грамота Матѳея архіепископа Мирликійскаго, экзарха патріаршаго престола Константинопольскаго. Въ ту пору были уже построены въ Межигорьи двѣ новыя

церкви: Петропавловская на вратахъ и Никольская съ трапезою; а въ 1611 году окончена была и соборная церковь во имя св. Спаса. Тогда призванъ былъ въ Межигорье болгарскій Софійскій архіепископъ Неофитъ, который освятилъ новыя церкви и весь монастырь 21-го апрѣля 1612 года. Возобновитель Межигорья въ ту пору занемогъ; призвалъ духовнаго отца своего, схимника Варсонофія и принялъ отъ него схиму съ именемъ *Агаѳона;* а 7-го мая, въ среду преполовенія, скончался. Погребенъ 9-го мая въ притворѣ Спасской церкви, на правой сторонѣ. Вотъ все, что мы знаемъ достовѣрнаго о подвигѣ и жизни блаженнаго Аѳанасія [1]).

«Лѣтописецъ о первомъ зачатіи и созданіи Густынскаго монастыря» представляетъ Аѳанасія *первоначальникомъ* Межигорскія святыя обители, говоритъ о пришествіи его съ Аѳона, повѣтствуетъ объ устроеніи монастыря Межигорскаго такъ, какъ бы совсѣмъ не было его до 1600 года; но во всемъ этомъ мы видимъ только примѣненіе лѣтописца къ Несторову сказанію о началѣ монастыря Печерскаго. Въ старой памяти, по которой писано начало этого лѣтописца, перемѣшались разныя событія и самое лѣтосчисленіе, такъ что и пріѣздъ патріарха Ѳеофана въ Кіевъ 1620 года и все его здѣсь пребываніе представлено съ подробностями, которыя не сходны съ другими свидѣтельствами современными и болѣе вѣрными.

Преемникомъ блаженнаго Аѳанасія Межигорскаго былъ іеромонахъ *Гедеонъ*, родомъ изъ Галича. Королевскую грамоту на *дожизотное* или пожизненное себѣ игуменство въ Межигорьи получилъ онъ въ 1613 году. Того же года онъ устроилъ Межигорское подворье на Кіево-подолѣ, возлѣ церкви Воскресенской. Къ слѣдующему году относится происшествіе, которое записалъ въ своей книгѣ Петръ Могила, по разсказу митрополита Іова Борецкаго и другихъ. Кіевскій земскій писарь Василій Вороничъ отнялъ было у Межигорцевъ рыболовное озеро Косоръ, похваляясь на нихъ строгими угрозами.

---

[1]) Изъ синодика Межигорскаго, списаннаго въ 1625 года, повелѣніемъ игумена Коментарія, и изъ современныхъ актовъ.

Во избавленіе отъ новаго врага, игуменъ Гедеонъ назначилъ для всей братіи постъ и моленіе въ соборной церкви, съ поклонами утромъ, въ полдень и вечеромъ. Тогда сильно заболѣвшій Вороничъ прислалъ звать къ себѣ игумена съ братіей, исповѣдалъ передъ ними свой грѣхъ, возвратилъ озеро, отдавъ имъ и сѣти и пищу, привезенныя для его рыболововъ. (Вскорѣ послѣ того Кіевскіе паны Вороничи основали сами монастырь надъ Днѣпромъ, возлѣ принадлежавшаго имъ городка Ржищева).

Въ 1617 году Межигорье получило подтвердительную грамоту на ставропигію отъ Іоасафа архіепископа Манемвасійскаго, экзарха всего Пелопонеса. А въ великій постъ 1620 года прибылъ въ Кіевъ, возвращавшійся изъ Москвы, іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ. Достопамятно въ нашей исторіи тогдашнее пребываніе его въ Кіевѣ, особенно возстановленіемъ православной Кіевской митрополіи, которое совершилъ онъ въ томъ году по всеобщему желанію здѣшняго народа и по особенному настоянію козацкаго гетмана, Петра Конашевича Сагайдачнаго, воспитавшагося въ училищѣ Острожскомъ и явившагося подъ конецъ жизни своей великимъ ревнителемъ православія и просвѣщенія Южнорусскаго. Имена патріарха Ѳеофана и гетмана Петра неразлучны и въ благодарной памяти Кіевскаго Богоявленскаго братства, въ которомъ донынѣ хранятся два креста, отъ нихъ данные.

Весною того года патріархъ посѣщалъ Межигорье, и своею грамотою подтвердилъ вновь ставропигію здѣшнему монастырю. Въ бесѣдѣ съ братіей, онъ раскaзывалъ объ огнѣ, сходящемъ на гробъ Господній передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ; и Межигорцы передали патріаршій разсказъ въ общее свѣдѣніе, окружнымъ писаніемъ.

По сказанію лѣтописца Густынскаго, игуменомъ Межигорскимъ былъ въ это время Исаія Копинскій, котораго за нѣсколько лѣтъ упросила къ себѣ здѣшняя братія, на мѣсто сверженнаго ею съ игуменства Гедеона—«не вомѣстимъ бо бысть братіи»; когда же Исаія, посвященный Ѳеофаномъ въ епископы, воротился въ Кіевъ, послѣ проводовъ отсюда патріарха до границы Волошской, тогда былъ уже принятъ бра-

тіей на игуменство прежній Гедеонъ, а Исаіи отказано на томъ основаніи, что епископъ у нихъ игуменомъ быть не можетъ. Было, конечно, участіе Исаіи Копинскаго и въ управленіи Межигорьемъ; но едва ли со всѣми тѣми подробностями, какія означены въ лѣтописцѣ. Нигдѣ въ монастырскихъ Межигорскихъ записяхъ не встрѣтили мы доселѣ и намека о здѣшнемъ игуменствѣ Исаіи; а королевская грамота Гедеону на игуменство пожизненное должна же была имѣть свою силу для здѣшней братіи. Какъ бы ни было, впрочемъ, но мы видимъ Гедеона опять на своемъ мѣстѣ, на Межигорскомъ игуменствѣ, на которомъ и скончался онъ 16-го сентября 1623 года. Погребенъ 18-го сентября въ Спасской церкви, возлѣ предшественника своего Аѳанасія, по примѣру котораго принялъ схиму съ именемъ *Герасима*.

Того же 1623 года выбранъ былъ въ игумены іеромонахъ *Коментарій*, пришедшій въ Кіевъ вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ и съ нимъ подвизавшійся надъ возобновленіемъ обители Межигорской. Въ какой народной славѣ уже была она при семъ настоятелѣ, то можно видѣть изъ «духовныхъ бесѣдъ Макарія Египетскаго», изданныхъ въ 1627 году Виленскимъ братствомъ.

Въ посвященіи этой книги Межигорскому игумену *Коментарію*, сказано: «не утаивается прето честное житіе ваше, на версѣ подвиговъ стоячи, хочъ вы то съ Анастасіемъ священникомъ бачне укрывати умѣете; не утаится заистѣ. Многіи бо вѣмъ, слышали о немъ, зъ далекихъ краевъ, одъ Іерусалима и святой Синайской горы, для навѣженья и подражанія житія вашего, приходятъ и зъ вами обитовати зезволяютъ.... Найдешь у васъ штодень коваля съ молотомъ, теслю зъ сокѣрою, и иншихъ мастеровъ зъ розныхъ далекихъ мѣстъ, съ룸 litt розным начиньемъ, мовячихъ съ покорою: отче, роскажи што робити, обѣцалихмося за спасеніе души попрацовати тому святому мѣсцу»!

Игуменъ Коментарій скончался въ началѣ 1630 года, принявъ схиму съ именемъ *Кирилла*.

Съ весны того года пробудилась опять польско-козацкая война, начатая еще запорожскимъ гетманомъ Севериномъ

Наливайкомъ, по поводу церковной уніи. Тутъ противъ коронного гетмана Конецпольскаго, томителя православной Кіевской Руси, возсталъ Запорожскій гетманъ Тарасъ, и между тѣмъ, какъ онъ нанесъ полякамъ сильное пораженіе подъ Переясловомъ, наемные нѣмцы, остававшіеся безъ мѣста въ своей 30 лѣтней войнѣ, промышляли вокругъ Кіева. Послѣ извѣстной, неудавшейся имъ, осады Печерской лавры, они ограбили Пустынно-Никольскій монастырь и потомъ обратились на другую сторону Кіева. Лѣтописецъ Львовскій, повѣствуя объ этомъ происшествіи, говоритъ такъ: «на третій день тыи-жъ нѣмци Іорданскій подъ Кіевомъ монастырь пошарпали и до Межигорскаго монастыря хтѣли штурмовати, лечъ ся чернци постерегли и забѣжали тому. Щожъ, розумѣете, въ якомъ мы страху были, же южъ въ *козацкомъ монастыру*, на который вшитки *(т. е. всѣ)* зубами скреготали...»

Межигорскимъ игуменомъ въ ту пору былъ *Стефанъ Борецкій;* но онъ того же года оставилъ игуменство и докончилъ жизнь схимникомъ въ 1632 году. А на его мѣсто въ игумены былъ выбранъ іеромонахъ *Варнава Лебедевичъ.*

Изъ свѣтскихъ лицъ, благотворившихъ Межигорью въ первое тридцатилѣтіе того вѣка, вспомянемъ *Богдана* или *Ѳеодора Стеткевича*, подкомораго Мстиславскаго, извѣстнаго своею ревностью о благочестіи и просвѣщеніи. А изъ духовныхъ лицъ Межигорцы особенно чтили *Исакія Борисковича*, епископа Луцкаго и Острожскаго, и долго поминали его имя въ числѣ главныхъ *ктиторовъ* своего монастыря.

Глава третья.

Игуменство Варнавы Лебедевича, начавшееся въ исходѣ 1630 года, продолжалось до 1665. Много перемѣнъ произошло въ эти годы на Руси Кіевской: невынесшая на себѣ угнетенія польско-католическаго, она воздвиглась въ 1648 году на освобожденіе себя отъ польской короны и, отбиваясь отъ нея шестилѣтнею козацкою войною Богдана Хмельницкаго,

перешла въ началѣ 1654 года подъ Русскую державу царя Московскаго. Достославный гетманъ Богданъ, имѣя великое стараніе о благолѣпіи церквей и распространеніи православныхъ монастырей въ подвластной ему Малороссіи обѣихъ сторонъ Днѣпра, благотворилъ и монастырю Межигорскому, какъ это видно изъ нѣсколькихъ универсаловъ его, данныхъ въ 1651—1656 годахъ.

Общежитіе Межигорья продолжалось въ прежнемъ духѣ и въ томъ же великомъ уваженіи къ нему ото всего народа Малороссійскаго. Число братіи Межигорской, какъ видно изъ словъ Петра Могилы, въ 1635 году было болѣе *полутораста* человѣкъ. Во время козацкихъ войнъ и особенно Богдановыхъ, число это убавлялось до ста; но потомъ оно опять восполнялось и было какъ-бы установнымъ.

Изъ Межигорской братіи тѣхъ временъ особенно памятенъ Московскій дворянинъ *Иванъ Петровичъ Савеловъ*, обучавшійся въ Кіево-братской коллегіи и потомъ бывшій на службѣ военной. На 35 году отъ рожденія, пришелъ онъ въ Межигорье весною 1655 года и 6-го мая принялъ отъ игумена Варнавы постригъ въ монахи съ именемъ *Іоакима*. Въ зиму на 1657 годъ онъ посыланъ былъ въ Москву для закупки сермяжныхъ суконъ, крашенины и полотенъ на одежду братіи, и для испрошенія милостыни. И по его челобитью, царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ Межигорскому монастырю милостыню соболями на сто рублей, да ему на одежду десять рублей, и повелѣлъ дать подводы на доставку монастырской рухляди изъ Москвы въ Межигорье [1]. Но въ исходѣ того же 1657 года патріархъ Никонъ написалъ къ игумену Варнавѣ, чтобы онъ, по волѣ царской, прислалъ Іоакима на послушаніе въ Москву. Тамъ этотъ «Межигорскій старецъ» черезъ 17 лѣтъ сталъ патріархомъ Московскимъ и показалъ великую любовь свою къ здѣшней обители.

Изъ другихъ духовныхъ лицъ, благотворившихъ Межигорью въ игуменство Варнавы, вспомянемъ *Агафію Гулянницкую*, игуменью Кіевскаго Флоровскаго монастыря. Въ 1655 г.

---

[1]) См. *Акты южной и западной Россіи* т. III, № 381.

1-го марта подарила она въ соборную церковь св. Спаса евангеліе въ золочено-серебряной оправѣ, два напрестольныхъ креста, три лампады и кадильницу серебряныя-же, и отписала монастырю 2000 червонцевъ съ седомъ Яблоновымъ, бывшимъ у нея въ залогѣ отъ пана Орѣховскаго на ту сумму [1]).

Изъ свѣтскихъ лицъ того времени, считавшихся *ктиторами* Межигорскаго монастыря, извѣстны: Кіевскій мѣщанинъ *Гордѣй Мишковскій*, *Ѳедоръ Сулима*, *Борисъ Маркевичъ* и другіе. Первый изъ нихъ въ 1656 году вылилъ своимъ коштомъ большой колоколъ, считавшійся до послѣдняго времени главнымъ колоколомъ Межигорскимъ.

Переяславскій войтъ *Павелъ Огрызко* еще въ 1642 году подарилъ Межигорью свой хуторъ надъ Ильтицею (т. е. Алтою) при селѣ Демянчичахъ; а жена его въ 1649 году подарила свой хуторъ въ Поповцахъ и сѣножать съ лѣсомъ при селѣ Цыбляхъ. Тѣмъ начались Переяславскія владѣнія Межигорья, которыя пріумножилъ и полковникъ Переяславскій *Павелъ Тетеря*, подарившій въ 1658 году свой хуторъ въ Поповцахъ и Калитинскій лѣсъ.

Въ гетманство Юрья Хмельницкаго, царь Алексѣй Михайловичъ, грамотою 1660 года 12-го апрѣля, жаловалъ Межигорью мѣстечко Бобровицу и право на строеніе монастыря «на крови св. страстотерпца Бориса». Межигорцы успѣли устроить въ Демянчичахъ монастырскій дворецъ съ церковью Бориса и Глѣба; а на мѣстѣ убіенія Борисова они содержали только *каплицу* (часовню), которая существовала тутъ и въ древнее время, подъ именемъ *божницы Летской* (т. е. находящейся на рѣкѣ *Лѣтъ)*. Въ той каплицѣ поставленъ каменный крестъ Переяславскимъ протопопомъ Григоріемъ Бутовичемъ, *2-го мая 1664 года*. Но объ этомъ изложено подробно въ моемъ «сказаніи о праздникѣ св. Бориса подъ Переясловомъ».

Тяжелы были тѣ *шестидесятые* годы для разрывавшейся по поламъ Украины. Съ обѣихъ сторонъ Днѣпра и отъ За-

---

[1]) См. *Черноморская Николаевская пустынь*, изд. архіепископомъ Филаретомъ, въ Харьковѣ 1856 года.

порожья являлись гетманы; но не къ добру гетманщины. Вмѣсто одного, считалось два Кіевскихъ митрополита; но митрополіей правилъ новопоставленный епископъ Меѳодій, одинъ изъ первыхъ крамольниковъ того времени. А въ 1669 году, въ Глуховскомъ договорѣ гетмана Демьяна Многогрѣшнаго, идетъ дѣло уже о томъ, чтобы митрополію учинить въ Переяславѣ какъ было исперва, если Кіевъ уступленъ будетъ Польшѣ, вслѣдствіе перемирія Андрусовскаго 1667 года. Но Кіевъ, возвращенный Русскому міру Богданомъ Хмельницкимъ, не доставался уже Польшѣ; а Межигорье было отмежевано на ея сторону, впрочемъ, не на долгое время.

Напрасно повторяется въ разныхъ книгахъ о Кіевѣ извѣстіе позднѣйшаго сочиненія, будто «отпадшіе отъ Россіи гетманы, Выговскій и Тетеря, разорили Межигорье за его преданность Россіи». Нѣтъ, даже и литовскій гетманъ Радивилъ, наступавшій на Кіевъ въ августѣ 1651 года, и польскій король Янъ-Казиміръ, проходившій войною по Малороссіи въ 1664 году, и они своими охранными листами, данными Межигорью, берегли его отъ жолнѣрства польскаго. Такой же охранный листъ былъ и отъ гетмана Павла Тетери, и его универсалъ 1663 года 13-го апрѣля, утверждавшій Козаровичи, Глѣбовку и Холмъ за Межигорьемъ, къ которому было это усердіе и прежде, какъ мы уже видѣли. Такъ и всѣ гетманы стараго времени, отъ Богдана Хмельницкаго и до Даніила Апостола включительно, каждый по своему, благотворили Межигорью. Оно опустошено было—пожаромъ, случившимся въ 1665 году, не знаю только при новомъ ли игуменѣ *Іовѣ Станиславскомъ*, или еще при Варнавѣ Лебедевичѣ, произведенномъ того года въ архимандриты Савинскаго монастыря.

Глава четвертая.

Съ 1669 г. 20-го апрѣля началось игуменство *Ѳеодосія Васковскаго*, продолжавшееся до 1703 г., бывшее временемъ самаго цвѣтущаго состоянія Межигорской обители.

При немъ, въ 1671 г. польскій полковникъ Пиво, приступавшій къ занятію Кіева и грабившій въ его окрестностяхъ, нападалъ крѣпко и на Межигорье, едва оправившееся отъ своего пожара. Но король Михаилъ Вишневецкій того же года велѣлъ своему полковнику возвратить въ Межигорье монастырскія пушки, увольнилъ монастырь отъ всякаго постоя, а Ѳеодосію далъ подтвердительную грамоту на игуменство.

Обновляя Межигорскую обитель, Ѳеодосій началъ построеніе каменной церкви св. Преображенія, на мѣстѣ сгорѣвшей. Въ то время архимандритъ Московскаго Чудова монастыря, Іоакимъ сталъ Новгородскимъ митрополитомъ, а черезъ семь мѣсяцевъ (съ 26-го іюля 1674 года) патріархомъ Московскимъ. Спустя два года, Межигорцы обратились къ нему съ посланіемъ, прося его благословенія и помощи. Патріархъ отвѣчалъ имъ своимъ посланіемъ отъ 29-го ноября 1676 года. Между прочимъ онъ говорилъ: «яко же и архипастырство наше нынѣ черезъ писаніе ваше любовію братолюбія вашего усладися. Аще убо и отъ многаго времени отъ вашего Богомъ собраннаго сочиненія отлучихомся; обаче, нашего архипастырскаго благословенія желающе, пишете: яко же стѣнь отъ солнца нехотяще отлучитися, сице сопребывати мысленно съ нами; архипастырство же наше, по апостолу, аще бо и плотію отстоитъ, но духомъ со всѣми вами есть, радуяся и видя вашъ чинъ и утвержденіе вашея вѣры, яже во Христа». При этомъ писаніи, патріархъ послалъ въ Межигорье черезъ Кіевскаго войта Ѳедора, соболей на двѣсти рублей, на зданіе церкви и на поминовеніе Павла митрополита Сарскаго и Подонскаго —«понеже тотъ архіерей, во время правленія престола своего, велій трудъ на святой церкви показалъ, и о васъ иностранныхъ веліе попеченіе имѣ, и любовь многу къ иностраннымъ проявляше». «Такожде іеремонаха Епифанія Славенецкаго, отъ сего вѣка преставльшагося, душу его поминати да соизволите, а за поминовеніе пришлется къ вамъ воздаяніе вскорѣ» Кромѣ того Іоакимъ тогда же прислалъ въ Межигорье листоваго бѣлаго желѣза нѣмецкаго шесть бочекъ ($62^1/_2$ пуда) на 84 рубля; двое атласныхъ богатыхъ ризъ съ принадлежностями; стопу писчей бумаги; рясу чернаго аглинскаго

сукна на лисьемъ мѣху для игумена Θеодосія; на рясы четыремъ старцамъ чернаго сукна шиптуху, и на рясы прочей братіи ряднаго сермяжнаго сукна 230½ аршинъ; да бархату вишневаго братіи на подвацки.

Съ той поры такъ и повелось, что игуменъ Θеодосій каждые два года наряжалъ монаховъ съ посланіемъ къ патріарху; и каждый разъ посланные привозили отъ него благословительную грамоту, нѣсколько сотъ рублей и разные припасы на церковное строеніе, также всякія утвари богатой руки, святыя иконы добраго письма, служебныя и духовныя книги. А про обыходъ братскій Іоакимъ присылалъ каждый разъ сукна сермяжнаго аршинъ пятьсотъ или тысячу, холстовъ льняныхъ тысячи по двѣ или по три, столько же льняной крашенины, пудъ или два масла деревянаго, бумаги писчей стопы двѣ или три, и полкаменя или пудъ нѣмецкаго перцу. А игумену Θеодосію была отъ патріарха «шуба песцовая подъ камкою китайскою вишневою», или «сутанка атласная темновишневая подшита черными песцы», или «на рясу сукна чернаго кармазину пять аршинъ да два мѣха бѣльихъ хребтовыхъ». Отъѣзжающимъ изъ Москвы монахамъ давалось особо на дорогу. Такою щедрою рукою надѣлялъ патріархъ Межигорскую обитель, находившуюся тогда въ предѣлахъ королевства Польскаго.

Между тѣмъ Кіевская митрополія, управляемая Черниговскимъ архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ, оставалась въ стародавнемъ ея подчиненіи патріарху Константинопольскому. Весною 1685 года прибылъ въ Батуринъ къ гетману Самойловичу епископъ Луцкій и Острожскій Гедеонъ Святополкъ князь Четвертенскій, лишенный своей епархіи уніатами такъ же, какъ и прежній епископъ Исакій Борисковичъ. Стараніемъ гетмана Самойловича состоялся въ Петровъ постъ въ Кіевѣ соборъ, на которомъ епископъ Гедеонъ избранъ единогласно въ митрополиты; но какъ онъ захотѣлъ принять посвященіе отъ патріарха Московскаго, то по этому случаю былъ въ іюнѣ мѣсяцѣ новый соборъ въ Кіевѣ, на которомъ посвященію Гедеона въ Москвѣ протестовалъ только лаврскій архимандритъ, многоученый Варлаамъ Ясинскій. Когда

же онъ, Гедеонъ, посвященный въ Москвѣ 8-го ноября патріархомъ Іоакимомъ, воротился въ Кіевъ, то Варлаамъ съ Печерянами и Лазарь Черниговскій не захотѣли подчиниться митрополиту, по праву Ставропигіи. Въ слѣдующемъ году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, Константинопольскій патріархъ Діонисій уступилъ Кіевскую митрополію патріаршему престолу Московскому.

Того же 1686 года, по договору московскому или гримултовскому, Польша отказалась на вѣчныя времена отъ Кіева и его окружности между рѣками Ирпенемъ и Стугною, и Межигорье стало опять подъ Русскою державою. Того года въ сентябрѣ мѣсяцѣ патріархъ Іоакимъ писалъ къ Кіевскому воеводѣ Іову Діомидовичу Голохвастову о возвращеніи Межигорью Вышгорода, Петровецъ и Мощанъ, отобранныхъ прежнимъ воеводою Кіевскимъ, княземъ Никитою Семеновичемъ Урусовымъ, а въ октябрѣ патріархъ испросилъ царскую на то грамоту.

Въ слѣдующемъ году Іоакимъ далъ свою патріаршую грамоту Межигорскому общежительному монастырю, утверждающую за нимъ право и званіе Ставропигіи патріаршей Московской. Грамота сія, писанная на пергаментѣ 1687 года 28-го февраля, сохранилась въ библіотекѣ Кіевософійской. Въ ней упомянуты и прежнія грамоты на Ставропигію Межигорскому монастырю, данныя отъ Матѳея, Іоасафа и Ѳеофана. Изъ нея же видно, что въ Межигорьи было въ 1687 году четыре церкви: соборная св. *Преображенія;* св. апостолъ *Петра и Павла* на вратахъ монастырской ограды; св. *Николая* въ трапезѣ братской, и св. *Благовѣщенія* въ больницѣ. «По сихъ, и внѣ монастыря, въ монастырскомъ же притяжаніи, на земледѣліи храмъ великомученика св. *Георгія:*» это было на Валковомъ хуторѣ, гдѣ находилось главное монастырское хозяйство. Но Георгіевской церкви тамъ не было уже въ послѣднее время монастыря; тамъ остается и по нынѣ садъ, называемый *Скиткомъ.*

Патріархъ Іоакимъ присылалъ въ Межигорье вклады и отъ другихъ лицъ. Такъ въ 1682 г. прислалъ онъ сто рублей на строеніе колокольни—въ поминовеніе подъячаго Ивана

Минина; а въ 1688 году тысячу рублей въ поминовеніе Варсонофія, митрополита Сарскаго и Подонскаго.

Въ послѣдній разъ онъ прислалъ отъ себя въ Межигорскій монастырь, съ здѣшнимъ іеромонахомъ Иродіономъ, сто рублей на церковное строеніе, да двадцать рублей про обыходъ братскій. Это было уже за три мѣсяца до его кончины, послѣдовавшей *1690 года, 17-го марта.* На другой день въ Успенскомъ соборѣ совершено было съ патріаршею почестью погребеніе сего памятнаго дѣятеля Московской Руси въ столь трудное и тревожное время ея жизни. Но онъ и передъ кончиною своею скорбѣлъ, что не могъ лечь костьми въ любимой имъ обители Межигорской. Какое многочестное поминовеніе совершалось въ ней о душѣ сего *ктитора и великаго благодѣтеля* ея, о томъ читаемъ въ «завѣтѣ или тестаментѣ», который написанъ еще въ 1684 году, игуменомъ Ѳеодосіемъ и соборными Межигорскими старцами, въ особой книжкѣ. Въ нее вписаны всѣ грамоты и отписки патріарха Іоакима Межигорью—«да во мѣсто его, имя его, и слово его, и благословеніе его отъ рода въ родъ въ святой обители сей, и въ памяти и въ устѣхъ братіи святой, пребываетъ» [1]).

Сооруженіе великолѣпной церкви св. Спаса въ Межигорьи пробудило въ Малороссіи любовь и вкусъ къ церковному зодчеству, которыми отличалась она въ древнее, дотатарское время, при своихъ русскихъ князьяхъ. Гетманъ Самойловичъ поставилъ въ Густынскомъ монастырѣ великую церковь во имя св. Троицы, до нынѣ уцѣлѣвшую, и заложилъ Спасскую церковь въ монастырѣ Мгарскомъ, доконченную преемникомъ его гетманомъ Мазепою, при которомъ особенно процвѣло церковное зодчество въ Малороссіи. Памятниками его остаются многія благолѣпныя церкви, сооруженныя въ Кіевѣ и по другимъ городамъ самимъ гетманомъ и полковниками того времени.

Между тѣмъ какъ Межигорскому монастырю оказываемо было столько любви и благотворенія отъ патріарха Іоа-

[1]) Эта любопытная книга, писанная въ 4-ку, подарена мнѣ въ 1840 году однимъ Кіевскимъ іеромонахомъ. Изъ нея преимущественно и заимствованы предложенныя мною свѣдѣнія.

кима, произошло новое приращеніе къ нему—со стороны Запорожья. Было сказано уже, что у козаковъ Запорожскихъ съ 1576 года былъ на Днѣпрѣ свой *козацкій* монастырь Терехтемировскій. Онъ находился въ цвѣтущемъ состояніи въ первой четверти 17-го вѣка. Тогда настоятелями его были архимандриты, изъ которыхъ извѣстенъ Іезекіиль Курцевичъ, посвященный въ епископы патріархомъ Ѳеофаномъ, давшимъ и Ставропигію этому монастырю. Но во время польско-козацкихъ войнъ Терехтемировская обитель не разъ подвергалась разоренію—въ тридцатыхъ, въ шестидесятыхъ годахъ, и опять во время Чигиринской руины 1678 года. Эти опустошенія и Андрусовская отдача правобережной Украины Польшѣ, и недовольство Запорожцевъ на Чигиринскаго гетмана Петра Дорошенка, поддававшагося турецкому султану въ 1669 году; а съ другой стороны—народная слава общежительнаго монастыря Межигорскаго: все это вмѣстѣ обратило къ этому монастырю сердца Запорожскаго товариства, и оно отнеслось къ нему въ 1672 году съ приглашеніемъ быть ему *«войсковымъ* монастыремъ» и съ обязательствомъ Запорожья быть его *парафіей*, т. е. приходомъ. Объ этой новой церковной принадлежности Запорожья къ Межигорью было и вторичное предложеніе со стороны знаменитаго кошеваго атамана Ивана Сѣрка въ 1676 году. И наконецъ совершенно рѣшилось это дѣло въ 1683 году, въ которомъ Запорожцы приписали къ Межигорью и свой *Самарскій* Никольскій монастырь, находившійся на острову, образуемомъ рѣками Самарчикомъ и Самарою, которая именовалась у козаковъ *святою рѣкою.* Съ тѣхъ поръ, не только въ сѣчевой Покровской церкви служители (два іеромонаха, іеродіаконъ и уставщики) были постоянно изъ братіи Межигорской; но и въ Самарскомъ монастырѣ игумены были также изъ іеромонаховъ Межигорскихъ. Каждый Запорожскій козакъ считалъ долгомъ своимъ поклониться святому Спасу Межигорскому; и многіе изъ сѣчевиковъ доканчивали тутъ свой вѣкъ, смиряя свою прежнюю буйную волю въ подвигахъ молитвы и послушаній иноческихъ. Была въ Межигорьи устроена и содержима коштомъ Запорожской сѣчи и больница или *шпиталь* для увѣчныхъ и немощ-

нихъ сѣчевиковъ; а нѣкоторые изъ нихъ были и посылаемы сюда на покаяніе.

По примѣру Самарскаго монастыря, подчинили себя Межигорцамъ, въ девяностыхъ годахъ, и *Лебединскій* Георгіевскій монастырь, находившійся въ Чигиринщинѣ, и *Левковскій* монастырь, бывшій въ повѣтѣ Овруцкомъ.

Вспомянемъ еще нѣкоторыхъ Украинцевъ того времени, оказавшихъ свое усердіе къ Межигорью.

Ирина Сомкова, вдова злополучнаго гетмана Якима Сомка, казненнаго въ 1663 году гетманомъ Брюховецкимъ. Она въ 1674 году отказала Межигорскому монастырю 330 золотыхъ червонныхъ.

Заднѣпровскій гетманъ Евстаѳій Гоголь, который скончался въ Димерѣ 1679 года 5-го января и положенъ въ Межигорьи въ склепу 7-го января. До послѣдняго времени монастыря было евангеліе (Львовской печати 1644 года) въ золочено-серебряной оправѣ по фіолетовому бархату, подаренное отъ Гоголя передъ его кончиною; а въ Святодуховской церкви, рядомъ съ портретомъ Богдана Хмельницкаго, висѣлъ портретъ Гоголя въ черныхъ съ красными травами рамахъ.

Генеральный судья Михайло Вуяхевичъ, избранный въ 1690 году въ архимандриты Печерскіе, за два года передъ тѣмъ подарилъ Межигорью свой дворъ въ Козельцѣ и поле. А въ городѣ Острѣ подарены были Межигорью разныя земли отъ Кіевскаго бурмистра Богдана Войнича въ 1686 году, отъ Кіевскаго полковника Константія Мокѣевскаго въ 1694 г.

Митрополитъ Кіевскій Гедеонъ, скончавшійся 1690 года 6-го апрѣля, отписалъ, въ числѣ прочихъ монастырей, и Межигорскому двѣсти золотыхъ на сорокоусты. На его мѣсто избранъ былъ въ митрополиты Варлаамъ Ясинскій и посвященъ въ Москвѣ патріархомъ Адріаномъ, преемникомъ Іоакима, подписавшимъ на его грамотѣ 1687 года свое имя, въ подтвержденіе патріаршей ставропигіи монастырю Межигорскому. Но по смерти сего послѣдняго Московскаго патріарха въ 1700 году, Кіевскій митрополитъ Варлаамъ, воспитатель и благодѣтель Стефана Яворскаго, при его содѣйствіи, подчинилъ своей власти Межигорскій монастырь. Царскія гра-

моты о томъ даны были 1703 года 12-го февраля, митрополиту [1]) и Межигорскому игумену Θеодосію Васковскому, который въ томъ году и скончался. Еще въ 1684 и вторично въ 1685 году, Θеодосій желалъ увольниться отъ настоятельства; но патріархъ Іоакимъ того не благословилъ, и писалъ ему въ 1686 году такъ: «еще же писалъ еси, дабы послушаніе въ руководствѣ братіи тебѣ отставити, якобы ради въ старости неудобства; и твоя любовь да вѣсть, яко не токмо въ монашескомъ общежительствѣ, но и во всемъ христіанствѣ учиненнымъ предводителемъ не повелѣся искати своея пользы, но многихъ, да спасутся; и все онымъ спасеніе во братнемъ созиданіи лежитъ, и явственнѣ сосудъ избранный учительствуетъ о мудрованіи Христовѣ, яко послушливъ бывъ даже до смерти».

Преемникомъ Θеодосія былъ *Филаретъ Кощаковскій.* Сей игуменъ, въ началѣ 1709 года, перемѣщенъ изъ Межигорья на игуменство въ Мгарскій Лубенскій монастырь.

Престарѣлый митрополитъ Варлаамъ скончался 2-го августа 1707 года; а на его мѣсто избранъ Печерскій архимандритъ Іоасафъ Кроковскій, и посвященъ въ Москвѣ блюстителемъ патріаршаго престола Стефаномъ Яворскимъ, 15-го августа 1708 года.

Глава пятая.

Въ то время Малороссія была поприщемъ бѣдственной для нея шведской войны. Царь Петръ Алексѣевичъ и новый гетманъ Скоропадскій посылали своихъ нарочныхъ къ Запорожцамъ, чтобы они отстали отъ низверженнаго гетмана Мазепы; но напрасно. Кіевскій митрополитъ Іоасафъ Кроковскій съ своей стороны посылалъ на Запорожье Межигорскаго іеромонаха Иродіона Жураховскаго съ духовнымъ увѣщаніемъ и клятвою церковною; но озлобленные сѣчевики отвергли и его, называли его шпіономъ и похвалялись сжечь его въ смо-

[1]) См. въ прибавленіяхъ къ *Описанію Кіево-Софійскаго собора*, изданному митрополитомъ Евгеніемъ. К. 1825, № 32.

ляной бочкѣ [1]). Они съ своимъ кошевымъ атаманомъ Костею Гордѣенкомъ, прогнанные изъ предѣловъ Россійскихъ, основались новою сѣчью въ Алешкахъ, въ подданствѣ турецкаго Султана и крымской орды; и это было немаловажнымъ лишеніемъ для Межигорья. А въ 1712 году заднѣпровская Украина отдана была вновь Польшѣ, по силѣ договора Прутскаго: тогда и заднѣпровскія владѣнія Межигорья одно за другимъ отъ него отходили.

Между тѣмъ *Иродіонъ Жураховскій* былъ пожалованъ 1709 года 6-го января въ Межигорскіе *архимандриты*; а въ слѣдующемъ году 11-го марта возвращено Межигорью прежнее право Ставропигіи патріаршей. Священнослуженіе архимандритамъ Межигорскимъ присвоено было такое же, какое тогда было въ Печерской лаврѣ, во многомъ схожее съ архіерейскимъ.

Въ тѣ поры Варлаамъ Косовскій, прежній монахъ здѣшней обители, ставшій епископомъ Иркутскимъ, прислалъ въ Межигорье 1711 года богато убранную въ серебро краснобархатную митру. Оттуда, изъ Сибири, въ началѣ 1709 года возвращенъ былъ знаменитый Бѣлоцерковскій полковникъ Семенъ Ивановичъ Палѣй, привезенный прямо въ Воронежъ къ царю Петру, отъ котораго «зѣло изрядно принятъ и награжденъ особливою милостію» [2]; а 30-го марта отправленъ къ гетману Скоропадскому. Въ день Полтавской битвы (27-го іюня) престарѣлый витязь Украинскій надписалъ Межигорскому монастырю свое евангеліе (Московской печати 1644 года), въ золочено-серебряномъ окладѣ по черному бархату. И до конца монастыря, въ Святодуховской церкви, вмѣстѣ съ портретами гетмановъ Богдана Хмельницкаго и Евстаѳія Гоголя, висѣлъ портретъ Палѣя, въ посеребреныхъ съ двумя золочеными дорожниками рамахъ; а надъ портретомъ, на ветхомъ коврикѣ Палѣя, висѣла его сабля безъ рукояти, въ ножнахъ, оправленныхъ по концамъ въ серебро, съ шелковыми

---

[1]) Изъ царской грамоты гетману Скоропадскому 1709 года 26-го мая. См. *Ист. Мал. Рос.* Бантыша-Каменскаго 1822 г.

[2]) См. *Матеріалы для отечеств. исторіи* издан. М. О. Судіенкомъ т. II. стр. 280.

зелеными пасками, и его полковницкій серебряный перначь съ тремя перами [1]). Преданіе говоритъ, что въ Межигорьи погребены были другъ возлѣ друга Палѣй и старый товарищъ его Самусь, послѣдній гетманъ западно-украинскій, доживавшій вѣкъ свой полковникомъ Богуславскимъ. Но мнѣ не удалось дознаться этого по свидѣтельствамъ письменнымъ. Изъ нихъ я узналъ только, что Самусь былъ основателемъ нынѣшняго Богуславскаго монастыря на берегу Роси; что Межигорскому монастырю въ 1713 году онъ завѣщалъ свой «млинъ въ Богуславлю, ниже нового мосту на сазѣ стоячій», а также лѣсъ съ садомъ и другими грунтами, и 500 червонцевъ «за свой похоронъ и поминаніе».

Въ 1714 году, вслѣдствіе просьбы архимандрита Иродіона о надѣленіи Межигорья, потерпѣвшаго убытки въ шведскую войну, гетманъ Скоропадскій отдалъ во владѣніе монастыря два села, Русановъ и Плоское, которыми владѣла прежде мать гетмана Мазепы, Марія Магдалина, игуменья Печерскаго дѣвичаго Вознесенскаго монастыря, переведеннаго на Подолъ, въ давній монастырь Флоровскій.

Въ августѣ 1717 года Межигорье опустошено было пожаромъ. Въ апрѣлѣ 1718 года погорѣла вся Печерская лавра и весь Подолъ; а вскорѣ послѣ того потребованъ былъ въ Петербургъ Кіевскій митрополитъ Іоасафъ, для отвѣта по грозному суду, производившемуся тогда надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Остановленный въ Твери, за смертію царевича, Іоасафъ скончался тамъ іюля 10-го; а митрополія Кіевская оставалась четыре года безъ пастыря. Выборъ новаго митрополита дозволенъ былъ Кіеву государевымъ указомъ 1721 года 27-го февраля, и выбранъ былъ въ митрополиты Межигорскій архимандритъ Иродіонъ Жураковскій; но онъ въ слѣдующемъ году посвященъ въ архіепископы Черниговскіе; а на Кіевскую митрополію присланъ, по избранію новоучрежденнаго синода, *архіепископъ* Варлаамъ Ванатовичъ.

---

[1]) Изъ Описной книги Межигорскаго монастыря 1777 г. Изъ нея можно видѣть все имущество его и владѣнія, принадлежавшія ему въ послѣднее время.

Тогоже 1722 года скончался гетманъ Скоронадскій, и Малороссія шесть лѣтъ оставалась безгетманною, подъ управленіемъ Малороссійской коллегіи. Иродіонъ, при началѣ своего архимандритства, построилъ на Межигорскомъ подворьи, бывшемъ на Подолѣ, церковь во имя св. *Пантелеймона*, 1709 года; а на исходѣ своемъ изъ Межигорья онъ благословилъ въ немъ новую деревянную церковь о памяти главахъ, во имя *Сошествія св. Духа*.

Вторымъ Межигорскимъ архимандритомъ былъ *Арсеній Берлю*. При его назначеніи, синодальною грамотою 1722 года 2-го іюня опредѣлено Межигорскому монастырю быть *Ставропигіею синода*. При Арсеніѣ, въ 1723 году, была возобновлена пещерная *Онуфріевская* церковь, въ Межигорскомъ скитку на горѣ Пекарницкой. О томъ свидѣтельствують—надпись на серебряномъ напрестольномъ крестѣ: «крестъ сей здѣланъ въ церковь пещерную преподобнаго Онуфрія. 1723», и надпись на верхушкѣ мѣднаго свѣчника, найденной въ олтарѣ самой церкви: «року 1723. Сей лихтарикъ далъ въ церковъ пещерную преподобныхъ отецъ Онуфрія и Петра, иже на скитку Межигорскомъ, за спасеніе свое, монахъ Варлаамъ Коробанко». Того же года поступилъ въ Межигорскіе послушники юный питомецъ Кіевской академіи, внукъ знаменитыхъ полковниковъ: Прилуцкаго Лазаря Горленка и Миргородскаго Данила Апостола, *Іоасафъ Горленко*, бывшій потомъ игуменомъ Мгарскимъ, а съ 1748 года епископомъ Бѣлгородскимъ. Здѣсь также пострижены—въ 1726 году Тимоѳей Щербацкій, бывшій въ послѣдствіи митрополитомъ Кіевскимъ, и Сильвестръ Кулябка въ 1727 году.

Арсеній Берлю въ 1729 году посвященъ былъ въ епископы Бѣлорусскіе, а съ 1733 года находился на эпархіи Переясловской, гдѣ и скончался 1744 года 6-го іюня. Въ Межигорскіе архимандриты опредѣленъ 1729 году *Каллистъ Зеленскій*. Въ то время велась тяжба между Кіевскимъ архіепископомъ Варлаамомъ и городовымъ войтомъ Дмитріемъ Полоцкимъ; она рѣшилась въ началѣ царствованія Анны Іоанновны тѣмъ, что въ августѣ 1730 года, по доносу войта, Варлаамъ потребованъ былъ со всѣми членами консисторіи

въ Москву на судъ тайной канцеляріи, и лишенъ сана. На это время первымъ Кіевскимъ *консистористомъ* былъ архимадритъ Каллистъ, до прибытія новопосвященнаго архіепископа Рафаила Заборовскаго, т. е. до октября 1731 года. Сему достопамятному пастырю прежній санъ митрополита Кіевскаго пожалованъ уже Елисаветою Петровною въ 1743 г.

Между тѣмъ въ началѣ 1734 года скончался въ Глуховѣ предпослѣдній гетманъ Данило Апостолъ, и Малороссія на шестънадцать лѣтъ опять оставлена была безгетманною. Того же 1734 года Запорожцы приняты были по-прежнему подъ Русскую державу, стараніемъ кошеваго атамана Ивана Алексѣевича Малашевича; а преосвященный Иродіонъ переведенъ изъ Чернигова на покой въ Межигорье. Отсюда онъ привѣтствовалъ Запорожцевъ, и къ нему, въ началѣ слѣдующаго года, кошевой Малашевичъ написалъ, что «они, войско, монаховъ Межигорскихъ не чуждаются и благоволятъ за духовныхъ себѣ мѣти». Тогда въ апрѣлѣ 1734 возстановилось прежнее отношеніе Запорожья къ Межигорью, при посредствѣ архіепископа Иродіона, который спокойно скончался здѣсь въ 1736 году. Межигорцы почтили его память поставленіемъ портрета его въ Преображенской церкви, гдѣ находился и портретъ патріарха Іоакима.

Изъ Межигорья въ сѣчевую Покровскую церковь посылались ежегодно на смѣну два іеромонаха и два іеродіакона. Часть церковныхъ доходовъ шла оттуда на Межигорскій монастырь, любимый Запорожцами; многіе изъ нихъ усердствовали ему своими вкладами, а нѣкоторые и сами поступали сюда доканчивать жизнь въ подвигахъ молитвы и послушанія. Монастырь Самарскій тоже сталъ въ прежнемъ подчиненіи Межигорскому.

Преемниками Каллиста, вызваннаго 1732 года въ Петербургъ и тамъ заточеннаго, были архимандриты: *Алексѣй Петрина*, *Герасимъ Завадовскій* съ 1740 года, *Іоасафъ Маевскій* [1]), *Никандръ* съ 1753 года. Въ этомъ году посѣщалъ

---

[1]) Имя этого архимандрита прибавляю изъ статьи Е. М. Крыжановскаго «Кіево-Межигорскій монастырь», помѣщенной въ *Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* 1863 года въ № 23 и 24.

Межигорье ходившій по Россіи за милостынею аѳонскій архимандритъ *Анатолій Мелесь*, и оставилъ по себѣ въ память серебряный напрестольный крестъ. Посвященный въ епископы Мелетинскіе, по благословенію Константинопольскаго патріарха, Анатолій въ 1757 году опять пріѣзжалъ въ Петербургъ, и на возвратномъ пути остановился въ сѣчи Запорожской. Тамъ устроили ему всю архіерейскую ризницу и допустили къ архіерейскому служенію, съ правомъ принимать и опредѣлять къ мѣстамъ являвшихся къ нему заграничныхъ монаховъ. Межигорскій архимандритъ *Никандръ* сильно заботился о прекращеніи этой Запорожской епархіи, и было отъ синода въ 1759 году сообщеніе въ сенатъ и къ гетману Разумовскому о высылкѣ Анатолія за границу; но Запорожцы съ своей стороны исходатайствовали сенатскій указъ объ удержаніи у нихъ этого епископа. Въ генварѣ 1760 года былъ синодальный указъ, чтобы Анатолія взять подъ стражу въ Кіевъ; но неизвѣстно чѣмъ кончилась его судьба [1]). А преемнику Никандра, *Гедеону Сломинскому*, питомцу Кіевской академіи, досталось оправлять Межигорье послѣ пожара, происшедшаго въ 1764 году. Спустя пять лѣтъ ограничена была прежняя власть архимандритовъ лаврскаго и Межигорскаго— подчиненіемъ Кіевскому митрополиту какъ ихъ, такъ и всего духовенства, находившагося въ отчинахъ лаврскихъ и Межигорскихъ, которое прежде зависѣло отъ своихъ архимандритовъ во всемъ, кромѣ рукоположенія.

По кончинѣ Гедеона, въ сентябрѣ 1772 года, Межигорскимъ архимандритомъ сталъ *Иларіонъ Кондратковскій*. При немъ кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Кальнишевскій поставилъ въ Межигорьи своимъ иждивеніемъ каменную *Петро-*

---

[1]) Свѣдѣніе объ этомъ епископѣ на Запорожьи заимствовано изъ *Описанія Кіево-Софійскаго собора*. Анатолій Мелесь родомъ былъ изъ-подъ города Золотоноши, гдѣ и теперь находится хуторъ Мелесевъ. Вышепомянутый кошевой атаманъ Иванъ Алексѣевичъ Малашевичъ, вернувшій Запорожскую сѣчь подъ Русскую державу и скончавшійся въ Очаковскомъ походѣ 1737 года, были изъ самаго города Золотоноши. (Къ уроженцамъ Золотоношскаго уѣзда принадлежитъ и Осипъ Михайловичъ Гладкій, козаковавшій за Дунаемъ и вернувшійся оттуда съ своимъ товариствомъ во время турецкой войны 1829 года).

павловскую церковь при святыхъ вратахъ и колокольнѣ. Это было въ 1774 году; а въ слѣдующемъ 1775 прислана была Иларіону отъ Запорожскаго войска богато убранная по малиновому бархату митра. То былъ уже прощальный даръ; ибо 4-го іюня того года Запорожская Сѣчь была разрушена; ея возрастаніе и существованіе было несовмѣстимо съ наставшимъ устроеніемъ Новороссійскаго края, по планамъ полновластнаго Потемкина. Бывшее Запорожское войско разошлось во всѣ стороны; а кошевой атаманъ Кальнишевскій или Кальнишъ очутился въ Соловецкомъ монастырѣ. Освященіе поставленной имъ Межигорской церкви происходило въ 1776 году, въ которомъ и архимандритъ Иларіонъ былъ посвященъ 17-го іюля въ епископы Переяславскіе. На его мѣсто назначенъ былъ архимандритъ *Никаноръ;* но онъ на пути въ Межигорье убитъ испуганными лошадьми [1]). Отъ начала 1777 г. Межигорскимъ архимандритомъ былъ *Гавріилъ Гуляницкій.*

Царствованіе Екатерины второй было временемъ преобразованія Малороссіи. Еще въ 1764 году, въ которомъ горѣло Межигорье, прекращено Малороссійское гетманство, возстановленное императрицею Елисаветою Петровною. Въ 1782 году полковая Малороссія преобразована была въ губернскую, въ три намѣстничества. Вслѣдъ за тѣмъ Малороссійское вольноперехожее посполъство съ козаками подпомощиками обращено 1783 года въ крѣпостное крестьянство; а выборные козаки обращены въ карабинеровъ. Указъ 1786 г. 10-го апрѣля опредѣлилъ преобразованіе монастырей Малороссійскихъ. Межигорскій монастырь положено было перевести въ Таврическую область, а его зданія обратить въ инвалидный домъ. Но указомъ 9-го іюля тогоже года положено было инвалидный домъ учредить въ Кирилловскомъ монастырѣ; а въ Межигорьи устроить военную госпиталь, назначенную прежнимъ указомъ въ монастырѣ Кіево-братскомъ.

Въ концѣ того года 30-го декабря скончался Межигорскій архимандритъ Гавріилъ; а на его мѣсто опредѣленъ *Амфилохій Леонтовичъ.*

---

[1]) Изъ *Историческаго извѣстія о Межигорскомъ монастырѣ,* изданнаго 1830 г. *См.* стр. 14.

Въ тѣ поры императрица доканчивала зиму и встрѣчала весну въ Кіевѣ, и наканунѣ Егорьева дня отплыла Днѣпромъ въ Тавриду. За нѣсколько дней передъ своимъ отбытіемъ, она пожелала увидѣть живописное Межигорье, откуда во все то время возили для нея воду изъ Звонковаго ключа. Но въ началѣ того дня, въ который назначено было посѣщеніе царицею Межигорья, оно загорѣлось, и этимъ пожаромъ окончилось много-вѣковое бытіе знаменитаго монастыря, который какъ будто сталъ уже лишнимъ въ русскомъ мірѣ послѣ того, какъ не стало Запорожской Сѣчи и прежней Украины козацкой. Межигорская братія разошлась по разнымъ монастырямъ, и не одинъ изъ нея, покидая свой монастырь, могъ возопить въ скорби: «вскую низложилъ еси оплотъ его и обимаютъ и мимоходящіи путемъ»! Межигорская ризница раздѣлилась: одна часть отослана была въ Александроневскую лавру, а другая въ Полтавскій монастырь, учрежденный для Новороссійской эпархіи въ годъ разрушенія Сѣчи. Послѣдній Межигорскій архимандритъ Амфилохій переведенъ былъ сначала въ Пустынно-Никольскій монастырь, а послѣ посвященъ въ епископы Переяславскіе. Когда же въ 1792 году, изъ оставшихся старыхъ сѣчевиковъ и другихъ новобранныхъ козаковъ, учредилось Черноморское козацкое войско, то оно на своемъ новосельи начало въ 1794 году обзаводиться Черноморскою Никольскою пустынью, на Лебяжьихъ лиманахъ. Для ея устроенія присланъ былъ архимандритъ Ѳеофанъ, который съ 1758 года былъ Межигорскимъ монахомъ, а съ 1776 года настоятелемъ Самарскаго монастыря, подчиненнаго Межигорскому. Въ тоже время Черноморцы просили, чтобы имъ возвращены были утвари сѣчевой Покровской церкви, взятыя Потемкинымъ, и утвари Межигорскаго монастыря, въ которыхъ прежнее Запорожское войско тоже было вкладчикомъ. И на эту просьбу переданы были въ Черноморье (въ 1798 году изъ Александроневской лавры и въ 1803 году изъ Полтавскаго монастыря) Межигорскія утвари, и тамъ раздѣлены на Никольскую пустынь и на 29 церквей [1]). А Межигорье

---

[1]) Изъ книжки *Черноморская Никольская пустынь* 1856 г.

оставалось впустѣ до 1798 года, въ которомъ оно отдано Кіевскому магистрату для заведенія фаянсовой фабрики. Она и донынѣ тамъ ведется, поступившая съ 1822 года въ вѣдѣніе императорскаго кабинета. Три деревянныя церкви въ Межигорьи сгорѣли еще въ пожаръ 1787 года; двѣ каменныя стоятъ обновленныя, и въ нихъ совершалось богослуженіе съ 1801 года здѣшними священниками [1]); а съ 1860 года іеромонахами лаврскими.

Въ Петропавловской церкви есть два серебряные креста, которыхъ надписи напоминаютъ о ихъ вкладчикахъ: одинъ крестъ отъ кошеваго атамана Ивана Бѣлецкаго, а другой сдѣланъ 1780 года отъ бывшаго сѣчи Запорожской козака Василя. Тамъ же находится книга Минея, данная въ 1763 году отъ кошеваго атамана Ѳедора Лантука.

На сѣверныхъ дверяхъ Преображенской церкви виситъ большой старинный замокъ, съ надписаніемъ, что онъ — «святыя Межигорскія лавры». А въ ризницѣ церковной хранятся краснобархатныя ризы епископа Исакіи Борисковича, построенныя въ 1625 году. Тамъ же два давніе портрета, патріарха Іоакима и архіепископа Иродіона, и позднѣйшей работы портретъ князя Андрея Боголюбскаго. Уцѣлѣлъ тамъ еще прежній поминальный налой съ слѣдующимъ двоестишіемъ отъ имени всѣхъ, которымъ было здѣсь церковное воспоминаніе:

«Не лѣнися, нашъ отче, поминатель быти;
Не въ долгомъ бо вѣцѣ къ намъ и ты придешь жити».

1861 г. Михайлова-гора.

---

[1]) Съ 1801 года былъ *Евфимій Тупиковъ;* потомъ *Іоаннъ Голованскій* съ 1805 г., *Филипъ Соловьевъ* съ 1815 года, *Симеонъ Лободовскій* съ 1826 г.; по немъ *Петръ Лончковскій,* скончавшійся въ 1839 году, и *Григорій Абрамовичъ* съ 1839 года.

НѢЧТО О МЕЖИГОРЬИ [1]).

Кто не слыхалъ о Межигорскомъ монастырѣ, бывшемъ въ такой славѣ и любви у народа Малороссійскаго? «Посмотри—говоритъ Петръ Могила—тамъ болѣе полутораста иноковъ живетъ въ общинѣ, трудами рукъ своихъ, по примѣру онаго великаго Антонія пустынножителя».

И вотъ я въ Межигорьи... Но не въ монастырѣ, а на фаянсовой фабрикѣ, и, глядя на ея работы, вспоминаю слова пророка: «и снидохъ въ домъ скудельничь, и сей творяше дѣло на каменехъ. И разбися сосудъ, его же той творяше отъ глины руками своими; и паки той сотвори изъ него другій сосудъ, яко же угодно во очію его творити» [2]).

Еще весною 1787 года прекратилась Межигорская обитель отъ пожара, ускорившаго ея конецъ, за годъ передъ тѣмъ назначенный. Но не смотря и на другой пожаръ, истребившій въ 1810 году фаянсовую фабрику, заведенную тутъ вмѣсто монастыря, запустѣніе какъ бы и не касалось этого прекраснаго наддиѣпровскаго угодія. Величавый Преображенскій храмъ, воздвигнутый предпослѣднимъ Всероссійскимъ патріархомъ Іоакимомъ, и Петропавловская церковь, поставленная послѣднимъ кошевымъ атаманомъ Запорожской Сѣчи, Петромъ Кальнишевскимъ, красуются и теперь, какъ бы только [illegible] построенные для Межигорской братіи, на умноженіе хвалы [illegible]. На востокъ отъ нихъ, на Пекарнецкой горѣ, рас-[illegible] вновь давняя Межигорская пещера съ бывшею въ ней [illegible]ною церковью во имя св. Онуфрія. Въ другой сторонѣ

1) [illegible] Епархіальныя Вѣдомости 1864, № 20, стр. 630.
2) [illegible] II, 3, 4.

отъ нихъ—бьетъ по прежнему подгорный свѣтловодный ключъ, называемый *Звонками*. И зеленѣютъ по горамъ, еще въ полной силѣ, огромные многовѣковые дубы... Безотвѣтные они свидѣтели долгой жизни монастыря; но подъ ихъ сѣнью, подъ шумомъ ихъ листьевъ, живѣе воображается почти забытая старина этого достопамятнаго мѣста.

Эти строки были написаны мною въ Кіевѣ 1857 г., въ началѣ моего, еще не изданнаго сказанія о Межигорскомъ монастырѣ. А въ нынѣшнемъ сентябрѣ мѣсяцѣ, будучи на короткое время въ Кіевѣ, я слышалъ, что черезъ нѣсколько недѣль Межигорье будетъ продаваться съ публичнаго торга... Скорбная мысль не покидаетъ меня и въ моемъ хуторскомъ уединеніи: что, если Межигорье достанется въ руки какого-нибудь предпріимчиваго *жида?*... Оскорбительно было бы для насъ—*его* обладаніе тѣмъ дорогимъ для здѣшняго края мѣстомъ, куда являлись нѣкогда на молитвенные подвиги и постриженіе такіе люди, какъ патріархъ Іоакимъ Савеловъ, митрополитъ Тимофей Щербацкій, епископъ Іоасафъ Горленко и многіе другіе;—тѣмъ завѣтнымъ мѣстомъ, которое, въ тяжкія времена Кіевской Руси, посѣщалъ благодѣтельный для нея іерусалимскій патріархъ Θеофанъ, и подтвердилъ тутъ Ставропигію, и въ бесѣдѣ съ Межигорскою братіей расказывалъ объ огнѣ, сходящемъ передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ на гробъ Господній [1])....

Но, нѣтъ! Межигорью не слѣдуетъ перейти не то, чтобы въ жидовскія руки, но и въ частную собственность всякаго торгаша и промышленника; и мнѣ сдается, что до того не допустятъ ни Печерская лавра, ни другіе монастыри Кіевскіе, съ своимъ архипастыремъ; что они, общими силами, при содѣйствіи благотворительныхъ міранъ, возмогли бы оплатить Межигорье и открыть его по прежнему для *общежительстви братскаго;* что новособранная здѣсь братія весьма могла бы продолжать съ успѣхомъ и выработку фаянсовой посуды, по-

---

[1]) См. въ лѣтописи Величка, листъ, изданный Межигорцами для народа.

добно тому, какъ въ Оптиной пустыни, среди подвиговъ благочестія и трудовъ книжныхъ, работаютъ и надъ деревомъ, и надъ глиною. Тогда ожила бы и въ народѣ прежняя любовь къ Межигорью, и оно послужило бы для него благотворною и, можно сказать, необходимою въ настоящее время школою благочестія и трудолюбія.

Въ 1627 году Виленское братство, издавая *духовныя бесѣды Макарія Египетскаго*, посвятило эту книгу Межигорскому игумену *Коментарію*. Въ посвященіи сказано, между прочимъ, слѣдующее:

«Многіи бо вѣмъ, слышачи о честномъ житіи вашемъ, зъ далекихъ краевъ, отъ Іерусалима и святой Синайской горы, для навѣженья и подражанья житія вашего, приходятъ и зъ вами обитовати зезволяютъ.... Найдешь у васъ штодень коваля съ молотомъ, теслю съ сокѣрою и иншихъ мастеровъ, зъ розныхъ далекихъ мѣстъ, зъ розныхъ начиньемъ, мовячихъ съ покорою: отче, роскажи што робити, обѣцалихмося за спасеніе души попрацовати тому святому мѣсту»!

30 сентября 1864 г.

Михайлова-гора.

СЛУХИ О МЕЖИГОРЬИ [1].

Въ сентябрѣ прошлаго года я смущенъ былъ въ Кіевѣ извѣстіемъ, что черезъ нѣсколько недѣль Межигорье будетъ продаваться съ публичнаго торга. Тогда я написалъ слѣдующія строки, напечатанныя въ Кіевскихъ вѣдомостяхъ, епархіальныхъ и губернскихъ:

— Скорбная мысль не покидаетъ меня и въ моемъ хуторскомъ уединеніи: что если Межигорье достанется въ руки какого-нибудь предпріимчиваго жида?.... Оскорбительно было бы для насъ его обладаніе тѣмъ дорогимъ для здѣшняго края мѣстомъ, куда являлись нѣкогда на молитвенные подвиги и постриженіе такіе люди, какъ патріархъ Іоакимъ Савеловъ, митрополитъ Тимофей Щербацкій, епископъ Іоасафъ Горленко и многіе другіе; тѣмъ завѣтнымъ мѣстомъ, которое, въ тяжкія времена Кіевской Руси, посѣщалъ благодѣтельный для нея Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, и подтвердилъ тутъ ставропигію, и въ бесѣдѣ съ Межигорскою братіей разсказывалъ объ огнѣ, сходящемъ передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ на гробъ Господній.

Но, нѣтъ! Межигорью не слѣдуетъ перейти не то, чтобы въ жидовскія руки, но и въ частную собственность всякого торгаша и промышленника; и мнѣ сдается, что до того не допустятъ ни Печерская лавра, ни другіе монастыри Кіевскіе, съ своимъ архипастыремъ; что они, общими силами, при содѣйствіи благотворительныхъ міранъ, возмоглй бы оплатить Межигорье и открыть его по прежнему для общежительства братскаго; что новособранная здѣсь братія весьма могла бы

---

[1]) День, 1865 г., № 45—46, стр. 1106.

продолжать съ успѣхомъ и выработку фаянсовой посуды, подобно тому, какъ въ Оптиной пустыни, среди подвиговъ благочестія и трудовъ книжныхъ, работаютъ и надъ деревомъ, и надъ глиною. Тогда ожила бы въ народѣ прежняя любовь къ Межигорью, и оно послужило бы для него благотворною и, можно сказать, необходимою въ настоящее время школою благочестія и трудолюбія.

Въ 1627 году Виленское братство, издавая духовныя бесѣды Макарія Египетскаго, посвятило эту книгу Межигорскому игумену Коментарію. Въ посвященіи сказано, между прочимъ, слѣдующее:

«Многіи бо вѣмъ, слышачи о честномъ житіи вашемъ, зъ далекихъ краевъ, одъ Іерусалима и святой Синайской горы, для навѣженья и подражанья житія вашего приходятъ и зъ вами обитовати зезволяютъ..... Найдешь у васъ штодень коваля съ молотомъ, теслю съ сокѣрою и иншихъ мастеровъ, зъ розныхъ далекихъ мѣстъ, зъ рознымъ начиньемъ, мовящихъ съ покорою: отче, роскажи што робити, обѣцалихомся за спасеніе души попрацовати тому святому мѣстцу»!

Вскорѣ я узналъ, что продажа Межигорья съ публичнаго торга отмѣнена и замѣнилась предположеніемъ о составленіи особой компаніи на Межигорскую фабрику; но что въ тоже время Печерская лавра изъявила готовность пріобрѣсть Межигорье въ свое вѣдомство уплатою назначенной за него суммы (кажется, шестидесяти тысячъ). Я порадовался этому послѣднему благому намѣренію и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что оно исполнится. Но вотъ опять прошелъ такой слухъ, что на покупку Межигорья сбирается и уже собрался какой-то предпріимчивый иновѣрецъ.

Неужели такой слухъ основателенъ? Неужели этотъ достопамятный уголокъ Святорусской Кіевской земли, гдѣ, впродолженіи стольких вѣковъ, воздавалась повседневная хвала Всевышнему отъ общежительной православной братіи, гдѣ и теперь красуется величавый храмъ Преображенія воздвигнутый здѣшнимъ постриженцемъ, Московскимъ [illegible]архомъ

Іоакимомъ, неужели и въ самомъ дѣлѣ Межигорье нынѣ достанется не въ распоряженіе Печерской лавры, а въ собственность какого-нибудь торгаша?

Подобно Межигорской обители, были прекращены и Густынская, и Святогорская, также по планамъ полновластнаго Потемкина. Но лѣтъ за двадцать возстановились уже и Святогорская, и Густынская обители — попеченіемъ тогдашнихъ епархіальныхъ пастырей Иннокентія и Гедеона.

Почему бы и Межигорью, еще болѣе славному въ исторіи, не ждать себѣ такой же доли? И неужели прійдется намъ поскорбѣть о немъ, снова говоря съ псалмопѣвцемъ.

«Озоба й вепрь отъ дубравы и уединенный дивій поядe й»!.....

1865 г. окт. 18.

Михайлова-гора.

О МОНАСТЫРѢ ГНИЛЕЦКОМЪ [1]).

Со времени открытія древней Ѳеодосіевой пещеры возлѣ селенія Лѣсниковъ [2]), мѣста сіи по справедливости обратили на себя вниманіе и получили значительность историческую. Потому каждая подробность, относящаяся къ исторіи этихъ мѣстъ, конечно будетъ любопытна для читателей Кіевлянина. Еще въ Описаніи Кіевопечерской лавры (1832 г.) упомянуто, что Ѳеодосіева пещера находилась близъ Лѣсниковъ, гдѣ былъ монастырь Глинецкій. Шагахъ во ста отъ той пещеры дѣйствительно найдены въ землѣ остатки церковнаго каменнаго зданія: окрестные жители называютъ это мѣсто *церковищемъ*, и говорятъ по преданію, что здѣсь когда-то былъ монастырь. На семъ преданіи и вышеприведенномъ упоминаніи о монастырѣ, основалось въ прошломъ году предположеніе, что это церковище есть остатокъ *Глинецкаго*, или правильнѣе *Гнилецкаго* монастыря.

Кромѣ сего ничего не было извѣстно у насъ объ этой обители, которая, по столь близкому положенію своему возлѣ пещеры Ѳеодосіевой, безъ сомнѣнія имѣла ближайшее къ ней отношеніе, какое имѣютъ къ двумъ лаврскимъ пещерамъ находящіеся при нихъ два небольшіе монастыря.

Въ нынѣшнемъ году, разсматривая актовыя книги Выдубицкаго монастыря, встрѣтилъ я въ нихъ нѣсколько выраженій о Гнилецкомъ монастырѣ и множество подробностей объ окрестности его, составлявшей нѣкогда его достояніе.

---

[1]) Кіевлянинъ 1841 года, стр. 27—47.

[2]) См. извѣстіе о сей пещерѣ, помѣщенное въ Кіевлянинѣ 1840 г.

Такимъ образомъ представилась возможность вызвать изъ забвенія еще одну [1]) обитель Рускихъ иноковъ, хотя краткимъ объ ней извѣстіемъ.

Первое упоминаніе о монастырѣ Гнилецкомъ встрѣчается въ грамотѣ митрополита Іосифа Солтана 1504 г. 5-го іюня, которую приведемъ здѣсь вполнѣ.

Милостю Божю и Пречистой его матери, мы Іосифъ, архіепископъ митрополитъ Кіевскій и Галицкій и всея Руси. Билъ намъ чоломъ тотъ богомолецъ нашъ честній ігуменъ святого архистратига Михаила монастира Видубицкаго въ Кіевѣ, отецъ Іякимей и просилъ насъ тоей землищи, на имя Гнилецъ, гдѣжъ издавна былъ монастиръ, штожъ держалъ небожчикъ Микула Паньkевичь, слуга нашъ Софейскій тую землицу съ поданья предковъ нашихъ и насъ самихъ, ку своей руцѣ мѣлъ съ нашоей воли; а потомъ, какъ тотъ Микула съ того свѣта преставился и по собѣ отродича ни одного немѣлъ дѣтей, и билъ намъ чоломъ тотъ ігуменъ Якимей, абыхмо мы тую землицу ему дали, чно передъ тимъ писали до насъ: панъ Андрѣй Немировичъ воевода Кіевскій и тежъ архимандритъ Печерскій Пречистое Богоматери отецъ Антоній, такъже просячи насъ за тимъ ігуменомъ Іякимомъ о тотъ монастиръ Гнилецъ, абыхмо ему дали, и тежъ повѣдилъ намъ намѣстникъ нашъ Менскій панъ Василій Шишка, которій же передъ тимъ былъ тамъ въ Кіевѣ отъ насъ врядникомъ, штожъ дей съ тое земли монастира Гнилецкого нѣкоторое служби и подачокъ намъ нетъ, а и шкоди тежъ никоторoей намъ нетъ, двору нашому церковному митропольему; и мы вьбачивши тое и поразумѣвши, ижъ намъ никоторое послуги съ тое земли нетъ, и тежъ на прозбу и жаданье пана воеводы его милости, и тежъ на прозбу отца Антонія, архимандрита Печерскаго, и на повѣданьи намѣстника нашого Менского, Василя Шишки, и на прозбу и чоломъбитье ігумена Іякима, тотъ монастиръ Гнилецъ со всимъ съ тимъ, какъ ся передъ тимъ издавна мѣлъ, дали есмо тому ігумену Іякиму и монастиру святого архангела Михаила Видубицкого до нашое воли, маетъ онъ тую землицу Гнилецъ

[1]) См. краткое извѣстіе о Пересопницкомъ монастырѣ, помѣщенное тамъ же на стр. 238 и слѣд.

держати со всимъ такъ, какъ ся въ собѣ издавна маетъ, и на то дали есмо тому ігумену Іякиму сей нашъ листъ зъ нашею печатью. Писанъ въ Менску іюн. 5-й ден. индик. 5, въ лет. 1504 [1]).

Изъ выраженій этой грамоты видно, что еще задолго до 16-го вѣка монастыря Гнилецкаго уже не было; слѣдственно его существованіе принадлежало времени болѣе отдаленному. Какому же именно?.... Для рѣшенія сего и другихъ вопросовъ относительно монастыря, представляются намъ еще немногія подробности объ немъ, въ выписяхъ изъ гродскихъ книгъ воеводства Кіевскаго, первой четверти 17-го вѣка. Въ одной изъ этихъ выписей (1616 г. 11-го октября) сказано: «урочище, названое Гнилечщизна; на которомъ местцу и урочищу былъ монастиръ заложеня светое Пречистое, названый Гнилецкій, здавна до митрополіи Кіевское и до ігуменства Выдубицкаго належачій и прислухаючій, которіе отъ велю лѣтъ черезъ непріятеля крижа светого будучи опустошоній и сплюндрованій, ажъ до того часу пусто стоитъ, которого и на тотъ часъ руины муровіе суть ясними и вѣдомими знаками». Этимъ ограничиваются всѣ извѣстія о монастырѣ Гнилецкомъ.

Изъ нихъ мы узнаемъ: что этотъ монастырь былъ построенъ *во имя Пречистой Богоматери;*— что въ этомъ монастырѣ была каменная церковь, коея развалины оставались въ 11-мъ вѣкѣ;—что онъ былъ разоренъ непріятелями св. креста, слѣдственно татарами, и съ той поры остался въ запустѣніи.

Основываясь на этихъ извѣстіяхъ, я думаю, что монастырь Гнилецкій былъ построенъ и существовалъ еще въ древнее время, и что надъ его запустѣлою развалиною, коея остатокъ называется теперь Церковищемъ, протекло уже шесть вѣковъ. Ибо если онъ разоренъ татарами, то это всего скорѣе могли они произвести въ первое свое нашествіе

[1]) Изъ сей и нижеслѣдующей грамоты Михаила Рогозы видно, что митрополиты Кіевскіе имѣли своихъ намѣстниковъ и свое пребываніе не только въ Новгородѣ Литовскомъ, Вильнѣ и Луцкѣ, но также и въ Минскѣ.

на Кіевскую землю. Но еслибы даже предположить, что они произвели это опустошеніе въ одинъ изъ послѣдующихъ набѣговъ своихъ на Кіевъ, бывавшихъ до начала или даже до конца 15-го вѣка; то развалина Пречистенской церкви монастыря все остается вѣрнымъ свидѣтельствомъ его древности и ручательствомъ, что онъ построенъ былъ еще до нашествія Батыева. Послѣ Батыя, въ продолженіе двухъ вѣковъ, не таково было положеніе Кіевской страны, чтобы въ новоначинающейся уединенной обители воздвигать каменную церковь, когда и въ самомъ Кіевѣ древніе храмы его оставались въ развалинахъ, когда и Печерская лавра до исхода 15-го вѣка совершала свое богослуженіе въ небольшомъ придѣлѣ, уцѣлѣвшемъ отъ великой ея церкви. Справедливѣе будетъ предположить, что послѣ нашествія Батыева, уединенная пещера Ѳеодосіева послужила убѣжищемъ для иноковъ разоренной обители Гнилецкой и даже, можетъ быть, лаврской; и что въ тѣ времена пещера сія была распространена до настоящей величины своей. Что касается до времени, въ которое начался монастырь Гнилецкій, то это могло быть въ 12-мъ и даже въ концѣ 11-го вѣка, и вѣроятно, что основателями его близь пещеры Ѳеодосіевой были Печеряне, желавшіе устроить новую обитель во имя Пречистой Богоматери въ томъ мѣстѣ, которое освящено было молитвеннымъ пребываніемъ и трудомъ великаго ихъ *начальника*. Къ этой мысли приводитъ насъ въ особенности храмовое сходство обители Гнилецкой съ Печерскою.

Въ такомъ предположеніи, на Гнилецкое церковище и на опустѣлую близь него пещеру можно смотрѣть, какъ на остатки одной, нѣкогда живой отрасли Печерскаго монастыря, насажденной самимъ преподобнымъ Ѳеодосіемъ и потомъ возращенной его учениками.

По запустѣніи монастыря, Гнилецкая земля его (съ принадлежащими къ ней урочищами: Куликовымъ, Калиновщиною и Калнымъ лугомъ, всего пространствомъ на милю вокругъ) причислена была къ владѣніямъ митрополита Кіевскаго. Съ 1504 года этою землею сталъ владѣть Выдубицкій монастырь, по вышеприведенной грамотѣ митрополита Іосифа.

Въ половинѣ 16-го вѣка урядникъ или намѣстникъ Софійскій Іосифъ Прокоповичъ отобралъ было всю Гнилеччину отъ монастыря Выдубицкаго; но въ 1564 году Софійскій намѣстникъ Өедоръ Тиша возвратилъ ее въ прежнее обладаніе, что утверждено въ томъ же году и грамотою митрополита Сильвестра Бѣлкевича. При митрополитѣ Михаилѣ Рагозѣ, Гнилецкая земля опять присоединена была къ имѣніямъ намѣстничества Софійскаго, и въ 1590 году грамотою сего митрополита дано обывателю Кіевскому и земянину Софійскому, Ефиму Олешевичу, Гнилецкую землю «на службѣ конной боярской держати» и пользоваться ею, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими землями церковными.

Вскорѣ отступничество Рагозы произвело великія смуты въ землѣ Кіевской, и между тѣмъ какъ православныя церкви и ихъ достояніе насильственно забираемы были подъ Унію, многими церковными землями завладѣвали и обыватели свѣтскіе.

Такъ въ самомъ началѣ 17-го вѣка княгиня Анна Корецкая, урожденная Ходкевичева (супруга Ефима Богушевича князя Корецкаго, воеводича Волынскаго), владѣвшая тогда мѣстечкомъ Лѣсниками, присвоила себѣ всю Гнилеччину. За это въ 1702 году вступился Выдубицкій игуменъ и Кіевскій намѣстникъ Ипатія Поцея—Якубъ Крушинскій, и началъ тяжбу съ княгинею Корецкою. Тяжбу эту продолжали и послѣдующіе игумены Выдубицкіе, а потомъ и самъ митрополитъ Веньяминъ Рутскій. Но княгиня Корецкая, не смотря на всѣ декреты и выѣзды Кіевскаго суда, и на строгіе декреты трибунальскіе, въ продолженіе 25 лѣтъ, до самой смерти своей, не допускала уніатовъ пользоваться Гнилецкими добрами, среди коихъ во мракѣ неизвѣстности скрывалась уединенная пещера Өеодосія [1]).

---

[1]) Надо думать, что сія пещера оставалась въ неизвѣстности до половины прошлаго столѣтія; ибо до этого времени, не смотря на множество бумагъ, относящихся къ Гнилеччинѣ, нѣтъ въ нихъ никакого упоминанія о пещерѣ. Тѣмъ важнѣе находящееся въ Печерскомъ Патерикѣ указаніе, что уединенная Өеодосіева пещера была въ Лѣсникахъ: это указаніе вѣроятно

Какъ трудно было тогда справляться Кіевскому суду съ княгинею Корецкою, можно видѣть изъ слѣдующей *выписи съ книгъ кгродскихъ воеводства Кіевского, лѣта Божого нароженя 1623, мѣсяца іюля 21-го дня.*

«На вряде его к. м. кгродскомъ Кіевскомъ передо мною, Яномъ Липлянскимъ, намесникомъ Кіевскимъ, ставши очевисто шляхетніе: Андріанъ Ляховскій, а Бартошъ Шумовскій, возніе енералове воеводства Кіевского, чинили оповеданье и жалосне протестовалисе на вельможную ее м. кнежну Анну Ходкевичовну Яхимовную Корецкую о то, ижъ кнежна ее милость Корецкая, зневажаючи право посполитое и вини въ немъ описаніе, о безпеченстве судовымъ особливе обвароване, кгдисьми были уредовне везваны на справу судовую отъ шляхетного пана Александра Брохоцкого, на тотъ часъ понаместника метрополіе Кіевское, а то на одобранье кгрунтовъ селища Гнилецкого, Куликова и Калного лугу, декретами суду головного трибуналского его милости отцу Іосифови Веніяминови Руцкому, архіепископови метрополитови Кіевскому, Галицкому и всее Руси, и капитули его милости присуженыхъ, где кгди насъ на помененіе кгрунти зъ шляхтою при насъ будучою, очекиваючи ихъ м. пановъ судовыхъ кгродскихъ Кіевскихъ на поданье тыхъ кгрунтовъ декретомъ суду головного трибуналского депутованыхъ, и чекалисмо тамъ одъ ранку ажъ до нешпорное години, где насъ тамъ его м. панъ Лукашъ Витовскій, подчашій и судья, его м. панъ Павелъ Реховскій, писаръ, урядникове судовіе кгродскіе Кіевскіе, на поданье тыхъ кгрунтовъ зъѣхавши застали, нижли одъ кнежни ее м. никого не было до поданья тыхъ кгрунтовъ, и такъ ихъ м. одъехали, ничого не справивши, а мы, которые есмо съ понаместникомъ чекали нешпорной го-

---

основано на какомъ нибудь письменномъ извѣстіи или же преданіи лаврскомъ изъ времени болѣе отдаленнаго.

Что касается до названія оной *Антоніевыми пещерами*, подъ которымъ слыветъ она у окрестныхъ жителей, то это названіе придумано уже позднѣйшими лаврянами около половины прошлаго столѣтія, какъ то видѣть можно изъ магистратской выписи, данной въ Выдубицкой монастырь 1768 года, 31-го октября.

[illegible] теди [illegible] зъ места Лесникъ [illegible] [illegible] въ сргужень. віче належачимъ. такъ же на насъ [illegible] обычаемъ неприятелскимъ. [illegible] [illegible] [illegible] на насъ и на [illegible] при насъ будучихъ. такъ-же и на подданыхъ нетерпѣлихъ [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] хотели быть. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] до болота. а въ болота [illegible] [illegible] и такъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] страху. а хотечи о тое [illegible] [illegible] [illegible] и свой [illegible] [illegible] все [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] протестація до книгъ урядовыхъ [illegible] Кіевскихъ была принята и записана: [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] до книгъ есть записано. съ [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] печатью моею есть выданъ. Писанъ у Кіевѣ».

Не ранѣе какъ въ 40 годахъ того столѣтія, въ митрополитство Петра Могилы, Выдубицкій монастырь вступилъ во прежнему въ обладаніе землею Гнилецкою. Лесницкіе жители, по старой привычкѣ, продолжали еще пользоваться [illegible] [illegible] монастырскими [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] былъ 1654 года слѣдующій универсалъ отъ гетмана Богдана Хмельницкаго полковнику Кіевскому.

Богданъ Хмельницкій гетманъ зъ войскомъ его царского величества Запорожскимъ. Пане полковнику Кіевскій Іосифъ [illegible] насъ скарга объ [illegible] въ Кіевѣ господина отца Клементія Старушича, игумена монастыря Выдубицкого, на атамана Лесницкого и Хотомскаго и всѣхъ обывателей тамошныхъ, же такъ въ Калиновщинѣ, Калиновъ лугъ, Гниледчикѣ, и въ озерѣ Глушцу, отъ давнихъ часовъ до монастыря Выдубицкого належачихъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] великіе [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] Божій [illegible], частимъ [illegible] рыбъ въ [illegible] [illegible]. Пилно теди е. милости жадаемъ и сурово напоминаемъ, абысте того пилне постерѣгали и, нехимъ [illegible] [illegible] такъ сурово безъ фолги карали. [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible], такъ въ [illegible], яко и въ озерахъ, до монастыря Выдубицкого належачихъ, не [illegible], [illegible] не [illegible], такъ [illegible] насъ болшъ о томъ скарга не доходила: [illegible] [illegible]

певне, ежелибысь таковымъ своволникомъ фолговалъ, самъ зъ ними посполу каранья нашого не уйдешъ. Въ Чигирине, мая 25-го, року 1654.

Послѣдующіе гетманы также утверждали за Выдубицкимъ монастыремъ обладапіе Гнилецкою землею; а Петръ Дорошенко, сверхъ того, особымъ универсаломъ 1670 года, придалъ къ сему монастырскому владѣнію и село Лѣсники, въ которомъ прежде жила княгиня Анна Корецкая и имѣла тамъ свой *замочокъ*.

Выдубицкій монастырь владѣлъ Гнилецкою землею до 80 годовъ прошлаго столѣтія; а потомъ, съ учрежденіемъ монастырскихъ штатовъ, она принадлежала казенному вѣдомству, изъ коего, въ 1833 году съ Высочайшаго разрѣшенія, обращена въ собственность Кіевобратскаго училищнаго монастыря, которому принадлежитъ и въ настоящее время.

Въ 1835 году, стараніемъ бывшаго тогда ректора академіи и настоятеля братскаго монастыря, приведена въ общую извѣстность и доступное для посѣтителей устройство находящаяся здѣсь пещера Ѳеодосіева,—раскрыто каменное основаніе Пречистенской церкви Гнилецкаго монастыря; а надъ колодцемъ, издавна находящимся возлѣ пещеры, поставлена часовня. Съ тѣхъ поръ эти мѣста посѣщаются людьми уже не съ видами житейской корысти, но съ помыслами христіанской набожности и благочестиваго любознанія.

1840 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Листъ Софійскаго намѣстника Ѳедора Тиши, 1564 г.

Я, Ѳеодоръ Тиша, намѣстникъ Софейской въ Кіевѣ его милости государя моего митрополита Кіевскаго, киръ Силвестра, ознаймую тимъ листомъ моимъ, ижъ которую землицю, на имя Гнилецъ, где здавна бывалъ монастиръ, отнялъ былъ

отъ святого Михаила Видубицкого въ ігумена першого Дениса врядникъ першій Софійскій его милости митрополита, панъ Іосифъ Прокоповичъ, то такъ теперешній ігуменъ святого Михаила Видубицкого Ѳеофилъ показывалъ предо мною два листа першого митрополита его милости, небожчика Іосифа, въ которихъ пишетъ, ижъ тую землицу, прозиваемую Гнилецъ, где передъ тимъ монастиръ бывалъ, придалъ на той монастиръ святого Михаила Видубицкого бывшому еще ігумену небожчику Якимію, якожде и по томъ небожчику Якимію и инніи ігумени святого Михаила тую землицу Гнилецъ держивали супокойне къ тому монастиру Вудубицкому, и за то просилъ мене теперешній ігуменъ святого Михаила Видубицкого Ѳеофилъ, абыхъ ему той землици Гнилца, где первей сего монастиръ бывалъ, поступилъ до воли и ласки митрополита его милости. Я, для прозби его, то вчинилъ и тую землицю Гнилецъ до воли и ласки его милости государя моего милостивого, митрополита его милости, ему есми поступилъ, и на то далъ есми ему сесь мой листъ подъ моею печатью. Писанъ въ Кіевѣ подъ лѣт. Бож. нарож. 1564, мѣсяца априля 27-го дня.

(М. П.).

2.

Грамота Кіевскаго митрополита Сильвестра Бѣлкевича. 1564 г.

Милостю Божю и Пречистое его Матери, мы, Сильвестръ, архіепископъ митрополитъ Кіевскій и Галицкій и всея Руси, чинимъ явно симъ нашимъ листомъ нынешнимъ и напотомъ будучимъ, штожъ которую землю, на имя Гнилецъ, придали предкове наши митрополиты ихъ милости къ монастиру святого архангела Михаила Видубицкого въ Кіеве и держана была тая земля не малый часъ къ тому святому монастиру: то пакъ безъ воли и ведомости нашое отнялъ былъ тую землю отъ того монастира нашого Выдубицкого наместникъ нашъ Софійскій, Еско Прокоповичъ. А такъ теперпінего часу билъ намъ чоломъ ігуменъ святого Михаила монастира Ви-

дубицкого, инокъ Ѳеофилъ со всею еже о Христе братіею того честного манастира, абыхмо тую землю Гнилецъ за ся привернули къ тому святому монастиру. Мы, зъ ласки нашое, тое вчинили, тую землю Гнилецъ со всимъ на все, какъ ся тая земля зъ давнихъ часовъ со всѣми пожитки въ собе маетъ, придаемъ къ тому святому манастиру Видубицкому вѣчными часы, водлугъ листовъ предковъ нашихъ, и маетъ тая земля держана быти въ манастиру святого Михаила Видубицкого, и на то даемъ ігуменомъ Видубицкимъ сесь нашъ листъ зъ нашею печатью. Писанъ въ Новегородку. Лет. Божог. нарож. 1564. мѣсяца іюля 2-го дня.

(М. П.).

Волею Божію Селивестръ архиепископъ митрополитъ Кіевскій Галицкій и всея Руси.

Мартинъ писаръ.

3.

Грамота Кіевскаго митрополита Михаила Раговы. 1590 г.

Волею Божью архиепископъ Михайло, митрополитъ Кіевскій Галицкій и всея Руси, ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ нынѣ и напотомъ будучимъ ихъ милости митрополитомъ, хто бы зъ ихъ милости въ сесь нашъ листъ угленути хотелъ, ижъ билъ намъ чоломъ слуга нашъ, а земенинъ и обыватель воеводства Кіевского наместниства нашого Софійского, на имя Евхимъ Олешевичъ, абыхмо ему землю именья наместниства Софейского, называемые Праведницкую, то есть Милковщину и селищо Хилимоновское надъ рекою Борщовкою, къ тому нивы коло валу и дворище Хилимоновское, а особливе Гнилецъ, которую тую всю землю помененую первей сего держалъ земенинъ нашъ Софейской Андрей Залецкій съ тимъ всѣмъ, якъ ся тые земли здавна въ собѣ мають, на службе боярской конной ему дали, и то все листомъ нашимъ потвердили, за которимъ писалъ до насъ наместникъ нашъ Софейскій, панъ Остафей Радовецкій, причиняючися о томъ до насъ. А такъ мы, бачечи того Евхима Олешевича чоловѣка доброго

и на всемъ обычайного и до служобъ нашихъ годного, за причиною того наместника нашого Софейского и иншихъ слугъ нашихъ, тые земли, селища и дворища вышей помененные, а особливе Гнилецъ зъ озеромъ Глушцемъ и зъ Калнымъ лугомъ и зъ закотою на Ветѣ, съ перевесемъ и съ пасеками, зъ садомъ, зъ селищомъ Куликовскимъ, также и зъ сѣножатми и зо всѣмъ тымъ, якося тые земли сами въ собѣ въ границахъ и въ положеню своемъ маютъ и яко тежъ Андрей Залескій на себе держалъ, ему то на службе конной есмо дали, и симъ листомъ нашимъ даемъ. Маетъ тотъ Евхимъ самъ, жона и дѣти его, тые вси земли, нивы, селища, дворища и Гнилецъ на службе конной боярской держати и того всего вживати, и кождую повинность съ того буде онъ повиненъ выполняти и службу земскую боярскую заступовати потому, яко иная шляхта тамошная выполняютъ, послушенство и всякую повинность чинятъ, водле стародавного звичаю, якои первей съ тыхъ земель виполняли. А мы и потомки наши ихъ милость митрополитове не маемъ и не маютъ ему въ томъ жадное порухи и кривди чинити. А не маемъ съ тыми землями помененними нигдѣ инде, выймуючися зъ владзи и послушенства архиепископства нашего Кіевского, такъ же и намесниковъ нашихъ Софейскихъ въ оборону и звирхность поддаватися, толко церкви Божой и зверхности нашой архиепископской служити во всемъ зичливе и сприязливе; а пакъ либы онъ, забачивши въ томъ ласки нашое, съ тыми землями мимо насъ, пана своего, за кого иного мелъ волю закладатися, въ послушенство и зверхность чію иншую поддаватися, а о насъ и о намесниковъ нашихъ Софейскихъ не хотѣлъ бы дбалости чинити, албобы тые земли кому въ руки позаводилъ якимъ колвекъ способомъ, тогди, за дознаньемъ певнимъ, волно намъ буде черезъ наместника нашого Софейского, або черезъ посланца нашого, его за то, яко виступного, скарати, и тые земли отъ него отобрати, яко властность церковную; а онъ немней немаетъ тому противенъ быти. Якожъ есмо на то все дали тому земенину нашому Софейскому Евхиму Оле[illegible] нашъ листъ зъ нашою печатью и съ подписомъ [illegible]

Писанъ у Мѣнску, лета Божого нарж. 1590. мѣсяца августа 10-го дня.

(М. П.).

Михайло Рогоза архиепископъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій рукою властною.

4.

Универсалъ гетмана Юрія Хмельницкаго, 1669 г.

Юрій Хмельницкій гетманъ зъ войскомъ его цар. вел. Запорозскимъ. Ознаймуемъ симъ писаньемъ нашимъ, паномъ полковникомъ, асавуломъ, сотникомъ, атаманомъ, и всему старшому и меншому войска его царского величества Запорозского товариству, такъже его царского пресвѣтлого величества началнимъ и подъ началомъ зостаючимъ и всякого стану людемъ, и кому колвекъ показано будетъ: ижъ яко небожчикъ панъ родичъ нашъ славной памяти хотѣлъ мѣти, абы святой обытели Выдубицкой, для щоденного помноженія хвали Божой и молитвствія, въ Калиновщизне, Калнимъ лугу, Гнилецчизне и въ озери Глушцу, яко здавна належачимъ святой Кіевской обители Видубицкой, жаднихъ перешкодъ, и рибъ своеволне не было ловлено. Теди и ми тіежъ всѣ врочища ствердивши а привергнувши, яко бы безъ укривженя святая обытель заживала Видубицкая Кіевская найменшого, полно всей старшинѣ чернѣ войска его царского величества Запорозскаго жадаемъ и приказуемъ, назначивши на каждого противного волѣ нашой и сему писаню срогое безъ фолги каранье. Данъ въ Чигиринѣ мая 3-го дня року 1669.

Юрій Хмельницкій рукою власною.

(М. П.).

5.

Универсалъ гетмана Петра Дорошенка, 1670 г.

...ошенко, гетманъ зъ войскомъ Запорозскимъ. ...санемъ нашимъ всей старшинѣ и чернѣ

войска Запорозского и кождому, кому о томъ вѣдати належить, имъ, стосуючися до унѣверсалювъ антецессоровъ нашихъ гетмановъ Запорозскихъ, кгрунта: Калиновщизну, Калиній лугъ, Гнилещизну и озеро Глушецъ зо всѣми, при ныхъ найдучимися угодіями (яко здавна до монастира святого архистратига Михаила Видубицкого Кіевского слушнымъ правомъ належніе) при превел. господину отцу Θеодосію Углицкому, ігумену Видубицкому и при всей его братіи цале заховуемъ: ажебы въ тыхъ кгрунтахъ превелебному отцу ігумену и всей братіи монастира Видубицкого не было найменшое перешкоди, и найменшого ни отъ кого утисненья, яко симъ унѣверсаломъ нашимъ пилно варуемъ. Такъ, кгдибы оны отцове законники Видубицкіе: ігуменъ и вся братія въ тихъ кгрунтахъ своихъ вижейреченыхъ одеймованьемъ, и посѣданьемъ поля, кошеньемъ сѣножатей, рубаньемъ пущи, зловеньемъ озеръ, и иншимъ яковимъ способомъ найменшую отъ кого узнали кривду, вложитися за ихъ кривду повагою нашою и каждого зъ подручнихъ нашихъ карати срого декляруемъ. Респектуючи тежъ на знищенье тогожъ святого местца монастира Видубицкого, конферуемъ тамощнимъ отцомъ ігумену и всее братіи село, або некгдысь бывшое мѣстечко Лесники, зо всѣми принадлежностями, позволяючи имъ отцамъ и людей тамъ збирати и осажовати, и всякіе оттолъ отбирати повинности и пожитки, зачимъ срого приказуемъ, абы жаденъ зъ старшини и чернѣ войсковое имъ отцомъ законникомъ Видубицкимъ, такъ въ владѣнью Лесникъ, яко и въ отбиранью зъ нихъ всякихъ пожитковъ, найменшой не чинилъ перешкоди; людямъ зась въ Лесникахъ будучимъ и быти хотячимъ пригрожаемъ, абы всякое отцу ігуменови Видубицкому и всей его братіи отдавали послушенство. Данъ въ Чигиринѣ. Декабр. 19-го. 1670.

Петро Дорошенко гетманъ рукою власною.

(М. П.).

2. КІЕВСКОЕ КНЯЖЕНІЕ.

ОБЪ УПОТРЕБЛЕНIИ НАЗВАНІЙ РОССІЯ И МАЛОРОССІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РУСИ [1]).

Не очень давно было толкованіе о томъ, будто Кіевская и вся западная *Русь* не называлась *Россіей* до ея присоединенія къ Руси восточной; будто и названіе *Малой Россіи* или *Малороссіи* придано Кіевской Руси уже по соединеніи ея съ Русью великою или Московскою. Чтобы уничтожить навсегда этотъ несправедливый и нерусскій толкъ, надо обратить его въ историческій вопросъ: когда въ Кіевѣ и въ другихъ западно-русскихъ областяхъ своенародныя имена: *Русь*, *Русскій*, начали замѣнять, по греческому произношенію ихъ, именами *Россія*, *Россійскій?*

Отвѣтъ: съ девяностыхъ годовъ 16-го вѣка, въ правленіе короля Жигимонта III-го, то есть, вскорѣ послѣ того, какъ земля Кіевская и все княжество Литовское были присоединены къ Польшѣ, на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

Основаніемъ такого отвѣта служатъ тоговременные акты письменные и книги, печатанныя въ разныхъ областяхъ Русскихъ, присоединенныхъ къ Польшѣ. Приведу свидѣтельства тѣхъ и другихъ.

1) Вотъ *первая* книга, напечатанная въ Кіевѣ, въ типографіи Печерской лавры — *Часословъ*, 1617 года. Въ предисловіи къ ней іеродіакона Захарія Копыстенскаго сказано: «се, правовѣрный христіанине и всякъ благовѣрный читателю, отъ нарочитыхъ мѣстъ въ *Россіи* Кійовскихъ, сирѣчь лавры Печерскіа»...

---

[1]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1868 г. № 1, стр. 5, перепечатано въ газ. «Москвичъ» 1868 г. № 25 и въ газ. «Кіевскій Телеграфъ 1868 г. № 7.

2) Въ послѣсловіи къ *Анѳологіону*, изданному 1619 года, типографъ Памво Берында говоритъ къ читателю о лаврѣ Печерской: «се убо приноситъ ти... матеръ твоя *въ Россіи Малой*».

3) Въ *Поученіяхъ св. Дороѳея*, напечатанныхъ 1628 г., лаврскій намѣстникъ Филоѳей Кизаревичъ съ братіей говорятъ, что сія книга въ общую пользу «великаго и славнаго *народа Россійскаго* и прочіихъ народовъ пресладчайшаго языка славенска».

4) Основательница Кіевскаго Богоявленскаго братства, Анна Гулевичевна Лозкина, въ своей записи о томъ 1615 г., говоритъ, что она учреждаетъ его—«правовѣрнымъ и благочестивымъ христіаномъ *народу Россійскаго*, въ повѣтехъ воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго будучимъ».

5) Въ «реестрѣ Братскомъ», тогда же начатомъ, сказано: «начинаемъ сіе душеспасительное, друголюбное братство церковное въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ..... на утѣшеніе и утвержденіе въ благочестіи *нашему Россійскому роду*» и т. д.

6) А вотъ еще стихъ изъ *Вѣршей* ректора Кіево-братской школы, Кассіана Саковича, на погребеніе гетмана Петра Конашевича—Сагайдачнаго, напечатанныхъ 1622 года:

«Зоставивши теды намъ святыню въ *Россіи*».

7) Окружная грамота, напечатанная въ Кіевѣ 1629 года, начинается такъ: «Іовъ Борецкій, милостію Божіею архіепископъ Кіевскій и Галицкій и *всея Россіи*, всѣмъ посполито *Россійскаго рода*, такъ въ коронѣ Польской, яко и у великомъ князствѣ Литовскомъ, всякого достоинства, духовнаго и свѣтцкого, высокого шляхетного и низшого посполитого стану людемъ»...

Но довольно о Кіевѣ; обратимся къ землѣ Галицкой.

8) Тамъ Львовское братство въ своей типографіи прежде всего издало *Грамматику*, 1591 года, въ наставленіе «многоименитому *Россійскому* роду». Въ ней упоминается о пришествіи патріарха Іереміи «во страны *Россійскія*»; митрополитъ Кіевскій и Галицкій Михаилъ (Рагоза) именуется «архіепископомъ всея *Россіи*».

9) Того же 1592 года Львовское братство обращалось въ Москву къ царю Θеодору Ивановичу, съ просительными посланіями, въ которыхъ именуютъ его «свѣтлымъ царемъ *Россійскимъ*», вспоминаютъ «князя Владиміра, крестившаго весь *Россійскій* родъ» и т. п.

10) Минуя другіе акты и книги, назову еще *Октоихъ*, изданный—во Львовѣ 1630 года; тамъ сказано въ посвященіи о братствѣ—«въ градѣ Леондополи *Малыя Россіи*».

Въ землѣ Волынской находимъ тоже.

11) Въ числѣ книгъ, напечатанныхъ въ Острогѣ, извѣстна *книга Василія великаго* (о постничествѣ), изданная 1594 года. Въ ея предисловіи встрѣчается такое выраженіе: «вы же, о православный *Россійскій народе*»!

12) Въ мѣстечкѣ Рохмановѣ, принадлежавшемъ княгинѣ Иринѣ Вишневецкой, Кириллъ Транквиліонъ - Ставровецкій напечаталъ 1619 года свое *Евангеліе учительное*. Въ одномъ предисловіи говоритъ онъ: «ревностію поревновахъ о спасеніи братіи моей, рода моего *Россійскою*». Въ другомъ предисловіи встрѣчается выраженіе: «по всей *земли Россійской*».

Такое же употребленіе именъ «Россія, Россійскій» было тогда и на сѣверо-западѣ Русскомъ.

13) Въ столичномъ городѣ Литовскаго княжества, Вильнѣ, гдѣ была долго и резиденція митрополитовъ Кіевскихъ, Михаилъ Рогоза первый изъ нихъ сталъ писать въ своемъ титулѣ: «всея *Росіи*» или «всея *Россіи*»,—какъ это видно изъ подлинныхъ актовъ 1590—1599 годовъ. Такъ продолжалъ писать и его преемникъ, уніатскій митрополитъ Ипатій Потѣй, въ 1600—1608 годахъ. А прежніе митрополиты Кіевскіе, бывшіе до Михаила Рагозы, писали: «и всея *Руси*» или «всея *Русіи*». Такъ писали въ своемъ титулѣ и Московскіе митрополиты, бывшіе до учрежденія патріаршества въ Москвѣ. Первый патріархъ Московскій Іовъ писалъ уже: «и всея *Росіи*» (въ 1586—1589 годахъ).

14) Въ предисловіи къ *Евангелію учительному* патріарха Каллиста, напечатанному 1616 г. въ Евю, коштомъ Богдана Огинскаго, сказано, что Русскій переводъ этой книги—«вы-

даньемъ зъ друку, на всѣ широкіи славного и старожитного *народу Россійского* краины разосланъ»...

15) Жители города Ратна, въ 1614 году писали къ преемнику Потѣя, Іосифу Руцкому, о непринужденіи ихъ къ уніи: «отче архіепископе всего *Россійского языка*»!

Но возвратимся къ Кіеву. По возобновленіи здѣсь православной митрополіи въ 1620 году, митрополиты Іовъ Борецкій, Исаія Копинскій, Петръ Могила, продолжали писать въ титулѣ: «и всея *Россіи*».

Приведу нѣсколько выраженій изъ писаній Петра Могилы.

16) Въ его предисловіи къ *Анѳологіону*, изданному 1636 года, читаемъ: «святого великого *Россійского князя* Владиміра»—«и всей *церкви* православной *Россійской*»—презацный *народъ Россійскій.*

17) Въ его пригласительномъ листѣ къ Луцкой братіи на Кіевскій соборъ 1640 г., сказано: «отъ немалого часу вся православная *церковь Россійская*, будучи отъ апостатовъ въ великомъ преслѣдованю, не могла прійти до того, абы волковъ драпѣжныхъ отдалити отъ себе».

18) Въ грамотѣ патріарха Ѳеофана, писанной въ генварѣ 1621 года, при отъѣздѣ его изъ Кіева, сказано: «смиренія нашего благословеніе всѣмъ благочестивымъ христіаномъ въ *Малой Россіи*..... сыномъ *церкви Россійскія* восточныя».

19) Гетманъ Богданъ Хмельницкій, въ своемъ Бѣлоцерковскомъ универсалѣ, 1648 года писалъ: «вамъ всѣмъ обще *Малоросіяномъ* о томъ доносимъ, такъ и до компанѣи военной, на предлежащее съ нимижъ поляками дѣло военное васъ вызываемъ и заохочуемъ. Кому мила вѣра благочестивая, отъ поляковъ на унѣю претворяемая; кому зъ васъ любима цѣлость отчизны вашей, *Украины Малороссійской*»...—о уволненю отъ бѣдъ лядскихъ всего *народа Малоросійского*..... и т. п.

20) Въ заключеніе, привожу отрывокъ изъ отвѣтнаго письма гетману Хмельницкому отъ Запорожской Сѣчи, писаннаго 3-го генваря 1654 года, передъ наставшимъ уже присоединеніемъ Малороссіи къ великой

вашъ, щобъ удатися и буди зо всѣмъ *народомъ Малоросійскимъ*, по обоихъ сторонахъ Днѣпра будучимъ, подъ протекцію великодержавнѣйшого и пресвѣтлѣйшого *монарха Россійскою*, за слушный быти признаваемъ, и даемо нашу войсковую вамъ пораду, абысте того дѣла не оставляли и оное кончили, якъ ку найлутшой ползѣ отчизны нашой *Малоросійской*»....

30 ноября 1867 г.

Михайлова-гора.

ВОСПОМИНАНІЕ О СТАРОДАВНЕМЪ МОНАСТЫРѢ КАНЕВСКОМЪ [1]).

Кіевскіе продолжатели Несторовой лѣтописи въ 12-мъ вѣкѣ, упоминая не рѣдко о городѣ *Каневѣ*, не оставили его безъизвѣстнымъ и въ отношеніи церковномъ. У нихъ находимъ два свѣдѣнія: первое, что въ *1144* году 9-го іюня, была заложена церковь «Каневская святаго Георгія, великимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ; другое, что въ *1154* году, когда у Кіевлянъ не стало князя, они послали «епископа Демьяна Каневскаго» звать на княженіе къ нимъ Изяслава Давидовича. Тоже самое повторено и въ лѣтописи Суздальской или Лаврентьевской.

Весьма вѣроятно, что упоминаемый здѣсь епископъ — одно лицо съ тѣмъ Юрьевскимъ епископомъ *Демьяномъ*, который въ *1147* году находился въ Кіевѣ, при поставленіи въ митрополиты Клима Смолятича соборомъ Русскихъ епископовъ. И если онъ здѣсь не обмолвкою названъ *Каневскимъ*, вмѣсто *Юрьевскаго*, то мы въ правѣ полагать, что въ срединѣ, 12-го вѣка, Юрьевская епископія находилась въ городѣ Каневѣ, при церкви св. Георгія. Припомнимъ, что въ *1150* году, когда Юрій Владиміровичъ впервые сѣлъ на великокняжескомъ столѣ Кіевскомъ, онъ посадилъ своего сына Глѣба — въ Каневѣ, конечно потому, что этотъ наддпѣпровскій городъ былъ тогда важнѣйшимъ для всего Поросья, болѣе безопаснымъ отъ Половцевъ, чѣмъ находившійся на р. Роси городъ Юрьевъ, который въ 1095 году, обложенный на все лѣто Половцами, совсѣмъ покинутъ былъ своими жите-

---

[1]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости, 1864, № 24, стр. 757.

лями; и великій князь Святополкъ велѣлъ срубить новый городъ на Витичевомъ холму и тамъ поселилъ Юрьевцевъ съ ихъ епископомъ Мариномъ; а сожженный Половцами Юрьевъ возобновилъ уже въ 1103 году.

У жителей Канева ведется издавна такое мнѣніе, что нынѣшняя соборная церковь св. Успенія, при которой былъ нѣкогда православный монастырь, занятый впослѣдствіи базиліанами, есть та самая церковь, что заложена была Всеволодомъ Ольговичемъ. Мнѣніе правдоподобное, но требующее повѣрки археологической. Базиліане въ своихъ «визитахъ каноничныхъ» писали, что эта церковь была сожжена и разорена татарами въ 1630 году и съ той поры, въ продолженіе 180 лѣтъ, стояла неоправленною, безъ крыши; но они ошибались, относя къ *1630* году то событіе, которое произошло въ *1678*, велѣдъ за разореніемъ Чигирина. Вотъ современное свидѣтельство изъ лѣтописи—Самовидца, писанной козакомъ западно-украинскимъ: «заразъ тогожъ часу, отступивши отъ нашого войска, часть войска турецкаго и татаръ, пошовши зъ Юенкомъ подъ Каневъ, и Каневъ достали и изрубили людей, и Каневъ спалили и монастыръ, где у церкви мурованой много люду подушили огнемъ турки».

Таковъ былъ конецъ того Каневскаго Успенскаго монастыря, который еще въ половинѣ семнадцатаго вѣка называли «монастыремъ *стародавнимъ*». Но его историческая жизнь донынѣ покрыта туманомъ невѣдѣнія, и еще не открылось ничего ни о его началѣ, ни о состояніи его въ шестьнадцатомъ вѣкѣ. Только изъ Малороссійскаго лѣтописанія видно, что въ *1587* году козаки перевезли въ Каневскій монастырь и здѣсь похоронили тѣло знаменитаго рыцаря своего *Ивана Подковы*, казненнаго во Львовѣ 12-го іюня, по повелѣнію короля Баторія; что въ этомъ же монастырѣ постригся и окончилъ свою жизнь сподвижникъ и другъ Подковы, гетманъ *Шахъ*. Народно-украинская дума о *Самоилѣ Кушкѣ* хоронитъ здѣсь и этого Запорожскаго вождя. Это показываетъ намъ, что Каневскій монастырь былъ въ особенномъ уваженіи у козаковъ того времени, хотя у нихъ невдалекѣ былъ уже и свой монастырь *Терехтемировскій*, пожалованный имъ 1576

года королемъ Баторіемъ, вмѣстѣ съ заднѣпровскимъ городомъ Терехтемировомъ. Усердіе козаковъ къ монастырю Каневскому выражалось и тѣмъ, что они надѣлили его своимъ имуществомъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ старѣйшій изъ дошедшихъ къ намъ монастырскихъ актовъ 17-го вѣка. Прочтемъ его, въ буквальномъ переводѣ съ польскаго языка.

«Іеремія Михаилъ Корыбутъ, князь на Вишневцѣ и Лубнахъ, земель Русскихъ воевода, староста Каневскій».

«Чиню вѣдомымъ, кому о томъ знать надлежало бы нынѣ и впредь: что отцовъ монастыря Каневскаго я оставляю при всѣхъ владѣніяхъ, какія они содержали при прежнихъ нашихъ антецессорахъ. Во-первыхъ хуторъ, на Студенцѣ лежащій, данный нѣкогда отъ Иліи Стороженка, войта Каневскаго; другой хуторъ Гировщину, данный отъ козака Гиренка; сѣножать, называемую Шандерову, данную нѣкогда отъ козаковъ, лежащую при рѣкѣ Росавѣ; коморы на рынку въ городѣ Каневѣ, данныя отъ козака Ѳедора Рутка; мельницъ двѣ, мучную и ступную, къ которыхъ розмѣръ долженъ итти имъ отцамъ и мельника держать имъ своего; однако замковую повинность отправлять должны; млинъ, поле и сѣножать, называемые Пекарскими [1]), данные отъ козака и полковника Семашка, по правамъ держать имѣютъ; озеро, называемое Попово [2]), которое лѣтомъ я отобралъ было и далъ слугѣ своему п. Жабокрыцкому, остается при нихъ. Чѣмъ всѣмъ помянутые отцы имѣютъ пользоваться спокойно, безъ препятствія какъ отъ моихъ подстаростъ, такъ и другихъ державцевъ; на что я, для большей твердости, даю сей мой листъ, за подписомъ руки моей и печатью. Данъ въ Вишневцѣ 3-го октября *1646* года».

Означенныя здѣсь владѣнія подтверждены были за монастыремъ грамотою короля Яна-Казиміра *1652* года, а въ *1670* году грамотою короля Михаила, сына Іереміи Вишневецкаго. Между тѣмъ и царь Алексѣй Михайловичъ подтверждалъ своими двумя грамотами, данными въ *1660* и *1666* годахъ, по прозьбѣ тогдашнихъ игуменовъ Каневскихъ. Пра-

[1]) Т. е. при селѣ *Пекаряхъ*, что ниже Канева надъ устьемъ р. Роси.
[2]) На лѣвомъ берегу Днѣпра.

вители двухъ государствъ встрѣчаются здѣсь потому, что при тогдашнихъ междоусобицахъ и войнахъ, Украина западная долго находилась въ колебаніи между Московскою державою и короною Польскою, даже и послѣ Андрусовской отдачи ея на сторону Польши.

При тѣхъ непрестанныхъ тревогахъ, опустошительныхъ для всей Украины, и владѣнія монастыря Каневскаго были разоряемы и онъ терпѣлъ частое оскудѣніе; а потому Малороссійскіе гетманы пріумножали его имущество. Еще Богданъ Хмельницкій давалъ монастырю право на перевозъ Каневскій и Каневскую аренду и на мѣстечко Бубновъ, которое передъ его гетманствомъ находилось во владѣніи Переяславскаго іезуитскаго коллегіума. Иванъ Выговскій, будучи гетманомъ, позволилъ Каневскому монастырю осаживать людьми слободу Богородичную; а Юрій Хмельницкій (въ 1660 году) далъ право на двѣ мельницы на р. Росавѣ (Колачинскую и Биркозовскую) и на учрежденіе двухъ ярмарокъ при помянутой слободѣ, въ пользу монастырскую. Въ 1661 году Каневскій полковникъ Иванъ Лизогубъ испросилъ у короля Яна Казиміра грамоту на села Бабичи и Мальчицы съ мельницею на рѣкѣ Росавѣ. Гетманъ Павелъ Тетеря въ 1663 году далъ монастырю право получить размѣръ съ мельницы Мальчининой, стоявшей въ Каневѣ на Потокѣ [1]). А въ слѣдующемъ году, когда король Янъ-Казиміръ проходилъ войною по Украинѣ до самаго Глухова, и разоренъ былъ Терехтемировскій монастырь, здѣшняя братія принята была въ монастырь Каневскій. По этому поводу гетманъ Иванъ Брюховецкій въ маѣ *1665* года придалъ Каневскому монастырю мельницу въ Пѣщаной на рѣкѣ Супоѣ. Наконецъ, большую часть вышеозначенныхъ владѣній, остававшуюся за монастыремъ, подтвердилъ за нимъ гетманъ Петро Дорошенко, своимъ универсаломъ, *1670* года.

Изъ Каневскихъ игуменовъ, упоминаемыхъ въ означенныхъ актахъ, видны два: 1) *Іовъ Заіончковскій* и 2) *Сильвестръ*, неизвѣстный по фамиліи. Первый изъ нихъ былъ въ Каневѣ игуменомъ—въ гетманство Выговскаго и Юрья Хмель-

---

[1]) По тогдашнему положенію на монастырь шло двѣ мѣрки, а третья хозяину млина.

ницкаго, съ которымъ находился и въ Переясловѣ, и на его договорныхъ статьяхъ подписался такъ: «Кобринскій архимандритъ, игуменъ Каневскій, Іовъ Заіончковскій». Преемникъ его игуменъ Сильвестръ, видѣнъ въ *1665* и *1666* годахъ. Гдѣ находился, въ это время Іовъ, считавшійся *Кобринскимъ архимандритомъ*, мнѣ неизвѣстно; а кончина его полагалась въ *1676* году. Но извѣстенъ еще и третій настоятель того стародавняго Каневскаго монастыря, *Макарій Токаревскій*, котораго святыя мощи находятся нынѣ въ Переясловскомъ Вознесенскомъ храмѣ. Онъ, какъ видно, былъ настоятелемъ въ Каневскомъ монастырѣ—въ *семидесятыхъ* годахъ 17-го вѣка, подъ конецъ которыхъ и претерпѣлъ кончину мученика, при разореніи самаго монастыря въ *1678* году. Съ этимъ годомъ означена кончина преподобнаго Макарія—въ *географическомъ Словарѣ*, въ первой части, изданной 1801 года (см. на стр. 949); а подтвержденіе этому году нашлось въ *Помянникѣ* Каневскаго монастыря базиліанскаго (начало котораго писано 1780 года, а продолженіе въ 1814). Тутъ, въ поминаніи *архимандритовъ* Каневскаго Успенскаго монастыря, съ означеніемъ ихъ прозваній и годовъ преставленія, поставлено вначалѣ:

Всечестнаго отца *Іова—Заіончковскій, 1676.*

Блаженнаго *Макарія—Токаревскій, 1678.*

Нельзя и сомнѣваться, что означенные здѣсь годы заимствованы изъ прежняго Помянника или иной старинной записки, безъ всякаго соображенія о разореніи монастыря, которое базиліане, какъ выше сказано, относили къ *1630* году. А что блаженный Макарій, будучи *Каневскимъ игуменомъ*, именовался *архимандритомъ Овруцкимъ*, то видно изъ его собственноручной подписи на книгѣ *Бесѣдъ Златоустаго* (Кіевской печати 1623 года), сохранившейся въ Переясловскомъ Вознесенскомъ соборѣ: «*Макарій Токаревскій*, архимандритъ Овручскій, игуменъ Пинскій, Купятицкій, Каневскій».... Къ сожалѣнію, эта подпись безъ означенія года.

У Переясловцевъ составилось иное мнѣніе: будто преподобный Макарій былъ Каневскимъ игуменомъ—въ гетманство Богдана Хмельницкаго и замученъ въ Каневѣ—*въ сентябрѣ 1653* года. Хотя это мнѣніе уже вошло и въ сочине-

нія историческія; но мы еще въ 1847 году (въ «Бубновской Сотнѣ») предпочли показаніе вышеприведенное. О разореніи Каневскаго монастыря *въ сентябрѣ 1653* года, татарами или иными непріятелями, нѣтъ современныхъ извѣстій; да не могло, кажется, и быть этого разоренія; ибо въ томъ году, по универсалу Богдана Хмельницкаго, данному изъ Переяслова *13-го августа*, собиралось огромное козацкое войско съ обѣихъ сторонъ Днѣпра въ Чигиринъ, куда прибыло и значительное татарское войско съ ханскимъ сыномъ, для совмѣстнаго похода противъ поляковъ. Хотя же послѣ Жванецкаго дѣла распущенные татаре и производили разоренія въ Украинѣ западной, но это было уже зимою, въ концѣ 1653 года, и до Канева не достигало.

Кто былъ Каневскимъ игуменомъ въ томъ году и въ предшедшихъ, то еще неизвѣстно; но тогдашній Каневскій игуменъ не могъ именоваться *архимандритомъ Овручскимъ*, потому что это званіе въ тѣ именно годы принадлежало, вмѣстѣ съ архимандритствомъ *Жидичинскаго* монастыря, — Александру Мукосію-Дениску, преемнику Леонтія Шицика-Залескаго, которому первому дана была Овручская архимандрія, по возвращеніи ея отъ уніатовъ.

Правда, и въ *1678* году былъ Овручскимъ архимандритомъ Ѳеофанъ Креховецкій, прежній намѣстникъ Софійскій. Но онъ былъ тогда уже дѣйствительнымъ архимандритомъ въ Овруцкомъ монастырѣ; а Каневскій игуменъ продолжалъ именоваться только по прежнему служенію и пребыванію своему въ томъ монастырѣ, до его разоренія, которое произошло весною *1671* года, по справедливому примѣчанію «Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій», къ одному изъ помѣщаемыхъ тамъ писемъ Лазаря Барановича.

Прочтемъ это письмо, писанное «до пана гетмана».

«Его милость о. архимандритъ Овруцкій, не могучи на архимандріи своей спокойного мѣти пожитка и знищеній оразъ ордами и ляхами, стративши челядь, которыхъ позабіяно и речи его побрано, запустился былъ на поклоненіе мѣсцамъ святымъ до Кіева; же мой рукоположенецъ, посѣтилъ мя яко сынъ отца и бѣды свои виличалъ. Его милость теди, якъ чоло-

вѣка зацного и въ церкви Божой заслужоного рачь вельможность твоя вдячне приняти и ему, яко годному вѣры, вѣру во всемъ дати [1])».

Очевидно, что это письмо было къ Чигиринскому гетману Петру Дорошенку, а не къ сѣверскому сопернику его Демьяну Игнатовичу Многогрѣшному. А вотъ и другое, весьма замѣчательное письмо Лазаря Барановича, нѣсколько ранѣе писанное «къ отцу архимандриту Овруцкому 16-го мая 1671 года».

«Весьма соболѣзную о томъ приключеніи, котораго вы и отклонить не могли. Въ озлобленіи этомъ ищите утѣшенія въ одномъ Богѣ, который кого любитъ, того и наказываетъ. Вы находились какъ роза между шипами: она растетъ между ними, а они ей ничуть вредить не могутъ; будете долго еще процвѣтать въ церкви Божіей,—какъ въ вертоградѣ,—доколѣ не достигнете небеснаго. И Христосъ не легко пріобрѣлъ тотъ вѣнецъ, которымъ теперь онъ украшенъ; сперва на земли перенесъ терновыя на главѣ своей колючки, и за тѣмъ получилъ на небеси вѣнецъ не увядаемый. Умѣетъ Господь избавить благочестивыхъ отъ искушенія (2 Петр. II, 6). Много золъ праведнику, но Господь отъ всѣхъ избавитъ его (Псал. XXXIII, 20). Крѣпко хотѣлось мнѣ жить по пріятельски съ вами у всемилостиваго Спаса, или гдѣ бы вамъ понравилось; но теперь этихъ лыкъ не дерутъ уже; прежде гораздо удобнѣе было отыскать мѣсто, нежели теперь; въ настоящее время и сами ѣдимъ хлѣбъ въ изнуреніи (Пс. CXXXVI, 2), но готовы подѣлиться съ вами тѣмъ же, потому что другого нигдѣ нѣтъ, развѣ только тамъ, гдѣ ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе. Желаю вамъ послѣ многихъ лѣтъ многихъ обителей въ небѣ, и съ молитвами моими благословеніе препосылаю».

Въ этомъ Овручскомъ архимандритѣ редакція Черниговскихъ извѣстій уже признала блаженнаго Макарія. Такимъ образомъ начинаетъ опредѣляться съ историческою вѣрностью самая жизнь преподобнаго игумена Каневскаго. А что бы

[1]) «Письмо писано о блаж. Макаріѣ Овручскомъ. Ограбленіе и опустошеніе Овручской обители совершено конечно въ тоже время, какъ полковникъ Пиво ограбилъ имѣніе братскаго монастыря и убилъ нѣсколькихъ монаховъ, что было 3-го мая 1671 г. П[illegible]мят. Кіев. ком. II, 257—266».

опредѣлить и день его страдальческой кончины, прочтемъ слѣдующее мѣсто изъ лѣтописи Самуила Величка, такъ сердечно изображавшаго видѣнные имъ слѣды *руины Чигиринской.*

«Наконецъ увидѣвши бѣсурманы свою немощъ, иже войскамъ христіанскимъ отнюдъ нѣчого болшъ немогутъ сотворити, августа 25-го рушили назадъ зъ подъ Бужина отъ войскъ христіанскихъ въ гору Днѣпра, и нѣгдѣсь по фатигахъ военныхъ зъ шесть дней отдохнувши, притягнули подъ старожитное, славное мѣсто козацкое надъ Днѣпромъ стоявшое, Каневъ, и *септеврія числа четвертаго въ четвертокъ* добувши оній, и множество народа въ немъ убивши, крайней предали руинѣ и запустѣнію. А особливе въ стариномъ и красномъ монастыру Каневскомъ, въ церковь великую каменную много было людей Каневскихъ, надѣючися въ ней отъ бѣди спастися, убѣгло и замкнулося; но турки церковъ оную около дровами и соломами доволно обложивши, и сполне зо всѣмъ монастыремъ зажегши, всѣхъ людей въ церквѣ задушили».

И такъ роковымъ днемъ Канева было *4-е число сентября.* Гетманъ Самойловичъ того дня писалъ изъ Переяслова свои запоздалыя и безполезныя распоряженія объ оборонѣ Канева. А окаянный «князь Малороссійской Украины—Юрій-Гедеонъ-Венжикъ Хмельницкій» писалъ 12-го сентября изъ Ладыжина о своемъ поворотѣ изъ-подъ Канева—«где же ся такъ стало, Господь судія правдивый таковымъ незбожнымъ радцомъ, ижъ людей до такой тяжкой неволи и подъ мечъ черезъ упоръ свой, домове Божіи до разоренія довели, помстою быти не омѣшкаетъ». (Егоже перваго и постигла Божія кара)!

Православный монастырь въ Каневѣ возобновлялся и въ 18-мъ вѣкѣ, но о томъ я расважу послѣ; а къ воспоминанію о *стародавнемъ* Каневскомъ монастырѣ принадлежитъ еще то, что въ немъ 1669 года находился Кіевскій митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій и здѣсь 25-го марта посвятилъ въ діаконы—будущаго святителя Ростовскаго *Димитрія Туптаовича.*

1 декабря 1864 года.

На Старомъ-Кіевѣ.

любо голову свою сложу за Русскую землю»! А въ половинѣ 12-го вѣка Звенигородъ былъ первою станціей отъ Кіева къ Василькову, какъ это видно изъ походовъ Изяслава 1050 и 1051 годовъ. Что касается до разстоянія, то у Нестора сказано только примѣрно: «яко 10 верстъ»; нынѣшнихъ-же верстъ отъ Кіева до Звонковой будетъ около 30. Ты самъ уже замѣчалъ разнорѣчіе о разстояніи разныхъ мѣстъ отъ Кіева. Приведу въ примѣръ еще Межигорье: по нынѣшнему счету полагается до 25 верстъ, а въ грамотѣ, данной 1685 года Межигорскому монастырю патріархомъ Іоакимомъ, сказано: «отстоящь отъ богоспасаемаго града Кіева *пятюнадесять поприщи* или *тремя мили* вверхъ по Днѣпру». А въ грамотѣ Сигизмунда I-го, данной 1525 года, сказано: «который лежитъ надъ рѣкою Днѣпромъ отъ Кіева въ *двухъ миляхъ*». Версты боковыхъ дорогъ покойный Гоголь называлъ *пріятельскими*. Прощай.

9 ноября 1859 года.

О ГОРОДѢ ПЕРЕЯСЛАВѢ ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЯ ВРЕМЕНА [1]).

Верстахъ въ 80 ниже Кіева, на правомъ берегу Трубежа, тамъ, гдѣ сливается съ нимъ тихая Альта, лежитъ городъ Переяславъ. Славенъ былъ этотъ городъ и въ древней княжеской Украинѣ, и въ Украинѣ козацкой. Но теперь его слава звучитъ только въ его имени. Глядя на него теперь, и не подумалъ бы, что онъ считался нѣкогда *третьимъ* городомъ въ ряду городовъ Русскихъ.

А онъ точно былъ таковъ на первыхъ порахъ своего историческаго бытія. Такъ въ 907 году, когда вѣщій Олегъ приступалъ съ побѣдою къ Царюгороду, онъ заповѣдалъ Грекамъ «даяти уклады на Рускіе городы: первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы; по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще» [2]). Тоже и въ 1054 году, когда великій князь Ярославъ, передъ смертью своею, отдавалъ Кіевскій престолъ старшему сыну Изяславу, второму сыну Святославу далъ онъ Черниговъ; а третьему любимому сыну Всеволоду назначилъ Переяславъ.

Всеволодомъ Ярославичемъ начался новый рядъ Переяславскихъ князей, изъ рода Владимірова; и съ ними новый отдѣлъ въ жизни Переяслава.

---

[1]) Кіевлянинъ 1850 г. стр. 1—6.

[2]) См. лѣтопись Нестора подъ 907 г. Тамъ же: «тогда возьмуть мѣсячное свое, первое отъ города Кіева, и паки изъ Чернигова, и Переяславля, и прочіи городи». Въ договорѣ Игоря съ Греками, 945 г., сказано: «возмуть мѣсячное свое съли слебное, а гостье мѣсячное, первое отъ города Кіева, паки изъ Чернигова и Переяславля».

А какіе князья были въ немъ прежде, объ томъ не говоритъ лѣтописанье русское. Изъ всѣхъ Переяславцевъ 10-го вѣка, оно славитъ намъ только одного могучаго *отрока*, который, сломивъ Печенѣжскаго великана, рѣшилъ Владимірову побѣду надъ Печенѣгами, на Трубежскомъ броду, 992 года. И вотъ какъ это было, по древнему разсказу, записанному Несторомъ.

— Какъ воротился Владиміръ князь съ Хорватской войны, то пришли Печенѣги изъ-за Сулы. Владиміръ пошелъ противъ нихъ; и встрѣтилъ ихъ на Трубежѣ, у того броду, гдѣ нынѣ Переяславъ. И сталъ Владиміръ на этой сторонѣ, а Печенѣги на той; и не смѣли ни тѣ, ни другіе переходить черезъ рѣку. И подъѣхалъ Печенѣжскій князь къ рѣкѣ, позвалъ Владиміра, и говоритъ ему: «выпусти ты своего воина, а я своего, и пусть борются; когда твой воинъ ударитъ моимъ, не воевать намъ три года; а когда ударитъ нашъ воинъ, воюемъ три года». И разошлись они врозь. Тогда Владиміръ пришелъ въ станъ свой, и послалъ биричей по шатрамъ кликать: нѣтъ ли такого воина, чтобы схватился съ Печенѣженомъ? И не нашлось никого. Заутра пріѣхали Печенѣги, и вывели своего воина; а у нашихъ не было. И почалъ тужить Владиміръ, посылаючи по всѣмъ воинамъ. И пришелъ къ князю одинъ старый мужъ, и говоритъ ему: «княже! есть у меня меньшой сынъ; я вышелъ съ четырьмя, а онъ дома. Съ дѣтства его нѣтъ никого, кто бы одолѣлъ его. Разъ я погрозился на него, когда онъ мялъ кожу; а онъ, прогнѣвясь на меня, перервалъ кожу руками». Слыша это, обрадовался князь, и послалъ за нимъ; и привели его къ князю; и князь повѣдалъ ему все. А онъ говоритъ: «княже, не вѣдаю смогу ли; пусть испытаютъ меня; нѣтъ ли быка великаго и сильнаго»? И нашли быка, великаго и сильнаго; и велѣлъ онъ раздразнить быка. Положили на него желѣза горячаго, и пустили его. И побѣжалъ быкъ мимо отрока. И ухватилъ онъ быка рукою за бокъ; и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько захватила ему рука. И сказалъ ему Владиміръ: «можешь бороться съ Печенѣжиномъ»!

Заутра пріѣхали Печенѣги, и начали звать: «нѣтъ ли воина, а нашъ вотъ готовъ»! Владиміръ же въ ту ночь велѣлъ снарядиться въ оружіе. Приступили тогда обѣ стороны. Выпустили Печенѣги своего воина. Былъ онъ превеликъ зѣло и страшенъ. И выступилъ воинъ Владиміровъ; и увидѣлъ его Печенѣжинъ, и посмѣялся, ибо онъ былъ середняго росту. И отмѣривъ между обоими полками, спустили борцовъ; и схватились они; и начали крѣпко держать другъ друга; и задавилъ онъ Печенѣжина въ рукахъ до смерти, и ударилъ имъ объ земь. И закричали; и побѣжали Печенѣги; а Русь погналась за ними, рубя ихъ; и прогнали ихъ. А Владиміръ, радъ будучи, заложилъ городъ на томъ броду, и назвалъ его Переяславомъ: *зане перея славу отрокъ-отъ!* И сдѣлалъ Владиміръ *великимъ мужемъ* его, и отца его. И воротился Владиміръ въ Кіевъ, съ побѣдою и славою.

Въ преданіяхъ Переяславскаго народа забытъ уже этотъ могучій отрокъ, заслужившій у князя Владиміра себѣ и отцу своему великую почесть, а своему городу новый *пригородъ* [1]). Не помнятъ они и о прочихъ богатыряхъ Владиміровыхъ, понынѣ славимыхъ въ сказкахъ и пѣсняхъ великорусскихъ. Отъ нынѣшнихъ Переяславцевъ услышите вы разсказы о *велетняхъ* (т. е. великанахъ), когда-то жившихъ въ здѣшней сторонѣ, въ томъ числѣ и о могучемъ Переяславцѣ *Свидѣ*. Вамъ укажутъ и *могилу Свидову* подъ Переяславомъ, на лѣвой сторонѣ Трубежа. Но изъ Никоновской лѣтописи можно усмотрѣть, что нашего Переяславскаго ратоборца съ Печенѣжиномъ звали *Янъ Усмошвецъ* (по-нынѣшнему сказать: *Иванъ Кожевникъ);* что онъ подвизался противъ Печенѣговъ еще и въ 1001 и въ 1004 годахъ, вмѣстѣ съ другимъ извѣстнымъ богатыремъ, Александромъ или Алёшею Поповичемъ.

---

[1]) Подъ названьемъ *пригородка* эта часть Переяслава встрѣчалась мнѣ въ записяхъ второй половины 17-го вѣка. Князь Владиміръ заложилъ вновь этотъ укрѣпленный *городъ*, назвавъ и его *Переяславомъ*, въ память того, что имя это оправдалъ Переяславскій отрокъ: «зане перея славу отрокъ-отъ». Напрасно въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи поставлено: зане Переяславъ отроку тому имя»!

Въ тѣ поры, именно съ 992 года по 1008, былъ на Руси митрополитомъ Леонтій, преемникъ св. Михаила, вызванный Владиміромъ изъ Греціи. Онъ именовался митрополитомъ Переяслава Русскаго, ибо митрополія Русская княземъ Владиміромъ назначена была первоначально въ Переяславѣ, при церкви Михайловской. Объ этомъ вспоминаетъ и Несторъ, подъ 1089 годомъ своей лѣтописи, говоря: «бѣ бо прежде въ Переяславли митрополья». И нѣтъ сомнѣнья, что она была здѣсь слишкомъ сорокъ лѣтъ, пока Ярославъ не назначилъ ее въ Кіевѣ, при церкви Софійской, воздвигнутой имъ на мѣстѣ знаменитой побѣды надъ Печенѣгами 1034 года. Послѣ того въ Переяславѣ учреждено было епископство; но объ немъ рѣчь впереди.

Къ временамъ Владиміровымъ относится еще построеніе въ Переяславѣ каменной Воздвиженской церкви [1]) и, по всей вѣроятности, монастыря Іоанновскаго, въ которомъ былъ заключенъ въ порубъ и постриженъ въ монахи князь Игоръ Ольговичъ въ 1146 году. Теперь нѣтъ уже и слѣдовъ того монастыря; неизвѣстно даже и мѣсто его. Но Михайловская церковь и донынѣ есть, надъ своимъ древнимъ основаніемъ, въ той части города, которая называется въ просторѣчьи *За́мкомъ.* Эта часть Переяслава смотритъ уже пустыремъ; но въ древности тутъ-то и былъ *городъ*, заложенный и укрѣпленный княземъ Владиміромъ. Тутъ были тогда знатнѣйшіе дворы: и *княжой*, съ церковью Успенскою, основанною Мономахомъ (1098 года), и *епископскій*, съ церковью Михайловскою. А воротъ было трое: Епископскія, Княжія и Кузнечьи [2]). Во времена Литовскія эта часть Переяслава обращена была въ за́мокъ, процвѣтавшій въ первой половинѣ 17-го вѣка. Въ томъ вѣкѣ называлась она еще *Верхнимъ городомъ;* а въ прошломъ столѣтіи она была Переяславскою *крѣпостью.* Земляной валъ вокругъ нея, теперь уже полуразрытый, насыпанъ былъ въ 1709 году козаками и плѣнными Шведами.

Что касается до остальной, обширнѣйшей части города, то здѣсь былъ тотъ первоначальный Переяславъ, который

---

[1]) См. лѣтопись Никоновскую подъ 1008 г.

[2]) Упоминается въ лѣтописи Кіевской подъ 1136 и 1149 годами.

исторически извѣстенъ съ 907 года; въ 17-мъ вѣкѣ онъ назывался *Нижнимъ городомъ*, и съ тѣхъ поръ считается онъ собственно *городомъ* или *мѣстомъ*, въ отличіе отъ *зáмка* и трехъ *передгородьевъ* [1]). Остатки вала, которымъ онъ былъ обведенъ и который возобновленъ въ царствованіе Елисаветы, понынѣ видны. Старожилы помнятъ трое городскихъ деревянныхъ воротъ, называвшихся у нихъ *брáмами* или *бáштами* [2]); помнятъ и то, какъ въ ночное время городовая стража, расхаживая по валу отъ однихъ воротъ къ другимъ, кричала: «въ славномъ городѣ Переяславѣ»! Но съ 90 годовъ замолкли эти ночные оклики, недававшіе спать добрымъ людямъ; разобраны ворота и городовыя и крѣпостныя; и Переяславъ нынѣ живетъ себѣ спокойно, на распашку, отдавая иногда свои старые валы за деньги на выварку селитры. Онъ не пускается вдаль; не такъ, какъ было за девять вѣковъ, когда и послы, и купцы Переяславскіе ходили въ Царьгородъ, и брали тамъ себѣ оклады у Грековъ, какъ заповѣдалъ вѣщій Олегъ.

---

[1]) Предмѣстья назывались въ древности *передгородьями*, (какъ видно изъ лѣтописи Кіевской); а по-нынѣшнему они зовутся на Украинѣ *пóдвор-ками*.

[2]) Тѣ ворота, которыя были къ р. Альтѣ, называемой по-здѣшнему *Ильтицею*, именовались *Ильтицкими*: а предмѣстье за ними *Заильтичьемъ*. Другія ворота были *Кіевскія*; а предмѣстье за ними называлось *Закіевобрам-скимъ*. Третьи ворота, къ рѣкѣ Трубежу, къ Долгому-мосту, назывались *Долго-мостянскими*; а предмѣстье за Трубежомъ зовется *Замостьемъ*.

СКАЗАНІЕ О ПРАЗДНИКѢ СВ. БОРИСА ПОДЪ ПЕРЕЯСЛАВОМЪ [1]).

Девятый вѣкъ уже, какъ на Руси ублажается память святыхъ князей нашихъ Бориса и Глѣба. Преподобный Несторъ, описывая ихъ житіе и убіеніе, славословилъ ихъ, какъ «двѣ свѣтлыя звѣзды, озаряющія всю землю Русскую», какъ «заступниковъ Русской земли, всегда молящихся о своихъ людяхъ, и подающихъ исцѣленіе всѣмъ, приходящимъ къ нимъ съ вѣрою и любовью».

Народъ Украинскій сохранилъ особенную вѣру къ святымъ мученикамъ — князьямъ, которыхъ молитвы и помощь не разъ видѣла Русь въ своихъ побѣдахъ надъ врагами. Еще и теперь на Украинѣ за великое *свято* чтутъ *второе мая*, и отлагаютъ въ этотъ день полевыя работы, по пословицѣ старыхъ людей: «на Глѣба и Бориса за хлѣбъ не берися»!

Второе мая празднуется издревле [2]), какъ день *перенесенія* мощей ихъ, бывшаго въ Вышгородѣ. Тамъ оно совершено въ первый разъ 1072 года, при Ярославичахъ, когда князь Изяславъ поставилъ тамъ новую Борисо-Глѣбскую церковь, вмѣсто прежней. Второе перенесеніе мощей, того же числа, было 1115 года, когда Владиміръ Мономахъ, съ двумя Святославичами, соорудилъ въ Вышгородѣ каменную церковь

---

[1]) Кіевлянинъ 1850 стр. 9—18. Отдѣльное изданіе. Кіевъ 1867 г.

[2]) Праздникъ перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба установленъ, безъ сомнѣнія, въ 1072 году. Существованіе его въ древнее время видно уже изъ того, что второе перенесеніе мощей 1115 года было тоже второго мая. Въ Лаврентьевской лѣтописи читаемъ: въ лѣто 6695 (1187) мѣсяца мая въ 2-й день, на пренесенье святою мученику Бориса и Глѣба».

во имя св. мучениковъ [1]). Отъ этой Вышгородской церкви, со времени Батыева нашествія, уцѣлѣло только каменное основаніе, на которомъ стоитъ нынѣшняя церковь; да и самое мѣстопребываніе святыхъ мощей, съ той поры, покрылось для насъ неизвѣстностью.

Но Русскіе богомольцы и нынѣ ежегодно собираются въ Вышегородѣ праздновать память святыхъ князей, *24-го іюля, въ день убіенія Борисова*. Такъ установилъ еще древній Ярославъ, когда онъ, построивъ тамъ первую церковь во имя Бориса и Глѣба, и положивъ въ ней мощи святыхъ братьевъ своихъ, заключилъ свою радость о томъ восьмидневнымъ пиромъ народу, и назначеніемъ *десятины* на новую церковь [2]). Что касается до *втораго мая*, то этотъ день съ особенною торжественностью празднуется подъ Переяславомъ, верстахъ въ трехъ отъ него, на лѣвомъ берегу Альты, *на мѣстѣ убіенія Борисова*.

Ежегодно къ этому дню Альтское поле покрывается тысячами народа всякаго званія и возраста. По окончаніи литургіи бываетъ большой крестный ходъ изъ Переяславскаго каѳедральнаго собора на берегъ Альты. Съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ священнослужители всходятъ на помостъ, на которомъ совершается водоосвященіе, множество недужнаго народа входитъ въ рѣку. Нельзя безъ умиленія глядѣть на это молитвенное чаяніе движенія воды, во все продолженіе молебствія. Но еще торжественнѣе то святое мгновеніе, когда съ погруженіемъ животворящаго креста, возгласятъ: «спаси, Господи, люди твоя»! Тогда, съ именемъ святаго Бориса на устахъ и съ крестнымъ знаменьемъ, народъ цѣлыми сотнями стремится въъ освященную рѣку, чтобы окупаться въ ней, и вмѣстѣ

---

[1]) Первое перенесеніе мощей описано въ лѣтописи Несторовой и въ особомъ житіи Борисовомъ; а второе перенесеніе въ лѣтописи Кіевской.

[2]) Вышегородское празднество при Ярославѣ описано въ житіи Борисовомъ. Оно происходило въ 1020 году или вскорѣ послѣ него (а не въ 1035 и не въ 1050). Ярославъ праздновалъ *восемь* дней, подобно тому, какъ и Владиміръ, поставивъ Преображенскую церковь въ Васильковѣ, праздновалъ *восемь* дней. Но на праздникѣ перенесенія мощей при Владимірѣ Мономахѣ (1115 г.) празднество продолжалось *три* дни.

съ сброшенною съ себя одеждою, потопить въ ней свои недуги и печали.

Берегъ Альты, гдѣ совершается это народное празднество, *благословился* кровью святаго Бориса въ 1015 году, черезъ девять дней по кончинѣ святаго Владиміра. Любимый сынъ его, разумный и набожный Борисъ, ходилъ тогда изъ Кіева противъ Печенѣговъ, и на возвратномъ пути остановился на берегу Альты. Здѣсь пришла ему вѣсть о смерти отца. Воины разошлись отъ него, и онъ остался только съ своими отроками. Плакавшись по отцѣ, Борисъ пѣлъ ночью заутреню въ шатрѣ своемъ, передъ образомъ Спасителя. Въ то время убійцы, посланные Святополкомъ, подступили близко къ шатру, и когда Борисъ легъ уже на одръ, они, какъ дикіе звѣри, напали на него и прокололи его копьемъ. Любимый отрокъ его, Георгій Угринъ, упалъ на него также заколотый, и потомъ еще обезглавленный для того, чтобы скорѣе снять съ его шеи большую золотую гривну на цѣпи, возложенную Борисомъ. Изъ другихъ отроковъ избавился отъ убійства только братъ Георгія, Моисей Угринъ, бѣжавшій въ Кіевъ, къ Борисовой сестрѣ Предславѣ. Въ послѣдствіи онъ, потерпѣвъ много въ Польскомъ плѣну, сподобился почить нетлѣнно среди угодниковъ Божіихъ, въ ближней или Антоніевой пещерѣ.

Убійцы Бориса, увертѣвши его въ шатеръ, и положивъ на *кóла*, повезли его еще дышущаго. Узнавши объ томъ Святополкъ, послалъ двухъ Варяговъ, чтобы *прикончáть* его. Одинъ изъ нихъ, видя, что Борисъ еще живъ, пронзилъ его мечемъ къ сердцу. Такъ скончался блаженный Борисъ. Тѣло его принесли тайно въ Вышгородъ, и положили у церкви св. Василія. Тамъ возлѣ него, черезъ четыре года, положено было и тѣло юнѣйшаго брата его Глѣба, отысканное ловцами по повелѣнію Ярослава. Кроткій Глѣбъ зарѣзанъ былъ въ томъ же 1015 году *5-го сентября*, на рѣкѣ Смядинѣ (ниже Смоленска), другими убійцами, посланными отъ того же *окаяннаго* брата ихъ Святополка.

На мѣстѣ убіенія Борисова, черезъ четыре года по его кончинѣ, стоялъ князь Ярославъ, готовясь на роковую битву

съ Святополкомъ и Печенѣгами. Тамъ онъ молилъ Бога объ отмщеніи братоубійцѣ, и взывалъ къ убіеннымъ братьямъ, прося ихъ молитвы себѣ на помощь. Это было въ пятокъ, при восходящемъ солнцѣ. И соступилися обое. И была сѣча зла, какой не было дотолѣ въ Руси. Но къ вечеру одолѣлъ Ярославъ; а Святополкъ бѣжалъ навсегда, гонимый Божьимъ гнѣвомъ. Такимъ образомъ, въ 1019 году, на Альтскомъ полѣ, рѣшилась въ то время судьба Кіева и цѣлой Руси.

Поставилъ ли что здѣсь Ярославъ, въ память Бориса и славной побѣды своей, и что было здѣсь въ продолженіе вѣка, объ томъ нѣтъ у насъ древняго сказанія. Но нельзя предположить, чтобы такое достопамятное мѣсто осталось въ забвеніи тогда, какъ Борисъ и Глѣбъ уже прославились своею святостью, и особенно, когда состоялся новый праздникъ — *перенесенія* мощей ихъ въ Вышгородѣ. Воротясь съ того празднества въ свой Переяславъ, князь Всеволодъ Ярославичъ и епископъ Петръ, конечно, учредили и у себя на Альтѣ праздникъ *втораго мая;* и вѣроятно, не позже 1073 года возникла здѣсь часовня, упоминаемая въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Летской*, т. е., *Альтской божницы* [1]). Возлѣ

[1]) Находя, по лѣтописямъ, и въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ, не мало Русскихъ божницъ, мы несомнѣнно принимаемъ *Летскую божницу* за православную Русскую часовню, которая существовала на мѣстѣ убіенія Борисова и въ 1154 году, отдѣльно отъ Мономаховой церкви, поставленной черезъ два года послѣ втораго перенесенія мощей.

Такимъ образомъ я не признаю того мнѣнія, какое предложено митрополитомъ Евгеніемъ въ описаніи Кіево-софійскаго собора, на стр. 62, будто божница Летская была польская католическая каплица. Названіе *Ляцкой*, поставленное въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи вм. *Летской*, означаетъ здѣсь не Лядскую или Польскую; но (какъ принималъ и Карамзинъ) Альтскую, стоящую на рѣкѣ Льтѣ или Альтѣ. Точно такъ и Альтское поле называется въ лѣтописи *Летьскимъ*, (а по Кенигсбергскому списку *Льтескимъ*).

Арцыбышевъ, въ повѣствованіи о Россіи (Т. I, стр. 68, 152), принималъ Альтскую божницу за одно съ Мономаховою Борисо-Глѣбскою церковью на Альтѣ. Но невѣроятно, чтобы великолѣпная каменная церковь называлась божницею. При томъ же, въ Кіевской и многихъ другихъ русскихъ лѣтописяхъ, Мономахова церковь и божница Летская различаются явственно. «Тогда же (1154) много зла створиша Половци около Переяславля, и пожгоша села вся, и Летьскую божницу, и святою мученику Бориса

этой божницы, вѣроятно стояла и та *прекрасная* каменная церковь, которую во имя Бориса и Глѣба соорудилъ Владиміръ Мономахъ, 1117 года, и у которой онъ окончилъ свою доблестную жизнь, 1125 года [1]).

А что праздничный ходъ изъ Переяслава на Альту въ Борисовъ день былъ и въ древнее время, то видно изъ сказанія Лаврентьевской лѣтописи о Мономаховомъ сынѣ Юріѣ Долгорукомъ, который находился въ Переяславѣ 1151 года: приспѣвшу празднику святыхъ мучениковъ, ходилъ онъ съ дѣтьми на Альту; и оттуда сынъ его Андрей Боголюбскій отправился въ Суздаль.

Въ княженіе Глѣба Юрьевича, 1154 года, Половцы, опустошая окрестности Переяслава, сожгли Альтскую божницу и Борисоглѣбскую церковь.

Съ той поры не находимъ уже никакого объ нихъ письменнаго извѣстія отъ прошедшихъ вѣковъ. Сквозь мглу минувшаго, только подъ конецъ 17-го вѣка, усматриваемъ небольшую деревянную Борисоглѣбскую церковь,—и уже не тамъ, гдѣ пролита была кровь св. Бориса; а въ Переяславскомъ Заильтицкомъ предмѣстьи, на правомъ берегу Альты, при ея впаденіи въ Трубежъ. Отъ этой церкви не осталось ничего, что было бы старѣе 1700 года; и она, по преданію, была такъ мала, что въ ней продолжалось еще служеніе, когда

и Глѣба (т. е. церковь) зажгоша». Монахъ Лаврентій, или одинъ изъ его предшественниковъ въ переписвѣ лѣтописи, пропустивъ второй союзъ и, поставилъ такъ: «и Летьскую божницу святою мученику зажгоша». Отсюда возникло мнѣніе Арцыбышева.

[1]) Въ похвалѣ Мономаху, продолжатель Несторовой лѣтописи говоритъ такъ: «велику же вѣру стяжа къ Богу, и сродникома своима къ святыма мученикома Борису и Глѣбу; тѣмъ же и церковъ прекрасну созда на Лтѣ, во имя его, идѣже святаго Бориса кровь прольяна бысть... Преставися на Лтѣ у милое церкве, юже созда потщаніемъ многимъ; сынове же его и боляре несоша Кіеву; и положенъ бысть въ святѣй Софьи у отца своего» (Лаврент. Лѣт.).

Вспомнимъ при этомъ Мономаховы слова, изъ его поученія. «Идохъ па отця своего мѣсто Переяславлю; и внидохомъ на святаго Бориса день изъ Чернигова; и ѣхахомъ сквозѣ полки Половечскіи, не въ 100 дружинѣ, и съ дѣтьми и съ женами; и облизахуться на насъ аки волци, стояще и отъ перевоза и съ горъ; Богъ и святый Борисъ не да имъ мене въ користь; невредени доидохомъ Переяславлю».

надъ нею (въ 1784 году) построена была уже нынѣшняя деревянная Борисоглѣбская церковь.

На мѣстѣ убіенія Борисова и теперь находится большой каменный крестъ, поставленный *2-го мая 1664 года*. А надъ этимъ крестомъ болѣе полутораста лѣтъ стояла небольшая деревянная часовня, называвшаяся по-здѣшнему *капличкою*. Убогій памятникъ *заступнику Русской земли*.... Но онъ богатъ воспоминаніями и вѣрою народа, приходящаго съ древнихъ временъ молиться въ часовнѣ святому Борису, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ самъ молился въ шатрѣ своемъ, въ послѣдній часъ своей земной жизни.

Полуизглаженная надпись на крестѣ свидѣтельствуетъ, что его *водрузилъ* здѣсь Переяславскій протопопъ *Григорій Бутовичъ*, съ помощью Стрѣлецкаго головы *Селивана Кириловича Бѣлаго*. Надъ этою надписью нарѣзаны на крестѣ извѣстныя слова побѣды IΣ. XΣ. NIKA. [1]), которыя такъ часто встрѣчаются въ южной Руси на разныхъ древнихъ предметахъ, начиная съ гробницы Ярославовой. На другой сторонѣ креста нарѣзано гербовое начертаніе съ буквами Г Б П; а подъ нимъ надпись: «делалъ крестъ сей Харко Безпалчій мельникъ съ товаришемъ своимъ Мартиномъ».

Снимая всю эту надпись съ креста, въ 1837 году, незабвенный издатель *очерковъ Россіи* [2]) Вадимъ Пассекъ, не могъ уже разобрать фамильнаго имени Григорія, и въ помянутыхъ трехъ буквахъ угадывалъ имена Глѣба и Бориса. Но эти букви означаютъ имя *Григорія Бутовича Протопопа*, и

---

[1]) Въ Малороссіи ведется слѣдующее простонародное толкованіе этихъ словъ: «На крестѣ Искупленъ Кровію Адама». Но эти слова значатъ: побѣждаетъ.

[2]) См. статью Пассека: «Окрестности Переяславля» въ Очеркахъ Россіи, кн. 4. М. 1840.

Нельзя умолчать о другой ошибкѣ, повторенной два раза въ той же статьѣ, будто мощи Бориса и Глѣба открыты при Ярославѣ въ 1050 году и перенесены въ Печерскій монастырь!

Мощи были открыты въ митрополитство Іоанна перваго, который скончался 1035 года. А что онѣ оставались въ Вышегородской церкви и послѣ втораго перенесенія въ 1115 году, то видно изъ Кіевской лѣтописи, гдѣ одинъ изъ писавшихъ ее говоритъ какъ современникъ: «гдѣ нынѣ лежита». При томъ же и монастыря Печерскаго не было еще въ 1050 году.

принадлежатъ къ его гербу. Тотъ же гербъ, съ тѣми же буквами, написанный рукою самаго Григорія, встрѣтилъ я трижды, перелистывая старинный помянникъ Успенской Переяславской церкви, при которой Бутовичъ былъ протопопомъ съ 1651 года [1]). Такъ какъ эта церковь, первоначально основанная еще Владиміромъ Мономахомъ 1098 года, была въ 17-мъ столѣтіи соборною, то можно полагать навѣрное, что крестный ходъ на Альту производился тогда изъ нея.

Что касается до Альтской божницы, то изъ нѣсколькихъ ея возобновленій одно принадлежало Ѳеодосію Васковскому игумену Межигорскому, въ 70 годахъ 17-го вѣка; а въ послѣдній разъ она возобновлена была 1832 года.

Народъ и теперь еще не отвыкъ называть именемъ *каплички* праздникъ 2-го мая на Альтѣ; но теперь на ея мѣстѣ находится уже каменная церковь во имя св. Бориса.

Еще въ 1660 году дана была Межигорцамъ грамота царя Алексѣя Михайловича «на строеніе *монастыря на крови святаго страстотерпца Бориса*, и на мѣстечко Бобровицу къ тому монастырю въ подданство [2]). Но неизвѣстно, почему

---

[1]) Вотъ краткая помянка о Григоріи, собранная мною изъ разныхъ памятниковъ старины. Родомъ онъ былъ изъ Бѣлой—Церкви, сынъ тамошняго священника Филона Тарасьевича Бутовича, съ 1651 года онъ сталъ протопопомъ Успенской соборной церкви въ Переяславѣ. Здѣсь онъ священнодѣйствовалъ и въ тотъ достопамятный день, когда Богданъ Хмельницкій съ войсковою старшиною присягалъ на вѣрность престолу Московскому. Когда передъ этимъ, 31-го декабря 1653 года, Московскіе полномочные послы въѣзжали въ Переяславъ, то Григорій встрѣтилъ ихъ у городскихъ воротъ, и, окропивъ святою водою, привѣтствовалъ ихъ рѣчью; и оттуда всѣ шли въ соборъ; а 8-го генваря 1654 года, когда гетманъ Богданъ съ бояриномъ Бутурлинымъ пришли уже къ Успенскому собору для присяги, Григорій, съ прочими священниками и діаконами Переяславскими, встрѣтилъ ихъ на паперти, съ крестами и кадилами, и пропѣлъ: «буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка»! Въ 1660 году Григорій Филоновичъ получилъ царскую грамоту на село Ерковцы для Успенской церкви. Въ исходѣ 1665 года онъ былъ въ Москвѣ, въ свитѣ гетмана Брюховецкаго, и тамъ подписалъ его договорныя статьи. Но когда, послѣ возвращенія ихъ изъ Москвы, начались мятежи Переяславскіе, тогда о. Григорій переселился въ городъ Гадячь, гдѣ и скончался.

[2]) Грамота дана 12-го апрѣля 1660 года. О томъ же и въ томъ же году Межигорцы получили и универсалы отъ гетмана Юрія Хмельницкаго, и отъ Переяславскаго полковника Тимоѳея Цецуры.

не состоялось тогда построеніе монастыря, и почему вмѣсто него, черезъ четыре года, поставленъ былъ только каменный крестъ съ часовнею. Послѣ того, не ранѣе какъ въ 1826 г., было предпринято построеніе каменной Борисовской церкви, при бывшемъ тогда Переяславскомъ епископѣ Георгіи. Но исполнить сіе достойное дѣло суждено было Переяславскому архіепископу Гедеону. На зовъ пастыря съ усердіемъ отвѣтствовала паства; и въ 1839 году возникла новая церковь, надъ старинныхъ крестомъ, оставшимся въ ней съ лѣвой стороны. Она заложена преосвященнымъ Гедеономъ *2-го мая* 1839 года; освящена въ слѣдующемъ году *24-го іюля*, какъ въ храмовой день ея; а въ 1841 году устроенъ въ ней на правой сторонѣ и освященъ придѣлъ во имя св. Глѣба, котораго память издревле празднуется еще особо, *5-го сентября*. Такимъ образомъ въ Борисоглѣбской Альтской церкви соединились всѣ три праздника святымъ князьямъ—страстотерпцамъ.

Участокъ Альтскаго берега, на которомъ поставлена Борисовская церковь и совершается вышеописанное празднество, принадлежалъ съ 1660 года Межигорской обители. Благочестивая старина обвела его со всѣхъ четырехъ сторонъ валомъ, донынѣ уцѣлѣвшимъ на половину. Межигорцы, имѣвшіе свое подворье въ близъ-лежащемъ селѣ Демянцахъ [1]) на Альтѣ, служили молебны и панихиды у креста, для приходящихъ сюда на праздникъ Бориса; а въ день праздника,

[1]) Водвореніе Межигорцевъ въ селѣ Демянчичахъ (по древнему Демѣнескъ, а по нынѣшнему Демянцы) началось въ 1642 году, когда Переяславскій войтъ Кирило Огризко подарилъ имъ свой хуторъ въ Демянчичахъ надъ Ильтицею (т. е. Альтою): что и утверждено было въ 1643 г. Конецпольскимъ, а въ 1645 г. королемъ Владиславомъ.

Въ 1690 году Межигорцы получили царскую грамоту и гетманскій универсалъ на села Демянчичи и Харьковцы, въ *Переяславскомъ ключу*.

Въ 1696 г. гетманъ Мазепа подтвердилъ Переяславскому полковнику, чтобы въ Демянчичахъ и Харьковцахъ аренда была Межигорскому монастырю.

Послѣ того уже въ 1702 году Межигорцы купили хуторъ и островъ въ Демянчичахъ, у Анны Татариновой, которая владѣла ими по завѣщанію своего крестнаго отца, полковника Войцы. Да у Демянскаго священника Θеодора Григорьевича пріобрѣли Межигорцы пахатнаго нивья за 12 талярей; а 1719 г. у него же купили грунтъ и дворъ въ селѣ Демянцахъ. Въ 1712 г. Спасскій священникъ Павелъ Добронецкій завѣщалъ имъ около Демянчичъ пахатнаго поля въ 3 рукахъ.

послѣ водосвятія, они угощали Переяславцевъ и весь народъ обѣдомъ. Но когда уничтожился ихъ монастырь подъ Кіевомъ (1787 г.), тогда они передали Альтскую капличку и Борисовскую площадь священнику Воздвиженской Демянецкой церкви, къ приходу которой принадлежитъ издавна эта полоса Альтскаго берега.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи владѣльцемъ Борисовской площади явился Иванъ Васильевичъ Кондратьевъ, помѣщикъ смежной деревушки Кондоидовки или Борисовки. По утратѣ своего единственнаго сына, онъ въ 1837 году отдалъ подъ церковь и погостъ, безъ малаго десятину этой достопамятной земли. Церковное вѣдомство уже обводитъ каменною оградою эту часть, и строитъ на ней деревянную богадѣльню на 15 человѣкъ.

Жаль однако, что Борисовская площадь не вся еще возвращена церкви, и что она теперь не въ прежнемъ ограниченіи. Нѣкоторая часть ея по берегу Альты принята подъ садъ владѣльца; а со стороны Альтскаго поля ее заслонили собою, съ недавняго времени, нѣсколько хатъ съ клунею. Нѣкоторыя изъ нихъ переступили черезъ старинный граничный валъ, которымъ издавна обведена Борисовская площадь. Отъ этого она, и безъ того не очень обширная, крѣпко стѣснилась, и входъ въ нее сталъ неудобенъ и неблаговиденъ.

Октября 5-го въ 1846 году, по пути въ Кіевъ, я вновь посѣтилъ достопамятный берегъ Альты, гдѣ въ Борисовъ день она обращается въ купѣль, подобную Силоамской, но уготованную не для одного, а для тысячи недужныхъ. Теперь я не нашелъ здѣсь ни души здѣшней. Только бородатый каменьщикъ съ своимъ товарищемъ постукивалъ кирпичами, работая церковную ограду. Онъ напомнилъ мнѣ собою о дальнемъ сѣверѣ, и объ перехожемъ слѣпцѣ *Иванѣ*, который только сажень земли могъ считать собственностью на этомъ *вольномъ свѣту* [1]), но отъ котораго не одно поко-

[1]) Выраженіе *вольный свѣтъ* очень часто встрѣчается въ народныхъ Великорусскихъ пѣснопѣніяхъ духовныхъ; а тотъ свѣтъ—уже *неволенъ*.

лѣніе слушало народную пѣснь о Борисѣ и Глѣбѣ. Вотъ отрывокъ изъ этой пѣсни.

Какъ старѣйшій братъ ненавистный злой
Бориса взялъ—копьемъ вдружилъ,
А Глѣба—ножемъ зарѣзалъ.
Онъ думалъ, злодѣй, рай растворился:
Анъ самъ сквозь сырой земли провалился.
А тѣ тѣла, Борисово,
Борисово и Глѣбово,
Лежали ровно тридсять лѣтъ; [1]).
Ни звѣрь ихъ, ни птица не тронули
Ни мрачное помраченіе,
Ни солнечное попеченіе.
Какъ тридсять лѣтъ миновалося,
Явилося явленіе:
Явился столпъ огненный
Отъ земли и до неба.
Къ тому столпу огненному
Сходилися, соѣзжалися
Цари, власти и патріархи,
И всѣ православные христіане;
Служили молебны благочесты,
Двумъ братамъ: Борису и Глѣбу;
Святыя тѣла обрѣтоша намъ
Двухъ братьевъ, Бориса и Глѣба,
Отъ святыхъ мощей было прощеніе.
Погребали ихъ свѣтовъ со славою.
А мы поемъ славу Борисову,
Борисову и Глѣбову,
Во вѣки вѣковъ, аминь»!

Михайлова-горд.

1846.

[1]) Число 30 здѣсь принадлежитъ не исторіи, а народной поэзіи Велико-русской, которая любитъ это число.

О ДРЕВНЕМЪ ВАЛѢ, БЫВШЕМЪ ЕЩЕ ПРИ ВЛАДИМІРѢ СВ. ЮЖНѢЕ КІЕВА, НА ГРАНИЦѢ ЗЕМЛИ ПЕЧЕНѢГОВЪ [1]).

(Письмо графу А. С. Уварову).

«Января 17-го я имѣлъ честь получить отъ васъ программу Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, съ приглашеніемъ и меня. Сколько порадовался я о семъ благопріятномъ для Русскаго древлевѣдѣнія съѣздѣ, столько же поскорбѣлъ о себѣ, что не могу быть на немъ, по болѣзненному состоянію моему въ зимнее время. Но чтобы хотя издалека мнѣ поучаствовать сколько нибудь въ занятіяхъ съѣзда—буду писать къ вамъ, и на первый разъ скажу нѣчто въ отвѣтъ на послѣдній вопросъ вашей программы: *сохранились ли остатки древняго вала, уже бывшаго при Владимірѣ святомъ южнѣе Кіева, на границѣ земли Печенѣговъ, и въ какомъ видѣ!*

Здѣсь, на восточной сторонѣ Днѣпра, южнѣе Переяславля, есть *два вала*, идущіе отъ Днѣпра къ Супою: ближайшій къ городу зовется *Великимъ валомъ*, а другой—*Малымъ валомъ*. У обоихъ рвовъ на внѣшней отъ города сторонѣ.

По столбовой дорогѣ, которая идетъ отъ Переяславля внизъ Днѣпра на Золотоношу и Кременчугъ, и которая еще на моей памяти называлась обыкновенно у здѣшняго люда дорогою *Цареградскою,* Великій валъ переходитъ ее на восьмой верстѣ отъ города, продолжаясь прямо къ селу Малымъ-Каратулямъ, а оттуда къ селу Строковѣ. Черѣзъ десять верстъ отъ Великаго вала ту же дорогу переходитъ Малый валъ,

---

[1]) Письмо это было читано 18-го марта 1869 года въ засѣданіи перваго Археологическаго съѣзда, въ Москвѣ, въ трудахъ котораго и напечатано (т. I, стр. CXXV—CXXVII).

который тянется отъ Днѣпра извилисто, почему и зовется еще Змѣевымъ валомъ; и ведется о немъ народное баснословіе, что «Кузьма — Демянъ, Божій коваль», запрягши великаго змія въ плугъ, провелъ имъ эту борозду до Чернаго моря... Пройдя еще восемь верстъ отъ той дороги къ востоку, Малый валъ склоняется на сѣверъ, къ дорогѣ, идущей въ Переяславъ отъ *городища* на Супоѣ, называемаго нынѣ Ташанью, гдѣ дожилъ свой вѣкъ Румянцевъ—Задунайскій. Перейдя эту дорогу, на десятой верстѣ отъ городища, Малый валъ поворачиваетъ круто на сѣверозападъ, къ Великому валу, и примыкаетъ къ нему невдалекѣ отъ вышеупомянутаго села Строковы, на полѣ называемомъ Чернечимъ—Степомъ. Отсюда видно продолженіе вала (должно быть Великаго) къ Супою; а мнѣ говорили, что примѣтно и другое продолженіе вала (должно быть Малаго), идущее отъ села Строковы къ Трубежу и тамъ кончающееся близь хутора Дубовой—Шіи, противъ села Гайшина. Но самъ я, когда лѣтъ за двадцать осматривалъ эти валы, не слѣдилъ за ними дальше соединенія ихъ на означенномъ мѣстѣ. А любопытно было мнѣ тогда это мѣсто—для объясненія себѣ лѣтописнаго сказанія, какъ въ 1149 году Юрій Владиміровичъ съ Половцами придвигался къ Переяславу отъ Супоя на своего неуступчиваго племянника, Изяслава Мстиславича.

«А Гюрги стоя три дни у Стряковы, а четвертый день пойде отъ Стряковы мимо городъ, по зорѣ исполчився, и ста *межи валома*». Онъ расположился своимъ станомъ за Великимъ валомъ: «стояша за *Янчинымъ—сельцемъ*», т. е. за нынѣшнимъ сельцомъ Малыми—Яненками, которое въ древнее время, судя по имени, принадлежало Мономаховой сестрѣ, Янкѣ Всеволодовнѣ.

Упоминаніе о двухъ валахъ Переяславскихъ находится и въ Несторовой лѣтописи, подъ 1095 годомъ: «приде Итларь въ градъ Переяславль, а Кытанъ ста *межи валома*».

Итакъ несомнѣнно, что эти *два вала* были уже въ *одиннадцатомъ* столѣтіи; а происхожденіе ихъ, конечно, принадлежитъ богатырскому времени Владимірову, когда великій просвѣтитель и строитель Русской земли, для ея огражденія

отъ хищнаго племени Печенѣговъ, началъ ставить сторожевые города по Деснѣ, Остру, Трубежу и другимъ рѣкамъ. Въ 992 году, послѣ побѣды надъ Печенѣгами на Трубежѣ, онъ заложилъ *городъ Переяславль*, т. е. ту крѣпостную половину первобытнаго Переяслава, которая въ послѣдствіи называлась «Верхнимъ городомъ». Не къ девяностымъ ли годамъ *десятаго* столѣтія отнести происхожденіе и валовъ Переяславскихъ?

Въ 1006 году, а по другимъ въ 1008, былъ у князя Владиміра въ Кіевѣ молодой нѣмецкій бискупъ Бруно, ѣхавшій для проповѣдыванія Христовой вѣры у Печенѣговъ. Въ своемъ посланіи къ Генриху второму онъ говоритъ, что государь Руссовъ, удержавъ его у себя мѣсяцъ, самъ провожалъ его два дни до конца земли своей, которую онъ оградилъ вокругъ, отъ бродячаго врага, весьма крѣпкимъ частоколомъ (propter vagum hostem, firmissima et longissima sepe undique circumclausit). Изъ этого современнаго сказанія, впервые изданнаго г. Гильфердингомъ въ Русской Бесѣдѣ 1856 года, объяснилось для меня значеніе Малаго вала: это— граничный валъ, по которому во время Владиміра сватаго загорожено было *столпіемъ*, говоря выраженіемъ древнерусскимъ. За этимъ валомъ, верстахъ въ десяти отъ Днѣпра, есть древній окопъ надъ яромъ, который называется *Даладаевымъ городкомъ*, можетъ быть, по имени какого-нибудь еще Печенѣжскаго князька. Что же касается до Великаго вала, то онъ, будучи въ отвѣсной вышинѣ до трехъ саж., могъ и самъ собою служить преградою для скитающагося врага. На низменномъ побережьѣ Днѣпра, гдѣ проходитъ этотъ валъ, возлѣ тамошняго села Городища, онъ почти весь уже разрушился; но, по выходѣ на чистое поле, онъ во многихъ мѣстахъ остается еще въ первобытной цѣлости, какъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходитъ сквозь него стародавняя дорога Цареградская, должно быть, та самая, что называлась въ древнее время путемъ *Греческимъ*. Справедливо было бы озаботиться вѣрною съемкою на планъ обоихъ Переяславскихъ валовъ, чего, кажется, еще не сдѣлано».

22 января, 1869 года.
Михайлова-гора.

О ДЕСЯТИ ГОРОДАХЪ И НѢКОТОРЫХЪ СЕЛАХЪ ДРЕВНЕЙ УКРАИНЫ [1]).

(Письмо М. П. Погодину).

На полѣ, сжатомъ на скоро историками Малороссіи, я собираю пропущенные и оброненные ими колосья, и по немногу передаю ихъ въ общую извѣстность. Теперь занимаюсь обозрѣніемъ полковъ и сотень, на которыя встарину дѣлилась Малороссія. Тутъ встрѣчается важный пропускъ: неизвѣстно, изъ какихъ полковъ и сотень состояла Малороссія во время ея присоединенія къ Русской державѣ. Это достопамятное въ Русской исторіи событіе совершилось стараніемъ гетмана Богдана Хмельницкаго и его присягою, данною *8-го генваря 1654 г.*, въ Переяславѣ, въ соборной Успенской церкви, основанной Мономахомъ. Списокъ тогдашнихъ полковъ и сотень, съ ихъ полковниками и сотниками, черезъ *два вѣка* послѣ нихъ, былъ бы историческою имъ поминкою; а составить этотъ списокъ—кому же, какъ не князю М. А. Оболенскому.... Попроси же его объ этомъ отъ себя и отъ меня, и напечатай въ Москвитянинѣ!

Теперь обращаюсь къ древнимъ городамъ Украинскимъ, надъ которыми и ты потрудился не мало въ своихъ *Изслѣдованіяхъ*.

1) *Пирятинъ*, уѣздный городъ на р. Удаѣ, поминаемый нерѣдко въ исторіи Малороссіи. Онъ былъ сотеннымъ городомъ Лубенскаго полка, а въ гетманство Хмельницкаго—полка Кропивянскаго. Но онъ извѣстенъ и въ древности: ровно за

---

[1]) Москвитянинъ 1854, № 1. Смѣсь, стр. 1—7.

700 лѣтъ, т. е., *1154* года, Глѣбъ Юрьевичъ съ Половцами, не успѣвъ ничего подъ Переяславомъ, взялъ *Пирятинъ* (см. лѣтопись Лаврентьевскую). За что же ты пропустилъ его въ своихъ *Изслѣдованіяхъ*, и не принялъ въ число древнихъ городовъ Переяславскаго княжества?

2) Пропущенъ у тебя и *Лукомль*, близъ котораго въ 1179 году стояли Русскіе князья, въ походѣ за Сулу. Этотъ городъ значится и въ книгѣ Большого Чертежа: «а выше Горошины 2 мили градъ *Лукомля*; а выше Лукомля 2 мили градъ *Лубны*». *Лукомская* сотня, въ гетманство Хмельницкаго, причислялась къ Полтавскому полку (сотникомъ былъ тогда Назаръ Елецкій); а потомъ она принадлежала къ полку Лубенскому. По нынѣшнему зовется онъ *Лукомье;* древніе окопы его уцѣлѣли понынѣ. Поминаемый въ той же книгѣ *«градъ Буромля»* на Сулѣ (нынѣшняя *Буромка* Золотоношскаго уѣзда), конечно, ровесникъ Лукомлѣ, хотя и не поминается въ древнихъ лѣтописяхъ.

3) *Буромль*, а по книгѣ Большого Чертежа *«градъ Буромля»*, хоть и не помянутъ древнимъ лѣтописаньемъ, но онъ, конечно, ровесникъ Лукомлѣ и одного съ нимъ происхожденія. Въ прошломъ столѣтіи онъ назывался уже *Буромкою* и считался мѣстечкомъ сотни Горошинской.

4) *Жовнинъ* Золотоношскаго уѣзда, въ гетманство Хмельницкаго былъ сотеннымъ городомъ Чигиринскаго полка (Жовнинскимъ сотникомъ 1649 года былъ Остапъ Сукомлинъ). Этотъ городъ построенъ *1116* года княземъ Ярополкомъ, для полоненныхъ имъ Дручанъ, и названъ *Желнинымъ* или *Желнами.* Не извѣстно, по какому обстоятельству онъ названъ именемъ птицы желны: можетъ быть въ древней Украйнѣ Дручаны прозывались *Желнами.* (Такъ Бѣловѣжскія колоніи, по своимъ насельникамъ, зовутся въ народѣ Прусами).

Отсюда перейдти бы за Днѣпръ *на Татинецъ....* Но я не дознался еще, гдѣ этотъ Днѣпровскій *Бродъ*, на который въ 1187 году ходилъ грозный Святославъ гонить Половцевъ? Туда не попадешь по указанію вашему на село *Мутатинцы;* ибо оно только на географической картѣ, и написано ошибочно вмѣсто села *Мутишинцы!...*

5) Обратимся же къ Кіеву, привычнымъ путемъ, на Переяславъ, а оттуда на древній городъ *Баручъ*, который слѣдуетъ признать въ нынѣшнемъ *Барышполѣ*, бывшемъ издавна сотеннымъ городомъ Переяславскаго полка. (Въ гетманство Хмельницкаго Барышпольскимъ сотникомъ былъ Антонъ Герасименко).

Надеждинъ съ Неволинымъ, справедливо предположивъ Баручъ въ Барышполѣ, не напрасно предполагали въ той же сторонѣ и *Нѣжатинъ* (поминаемый 1135—74 г.). Я нашелъ его близь села Гнѣдина въ сельцѣ или хуторѣ *Нѣготинъ*, принадлежавшемъ къ Барышпольской сотнѣ, вмѣстѣ съ *Княжичами*. А село *Русановъ*, въ которомъ справедливо признали древнюю *Русатину*, принадлежало къ сотнѣ Гоголевской.

6) Въ 1115 году Владиміръ Мономахъ устроилъ *мостъ черезъ Днѣпръ*. Гдѣ же? Въ новѣйшемъ (Ермолаевскомъ) спискѣ лѣтописи Кіевской прибавлено: у *Вышгородѣ*. Но мнѣ сдается, что не въ самомъ Вышгородѣ, а пониже его, по Черниговской дорогѣ, шедшей къ Днѣпру на Моровскъ, а отъ Днѣпра въ Кіевъ на село *Ольжичи*.

Не знаю, гдѣ вы нашли, что село *Ольжичи* было на *Черниговской* сторонѣ Днѣпра! По этому предположенію, вы и въ словахъ Кіевской лѣтописи: *на сей сторонѣ Днѣпра* (т. е. на Кіевской), хотите видѣть сторону Черниговскую! Карамзинъ думалъ, что эти слова и написаны Черниговцемъ. По твоему, они написаны спутникомъ Изяслава, но соотвѣтственно мѣсту его пребыванія подъ Черниговымъ. А простѣе сказать: они написаны Кіевскимъ лѣтописцемъ, соотвѣтственно мѣсту его пребыванія въ Кіевѣ! Объ *городцѣ*, бывшемъ въ виду Кіева на *оной* сторонѣ Днѣпра, онъ говоритъ: «поѣха (Глѣбъ) на ону сторону въ городокъ» (1171 г.). А объ *Ольжичахъ* у него сказано: «стоявшимъ же имъ 12 дній подъ городомъ (Черниговомъ), въ то же время Вячеславъ съ Изяславомъ стояшета *на сей сторонѣ Днѣпра у Олжичь*» (1152 г.).

Это прямое указаніе Кіевской лѣтописи на Кіевскую сторону Днѣпра принимаю я за основаніе; беру въ соображеніе еще три мѣста изъ той же лѣтописи и Несторово извѣстіе (подъ 947 г.), и для меня становится ясно, что *Ольжичи*,

село великой княгини Ольги, находилось подъ Кіевомъ, на *правомъ* берегу Днѣпра, противъ Черниговской дороги,—гдѣ-нибудь между *Дорогожичемъ* (у котораго Кирилловскій монастырь) и *Вышгородомъ* (къ которому, безъ сомнѣнія, принадлежало сперва это село, такъ какъ онъ былъ городъ Ольгинъ). У Ольжичъ останавливались обыкновенно Кіевскіе князья, выряжаясь въ походъ къ Чернигову (какъ въ 1152 году Вячеславъ съ Изяславомъ, или 1183 г. Святославъ). Въ Ольжичахъ останавливались и князья, пріѣзжавшіе изъ Чернигова по приглашенію Кіевскаго князя (напр. Олегъ Святославичъ 1161 г. или Ольговичи въ 1142 г.).

Всѣ полагали, что и *Пересѣченъ*, поминаемый въ лѣтописяхъ 1154 года, находился на лѣвой сторонѣ Днѣпра! Но ты (въ *Изслѣдованіяхъ)* уже согласился со мною, что онъ былъ на *правой* сторонѣ, пониже Кіева, и перемѣстилъ его въ княжество Кіевское, но гдѣ именно былъ онъ, это еще требуетъ опредѣленія.

7) Къ надднѣпровскимъ городамъ Кіевскаго княжества надо бы, кажется, прибавить *Иванъ* городъ, у котораго 1151 года стоялъ князь Изяславъ съ своими союзниками противъ Юрія. Смотри въ Кіевской лѣтописи: «стояхуть вси у *Ивана*». Это не личное, а мѣстное имя. Отсюда дошли они на ночлегъ въ Треполь, а изъ него въ Кіевъ. Очевидно, что Иванъ былъ ниже Треполя: по моему, возлѣ Ржищева, гдѣ и нынѣ находится гора *Иванъ* съ стариннымъ городищемъ.

Есть и на лѣвой сторонѣ Днѣпра *Иванъ-городъ*, бывшій сотеннымъ городкомъ Нѣжинскаго полка. Можетъ быть, онъ и построенъ переселенцами съ Заднѣпровской Иванъ-горы.

8) А вотъ еще городъ *Дерновый*, поминаемый 1146 года. Ты говоришь въ Изслѣдованіяхъ: «ясно, что это мѣсто было между Зарубомъ и Витичевымъ». А для меня очевидно, что Дерновый отъ Заруба въ другой сторонѣ, въ Поросьи. Лѣтописецъ говоритъ объ Изяславѣ: «и перейдя Днѣпръ у Заруба; и ту прислашася къ нему Черніи Клобуци и все Поросье, и рекоша ему: ты нашъ князь, а Ольговичъ не хочемъ; а поѣди вборзѣ, а мы съ тобою! И пойде Изяславъ къ *Дерновому*, и ту совокупишася вси Клобуци и Поршане». Гдѣ жъ именно

былъ городъ *Дерновый?* Тамъ, гдѣ и теперь онъ, на правомъ берегу Роси, подъ видомъ села *Деренковца.* Въ іюлѣ 1851 года, я ѣздилъ за Днѣпръ, въ Богуславъ и Корсунъ, чтобы тамъ видѣть полное затмѣніе солнца и полюбоваться игрою Роси по скаламъ и каменьямъ. Изъ Корсуня я проѣхалъ въ *Гарбузинскій* Онуфріевскій монастырь, а оттуда въ *Деренковецъ*, съ котораго начинается Заднѣпровское помѣстье князя М. С. Воронцова, и отъ котораго Рось поворачиваетъ уже къ Днѣпру. Возлѣ Деренковца, въ одной сторонѣ гора *Царева* и *Опришкова*, а въ другой *Деренова* гора: на ней и по нынѣ ростетъ изобильно ягодный кустарникъ *деренъ* (Cornus mas), по которому и названъ древній городъ *Дерновый.*

Въ 1192 году князь Рюрикъ, «Половцѣ одаривъ дары многими, и водивъ и къ ротѣ, и отпусти ихъ восвояси; а Кунтувдѣя остави у себе, и да ему *городъ на Реи Двеpенъ*, Рускоѣ землѣ дѣля». Вы принимаете этотъ *Двеpенъ на Роси* за особый, вамъ неизвѣстный городъ; а по моему это тотъ же *Дерновый* или *Деренъ* городъ, съ такою же перемѣною въ имени, какъ *Желній* или *Желны* (или Желди), какъ *Пѣсоченъ* и *Пѣски.* Именемъ деревъ назывались нерѣдко поселенія: *Старо-дубъ*, *Вишня*, *Береза*, *Ольха*, *Дубовый-гай* подъ Прилукою, въ которомъ нѣтъ уже ни одного дуба)! *Козацкая-дуброва* (за Конотопомъ, въ которой нѣтъ уже ни одного козака)! А что вмѣсто *Деренъ* написано *Двеpенъ*, то прибавочный звукъ въ именахъ городовъ такое нерѣдкое явленіе, что объ немъ и говорить нечего. Припомни къ этому (въ моей «Бубновской сотнѣ»), что наддніпровскій городокъ *Бубновъ*, въ «книгѣ Большаго Чертежа» передѣлался въ *Дубковъ;* а супойскій городокъ *Гелмязовъ* — въ Алмазовъ. Нынѣ зовется *Глемязовымъ.*

9) Вотъ мы опять на Переяславской сторонѣ Днѣпра, на славномъ Супоѣ, въ городкѣ, вошедшемъ на Украйнѣ въ пословицу своими бубликами: «чудны (говорятъ) якъ Глемязовскій бубликъ»!

10) Ниже *Глемязова*, на живописной излучинѣ Супоя, возвышается *Ташань*, принадлежавшая намѣстнику Малороссіи, графу П. А. Румянцову. Тутъ, въ замкѣ, построенномъ

отъ церкви для герба [illegible], и довольный онъ сво-
ей [illegible] свой—«какъ вечеръ по зарѣ румяной». Далѣе ли
[illegible]? А [illegible] того уже пять; стѣны его еще при жизни
Сергѣя Петровича Румянцова послужили на фундаменты
хлѣбныхъ магазиновъ тамошнихъ.

Такимъ ещё и въ исходѣ прошлаго столѣтія [illegible]
Городищемъ. Безъ сомнѣнія, это одинъ изъ древнихъ городовъ
Украинскихъ, который я назову *городкомъ Сулейскимъ* (въ
отличіе отъ Остерскаго и Поднѣпрскаго). Отъ Переяслава до
него верстъ 25. Сюда-то къ *Сулою* пришелъ Юрій въ 1149
году, и отсюда подвигался медленно къ Переяславу на Изя-
слава, — черезъ рѣчку *[illegible]* и *сельцо [illegible]*. Черезъ
этотъ же *Городецъ*, я полагаю, въ 1156 году бѣжали княгини
(или рать) изъ Переяслава въ [illegible], къ своему Изяславу,
туда ушедшему. Сельцо *[illegible]* теперь неизвѣстно; не слышно
тамъ и урочища этого имени; я думаю, что это село не иное
что, какъ нынѣшняя *[illegible]*, принявшая имя своей исто-
рической рѣченьки, уже исчезнувшей (подобно тому, какъ *Бѣло-
полье* зовется въ народѣ *[illegible]*, по имени своей рѣчки). А
сельцо *[illegible]*, за которымъ стоялъ Юрій, придвинувшись
къ Переяславу, существуетъ и нынѣ, называясь *[illegible]
[illegible]* (въ отличіе отъ *[illegible]* Полотовскихъ). Сельцо *Ян-
[illegible]*, безъ сомнѣнія, принадлежало знаменитой княгинѣ *Янкѣ*,
и потому его сельцо можно относить ко второй половинѣ 11
вѣка.

22 ноября 1853 г.

Михайлова-гора.

ЗАМѢТКИ О НѢКОТОРЫХЪ ЛѢТОПИСНЫХЪ НАЗВАНІЯХЪ МѢСТНОСТЕЙ [1]).

(Письмо графу А. С. Уварову).

«Еще письмо къ вамъ — и опять съ вопросами, относящимися къ исторической географіи.

1) На Русскомъ югѣ, и особенно на правой сторонѣ Днѣпра, встрѣчаются мѣстности съ названіемъ *Китай—города*. Сюда принадлежитъ, конечно, и знаменитое *Китайское—Городище* подъ Кіевомъ, служившее нѣкогда ему сторожевымъ городкомъ. Желательно бы опредѣлить вѣрнѣе прежняго значеніе и время появленія этого имени, присущаго и Москвѣ бѣлокаменной.

2) Отъ рѣки Сулы къ Супою простирается высокая степь, выходящая не большимъ окрайцемъ и на правую сторону Супоя, между Тапанскимъ городищемъ и Гелмязовымъ. Подъ этимъ отрывкомъ высокой степи находятся три села, называемыя *Пологами* (Чоботки, Вергуны, Яненки), и пробирается полуизсохшая рѣчечка, называемая Чирське. Находящіяся надъ Пологами такъ называемыя *робленыя* могилы зовутся здѣсь, и только здѣсь — Кугумами. Отъ какого-бы языка осталось тутъ это названіе? И не встрѣчается ли оно еще гдѣ нибудь при такихъ же робленыхъ или раскопанныхъ могилахъ?

3) Въ Кіевской лѣтописи подъ 1132 годомъ сказано о Мстиславѣ Изяславичѣ: «оже Богъ ему помогль Половци по-

---

[1]) Письмо это было читано 18 марта 1869 года, въ засѣданіи перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, въ трудахъ котораго и напечатано, (Т. I, стр. CXXXII—CXXXIV).

бѣдити на Углъ и на *Самарь*». Потомъ уже подъ 1183 годомъ, при описаніи знаменитой побѣды Святослава Всеволодовича надъ Бобякомъ, сказано: «возвратившася Русь и стояша на мѣстѣ, нарицаемѣмъ Ерель, егоже Русь зоветь Углъ». Не будь этого втораго пояснительнаго замѣчанія, мы бы не знали, какая сосѣдняя Самарѣ рѣка называлась *Угломъ*, ибо это прежнее Русское ея названье давно забыто, а осталось другое — *Ерель*, передѣланное послѣ на Русскій ладъ въ *Орелъ*.

Гедеоновъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ (стр. 115), полагаетъ, что названіе Угла Русь вынесла изъ Болгаріи для треугольника, образуемаго впаденіемъ Орла въ Днѣпръ и самую рѣку *Орелъ* прозвала *Угломъ*. Но такое мнѣніе кажется мнѣ несправедливо. Названіе *Орла* придано этой рѣкѣ произвольно: это имя — мужескаго рода, которое въ славянской рѣчи удерживаетъ начальный звукъ О, не перемѣняя его на Е, какъ въ словахъ одинъ, олень, осень и проч. Рѣка Уголъ названа была именемъ женскаго рода Ерель, которое послѣ передѣлано въ Орелъ; и это показываетъ, что имя Ерель, было новопришлое и не Русское. Старшинство и туземность имени *Уголъ*, наслѣдованнаго древнею Русью отъ прежнихъ насельниковъ, подтверждаются для меня двумя сосѣдними рѣками, впадающими въ Днѣпръ, прежнія имена которыхъ представляютъ тоже самое окончаніе *олъ*: *Ворск —олъ*, *Песъ—олъ* (нынѣ Ворскла, Псёлъ), такъ и *Уг—олъ*, *Оск—олъ*. Всѣ эти имена однородной формаціи. Какому же языку принадлежитъ это прибавочное слово *олъ*, означающее, по видимому, рѣку или воду?

4) При описаніи того же Святославова похода на Половцевъ, сказано: «идущу же ему по Днѣпру, и ста ту, идеже нарицаеться *Инжирь — бродъ*». Это мѣсто принадлежитъ къ тѣмъ, которыя доселѣ остаются не опредѣленными (см. изслѣдованія Погодина, IV, 193).

Названіе этаго Днѣпровскаго брода въ изслѣдованіяхъ Гедеонова (стр. 201) производится отъ предполагаемаго имени *Ингорь*. Но по свойству славянорусскаго словоизмѣненія, отъ имени Ингорь притяжательное было бы *Ингоревъ*, также какъ

и отъ имени *Игорь* — *Игоревъ;* а притяжательному имени *Инжирь* можно было произойдти только отъ одного существительнаго имени Инжиръ. Не знаю, было ли такое личное имя; а нарицательное *инжиръ* донынѣ извѣстно въ Малороссіи: такъ называется по персидски и по татарски винная ягода или смоква. А что оно было въ ходу и въ древнее время, то видно изъ изданного Клапротомъ небольшого словаря латино-персо-половецкаго, писаннаго въ 1303 году; тамъ находится: латинское fikus, по персидски и половецки ingir (см. Mémoires relatifs a L'Asie, III, 249). По какому случаю тотъ бродъ на Днѣпрѣ названъ былъ именемъ этой привозной овощи, то неизвѣстно намъ такъ же, какъ и securityнаванiе другихъ историческихъ мѣстъ по имени другихъ овощей (*Арбузовичи*, *Вишня*, *Горошинъ*, *Яблуновъ* и прочая).

5) А вотъ городъ *Дерновый*, въ который въ 1147 года къ пришедшему изъ Переяслава Изяславу Мстиславичу, собралось все Поросье и прислались Василевцы, Бѣлогородцы и Кіяне, зовучи его на княженіе въ Кіевъ и говоря ему: «ты нашъ князь, не хочемъ Ольговичей»! По моему мнѣнію, это нынѣшнее село *Деренковецъ* на р. Роси; я полагаю, что и градъ *Дверенъ* на Роси, упоминаемый подъ 1192 годомъ, тотъ же Дерновый. Не вдалекѣ отъ него находится *Деренова-гора*, на которой до нынѣ (по крайней мѣрѣ до 1851 года, въ которомъ былъ я тамъ) ведется дикорастущее ягодное деревцо *деренъ*, отъ негоже и названье древняго города.

6) Есть и другой Днѣпровскій бродъ, *Татинецъ*, также еще неизвѣстный намъ по его мѣсту. О немъ упоминается въ Кіевской лѣтописи подъ 1187 годомъ, по случаю скораго похода Святослава Всеволодовича на Половцовъ. Надеждинъ съ Неволинымъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ изслѣдованіямъ Погодина (см. т. IV, стр. 194), указывали по Шубертовой картѣ на село *Мутатинцы* близь устья рѣки Золотоноши, впадающей въ Днѣпръ, въ уѣздѣ Золотоношскомъ... Но на картѣ должно быть ошибкою такъ названо то село, давшее отзвучіе для Татинца; на самомъ же дѣлѣ оно давно зовется и пишется *Мутишинцы*, и остается въ сторонѣ отъ искомой мѣстности.

7) Назову еще городъ Иванъ, у котораго въ 1151 году стояли Изяславъ и Вячеславъ съ своими союзниками, во время борьбы ихъ съ Юрьемъ. Объ этомъ, уже не существующемъ, городѣ я полагаю несомнѣнно, что онъ былъ на правомъ берегу Днѣпра, съ полуденной стороны нынѣшняго мѣстечка Ржищева, на той горѣ, которая донынѣ зовется Иваномъ и на которой есть древнее городище.

Такой же слѣдъ остался и отъ бѣдоваго города *Родни*, бывшаго надъ Днѣпромъ, близъ устья Роси, виднаго мнѣ повседневно изъ оконъ моей Михайлюгорской хаты, изъ которой свидѣтельствую вамъ истинное почтеніе и мысленно кланяюсь.

28 февраля 1869 года.

ОБЪ ИЗДАНІИ НЕСТОРОВОЙ ЛѢТОПИСИ И О ГОРОДѢ УСТЬѢ [1]).

(На прощанье съ 1867 годомъ. Письмо къ М. П. Погодину).

Хочу въ бесѣдѣ съ тобою окончить 1867 годъ, но многу памятный для всѣхъ.... Для насъ съ тобою онъ можетъ быть замѣченъ еще тѣмъ, что онъ оканчиваетъ собою *столѣтіе*, какъ издана была въ первый разъ *лѣтопись Несторова*. И какъ долго эта *лѣтопись, по Кенигсбергскому списку*, напечатанная въ 1767 году, была единственною книгою, изъ которой весь Русскій міръ зналъ сіе безсмертное произведеніе лѣтописца Печерскаго! Какъ часто ссылался на нее и родившійся въ томъ году Кіевскій митрополитъ—историкъ, начиная съ перваго листа своего знаменитаго *описанія Кіево-софійскаго собора!*.... Изданіе Несторовой лѣтописи въ 1846 году, по *списку Лаврентьевскому*, было замѣною доброю, но не вполнѣ удовлетворительною, и не оправдало нашихъ ожиданій. Вотъ если бы теперь — черезъ сто лѣтъ послѣ перваго изданія, явилось и у насъ новое изданіе, *по списку Ипатьевскому*, въ которомъ текстъ ближе къ подлиннику Несторову, судя по многимъ подробностямъ. И почему бы не издать ее именно въ Кіевѣ, въ Печерской лаврѣ, гдѣ была она и написана первоначально,—гдѣ почіетъ нетлѣнно и самъ святый отецъ русской исторіи! Галичане въ этомъ случаѣ опередили Кіевлянъ. Какъ изящно напечатана вся Несторова лѣтопись, по Ипатьевскому списку, съ польскимъ переводомъ объ руку, въ Monumenta Poloniae historica, изданныхъ 1864 года во Львовѣ

---

[1]) Газета «Рускій» 1868 г.; листъ II.

Августомъ Бѣловскимъ! Надъ нею въ томъ изданіи потрудился извѣстный Русинъ Вагилевичъ: и нельзя не сказать ему спасибо, хотя передѣлка всего текста Несторова, на правопись Остромировскаго евангелія, съ *юсами* и прочая, придаетъ видъ не свойственный для Кіевскаго лѣтописанья временъ Мономаховыхъ. А въ Кіевѣ, только въ 1860 году издано было начало Несторовой лѣтописи, да и то польскими буквами, Юліаномъ Котковскимъ!!... Но возвращаюсь къ 1867 году.

Нынѣшнимъ лѣтомъ Днѣпръ, будучи необыкновенно долго полноводнымъ, сдѣлалъ услугу и для нашей исторической географіи: онъ открылъ своими волнами остатокъ древней каменной церкви, который былъ засыпанъ пескомъ въ продолженіе многихъ вѣковъ. Мнѣ прислали изъ Переяслава кусокъ кирпича отъ той почтенной развалины, но, къ сожалѣнію, въ концѣ октября, когда я не могъ уже ѣхать туда. Впрочемъ и по одному кирпичу для меня ясно, что та церковь принадлежала 9-му вѣку. Она стояла на лѣвомъ берегу Днѣпра, при впаденіи въ него Трубежа..... Ты уже угадываешь, что это вѣрный комментарій на то мѣсто Несторовой лѣтописи, гдѣ сказано: «въ се же время (1096 г.) воева Куря съ Половцами у Переяславля, и *Устье* пожже, мѣсяца мая 24-й день». Карамзинъ, Арцыбашевъ и ты въ своихъ изслѣдованіяхъ, говорили объ этомъ *Устьѣ:* «вѣроятно близь Переяславля при устьѣ Трубежа»—и не ошиблись: теперь это уже не «вѣроятно», а достовѣрно. И была въ томъ приднѣпровскомъ городкѣ — каменная церковь, о которой въ лѣтописаньи не вспоминается, какъ о многихъ другихъ древнерусскихъ храмахъ. Но кто же могъ построить ее въ 11-мъ вѣкѣ, надъ Днѣпромъ, вдали отъ Переяслава? Такъ какъ митрополія русская первоначально была въ Переяславѣ (до построенія Софійскаго храма въ Кіевѣ Ярославомъ), то прежде всего можно предположить, что строителемъ той церкви былъ преемникъ перваго митрополита св. Михаила, *Леонъ* или *Леонтій* (992—1008 г.), именовавшійся митрополитомъ Переяславскимъ и Русскимъ, (или, пожалуй, Переяслава русскаго).

Но могло быть и то, что по сожженіи Устья въ 1096 г. Половцами, тогдашній Переяславскій епископъ, св. Ефремъ, славный обстроеніемъ города Переяслава, поставилъ и въ Устьѣ каменную церковь, разрушенную впослѣдствіи татарами, въ нашествіе Батыя. Въ обоихъ случаяхъ, по бытію той церкви, можно заключить, что объяснившееся теперь Устье было удѣльнымъ городкомъ сперва митрополитовъ, а потомъ епископовъ Переяславскихъ. Прощай!

1867 г. 31 декабря.

Михайлова-гора.

РОДИНА ГОГОЛЯ [1]).

(Историко-топографическія замѣтки о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской губ.).

..... Я выѣхалъ съ нимъ изъ Москвы 13-го іюня, 1850 года... Разстался въ Глуховѣ 25-го іюня, давъ обѣщаніе быть у него въ августѣ. Я не спросилъ, гдѣ его Васильевка, въ полной увѣренности, что она должна быть возлѣ *Миргорода.*

Къ Спасову дню отправился я на храмъ въ *Мгарскій* Лубенскій монастырь, и провелъ тамъ два пріятныхъ дня. Ознакомясь подробно съ монастыремъ, основаннымъ Исаіей Копинскимъ въ концѣ 1622 года, я былъ 8-го августа въ Лубнахъ. При выѣздѣ изъ города черезъ Сулу, я нашелъ наконецъ памятную въ исторіи *Солоницу.* Это слобода за селомъ Засульемъ, окруженная солонцами; но тамъ нѣтъ уже тѣхъ окоповъ, въ которыхъ отчаянно защищался и былъ взятъ гетманъ Наливайко.

Заночевалъ я на *Ромоданѣ,* т. е., на дорогѣ изъ Лохвицы въ Кременчугъ, проторенной въ 17-мъ вѣкѣ княземъ Ромодановскимъ. Восходъ солнца встрѣтилъ я въ *Кибинцахъ,* у церкви, въ которой погребенъ знаменитый владѣлецъ этого села *Трощинскій.* Здѣсь часто бывалъ въ дѣтскіе годы Гоголь, по родству съ Трощинскими. Въ *Миргородѣ* остановился я покормить лошадей и напиться чаю; но я не могъ здѣсь дознаться, гдѣ Васильевка? даже и по картѣ Миргородскаго уѣзда, висѣвшей въ окружномъ правленіи. Причиною тому было, что Васильевка зовется въ народѣ *Яновщиною,* и что она Полтавскаго, а не Миргородскаго уѣзда.

---

[1]) Москвитянинъ 1854 г., № 1. Смѣсь, стр. 6—7.

Какъ любителю старины, мнѣ нечего было дѣлать въ бѣдномъ, недавно еще погорѣвшемъ, *Миръ—городкѣ* (такъ онъ написанъ въ книгѣ Большаго Чертежа). Хотя и считался онъ однимъ изъ старшихъ полковыхъ городовъ Украинскихъ, и славенъ былъ своими полковниками; но резиденція Миргородскаго полка находилась долго въ *Сорочинцахъ*, на рѣкѣ Пслѣ. Туда и поспѣшилъ я, съ вязкою Миргородскихъ бубликовъ, для Гоголя, и пріѣхалъ въ полдень невыносимо знойный. Прежде всего я пошелъ взглянуть на домъ, въ которомъ жилъ памятный на Украинѣ цѣлебникъ *Трофимовскій*. Привѣтная хозяйка дома разсказала мнѣ о покойномъ свекрѣ своемъ, передъ его портретомъ. Отъ нея же узналъ я, что Сорочинцы—родина Гоголя, что онъ и самъ пріѣхалъ сюда изъ Обуховки. Это извѣстіе и нежданная встрѣча съ Гоголемъ на мѣстѣ его рожденія, весьма обрадовали меня; и мы весело провели этотъ день вмѣстѣ, у А. И. Данилевскаго.

Мѣсто Сорочинцы до 1782 года было сотеннымъ городомъ Миргородскаго полка. Встарину оно звалось *Краснополемъ;* въ гетманство Хмельницкаго Краснопольскимъ сотникомъ былъ *Муха*. Но за гетмана Многогрѣшнаго, когда сотникомъ здѣсь былъ *Борисенко*, Краснопольская сотня называлась уже *Сорочинскою*. Къ ней принадлежали десять селъ: знаменитая Обуховка Капнистова, малая Обуховка, Савинцы, Опанасовка, Олферовка, Семеренька, Матяшовка, Портянки, Перевозцы и Барановка, да 70 хуторовъ.

Цвѣтущее состояніе города настало при *Данилѣ Павловичѣ Апостолѣ*, бывшемъ 45 лѣтъ Миргородскимъ полковникомъ, и съ небольшимъ 6 лѣтъ гетманомъ. Памятникомъ его гетманства осталась въ Сорочинцахъ сооруженная имъ красивая каменная церковь, во имя Преображенія съ двумя придѣлами. Тутъ и погребенъ предпослѣдній Малороссійскій гетманъ, 28-го января 1734 года, въ склепу подъ амвономъ. На правой стѣнѣ виситъ изображеніе герба его съ надписью: «за труды и отечество». Въ алтарѣ видѣлъ я напрестольный крестъ съ тѣмъ же гербомъ, и евангеліе (Московской печати 1735 г.) съ окладными изображеніями Даніила и Уліаніи. Въ этой церкви погребенъ еще генералъ-маіоръ *Георгій Десли*.

Въ первую четверть нынѣшняго столѣтія, искуство и слава Михаила Яковлевича Трофимовскаго привлекали въ Сорочинцы недужныхъ всей Малороссіи. Въ началѣ *1810* года пріѣхала къ нему Марья Васильевна Гоголева, опасаясь трудныхъ родовъ.

Ободряя больную, Трофимовскій говорилъ, что у нея скоро будетъ «славный сынокъ»: и она дала обѣщаніе, если родится сынъ, назвать его во имя Николы Диканьскаго. Квартира ея была въ домикѣ генеральши Дмитріевой, въ которомъ и родился *19-го марта Николай Васильевичъ Гоголь.* Воспріемниками: его были молодой Трофимовскій Михайло Михайловичъ, и Дмитріева. Домикъ тотъ недавно разобранъ новой владѣлицей по незнанію, что въ немъ родился Гоголь.

Мы переѣхали черезъ Псёлъ и ѣхали въ Васильевку ночью, при свѣтѣ полнаго мѣсяца. Наслажденіемъ для меня было промчаться вмѣстѣ съ Гоголемъ по степямъ, лелѣявшимъ его съ дѣтства. И никогда я не видалъ его такимъ одушевленнымъ, какъ въ эту *Украинскую ночь.......*

Съ грустью вспоминаю теперь и эту ночь, и день моей послѣдней встрѣчи съ Гоголемъ на его родинѣ.

«Степъ широкій, всюды видно, милого не бачу».

24 ноября, 1853 г.

Михайлова-гора.

ПУТЕВОЕ ВОСПОМИНАНІЕ О ПОЛТАВѢ [1]).

Добувся якъ Шведъ пôдъ Полтавою.
Малороссійская пословица.

Изыскатели Древнерусской географіи признали уже, что поминаемая въ Кіевской лѣтописи *Лтава*, означаетъ Полтаву. Итакъ Полтава въ древнее время была однимъ изъ пограничныхъ городковъ Переяславскаго княжества—была, можно сказать, *воротами* въ Русскую землю отъ поля Половецкаго, тамъ начинавшагося за рѣкою Ворсклою.

По дорогѣ къ Полтавѣ съ той стороны прежде всѣхъ является на встрѣчу воспоминанію нашему доблестный Мономахъ: онъ идетъ изъ своего Переяслава — *испити золотымъ шеломомъ великого Дону*. Собранное его совѣтомъ ополченіе Русскихъ князей выступило въ походъ на второй недѣлѣ великаго поста, 1111 года, и во вторникъ крестопоклонной недѣли было здѣсь на Ворсклѣ. «Заутра, въ среду крестъ цѣловаша, и возложиша всю надежу на крестъ, со многими слезами; и оттудѣ преидоша многи рѣки, и въ шестую недѣлю поста пріидоша къ Донови во вторникъ». Побѣда его извѣстна.

Черезъ пять лѣтъ послѣ того достопамятнаго похода, Ярополкъ Володиміровичъ, занявшій мѣсто отца своего въ Переяславѣ, опять шелъ здѣсь, туда же на Донъ, и съ новою славою опять взялъ три Половецкихъ города (Сугровъ, Шарукань и Балинъ); и тамъ же полонилъ себѣ жену—«красну вельми, Яськаго князя дщерь», нареченную Еленою. А спустя десять лѣтъ, Мстиславъ Володиміровичъ, княжившій въ Кіевѣ, —«загна Половци за Донъ и за Волгу».

---

[1]) Украинецъ 1859 г. стр. 113—122.

Но упругое племя опять прикочевало къ предѣламъ Русской земли. И вотъ, въ іюнѣ 1174 года, залетѣлъ соколомъ въ поле за Ворсклу 23 лѣтній сѣверскій князь Игорь Святославичъ. Свѣдавъ отъ пойманныхъ Половцовъ, что Кобякъ и Кончакъ пошли на Переяславъ, онъ поспѣшилъ противъ нихъ—«и переѣха Ворсколъ у *Лтавы* къ Переяславлю» —и встрѣтивъ Половцовъ, шедшихъ уже съ полономъ, побѣдилъ ихъ на Ильинъ день, и поспѣлъ въ Кіевъ на праздникъ Бориса и Глѣба; а на другой день—онъ дарилъ князей Ростиславичей и ихъ мужей Половецкимъ оружіемъ, и обдаренный ими воротился со славою во свояси.

Ровно черезъ десять лѣтъ отважный князь Игорь, съ братомъ своимъ Буй—Туръ Всеволодомъ, съ сыномъ и племянникомъ, опять очутился тутъ, за рѣчкою Мерломъ, и ударилъ на Половецкія вежи, и побѣдилъ ихъ — въ то самое время, какъ Святославъ Всеволодовичъ Кіевскій одержалъ знаменитую побѣду надъ Половцами за рѣкою Орелью—«и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ».

Спустя два вѣка, когда вмѣсто Половцовъ были у Руси болѣе сильные сосѣди и насильники, а княжество Переяславское было въ составѣ Кіевскаго, ставшаго удѣломъ великаго княжества Литовскаго, повелитель онаго, воинственный князь Витовдъ — «снійдеся съ Тамерланомъ на рѣцѣ Ворсклѣ, но побѣжденъ бысть злѣ.... А татаре, побѣдивше христіанъ, поидоша въ Русскую землю, плѣняюще огнемъ и мечемъ Волынь и Литву, а Кіевъ окупися тысячею червоныхъ, а Печерскій монастырь тридесятію червоныхъ; сей окупъ бысть августа 12-го» (1399 г.). Такъ несчастливо для южной Руси окончилось 14-е столѣтіе на берегахъ Ворсклы!

Въ тѣ поры пріѣхалъ служить къ Витовду татарскій князь Лекса, нареченный въ крещеніи Александромъ, «а вотчина у него была Глинескъ, да Глиница, да *Полтава*». Вотъ первый извѣстный помѣщикъ Полтавскій, родоначальникъ знаменитаго дома князей Глинскихъ!

Туманомъ исторической неизвѣстности покрывается Полтава до начала 17-го вѣка. Между тѣмъ какъ земля Кіево-Переяславская, вмѣстѣ съ Волынскою, очутилась 1569 года

подъ короною Польскою, во имя гражданской унiи, между тѣмъ какъ новоизбранный король Баторiй, налагая руку на козачество, учредилъ 1576 года, въ числѣ десяти полковъ на Украинѣ, и *Полтавскiй* полкъ, — о самой Полтавѣ нѣтъ и помину, даже въ Московской книгѣ Большого Чертежа, которая около той поры означила себѣ близкiе къ Полтавѣ городки на рѣкѣ Хоролѣ—*Миргородокъ* и *Хомутецъ*. Можетъ быть, Полтаву постигло тогда такое же опустѣнiе на нѣсколько лѣтъ, какое за Днѣпромъ было съ городомъ Корсунемъ, отъ набѣговъ татарскихъ; или же она въ тѣ поры не считалась городомъ... Впрочемъ и учрежденiе Полтавскаго полка Баторiемъ требуетъ повѣрки.

Какъ бы ни было, но Полтава будто вновь зачинается 1608 года; тогда она была устроена уже какъ настоящiй городъ, заботою коронного гетмана Жолкевскаго, для его зятя и будущаго преемника Станислава Конецпольскаго. Сей знаменитый томитель Украины возбудилъ своими насилiями цѣлый рядъ козацкихъ ополченiй на поляковъ, на первый разъ утишенныхъ было Жолкевскимъ; и какъ тогда гетманъ Наливайко, такъ при Конецпольскомъ, гетманы: Сулима, Павлюкъ, Остряница и Гуня, одинъ вслѣдъ за другимъ (1635 — 38), слагали свои головы на площади Варшавской. Эпилогомъ этого второго акта трагедiи польско-козацкой была схватка новаго Запорожскаго гетмана Повтора-Кожуха съ храбрымъ княземъ Iеремiею Вишневецкимъ, за Полтавою, на рѣчкѣ Мерлѣ. Въ тѣ поры владѣльцемъ Полтавы былъ этотъ князь Вишневецкiй, котораго Украинская вотчина простиралась отъ Полтавы до Прилуки, и отъ Домонтова (при устьѣ Супоя) до Самбора и Корыбутова (подъ Конотопомъ); а на правомъ берегу Днѣпра, въ этой безобразно-большой *Вишневеччинѣ*, принадлежалъ городъ *Мошны;* а резиденцiей Вишневецкаго былъ городъ Лубны, составляющiй естественное, географическое средоточiе всей нынѣшней Полтавщины. Но въ 1648 году, когда воздвигся Богданъ Хмельницкiй, храбрый князь бѣжалъ на свою родину, Волынь, покинувъ на всегда свою Украинскую вотчину; и она, обратясь въ общественное достоянiе, тогда же устроилась въ четыре боль-

шіе полки: *Полтавскій*, *Миргородскій*, *Кропивянскій* и *Прилуцкій;* а въ генварѣ 1654 года присоединилась къ Русской державѣ, вмѣстѣ съ цѣлою Малороссіею, освободившею себя отъ Польской короны шестилѣтнею войною Богдана.

Первымъ полковникомъ Полтавскаго полка (съ 1648 года) былъ *Мартынъ Пушкарь*, вѣрный защитникъ дѣлъ Богдана и по его смерти. Зорко проникъ онъ въ замыселъ честолюбца Выговскаго, и, не смотря ни на что, хотѣлъ воспрепятствовать ему, имѣя на своей сторонѣ и Запорожцевъ; но Выговскій, при слабомъ содѣйствіи ему отъ Польши, при недовѣріи Москвы къ правдомолвному Пушкарю, призвалъ на помочь себѣ Орду; и сопротивникъ его, въ неровной борьбѣ, палъ подъ Полтавою. Іюня 1-го 1658 года, послѣ жаркой схватки, подана была на копьѣ Пушкарева голова Выговскому, и онъ того же дня снова наступилъ на Полтаву и обратилъ ее въ развалины. Такъ зачалась тяжкая междоусобица козацкая, положившая начало *раздвоенію* Украины между Россіей и Польшей, которое потомъ было дважды узаконяемо, договорами Андрусовскимъ и Прутскимъ, и прекратилось съ концемъ Запорожья, козацкой Украины и королевства Польскаго. Украинскій народъ до позднѣйшаго времени вспоминалъ славнаго полковника и хитроумнаго гетмана, въ своей пѣснѣ:

«Ой де́-жъ ты, Пушка̀рю, храбрый козаче,
Що по тобѣ дуже Украина плаче!
Ко̂сткы у могилѣ, самъ въ Господа Бога.
Ой плачъ, Украино, сиро́то небого!
Твою ясну долю розша̀рпавъ Выговскій,
Що сердце якъ каме̂нь, и розумъ бѣсовській»!

Преемникомъ Пушкаря былъ *Ѳедоръ Жученко*, добрый воинъ, принимавшій на себя не одинъ разъ полковничество до исхода 17-го вѣка. Между тѣмъ были полковниками Полтавскими: *Демьянъ Гуджель* и *Григорій Витязенко*, раздѣлившій участь своего покровителя гетмана Брюховецкаго (въ 1668 году); потомъ *Прокопъ Левенецъ*, окалѣченный въ битвѣ Чигиринской (1678 года); потомъ *Леонтій Черняхъ* и *Павелъ*

Герцикъ, усердный строитель церквей и послѣдователь гетмана Мазепы; а за нимъ *Иванъ Искра*.... Сей нѣкогда храбрый сподвижникъ Палѣя и Самуся подъ Вѣною, подъ знаменами Собѣскаго, обезглавленъ былъ вмѣстѣ съ Кочубеемъ (15-го іюля 1708 года), за доносъ на гетмана Мазепу, омрачившаго измѣною царю Петру свое блестящее двадцатилѣтнее гетманство.

Но тутъ настаетъ достопамятный, многотрудный, «Шведскій рокъ», *съ 27-мъ днемъ іюня*, днемъ блистательной побѣды Петра перваго надъ Карломъ XII-мъ *подъ Полтавою*.

Въ самый жгучій морозъ Шведской войны на Украинѣ, державный преобразователь Россіи, учредилъ, указомъ 18-го декабря 1708 года, обширную губернію *Кіевскую*, которую подтвердилъ и указомъ 1719 года. Мудрая была мысль—поставить въ средоточіе края первопрестольный городъ Русской земли! А подъ Полтавою, мѣсто славной побѣды своей Петръ первый хотѣлъ увѣковѣчить сооруженіемъ монастыря и монумента, о которыхъ, въ указѣ 1706 года іюля мѣсяца, сказано: «построить монастырь мужескій и въ немъ церковь каменную во имя святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла, да нижнюю преподобнаго Сампсона Странопріимца, на котораго память та преславная викторія получена; а передъ церковію сдѣлать пирамиду каменную съ изображеніемъ на ней персоны его государевы, въ совершенномъ возрастѣ, на конѣ, вылитую изъ мѣди желтой, и подъ нею бой, самымъ добрымъ художествомъ; а по сторонамъ той пирамиды, на доскахъ мѣдныхъ-же, учинить подпись со объявленіемъ всѣхъ дѣйствъ, отъ вступленія въ Украину того короля Шведскаго и съ полученіемъ сей баталіи; и быть въ томъ монастырѣ архимандриту съ шапкою, и келіи, и ограду построить». Но монастырь и монументъ не состоялись. А въ самой Полтавѣ была возобновлена и улучшена крѣпость, которой комендантъ зависѣлъ отъ Кіевскаго губернатора, такъ же какъ и комендантъ крѣпости Кременчуцкой.

Въ тѣ поры Полтавскими полковниками были: *Иванъ Левенецъ* и *Иванъ Черняк*—сыновья прежнихъ; при Петрѣ второмъ пожалованъ въ полковники *Василій Кочубей*—сынъ

страдальца и зять новаго гетмана Данiила Апостола; а во все царствованiе Елисаветы и Екатерины былъ полковникомъ *Андрей Горленко*, на которомъ и прекратилось полковничество Полтавское.

Въ 1765 году, когда изъ новой Сербiи учреждалась губернiя Новороссiйская, къ ней были отдѣлены 13 сотенъ Полтавскаго полка; а въ 1775 году причислены и остальныя сотни съ городомъ Полтавою, который считался въ той губернiи *ротнымъ* городомъ Днѣпровскаго пикинернаго полка въ провинцiи Екатерининской; а съ 1782 г. Полтава переименована была въ *уѣздный* городъ. Въ этомъ званiи и оставалась она въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ (1784—96); а потомъ въ губернiи Малороссiйской, которая учреждена была Павломъ первымъ и въ которую возвращены были всѣ города, отдѣленные отъ Малороссiи къ Новороссiйскому краю.

Въ 1802 году *Малороссiйская* губернiя раздѣлена была на двѣ, соотвѣтственныя двумъ древнимъ княжествамъ, *Черниговскому* и *Переяславскому;* но начальственнымъ городомъ для второй губернiи назначенъ былъ не Переяславъ, а поставлена *Полтава*, не смотря на ея неудобное для края положенiе на отдаленномъ, степномъ концѣ. Съ той поры она тянетъ туда народную силу и жизнь цѣлаго края, вопреки ихъ привычному издревле стремленiю къ стольному Переяславу, а изъ него—въ первопрестольный Кiевъ.

1857 года.

Михайлова-гора.

ВОСПОМИНАНІЕ О ЗОЛОТОНОШѢ [1]).

> Ой, не видно його дому,
> Тôлько выдно хрести:
> Тудыжъ мене любо-мило
> Оченьками звести.
>
> *Украинская пѣсня*

«*Золотоноша* кругомъ *хороша*»—говоритъ мѣстная пословица; и я не разъ повторялъ ее, въѣзжая въ Золотоношу по дорогѣ Лубенской, съ лѣвой стороны рѣки, называемой тоже *Золотоношкою*. Оттуда этотъ смиренный городъ представляется какъ небольшой укромный островъ, красиво обогнутый рѣкою и рѣчною лукою, и обставленный вокругъ предмѣстьями.

Какъ не пышна въ своей наружности, такъ не громка Золотоноша и своею извѣстностью. Не говорятъ объ ней наши древнія лѣтописи; не встрѣчается она даже въ книгѣ Большаго Чертежа, гдѣ находите еще *городами* нѣкоторыя мѣстечки, нынѣ подчиненныя Золотоношѣ. Ея историческая извѣстность начинается не прежде, какъ въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка. Жизнь ея въ то время не означилась ничѣмъ особенно важнымъ въ исторіи нашего отечества; но нельзя сказать, чтобы она прошла безъ всякаго значенія и слѣда, и не имѣла-бы никакой отличительной особенности для воспоминанія историческаго.

Мѣстное преданіе говоритъ, что Золотоноша въ то время была укрѣпленнымъ зàмкомъ князя Вишневецкаго и сборнымъ мѣстомъ всѣхъ его Украинскихъ доходовъ; что пôдать сюда *приносима* была всегда *золотою* монетою, и отсюда

---

[1]) Украинецъ 1859 г., стр 123—145.

отправляема была водою на правую сторону Днѣпра, въ прибережный городъ *Мошну:* оттого-де и названіе «Золотоноша». Недалекое разстояніе Золотоноши отъ Днѣпра даетъ правдоподобіе этому преданію, что Украинское золото стекалось сперва на замковый островъ, и отсюда уже, рѣкою Золотоношкою, плыло въ заднѣпровскій городъ, который въ книгѣ Большаго Чертежа называется «*Мошною Вишневецкаго*».

А золота въ эту *Мошну* входило тогда не мало! Владѣнія князя Іереміи Вишневецкаго простирались преимущественно на той прекраснѣйшей полосѣ Украины, у которой одинъ бокъ орошается знаменитымъ Супоемъ, а по другому боку—«течетъ Сула серебрянными струями»... Начинаясь при Днѣпрѣ городами Чигиринъ—Дубровою на устьѣ Сулы и Домонтовымъ на устьяхъ Супоя,—владѣнія Вишневецкаго шли по этой полосѣ Украины черезъ всю Полтавскую губернію, захвативъ не мало и Засульской полосы, съ Хороломъ и Полтавою включительно, и вдавались еще въ Черниговскую губернію почти до Конотопа. На этомъ пространствѣ Украины, которое называлось *Вишневеччиною*, за княземъ Іереміею считалось 56 городовъ и селъ, и въ нихъ—39,857 *господарей* или *подданныхъ*, которымъ счетъ велся въ тѣ поры не по числу душъ, а по-дымно и по-дворно, по числу хатъ и дворовъ. Каждый господарь (т. е. хозяинъ), чтобъ быть свободнымъ отъ *панщины*, платилъ въ казну князя по *пяти таляреи* ежегодно.

Одно это уже обезпечивало годовой доходъ около 180,000 рублей серебромъ (что по тогдашнему значило больше, чѣмъ такая же сумма теперь). Кромѣ того, у князя Вишневецкаго на Украинѣ было множество экономическихъ хуторовъ или *фольварковъ;* да на рѣкахъ Украинскихъ считалось за нимъ 423 мельничныхъ *кола*, и за каждое *коло* платилось ему отъ *мельниковъ* ежегодно по два *червоныхъ золотыхъ*, что составляло около полуторы тысячи рублей серебромъ. Да во всѣхъ городахъ, селахъ и хуторахъ князя Іереміи, шелъ на него *шинокъ* — этотъ мутный и нездоровый, но къ сожалѣнію не изсякающій источникъ дохода Украинскаго! Да ко всему тому надо припомнить еще объ разныхъ поборахъ хлѣбомъ,

медомъ, скотомъ, птицею и всякою всячиною, какіе тогда были въ обычаѣ, — объ которыхъ между прочимъ говоритъ и современникъ Бопланъ, въ своемъ описаніи Украины.

И всего этого долженъ былъ лишиться князь Вишневецкій, съ отпаденіемъ Украинской Руси отъ республики Польской! Это лишеніе, конечно, и было главною причиною той свирѣпой мести, съ какою Вишневецкій преслѣдовалъ Малороссійскій народъ, во время борьбы съ Хмельницкимъ.

.... «Вашей милости — (писалъ къ Сендомирскому воеводѣ козацкій полковникъ Максимъ Кривоносъ, 1648 года, 25-го іюля) — вашей милости извѣстно все, что началось было и потомъ ускромилось; и что мы не хотѣли было болѣе опустошать Польской земли. Но раздражилъ насъ князь Іеремія, который мучилъ людей, отсѣкалъ головы и сажалъ на колъ; вездѣ, въ каждомъ городѣ середь рынка висѣлица; и теперь окажется, что посажены были на колъ невинные люди; а священникамъ нашимъ онъ глаза буравомъ просверливалъ..... Мы, охраняя нашу вѣру и жизнь, должны были стать за свою обиду. Кто хочетъ воевать съ нами, противъ того мы готовы; а кто спокоенъ, тотъ и будетъ оставленъ въ покоѣ» [1])!

Князь Іеремія былъ внукъ *Михаила Александровича Вишневецкаго*, который, еще до соединенія западной Руси съ Польшею (на Любельскомъ сеймѣ 1569 года), былъ старостою Черкасскимъ и Каневскимъ, и принималъ близкое участіе въ судьбѣ Украины, вмѣстѣ съ служившимъ у него княземъ Евстаѳіемъ Ивановичемъ Ружинскимъ. По возвращеніи съ Любельскаго сейма, былъ онъ кастеляномъ Кіевскимъ въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, и погребенъ въ Печерской церкви, 1584 года. Я думаю, что этотъ Вишневецкій и былъ главнымъ стяжателемъ огромной мѣстности Украинской, которая отъ него досталась въ наслѣдство сыну его, *Михаилу Михайловичу*, старостѣ Овруцкому. Этотъ князь жилъ въ родимомъ гнѣздѣ своемъ, въ Вишневцѣ на Волыни; а *ревизоромъ* его Украинской вотчины былъ князь Семенъ Лыко, погребенный въ Печерской церкви, 1621 года.

---

[1]) См. Памятники Кіев. Врем. Ком. т. I.

При посредствѣ этого благочестиваго мужа, князь Михаилъ Михайловичъ и его супруга, княгиня Раина или Ирина Вишневецкая, урожденная Могилянка, оставили по себѣ добрую память на Украинѣ, какъ основатели трехъ православныхъ монастырей: Густынскаго—Прилуцкаго, Ладинскаго—Подгорскаго и Мгарскаго—Лубенскаго. Память княгини сохранилась и въ книжномъ мірѣ: знаменитый богословъ и проповѣдникъ Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій посвятилъ ей свое *Евангеліе учительное*, которое и напечатано въ ея Волынскомъ мѣстечкѣ Рахмановѣ, 1619 года.

Наслѣдникомъ ихъ Украинской вотчины сталъ сынъ ихъ, *князь Іеремія Михайловичъ*. Этотъ храбрый юноша былъ надеждою и «пожада́нною утѣхою» для народа Украинскаго, потерпѣвшаго столько душевнихъ утратъ и скорбей въ правленіе Жигимонта III-го. Однако и этотъ князь, въ 1631 году, измѣнилъ «праотеческому благочестію». Какъ опечалена была этимъ Кіевская Русь, можно видѣть изъ увѣщательнаго посланія къ Іереміи отъ Кіевскаго митрополита Исаіи Копинскаго, который при его родителяхъ былъ игуменомъ и устроителемъ трехъ помянутыхъ монастырей, и церковнымъ начальникомъ надъ всѣми ихъ городами и селами Украинскими. Но напрасно было это посланіе [1]; напрасно и архимандритъ Печерскій, Петръ Могила, сродникъ Вишневецкаго, посвятилъ ему свой «Крестъ Христа Спасителя», напечатанный въ лаврѣ 1632 года: князь Іеремія остался католикомъ, и въ объятіяхъ своей Гризельды, изъ дома Замойскихъ, совсѣмъ ополячился. Украинцы не взлюбили отступника, который, словно на посмѣхъ Руси, несъ на себѣ званіе Русскаго воеводы. И когда настала на Украинѣ новая тревога, поднятая Хмельницкимъ, князь Іеремія, находившійся тогда въ Лубнахъ, двинулся было къ Переяславу; но увидавъ, что это уже не прежнія козацкія ополченія Сулимы, Павлюка или Остряницы,—онъ поспѣшилъ опять въ Лубны, и оттуда, уже черезъ Сѣверскую область,

---

[1]) Оно напечатано въ чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ, кн. 8, м. 1848.

пробрался на Волынь, воевать противъ Богдана. Любилъ этотъ *Русскаго покольнья ляхъ* (такъ называетъ его Львовская лѣтопись)--любилъ онъ часто повторять: «calamitas patriae — lamentatio Hieremiae»! Но этотъ латинскій плачь князя Іеремія относился, конечно, къ его Украинской *вотчинѣ*.......

Какіе же именно города и села на Украинѣ принадлежали къ Вишневеччинѣ? Вотъ списокъ имъ, въ томъ порядкѣ, и съ тѣмъ числомъ господарей, какъ записаны они въ подлинномъ *инвентарѣ* князя Іеремія [1]).

		Число господарей.			Число господарей.
1.	Лубны	2,646	25.	Голёнка	304
2.	Хоролъ	1,297	26.	Красне	995
3.	Горошинъ . . .	107	27.	Липове.	381
4.	Лукомль	524	28.	Крапивна. . . .	184
5.	Оржица	91	29.	Самборъ	198
6.	Буромль (Буромка).	158	30.	Глинскъ	1,264
7.	Еремѣевка . . .	327	31.	Варва	2,037
8.	Жолнинъ (Жовнинъ)	312	32.	Переволочна. . .	426
9.	Чигиринъ-Дуброва .	137	33.	Сѣкирна	128
10.	Пирятинъ. . . .	1,749	34.	Срѣбне	1,830
11.	Бѣлошапки . . .	374	35.	Чернухи	944
12.	Держикрай . . .	318	36.	Снятинка. . . .	436
13.	Золотоноша . . .	273	37.	Воронки	145
14.	Пѣщана	230	38.	Многа.	285
15.	Домонтовъ . . .	243	39.	Куринка	346
16.	Прилука	366	40.	Лохвица	3,325
17.	Полтава	812	41.	Пѣски	349
18.	Монастырище . .	939	42.	Сѣнча	1,403
19.	Гака	821	43.	Комышно . . .	1,194
20.	Журавка	474	44.	Ручиньцы. . .	
21.	Городня	312	45.	Хомутецъ. . . .	446
22.	Хмыровка. . . .	135	46.	Сергѣевка . .	214
23.	Ичня	1,494	47.	Робишовка . .	
24.	Иваница	336	48.	Царевъ-Бродъ . .	104

[1]) Этотъ инвентарь напечатанъ 1641 года, графомъ Александромъ Пржездѣцкимъ, въ книгѣ его: Podole, Wołyń, Ukraina.

	Число господарей.		Число господарей.
49. Липова-Долина . .	150	53. Роменъ	6,000
50. Край-Городъ. . .	137	54. Мошна.	1,400
51. Опанасовка . . .	17	55. Корибутовъ . . .	600
52. Талалаевка . . .	60	56. Кулигородица . .	80

Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь въ число *господарей* или *подданныхъ*, при нѣкоторыхъ городахъ включены и тѣ, которые жили въ хуторахъ, принадлежавшихъ къ этимъ городамъ.

Но возвратимся къ Золотоношѣ, которую мы оставили укрѣпленнымъ замкомъ князя Вишневецкаго. Она принадлежала тогда къ *повѣту* Черкасскому. Но когда сталъ гетманъ Хмельницкій и не стало Вишневецкаго на Украинѣ, она вся обратилась въ *Козáччину*, и вся устроилась немедленно въ *полки* и *сотни*,—тогда Золотоноша стала *сотеннымъ городомъ* стародавняго *полка Черкасскаго*. Въ такомъ видѣ поступила она и подъ Русскую державу, со всею Малороссіею, 1654 г.

Замковое укрѣпленіе Золотоноши сохранялось по прежнему. Тотъ перешеекъ (возлѣ кузницъ), по которому въѣзжаютъ теперь въ городъ съ лѣвой стороны рѣки, насыпанъ впослѣдствіи; а въ тѣ поры здѣсь протекалъ глубокій рѣчной рукавъ, и черезъ него былъ подъемный мостъ отъ крѣпостныхъ воротъ, называвшихся *Кропивянскими*. Другія крѣпостныя ворота стояли на противоположной сторонѣ острова, надъ рѣкою и назывались *Переяславскими*. Вокругъ острова былъ высокій земляной валъ, который помнятъ еще старожилы, и котораго слѣды уцѣлѣли кое-гдѣ донынѣ. Преданіе говоритъ, что обое ворота были съ желѣзными створами, а на башняхъ висѣло много колоколовъ, и что валъ весь былъ уставленъ *гарматами*, то есть пушками.

Такое огражденіе и положеніе Золотоноши дѣлало ее неприступною. Потому неудивительно, что въ смутный и печальный для Украины 1666 годъ, козаки Переяславскаго полка нашли себѣ здѣсь вѣрный притонъ, и воевода князь Щербатовъ не могъ достать ихъ здѣсь, не смотря на долгую осаду, а потомъ принужденъ былъ отступить къ Переяславу,

когда на помочь осажденнымъ подоспѣла (1-го октября) татарская орда, посланная гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ. Около этого времени Золотоноша, вмѣстѣ съ Домонтовымъ, Пѣщаною и Богушковою-Слободою, перечислена была въ Переяславскій полкъ, изъ полка Черкасскаго, отшедшаго опять къ Польшѣ, по силѣ договора Андрусовскаго (1667 г.).

Въ Переяславскомъ полку и оставалась Золотоноша до конца своего сотеннаго бытія, т. е., до 1782 года, въ которомъ произошло преобразованіе полковой Малороссіи въ три намѣстничества, съ подраздѣленіемъ каждаго на 11 уѣздовъ. Тогда Золотоноша стала *уѣзднымъ* городомъ *намѣстничества Кіевскаго;* а въ 1796 году — *губерніи Малороссійской;* а съ 1802 года — *губерніи Полтавской.* Такимъ образомъ Золотоноша, бывъ сперва въ подчиненіи у городовъ Черкасъ и Переяслава, потомъ Кіева и Чернигова,—стала наконецъ подъ начало Полтавы. Но еще и во время Золотоношскаго сотничества, именно 1764 года, Малороссійскіе полки подраздѣлены были—каждый на два *повѣта.* Въ тѣ поры въ Переяславскомъ полку установлены были два повѣта: *Переяславскій* и *Золотоношскій,*—и въ Золотоношѣ завелись по стародавнему суды подкоморскій (то есть межевой) и земскій. Этимъ повѣтовымъ раздвоеніемъ полковъ окончилось гетманское правленіе Разумовскаго, а за нимъ и гетманщина Малороссійская. Но есть слѣды, что еще и въ гетманство Мазепы возобновлялось стародавнее повѣтовое подраздѣленіе Малороссіи, но было подчинено полковому, что еще и тогда былъ *повѣтъ* Золотоношскій, но только меньшаго объема.

Возвращаясь въ тотъ вѣкъ, намъ прилично вспомянуть прежнихъ правителей Золотоношской сотни. Къ сожалѣнію, мой помянникъ объ нихъ не полонъ. Онъ начинается сотникомъ *Остапомъ Зайцемъ,* который съ своими Золотоношцами подвизался 1649 года подъ Збаражемъ,—тогдашними Термопилами для Іереміи Вишневецкаго и подчиненнаго ему польскаго войска.

Въ 70 годахъ Золотоношскимъ сотникомъ былъ *Василь* или *Вуйца Сербинъ,* бывшій потомъ полковникомъ Переяславскимъ (1679—80).

Въ началѣ восемьнадцатаго вѣка на Золотоношскомъ сотничествѣ извѣстенъ *Лукьянъ Шульа́*, храбро подвизавшійся въ Шведской войнѣ, бывшій передъ тѣмъ и полковникомъ компанѣйскимъ.

Послѣ него извѣстенъ *Антонъ Чарушинскій* (1722); потомъ—*Константій Леонто́вичъ*, который правилъ Золотоношскою сотнею лѣтъ сорокъ; наконецъ — *Яковъ Михайловичъ Лукашевичъ*, съ 1770 года и до конца сотни.

Сотенное правленіе въ Зототоношѣ находилось среди города, между церквей Никольской и Успенской.

Никольская церковь существуетъ издавна, о чемъ свидѣтельствуютъ и два уцѣлѣвшіе при ней надгробные камня. На одномъ надписано: «преставися рабъ Божій Тимофей Шепель, року Божого 1656, мѣсяца сентября дня 26-го». На другомъ: «ро(ку) Божо(го) 1619, преставися раба Божія Марія Иваниха Перехрестова жона». Вотъ старѣйшая изъ Золотоношскихъ жителей, извѣстныхъ намъ поименно! А сколько невѣдомыхъ Золотоношцевъ улеглось нѣкогда вокругъ этой церкви, напоминая о себѣ только своими бѣлыми черепами, пробивающимися изъ земли послѣ сильныхъ дождей! Къ числу ихъ принадлежали и родители славнаго Запорожскаго атамана *Ивана Малашевича*, который въ 1734 году возвратилъ подъ Русскую державу Запорожское товариство, прогнанное Петромъ первымъ въ Крымскую орду, послѣ Полтавскаго дѣла. Тогда атаманъ, воротясь на родину, подарилъ въ Никольскую церковь евангеліе Кіевской печати 1733 года, съ слѣдующимъ надписаніемъ: «сия книга, еангеліе, року 1735 генваря 9-го мною, Иваномъ Малашевичемъ, атаманомъ кошовымъ войска Запорожскаго низового и нашимъ паномъ братомъ, Конъстантіемъ: отмѣнили рады отпущенія грѣховъ своихъ талярей за сто за десять съ копою, и надаемо во вѣчніе часи до храму святителя Христова Николая Золотоношскаго, гдѣ наши родители померші: *Алексѣй* и *Параскевія* лежать; а ижъ бы еи отъ той церкви не отдалено и на свой якій прибитокъ нихто не продавалъ, подъ анафемою утвѣрждаемъ».

Иванъ Алексѣевичъ Малашевичъ скончался въ Очаковскомъ походѣ 1737 года, на р. Бугѣ; а старшій братъ его *Костя* былъ и послѣ атаманомъ куреня Пашковскаго.

Нынѣшнее деревянное зданіе *Успенской* соборной церкви построено 1745 года, при настоятелѣ оной, протопопѣ Василіѣ Петрашевичѣ, какъ гласятъ о томъ рѣзныя надписи по всѣмъ дверямъ. Мастеромъ былъ козакъ изъ Домонтова, который взялъ за работу 35 рублей, кромѣ провизіи. Въ этой церкви не нашелъ я ничего любопытнаго для исторіи Золотоноши; а въ числѣ книгъ я встрѣтилъ новое для меня Кіевское изданіе требника, 1708 года, въ 4-ку. Обветшалыя стѣны Успенской церкви едва держатся и ожидаютъ скораго обновленія; но мнѣ всегда жаль, когда деревянныя церковныя зданія строятся въ новомъ стилѣ, на мѣсто прежнихъ въ стилѣ Староукраинскомъ, напоминающемъ коническими верхами пагоды Индійскія.

Влѣво отъ Успенской церкви находилось прежде Золотоношское *духовное правленіе.* Оно началось въ 1703 году, при возобновленіи древней Переяславской эпархіи, епископы которой именовались Переяславскими и Бориспольскими.

При Никольской церкви, возлѣ вала у Переяславскихъ воротъ, находились богадѣльня и школа.

Съ преобразованіемъ Золотоноши въ уѣздный городъ, сотенное правленіе обращено было въ «Кирасирскій дворецъ», а присутственныя мѣста и прочія заведенія начались и продолжаютъ строиться на правой сторонѣ рѣки, при въѣздѣ въ городъ дорогою Переяславскою. Тутъ прежде всего встрѣчаетъ васъ городское кладбище, съ небольшою церковью во имя *Женъ Мироносицъ;* а передъ нею — жидовскій курень Золотоношскаго виннаго откупа.

Гербъ Золотоноши: золотой крестъ съ сіяніемъ въ багряномъ полѣ.

Что касается до Золотоношскихъ *подворковъ*, то есть предмѣстій, которыя окружаютъ городъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, то главное изъ нихъ, на лѣвой сторонѣ рѣки, называется *Струнковцами*, по имени своего перваго, поселенца, Запорожскаго козака Струнки; тамъ же различаются еще:

Хобота́ и *Ве́рзловка.* На другой сторонѣ рѣки, при выѣздѣ изъ города черезъ греблю, вправо идетъ большое предмѣстье, называемое *Троещиною*, по имени здѣшней *Троицкой* церкви, извѣстной издавна, но въ послѣдній разъ выстроенной 1784 года; а налѣво идутъ заселенныя урочища *Шепелёвское*, *Рѣдково* и *Зозулевка*, получившія эти имена отъ своихъ первыхъ поселенцевъ—козаковъ: Шепеля, Рѣдка́ и Зозули.

Это послѣднее предмѣстье достойно замѣчанія по бывшему здѣсь *Благовѣщенскому* женскому монастырю. Начало свое получилъ онъ отъ Вознесенскаго *Мошногорскаго* монастыря, издавна существующаго на правой сторонѣ Днѣпра, въ горахъ за мѣстечкомъ *Мошнами.* Въ прошломъ столѣтіи, Мошногорскіе иноки устроили себѣ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ селѣ Коробовкѣ, хозяйскій *дворецъ*, въ которомъ находили себѣ пристанище монахини, — изъ котораго и возникъ тамъ *Коробовскій Вознесенскій* женскій монастырь. Онъ учрежденъ былъ Мошногорскимъ игуменомъ Іоасафомъ Раковичемъ и его сестрою монахинею Анѳіей. Такъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ учредился Ладинскій женскій монастырь, изъ бывшаго дотолѣ мужскаго, попеченіемъ игумена Ісаіи Копинскаго и его родной сестры монахини Александры. По такому происхожденію ихъ отъ мужескихъ монастырей, монахини бывшаго Коробовскаго монастыря носили на головахъ мужескіе клобуки, какъ носятъ ихъ Ладинскіе монахи, и будутъ носить, пока какая-нибудь игуменья не вздумаетъ отмѣнить этотъ обычай, освященный двухвѣковою давностью.

Коробовская обитель въ 1760 году сгорѣла, и ея монахини перешли въ *Золотоношу*, на предмѣстье *Зозулевку*, гдѣ въ слѣдующемъ же году основанъ былъ для нихъ новый монастырь, усердіемъ Прилуцкаго мѣщанина Ѳедора Кополья. Церковь во имя *Благовѣщенія* построена тамъ 1764 года, стараніемъ ктитора, Запорожскаго козака Якова Щербины; а трапезная церковь, въ память *перенесенія мощей св. Іоанна Златоустаго*, построена уже въ 1783 году. Золотоношскій Благовѣщенскій монастырь существовалъ пятьдесятъ шесть лѣтъ; а 1817 году, при обновленіи Ладинской Покровской

обители, упраздненъ, и Благовѣщенская церковь обращена въ приходскую.

Одна изъ питомницъ Золотоношской обители, монахиня Пахомія, сильно стремилась возобновить ее, устроеніемъ здѣсь общежительной дѣвичьей пустыни. Для того, въ продолженіе многихъ лѣтъ, ходила она по Москвѣ и по другимъ городамъ, испрашивая милостыню. Возвратясь въ Золотоношу, она устроила, въ 1833 году, новый кивотъ для чудотворнаго образа здѣшней Богоматери; обновила трапезную церковь и начальническія келіи, въ 1834 году, и собрала было, въ эти два года, болѣе двадцати пяти сестеръ разнаго званія, для общежительства. Однако предпріятіе Пахоміи не состоялось. Тогда она, предоставивъ Благовѣщенской церкви не мало церковныхъ вещей и книгъ, надѣлила ризницею Переяславскую Борисоглѣбскую церковь; а иконостасъ и плащаницу отдала въ Борисовскую церковь, построенную 1839 году, попеченіемъ архіепископа Гедеона, на берегу Ильтицы или Альты, на мѣстѣ убіенія св. князя Бориса.

Церковь Благовѣщенская осталась приходскою; но въ ней чаще другихъ Золотоношскихъ церквей совершается служеніе, ибо окрестные жители, продолжая прежнюю вѣру къ образу Благовѣщенской Богоматери, часто бываютъ здѣсь для молитвы. Въ Златоустовской церкви также бываетъ еще богослуженіе. Начальническія келіи по временамъ служатъ больницею для квартирующаго въ Золотоношѣ войска. Дворъ монастырскій, хотя и запустѣваетъ съ каждымъ годомъ, но все еще какъ будто ждетъ, что населится вновь *общежительствомъ* иноческимъ.

Золотоношская обитель, во все время своего существованія, служила училищемъ для окружныхъ жителей; и въ этомъ отношеніи она особенно для меня памятна. Здѣсь учились грамотѣ родные и ближніе мнѣ пять братьевъ Тимковскихъ, которые потомъ, окончивъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, всѣ были писателями. По ихъ слѣдамъ, изъ нашей общей родины (деревни Тимковщины, на рѣчкѣ Згари, верстахъ въ десяти отъ Золотоноши), и я былъ отданъ въ монастырь, на ученіе книжное. Послѣ того около тридцати

лѣтъ я уже не былъ здѣсь. И не забуду никогда того впечатлѣнія, съ какимъ увидѣлъ я вновь освященный для меня Благовѣщенскій дворъ. Все, знакомое мнѣ въ дѣтскіе годы, воскресало въ моей памяти, но многаго уже не было передъ моими глазами. Зеленѣли по прежнему клёны и липы, ведущіе отъ колокольни къ церкви, и вправо отъ нихъ стояла еще огромная верба, нависшая надъ колодцемъ... Но отъ тѣхъ шелковицъ, которыя рядомъ шли къ церкви отъ воротъ золотоношскихъ, остались только засохшіе пни, и вмѣсто многихъ келій—видны были одни земляные бугры. Только по нимъ я могъ распознать: гдѣ стояла та келія, въ которой прошелъ я полный курсъ здѣшняго ученія, то есть—граматку, часословецъ и псалтирь.

Моя учительница Варсонофія была еще жива въ ту пору; и я нашелъ ее игуменьею въ сосѣднемъ Красногорскомъ монастырѣ. А въ опустѣлой обители Золотоношской, изъ прежнихъ ея жилицъ, осталась только старая послушница Евдокія. Священникъ позволилъ ей жить въ одной изъ уцѣлѣвшихъ келій, и она по прежнему прислуживаетъ въ церкви, а по ночамъ стережетъ ее. Какъ занимателенъ былъ для меня ея младенчески простодушный разсказъ обо всемъ, что здѣсь случилось на ея памяти! Между прочимъ, говоря о послѣднемъ опустѣніи монастыря, она заплакала и, обхвативъ руками уголъ церкви, сказала: «оно бы все ничего, да Божіей Матери бѣдненькой жалко»!

Двора черезъ три отъ церкви, я отыскалъ еще одну монастырку, которую тоже звали Евдокіей, или по-здѣшнему—Евдошкою. Какъ любо мнѣ было поглядѣть на эту пропечную, девяностолѣтнюю, но все еще бодрящуюся старушку, у которой учились грамотѣ моя мать и ея меньшой братъ, извѣстный въ ученомъ мірѣ своимъ «путешествіемъ въ Китай»! Евдокія родомъ изъ Прилуки, дочь мѣщанина Кирила Мехеди. При началѣ Золотоношскаго монастыря, она отдана была сюда къ ея теткѣ, монахинѣ Аѳіи; потомъ осталась при ней, и помогала ей учить дѣтей грамотѣ. Съ той поры она не переставала учить; и когда упразднился монастырь, впросилась во дворъ къ сосѣднему козаку, прилѣпила къ его

сѣнямъ три стѣны своей келіи; и въ ней продолжала брать къ себѣ на выучку дѣтей всякаго званія. Тамъ я и нашелъ ее—съ гребнемъ и веретеномъ, а возлѣ нея—козачьяго мальчика, съ указкою въ рукѣ, сидѣвшаго надъ грамáткою. За обученіе брала Евдокія — «что кто дастъ»; а платили ей обыкновенно по *три копы*, то есть полтины, за грамáтку, по *четыре копы* за часловецъ, и *пять копъ* за псалтирь; да къ тому еще прибавляли нѣсколько мѣшковъ провизіи на прокормленіе дитяти. Такими способами Золотоношская просвѣтительница, въ продолженіе многихъ лѣтъ, собрала — было деньгами «три раза по тринадцати рублей» (разумѣется—на ассигнаціи). И радовалась она, что у ней «будетъ что про смерть»! Но одинъ недобрый гуляка, промотавъ по шинкамъ свое наслѣдство, не побоялся грѣха обокрасть старушку.

Между тѣмъ въ жизни этой труженицы случилась перемѣна: прежній хозяинъ ея умеръ, и она принуждена была перебраться на новое мѣсто, на край города, въ домъ небогатаго мѣщанина Донченка! Тамъ ей было спокойно, но скучно; ибо оттуда далеко «до Благовѣщенской Божіей Матери». Къ тому же она плохо видѣть стала, и не могла уже работать дрожащими руками. Однако она выучила еще хозяйскаго сына грамáткѣ, и получила за то—*восьмигривенникъ*». Рада-бъ уже умерти,—говорила мнѣ,—да Богъ смерти не дае»! Наконецъ, великимъ постомъ 1848 года, столѣтняя труженица дождалась желанной гостьи.

О Красногорскомъ монастырѣ.

По окрестностямъ Золотоноши есть не мало безмолвныхъ памятниковъ старины незапамятной. Я разумѣю тѣ городища и разновидныя могилы, какими усѣяны вездѣ Украинскія степи. Но мы теперь пройдемъ мимо этихъ загадочныхъ насыпей, надъ которыми потрудились невѣдомые намъ обитатели Украины. Мы остановимся на одномъ холму, который еще прежде ихъ образовала природа—волнами рѣки Золотоношки, когда онѣ гуляли выше своихъ нынѣшнихъ береговъ. Это такъ называемая *Красная—горка* на острову; въ четырехъ верстахъ выше города.

Заросшій лѣсомъ и недоступный въ разливъ рѣки, Красногорскій островъ представлялъ собою мѣсто весьма способное для молитвеннаго отшельничества: и въ началѣ 17-го вѣка стала извѣстна здѣсь небольшая пустынь или скитокъ, какихъ встарину было не мало по всей Малороссіи. Преданіе говоритъ, что у первыхъ Красногорскихъ пустынно-жителей была пещера и клетчатая церковь во имя св. Георгія. Но вскорѣ сбылись надъ ними слова пророка: «разбогатѣютъ красная пустыни и радостію холми припояшутся».

Въ 70-хъ годахъ Золотоношскій сотникъ Вуйца Сербинъ устроилъ тамъ *монастырь Красногорскій*, въ который принята была и братія Заднѣпровскаго *Виноградскаго* монастыря (основаннаго Богданомъ Хмельницкимъ надъ рѣкою Ирдынью), когда его постигла *Чигиринская руина* 1678 года, но вскорѣ Виноградская братія отдѣлилась опять и перешла во-свояси. Въ 1687 году Переяславскій полковникъ Думитрашко-Райче, Красногорскій мужскій монастырь обстроилъ вновь, и онъ существовалъ здѣсь еще сто лѣтъ, подъ именемъ *Золотоношскаго Спаскаго*.

Памятникомъ его остается донынѣ прекраснѣйшая каменная церковь о трехъ верхахъ, сооруженная 1767 года Иркутскимъ епископомъ *Софроніемъ Тупальскимъ*, постриженцемъ здѣшнимъ.

Въ 1787 году этотъ монастырь упраздненъ; а на его мѣсто переведенъ изъ Кіева, въ 1790 году, женскій монастырь *Богословскій*. Этотъ монастырь основанъ тѣмъ просвѣщеннымъ и добродѣтельнымъ мужемъ, котораго Кіевляне называли «вторымъ Іоанномъ Милостивымъ». То былъ *Іоаннъ Матѳеевичъ Борецкій*, въ монашествѣ *Іовъ*. Въ началѣ 17-го вѣка, воротясь въ Кіевъ изо Львова, гдѣ былъ учителемъ Братской школы, женился онъ на дочери Кіевскаго гражданина Ѳедора Михайловича Чеховича, и былъ священникомъ Воскресенской церкви на Подолѣ. Въ 1616 году, съ согласія своей жены, онъ постригся въ монахи, и сталъ игуменомъ Михайловскаго — Золотоверхаго монастыря; а въ 1620 году, при возстановленіи православной Кіевской митрополіи, посвященъ въ митрополиты. Такъ какъ Софійскій монастырь въ

ту пору былъ занятъ уніатами, то митрополитъ Іовъ оставался въ Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ онъ обновилъ древнюю Михайловскую церковь, и построилъ новую во имя своего прежняго ангела *Іоанна Богослова.* При этой церкви, Іовъ Борецкій и бывшая супруга его Никифора Ѳедоровна— учредили, въ 1621 году, *Михайловскій дѣвичій* монастырь, гдѣ *Борецкая* и была первою игуменьею. Въ 1688 году, по просьбѣ игуменьи Агаѳіи, положено было этотъ монастырь перевесть къ церкви Трехсвятительской (древней Васильевской); однако онъ оставался еще на прежнемъ мѣстѣ до 1712 года; а въ этомъ году переведенъ на Подолъ, въ сосѣдство Іорданскаго женскаго монастыря. Тамъ и находился онъ до 1790 года, подъ именемъ *Кіево-Богословскаго.* Съ той поры донынѣ существуетъ онъ на Золотоношской *Красной-горкѣ*, называясь *Красногорскимъ Богословскимъ* монастыремъ; а въ простонародьѣ зовется онъ—*Горками.*

1848 г.

Михайлова-гора.

ЛУБОЧНЫЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ГОРОДОВЪ [1]).

Съ той поры, какъ неутомимый изыскатель Русской старины и народности издалъ свое примѣчательное изслѣдованіе о *Лубочныхъ картинкахъ* [2]), на нихъ смотрю я съ бо́льшимъ противъ прежняго вниманіемъ. Въ самомъ дѣлѣ: любопытна эта, такъ сказать, *пробы пера* народнорусскаго, гдѣ даровитый бородачь, еще не покинувъ завѣтнаго круга своей *изустной словесности*, но уже помазавшись *грамотою*, начинаетъ быть *писателемъ:* тутъ онъ является вмѣстѣ и *изобразителемъ*. Ибо, какъ въ пѣснѣ его, и стихъ и напѣвъ родятся, можно сказать, близнецами; такъ и здѣсь: письмена у него неразлучны съ картинкою; и какой бы предметъ ни взялся онъ описать, у него всегда онъ выходитъ въ лицахъ. Безъ картинки не краснорѣчиво его писаніе, также какъ безъ красснаго словца невзрачна картинка его; а совмѣстно то и другое удовлетворяетъ и самого сочинителя, и многочисленныхъ его читателей и зрителей.

Собирая разныя извѣстія о городахъ Южнорусскихъ, (которыя, по мѣрѣ силъ, и передаю въ общую извѣстность, посредствомъ Кіевлянина и другихъ изданій), я не лишнимъ почелъ приложить здѣсь *Лубочныя* изображенія *пяти Малороссійскихъ городовъ*, для памяти о томъ: какіе именно города Малороссіи, подъ какими видами, и съ какими извѣстіями, издавна въ ходу у простонародья Великорусскаго.

Предо мною теперь: «описание славныхъ и великихъ правинъціальныхъ градовъ Всероссіской Имперіи»—на Лубоч-

---

[1]) Кіевлянинъ 1850 г. стр. 186.

[2]) См. о *Лубочныхъ картинкахъ Русскаю народа*, И. М. Снегирева. М. 1849. Ему же обязанъ я за сообщеніе мнѣ картины *Русскихъ градовъ*.

ной картинѣ, изъ четырехъ склеенныхъ листовъ. Во верхней полосѣ, по срединѣ двуглавый орелъ, съ Андреемъ первозваннымъ на груди; съ правой стороны у него *«высокопрестольный* градъ *Москва»;* съ лѣвой «царствующій *Санктъ-Питербурхъ новопрестольная* Россійская столица».

Вторую полосу начинаетъ «Богохранимый славный градъ *Кіевъ, первопрестольная* Россійская столица».... За тѣмъ *«Великій Новъ-Градъ* во странѣ полунощной надъ озеромъ Ильмеромъ, надъ рѣкою Волъховымъ».... и т. д. Всѣхъ городовъ *пятьдесятъ,* съ краткимъ описаніемъ каждаго подъ изображеніемъ его.

Кромѣ *Кіева,* изъ Малороссійскихъ городовъ, помѣщены еще четыре, съ слѣдующими описаніями.

«Градъ *Черніговъ* такожде преизрядный и великій, при рѣкѣ Деснѣ, въ растояніи отъ Москвы и чрезъ Калугу 640 верстъ, въ Черниговской епархіи соборовъ 10 церквей, 500, манастырей и пустынь 20».

«Градъ *Переясловль* чрезъ Калугу въ растояніи отъ Москвы 700 верстъ. Въ Переясловской епархіи 20 соборовъ, церквей 573, манастырей и пустынь 51».

«Градъ *Глуховъ,* такожде преизрядный, въ растояніи отъ Москвы и чрезъ Калугу 560 верстъ.

«Градъ *Батуринъ* во стране Черкаской, въ растояніи отъ Москвы и чрезъ Калугу 660 верстъ».

Внизу этой лубочной картины Русскихъ городовъ находится слѣдующая подпись.

«Буди же извесно, яко оные грады и правинции кто присовокупи подъ Московскую протекцыю. Понеже первый собиратель Московскій, князь Иоаннъ Васильевичъ великій и по истиннѣ великій, не словомъ, но дѣломъ, и во разсыпанное отечество въ раздѣленіе дѣтей Владимеровыкъ воедино собралъ и паки утвердилъ честь имени своему и славу Россійской Имперіи, яже и нынѣ ея Императорскаго Величества Елисаветъ Петровна и самодержица Всероссійская благополучнымъ здравиемъ и непремѣннымъ щастиемъ Всероссійское Имперіе славою и честію процвѣтаетъ.

Любезнѣйшій мой читателю, буди о Бозѣ подражателю: кая намъ погрѣшенія, да молимъ о семъ прощенія; самъ исправиши любезно, дабы было всѣмъ намъ полезно».

Послѣ этого, какъ же не простить нашему брадатому географу того, что онъ присвоилъ *Переяславлю Рязанскому* исторію *Переяслава Русскаю* (такъ названъ Малороссійскій Переяславъ даже и въ извѣстномъ *спискѣ Русскихъ городовъ*, составленномъ въ 15-мъ вѣкѣ). У него читаемъ: «градъ *Переяславль Рязанской* построениемъ виликаго князя Владимера. Егда услыши Владимеръ, яко Пѐченѣзи мнози собрашася при рецѣ Трубѣще, и прошаше у князя борца, неки мужъ отъ села Резани рече князю: Государь, сынъ у меня есть братися противъ Печенѣга. Князь же возвеселися, и призва борца. Борецъ же нача братися съ Печенѣгомъ и побѣди, и зубы отъ него съ кровию искорени, и душу отъ него истрясе. И того ради князь Владимеръ нарече градъ Переяславль Рязанскій, идѣже преславная побѣда содѣяшася».

Подобныя перемѣщенія встрѣчаемъ и не на Лубочныхъ старинныхъ картахъ. Такъ напримѣръ, на картѣ въ знаменитой книгѣ Герберштейна *Rerum Moscoviticarum,* Десна вливается въ Днѣпръ не подъ Кіевомъ, а подъ Черкасами.

Да и въ новѣйшихъ ученыхъ разысканіяхъ о Русскихъ городахъ, случаются таковыя же перемѣщенія. Такъ, напримѣръ, въ Московской *книгѣ большаго Чертежа*, исчисляются Наддвѣпровскіе города, внизъ по Днѣпру: Кіевъ, Триполье, Витачевъ, Стайки, Иржищевъ, Ходоровъ, Терехтемировъ, Каневъ, Мошна, Черкасы, *Бобровица....* Ясно, кажется, что это *старая Бобровица* въ Кіевской губерніи; но издатель «книги большаго Чертежа» г. Спаскій, въ примѣчаніи 101, относитъ ее въ Херсонскую губернію, указывая на *Бобринецъ!* Далѣе въ книгѣ: *Крыловъ, градъ Чигиринской*, «а выше Чигирина вверхъ по Тесмени 2 мили градъ *Медвѣдица*». Ясно, кажется, что это *Медвѣдовка*, сосѣдка Чигирина; но г. Спаскій, въ примѣчаніи 103, указываетъ на Медвѣдовку въ Обоянскомъ уѣздѣ....! И такъ, можно и здѣсь повторить къ читателю: «самъ исправиши любезно, дабы было всѣмъ намъ полезно»!

1850. Москва.

4. ЗЕМЛЯ ВОЛЫНСКАЯ.

О ГОРОДѢ СТЕПАНѢ [1]).

«А се городы Волынскіе: *Степань на Горыни*». Такъ сказано въ извѣстномъ спискѣ Русскихъ городовъ, составленномъ въ началѣ 15-го вѣка. А изъ Волынской лѣтописи извѣстно, что Степань въ 13-мъ вѣкѣ былъ удѣльнымъ городомъ Русскихъ князей. Вотъ что говоритъ она, подъ 1292 годомъ: «тоеже зимы преставися *Степаньскій* князь Иванъ, сынъ Глѣбовъ; плакахуся по немъ вси людье, отъ мала и до велика; и нача княжити въ него мѣсто сынъ его Володимеръ». Древнѣе этого года не поминается Степань въ лѣтописаньи Русскомъ; безъ сомнѣнія, онъ значился прежде подъ общимъ именемъ городовъ Погорынскихъ.

Въ 16-мъ вѣкѣ Степань принадлежалъ къ обширнымъ владѣніямъ князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы Кіевскаго. Въ то время онъ красовался огромнымъ каменнымъ замкомъ, стоявшимъ на возвышенности, которая восточною стороною своею прилегла къ рѣкѣ Горынѣ, а съ другихъ сторонъ была обведена высокимъ валомъ. Въ этомъ замкѣ проживалъ было нѣсколько дней Стефанъ Баторій, когда проѣзжалъ черезъ Волынь. Тамъ пробылъ два дни и Петръ великій, въ мартѣ мѣсяцѣ 1711 года, и отпраздновавъ св. Благовѣщенье, отправился оттуда въ Луцкъ на свиданье съ королемъ Августомъ.

По раздѣлу Острожскаго княжества между сыновьями князя Константина Константиновича, Степань, вмѣстѣ съ Острогомъ, достался на долю князя Януша, кастеляна Краковскаго. Послѣ него онъ переходилъ во владѣніе князей

[1]) Кіевлянинъ 1850, стр. 45—50.

Любомирскихъ, Сангушковъ, и наконецъ достался графу Ворцелю. Во второй половинѣ 17-го вѣка, Степань считался уже мѣстечкомъ, какъ и теперь онъ считается въ уѣздѣ Ровенскомъ [1]). Отъ замка Степаньскаго остались только развалины.

Но есть тамъ еще одинъ предметъ достойный исторической поминки; пустынное урочище на лѣсистой возвышенности, надъ Горынью, въ трехъ верстахъ отъ Степаня, называемое *Монастырщиною*. Это названье, вмѣстѣ съ каменными остатками бывшаго тамъ жилья, свидѣтельствуетъ, что тутъ нѣкогда былъ монастырь. Но когда и какой былъ это монастырь, и чѣмъ замѣчателенъ онъ былъ въ свое время, объ этомъ ничего еще не сказала намъ исторія. И много есть, особливо на правой сторонѣ Днѣпра, такихъ запустѣлыхъ урочищъ, съ названьемъ *Монастырька* или *Монастырища;* и нерѣдко только этимъ названіемъ ограничивается вся память, вся исторія бывшихъ тамъ обителей.

Монастырь *Степаньскій* потому уже замѣчателенъ, что онъ принадлежалъ первѣйшему тогда поборнику православія и просвѣщенія Русскаго, *князю Острожскому*. Честь открытія этого монастыря для исторіи принадлежитъ любознательному протоіерсю Аѳанасію Лотоцкому. Лѣтъ за десять, онъ нашелъ «Инвентарь Степаньскаго монастыря», писанный на Польскомъ языкѣ 1627 года 11-го марта, Адамомъ Злотолинскимъ, управителемъ Степаньскимъ. Въ началѣ этого инвентаря означены всѣ *листы* (то есть письма) двухъ князей Острожскихъ, относящіеся къ Степаньскому монастырю; именно: семнадцать писемъ князя *Константина* (съ 1572 по 1607) и семь писемъ князя *Януша* (съ 1609 по 1620). Потомъ, исчислены подробно всѣ зданія и всѣ вещи, духовныя и мир-

---

[1]) Къ Ровенскому уѣзду принадлежатъ и *Пересопница* и *Дубровица*, бывшія нѣкогда также удѣльными княжескими городами. Объ нихъ статьи помѣщены въ 1 кн. Кіевлянина. Тамъ, говоря о *Пересопницкомъ монастырѣ*, я сказалъ, что основателемъ его «можетъ быть былъ князь Ѳ. М. Черторыйскій». Но изъ мѣновой записи Пересопницкаго игумена Иларіона 1490 года (напечатанной въ *Памятникахъ* Кіевской коммиссіи т. I, 1844 г.) видно, что этотъ монастырь существовалъ еще въ 15-мъ вѣкѣ.

скія, и все хозяйство обители. На концѣ инвентаря читаемъ собственноручную подпись: «*Исакій, милостію Божею, Епископъ Луцкій и Острозскій, строитель монастира Степанского, рукою власною*».

Такимъ образомъ бытіе Степаньской обители становится виднымъ въ продолженіе пятидесяти пяти лѣтъ. Она была основана во имя св. архистратига Михаила. Церковь Михайловская, съ придѣломъ св. Георгія, не отличалась богатствомъ, но имѣла все необходимое. Въ монастырскихъ домахъ и во всемъ хозяйствѣ, также было простое довольство безъ роскоши. Изъ писемъ князя Константина видно, что монастырю постоянно назначалась *десятина* всякаго хлѣба, со всѣхъ полей Степаньскаго замка; двенадцать ведеръ меду изъ *подклѣтей* замковыхъ; да еще хлѣбъ съ мельницъ. По временамъ монастырю назначались въ услуженіе мѣщане Степаньскіе; а съ 1559 года дано было село *Мидско* (въ 10 верстахъ отъ города), съ озеромъ, мельницею и съ медовою данью. Въ 1601 году монастырь получилъ отъ князя позволеніе завести возлѣ Степаня, на урочищѣ Липникахъ, сельцо *Монастырскую Вольку*, «для новопришлыхъ людей» [1]). Въ 1603 году придана была монастырю еще земля, называемая *Лобникомъ*.

Когда именно начался монастырь Степаньскій, это неизвѣстно. Но въ 1572 году, съ котораго становится виднымъ его бытіе, настоятелемъ его былъ игуменъ *Сильвестръ;* а въ 1596 году архимандритъ *Исакій*, какъ видно изъ такъ-называемой «Густинской лѣтописи», въ которой между православными архимандритами, бывшими на Брестскомъ соборѣ, помянутъ *Исакій Степаньскій* [2]).

---

[1]) Сельцо *Волька* существуетъ донынѣ. Первоначальнымъ поселенцамъ въ 1601 году дано было воли на восемь лѣтъ; а потомъ еще на два года. Въ 1627 году считалось тамъ монастырскихъ подданныхъ 12, обязанныхъ работать монастырю «панщины» по 2 дня въ недѣлю, платить «чиншу» по 42 литовскихъ гроша съ двора, и давать по барану въ годъ, да по курицѣ къ празднику Рождества Христова. Почти каждый изъ этихъ подданныхъ имѣлъ отъ монастыря «полволоки» земли, то есть 7 десятинъ. Кромѣ *Вольки*, въ 1621 году Степаньскому монастырю принадлежала еще деревушка *Бѣлые Береги*, съ 6 подданными.

[2]) См. *Полн. Собр. Рус. Лѣт.* т. II, СПБ. 1843 с. 372.

Съ 1599 года въ Степаньской обители являются православные митрополиты и епископы. Въ этомъ году князь Константинъ Константиновичъ водворилъ въ своемъ монастырѣ митрополита *Луку*, который и находился здѣсь около трехъ лѣтъ. Конечно, это былъ тотъ *Бѣлградскій* митрополитъ Лука, который вмѣстѣ съ княземъ защищалъ православіе на Брестскомъ соборѣ. На мѣсто Луки, въ 1603 году, поступилъ въ Степаньскій монастырь *Іеремія*, митрополитъ *Пелагонскій*. Въ 1606 году настоятельствовалъ здѣсь епископъ, не названный по имени, можетъ быть, тотъ самый владыка *Мукачевскій*, который находился въ Степаньскомъ монастырѣ 1610 года. Не одно-ли это лицо съ епископомъ *Амфилохіемъ*? Или же то былъ другой владыка изъ Руси Закарпатской?

Какъ бы ни было, но для исторіи важно и ново здѣсь то, что въ Степаньскомъ монастырѣ имѣли свое пребываніе Задунайскіе митрополиты и Закарпатскіе епископы въ ту именно пору, когда православная митрополія Кіевская была безъ своего митрополита; а за смертью *Гедеона Балабана* Львовскаго (въ 1607 году) и *Михаила Копыстенскаго* Перемышльскаго (въ 1612 году) оставалась уже и безъ епископовъ. Такимъ образомъ, въ ту печальную годину православная паства южной Руси не совсѣмъ еще была безъ пастырей, благодаря попечительности *святопамятнаго* князя Острожскаго: его Степаньская обитель была надежнымъ мѣстомъ, откуда Южнорусскія православныя церкви могли получать своихъ служителей.

При возстановленіи православной Кіевской митрополіи, въ 1620 году, на епископство Луцкое и Острожское посвященъ былъ *Исакій Борисковичъ*, игуменъ Черначицкаго монастыря [1]), одинъ изъ первыхъ основателей и ревнителей Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства [2]). Въ санѣ епископа онъ сталъ и строителемъ монастыря Степанскаго (также какъ

---

[1]) *Черничицкій* или *Черчицкій* монастырь, прежде мужескій, а съ 1652 года женскій, находился возлѣ Луцка, надъ рѣкою Стыромъ, на островку окруженномъ глухимъ болотомъ. На его мѣстѣ есть деревянная Спасская церковь.

[2]) См въ *Кіевлянинѣ* кн. II, 1841 с. 319 и 322.

епископъ Паисій Ипполитовичъ былъ тогда «строителемъ монастыря Мѣлецкаго»; а архіепископъ Исаія Копинскій считался «архимандритомъ монастырей Заднѣпровскихъ» [1]). Строительство Исакія, какъ видно, кончилось въ 1627 году, и, вѣроятно, было уже послѣднимъ для монастыря Степаньскаго. Еще князь Янушъ Острожскій, поддерживая все, что было установлено отцемъ его для Степаньскаго монастыря, не разъ писалъ къ разнымъ лицамъ о защитѣ его отъ нападеній Чаплича, жившаго въ Космачевѣ (въ 20 верстахъ отъ Степаня).

Что касается до церквей въ самомъ Степанѣ, то онѣ оставались непреклонными къ уніи до исхода 17-го вѣка. Тогда было ихъ четыре: Троицкая, Успенская, Никольская и Преображенская. При Троицкой церкви, бывшей съ давняго времени соборною, содержалась школа и богадѣльня; грамотою епископа Аѳанасія Шумлянскаго (отъ 8-го сентября 1688 г.) была подтвержена при ней протопопія и весь прежній порядокъ.

По стародавнему обычаю Южнорусскаго края, и теперь еще, при оставшихся трехъ Степаньскихъ церквахъ, существуютъ братства, пекущіяся о благосостояніи своихъ храмовъ. Между прочимъ, они заботятся съ особеннымъ усердіемъ объ ихъ освѣщеніи: передъ мѣстными образами всегда находятся по четыре огромныя, трехпудовыя свѣчи, возобновляемыя въ Страстную седмицу.

Кромѣ этихъ трехъ церквей, изъ которыхъ одна только каменная, въ Степани есть еще католическій костелъ, суще-

---

[1]) См. въ книгѣ Απολλεια *Аполлоніи*, К. 1628, на оборотѣ 8 листа. Тамъ, между подписями Исаіи и Паисія, находится подпись: «Исакій Борисовичъ, епископъ Луцкій и Острозскій». Если бы онъ тогда былъ *строителемъ* Степаньскаго монастыря, то конечно бы включилъ это въ свой титулъ, по примѣру двухъ другихъ владыкъ. Притомъ же, Исакій съ 1628 года постоянно виденъ въ Кіевѣ, и кажется, только съ титуломъ епископа Луцкаго и Острожскаго, безъ дѣйствительнаго управленія своею епархіею,—какъ это было и съ 1623 года, по причинѣ гоненій на него со стороны неправославной.

ствующій съ 17-го вѣка, и жидовская каменная синагога, вѣроятно, въ томъ же вѣкѣ построенная. При этой послѣдней находится Еврейскій *магодъ* или *магидъ*, то есть рабинъ-рабиновъ [1]).

1848 г. К.

[1]) Объ этомъ см. подробнѣе въ *Wspomnienia Wołynia, Polesia, Litwy,* przez *I. Kraszewskiego,* t. I. Wilno, 1840.

ВОСПОМИНАНІЕ О ГОРОДАХЪ ПЕРЕСОПНИЦѢ И ДУБРОВИЦАХЪ [1]).

Въ то время, когда древній Русскій міръ развивался по удѣламъ, между потомками св. Владиміра, — на обширномъ пространствѣ его возникали новые и обновлялись прежніе города. Становясь удѣлами Русскихъ князей, многіе изъ сихъ городовъ приходили въ цвѣтущее состояніе и становились частными разсадниками Русской жизни и Русскаго духа, заимствованныхъ ими изъ ихъ общаго средоточія—изъ первопрестольнаго Кіева. Не равная судьба постигала потомъ сіи княжескіе города: одни изъ нихъ существуютъ и нынѣ городами разнаго состоянія; на мѣстѣ другихъ стали запустѣлыя урочища; а на долю нѣкоторыхъ досталось среднее званіе мѣстечекъ и простое бытіе сельское. Къ числу послѣднихъ, на правой сторонѣ Днѣпра, принадлежатъ Вышгородъ, Бѣлгородъ, Искорость, Триполье, Межибожъ, Дубровицы, Пересопница. Три первые находятся близко Кіева; а остальные на Волыни. Менѣе всѣхъ, кажется, теперь пользуются извѣстностью Пересопница и Дубровицы; но потому именно прежде всего и можно вспомнить объ нихъ, предпринимая вызвать изъ забвенія давнопрошедшую старину городовъ Южнорусскихъ.

1.

О Пересопницѣ и владѣвшихъ ею князьяхъ.

Пересопница находится въ Луцкомъ уѣздѣ Волынской губерніи, на рѣчкѣ Стублѣ, впадающей съ лѣвой стороны

---

[1]) Кіевлянинъ 1840 года, стр. 231—253.

въ рѣку Горынь. О времени, когда начался этотъ городъ, мы не знаемъ ничего, какъ и о началѣ многихъ городовъ. Имя Пересопницы чисто-словенское, и происходитъ отъ стариннаго Южнорусскаго слова *пересопъ* [1]), т. е. земляная валовая насыпь. Еще и теперь возлѣ Пересопницы и въ другихъ близкихъ мѣстахъ тянутся отрывки валовыхъ насыпей, которые вѣроятно въ древнее время служили не столько укрѣпленіемъ, сколько границею для какой нибудь Южнорусской области. По сему можно предполагать, что Пересопница нѣкогда была городкомъ пограничнымъ.

Въ лѣтописяхъ нашихъ она является, какъ городъ Кіевской области, уже въ 12-мъ вѣкѣ,—въ то самое время, когда завязалась сильная *усобица* между потомками Мономаха за великокняжескій Кіевскій престолъ, которымъ послѣ Мстислава Владиміровича великаго завладѣлъ сынъ его Изяславъ. Мономаховы сыновья — Туровскій князь Вячеславъ Владиміровичъ и Суздальскій князь Юрій Долгорукій считали за собою болѣе права владѣть Кіевомъ, и ополчились на своего племянника. Престарѣлый Вячеславъ, оставивъ Туровскіе города свои, занялъ города Кіевской области; но Изяславъ, съ помощію брата своего Ростислава князя Смоленскаго, отнялъ эти города, завладѣлъ городами Туровскими; а Вячеславу предоставилъ княжить въ Пересопницѣ, придавъ къ ней Дорогобужъ Волынскій. Такимъ образомъ Пересопница въ 1146 году стала удѣльнымъ городомъ *Вячеслава Владиміровича*, который и княжилъ въ ней по 1150 годъ.

Въ это время Пересопница была, такъ сказать, средоточіемъ военныхъ и мировыхъ дѣйствій, происходившихъ тогда въ южной Руси между князьями.

Изяславъ, изгнанный изъ Кіева Юріемъ, искалъ чужой помощи у своего зятя — Венгерскаго короля Гейзы, у Чеш-

---

[1]) Не знаю, существуетъ-ли еще въ живомъ языкѣ слово *пересопъ*; но я встрѣчалъ его въ Кіевскихъ межевыхъ актахъ 17-го вѣка. *Пересопа*, возлѣ Новагорода Сѣверскаго о коей упоминается въ Кіевской лѣтописи подъ 1146 годомъ, означаетъ *пересыпь*, нанесенную водою.

скаго короля Владислава и у своего свата—польскаго короля Болеслава Кудряваго. Отъ перваго было прислано ему 10,000 Венгерцевъ; а послѣдній пришелъ самъ съ своею ратью и съ братомъ своимъ *Идрихомъ*, т. е. Генрихомъ. Послѣ мира, заданнаго Изяславомъ во Владимірѣ Волынскомъ, они выступили было въ походъ; но союзники Изяславовы, узнавъ, что въ Пересопницѣ соединился уже съ княземъ Вячеславомъ братъ его Юрій Долгорукій, и что къ нимъ на помощь идетъ еще Владимірко Галицкій, отказались отъ битвы и хотѣли было примирить враждовавшихъ князей. Но ни Юрій не соглашался на миръ, ни Изяславъ не хотѣлъ отказаться отъ битвы, и вскорѣ рѣшился на нее самъ. Произошла сильная и долгая осада Луцка, въ которой особенно отличился мужествомъ Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, и похоронилъ съ честью на берегу Стыра своего вѣрнаго коня, вынесшаго его изъ опасности и подъ нимъ убитаго. Изяславъ призналъ себя виновнымъ и просилъ мира; Владимірко и Андрей склонили на то Юрія; и побѣжденный племянникъ былъ позванъ къ своимъ дядямъ, и сидѣлъ съ ними на одномъ коврѣ въ Пересопницѣ. Юрій Долгорукій вмѣстѣ съ побѣдою праздновалъ и свадьбу двухъ дочерей своихъ. Вячеславу предоставили Кіевъ и отдали Вышгородъ; Изяславу Владиміръ Волынскій; а княжившій дотолѣ въ Вышгородѣ *Глѣбъ Юрьевичъ* получилъ (1150 г.), въ удѣлъ Пересопницу, въ которой и княжилъ до 1153 года.

Въ этомъ году онъ получилъ въ удѣлъ княжество Переяславское, отъ отца своего Юрія, сдѣлавшагося наконецъ, по смерти Вячеслава и Изяслава, великимъ княземъ Кіевскимъ,—чего онъ такъ добивался, сколько по общему тогда влеченію старшихъ князей владѣть *золотымъ столомъ* Кіева, столько и по особенной любви своей къ землѣ Кіевской, преимущественно называвшейся тогда *Русью*.

Пересопницу,—укрѣпленную въ промежуткѣ сего времени Андреемъ Боголюбскимъ, управлявшимъ Волынскою областью,—Юрій въ 1156 году отдалъ въ удѣлъ своему племяннику *Владиміру Андреевичу*, вмѣстѣ съ Дорогобужемъ и всѣми *Погорынскими* городами, не могши добыть для него Владиміра

Волынскаго. Княжилъ-ли въ Пересопницѣ Василій Юрьевичъ, около 1160 года—мнѣ неизвѣстно [1]).

Съ этой поры наши лѣтописи на полвѣка замолкаютъ о Пересопницѣ, и уже подъ 1208 годомъ говорятъ онѣ объ удѣльномъ Пересопницкомъ князѣ *Мстиславѣ Ярославичѣ Нѣмомъ,* внукѣ—Изяслава Мстиславича. Въ этомъ году Галичане звали къ себѣ Мстислава на княженіе и на избавленіе ихъ отъ своею *томителя*, Венгерскаго вельможи Бенедикта. Но походъ Мстислава былъ неудаченъ: онъ—только постоялъ на *Галичиной могилѣ.* Сей князь, по своей великой любви къ покойному Роману Галицкому, весьма любилъ юнаго сына его Даніила. Въ 1211 году, вступившись за него противъ Игоревичей, онъ способствовалъ къ возведенію его на престолъ Галицкій; наблюдалъ за Даніиломъ и въ роковой битвѣ съ татарами на рѣкѣ Калкѣ, гдѣ этотъ отважный и крѣпкій юноша сражался, не чувствуя своей раны; и, наконецъ, передъ смертію своего 1226 года, Мстиславъ Нѣмый отдалъ въ наслѣдство *Даніилу Романовичу* Пересопницу, вмѣстѣ съ своими городами: Луцкомъ и Черторыйскомъ.

Даніилъ въ то-же время (1227 г.) передалъ Пересопницу въ княженіе своему младшему брату *Васильку Романовичу*, неразлучному его сподвижнику, противу Ятвяговъ и Литовцевъ, нападавшихъ на города Волынскіе, въ отмщеніе отцу ихъ Роману, про котораго говорили: «зле Романе робишь, што литвиномъ орешь». Около Пересопницы Литва воевала въ 1246 году; и послѣ этого не имѣемъ уже о семъ городѣ никакихъ извѣстій до конца 15-го вѣка.

Въ продолженіи этихъ двухъ съ половиною вѣковъ произошли новыя и важныя перемѣны въ Русскомъ мірѣ. Восточная половина его образовалась въ единодержавное, самобытное *Русское Царство*, средоточіемъ коего была Москва, и которое потому называлось *государствомъ Московскимъ*. Большая часть Западной Руси,—именно, вся Бѣлая и Черная Русь

[1]) Митрополитъ Евгеній (въ прибавленіяхъ къ *Кіевскому Синопсису*. К. 1836) полагаетъ слѣдующій рядъ удѣльныхъ князей Пересопницкихъ: «Глѣбъ Юрьевичъ съ 1150. Василій Юрьевичъ около 1160. Владиміръ Андреевичъ. Мстиславъ Ярославичъ въ 1211 г.».

съ землицею собственно - Литовскою, и восточная половина южной Руси,—составились въ другое сильное и до 1569 г. самостоятельное Русское княжество, которое называлось *великимъ княжествомъ Литовскимъ*, и котораго столицею было Вильно. Остальная, западная часть южной Руси, называемая Червоною Русью, около ста лѣтъ еще послѣ нашествія татарскаго существовала независимымъ *княжествомъ Галицкимъ*. Но по смерти Болеслава Тройденовича, ненадолго завладѣвшаго симъ Русскимъ княжествомъ, его присвоилъ себѣ Польскій король Казиміръ великій и обратилъ въ *Русское воеводство.* Эта участь постигла бѣдный Галичъ ровно за 500 лѣтъ передъ симъ, въ томъ-же 1340 году, въ которомъ скончались еще два князя: Іоаннъ Калита—основатель великаго княжества Московскаго, и Гединнинъ—соединитель западнорусскихъ княжествъ въ одно великое княжество Литовское. Въ это время, безъ сомнѣнія, въ составъ сего послѣдняго княжества вошла и Пересопница, вмѣстѣ съ другими городами Волынскими, принадлежавшими къ Галицкому княжеству.

Съ размноженіемъ Гедиминова рода въ западной Руси, произошли въ ней многія новыя княжеско-русскія фамиліи. Къ числу оныхъ принадлежали, какъ извѣстно, и *князья Черторыйскіе*, потомки Константина—Коригайла Ольгердовича, во владѣніе коего достался древній Волынскій городъ Черторыйскъ.

Внукъ сего перваго князя Черторыйскаго, Брацлавскій староста, *Михайло Васильевичъ*, получилъ отъ Свидригайла Клевань, и съ него князья Черторыйскіе начали называться *князьями на Клеваню.* Сынъ его, Луцкій староста, князь *Ѳедоръ Михайловичъ Черторыйскій*, получилъ во владѣніе и Пересопницу, около начала 16-го вѣка, отъ короля Александра.

Можетъ быть сей новый владѣтель Пересопницы былъ основателемъ въ ней и православно Русскаго монастыря, называвшагося *монастыремъ Пересопницкимъ.* Къ сожалѣнію, мы нигдѣ не нашли подробныхъ извѣстій о монастырѣ семъ; и узнали объ немъ только то, что онъ былъ мужескій монастырь, находился при церкви Рождества Богородицы, въ половинѣ 16-го вѣка былъ на степени архимандріи и существовалъ до

1639 года. Остался еще один весьма замечательный памятник просвещенного благочестія, которое велось въ монастырѣ Пересопницкомъ и между тогдашними православными князьями Волынскими: это — переложеніе четырехъ евангелистовъ съ языка церковно-славянскаго на тогдашній письменный языкъ Южнорусскій или вообще *Западнорусскій*, состоящій изъ смѣшенія Церковнославянскаго языка съ народнымъ Южнорусскимъ. Сіе переложеніе *устроено* Пересопницкимъ архимандритомъ *Григоріемъ* [1]. Оно замѣчательно уже потому, что кромѣ извѣстнаго перевода библіи, сдѣланнаго въ началѣ 16-го столѣтія Виленскимъ докторомъ Скориною, и мало еще извѣстнаго [2], перевода Ветхаго Завѣта, хранящагося (въ

---

[1] Что переписчикомъ былъ *Михайло Василиевичъ*, объ этомъ самъ онъ повторяетъ нѣсколько разъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ евангелія; но онъ никогда не говоритъ, чтобы сія, его рукою [illegible], [illegible] книги, были отъ него и пилностю [illegible] переложены изъ языка *Болгарского* на *мову Рускую*. Между тѣмъ онъ говоритъ, что сія книга, въ такомъ видѣ какъ она есть вся списана, — «устроена [illegible], старанемъ и благословенемъ архимандритомъ Григоріемъ, архимандритомъ Пересопницкимъ» — что [illegible] все [illegible], [illegible] и [illegible] вышереченного князя Григорія, архимандрита Пересопницкаго, [illegible] есть» — [illegible] «трудомъ вышереченный старанный архимандритъ Григоріе имелъ пилность и любовь въ писаніи сея книги, которая для пилности и любве его свершилася». Уже изъ этихъ выраженій, кажется, болѣе слѣдуетъ, что евангеліе переводилъ самъ архимандритъ Григорій, а Михайло Василиевичъ подъ его руководствомъ только переписывалъ. Впрочемъ г. Бодянскій въ своихъ путевыхъ замѣткахъ о семъ евангеліи (см. *Ж. Мин. Нар. Пр.* 1838, кн. 5), полагаетъ, что переписчикъ онаго былъ вмѣстѣ и переводчикъ. Вѣроятно потому только, что этотъ переводчикъ евангелія былъ изъ Санока, города Галицкаго, Бодянскій заключилъ, что языкъ переведеннаго евангелія есть «чисто Южнорусскій языкъ, преимущественно Русинскій, которымъ говорятъ въ прежней Червенной (Червленой, Красной), нынѣ Галицкой Руси, съ небольшою примѣсью церковно-книжныхъ словъ». Изъ самаго текста евангелія никакимъ образомъ нельзя различить, на какую *Русскую мову* переложено оно — на Волынскую, Галицкую или Кіевскую? Тѣмъ болѣе, что языкъ перевода не народный Южнорусскій, а искусственный, письменный.

[2] Объ этомъ переводѣ знаемъ изъ *русалки Днѣстровой*, напечатанной *у Будимѣ* (въ Венгріи) 1837 г., въ которой помѣщена «коротка вѣдомость о рукописяхъ Славянскихъ и Руськихъ, находящихся въ книжници монастыря св. Василія вел. у Львовѣ». Написавшій эту вѣдомость *Ярославъ Головацкій* говоритъ, что сія *библія старого писанія*, состоитъ изъ 7038 листовъ, но безъ начала и конца; что ее писалъ *Дмитро изъ Замкова Писарчикъ*, въ 1576 году и позднѣе, — и что она переведена прямо *съ Еврейского на Руской* языкъ, однако весьма смѣшанный *съ Славянскимъ*.

спискѣ 16-го столѣтія) въ библіотекѣ Львовскаго Васильевскаго монастыря,—нѣтъ другихъ переводовъ священнаго писанія на языкъ Западнорусскій. Единственный списокъ сего евангелія,—писанный 1556—61 г. тщательнымъ уставомъ на 482 пергаминныхъ большихъ листахъ,—хранится нынѣ въ Переяславской монастырской библіотекѣ.

Переписчикъ сего евангелія — «*Михайло Васильевичъ*, сынъ протопопа Саноцкого»—говоритъ въ послѣсловіи, что оно писано [1]) «накладомъ *(иждивеніемъ)* благовѣрной и христолюбивой княгинѣ Козминой Ивановича Жеславской, княгинѣ Парасковіи, възваной Настасѣ Юревны Гольшанского; при благовѣрномъ и христолюбивомъ князю Іоанне Федоровича Чрьторыйскомъ, зятю ей милости; и при благовѣрной и христолюбивой княгинѣ его Евдокіи».

Владѣвшій въ это время Клеванью, Бѣлградомъ, *(Бѣлевымъ)* и Пересопницею князь *Иванъ Федоровичъ* Черторыйскій умеръ послѣ 1569 года. Старшій сынъ его *Иванъ* ратовалъ уже подъ знаменами Баторія; а меньшой сынъ *Юрій* и двѣ дочери—Катерина и Елена—оставались на рукахъ овдовѣвшей матери своей — *Евдокіи Козминичны*, урожденной княжны Жеславской. Сія княгиня, наслѣдовавшая благочестіе своей матери, Настасіи Юрьевны, пеклась о воспитаніи молодаго Юрія, утверждала его въ правовѣріи праотеческомъ, и для

---

[1]) Переписчикъ говоритъ въ послѣсловіяхъ: 1) что сіи — «зоуплна выписаныи книги четырехъ евангелистовъ, выложеныи изъ языка Блъгарскаго на мовоу Роускоую—соуть доконаны в лето тысячное 561, на память усѣкновенія святаго и славнаго пророка и предитечѣ и крестителя Господня Іоанна, мѣсяца августа *29-ю* дня; — а почалося есть писати сіе евангеліе рокоу *1556*, мѣсяца августа *15*, на день пречистыя нашея Богородицы и присноде̂вы Маріа», — 2) что оно писано частію при «церкви Рождества Богородична монастыря Пересопницкаго»—частію «В девбци *(дѣвичьемъ)* монастыри Жеславскомъ, при церкви святыя и живоначальныя Троицы».

Отсюда узнаемъ о существованіи Жеславскаго Троицкаго женскаго монастыря, — для котораго, безъ сомнѣнія, и было списано сіе евангеліе, на иждивеніи Настасіи Юрьевны,—и въ которомъ она, можетъ быть, была инокинею или настоятельницею подъ именемъ *Параскевіи* — подобно тому, какъ княжна Серафима Корецкая была настоятельницею своего Корецкаго монастыря. (Въ Бѣлевскомъ помянникѣ 16-го вѣка изъ рода князей Черторыйскихъ поминаются: *скимница княгиня Маремiяна, скимница княгиня Настасія*, вслѣдъ за нею *княжна Евдокея;* потомъ еще *скимница Марья).*

окончательнаго образованія рѣшилась послать его въ Вильну, къ ученому обществу іезуитовъ. Объ этомъ намѣреніи своемъ она писала князю Андрею Михайловичу Курбскому, который въ то время жилъ на Волыни, получивъ тамъ во владѣніе городъ Ковель, почему и подписывался—«княжа на Ковлю». Сей просвѣщенный потомокъ Владиміра Мономаха, знаменитый герой Казанскій и бѣглецъ Московскій, сдѣлавшись гражданиномъ западной Руси, ревностно оберегалъ ея древнее православіе, подъ которое уже подкапывались іезуиты польскіе, и сильно говорилъ своимъ западнымъ братьямъ о древней Русской доблести, уже начинавшей ослабѣвать въ нихъ, отъ *печенъжества* и *пированій*, которымъ стали предаваться они, по примѣру вельможныхъ пановъ Польши. Весьма любопытны замѣчанія о семъ въ его *исторіи;* а равно и его письма князю Острожскому, Евстафію Воловичу и другимъ лицамъ. Вотъ что писалъ онъ въ отвѣтъ вдовѣ Ивана Черторыйскаго [1]). «Честнейшей госпожѣ, вельможной и свѣтлой въ родѣ, паче же во правовѣрію свѣтлѣйшей и вдовства чистотою сіяющей, отъ насъ покорное поклоненіе честности твоей: да будеши здрава со возлюбленными чады твоими! А за то благодаримъ велицѣ, яко твоя честность писала къ намъ, иже сынъ твой во страсѣ Божіемъ и во правовѣріи праотеческомъ утвержденъ и охоту маетъ ко священнымъ писаніямъ, и что дивнѣйшаго, иже въ таковомъ юномъ вѣку къ таковымъ прилежитъ, по-

---

[1]) См. изданныя Устряловымъ *сказанія князя Курбскаю.* Спб. 1833 г., въ 8. Ч. 2, стр. 203. Издатель не опредѣлилъ, къ какой Черторыйской писано сіе письмо, и предполагалъ: не къ Магдаленѣ ли Деспотовнѣ, вдовѣ князя Ивана Вишневецкаго? (ч. 2. стр. 293). Но сія княгиня, по смерти своего перваго мужа, была за Александромъ Ѳеодоровичемъ Черторыйскимъ, слѣдственно она названа была бы *Александровою Черторыскою* (по тогдашнему обычаю называть женъ не только по фамиліи, но и по имени мужей ихъ,—наприм. *княгини Козминой Ивановича Жеславской;* притомъ ни откуда не видно, чтобы отъ нея были сыновья у Александра Черторыйскаго; и его сынъ *Михаилъ* въ то время былъ уже очень возрастенъ. Надписаніе Курбскаго *Ивановой Черторыйской* прямо указываетъ на вдову Ивана Ѳеодоровича Черторыйскаго — княгиню *Евдокію* (которая у Нѣсецкаго, т. IV, стр. 689, — именована *Анною).* Всѣ остальныя обстоятельства совершенно сходятся съ таковымъ заключеніемъ; почему я и предлагаю оное, какъ несомнѣнное.

слушающе Христа своего, яко Онъ реклъ: *испытуйте писанія, въ нихъ же обрящете животъ вѣчный.* Сихъ бо ради во юношескія души вселяется благодать духовная отъ младости, и егда во совершенный возрастъ достигнутъ, бываютъ съ нихъ мужи велицы и знамениты; егдажъ не утѣснятся во утробахъ, добрымъ произволеніемъ бываютъ, и съ небесъ свѣта и образи добротъ и церковные поборники зацныхъ родовъ своихъ похвалами. Господи Іисусе Христе Боже нашъ! Соверши въ таковыхъ того младенца! А еже твоя милость писала еси къ намъ, еже хощеши послати его до Вильни, до Римскаго закона честныхъ презвитеровъ іезуитовъ: и то умышленіе твое похвально. Но всяко не хощу тя утаити, яко слуга и пріятель твой, во всемъ тебѣ доброхотный, иже многіе родители были дали имъ, яко княжатскихъ родовъ, такъ и шляхетскихъ и честныхъ гражданъ, дѣтки своя учити наукомъ вызволеннымъ, яко слышимъ отъ нѣкоихъ: но они, не науча, первѣе, мало не всѣхъ, въ неразумномъ еще будучи вѣку, намовя ихъ хитролѣстнѣ, отлучили отъ правовѣрія и покрестили во свое полувѣріе, яко Крошинскаго князя сыночковъ, и другихъ. И того ради многіе отцы отъ нихъ дѣти свои паки отобрали: бо они ненавистники и противники зѣло великіе нашему правовѣрію»... и т. д.

Курбскій не даромъ опасался за воспитаніе молодаго князя у іезуитовъ: *Юрій Ивановичъ*, по свидѣтельству Нѣсецкаго, былъ первый изъ дома князей Черторыйскихъ, который отступилъ отъ предковской вѣры и сдѣлался католикомъ. Сей князь, жившій еще въ 1616 году, заблагоразсудилъ принадлежавшую ему Пересопницу уступить родной сестрѣ своей *Еленѣ*, бывшей за Горностаемъ; а сія новая владѣлица Пересопницы передала ее во владѣніе православному монастырю Пересопницкому.

Эта передача была весьма не по мысли Волынскому воеводѣ, князю *Николаю Юрьевичу Черторыйскому*, который былъ уже преданъ іезуитамъ, весьма благотворилъ имъ, и за то былъ превозносимъ отъ нихъ и называемъ «Societatis Jesu amantissimus».

По смерти своего отца Юрія, князь Николай Черторыйскій просилъ Жигимонта III-го возвратить ему Пересопницу съ монастыремъ и обратить ихъ на пользу устроенной имъ въ Клевани іезуитской коллегіи свѣтскихъ ксендзовъ, называвшихся Мансіонаріями.

На сіе послѣдовала королевская грамота, данная на латинскомъ языкѣ въ Варшавѣ 1630 г. іюня 22-го. Послѣ этой грамоты уступка и передача Пересопницы, сдѣланныя княземъ Юріемъ Черторыйскимъ и его сестрою Еленою, признаны незаконными и уничтожены; а православный Пересопницкій монастырь, со всѣми его зданіями, местностями и пожитками, отданъ во всегдашнее владѣніе Клеванской іезуитской коллегіи.

Послѣ такой перемѣны Пересопница постепенно упадала; и наконецъ обратилась въ деревню, предоставленную Клеванскому пробощу или ксензу, который и нынѣ состоитъ владѣтелемъ Пересопницы.

Такова судьба сего, нѣкогда удѣльнаго города Русскихъ князей!

Что касается до потомковъ князей Черторыйскихъ, то они продолжали пребывать уже въ католичествѣ. Не смотря однако на перемѣну вѣры, имена сихъ князей нѣкоторое время были еще вносимы въ православные помянники, въ которыхъ прежде вписывался ихъ знаменитый родъ; да и сами князья Черторыйскіе въ этихъ помянникахъ вписывали потомъ свои польскія имена, желая себѣ церковнаго поминовенія вмѣстѣ съ своими православнорусскими предками [1]).

---

[1]) При церкви, находящейся въ Бѣлёвѣ (возлѣ Клевани) хранится *помянникъ*, церковными буквами писанный въ половинѣ 16-го вѣка. Въ началѣ онаго вписанъ «родъ князей Черторыскихъ», начиная съ князя Константина. Рядъ именъ заключается слѣдующими именами: «князя Юрья, Инока князя Андрея, княжну Еленоу, князя Николая, князя Михаила, князя Кароля, княгиню Магдалену, княгиню Анну».

Имена, здѣсь поминаемыя послѣ к. *Николая*, умершаго въ 1662 г., принадлежатъ сыновьямъ его—*Михаилу* воев. Сендомірскому, *Яну Каролю*, Подкоморію Краковскому, женѣ сего послѣдняго *Магдалинѣ*, урожденной Конопацкой, и вѣроятно дочери Николаевой *Аннѣ*.

Послѣ того приписаны уже Польскими буквами разнаго почерка слѣдующія имена: «Kaziemierz, Isabella, Ludouika, Konstancya, Michał, Alexander, Theodor, Stanisław, Augusta, Zofia, Kaziemierz».

2.

О Дубровицахъ и князьяхъ Дубровицкихъ.

Древній Волынскій городъ *Дубровицы* составляетъ нынѣ мѣстечко, Волынской губерніи Ровенскаго уѣзда, называемое *Домбровицею* [1]). Ни наши древнія лѣтописи, ни хроники послѣдующихъ временъ ничего не говорятъ особо объ этомъ городѣ, и онъ—по своему положенію на рѣкѣ Горыни, вѣроятно числился подъ общимъ названіемъ *городовъ Погорынскихъ*. При всемъ этомъ изъ нашихъ-же древнихъ лѣтописей открывается, что Дубровицы были уже удѣльнымъ княжескимъ городомъ въ исходѣ 12-го вѣка; ибо сохранилось извѣстіе о двухъ удѣльныхъ князьяхъ Дубровицкихъ.

Первый изъ нихъ былъ *Глѣбъ Юрьевичъ*, правнукъ Михаила-Святополка. Въ 1284 году онъ участвовалъ въ славной Ерельской побѣдѣ Святослава Всеволодовича Кіевскаго надъ Половецкимъ ханомъ Кобякомъ. Другой князь Дубровицкій былъ *Александръ*, извѣстный своею погибелью въ 1224 году, на рѣкѣ Каялѣ или Калкѣ, гдѣ такъ несчастливо началъ борьбу съ татарами *удатный* князь Мстиславъ Мстиславичъ. Между тѣмъ, какъ сей князь бѣжалъ Днѣпромъ, а вслѣдъ за нимъ разсѣялись и другіе князья—Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, съ зятемъ своимъ Андреемъ и съ Александромъ Дубровицкимъ, защищались три дни, укрѣпясь на каменистомъ берегу Калки. Вѣроломные бродники обманули ихъ и выдали татарамъ,—которые, взявши этихъ трехъ князей, подложили ихъ подъ доски, сами сѣли сверху обѣдать, и такъ мучительно прекратили ихъ жизнь.

О дальнѣйшей участи города Дубровицъ можемъ съ вѣроятностью сказать только вообще, что онъ, также какъ

Изъ этихъ именъ первыя семь принадлежатъ семейству Михайлова сына—*Казиміра*, Кастеляна Виленскаго, и написаны безъ сомнѣнія своеручно, въ концѣ 17-го вѣка; *Изабелла* жена его, *Людовика* дочь его, постригшаяся въ визитки, *Констанція*—другая дочь, бывшая за Понятовскимъ, *Михаилъ*, *Александръ* и *Теодоръ*—его сыновья.

[1]) Мѣсто, гдѣ должно полагать удѣльный городъ Дубровицы, опредѣлено Ходаковскимъ въ И. Г. Р. Т. VIII, приб. стр. 146.

Пересопница и прочіе Волынскіе города, вошелъ въ составъ Литовскаго княжества въ 14-мъ вѣкѣ и достался—какъ мнѣ кажется—сначала во владѣніе князей Голшанскихъ, а потомъ сдѣлался владѣніемъ особыхъ князей Дубровицкихъ. Объ этихъ князьяхъ также слишкомъ мало сохранилось извѣстій у историковъ и родослововъ Польскихъ, а происхожденіе сей княжеской фамиліи покрыто совершенною неизвѣстностью.

Мы съ своей стороны предложимъ нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній, и, соображая оныя, попытаемся разрѣшить нѣсколько вопросовъ относительно фамиліи *князей Дубровицкихъ*, неменѣе другихъ для насъ замѣчательной.

Нѣсецкій (въ своей *Коронѣ Польской*, т. IV стр. 689), излагая родословіе князей Заславскихъ или Жеславскихъ, пишетъ, что онъ нигдѣ не могъ вычитать, кто была супруга Каменецкаго старосты, Козмы Ивановича Жеславскаго. Но изъ вышеприведеннаго послѣсловія къ Пересопницкому евангелію мы уже видѣли, что за княземъ симъ была княжна *Настасія Юрьевна Голшанская.*

При этомъ имени раждается другой, для насъ болѣе важный вопросъ: не была ли сестрою сей благочестивой княгинѣ *св. Юліанія Юрьевна княжна Голшанская*, о которой (какъ замѣчено выше на стр. 228) нѣтъ никакихъ біографическихъ извѣстій, и даже неизвѣстно время когда жила она? Выходя изъ сей первой мысли, мы возвращаемся къ ней и послѣ другихъ соображеній, и полагаемъ, что св. Юліанія жила нeранѣе первой половины 16-го вѣка.

Это оправдывается отчасти уже тѣмъ, что св. Юліанія, по свидѣтельству Четь-Минеи, первоначально погребена была въ Печерскомъ монастырѣ *при стѣнѣ церковной*, возлѣ придѣла Іоанна Богослова. Сей придѣлъ не ранѣе, какъ въ концѣ 15-го или въ началѣ 16-го вѣка, могъ быть пристроенъ къ великой Печерской церкви; ибо и церковь сія возобновлена только въ 1470 году.

Въ половинѣ 15-го вѣка былъ князь Юрій Семеновичъ Голшанскій, способствовавшій въ 1440 году къ возведенію Казиміра на великокняжескій Литовскій престолъ. Но сей князь не могъ быть отцемъ Настасіи Юрьевны, жившей еще

въ 1561 году; слѣдственно былъ другой князь Юрій Голшанскій, жившій позднѣе. Объ немъ не говорится нигдѣ; но мы, кажется, неошибочно угадываемъ его въ *князѣ Юріѣ Дубровицкомъ*, коего имя находимъ въ числѣ благотворителей Лавры, въ прежнемъ Печерскомъ помянникѣ, напечатанномъ въ Тератургимѣ, и который, по всей вѣроятности, былъ тотъ самый Юрій Дубровицкій, что въ 1503 году сражался съ татарами [1]). Сего князя Юрія мы почитаемъ и отцемъ двухъ княженъ Голшанскихъ — святой Юліаніи и благочестивой сестры ея Настасіи Юрьевны. Къ такому заключенію приводитъ то обстоятельство, что Кальнофойскій, въ своей надписи надъ мощами св. Юліаніи, именуетъ ее: *Юліанією Юрьевною Дубровскою, княжною Голшанскою.*

Очевидно, что въ этомъ двойственномъ прозваніи имя *Дубровской* (Dąbrowska) положено вмѣсто *Дубровицкой* подобно тому, какъ въ Воскресенскомъ лѣтописцѣ удѣльный князь Александръ Дубровицкій названъ княземъ *Дубровскимъ*. Въ западной Руси особыхъ князей *Дубровскихъ* или Домбровскихъ не было.

Болѣе всѣхъ князей Дубровицкихъ извѣстенъ князь *Иванъ*, бывшій воеводою Кіевскимъ съ 1542 года, а потомъ съ 1544 года воеводою Троцкимъ, и скончавшійся въ 1549 году. Безъ сомнѣнія, это тотъ самый Иванъ Дубровицкій, что въ 1530 году собралъ ополченіе противъ Татаръ и разбилъ ихъ. Изъ Кіевскихъ актовъ 16-го вѣка мнѣ извѣстно достовѣрно, что сей Кіевскій воевода, обыкновенно называемый только *княземъ Дубровицкимъ*, удерживалъ въ своемъ титулѣ также двойственное прозваніе и подписывался еще *княземъ Голшанскимъ*.

Изъ приведенныхъ примѣровъ, что князья Дубровицкіе именовались князьми Голшанскими, можно, мнѣ кажется, вывесть заключеніе, что они составляли особую отрасль князей Голшанскихъ, называвшуюся Дубровицкими, по городу Дубро-

---

[1]) См. *Кояловича* Historiae Lituaniae pars altera. Antverp. 1669 in 4. на стр. 297. Тамъ-же, на стр. 391, говорится о пораженіи татаръ *Иваномъ Дубровицкимъ* 1530 г. Нѣсецкій говоритъ о князьяхъ Дубровицкихъ и мало, и спутано.

вицамъ, — подобно тому, какъ отрасль князей Острожскихъ назвалась князьями Жеславскими или Заславскими, по городу Жеславу или Заславлю, доставшемуся на ихъ долю, при раздѣлѣ вотчинныхъ и дѣдичныхъ владѣній.

Происхожденіе фамиліи князей Дубровицкихъ отъ князей Голшанскихъ можно полагать непозже половины 15-го вѣка; ибо въ концѣ сего вѣка упоминается уже *княжна Дубровицкая*, бывшая за княземъ Василіемъ Сангушкомъ.

Изъ исторіи Карамзина (т. IX, пр. 532) знаемъ еще объ одной неназванной по имени *княгинѣ Дубровицкой*, двоюродной сестрѣ Евстафія Воловича: на ней женатъ былъ князь Андрей Михайловичъ Курбскій, и имѣлъ за нею приданымъ городъ Дубровицы съ повѣтомъ.

Кто владѣлъ этимъ городомъ послѣ Курбскаго, и какимъ путемъ перешелъ онъ наконецъ въ нынѣшнія руки, и когда обратился въ мѣстечко *Домбровицу*—объ этомъ я еще не разыскивалъ.

Что касается до потомковъ князя Курбскаго, то они въ 17-мъ вѣкѣ имѣли свои помѣстья уже въ Витебскомъ воеводствѣ, и наравнѣ съ потомками другихъ князей и дворянъ Западнорусскихъ, были уже католиками. Но Русская кровь знаменитаго князя отозвалась въ своихъ правнукахъ и отряхнула съ себя случайно навѣянный призракъ пародности польской. Извѣстно, что въ 1686 году князья Александръ и Яковъ Курбскіе, правнуки Андреевы,—по согласію своего отца, князя Кашпера Курбскаго, переѣхали въ Москву, вступили въ вѣчное подданство Русскимъ царямъ и приняли православную вѣру. Сими князьями окончился знаменитый родъ князей Курбскихъ..., но окончился возвращенный къ своей праотеческой вѣрѣ и своей настоящей отчизнѣ—*Святорусской* землѣ, какъ называлъ ее доблестный князь Андрей Курбскій [1]).

1840.

---

[1]) О возвращеніи князей Курбскихъ см. любопытные акты въ I томѣ *сказаній Курбскаго*, стр. 209...

Выраженіе *Святорусская земля* встрѣчается часто въ исторіи Курбскаго; а прилагательное имя *Православнорусскій* употребляемо было Петромъ Могилою.

III.

ОТДѢЛЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ.

УКРАИНСКІЯ СТРѢЛЫ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ, СОБРАННЫЯ НАДЪ ДНѢПРОМЪ, ВОЗЛѢ МИХАЙЛОВОЙ ГОРЫ [1]).

«Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами»...
Изъ слова о полку Игоревѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Небольшая усадьба Михайлова-гора, основанная мною 1837 года, находится на лѣвомъ берегу Днѣпра, надъ селомъ Прохорбвкою, уѣзда Золотоношскаго, — противъ того мѣста, гдѣ съ правой стороны Днѣпра впадаетъ въ него рѣка Рось. Тамъ, возлѣ урочища Княжой-горы, былъ нѣкогда *бѣдовый* городъ Рóдня, извѣстный осадою Ярополка Владиміромъ 980 года. Здѣсь, противъ устья Роси, впадаетъ въ Днѣпръ судоходный рукавъ его, называемый Козаркою, а на сѣверъ отъ Михайловой-горы лежатъ вдоль Днѣпра песчаные холмы и розсыпи. Въ этихъ пескахъ, и особенно вокругъ долины Савранки встрѣчаются иногда наконечники древнихъ стрѣлъ, называемые здѣсь *площиками*. Я собиралъ ихъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, и у меня набралось ихъ уже болѣе *сорока* особыхъ видовъ и разностей.

Объ нихъ я упоминалъ еще въ 1848 году, въ моей *Бубновской сотнѣ* [2]), и говорилъ тамъ: «дойдетъ ли наша наука о древностяхъ до того, чтобы по этимъ стрѣламъ могла она угадывать воевавшіе ими народы и вѣкъ войны, подобно тому,

---

[1]) Древности — Археологическій Вѣстникъ, изд. Московскимъ Археологич. Общ. № 5.

[2]) Напечатана въ *Журналѣ мин. внутр. дѣлъ* 1848—1849 г.

какъ испытатель природы, по одному ископаемому зубу, опредѣляетъ цѣлое животное и періодъ его бытія на землѣ».

Нынѣшнимъ лѣтомъ я составилъ небольшую [illegible] или описаніе всѣхъ Михайло-горскихъ стрѣлъ и нѣсколькихъ однородныхъ съ ними, найденныхъ въ Украинѣ западной или правобережной. А чтобы яснѣе видны были отличительныя примѣты описанныхъ мною стрѣлъ, сдѣланы рисунки съ нихъ, снятые въ мѣру подлинниковъ.

Въ числѣ Михайло-горскихъ стрѣлъ нашлось — красномѣдныхъ и бронзовыхъ 44 вида, кремневыхъ 1 видъ, и только *одна* стрѣла желѣзная (четырехгранная). Очевидно, что здѣшнія стрѣлы принадлежатъ временамъ, бывшимъ задолго до истекшаго тысячелѣтія Русской исторической жизни и составляющимъ собою такъ-называемый *періодъ бронзовый*. Тутъ возникаетъ неизбѣжный вопросъ: въ какіе-же вѣка былъ тотъ періодъ на Украинѣ Днѣпровской?... Но разграниченіе періодовъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго, кажется, еще не установилось окончательно у подвижниковъ археологіи доисторической. Ихъ рѣшенію подлежитъ и этотъ вопросъ; а пока оно состоится, я предложу слѣдующія замѣчанія о собранныхъ мною стрѣлахъ.

Прежде всего надо было привести ихъ въ порядокъ, по степенямъ ихъ взаимнаго сходства. И многообразный разрядъ *мѣдяный* или *бронзовый* распредѣлился у меня въ *два* отряда (tribus) и *восемь* родовъ, которымъ далъ я слѣдующія имена:

Отрядъ I: **Крюкастыя** (Uncinatae).

Родъ	1.	Двубокія (Ancipites) . . .	3
»	2.	Трехбокія (Trilaterae). . .	4

Отрядъ II: **Трехгранныя** (Triquetrae).

Родъ	3.	Пирамидальныя (Pyramidatae)	1
»	4.	Желобленыя (Alveatae) . .	12
»	5.	Корытчатыя (Lintratae) . .	10
»	6.	Бороздчатыя (Sulcatae) . .	6
»	7.	Значковыя (Signatae) . . .	7
»	8.	Гладкія (Glabrae)	1
			44

Вслѣдъ за тѣмъ надо было сличить здѣшнія стрѣлы съ найденными въ другихъ мѣстахъ Украины. Но въ отношеніи къ древностямъ доисторическимъ Украина восточная оставалась донынѣ—полемъ незнаемымъ: гораздо болѣе изслѣдована Украина западная, имѣющая на своей сторонѣ всю выгоду просвѣтительнаго Кіева. Тамъ, въ университетскомъ музеѣ древностей, есть уже, между прочимъ, и небольшое собраніе древнихъ стрѣлъ, преимущественно Украинскихъ. Я осмотрѣлъ ихъ въ іюнѣ сего года и оказалось, что на правой сторонѣ Днѣпра найдены уже стрѣлы всѣхъ вышеозначенныхъ *восьми* родовъ мѣдянаго разряда, и только этихъ родовъ (не говорю о стрѣлахъ разряда желѣзнаго). Что же касается до ихъ видовъ и разностей, то изъ 44 Михайло-горскихъ, нашлось и тамъ 24 тѣхъ-же самыхъ, а прочіе 23 вида остаются пока извѣстными мнѣ только отсюда и составляютъ особенность здѣшней мѣстности. Но и между западноукраинскими стрѣлами замѣтилъ я 10 видовъ, какихъ не нашлось въ пескахъ Михайло-горскихъ. Эти числа легко могутъ измѣниться при дальнѣйшихъ находкахъ; въ настоящую-же пору итогъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ Украинскихъ стрѣлъ мѣдянаго разряда состоитъ въ *пятидесяти-четырехъ* видахъ и разностяхъ, въ томъ числѣ—9 изъ отряда крюкастыхъ и 45 изъ отряда трехгранныхъ.

Нельзя не примѣтить, что на стрѣлахъ перваго отряда лежитъ отпечатокъ особаго племени, не того, отъ котораго остался на Украинѣ многочисленный отрядъ второй. Постоянное нахожденіе *трехгранныхъ* стрѣлъ въ древнѣйшихъ Украинскихъ могилахъ, начиная съ знаменитой могилы *Перепетихи*, свидѣтельствуетъ о принадлежности ихъ преимущественно насельникамъ здѣшняго края; а стрѣлы *крюкастыя* надо отнести къ иноплеменнымъ находникамъ на землю Украинскую.

Красномѣдныя *пирамидальныя* стрѣлы, очевидно, составляютъ старѣйшій родъ въ отрядѣ трехранныхъ; а бронзовыя стрѣлы остальныхъ *пяти* родовъ составляютъ въ немъ младшее поколѣніе. Многіе виды этихъ пяти родовъ отличаются весьма отчетливою и красивою, прямо сказать, *греческою* работою, и

притомъ разныхъ стилей или ошибокъ. Это даетъ намъ зна
что большинство здѣшнихъ бронзовыхъ стрѣлъ принадлеж
не къ первоначальной, а уже къ дальнѣйшей и цвѣту
порѣ бронзоваго періода. Тоже показываетъ и составъ и
изслѣдованный, по моей просьбѣ, Кіевскимъ профессоро
химіи И. А. Тютчевымъ; онѣ вылиты изъ сплава мѣди
оловомъ и цинкомъ, или съ однимъ цинкомъ—металъ, котор
не было въ бронзѣ первоначальной.

Для окончательнаго соображенія объ Украинскихъ стрѣ
лахъ надо было еще сравнить ихъ съ находимыми въ друг
краяхъ Россіи и въ странахъ Западноевропейскихъ. Къ с
жалѣнію моему, я не имѣлъ случая ознакомиться съ ни
даже и по книгамъ. Были у меня въ небольшомъ числѣ тол
стрѣлы Ольвійскія и Пантикапейскія, и я нашелъ, что на
трехгранныя стрѣлы однородны съ ними, а нѣкоторыя и с
всѣмъ одинаковы. Такъ Чигиринская красномѣдная стрѣ
нумера 11—одинакова съ найденною въ Керчи, въ бытнос
мою тамъ 1836 года. Такъ Михайлогорскія бронзовыя стрѣ
нумера 28—одного вида съ стрѣлою изъ Царскаго-курга
донынѣ у меня сохранившеюся, какъ память Керченска
археолога Ашика.... Не есть-ли это прямое указаніе на пле
и время для нашихъ стрѣлъ Украинскихъ?

Не сомнѣваюсь, что производство трехгранныхъ стрѣл
находимыхъ на мѣстахъ древней Пантикапеи, Ольвіи и др
гихъ эллинскихъ городовъ того края [1]), принадлежало ми
скимъ и другимъ выходцамъ, селившимся въ Тавридѣ и
сѣверныхъ побережьяхъ Чернаго моря,—что имъ же прина
лежало и торговое распространеніе тѣхъ стрѣлъ у сосѣдни
народовъ, особенно у своихъ землевладѣтелей Скиѳовъ. Так
и большинство здѣшнихъ трехгранныхъ стрѣлъ, особенно т

---

[1]) Я сказалъ здѣсь о *другихъ* городахъ, основываясь на словахъ зн
тока понтійскихъ древностей Н. Н. Мурзакевича, который, перечисля св
находки на знаменитомъ нѣкогда Ахиллесовомъ островѣ, упоминаетъ о *ч
тырехъ* мѣдныхъ наконечникахъ стрѣлъ, «такихъ, какіе попадаются на м
стахъ, гдѣ были Пантикапея, Ольвія и *другіе эллинскіе города*». См. его «П
ѣздка на островъ Левки или Фидониси, въ 1841 году» въ 1 томѣ записок
Одесскаго общества исторіи и древностей, 1844 г.

виды ихъ, какихъ не найдется между стрѣлами Эллинопонтійскими, надо отнести къ мастерству тѣхъ Эллиновъ, которые жили нѣкогда на землѣ Украинской. Вотъ первое наслѣдіе нашей страны отъ древней Эллады, перешедшее сюда вмѣстѣ съ ея переселенцами! Старѣйшими изъ нихъ были *Гелоны*, которые отдѣлились отъ приморскихъ Эллиновъ и прижились къ здѣшнимъ *Будинамъ*, составлявшимъ собою «народъ великій многочисленный», по выраженію Геродота. Изъ его сказаній видно, что Будины и Гелоны не отказались помогать Скиѳамъ, при нашествіи на нихъ Дарія сына Гистаспова, за то поплатились ему своимъ городомъ Гелоносомъ.... Вотъ этимъ знаменитымъ, хотя и неудачнымъ нашествіемъ Персидскаго царя, бывшимъ за 508 лѣтъ до Р. Х. и составляющимъ историческую эпоху въ бытіи нашей Украины,—и можно, мнѣ кажется, означить приблизительно средину бронзоваго періода на берегахъ Днѣпровскихъ.

Само собою разумѣется, что отъ семисотъ-тысячнаго войска, съ которымъ Дарій гонялся за Скиѳами, заронилось немало стрѣлъ и въ землѣ Приднѣпровской. Хотѣлъ бы я знать теперь, какими стрѣлами вооружались древніе Персы, и сличить съ ними находимыя здѣсь мѣдяныя стрѣлы перваго отряда, чтобы сказать себѣ хотя отрицательно, что онѣ не персидскія. Тоже я сказалъ бы о нихъ, еслибы зналъ, что онѣ разсѣяны и по русскому сѣверо-востоку, куда не могли заходить полчища персидскія.

Мое описаніе Украинскихъ стрѣлъ назвалъ я *велографіей* —отъ греческаго слова βέλος, стрѣла—заявляя этимъ именемъ научную потребность сравнительнаго и подробнаго изслѣдованія о всѣхъ стрѣлахъ, какими засѣвалась Русская земля во всѣхъ концахъ ея, съ незапамятныхъ временъ. Неизвѣстно, какимъ столѣтіемъ окончился бронзовый періодъ въ Украинѣ Днѣпровской; Русское тысячелѣтіе было уже продолженіемъ періода желѣзнаго: «лѣтятъ стрѣлы *каленыя*—трещатъ копія *харалужныя*».

Въ образецъ старѣйшихъ Русскихъ стрѣлъ, я указалъ бы на тѣ, которыми обстрѣляно было дно въ Коростенской могилѣ Игоря Рюриковича, 945 года; но мнѣ неизвѣстно,

куда дѣвались изъ Кіева тѣ желѣзныя стрѣлы, вырытыя г. Петровскимъ.

Въ Кіевскомъ университетскомъ музеѣ древностей хранятся (подъ нумерами 325 и 326) двѣ желѣзныя стрѣлы, вырытыя г. Ставровскимъ изъ Овруцкой могилы Олега Святославича. Не знаю только, въ которомъ году зашли онѣ въ ту могилу: въ 977, когда погребали Олега,—или въ 1044, когда были выгребены кости Олега и Ярополка, для крещенія ихъ въ Кіевѣ,—или еще позднѣе?

Поискать-бы древнихъ Русскихъ стрѣлъ еще въ Люблинѣ. Волынская лѣтопись, извѣщая объ осадѣ этого города Даніиломъ и Василькомъ Романовичами въ 1245 г., говоритъ такъ: «мечющимъ-же пращамъ и стрѣламъ яко дождю идущу на градъ ихъ, и увѣдѣвше Ляхове, яко крѣпчѣе брань Русская належить, начаша просити милость получити».

Вооруженіе стрѣлами на Украинѣ, какъ и во всей Руси, продолжалось еще и въ 17-мъ вѣкѣ. Для того и были тогда въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ, между цеховыми людьми, лучники и стрѣльники. Оттудаже и приблизительная мѣра земли—«якъ изъ лука стрѣлою кинути»—бывшая здѣсь въ ходу еще и въ началѣ прошлаго столѣтія.

И ни одной Русской каленой стрѣлы, ни древней, ни поздней, еще не встрѣтилось мнѣ въ здѣшнихъ пескахъ,—какъ будто вѣтры стрибожи-внуци уже и не вѣяли сюда стрѣлами, съ появленія Оскольда и Дира на берегахъ Днѣпровскихъ!

Въ нижеслѣдующемъ описаніи стрѣлъ, означены нумерами только тѣ, которыя находятся въ моемъ собраніи. Звѣздочкою отмѣчены тѣ изъ нихъ, которыя нашлись только въ здѣшнихъ пескахъ и еще не извѣстны мнѣ изъ другихъ мѣстъ; а прибавочные къ нимъ виды западно-украинскіе означены крестикомъ.

Разрядъ I: **Стрѣлы кремневыя.**

Въ прежніе годы находили ихъ въ здѣшнихъ пескахъ часто, и онѣ шли вмѣсто обыкновенныхъ кремней, для *кресанія* огню [1]); черезъ это онѣ мало по малу утратились, избитыя огнивами, и теперь составляютъ здѣсь большую рѣдкость. Всѣ онѣ были, кажется, одного вида — тріугольныя. Кремневыя стрѣлы попадаются иногда и въ западной Украинѣ, но мнѣ не случилось ихъ видѣть.

№ 1. Въ моемъ собраніи находится здѣшняя стрѣла изъ темнобураго кремня, *тріугольная*, вѣсомъ 38 гранъ. На нижнемъ, вогнутомъ ея краю, нѣтъ и не было шейки, и она прямо этимъ краемъ ущемлялась въ древко (ф. 1).

Этого же вида кремневая стрѣла, принадлежащая музею академіи Ирландской, изображена въ книгѣ Джона Люббока, изданной 1867 г., въ Парижѣ, во французскомъ переводѣ Барбье, подъ заглавіемъ: *L'homme avant l'histoire.*

Разрядъ II: **Стрѣлы мѣдяныя.**

Стрѣлы этого многочисленнаго и господствующаго здѣсь разряда вылиты иногда изъ красной мѣди, но гораздо чаще изъ мѣднаго сплава или бронзы. Шейка у всѣхъ ихъ трубчатая, въ которую вправлялось древко [2]).

Я раздѣлилъ ихъ на два отряда: на *крюкастыя* (Uncinatae) и *трехгранныя* (Triquetrae); а для общаго ихъ имени избралъ церковно-славянское слово *мѣдяный*, равно идущее къ мѣди и бронзѣ. (Такъ въ 3 книгѣ царствъ: «И отецъ

---

[1]) Въ здѣшней народной пѣснѣ кремни идутъ въ подобіе къ ворогамъ.

Ой выйду я, подивлюся,
Якъ на горѣ кременй крешуть;
Ой выйду-жъ я, послухаю,
Якъ про мене ворогй брешуть.

[2]) При мѣдяныхъ стрѣлахъ вырываемыхъ изъ древнихъ могилъ, находятся иногда кусочки древка. У меня была стрѣла изъ Царскаго-кургана съ уцѣлѣвшимъ кусочкомъ древка, испещреннаго красными золочеными полосками. Обычай золотить древко для стрѣлъ царскихъ и ханскихъ велся и въ позднѣйшіе вѣка. Такъ въ словѣ о полку Игоревѣ, половецкій ханъ Гза говоритъ Кончаку: «соколича ростреляевѣ своими *злачеными стрѣлами*».

его (Хирама) бѣ мужъ Тиринъ, дѣлатель мѣди, и исполненъ художества и разума и вѣдѣнія, еже дѣлати всякое дѣло *мѣдяное;* и приведоша его къ царю Соломону, и сотвори вся дѣла» 2, 14).

Отрядъ I: **Стрѣлы крюкастыя.**

Однѣ изъ нихъ двубокія, красномѣдныя, другія требокія, бронзовыя; у всѣхъ края боковъ внизу съуженные и направленные къ шейкѣ. Особенность ихъ состоитъ еще въ томъ, что у большей части ихъ находится загнутый внизъ *крючекъ*, сидящій снизу одного бока и продолженный ниже шейки; впрочемъ, онъ легко отламывался, и отъ него остается обыкновенно только *пенекъ*, болѣе или менѣе выдавшійся. Есть, однако же, въ этомъ отрядѣ два вида стрѣлъ, которыя и вылиты были безъ крючка (можетъ быть, по случайному изъяну литейной формы).

Родъ I: **Двубокія** (Ancipites).

Шейка у нихъ продолжается до конца всей стрѣлы круглымъ валкомъ, по бокамъ котораго двѣ пластинки, что даетъ стрѣлѣ видъ древеснаго листка. Всѣ онѣ красно-мѣдныя.

Видъ 1: *Дв.-угластая*, съ боками выдавшимися угласто. Тутъ двѣ разности:

№ 2.—α) *большая*, вѣсомъ 1 драхма 42 грана, (ф. 2) найдена здѣсь одна. Встрѣчаются на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, въ уѣздахъ Хорольскомъ и Чигиринскомъ.

† № 3.—β) *малая*, вѣсомъ 35 гранъ. Изъ у. Чигиринскаго.

№ 4.—Видъ 2: *Дв.-округлая* съ крючкомъ; вѣсомъ 1 др. 1 гр. (ф. 3). Находятся и въ уѣздахъ Чигиринскомъ, Таращанскомъ. Здѣшняя слегка согнута верхнею половиною.

№ 5.—Видъ 3: *Дв.-округлая* безъ крючка; вѣсомъ 1 др. 6 гр. (ф. 4). Нашлись и въ у. Чигирин., Таращанскомъ.

Родъ II: **Требокія** (Trilaterae).

Съ тремя боками, по краямъ сплюснутыми и выдавшимися, а по срединѣ вдоль глубоко выжелоблеными. Вылиты изъ бронзы, но работы грубой (за исключеніемъ третьяго вида).

№ 6.—Видъ 1: *Тр. протяженная*, съ крючкомъ; края боковъ въ концѣ и внизу скругленные; вѣсомъ 1 др. 38 гр. (ф. 5). Найдены и въ у. Чигирин., Звенигородскомъ. Попадаются умаленныя точеніемъ (1 др. 8 гр.).

† № 7.—Видъ 2: *Тр. протяженная*, безъ крючка; на всѣхъ трехъ бокахъ, подъ-конецъ валки, идутъ врозь по стѣнкамъ желобка двѣ выпуклыя жилки; вѣсомъ 1 др. 38 гр. (ф. 6). Найденная въ западной Украинѣ, получена мною отъ М. В. Юзефовича.

* № 8.—Видъ 3: *Тр. заостренная*, вѣсомъ 51 гр. (ф. 7). Найдена здѣсь одна.

Видъ 4: *Тр. укороченная*, съ головкою овальною, шейкою длинною. Тутъ двѣ разности:

* № 9.—*α*) съ крючкомъ подъ самимъ бокомъ; вѣсомъ 46 гр. (ф. 8). Найдена здѣсь одна.

№ 10.—β) съ крючкомъ, сидящимъ пониже бока; вѣсомъ 49 гр. Шейка одной длины съ головкою. Нашлась и въ у. Чигиринскомъ.

Отрядъ II: **Стрѣлы трехгранныя.**

Всѣ онѣ о трехъ бокахъ тріугольныхъ, рѣзко отдѣленныхъ отъ шейки. Большая часть ихъ вылита изъ бронзы разнаго состава, и только стрѣлы перваго, малочисленнаго ихъ рода, всегда красномѣдныя.

Родъ III: **Пирамидальныя** (Pyramidatae).

Красномѣдныя и самыя полновѣсныя между стрѣлами трехгранными; складомъ и работою онѣ грубѣе бронзовыхъ, не такъ остры, и отличаются еще шейкою крѣпкою, длинною въ полголовки.

† № 11.—Видъ 1: *П. запалая*, съ боками глубоко и полукругло выжелобленными; валокъ отъ шейки идетъ до половины желобка; вѣсомъ 1 драхма 49 гранъ. (ф. 9). Найдены въ уѣздѣ Чигиринскомъ и въ Керчи.

* № 12.—Видъ 2: *П. разнобокая*, съ валкомъ, идущимъ до половины боковъ, между двухъ закругленныхъ въ концѣ

желобковъ, которые—на одномъ боку соединены дужкою надъ валкомъ, на другомъ боку ничѣмъ не соединены, на третьемъ также раздѣльны, а надъ валкомъ есть круглая впадинка съ выпуклою вдоль ея черточкой (ф. 10 а, б, в). Найдена въ здѣшнихъ пескахъ одна, вѣсомъ 1 драх. 31 гранъ.

† Видъ 3: *П. двуструйная* съ двумя продольными короткими бороздками внизу гладкихъ боковъ. Такова стрѣла, найденная въ могилѣ Перепетихѣ [1]) (при ея разрытіи 1845 года, г. Иванишевымъ) и хранящаяся въ Кіевскомъ музеѣ древностей подъ нумеромъ 330. Рисунокъ съ нея находится на 6 таблицѣ въ *древностяхъ*, изданныхъ 1846 года Кіевскою временною комиссіей. (Рисунки другихъ пяти западноукраинскихъ стрѣлъ находятся въ *обозрѣніи могилъ и валовъ Кіевской губерніи*, изданномъ на Русскомъ языкѣ И. И. Фундуклеемъ, 1848 года. Къ сожалѣнію, съ того года я не видалъ уже этой книги, первоначально составленной на польскомъ языкѣ М. А. Грабовскимъ и потомъ имъ изданной, съ тѣми же Фундуклеевскими рисунками).

Родъ IV: Желобленныя (Alveatae).

На бокахъ идутъ вдоль краевъ двѣ бороздки, сходящіяся подъ-конецъ стрѣлы въ одинъ *остроконечный желобокъ*. Вылиты изъ бронзы.

Разрядъ 1: Желобленныя узорныя—съ разными прибавками къ валку, кончающемуся на половинѣ желобка.

* № 13. — Видъ 1: *Ж. нарядная* — первѣйшая между бронзовыми стрѣлами. На ея широкихъ бокахъ, отъ конца валка идутъ двѣ выпуклыя дужки, сперва врозь, а потомъ сходясь, и образуя собою ромбоидальный щитокъ. Бока на послѣдней трети склоняются и сходятся въ острый конецъ.

---

[1]) О могилѣ *Перепетихѣ*, находящейся въ уѣздѣ Васильковскомъ, было сказано мною 1845 года такое мнѣніе: «что эта могила можетъ быть приписана Гелонамъ, выходцамъ изъ приморскихъ Эллиновъ, и что ихъ городъ Гелонocъ можно полагать на Перепетовомъ полѣ, упоминаемомъ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ. Самое имя *Перепетъ* или *Перипетъ* звучитъ по-гречески». (Изъ *Бубновской сотни).*

О *Перепетовомъ* (полѣ) и *Перепетовыхъ* (могилахъ) упоминается въ Кіевской лѣтописи подъ 1150 и 1151 годами.

Шейка крѣпкая, длиною въ треть головки. Вѣсомъ 1 драхма 13 гранъ (ф. 11). Найдена въ здѣшнихъ пескахъ только одна.

Видъ 2: *Ж. деревчатая*—съ тремя парами поперечныхъ вѣтокъ, сидящихъ вдоль валка, въ засторонкахъ желобка. Здѣсь двѣ разности:

* № 14.—α) съ вѣтками, направленными внизъ *ёлочкой;* вѣсомъ 37 гранъ (ф. 12). Найдена здѣсь одна.

№ 15.—β) съ вѣтками, направленными въ стороны *сосонкой;* вѣсомъ около 24 гранъ (ф. 13). Найдена здѣсь одна поврежденная; другая изъ у. Таращанскаго, получена мною отъ Я. Я. Волошинскаго.

* № 16.—Видъ 3: *Ж. рубчатая*—вдоль валка, въ обоихъ засторонкахъ желобка по пяти или шести поперечныхъ рубчиковъ; вѣсомъ 25 гранъ (ф. 14). Найдепа здѣсь одна.

Раздѣлъ 2: *Желобленныя безузорныя*, съ валкомъ простымъ, безъ всякихъ къ нему прибавковъ.

А) Валокъ кончается на половинѣ желобка.

Видъ 4: *Ж. широкобокая*, вѣсомъ около 45 гранъ. Здѣсь двѣ разности:

№ 17.—α) съ боками на второй половинѣ немного выпуклыми (ф. 15). Найдена здѣсь одна.

№ 18.—β) съ боками прямыми и ровными до конца, или же спущенными дуговидно.

Обѣ разности найдены и въ Украинѣ западной (въ у. Чигирин., Таращ.).

Видъ 5: *Ж. узкобокая*, чаще всѣхъ находимая въ здѣшнихъ пескахъ. Она также представляетъ двѣ разности, найденныя и въ Украинѣ западной.

№ 19.—α) съ боками на второй половинѣ немного выпуклыми; вѣсомъ около 22 гранъ (ф. 16).

№ 20.—β) съ боками прямыми до конца; разной величины и разнаго вѣсу, 32—27 гранъ (ф. 17).

† № 21.—Видъ 6: *Ж. малѣйшая*—меньше всѣхъ стрѣлъ, вѣсомъ только 16 гранъ, но весьма острая (ф. 18). Найденная въ Украинѣ западной, получена мною отъ Я. Я. Волошинскаго.

Б) **Валокъ доходитъ до конца желобка.**

* № 22.—Видъ 7: *Ж. валковая*—съ валкомъ цѣльнымъ до конца на всѣхъ трехъ бокахъ; вѣсомъ 39 гранъ (ф. 19). Найдена здѣсь одна.

Видъ 8: *Ж. ложбинная* — съ валкомъ цѣльнымъ только до половины, а потомъ онъ разсѣдается, оставляя въ развилинѣ ложбинку.

* № 23.—α) Такъ на всѣхъ трехъ бокахъ; ложбинка овальная; вѣсомъ 36 гранъ (ф. 20). Найдена здѣсь одна.

* № 24.—β) Только на двухъ бокахъ валокъ кончается ложбинкою неровною, а на третьемъ боку онъ цѣльный до конца. Найдена здѣсь одна.

* № 25.—Видъ 9: *Ж. толстоватая*, короткая, съ валкомъ цѣльнымъ до конца; вѣсомъ 27 гранъ (ф. 21).

Родъ IV: **Корытчатыя** (Lintratae).

На бокахъ идутъ двѣ продольныя бороздки, соединенныя концами въ одно *тупоконечное корытце*. Вылиты изъ бронзы.

Видъ 1: *К. крещатая* — отличается отъ всѣхъ стрѣлъ *крестикомъ*, образуемымъ посрединѣ валка двумя поперечными отъ него отростками, раздѣляющими по-поламъ обѣ бороздки. Здѣсь двѣ разности:

† α) *трехкрестная*, съ крестикомъ на всѣхъ трехъ бокахъ. Найденная въ у. Чигиринскомъ (при селѣ Шабельникахъ), хранится въ Кіевскомъ музеѣ подъ нумеромъ 623.

* № 26.—β) *однокрестная*, съ крестикомъ на одномъ боку, а на другихъ двухъ простое корытце (ф. 22 а, б). Найдена здѣсь одна, вѣсомъ 25 гранъ.

* № 27.—Видъ 2: *К. островерхая*, съ корытцемъ, усѣченнымъ прямолинейно и не доходящимъ до половины боковъ, которые до того мѣста идутъ ровные, а потомъ они спущены изломно въ долгій конецъ (ф. 23). Найдена здѣсь одна, вѣсомъ 36 гранъ.

№ 28.—Видъ 3: *К. бокастая* — съ довольно широкими боками, до конца прямолинейными или же спущенными дуговидно. Корытце кончается неровными дужками на половинѣ

боковъ или немного дальше. Образцовый экземпляръ этого вида, изъ Царскаго-кургана, полученъ мною 1836 года, отъ г. Ашика; вѣсомъ 44 грана (ф. 24). Здѣсь найденные три экземпляра не такъ широки; вѣсомъ 37—35 гранъ. (Всѣ онѣ безъ шейки).

Видъ 4: *К. погбнистая*, съ боками узкими. Здѣсь четыре разности:

№ 29.—α) Съ корытцемъ, переходящимъ далеко за половину боковъ, которые въ томъ мѣстѣ немного выпуклы; вѣсомъ 37 гранъ (ф. 25). Валокъ упираетъ въ конецъ корытца.

№ 30, — β) съ боками также немного выпуклыми при концѣ корытца, которое не такъ длинно, какъ въ предыдущей разности, и валокъ не доходитъ до его конца. Вѣсомъ около 27 гранъ (ф. 26).

№ 31.—γ) съ боками прямыми до конца; валокъ иногда доходитъ, а чаще не доходитъ до конца корытца; вѣсомъ около 32 гранъ (ф. 27). Всѣ три разности найдены и въ у. Чигиринскомъ.

№ 32.—δ) Бока также прямые до конца, но корытце нарѣзано только на двухъ бокахъ, а на третьемъ остались двѣ раздѣльныя бороздки. Вѣсомъ 25 гранъ (безъ шейки). Здѣсь нашлась одна; другая—въ у. Звенигородскомъ.

* № 33.—Видъ 5: *К. продолговатая* — отличается концемъ корытца, правильно округленнымъ на всѣхъ трехъ бокахъ (ф. 28). Здѣсь найдена одна вѣсомъ 29 гранъ, а другая поменьше.

Видъ 6: *К. коротковатая*, подходящая величиною и складомъ къ стрѣлѣ перваго вида (крещатой); вѣсомъ также 25 гранъ.

№ 34.—α) съ корытцемъ на всѣхъ трехъ бокахъ, найдена и въ уѣздѣ Чигиринскомъ.

* № 35.—β) съ корытцемъ только на двухъ бокахъ, а на третьемъ двѣ раздѣльныя бороздки.

Родъ VI: **Вороздчатыя** (Sulcatae).

На бокахъ идутъ вдоль двѣ раздѣльныя *бороздки*. Вылиты изъ бронзы (весьма рѣдко попадаются красномѣдныя).

А) Бороздки переходятъ за половину боковъ.

† № 36.—Видъ 1: *Б. сугубая*—крупнѣе всѣхъ бороздчатыхъ и тяжелѣе всѣхъ бронзовыхъ трехгранныхъ стрѣлъ: 1 драхма 15 гранъ. Бороздки у нея широкія и глубокія, доходящія почти до конца боковъ (ф. 29). Западноукраинская, полученная мною отъ Я. Я. Волошинскаго.

* № 37.—Видъ 2: *Б. иглистая*—съ бороздками остроконечными, какъ иглы, разной длины; вѣсомъ 33 грана (ф. 30). Найдена здѣсь одна.

Видъ 3: *Б. клинчастая*—съ бороздками къ концу утолщенными, клиновидными.

№ 38.—α) Такъ на всѣхъ трехъ бокахъ (ф. 31). Здѣшняя вѣсомъ 27 гранъ. Нашлась и въ Украинѣ западной.

† № 39.—β) Такъ на двухъ бокахъ, а на третьемъ бороздки соединены въ корытце. Найденная въ Украинѣ западной, получена мною отъ М. В. Юзефовича.

* № 40.—Видъ 4: *Б. низковерхая*—съ бороздками ровными во всю длину; отъ ихъ конца бока изломно спущены въ короткій конецъ; шейка довольно длинная; вѣсомъ 27 гранъ (ф. 32). Найдена здѣсь одна. Работы отличной, той же какъ и стрѣлы слѣдующаго нумера.

Б) Бороздки не переходятъ за половину боковъ.

Видъ 5: *Б. крутоверхая*, съ бороздками ровными, недоходящими до половины боковъ.

* № 41.—α) съ бороздками раздѣльными только на двухъ бокахъ, а на третьемъ идетъ накось, отъ конца лѣвой бороздки къ низу правой, выпуклая черта, составляющая съ ними какъ бы букву N (ф. 33 а, б). Найдена здѣсь одна, вѣсомъ 41 гранъ.

* № 42.—β) съ короткими, ровными бороздками, раздѣльными на всѣхъ трехъ бокахъ, прямыхъ до конца. Найдена здѣсь одна, вѣсомъ (безъ шейки) 21 гранъ.

* 43.—Видъ 6: *Б. туповерхая* короткая и толстая (ф. 34). Здѣсь найдены три отмѣны этой стрѣлы разной отливки и рѣзьбы, вѣсомъ около 25 гранъ (безъ шейки).

Родъ VIII: **Значковыя** (Signatae).

Бронзовыя, съ боками отмѣченными только внизу разными значками.

(Всѣ здѣшніе экземпляры нашлись безъ шейки, а потому нижеозначенный ихъ вѣсъ неполонъ).

Видъ 1: *З. крыжевая*, отмѣченная двумя широкими и довольно еще длинными, тупоконечными бороздками, въ которыхъ находится по двѣ косвенныя, выпуклыя черты, сходящіяся у средины валка и составляющія съ нимъ какъ бы букву Ж (ф. 35).

№ 44.—α) такъ на всѣхъ трехъ бокахъ. Здѣсь найдена одна, вѣсомъ 42 грана. Нашлась и въ у. Таращанскомъ (съ уцѣлѣвшею шейкою).

* № 45.—β) такъ на двухъ бокахъ, а на третьемъ бороздки пустыя. Здѣсь найдена одна, вѣсомъ 28 гранъ.

Видъ 2: *З. подзорная*, отмѣченная внизу двумя широкими, но очень короткими бороздками (ф. 36).

* № 46.—α) такъ на всѣхъ трехъ бокахъ. Найдена здѣсь одна, вѣсомъ 40 гранъ.

* № 47.—β) такъ на двухъ бокахъ, а на третьемъ обѣ бороздки слиты въ одну широкую заставку. Вѣсомъ 22—20 гранъ.

№ 48.—Видъ 3: *З. заставная*, отмѣченная на всѣхъ трехъ бокахъ широкою заставкою; вѣсомъ около 40 гранъ. (ф. 37). Найдена и въ у. Каневскомъ, Таращанскомъ.

№ 49.—Видъ 4: *З. бровчатая*, надъ двумя раздѣльными короткими бороздками двѣ бровки. Такъ на всѣхъ трехъ бокахъ (ф. 38). Найдена здѣсь одна, вѣсомъ 34 грана.

* № 50.—Видъ 5: *З. ямчатая*—надъ нижними краями боковъ по двѣ ямки (ф. 39). Здѣсь найдены двѣ, вѣсомъ по 25 гранъ.

Родъ VIII: **Гладкія** (Glabrae).

Бронзовыя, съ боками ровными и гладкими, безъ всякихъ значковъ и нарѣзокъ.

№ 50.—Видъ 1: *Г. продолговатая*, вѣсомъ около 30 гранъ; бока снизу отдѣлены отъ шейки крутою дужкою (ф. 40

Находится нерѣдко и въ Украинѣ западной (въ уѣздахъ Чигирин., Черкас., Канев., Звенигор. и Таращ.).

† Видъ 2: *Г. короткая*—найдена въ у. Звенигородскомъ.

Бронзовыя трехгранныя стрѣлы отличаются отъ пирамидальныхъ меньшимъ вѣсомъ, который у нихъ обыкновенно отъ 45 до 22 гранъ; исключеніе представляютъ двѣ крайности: стрѣлы нумеровъ 13 и 36, въ которыхъ 1 драхма, 13—15 гр., и стрѣла № 21, въ которой только 16 гранъ. Пирамидальныя стрѣлы вѣсомъ не менѣе полторы драхмы.

По изслѣдованію нѣсколькихъ стрѣлъ, сдѣланному Кіевскимъ профессоромъ химіи Н. А. Тютчевымъ, оказалось слѣдующее различіе въ составѣ ихъ бронзы:

Изъ рода *желобковыхъ* видъ 5 (№ 19 и 20):

мѣди	64,08
олова	19,77
цинка	16,19
	100,04

Изъ рода *корытчатыхъ* видъ 4 (№ 31):

мѣди	76,73
олова	19,53
цинка	3,77
	100,03

Изъ рода *бороздчатыхъ* видъ 6 (№ 43):

мѣди	71,83
цинка	28,19
	100,02

Изъ рода *гладкихъ* видъ 1 (№ 50):

мѣди	78,97
цинка	21,02
	99,99

Удѣльный вѣсъ ихъ (при + 21° С.) отъ 7,28—8,00.

Изъ бронзовыхъ стрѣлъ перваго отряда была подвергнута анализу *трехбокая протяженная* (№ 6).

У бронзовыхъ трехгранныхъ стрѣлъ шейка обыкновенно короткая и ломкая, почему онѣ часто находятся безъ шейки, даже и тѣ, которыя вырываются изъ могилъ. Лишь у немногихъ видовъ шейка довольно длинная, но не болѣе какъ въ четверть или треть головки.

Что касается до ихъ цвѣта, то большая часть найденныхъ въ здѣшнихъ пескахъ имѣютъ цвѣтъ и блескъ стальной, очень рѣдко желто-мѣдный.

Сколько вѣковъ пронеслось надъ этими стрѣлами! А между тѣмъ весьма многія изъ нихъ сохранились въ здѣшнихъ пескахъ совершенно цѣлыя, какъ-бы только-что отлитыя для битвы.

Разрядъ III: **Стрѣлы желѣзныя.**

Изъ этого многочисленнаго и многовиднаго разряда стрѣлъ нашлась въ Михайлогорскихъ пескахъ только одна, и то не полная—съ отломленнымъ шпинькомъ, который былъ подъ шейкою и которымъ она вправлялась въ древко. (Это примѣта перваго отряда желѣзныхъ стрѣлъ; у втораго ихъ отряда шейка трубчатая, въ которую вправлялось древко).

№ 52.—Здѣсь найденная желѣзная стрѣла небольшая, *четырехгранная*, вѣсомъ 40 гранъ.

Не сомнѣваюсь, что она принадлежитъ древнѣйшимъ временамъ.

2 октября 1867 года.

Михайлова-гора.

О ФОФУДІЯХЪ [1].

Письмо къ Н. П. Барсукову.

Вы мнѣ писали о желаніи вашемъ и г. Палаузова знать мое мнѣніе или *толкованіе* о Несторовыхъ *фофудіяхъ*. Я не согласенъ съ господствующимъ у историковъ нашихъ мнѣніемъ о нихъ, и думаю, что *фофудія* была особая греческая матерія, изъ которой шились «кафтаны съ поясами» или фофудоты. Леонъ царь одарилъ Олеговыхъ пословъ золотомъ и паволоками, и фофудіями, давая эти ткани, конечно, кусками, а не въ видѣ шитыхъ одеждъ.

Тоже видимъ и въ началѣ Суздальской лѣтописи подъ 1115 г. «и повелѣ Володимеръ метати *паволоки, фофудьи*, и орницы, бѣль, людемъ сильно налегшимъ, а быша легко дошли церкве». Повтореніе словъ «и людемъ сильно налегшимъ» показываетъ ясно, что коротенькое сказаніе Суздальское взято изъ подробнаго сказанія Кіевской лѣтописи о второмъ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба. Я увѣренъ, что и тамъ было словцо фофудьи, списанное Суздальцемъ, но пропущенное Ипатскимъ или еще прежнимъ переписчикомъ Кіевской лѣтописи; а потому читаю текстъ съ добавкою его: «повелѣ Володиміръ, *рѣзаючи* паволоки, (фофудьи), орницы, бѣль розметати народу, овоже *сребреники* метати». Нельзя было иначе и метать въ народъ ткани греческія и мѣховыя шкурки, какъ малыми кусками... Но съ половины 12-го вѣка, вмѣсто фофудій являются *оксамиты*... Напримѣръ въ Кіевской лѣтописи

---

[1]) Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи, выпускъ 5, 1871 г., отдѣленіе IV, стр. 169—170.

(1164 г.): и присла царь дары многи Ростиславу, оксамиты и паволоки и вся узорочья разноличныя» или въ словѣ о полку Игоревѣ: «злато, и паволоки и драгія оксамиты».....
Тутъ оксамиты, вмѣстѣ съ паволоками и золотомъ,—какъ у Нестора фофудьи..... А затѣмъ слѣдуютъ уже половецкія *орътмы*, япанчицы, кожухи.... Мнѣ удалось вычитать въ извѣстномъ словарѣ Половецкомъ слово «artmak» т. е. саквы, и послѣ этого положительнаго свѣдѣнія, не для чего бы, кажется, вдаваться въ иллюзію, что *ортмы* — *одежды*, изъ-за слѣдующихъ за ними япанчицъ и кожуховъ, которые также были въ Половецкомъ обозѣ, вмѣстѣ съ саквами, какъ и оксамиты, и паволоки, и золото... Не для чего бы и замѣнять ихъ орницами (которыхъ значеніе подлежитъ еще новому изслѣдованію, хотя и можно съ вѣроятностію причислить ихъ къ мѣховому товару), какъ это сдѣлалъ покойный Вельтманъ, а за нимъ и Майковъ.

Благоволите передать мой поклонъ г. Палаузову и фофудьями и ортмами; а передъ всею Археографическою Коммиссіею и всѣми редакторами лѣтописей—снимаю съ головы своей *прилбицу*, т. е. шапку съ мѣховымъ околышемъ, какъ это пояснилъ я Погодину, и прежде и теперь, приводя ему это слово и изъ литовскаго статута.

О ЗНАЧЕНІИ ИМЕНИ „ТРАЯНЪ“, УПОМИНАЕМОМЪ ВЪ СЛОВѢ О ПОЛКУ ИГОРЯ [1]).

(Письмо графу А. С. Уварову).

1.

Въ нынѣшнемъ письмѣ моемъ, какъ старый любитель древнерусской пѣсни о полку Игоревѣ, я обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ: что такое *земля Трояная* и *тропа Трояня*, упоминаемыя въ той пѣснѣ?... Вопросъ объ этихъ двухъ историко-географическихъ мѣстностяхъ не новый; но я нахожу его подлежащимъ новому обсужденію и рѣшенію, — и вотъ по какой причинѣ: въ двухъ новѣйшихъ изданіяхъ пѣсни о полку Игоревѣ, вышедшихъ въ Москвѣ одновременно, 1866 года, и Вельтманъ, и Тихонравовъ, хотя различными путями, но заодно, — устраняютъ изъ нея славное имя *Трояна*, причемъ уже и землѣ и тропѣ Трояновымъ приходится утратить свое собственное значеніе и обратиться: по Вельтману — въ *Краяни*, а по Тихонравову—въ *Бояни*.

Имѣя въ виду это двоякое отрицаніе *Троянова* имени и прежнее о немъ разномысліе, я покорно прошу васъ, многоуважаемый графъ, предложить на обсужденіе Археологическаго съѣзда нижеслѣдующее объясненіе мое по вышеозначенному вопросу.

У первыхъ издателей Игоревой пѣсни въ 1800 году сказано было: четыре раза упоминается въ сей пѣсни о

[1]) Письмо это было читано 18-го марта 1869 года въ засѣданіи перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, въ трудахъ котораго и напечатано (т. I, стр. CXXVIII—CXXXII).

Троянѣ, то есть—*тропа Трояня*, *вѣчи Трояни*, *земля Трояня* и *седьмый вѣкъ Трояновъ;* но кто сей Троянъ, догадаться ни почему не возможно (стр. 6). Карамзинъ, въ своей исторіи, рѣшилъ это недоумѣніе просто — указаніемъ на Римскаго императора *Трояна*, покорителя Дакіи. Для многихъ, въ томъ числѣ и для меня, это рѣшеніе казалось вѣрнымъ, и вотъ какъ я думалъ объ этомъ въ послѣднее время.

Былъ нѣкогда у Кіевской Руси свой полный, вѣками сложившійся, кругъ—миѳическихъ вѣрованій, историческихъ преданій, поэтическихъ сказаній и проч. Изъ него лишь нѣчто, отрывочно и случайно, сохранилось въ нашихъ древнихъ писаніяхъ, особенно же въ пѣсни о полку Игоревѣ, въ этомъ живомъ и вѣрномъ отображеніи того временнаго человѣка Южнорусскаго. Къ числу сохранившихся въ ней глубоко древнихъ остатковъ принадлежатъ, мнѣ кажется, и четыре упоминанія съ именемъ *Трояновымъ*, которыя отношу я къ тому же роднику своенародныхъ преданій, изъ котораго почерпнуто и Несторово сказаніе: «*Волохомъ бо, нашедшимъ на Словены на дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ, насилящимъ имъ*».

1) *Земля Трояня*—это древняя Дакія, покоренная Ульпіемъ Трояномъ въ 102 году по Р. Х. и обращенная въ *область Троянову*, provincia Trajani. Къ обитателямъ этой земли принадлежали и наши Южнорусскіе Славяне, *Угличи* и *Тиверцы*, о нихъ же сказано у Нестора: «сѣдяху по Днѣстру... присѣдяху къ Дунаеви... Суть грады ихъ и до сего дне». Вотъ прямые наслѣдники мѣстныхъ преданій о Трояновыхъ дѣлахъ; а можетъ быть они и сами были ихъ свидѣтелями и также отбивались отъ Римскаго властителя, какъ въ послѣдствіи отбивались они отъ воителей Русскихъ, отъ Олега вѣщаго и его питомца Игоря. Чтоже касается до *Полянъ* Днѣпровскихъ, то вся придунайская *земля Трояня* была близка къ ихъ сердцу, какъ древняя родина ихъ, къ которой относились ихъ преданія и воспоминанія. Тамъ на Дунаѣ хотѣлъ водвориться князь ихъ Кій съ своимъ родомъ, и уже срубилъ было себѣ городокъ Кіевецъ... «Хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть среда земли моеи», говоритъ у нихъ Святославъ храбрый. Имя *Дуная*, донынѣ звучащее въ на-

родныхъ пѣснопѣніяхъ Руси, часто повторяется въ Игоревой пѣсни, напримѣръ, когда вернувшійся изъ Половецкаго плѣна князь Игорь ѣдетъ въ Кіевъ, по Боричеву ввозу къ святой Богородицѣ Пирогощей: «дѣвици поють на Дунаи, вьються голоси чрезъ море до Кіева». Но тамъ, на Дунаѣ, какъ и въ другихъ южныхъ мѣстахъ, ознаменованныхъ древними побѣдами Руских князей, простираются уже Половцы поганые, *аки пардуже гнѣздо*... Изображая *невеселую годину*, наставшую на Руси вслѣдъ за пораженіемъ Игорева войска на рѣкѣ Каялѣ, пѣвецъ Игоря вспоминаетъ о прежнихъ побѣдахъ Русскихъ князей, въ напоминаніе о нихъ несогласнымъ князьямъ своего времени. «Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука; вступила дѣвою на *землю Трояню:* всплескала лебедиными крилы на синемъ морѣ, у Дону плещучи, убуди жирна времена.» Кто эта лебедокрылая, воинственная дѣва? Вѣроятно, это наша славянская миѳическая *дѣва* или *дѣвана*, соотвѣтственная Діанѣ, какъ замѣчено въ Mater verborum. Она идетъ отъ Трояновой *земли* придунайской, черезъ *Синее*, то есть, Черное море «еже море словетъ Руськое», по выраженію Нестора, идетъ на *Донъ* и пробуждаетъ тамъ богатыя времена. Какія? Разумѣется-тѣ, когда Володимеръ Мономахъ пилъ золотымъ шеломомъ Донъ, пріемше землю ихъ всю, по словамъ лѣтописи Волынской, когда Мономаховъ сынъ, Мстиславъ великій, загна Половци за Донъ и за Волгу.... по словамъ лѣтописи Кіевской.

2) Въ поясненіе *тропы Трояневой* Карамзинъ указывалъ на Сульцерову Via Trajani, и не напрасно. Черезъ Малую Валахію пролегаетъ древняя дорога, отъ Дуная до Карпатскихъ горъ, называемая тамъ *дорогою Трояновою, по Румунски — кале - Троянъ.* Она совершенно отвѣчаетъ собою словамъ Игоревой пѣсни о Боянѣ: *рища въ тропу Трояню чрезъ поля на Горы.* Въ Бессарабіи *Трояновыми дорогами* и просто *Троянами* зовутся находящіеся тамъ знаменитые древніе валы, неизвѣстно когда и по чьему велѣнію произведенные. Но ихъ названіе *Трояновыми* свидѣтельствуетъ, какъ славно и памятно было это имя въ странахъ придунайскихъ, напечатлѣнное тамъ и на другихъ мѣстностяхъ.

3) Были *вѣчи Трояни*, минули лѣта Ярославля. Принимать ли здѣсь слово *вѣчи* за описку, вмѣсто *сѣчи*, какъ полагалъ Карамзинъ: тогда эти слова Игоревой пѣсни означаютъ воспоминаніе о тѣхъ побѣдоносныхъ *сѣчахъ Трояновыхъ*, которыми положенъ былъ конецъ придунайскому царству Децебала. Но вѣрнѣе кажется, что Сѣверно-Русскій переписчикъ Игоревой пѣсни, по своему областному выговору, поставилъ слово *вѣчи* вмѣсто *вѣци* (также какъ и *лучи* вмѣсто *луци):* тогда здѣсь у пѣвца Игорева воспоминаются *вѣка,* протекшіе отъ покоренія Дакіи Трояномъ, которое въ бытіи того края у его насельниковъ, какъ видно, считалось достопамятнѣйшею и роковою эпохою.

4) «На *восьмомъ вѣцѣ Трояни вьрже* Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу». Въ объясненіе этого труднаго къ уразумѣнію мѣста, Н. Головинъ въ своихъ примѣчаніяхъ (1846 г.), предложилъ счетъ вѣковъ не въ десять десятилѣтій, а въ *четыре сорока* лѣтъ, т. е. *во 160,* примѣнительно къ своенародному господствовавшему счету по четыре и по сороку (стр. 81). По такому неожиданному счету вѣковъ, начало *седьмаго вѣка* отъ покоренія Дакіи Трояномъ въ *102* году дѣйствительно приходится къ тому 1063 году, подъ которымъ въ Несторовой лѣтописи замѣчено: «Новѣгородъ иде Волховъ вспять дній пять; се же знаменье не добро бысть, на четвертое бо лѣто пожъже Всеславъ градъ». А подъ слѣдующимъ, 1064 годомъ у Нестора записано: «въ сеже лѣто *Всеславъ рать почалъ.* Въ си же времена бысть знаменье на западѣ: звѣзда превелика, лучи имуще аки кровави... Се же проявляше не на добро; по семъ бо быша усобици многи и нашествіе поганыхъ на Руськую землю... Предъ симъ же временемъ и солнце премѣнися», и проч. Видно изъ этого, что объ томъ времени было повѣрье, какъ о времени необычайномъ. Нѣтъ ли другихъ примѣтъ и слѣдовъ такого же лѣтосчисленія? А въ настоящемъ случаѣ оно, мнѣ кажется, очевидно. Такимъ образомъ, кажется мнѣ, всѣ четыре упоминанія Игоревой пѣсни съ именемъ *Трояновымъ,* безъ противорѣчія другъ другу, идутъ къ славному имени императора Римскаго, состоя въ живой связи и съ своенарод-

нашъ преданіемъ Кіевской Руси о землѣ придунайской. Но было и другое воззрѣніе на упоминанія Троянова имени въ Игоревой пѣсни, что они относятся къ *Троянцамъ*, воспѣтымъ Гомеромъ. Это мнѣніе подробно развивалъ князь П. П. Вяземскій, въ своихъ *замѣчаніяхъ*, печатныхъ во Временникѣ 1851 года, но къ сожалѣнію, не доведенныхъ до конца Игоревой пѣсни. Признавая въ нашемъ Боянѣ греческаго пѣснотворца Гомера, онъ видѣлъ въ землѣ Трояни землю Троянскую, въ тропѣ Трояни—возвратный путь Троянъ, а въ вѣчахъ Трояниихъ — времена Троянской войны. Неизвѣстно, какъ у него объясненъ седьмый вѣкъ Трояна; только въ предварительномъ обозрѣніи всей Игоревой пѣсни, объ этомъ мѣстѣ сказано: «древнее воспоминаніе объ Еленѣ; соединеніе Всеслава и Париса въ одно лицо».

Однако же и послѣ этого озаренія Древнерусской пѣсни свѣтомъ, заемнымъ изъ сказанія *всемірнаго* по своей славѣ, четыре ея упоминанія Троянова имени казались все болѣе и болѣе неясными, такъ что явилось, наконецъ, отрицаніе ихъ и замѣна другими именами.

У Вельтмана, въ его новомъ изданіи Игоревой пѣсни, земля Трояня замѣняется именемъ *Краяны*, подъ которою онъ разумѣетъ область Тмутараканскую. Тамъ пропала и *тропа Краяня*, вмѣсто тропы Трояновой. А вмѣсто словъ: «*были вѣчи Трояни*» о которыхъ Вельтманъ, въ своемъ прежнемъ изданіи (1833 года), объяснялъ намъ, что здѣсь надо разумѣть *вѣци*, *вѣка*, нынѣ онъ предполагаетъ: *были сѣчи Краяни*, и вотъ что говоритъ въ объясненіе: «*ни вѣчи*, *ни вѣци Трояни*, какъ *нѣкоторые* исправили, здѣсь неумѣстны: ибо пѣвецъ Игоря припоминаетъ о *первыхъ* междоусобіяхъ и страшныхъ *сѣчахъ Краянскихъ*... Эти сѣчи были между двумя братьями, когда въ 1023—1024 г. Мстиславъ Тмуторокапскій поднялся на Ярослава съ *Козарами* и *Касогами* и примирился на дѣлежѣ Руси по Днѣпръ. Это былъ *первый* выходъ иновѣрцевъ на своихъ (стр. 47). Зачѣмъ же это называть *первымъ*, въ пользу своего мнѣнія о Тмуторокани? Еще прежде того, въ 1019 году «придѣ Святополкъ съ *Печенѣгы* въ силѣ

тяжцѣ, и Ярославъ собра множество вои, и изиде противу ему на Льто.·. Бысть сѣча зла, якоже не была въ Руси».

Въ словахъ Игоревой пѣсни: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни» Вельтманъ видитъ нынѣ слова: *за земли Краяни*, и относитъ ихъ не къ послѣдующимъ словамъ о Всеславѣ, а къ предыдущимъ: «*бяше* насиліе отъ земли Половецкой». Въ объясненіе этого онъ говоритъ, что «*всѣ* войны Руси съ Половцами происходили за Тмуторокань» (стр. 68). Но мнѣ кажется, что это вовсе несогласно съ историческою дѣйствительностію: многочисленныя войны Руси съ Половцами происходили за *Русскую землю*, а не за отдаленную отъ Кіева землицу Тмутороканскую, принадлежавшую къ удѣлу Черниговскаго княжества. Передъ началомъ того *седьмаго вѣка Трояня* начались войны Руси съ Половцами за ихъ насиліе Русской землѣ въ 1071 г., когда по словамъ Нестора: «придоша Половци *первое* на Русскую землю воевать». Не *за* Тмуторокань, а *изъ* Тмуторокани происходили нѣкоторыя изъ тѣхъ войнъ Руси съ Половцами, приводимыми оттуда на Русь ея же князьями. «Той бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по землѣ сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тмуторокани». Только родные внуки того послѣдняго Тмутороканскаго князя: Игорь и Всеволодъ Святославичи, въ 1185 году, попытались было «поискати града Тьмутороканя»... Но и объ томъ отважномъ Игорѣ Новгородскомъ пѣвецъ его говоритъ: «наведе своя храбріи полки на землю Половецкую *за землю Руськую*». А потомъ, изображая страшную сѣчу на рѣкѣ Каялѣ, онъ говоритъ: «ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи, сваты попоиша и сами полегоша *за землю* Руськую».

Покойный Востоковъ нашелъ въ одномъ сборникѣ 16-го вѣка славное имя *Трояна* въ числѣ языческихъ боговъ, наряду съ Перуномъ, Хорсомъ, Діемъ, и съ толкованіемъ, что «Троянъ бяше царь въ Римѣ». Вельтманъ полагаетъ, что составитель того зборника «извлекъ Бога *Трояна* изъ слова о полку Игоревѣ»; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ полагаетъ, что и въ самое слово о полку Игоревѣ имя *Трояна* внесено въ томъ же 16-мъ вѣкѣ, когда, говоритъ, «начались мудрствованія

толкованія и поправки лѣтописей» (стр. X). Но откуда же взялась бы внезапно, на Руси 16-го вѣка, такая слава римскаго царя Траяна, что его имя поставлено было не только въ древнюю пѣснь о полку Игоревѣ, но и въ пантеонъ языческихъ кумировъ? И вмѣсто какого же имени оно поставлено было въ слово о полку Игоревѣ?—вмѣсто Краяны?...

А мнѣ сдается, что это новоизмышленное имя уже въ нашъ 19-й вѣкъ, во второй половинѣ его, поставлено вмѣсто бывшаго издревле имени *Трояна.*

Совсѣмъ иное сдѣлано въ изданіи г. Тихонравова: тамъ, въ самомъ текстѣ слова о полку Игоревѣ, имя *Трояна*, во всѣхъ четырехъ мѣстахъ, переправлено на имя *Бояна*, и при этомъ ни слова не сказано, за что оно подверглось такому остракизму.

Изъ четырехъ замѣнъ его именемъ Бояна, только о *тропѣ Бояни* дано поясненіе, довольно правдоподобное, что это—поэтическій путь черезъ поля на горы, сизымъ орломъ подъ облака... Однако и для этого пути находится преграда въ самой рѣчи пѣвца Игорева: о *Боянъ....* если бы ты воспѣлъ... *рища въ тропу Боянюʔ* Отдѣлять же эти слова отъ предыдущихъ и относить къ послѣдующимъ—несообразно съ очевиднымъ смысломъ и складомъ подлинной рѣчи пѣвца Игорева. Но гдѣ же и что такое *земля Бояняʔ* Этого не объяснено, кажется, въ примѣчаніяхъ издателя. Но въ согласіе съ поэтическою тропою Бояна не предоставленъ ли ему въ область весь міръ поднебесный? Или же поэтическая *земля Боянова* подразумѣвается на славномъ островѣ *Буянѣʔ*

Пѣвецъ Игоря величаетъ своего вдохновителя Бояна *Велесовымъ внукомъ.* По этому величанію, первымъ издателямъ Игоревой пѣсни казалось, что Боянъ «жилъ до принятія въ Россіи христіанской вѣры» (стр. 7). Но Граматинъ, въ своемъ изданіи пѣсни (1823 г.), объяснилъ намъ изъ нея же, что Боянъ воспѣвалъ князей: Ярослава, Мстислава, Романа Святославича, а также и Всеслава Брячиславича, и слѣдовательно онъ былъ современникомъ Нестору. Этому справедливому мнѣнію Граматина слѣдуетъ и г. Тихонравовъ. Но при такомъ признаніи, какое же значеніе имѣютъ у него слова:

были вѣчи Бояни—Бояновы вѣка? Какъ понимать намъ слова: *на седьмомъ вѣцѣ Бояни*, относящіяся къ 60 годамъ одинадцатаго столѣтія? Нельзя же, въ объясненіе ихъ, предположить для нашего пѣснотворца стараго времени долголѣтіе праотцевъ допотопныхъ: но нельзя согласиться и на тѣ коротенькіе, семилѣтніе вѣка, какіе предлагалъ г. Дубенскій въ своемъ изданіи (1844 г.), ссылаясь на ветхозавѣтныя *седмины* Даніиловы и признавая мнѣніе Полеваго, что подъ именемъ *Трояна* надо разумѣть не Римскаго императора, а нашего Русскаго великаго князя, Владиміра перваго (стр. 186). Послѣдовавъ такому мнѣнію, Дубенскій въ своихъ *отмѣткахъ* (1855 г.), говорилъ о *Трояновой землѣ*, что это *Русская земля*, названная *Трояновою*, по видимому, въ томъ отношеніи, что досталась по смерти Святослава перваго *троимъ братьямъ!* Но довольно. Имѣя въ виду вышеприведенное разномысліе и разнорѣчіе объ имени *Трояновомъ*, невольно спрашиваешь: что же, наконецъ, значатъ: *земля Трояна* и *тропа Трояня*, упоминаемыя въ древнерусской пѣсни о полку Игоревѣ»?

12 февраля, 1869 года.

Михайлова-гора.

О ПРЕДМЕТАХЪ ДРЕВНОСТИ, СООБЩЕННЫХЪ АВТОРОМЪ ВЪ МУЗЕЙ МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА [1].

(Письмо графу А. С. Уварову).

Препровождаю въ музей Московскаго Археологическаго общества, хотя скудное, но усердное мое приношеніе, состоящее въ слѣдующемъ:

1) Семь разноцвѣтныхъ частицъ отъ древней мусіи Кіево-Софійской, сбереженныхъ мною съ октября 1837 года... По поводу ея, могу замѣтить, что въ южной Россіи и въ позднѣйшіе вѣка господствовало построеніе церквей многоверхихъ (о пяти и трехъ главахъ), по первообразу церквей древле-кіевскихъ, и особенно той первой на Руси Борисо-Глѣбской церкви, что поставлена была Ярославомъ въ Вышгородѣ — деревянная о пяти верхахъ, по свидѣтельству Нестора. Владимірова церковь Десятинная была о пятнадцати верхахъ, по старинному о томъ извѣстію, сохранившемуся въ спискѣ городовъ, внесенномъ въ Воскресенскую лѣтопись: «городъ Кіевъ, древянъ, на Днѣпрѣ; а церкви святая Богородица Десятинная каменная была о полутретьядцати връсѣхъ; а святая Софія о двунадцати връсѣхъ».

2) Древнія мѣдяныя стрѣлы 14 видовъ и разностей изъ числа найденныхъ въ здѣшнихъ наддніпровскихъ пескахъ, возлѣ Михайловой горы, и описанныхъ мною въ 5 книжкѣ Археологическаго вѣстника.

---

[1]) Письмо это было читано 18 марта 1869 года въ засѣданіи перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, въ трудахъ котораго и напечатано. (Т. I, стр. CXXVII—CXXVIII).

3) Такія же три мѣдяныя стрѣлы изъ могилъ Кіевской губерніи Таращанскаго уѣзда. Позволяю себѣ надѣяться, что мое мнѣніе объ этихъ *Украинскихъ стрѣлахъ* не останется безъ обсужденія на Археологическомъ съѣздѣ.

4) Двѣ мѣдныя орудныя вещицы, грубо выдѣланныя, изъ другихъ древнихъ вещей, бывшихъ съ надписями и изображеніями. Онѣ изъ южной Руси, но не знаю—откуда именно.

5) Десять серебряныхъ польскихъ монетокъ пяти годовъ 17-го вѣка — изъ числа выпаханныхъ плугомъ на Михайловой горѣ, въ 1838 году. Онѣ закопаны были подъ грушею, въ небольшомъ кувшинчикѣ, вѣроятно во время *руины* Чигиринской (1678).

6) А какъ нынѣ археологія доисторическая проникаетъ и въ міръ допотопный, то я передаю въ музей Московскаго общества волосы отъ гривы и хвоста Вилюйскаго мамонта. Они получены мною отъ самаго покойнаго Адамса, въ 1824 году, когда я, странствуя по Московской губерніи, посѣтилъ его жившаго въ Можайскомъ уѣздѣ. Тамъ онъ показывалъ мнѣ два большіе куска толстой кожи съ боковъ знаменитаго звѣря.

Между тѣмъ въ прошедшее лѣто (1868 г.), и моя Золотоношская родина, наконецъ, объявилась предметомъ любопытнымъ для археологіи доисторической, найденнымъ въ одной изъ тѣхъ круглыхъ степныхъ могилъ, которыя, по сосѣдству съ хуторами и селами, обращены въ христіанскія кладбища. Верстахъ въ пяти отъ города Золотоноши, въ хуторѣ Новоселицѣ, копали яму для умершаго старика силача, Матвѣя Городоваго, и встрѣтили въ землѣ человѣческій остовъ, лежавшій съ полудня на сѣверъ; въ головахъ у него былъ глиняный горшокъ, распавшійся подъ заступомъ, а у плеча покойника лежалъ *каменный молотокъ*. Услыхавъ объ этомъ по возвращеніи моемъ изъ Кіева, я успѣлъ достать себѣ уже изъ вторыхъ рукъ этотъ первонайденный молотокъ Золотоношскій. Своею формою и отдѣлкою онъ превосходитъ тѣ сѣро-серпентиновые молотки, которыхъ уже не малое число найдено на правой сторонѣ Днѣпра, по берегамъ рѣкъ и въ древнихъ могилахъ. По желанію, выраженному въ вашей

программѣ, препровождаю эту находку вамъ на показъ, до окончанія Археологическаго съѣзда.

Въ позднѣйшіе вѣка на Украинѣ были въ большомъ употребленіи металическіе молотки на палкахъ, дѣланные изъ желѣза, мѣди и серебра. Походная палица съ такимъ молоткомъ называлась *келепомъ*. Такъ въ Украинской народной думѣ, относящейся къ 1652 году, говорится:

«То козакъ звычай козацькій знае.,..
И келепомъ по ребрахъ торкае».

До слѣдующаго письма!

27 января. 1869 года.

Михайлова-гора

P. S. Упомянувъ выше о построеніи древле-кіевскихъ церквей, не излишнимъ будетъ замѣтить, что красный желѣсистый шиферъ, а также плотный и красный песчаникъ, которые въ такомъ большомъ количествѣ употреблялись въ Кіевѣ, добывались въ двадцати верстахъ отъ Овруча, гдѣ и теперь, при селѣ Каменщизнѣ, находится ломка этихъ камней. Красный шиферъ древней породы зовется по просту «сердечнымъ камнемъ».

IV.

ОТДѢЛЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ.

О МАЛОРОССІЙСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ [1]).

1.

Наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну *народности*; начинаетъ уже сбываться желаніе—да создастся поэзія истинно русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныя, но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась-бы народность: это суть пѣсни—гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки—гдѣ отсвѣчивается фантазія народная. Въ нихъ часто видимъ баснословія, повѣрья, обычаи, нравы и не рѣдко событія дѣйствительныя, кои въ другихъ памятникахъ не сохранились: *сказка—складка, а пѣсня—быль*, говоритъ пословица. Въ семъ смыслѣ весьма значительны, а потому достойны вниманія и уваженія были-бы разысканія слѣдовъ народной миѳологіи, обрядовъ, собраніе пѣсенъ, пословицъ и т. д. Особенно языкъ совершенствуется изслѣдованіями остатковъ отъ прошедшаго, въ коихъ онъ ближе къ своему корню, слѣдовательно чище въ составѣ и крѣпче въ силѣ. Это можно отнести въ особенности къ пѣснямъ славянскимъ, кои видимо отличаются своимъ *изяществомъ*. Сіе изящество ихъ можетъ послужить

---

[1]) Предисловіе къ книгѣ: «Малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ. Москва. 1827. стр I—XXXVI.

яснымъ доказательствомъ, что поэзія есть врожденное качество духа человѣческаго, что истинная поэзія можетъ быть *его собственнымъ* произведеніемъ [1]).

Съ такимъ образомъ мыслей я обратилъ вниманіе на сіи предметы въ Малороссіи и на первый разъ издаю выборъ пѣсенъ сей страны, полагая, что онѣ будутъ любопытны и даже во многихъ отношеніяхъ полезны для нашей словесности —будучи совершенно увѣренъ, что онѣ имѣютъ несомнѣнное достоинство, и между пѣснями племенъ славянскихъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Предоставляю другимъ приводить оныя въ систему и выводить дальнѣйшія послѣдствія: изложу вкратцѣ ихъ содержаніе и характеръ.

Возникшая подобно кометѣ Малороссія долго тревожила своихъ сосѣдей, долго перепадала съ одной стороны на другую и была только обуреваема бѣдствіями и безпокойствами, которыя не дали развиться духу народному и произвели только внутреннее волненіе. Массу ея составили не одни племена славянскія, но и другіе европейцы, а еще болѣе кажется азіатцы. Недовольство и отчасти угнетеніе свели ихъ въ одно мѣсто; а желаніе хотя скудной независимости, мстительная жажда набѣговъ и какое-то рыцарство сдружили ихъ. Отвага въ набѣгахъ, буйная забывчивость въ весельѣ и безпечная лѣнь въ мирѣ: это черты дикихъ азіатовъ—жителей Кавказа, которыхъ невольно вспомните и теперь, глядя на Малороссіянина въ его костюмѣ съ его привычками. Такимъ образомъ коренное племя получило совсѣмъ отличный характеръ, облагороженный и возвышенный Богданомъ Хмельницкимъ. Свойства кореннаго племени, кажется, наиболѣе сохранились между дѣвами и женами, кои, будучи отлучены отъ удалыхъ козаковъ своихъ, въ отношеніи къ нимъ весьма грубыхъ, чуждыхъ всякой домовитости, и не имѣя никакого участія въ общественномъ быту ихъ, находили все въ мирныхъ занятіяхъ домашней, сельской жизни.

---

[1]) Въ статьѣ г. *Бродзинскаю о народныхъ пѣсняхъ славянъ* (переведенной въ Вѣстникѣ Европы 1826 года № 13)—много сказано весьма хорошаго о семъ предметѣ; онъ говоритъ: славяне остаются нынѣ народомъ единственнымъ, котораго вкусъ, обычаи и пѣсни—напоминаютъ намъ картину Греціи древней. Стр. 47.

Скоропостижное соединеніе трехъ первоначальныхъ образовъ жизни—нѣкогда *наѣздническои*, буйной, беззаботной, съ лѣнивымъ однообразіемъ и скудностію жизни *пастушеской* и осѣдлостію *земледѣльческой* — вотъ что составило потомъ особенность Малороссіянъ, замѣтную еще и донынѣ, по причинѣ малолюдности. Изъ сего очерка можетъ сдѣлаться нѣсколько понятнымъ и содержаніе и характеръ ихъ пѣсенъ.

Во первыхъ, представляются пѣсни, содержаніемъ своимъ имѣющія смерть козаковъ, отъѣздъ ихъ на чужбину, тоску по родинѣ, иль *схватки боевыя;* а потомъ воспоминаніе объ нихъ. Здѣсь всегда почти находите тоску матери о сынѣ, или сестры о братѣ; любовь отцовскую едва-ли гдѣ встрѣтите. Находите также пѣсни о гайдамакахъ, столь же удалыя, какъ и самый предметъ. Особенно замѣчательны *думы* [1])—героическія пѣснопѣнія о *былинахъ*, относящихся преимущественно ко временамъ гетманства—Скоропадскаго. Ихъ и нынѣ еще поютъ слѣпцы-бандуристы, коихъ можно назвать Малороссійскими рапсодами.

Восемь таковыхъ думъ издалъ князь Цертелевъ подъ названіемъ: *Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней.*

Каждая дума посвящалась какому-нибудь историческому случаю, либо лицу — въ особенности Хмельницкому, Палѣю, Мазепѣ и другимъ.

Сказаніе о частныхъ домашнихъ событіяхъ у козаковъ составляютъ переходъ отъ думъ къ повѣствованіямъ вымышленнымъ или балладамъ, каковы напр.: пѣсня о Твардовскомъ, пѣснь о построеніи Кіева, кои поютъ также старики бандуристы. Желательно, чтобы кто-нибудь изъ земляковъ моихъ, въ Полтавской губерніи или близъ Кіева живущихъ, поспѣшилъ сохранить для словесности сіи памятники.

Пѣсни женскія, во первыхъ, суть выраженіе тоски по родинѣ, отъ которой были отлучаемы дѣвы обманами козаковъ; нѣкоторыя, какъ бы повѣствовательныя (каковы: *о Лемерôвнѣ*,

---

[1]) Малороссійскія думы извѣстнѣе Сербскихъ пѣсней. Въ нихъ гораздо болѣе сладкой меланхоліи; въ пѣсняхъ же военныхъ болѣе силы и картинъ піитическихъ. *Бродзинскій* смотри Вѣстникъ Европы 1826 № 13 стр. 52.

о Бондарівнѣ), показываютъ притѣсненія и неистовства, какія терпѣла дѣйствительно Малороссія отъ Каневскихъ и другихъ пановъ. Пѣсни любовныя принадлежали, кажется, сперва собственно женскому полу, вмѣстѣ съ самымъ чувствомъ. Онѣ исполнены пылкой страсти. Измѣны часты: онѣ либо были сносимы съ безнадежнымъ отчаяніемъ, либо отмщаемы были чарами, что слѣдовательно встрѣчается не рѣдко: вѣра въ чарованья осталась и понынѣ у женщинъ. Пѣсни мущинъ, гдѣ видна нѣжность чувства любви, принадлежатъ, кажется, къ послѣдующему времени.

Къ пѣснямъ женскимъ можно отнести пѣсни *праздничныя* и *обрядныя*, кои носятъ на себѣ иногда печать древней славянской миѳологіи; но вообще, показывая приверженность къ удовольствіямъ земледѣльческой и семейственной жизни, представляютъ собою образцы весьма изящной, естественной идилліи (таковы *веснянки*, *троицкія*, *свадебныя*, *на обжинки* и другія пѣсни—смотр. книга четвертая). Въ семъ отношеніи едва-ли какая страна можетъ назваться столь *пѣсенною*, какъ Малороссія: тамъ каждое время года, каждое занятіе, къ сельскому быту и жизни семейственной относящееся, сопровождаются особенными пѣснями. Сюда же можно причислить и пѣсни *заклинательныя* [1], подобныя скандинавскимъ.

Наконецъ, должно сказать, что у нихъ находится очень много пѣсенъ веселыхъ и каррикатурныхъ, иногда весьма забавныхъ, но наиболѣе такихъ, при концѣ коихъ всегда покраснѣетъ стыдливость, и которыя большею частію составляютъ изустную собственность народа, а не принадлежность поэзіи. Веселость у нихъ не такова, какъ въ пѣсняхъ *Краковяковъ*,—она превращается либо въ грубое, либо въ непристойное. Ихъ воображеніе, отъ досуга или съ горя разгулявшееся, не знаетъ себѣ мѣры. Сіи пѣсни, по веселому, рѣзвому напѣву и мѣрному складу, наиболѣе суть плясовыя, и употребляются не столько по словамъ своимъ, сколько по музыкѣ, часто весьма хорошей, каковы напр. извѣстныя: *Ме-*

---

[1]) Образцы таковыхъ мнѣ показывалъ покойный Зоріанъ Ходаковскій, послѣ коего остался знатный запасъ для изданія Малороссійскихъ пѣсенъ.

телиця, горлиця, и шумить и гудé. Есть русская пословица: *слóва изъ пѣсни не выкидать;* посему и я не помѣщалъ ихъ, и для образца предложилъ нѣсколько: *Била жôнка мужика; чи я въ мужа не жена.* Должно сказать однакожъ правду, что многія изъ нихъ весьма остроумны и забавны, таковы напр. *мужикъ каже ячмêнь, жôнка каже гречка;* или

Танцёвала рыба зъ ракомъ,
А петрушка съ пустернакомъ,
А цибуля съ часнокóмъ,
А дѣвчина зъ козакомъ.
Цибýлиця дивýеця,
Якъ хорошé танцюется! и проч.

Что касается до характера пѣсенъ Малороссійскихъ, то сей вопросъ отношу только къ тѣмъ, въ коихъ видно главное стремленіе поэзіи народной. Я ихъ сравнивать могу въ особенности только съ русскими, ибо пѣсни прочихъ племенъ славянскихъ мнѣ не столько извѣстны.

Форма Малороссійскихъ пѣсенъ, равно какъ и самый языкъ, занимаютъ средину между русскими и польскими. Съ первыми онѣ сходны *тоническимъ* размѣромъ [1]), и слѣдовательно тѣмъ движеніемъ, какого не имѣютъ польскія. Съ польскими пѣснями онѣ (а особливо нѣжныя) имѣютъ необходимую частую риѳму или по крайней мѣрѣ созвучіе, звонкія и частыя уменьшительныя слова, отчего зависятъ нѣжность и гармонія, которыми онѣ превосходятъ русскія пѣсни.

Существенное ихъ различіе, по моему мнѣнію, состоитъ въ слѣдующемъ. Въ русскихъ пѣсняхъ выражается духъ, покорный своей судьбѣ и готово повинующійся велѣніямъ. Русскій не привыкъ брать дѣятелнаго участія въ переворотахъ жизни, потому онъ содружился съ природою и любитъ живописать ее, часто прикрашивая; ибо здѣсь только можетъ свободно излиться его душа. Онъ не ищетъ выразиҭь въ пѣснѣ обстоятельства жизни дѣйствительной; но напротивъ желаетъ

---

[1]) Пѣсни силлабическаго размѣра сложены болѣе для пѣнія бандуристовъ.

какъ бы отдѣлиться отъ всего существующаго и, закрывъ ухо рукою, хочетъ, кажется, потеряться въ звукѣ. По сему русскія пѣсни отличаются глубокою унылостію, отчаяннымъ забвеніемъ, какимъ то раздольемъ и плавною протяженностію [1]). Въ Малороссійскихъ меньше такой роскоши [2]) и протяженности; онѣ, будучи выраженіемъ борьбы духа съ судьбою, отличаются *порывами* страсти, сжатою твердостію и силою чувства, а равно и естественностію выраженія. Въ нихъ видимъ не забывчивость и не унылость, но болѣе досаду и тоску; въ нихъ больше дѣйствія. Сіе-то дѣйствіе отпечаталось и въ послѣдующихъ пѣсняхъ драмматическою формою, и князь Цертелевъ справедливо замѣчаетъ [3]), что въ русскихъ превосходнѣе описательная поэзія, что въ нихъ встрѣчаемъ разсказъ сочинителя, между тѣмъ какъ въ пѣсняхъ Малороссійскихъ находимъ драмматическое изложеніе предмета. Сила ихъ много зависитъ отъ *лаконизма* самаго ихъ языка.

Тоска, которая составляетъ важнѣйшее *свойство* Малороссійскихъ пѣсней, не прикрываетъ ихъ, но проницаетъ. Она отзывается во всѣхъ пѣсняхъ; даже иронія, къ коей весьма склонны Малороссіяне, часто смѣшивается съ оною, изъ чего происходитъ совсѣмъ особенный, отлично хорошій родъ пѣсенъ.

Образцы таковыхъ елегико-ироническихъ пѣсень помѣщены въ 3 книгѣ моего собранія, напр. *Летить орелъ по надъ моремъ; ой козаче, козаче! молодый бурлаче: да оре Семенъ, оре*, и проч.

Пѣсни нѣжныя отличаются неподражаемымъ простодушіемъ и естественностью, которой ни мало не противорѣчатъ безпрерывныя сравненія. Духъ, не находя еще въ себѣ самомъ особенныхъ формъ для полнаго выраженія въ его глубинѣ зараждающихся чувствъ, невольно обращается къ природѣ, съ которою онъ, по своему младенчеству, еще друженъ, и

---

[1]) Есть сибирская поговорка: *въ русской пѣснѣ парень да дѣвка; а у насъ, по которой улицѣ идетъ, про ту и пѣсенку поетъ.*

[2]) Исключая пѣсни обрядныя, гдѣ часто онѣ сходятся съ русскими и другими: почему такъ—видно изъ предыдущаго.

[3]) Вѣстн. Евр. 1827. № 12, 276.

въ ея предметахъ видитъ, чувствуетъ подобіе свое гораздо явственнѣе и вѣрнѣе. По сему то находите столь частыя сравненія съ окружающею безукрашенною природою,—столь частыя бесѣды съ буйнымъ вѣтромъ, *дрôбнымъ* дождемъ, черными тучами. Унылая, вѣщая *зозуля*, одинокій яворъ, плакучія ивы и гибкія лозы, печальная калина, крещатый барвинокъ [1])—сіи эмблемы отдѣльныхъ состояній духа, невольно ему напоминаютъ его самого, и онъ выражается ими какъ бы потому, что не можетъ иначе [2]); когда напротивъ въ метафорахъ русскихъ пѣсенъ замѣчаемъ больше искуственности, нѣкотораго рода произволъ и желаніе прикрасъ. Если *сравненія отрицательныя* составляютъ, по мнѣнію гг. *Глаголева* [3]) и *Гнѣдича* [4]), отличительное свойство народной поэзіи русской, то малороссійскія будутъ отличаться положительностію своихъ сравненій.

Что касается до пѣнія, то у Русскихъ гораздо лучше поютъ мущины—это какъ бы ихъ принадлежность; въ Малороссіи сею способностью, и часто въ высокой степени, обладаетъ полъ женскій.

Самый напѣвъ или музыка, если онъ равно хорошъ и въ русскихъ и въ малороссійскихъ пѣсняхъ, то должно признаться, что въ послѣднихъ онъ несравненно разнообразнѣе; разноличіе тоже: въ малороссійскихъ нѣтъ такого раздолья, но сильнѣе страсть.

---

[1]) Любопытно бы знать, какъ перешло къ Малороссіянамъ уваженіе къ *рутѣ* и *шалфею*, кои всегда вмѣстѣ такъ часто встрѣчаются въ ихъ пѣсняхъ. Сіи двѣ травы имѣли большую значительность въ среднія времена, такъ что про нихъ, по тогдашнему обыкновенію, были слагаемы латинскіе стихи, напримѣръ:

Non est metus mortis,
Cui est Salvia in hortis.
Или: Salvia cum Ruta
Faciunt tibi pocula tuta.

[2]) Въ примѣръ малороссійскаго изреченія, сильнаго своимъ безсиліемъ выразиться, можно привести слѣдующее увѣреніе или божбу: *коли я тее або оттее: такъ нехай минѣ абы-що, Богъ зна що, отщо, а не тôлько що!*

[3]) *О русскихъ народныхъ пѣсняхъ.* Труды общества любителей россійской словесности ч. XI, 1818. стр. 38.

[4]) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ Н. *Гнѣдича* спб. 1825. стран. XXXIII.

Изъ великаго множества въ народѣ обращающихся пѣсенъ, нѣкоторыя были помѣщаемы болѣе или менѣе исправно въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; въ пѣсенникахъ весьма нерѣдко искаженныя, найболѣе же противъ языка. Особаго собранія собственно малороссійскихъ пѣсенъ еще не было. Переходя изъ устъ въ уста, онѣ часто лишаются многихъ стиховъ, либо оные измѣняются; часто пѣсни не допѣваются, или даже перемѣшиваются; такимъ образомъ постепенно отходятъ отъ первобытнаго вида. Нельзя и думать, чтобы можно было востановить оный; но я старался сличать и соглашать разногласія, случалось сводить иногда двѣ въ одну, либо одну раздѣлять на двѣ; я избиралъ какъ находилъ сходственѣе съ правильнымъ смысломъ и—сколько понималъ—съ духомъ и языкомъ народнымъ [1]). На первый разъ я не могъ болѣе: кто будетъ имѣть случай—соберетъ больше, искуснѣйшіе—сдѣлаютъ лучше. Я желалъ показать доселѣ еще не совсѣмъ извѣстныя сокровища народной поэзіи въ настоящемъ видѣ; посему соблюдалъ строгій выборъ и помѣщалъ пѣсни либо замѣчательныя по красотамъ піитическимъ, либо представляющія образъ мысли, бытъ домашній и пр.

Не вездѣ ставилъ я знаки ударенія, ибо въ стихахъ будутъ ударенія отличаться отъ обыкновеннаго выговора. Сія гибкость и свобода словъ малороссійскихъ, въ отличіе отъ польскаго языка, составляетъ не малое достоинство относительно стихосложенія. Русскій языкъ сію гибкость имѣетъ еще въ бóльшей степени; одно слово принимаетъ удареніе часто на всѣхъ слогахъ: зелéный, зелéная; зелены́й, зеленáя, зéлены и пр. или:

Полети мой сокóлъ
Далекó, высокó
И далéко и высóко....

Такимъ выгоднымъ свойствомъ языка могли бы воспользоваться наши поэты, нимало не погрѣшая противъ духа языка. Впрочемъ при пѣніи, для котораго вѣроятно складывались

[1]) Посему-то пѣсни V и VII суть только отрывки, кои помѣстилъ я, опасаясь, чтобы онѣ совсѣмъ не потерялись въ народѣ.

слова́, одинокимъ протяженіемъ го́лоса уравниваются слоги различныхъ удареній; между тѣмъ какъ смѣрянные слоги нашихъ стиховъ разнятся. Такая гибкость словъ и тоническая мѣра подобно какъ въ русскомъ языку; а рифма, частыя (рифмующіяся или по крайней мѣрѣ созвучныя) уменшительныя слова и самое даже произношеніе на распѣвъ въ простомъ разговорѣ, коими малороссійскій языкъ сходенъ съ польскимъ—показываютъ, до какой степени простирается его музыкальность. При всемъ томъ онъ способенъ принимать опредѣленный размѣръ и не въ однѣхъ пѣсняхъ плясовыхъ, что также и въ русскомъ, а еще чаще въ польскомъ встрѣчается; но въ большихъ даже піесахъ, какъ показали г. *Котляревскій* въ своей *Енеидѣ;* и сочинатель *Твардовскаго*, столь удачно отъ начала до конца выдержаннаго. Пѣсня за *Неменъ иду* показываетъ способность малороссійскаго языка къ размѣрамъ разнообразнымъ [1]).

Наконецъ скажу нѣсколько словъ о правописаніи, мною изобрѣтенномъ сообразно свойствамъ сего языка. Въ каждомъ языкѣ есть какъ бы любимѣйшіе звуки; такъ въ малороссійскомъ звукѣ И,—и сколько оному приписываютъ обыкновенно грубость языка, столько въ самой вещи онъ составляетъ его благозвучіе. Сей звукъ имѣетъ только два измѣненія: *острое* и *мягкое*.

Объ остромъ И. Буквою Ѣ мы изображаемъ двойной звукъ ІЕ. Въ русскомъ языкѣ, который (по свойству сѣверныхъ языко́въ) любитъ болѣе губные, нежели гортанные звуки, въ буквѣ Ѣ совсѣмъ не слышенъ звукъ І: онъ слился въ Е и черезъ то содѣлалъ его острымъ. По сему буква Ѣ замѣнилась-бы или просто буквою Е, или, какъ въ польскомъ и сербскомъ, буквами ІЯ.

Въ малороссійскомъ наоборотъ: перевѣсъ остается на сторонѣ І: звукъ Е слился въ І и чрезъ то содѣлалъ его острымъ. Посему слова, гдѣ въ русскомъ пишутъ Ѣ, по всѣмъ малороссійскимъ нарѣчіямъ постоянно произносятся какъ

---

[1]) Изслѣдованіе о размѣрѣ и рифмахъ, какія именно, когда и отъ чего были вводимы—предоставляю другимъ.

острое И. Такимъ же образомъ произносится она большею частію и у Болгаръ.

Нѣкоторые исключаютъ букву Ѣ изъ Малороссійскаго правописанія; но я увѣренъ въ противномъ.

Въ острое И, часто измѣняются и прочія гласныя буквы, а особливо въ словахъ односложныхъ. Писавшіе донынѣ у насъ на малороссійскомъ языкѣ, обыкновенно писали такъ, какъ выговаривается, напр. кра̂й мене — писали крій мене; ячмѣ̂нь — ячминь; ко̂нь — кинь, вѣкъ — викъ..... Г. *Павловскій* выдумалъ такой способъ, чтобы звукъ И, произносимый остро, писать І, а потверже выговариваемый, писать Ы; твердое Е писать черезъ Е, а мягкое чрезъ Ѣ.

Ожидаю, что будутъ многіе охуждать меня за отступленіе; но я совершенно убѣжденъ, что не должно такъ писать, какъ обыкновенно пишутъ, но какъ нибудь иначе, если не такъ, какъ я пишу: предлагаю мой способъ и основанія онаго.

Я хочу удерживать коренныя буквы; а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ выговариваются иначе, отмѣчать только ихъ особеннымъ знакомъ; по типографской необходимости, я избралъ знакъ /\. Сіе дѣлаю, во первыхъ, потому, что пишу не для однихъ Малороссіянъ, но и для Русскихъ, коимъ не понятно будетъ многое, если писать по произношенію и не сблизить хотя нѣсколько правописанія малороссійскаго съ русскимъ. Притомъ, нѣтъ ни одного языка, гдѣ бы произношеніе буквъ не имѣло особенныхъ измѣненій и особенныхъ примѣчаній; а я ввожу очень немного. Нельзя читать совершено такъ, какъ по русски; но неправильно бы было и писать такъ, какъ говоримъ.

Можно бы согласиться было писать по малороссійски какъ говорится, если бы во всѣхъ измѣненіяхъ сло̂ва постоянно удерживался одинъ и тотъ же звукъ; но сего не бываетъ: именит. *мо̂й ко̂нь* (пишутъ *мій кінь)*, родитель. *моіо коня*, дательн. *моему коню;* именительн. *слёзы*, родитель. *слёзъ* (пишутъ *слизъ); ноіа* уменьшит. *но̂жка* (пишутъ *нижка)*— какимъ же образомъ составить лексиконъ? Пишутъ одинаково *нижъ*—ножъ, и *нижъ* — нежели; но если, удерживая

коренную гласную, напишу: *нôжз*, *нêжз*—будетъ понятнѣе. Сверхъ сего гласныя буквы не вездѣ въ острое *й* измѣняются: *такимъ* образомъ собственно примѣняются онѣ по произношенію *Переяславскому* или *Кіевскому* (между Днѣпромъ и Сеймомъ), которое можетъ почесться *центральнымъ* [1]), чистѣйшимъ и нѣжнѣйшимъ. Отъ Сейма вверхъ по Деснѣ буквы сіи измѣняются какъ бы въ звукъ УИ или ЮИ; конь соль—не произносятъ какъ въ Переяславѣ чисто *кйнь*, *сйль;* но *куинь*, *сюиль:* далѣе въ Литвѣ—*кунь*, *суль;* а по ту сторону Днѣпра, у Русняковъ: *кьунь*, *конь*, *кюмь* (какъ французское u) и чисто *кинь*. Буква И послѣ гласныхъ, и Ѣ постоянно выговариваются какъ острое И. Здѣсь становится виднѣе удобность моего правописанія: пишу *кôнь*, *сôль*, *мôй;* Малороссіянинъ пусть произнесетъ каждый по своему; а Русскихъ прошу выговаривать по чистому нарѣчію буквы: *ѣ*, *и* послѣ гласной, *â*, *ê*, *ô*, *й*—какъ острое *и*.

О мягкомъ или глухомъ И. Внимательно прислушиваясь къ лучшему произношенію Малороссіянъ, я замѣтилъ, что у нихъ нѣтъ столь твердаго звука, какъ въ Русскомъ Ы. Второе измѣненіе звука И у нихъ бываетъ мягче и глуше Русскаго Ы, больше гортанью (по свойству языковъ южныхъ или восточныхъ); слѣдов. Русское Ы у нихъ всегда мягче; а Русское И часто дѣлается тверже, но не какъ Ы, а звукомъ среднимъ между Русскими И острымъ и Ы. *Мы*, *милый*, *быстрый*, *долина*, *Литва*, *листъ:* здѣсь И, Ы вездѣ произносятся одинаково, глухо. Посему И *безъ значка и Ы должно произносить одинаково!*

Сдѣлаю еще нѣсколько граматическихъ замѣчаній, и во первыхъ, о глаголахъ.

1) Неопредѣленное наклоненіе, какъ и въ Церковномъ, Сербскомъ и Богемскомъ языкахъ, кончается собственно на *ти: спѣвати*, *гуляти*. Въ страдательномъ залогѣ также окончаніе либо *тися*, либо *ться;* но въ семъ послѣднемъ случаѣ выговаривается твердо, какъ *ция: сподѣватися* и *сподѣваться*

[1]) Такъ и въ Русскомъ или правильнѣе сказать Великороссійскомъ языкѣ Московское—*столичное* произношеніе.

(произносится *сподњватиця)!* такъ и въ третьемъ лицѣ настоящаго времени *тся*, выговаривается какъ *ция: гнеция* вмѣсто гнется, *льюция* вм. льются.

2) Русское окончаніе *илъ* въ третьемъ лицѣ мужескаго рода всегда замѣняется окончаніемъ *ивъ: ходи́въ, сидњвъ, стоявъ, взявъ*, вмѣсто ходилъ, сидѣлъ, стоялъ, взялъ.

3) О третьемъ лицѣ настоящаго времени единственнаго числа замѣтить должно, что тамъ, гдѣ въ Русскомъ окончаніе *итъ*, въ Малороссійскомъ всегда Ъ измѣняется на Ь, *хо́дить стои́ть, шуми́ть*, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ Русскомъ глаголѣ предъ ТЪ находится Е (напр. кличетъ, идетъ: свищетъ, наступаетъ), въ Малороссійскомъ удерживается всегда только Е, а ТЪ опускается; слѣдов. говорится: *кли́че, веде́, свище, наступае;* а гдѣ предъ Е стоитъ А, тамъ часто выпускается Е: наступае и *наступа́*, спѣва́е и *спњва!*.

4) Будущее время имѣетъ иногда такіе глаголы, кои въ Русскомъ не употребляются въ семъ времени, напр. *могу*, въ будущемъ: *могти́му, могтимемъ*. Также въ повелительномъ, *лягаймо* (ляжемъ), *ходи̂мо* или *ходи̂мъ* (пойде́мъ). Замѣтимъ, что въ двухъ послѣднихъ *словахъ* удареніе надъ буквою И, и она выговаривается остро, почему и поставилъ я значокъ. Такъ всегда во второмъ лицѣ повелительнаго наклоненія: *коси̂ть, паси̂ть, бери̂ть, носи̂ть, бњжи̂ть*. Тѣже остаются буквы въ третьемъ лицѣ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, но удареніе уже большею частію надъ буквою предыдущею, а не надъ И, которое произносится уже не остро, но глухо; почему и ставлю оную просто безъ значка: *хо́дить, ко́сить*. (Въ словѣ, напр. *бњжи́ть*, удареніе остается надъ глухимъ И).

5) Умаляются не однѣ имена, но также глаголы и междометія: *про̂чь* (прочь)—*прочки; спа̂ти—спа̂тки; њсти—њстки, њсточки; гуляти—гулятки*.

Въ разныхъ частяхъ рѣчи буквы у и *в* употребляются одна вмѣсто другой: *взявъ* и *узявъ, встань* и *устань, вслњдъ* и *услњдъ, впавъ* и *упавъ, уже́* и *вже, у лњсъ* и *въ лњсњ*.

Часто *в* прибавляется къ словамъ: *во̂вця, во̂вці̂* — овца, овцы; *во̂нъ, вони́, воно́*—онъ, она, оно; *о́ко, очі̂* — *во́ко, во̂чі̂*.

Окончаніе *ца* въ Малороссійскомъ языкѣ всегда бываетъ *ця*; слѣдов. и въ женскомъ родѣ множественнаго числа не на *цы*, но на *цй*: отца—*отця*, молодица—*молодиця*, молодицы—*молодйцй*. Иногда буква *в* употребляется вмѣсто л: *вовкъ*—волкъ, вбвна—волна (шерсть).

Часто Русскія слова отъ Малороссійскихъ отличаются перестановкою буквъ: *вѣдьмедь*—*медвѣдь*, *Комлыкъ*—Калмыкъ, *намисто*—монисты, *намастырь* (какъ въ Сербскомъ)—монастырь.

Буква *з* и слогъ *из*, а равно и буква *с*, въ началѣ словъ употребляются, безъ разбора, одна вмѣсто другой: *стрáтила, зтратила; знявъ* (снялъ), *изнявъ; зъѣвъ, изъѣвъ* (съѣлъ). Такъ и предлоги *изъ* и *съ* поставляются безъ разбора одинъ вмѣсто другаго.

Въ дательномъ и предложномъ падежахъ единственнаго числа измѣняются окончанія именъ женскаго рода: *га* на *зѣ*, *ка* на *цѣ*, *ха* на *сѣ*.

Имен.	*ногá*,	дат.	*нозѣ*.
»	*небога*	»	*небозѣ*.
»	*чайка*	»	*чайцѣ*.
»	*дѣвка*	»	*дѣвцѣ*.
»	*сваха*	»	*свасѣ*.

Но въ словахъ мужескаго рода такія измѣненія принимаетъ предложный падежъ:

Имен.	*порôгъ*;	предлож.	*на порóзѣ*.
»	*лугъ*	»	*у лузѣ*.
»	*байракъ*	»	*въ байрацѣ*.
»	*горохъ*	»	*у горосѣ*.

Вотъ нѣкоторыя измѣненія мѣстоименій:

Им. *я*, *ты*, *вôнъ*, *вонà*, *мôй*, *моя*.

Род. *мене*, *тебе*, *ёго*, *еи*, *мого*, *моеи*.

Дат. *минѣ*, *тобѣ*, *ему*, *êй*, *момý*, *моêй*.

Вин. *мене*, *тебе*, *ёго*, *ёё*, *мого*, *мою*.

Въ грамматикѣ г. *Павловскаго* изложены нѣкоторыя свойства языка Малороссійскаго, подслушанныя довольно чутко; но полной грамматики донынѣ еще не находится, хотя можно-бы открыть постоянные законы, употребленіемъ и

мѣстностями затемненныя. Во многихъ свойствахъ Малороссійскій языкъ ближе Великороссійскаго и Польскаго къ прочимъ языкамъ славянскаго корня, такъ что его можно почитать дѣйствительно среднимъ въ системѣ сихъ нарѣчій, какъ и самое положеніе страны, гдѣ говорятъ симъ языкомъ.

При концѣ книги я приложилъ словарь [1]), и нѣкоторыя особенныя примѣчанія къ пѣснямъ, стараясь тѣмъ облегчить уразумѣніе оныхъ, сколько мнѣ позволило время. Варіанты, коихъ у меня собрано довольно большое количество, могутъ быть изданы послѣ.

Въ заключеніе долгомъ почитаю изъявить мою благодарность Елисаветѣ Михайловнѣ *Богаевской*, князю Н. А. *Цертелеву* и другимъ особамъ, кои оказали мнѣ пособіе доставленіемъ пѣсенъ и своими совѣтами.

1827. Априля 20.

Москва.

2 [2]).

«Наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну *народности;* начинаетъ уже сбываться желаніе да создастся поэзія истинно Русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныя, но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная».

---

[1]) Приводя слова другихъ славянскихъ языковъ, я имѣлъ въ виду показаніе, въ какихъ еще языкахъ повторялись слова Малороссійскія, а не съ какого языка перешли они въ Малороссійскій: сіе требуетъ занятія людей болѣе опытныхъ.

[2]) Предисловіе къ книгѣ: «Украинскія народныя пѣсни, изданныя Михайломъ Максимовичемъ. Москва. 1834». Стр. I—VII.

Этими словами и начинается мое предисловіе къ сборнику *Малороссійскихъ пѣсенъ*, изданному мною въ 1827 году. Въ немъ помѣщено только 130 пѣсенъ; но я имѣлъ удовольствіе видѣть полный успѣхъ онаго, оправданіе нѣкоторыхъ, тамъ высказанныхъ мыслей и замѣчаній моихъ о языкѣ и пѣсняхъ Малороссійскихъ.

Въ теченіе семи лѣтъ я продолжалъ начатое собраніе: и оно теперь простирается уже до $2^1/_2$ тысячъ пѣсенъ и отрывковъ, и со временемъ, безъ сомнѣнія, можетъ быть удвоено, ибо это предметъ неистощимый. Настоящимъ богатствомъ мое собраніе обязано участію въ трудѣ моемъ князя *Н. П. Цертелева*—перваго издателя Украинскихъ думъ, *Н. В. Гоголя* — новаго историка Малороссіи и автора вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки, *И. И. Срезневскаго*—издателя Запорожской Старины, *А. Г. Шпигоцкаго* — переводчика Валленрода, почтеннаго *И. В. Крамаренка*, *О. М. Бодянскаго* и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, коимъ всѣмъ приношу мою благодарность. Кромѣ того я пріобрѣлъ извѣстное собраніе народныхъ пѣсенъ покойнаго *З. Я. Ходаковскаго*, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными.

При такомъ множествѣ пѣсенъ, находящихся иногда у меня въ пяти и болѣе спискахъ, я имѣлъ возможность часто усматривать ясно тѣ измѣненія, какія происходили съ ними частію отъ долговременнаго и неправильнаго пѣнья оныхъ, частію и отъ изобрѣтательности самихъ пѣвцовъ и пѣвицъ: такимъ образомъ я могъ представить очень многія пѣсни въ исправнѣйшемъ видѣ.

Предлагаю просвѣщенному вниманію читателей первую часть моего новаго собранія, менѣе другихъ полную, но для многихъ, можетъ быть, самую занимательную: ибо въ ней помѣщены *думы* Украинскихъ бандуристовъ и *пѣсни собственно козацкія*, выражающія козацкую жизнь, въ ея отношеніи къ общественному, историческому быту, и отчужденіи отъ быта семейнаго, домовитаго; первыя изъ нихъ я называю *былевыми*, вторыя *бытовыми*.

Это надгробные памятники и вмѣстѣ живые свидѣтели отжитой старины. Другіе народы въ память важныхъ произ-

шествій своихъ, чеканятъ медали, по которымъ исторія часто разгадываетъ минувшее: событія козацкой жизни отливались въ звонкія пѣсни, и потому онѣ должны составить самую вѣрную и вразумительную лѣтопись для новаго бытописателя Малороссіи.

Во II части будутъ помѣщены *пѣсни женскія*—отголоски души страстной,—выраженія жизни, исполненной любви пламенной, нѣжной, но обреченной на тоску, и только изрѣдка разцвѣтающей счастьемъ. Сюда же отношу и тѣ пѣсни, гдѣ козакъ является подъ господствомъ женскаго чувства, въ быту домашнемъ.

Въ III части собраны *пѣсни гулливыя*, въ коихъ господствуетъ болѣе прихотливое и затѣйливое расположеніе души, разгулъ, карикатура и т. п.

Въ IV части помѣщаются всѣ *обрядныя пѣсни*, относящіяся къ празднествамъ и общественнымъ занятіямъ домовитой жизни, и отличающіяся отъ другихъ большею придуманностью, то восходящею до символической восторженности, то облекающеюся въ прелесть идиллическаго простодушія.

Дѣленіе это довольно соотвѣтственно съ своимъ предметомъ; впрочемъ оно только приблизительное, и я вовсе не думалъ вводить строгой и подробной классификаціи въ этотъ гармоническій міръ живой поэзіи народа. Благоуханные вѣчносвѣжіе цвѣты ея проростаютъ сквозь цементъ систематическихъ сводовъ и дружно переплетаются между собою.

Сколько могъ теперь, я дѣлалъ пояснительныя замѣчанія къ думамъ и пѣснямъ; къ нѣкоторымъ приложилъ переводъ; на всѣхъ словахъ ставилъ удареніе и ко многимъ изъ нихъ прибавлялъ объясненіе ихъ: впрочемъ общій *словарь* и *грамматика* Малороссійскаго языка будутъ изданы мною въ особомъ прибавленіи къ сему собранію [1]. Я хотѣлъ было въ сей части изложить подробно свои мысли о характерѣ, складѣ

---

[1]) Начатки *Малороссійскаго словаря* (сравнительно съ другими славянскими языками) находятся въ моемъ сборникѣ, 1827. Краткая граматика Малороссійскаго языка у насъ издана *Г. Павловскимъ* 1818. Въ 3 № журнала министерства народнаго просвѣщенія (1814) извѣщено объ изданіи двухъ Малороссійскихъ грамматикъ гг. *Левицкимъ* и *Лозинскимъ*, 1833. Въ Лембергѣ издано *Вацлавомъ* зъ Олеска собраніе Галицкихъ пѣсенъ, коего однакожъ, къ сожалѣ-

пѣсенъ, о языкѣ и правописаніи онаго, но долженъ отложить это впредь, поспѣшая перемѣщеніемъ моимъ въ Кіевъ, гдѣ мои занятія будутъ посвящены преимущественно отечественной словесности. Такимъ образомъ я буду имѣть возможность продолженіе моего труда исполнить съ бо́льшимъ успѣхомъ.

Чувствуя живо красоту нашихъ народныхъ пѣсенъ и ихъ важность въ настоящее время *народности*, находя, что ни у кого не была такъ богато развита *поэзія народная*, какъ у сѣверныхъ [1]) и южныхъ Руссовъ, и желая моимъ собраніемъ сколько можно полнѣе и совершеннѣе открыть богатства *поэзіи Украинской*, прошу всѣхъ Малороссіянъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ: ибо оно можетъ свершиться только общимъ содѣйствіемъ; прошу всѣхъ, кто имѣетъ случай, доставлять мнѣ *списки* Украинскихъ пѣсенъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ поются въ народѣ, безъ перемѣнъ, пропусковъ и добавленій, съ пояснительными примѣчаніями о мѣстахъ и лицахъ и о мало извѣстныхъ словахъ, какія могутъ иногда случаться въ пѣсняхъ, а кто можетъ—то и съ напѣвомъ. Списывать пѣсни лучше во время пѣнья, ибо пѣвцы и пѣвицы наши часто не умѣютъ хорошо пересказывать того, что умѣютъ вполнѣ *пропѣть*. Всякая пѣсня, *какого бы она ни была содержанія*, для меня любопытна и пригодна, и будетъ принята съ благодарностью; но особенное вниманіе я желалъ бы обратить на пополненіе сей первой части.

Голоса Украинскихъ пѣсенъ, составляютъ у меня особое изданіе. Первая тетрадь онаго, содержащая *25* пѣсенъ [2]), положенныхъ на ноты для пѣнья и фортепьяно А. А. *Алябьевымъ*, уже вышла въ свѣтъ.

21 мая. 1834.
Москва.

вію, я не получилъ еще; большая часть Галицкихъ пѣсенъ не только сходны съ пѣснями Украинскими, но многія пѣсни даже однѣ и тѣже—въ слѣдствіе однородства.

[1]) *П. В. Кирѣевскій* собралъ уже Русскихъ народныхъ пѣсенъ и стиховъ болѣе *1500*. Ему обязанъ я многими замѣчаніями о семъ предметѣ.

[2]) Въ подтвержденіе сказаннаго мною прежде о нѣкоторыхъ чертахъ Кавказскихъ, встрѣчающихся въ Украйнѣ, кстати замѣчу: 1) что напѣвъ

3 [1].

В продолжение двадцати лѣтъ я собиралъ Украинскія народныя пѣсни: и теперь приступаю къ новому, полнѣйшему ихъ изданію. Это изданіе, для отличія отъ двухъ прежнихъ [2], я называю сборникомъ Украинскихъ пѣсенъ. Не могу иначе выдать его, какъ по частямъ. Каждая часть будетъ содержать въ себѣ одинъ отдѣлъ пѣсенъ мужескихъ, и одинъ или два женскихъ. Въ шести частяхъ будетъ помѣщено около двухъ тысячъ пѣсенъ. Половина ихъ собрана мною самимъ, преимущественно въ Полтавской губерніи. Другая половина ихъ и множество варіантовъ получены мною отъ разныхъ лицъ, со всѣхъ концевъ южной Руси [3]. Приношу мою благодарность всѣмъ, кто оказалъ мнѣ свое участіе въ этомъ сборникѣ.

Къ каждому отдѣлу его я прилагаю нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній. При шестой части я изложу особо мои наблюденія и замѣчанія о народномъ пѣснотворчествѣ русскомъ вообще, и въ особенности о пѣснотворчествѣ Украинскомъ.

Но въ дѣлѣ искуства важенъ судъ художника: и потому я припомню здѣсь моимъ читателямъ мнѣніе Гоголя [4], котораго поэтическое дарованіе взлелѣяно звуками Украинскихъ пѣсенъ.

[illegible] (№ 8) имѣетъ [illegible] [illegible]

[1]) Вступленіе къ книгѣ: «Сборникъ Украинскихъ пѣсенъ, изданный Михаиломъ Максимовичемъ. Кіевъ. 1849» стр. [illegible].

[2]) Первое изданіе я напечаталъ въ Москвѣ 1827 года, подъ названіемъ Малороссійскихъ пѣсенъ, а второе напечаталъ тамъ же 1834 года, подъ названіемъ Украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ первомъ было помѣщено 130 пѣсенъ мужескихъ и женскихъ; во второмъ [illegible] пѣсенъ мужескихъ. Кромѣ того въ 1834 году я издалъ въ Москвѣ [illegible] Украинскихъ пѣсенъ [illegible] съ музыкою А. А. Алябьева.

[3]) [illegible]

[4]) См. статью Гоголя о Малороссійскихъ пѣсняхъ, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1834 г. ч. 4.

«Камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью—ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи — все: поэзія и исторія и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи».

ЧТО ТАКОЕ „ДУМЫ“ [1]).

1.

Думы суть пѣснопѣнія исключительно принадлежащія бандуристамъ. Отъ *пѣсенъ* отличаются характеромъ болѣе *повѣствовательнымъ* или эпическимъ и *вольнымъ* размѣромъ, состоящимъ въ неопредѣленномъ числѣ тоническихъ стопъ, хотя иногда (по *лирическому* характеру Украинской поэзіи) онѣ вдаются въ пѣсню: тогда и размѣръ принимаютъ опредѣленный, пѣсенный. Стихи почти всегда риѳмованные. Содержаніе ихъ большею частію историческое.

Князь Цертелевъ первый издалъ въ свѣтъ *10* думъ подъ именемъ: *Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсенъ 1819*, коими я здѣсь вполнѣ воспользовался. Потомъ издали нѣсколько Думъ гг. *Шпигоцкій*—въ Украинскомъ Альманахѣ *1831*, и *Срезневскій*—въ Запорожской Старинѣ 1833; изъ первой книжки ея заимствовалъ я думу № 5 и 6 во второмъ отдѣлѣ, въ нихъ читатели найдутъ двѣ любопытныя думы, принадлежащія къ первому періоду козачества: одна *о дарахъ Баторія и смерти Богданка* (Ружнаго), другая *о походѣ Серпяги* (И. Подковы).

Я слышалъ, что у бандуристовъ есть большая дума, въ которой воспѣвается *Дашковичъ*, одинъ изъ первыхъ вождей Запорожскихъ козаковъ. Безъ сомнѣнія, въ памяти бандуристовъ сохранились думы и пѣсни и о другихъ герояхъ первыхъ временъ козачества. Неужели народъ не воспѣвалъ *Конашевича-Сагайдачнаго*, *Тараса*, *Павлюка* и другихъ? Но къ сожалѣнію эти пѣсни еще неизвѣстны, и съ смертію стариковъ —бандуристовъ многія изъ нихъ могутъ совсѣмъ погибнуть.

---

[1]) Изъ книги: «Украинскія народныя пѣсни». Москва 1834 стр. 2.

2 [1]).

Думы отъ прочихъ Украинскихъ пѣсенъ отличаются разнообразною, вольною мѣрою своихъ стиховъ, слагающихся изъ неравнаго числа тоническихъ стопъ, и въ неопредѣленномъ числѣ слоговъ (отъ 4 до 20 и даже больше). Такая *разномѣрность* стиха состоитъ въ связи съ *эпическимъ* свойствомъ Украинской думы, которая лишь изрѣдка вдается въ *лирическій* тонъ пѣсни, принимая тогда и опредѣленный, пѣсенный размѣръ.

Разномѣрнымъ складомъ стиховъ Украинскія думы отличны и отъ Великорусскихъ повѣствовательныхъ пѣсенъ, и отъ *юнацкихъ* пѣсенъ Сербскихъ, такъ строго выдерживающихъ 10 слоговую мѣру стиха. Отъ тѣхъ и другихъ Украинскія думы отличаются еще *рифмою*, столь привычною для пѣснопѣнья Южнорусскаго. Рѣдко встрѣчается въ думѣ стихъ безъ отвѣтнаго и созвучнаго ему стиха; чаще бываетъ ихъ понѣскольку (до *10)* на одну рифму. Зачатки такого склада можно примѣтить въ пѣсни о полку Игоревѣ [2]), съ которою Украинскія думы состоятъ въ ближайшемъ родствѣ, и посредствомъ которой онѣ примыкаютъ къ древнѣйшему Южнорусскому пѣснопѣнію, къ сожалѣнію утраченному.

Думы принадлежатъ исключительно Украинскимъ *бандуристамъ*, которые и теперь еще встрѣчаются изрѣдка на лѣвой сторонѣ Днѣпра [3]). Подобно рапсодамъ древней Греціи, которые воспѣвали своихъ героевъ, бряцая на струнахъ лиры или пандуры,—наши Южнорусскіе пѣвцы, обыкновенно слѣпые старцы, пѣли и теперь еще поютъ въ народѣ свои думы и пѣсни, играя при томъ на многострунной *бандурѣ*, обѣими руками. Такъ и нашъ «соловей стараго времени — Боянъ:

---

[1]) Предисловіе къ книгѣ «Сборникъ Украинскихъ пѣсней, изданный Михайломъ Максимовичемъ» Кіевъ 1849, стр. 3—5.

[2]) Наприм. въ слѣдующихъ стихахъ, вѣроятно Бояновыхъ:

«Всеславъ князь людемъ судяше,
Княземъ грады рядяше,
А самъ въ ночъ влъкомъ рыскаше».

[3]) На правой сторонѣ Днѣпра, вмѣсто бандуристовъ, водятся *лирники*.

«не десять соколовъ на стадо лебёдей пускалъ; но свои вѣщіе персты на живыя струны вскладалъ; и онѣ сами славу князьямъ рокотали».

Южнорусскіе пѣвцы, и черезъ четыре вѣка послѣ Бояна [1]), славили подвиги храбраго *товариства* козацкаго и Украинскихъ витязей, между которыми были и князья русскіе, какъ напримѣръ, князь Дмитрій Вишневецкій, погибшій такою дивною смертью въ Царѣгородѣ (1574 года), и воспѣваемый въ народѣ донынѣ—подъ именемъ рыцаря Байды.

Вѣка 16-й и 17-й были временемъ процвѣтанія Украинской думы. Въ прошломъ вѣкѣ, только Палѣй съ Мазепою—послѣ Полтавской побѣды, да Желѣзнякъ—послѣ Колѣевщины (1768 года) — отозвались слабо въ стихахъ думныхъ; хотя пѣсня Украинская жила еще производительно до конца 18-го вѣка. Послѣ того, на усталыхъ струнахъ украинской бандуры, повторялось только прежнее, иногда съ передѣлкою на новый ладъ.

Впрочемъ, историческія лица и воинскіе подвиги составляли хотя главный, но не единственный предметъ Украинской думы. Любила она и семейную жизнь; и нерѣдко воспѣвала отношенія и чувства родственныя, въ поученіе своему народу.

Украинскій бандуристъ не былъ забавникомъ и скоморохомъ. Потѣшивъ иногда молодёжь краткимъ сказаньемъ объ удали козацкой, онъ внушалъ ей простодушныя, но глубоко-нравственныя понятія о томъ, что составляетъ святой долгъ человѣчества. Строгая, иногда до суровости, дума бандуриста чуждалась даже любви между козакомъ и дѣвицею.

Впрочемъ, народъ самъ былъ пѣвецъ; и въ тысячахъ пѣсенъ высказывалъ свою любовь и нелюбіе, свою радость и горе, свою тоску и веселье. Но пѣніе бандуристовъ служило дополненіемъ къ пѣснопѣнію народа,—также какъ оно само составляетъ необходимое дополненіе къ буднишной работной жизни народа. Эта жизнь безъ пѣсни — была бы какъ *волъ*

---

[1]) Боянъ, воспѣвавшій Всеслава Полоцкаго и другихъ князей, жилъ въ концѣ 11-го и въ началѣ 12-го вѣка (былъ современникъ Нестора).

молотящій. И не потому ли у русскаго народа жить хорошо называется *жить припѣваючи!*

Въ книжномъ свѣтѣ, Украинскія думы стали извѣстны 1819 года, когда князь Цертелевъ издалъ девять думъ и одну пѣсню, подъ названьемъ: *Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней.* Послѣ того Срезневскій, въ своей *Запорожской старинѣ* (1833—34 г.), и другіе Малороссіяне, издали еще около десяти думъ. Мнѣ извѣстно ихъ до *30*. Здѣсь помѣщаются *20* думъ; тѣ, которыя нигдѣ не напечатаны, означены звѣздочкою.

ЗАМѢТКА О БЫТОВЫХЪ ПѢСНЯХЪ [1]).

Пѣсни (бытовыя) выражаютъ различныя положенія козацкаго быта, преимущественно въ четырехъ видахъ его: *войсковомъ*, *бурлацкомъ*, *чумацкомъ и гайдамацкомъ*.

— *Бурлачествомъ* называется вообще не только холостое бездомовье, но и отлучка изъ дому на промыселъ работами всякаго рода: такимъ образомъ и семьянинъ ходитъ *бурлаковати* (на заробôтки). Слово бурлака значитъ еще забіяка.

— *Чумаками* называются Малороссіяне, ходящіе съ волами и возами своими за рыбою и солью, преимущественно въ Крымъ и на Донъ. Отправляясь *чумаковáти*, они обыкновенно надѣваютъ сорочку и шаровары, окунутые въ деготь, и остаются въ нихъ во всю дорогу. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это дѣлалось сначала для предохраненія себя отъ чумы, откуда будто происходитъ и самое названіе; но вѣроятнѣе будетъ производство отъ Татарскаго и у насъ встарину употребительнаго слова: *чумъ* или *чюмъ*—ковшъ. *Чумачество* издавна было важнѣйшимъ промысломъ козаковъ.

Здѣсь кстати привести слѣдующіе два стиха:

А у Мéрджѣ на лáвоньцѣ сидитъ *Чумгá Тарабýлъ:*
Въ ёго люлька пахýлька, а тютюнъ порохунъ».

Въ Полт. губ. есть село *Чумгáкъ*.

---

[1]) Украинскія народныя пѣсни 1834. Москва, стр. 136.

ДНИ И МѢСЯЦЫ УКРАИНСКАГО СЕЛЯНИНА [1]).

I. МАРТЪ.

Въ древнее время на Украйнѣ, какъ и вездѣ на Руси, годы начинались мартомъ мѣсяцемъ. Съ 16-го вѣка ввелся на Украйнѣ январскій годъ, и съ нимъ лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова, вмѣсто прежняго отъ Сотворенія міра. Но мѣсяцъ мартъ не пересталъ быть началомъ пасхальнаго года, и года естественнаго, такъ какъ съ него начинается *весна*.

Въ нашихъ мѣсяцесловахъ мартъ зовется еще *Березóзолемъ*, а по народному *Бéрезнемъ* (какъ и у Чеховъ, Сербовъ—*Брезенъ);* у Червоной Руси это имя присвоилось апрѣлю. При такой разности надобно знать, что *Бéрезнемъ* называется въ народѣ собственно тотъ небесный мѣсяцъ, который нарождается въ великій постъ, и котораго исходъ бываетъ обыкновенно въ апрѣлѣ. Объ этомъ постовомъ мѣсяцѣ говорится на Украйнѣ, что онъ разговляется *паскою;* а *мáсничный* (т. е. масляничный) мѣсяцъ заговляется *варéниками;* называется же постовой мѣсяцъ *Бéрезнемъ* отъ бѣлой березы, которая въ это время уже течетъ своимъ сладкимъ сокомъ. На Украйнѣ извѣстенъ еще *мѣсяцъ-Чернецъ*, который народился бы и изошелъ бы въ великій постъ; объ немъ говорится: «якъ буде мѣсяць-Чернéць, то буде й свѣту конецъ». И мнѣ разсказывали старые люди въ Кіевѣ, какой страхъ былъ въ народѣ въ началѣ 1769 года (послѣ Колѣевщины, передъ чумою), когда прошла молва, что въ томъ году будетъ уже мѣсяцъ-Чернецъ, и особенно какъ уже начинался моръ въ людяхъ.

---

[1]) Русская Бесѣда 1856 г. № 1, смѣсь, стр. 61—83 и № 3, стр. 73—106.

Марта 1-го, на *Евдокію*, первымъ вѣстникомъ весны почитается [illegible] степной звѣрёкъ *Байбакъ*: еще до восхода солнца на Евдокію онъ [illegible] и [illegible]. Съ нимъ другой вѣстникъ весны и важный показатель будущаго лѣта — погода. Евдокія предвѣщаетъ [illegible]: какой вѣтеръ бываетъ на Евдокію, если теплый, то и лѣто будетъ теплое; если поворачиваетъ [illegible], т. е. меняется, то будетъ и [illegible] въ полѣ [illegible]; если вѣетъ отъ Днѣпра съ запада, то будетъ рыба ловиться; если изъ степи съ востока, то будетъ хорошо за травою; а если съ низу Днѣпра съ полудня, то будетъ урожай на хлѣбъ. Замѣчаютъ, въ какую сторону вѣетъ вѣтеръ на Евдокію и для того еще, чтобы въ ту сторону и выгонять[?] скотъ. Около этого дня птичка *Синичка* начинаетъ пѣть Украинцу: «[illegible] сани, возьми возъ». А когда увидятъ первую *ласточку*, то бросаютъ на нее [illegible] говоря: «на тебѣ, ластовко, на гнѣздо»! Объ ластовкахъ говорятъ, что онѣ не улетаютъ на зиму въ теплый [illegible], а [illegible] на морозъ [illegible] всѣ [illegible] птицы [illegible], [illegible] одна съ другою, [illegible] на днѣ рѣкъ, озеръ, криницъ, и даже на днѣ моря.

Щебетали ластівочки,
За два моря залітаючи,
Горювали козаченьки,
Да по світу мандруючи...

Такъ напѣваетъ старинная пѣсня о [illegible] козакахъ, уходившихъ весною изъ Украйны на Запорожье. О томъ же поютъ и въ *веснянкахъ*.

А вже весна, а вже красна,
Изъ стрѣхъ вода капле:
Молодому козаченьку
Мандрівочка пахне.
Помандровавъ козаченько
У чистеє поле:

*) Въ поученіи Владиміра Мономаха сказано: «птицы небесныя изъ ирья идутъ... да наполнятся лѣса и поля; все же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье».

За нимъ, за нимъ дѣвчинонька:
«Вернися, соколе»!....

Ведется повѣрье, что если, при видѣ первой ласточки, бросить горсть земли на грядку, говоря: «кропъ сѣю»! такъ и выростетъ укропъ (который впрочемъ и безъ того ростетъ по огородамъ самосѣйкою).

Изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ на Украйнѣ радуются особенно появленію голубаго *ряста* (scilla bifolia). Увидавъ въ первый разъ этотъ первоцвѣтъ, поспѣшно срываютъ его и топчутъ, приговаривая: «топчу, топчу рястъ..., дай, Боже, потоптати и того року дождати»! а топчутъ рястъ для того, чтобы долго жить; и по этой макровіотикѣ, если выздоравливаетъ трудный больной, то говорятъ: «уже вылѣзъ на рястъ»; а кто умретъ, говорятъ: «дуба давъ».

Украинскій селянинъ полагаетъ, что до *перваго грому* земля не размерзается вполнѣ, и примѣчаетъ: если первый громъ загремитъ на голое дерево, то надо ждать неурожая; если же загремитъ отъ запада, то будетъ урожайное лѣто. При первомъ громѣ, дѣвчата бѣгутъ умыться изъ криницы или рѣки и утереться своимъ краснымъ поясомъ—для красы; парубки хватаются за уголъ хаты и силятся приподнять ее, чтобы силы прибыло; у кого болитъ спина или *поперекъ* (поясница), тотъ поспѣшаетъ приподнять возъ, или прислониться спиною къ столпу, полагая, что отъ того становится легче; а знающія бабы набираютъ изъ криницы воды, при первомъ громѣ, и мажутъ ею дѣтей отъ *пристрѣту* (который по книжному зовется «призоромъ очесъ»). До перваго грому Украинцы не садятся вечерять на дворѣ.

Марта 9-го, въ день весенняго равнодѣнствія, говорятъ: «съ *Сорока Святыхъ*—сорокъ морозовъ буде»; и если не всѣ сорокъ бываютъ въ продолженіе весны, то остальныхъ ждутъ на лѣто. Говорится также, что «на Сорокъ Святыхъ сорóка сорокъ паличокъ въ гнѣздо положить». Въ школахъ ученики приносятъ на поклонъ учителю по сороку бубликовъ. А для дѣтей въ этотъ день пекутъ и раздаютъ пшеничные *жайворонки*, во имя пернатаго пѣвца, который прежде всѣхъ, еще

на *пр́овеснѣ*, прилетаетъ изъ *вырая* радовать степи своимъ пѣніемъ.

Марта 17-го, *на теплаго Олексы*—«щука-рыба хвостомъ ледъ розбивае». Пасѣчники выставляютъ пчелъ изъ погребовъ; а если еще холодно, то выносятъ хоть два улья погрѣться на весняномъ солнцѣ.

Марта 25-го, *на Благовѣщенье*, такой святой день, что и птица гнѣзда не вьетъ. Встарину говорили, что въ этотъ день Господь благовѣститъ землю и открываетъ ее на сѣянье; а потому до Благовѣщенья не начинали сѣвбы на нивахъ, а поспѣшали кончать ранку на ярину; а «на Благовѣщенскомъ тыждѣ — вдовинъ плугъ». Особенно благопріятнымъ день Благовѣщенья почитается у огородницъ для *капусты*, составляющей главный предметъ ихъ заботы и первую красу огорода; и онѣ стараются, чтобы во время заутрени посѣять хоть не много *розсады* (сѣменъ капустныхъ), гдѣ-нибудь въ затишномъ кутку огорода, или въ круглыхъ, плетеныхъ изъ лозы ясляхъ. Онѣ вѣрятъ, что въ ту пору можно находить розсаду подъ вишневымъ листомъ; да и вообще подъ деревомъ на землѣ, если повести рукою, то можно захватить розсаду, и что ее можно натрусить на рядно, въ погребу, изъ капустяныхъ головокъ. (Должно быть тѣ маленькіе и похожіе на зерна грибки, что заводятся въ погребу на капустѣ, подали поводъ къ послѣднему повѣрью). Но за то неблагопріятенъ этотъ день рожденію животныхъ. Полагаютъ навѣрное, что изъ *благовѣстнаго теляти* или *ягняти добра не ждати*, и поспѣшаютъ зарѣзать; что *благовѣстне яйце* будетъ болтунъ, или же изъ него вылупится калѣчное цыпля́; а потому и не подсыпаютъ подъ насѣдку яицъ, снесенныхъ въ этотъ день. О погодѣ говорятъ, что такая будетъ и на Великдень, какая на Благовѣщенье. Впрочемъ отъ старыхъ людей услышите преданье, что въ старые годы время шло правильнѣе, чѣмъ теперь, и что уже на ихъ памяти время стало такъ перемѣнчиво на землѣ, какъ оно теперь. Памятенъ еще обычай, что на Благовѣщенье дѣти вывозятъ бывало на лубку 80-лѣтнихъ дѣдовъ своихъ на улицу просить милостыни. Марта

26-е, *на Благовѣстника*, и теперь на Украйнѣ почитается за великій праздникъ.

Мѣсяцъ мартъ начинается обыкновенно на одной изъ трехъ первыхъ недѣль поста; рѣже приходится онъ на масляной, или же на четвертой недѣлѣ, которая называется *Средокрестною.* На этой недѣлѣ особенно примѣтный день середа, называемый *хрестцями:* тогда ломается пополамъ постъ, и даже, говорятъ, слышенъ бываетъ трескъ. На хрестцѝ пекутъ пшеничные *хресты*, чтобы лучше родилась пшеница; половину ихъ съѣдаютъ въ тотъ же день, а другую уже на полѣ, когда выѣдутъ сѣять пшеницу, и до того дня берегутъ въ погребѣ. А на хрестци сѣютъ *макъ*, хоть бы то по снѣгу, лишь бы можно было вскопать какъ-нибудь землю. Макъ сѣютъ только дѣвчата да молодыя молодицы, при чемъ онѣ приговариваютъ или же поютъ слѣдующую *присплъвку:*

Крâй долины макъ, макъ;
Крâй широкôй макъ, макъ—
Макъ чистый, головистый:
Головочкы, якъ рѣпочкы;
Молодыи молодочкы
Завивали головочкы.
Буде макъ тутъ,
Буде макъ тутъ!

Макъ и зерномъ и цвѣтомъ своимъ составляетъ роскошь Украинскаго селянина. Зерномъ своимъ, столь лакомымъ для Украинца (особенно въ медовыхъ *маковникахъ)* макъ вошелъ въ пословицу: «ѣжъ, дурню, бо то зъ макомъ»! И еще другая пословица идетъ: «Сѐмъ лѣтъ Богъ маку не родивъ, да и голоду не було»! А *маковъ цвѣтъ*—роскошь красоты, особенно когда зацвѣтетъ имъ цѣлое *плéсо* въ степи....

Ой, изъ могилы видно всѣ долины—
Сизокрылый орелъ пролетае:
Стоить вôйско славне Запорозьке—
А якъ макъ процвѣтае.

Такъ и о славномъ современникѣ Богдана, *Морозѐнкѣ*, объ этомъ цвѣтѣ козâччины, поютъ въ пѣсняхъ:

Морозенко козаченько
Якъ макъ розпускався;
Морозенко козаченько
Въ неволю и пався.

Знающія бабы, вставъ до свѣта на хрестцй, и въ потьмахъ, безъ запаски, сѣвъ у порога, прядутъ по два *починка*, крутя веретено *навпаки*, т. е. отъ себя (а не къ себѣ, какъ прядутъ обыкновенно), и кладутъ ихъ *на зрестѣ*: этою пряжею онѣ перевязываютъ руки или ноги отъ *грыжи* (ломоты).

На *похвальномъ*, т. е. на пятомъ тыжнѣ поста, примѣтный день суббота, которую зовутъ *похвалою*, и говорятъ, что «на похвалу сорока яйцемъ похвалиться». Въ этотъ день сѣется капустная *розсада*.

Вербный тыждень зовется и *вербичемъ*. О случающихся въ это время холодахъ есть пословица: «прійшовъ вербичь, два кожуха терличь». Не должно на этомъ тыжднѣ сѣять *буряковъ* (свеклы), а то будутъ горькіе. Въ вербную недѣлю приходящіе отъ заутрени со *святою вербою*, бьютъ ею спящихъ, приговаривая:

Верба хлёсъ, бій до слёзъ!
Не я бью, верба бье.
За тыждень великдень:
Будь великый, якъ верба,
А здоровый, якъ вода,
А богатый, якъ земля!

Пасѣчники поспѣшаютъ воротиться домой прежде всѣхъ, со святою вербою. Святую вербу сберегаютъ, какъ цѣлебное средство отъ разныхъ недуговъ, людскихъ и скотскихъ, — между прочимъ, отъ дѣтскихъ *сухотъ;* знающія бабы въ отварѣ изъ нея купаютъ больное дитя, при свѣтѣ *полнаго* мѣсяца, приговаривая къ нему: «*мѣсяцю*-Адаме, имя тобѣ Авраме! дай тѣла на си кости; а якъ не дасй, то пріймй мощи»!

Страстная недѣля называется на Украинѣ *бѣлою*, потому что тогда бѣлятъ хаты, и убираютъ все, приготовляясь къ Великодню. Въ *чистый четвергъ* моются, и выливаютъ вся-

кую нечисть за дворъ, на распутье. Въ *страстную* субботу сѣютъ *буряки;* и это дѣло поручается мущинамъ. Чтобъ не были они горькіе, надобно сѣять ихъ *на щô серце* (натощакъ), и когда не видно дыму изъ хатъ. Вообще огородину сѣютъ, какъ только повытапливаются хаты, чтобъ и грядки въ огородѣ были такъ полны, какъ полны горшки въ печи.

Въ продолженіе поста не гонятъ еще ни овецъ въ одну общую *ватагу*, ни *товару* (рогатаго) въ одну *чéреду;* хлопцы и парубки пасутъ скотъ свой порознь, принимая подъ свое смотрѣніе и у сосѣдей, за что получаютъ отъ нихъ *зáйминку*— паляницы и прочее, и тѣмъ пробавляются. Молодой овчаръ къ заходу солнца поспѣшаетъ въ село повеселить однообразный день свой, и гоня ватагу съ поля, припѣваетъ:

Терêшъ, терешъ, овечечкы!
Терешъ, баранчата!
А я пôйду погуляю,
Де гарни дѣвчата.
Терешъ, терешъ, овечечкы!
Терешъ, терешъ, биркы!
А я пойду погуляю,
А де чорнобривкы.

Чернобровыя дѣвчата, поспѣшивъ отговѣться еще на второй недѣлѣ поста, выходятъ по вечерамъ на улицу, или иное просторное мѣсто привѣтствовать весну своими звонкими *веснянками.*

Благослови, Боже,
Весну закликати,
Зиму провожати;
Ой, весна въ човночку,
Лѣтечко въ возочку.

Послѣ такого или иного общаго на всю весну запѣва,— дѣвчата, усѣвшись обыкновенно *черенемъ* (купою) или же *лавою* (рядомъ), поютъ повседневныя свои веснянки. Здѣсь, на побережьи Днѣпровскомъ, (гдѣ живу я) начинаютъ вечерà обыкновенно слѣдующею пѣснею:

Орелъ поле изъоравъ, изъоравъ,
И ячменю насѣявъ, насѣявъ;
Роди, Боже, той ячмêнь, той ячмêнь,
Тожъ парубкамъ на коровай, на коровай,
Старымъ людямъ на пиво, на пиво,
А молодымъ на диво, на диво!
Орелъ поле изъоравъ, изъоравъ,
И пшеници насѣявъ, насѣявъ:
Роди, Боже, пшеницю, пшеницю,
Тожъ дѣвочкамъ на коровай, на коровай,
Старымъ людямъ на пиво, на пиво,
А молодымъ на диво, на диво!

Веснянки поются до Троицы; это пѣсни исключительно *дѣвическія*; парубки только слушатели, и вмѣшиваются въ нихъ только своими *жартами* (шутками), на которыя дѣвчата отпѣваютъ имъ веснянками. На примѣръ:

Торôхъ, торохъ... сѣю горохъ,
А вродиться брыця:
Не пришлеться що добрее,
Да все ледащиця.
Торôхъ, торохъ... сѣю горохъ,
А вродиться брыця:
Взяли Туркы два парубкы,
И мого чорнобривця!

Кончая вечеръ, дѣвчата поютъ, расходясь по домамъ:

Спѣвали дѣвочкы, спѣвали;
У решето пѣсни складали;
Да й поставили на вербѣ:
Де взялися горобци,
Звалили решето до долу—
Часъ вамъ, дѣвочкы, до дому!

Молоденькія дѣвочки не принимаются къ пѣнію веснянокъ; но у дѣтей обоего пола есть свои веснянки, цѣлое лѣто продолжающіяся. Когда идетъ дождь, дѣти бѣгаютъ подъ нимъ и припѣваютъ:

Дóщику, дощику!
Зварю тобѣ борщику,
Въ новѐнькому горщику,
Поставлю на дубочку:
Дубочокъ схитнувся,
А дощикъ линувся—
Цебромъ, ведромъ, дойничкою,
Надъ нашею пашничкою.

Когда находитъ туча, дѣти нагромоздятъ изъ песку или земли *дзвоницю* (колокольню) и, бьючи по ней палочками, припѣваютъ:

Бій, дзвоне, бій!
Хмару розбій!
Нехай хмара на Татаре,
А сонечко на хрестяне!
Бій, дзвоне, бій!
Хмару розбій!

II. АПРѢЛЬ.

Второй мѣсяцъ весны зовется по Украински *Квѣтнемъ* или *Цвѣтнемъ*, ибо природа на Украинѣ является тогда въ первомъ цвѣту: бѣлая береза, убранная въ золотистыхъ серьгахъ, распускаетъ свои зеленыя косы; зазеленѣвшая степь красуется золотымъ горицвѣтомъ (adonis vernalis) и сребропушистымъ сóномъ (anemone); вишневые сады стоятъ, какъ молокомъ облитые, и въ нихъ уже раздается щебетъ соловья. Въ этомъ же мѣсяцѣ обыкновенно и Украинскій людъ, какъ и весь православный міръ, обрадованъ бываетъ *Великоднемъ* и христосается во имя воскресшаго Искупителя міра.

Въ Свѣтлый день сей, послѣ обѣдни, когда разговѣется уже каждый въ своей семьѣ—паскою и прочимъ *свячéнымъ*, хлопцы ходятъ по дворамъ привѣтствовать всѣхъ троекратнымъ *Христосъ воскресъ!* и хозяева за то, давъ первому *хрестовальнику* пару крашанокъ, всѣмъ прочимъ даютъ по одной, а говорящимъ *вирши* (т. е. стихи) даютъ и деньги. Въ ста-

рые годы *хрестовали* и взрослые. Извѣстна большая великодная вирша, которую нѣкогда говорили Запорозцы *товарищу* и *батьку* своему *Грицьку*, великолѣпному Потемкину:

«Христосъ воскресъ, радъ міръ увесь,
Дождалися ласки;
Теперь усякъ наѣсться въ смакъ
Свяченой паски.
Всѣ гуляють, выхваляють
Воскресшого Бога;
А вже тая, що до рая,
Протерта дорога».... и т. д.

А въ Печерской лаврѣ, когда тамъ *великимъ Архимандритомъ* былъ воеводичъ Молдавскихъ земель Петръ Могила, его привѣтствовали на Великдень печатными виршами—и знаменитые типографы лаврскіе Памва Берында и Тарасій Земка (книжкою «Ѵмнологіа си есть Пѣснословіе» 1630 г.), и профессоръ риторики, Софроній Почаскій, съ учениками лаврскаго Могилинскаго Гимназіума (книжкою «Евхаристиріонъ албо Вдячность» 1632 г.).

Между тѣмъ какъ малые хлопцы идутъ *хрестовать* на село, пасѣчникъ идетъ въ пасѣку похристосаться съ своими ярыми пчёлками и несетъ имъ *безконечникъ*—писанку, испещренную вокругъ одною непрерывною чертою; онъ кладетъ ее подъ первый или *покутній* улей, называемый у Заднѣпровцевъ *хозяиномъ*, на которомъ всегда лежитъ ладанъ; а главный улей, *Зосимъ*, стоитъ всегда середь пасѣки.

На другой день, еще на разсвѣтѣ, ходятъ парубки *обливальники* по тѣмъ хатамъ, гдѣ есть взрослыя дѣвчата, и за каждую получаютъ по парѣ крашанокъ въ свои ведра. Дѣвчата уже заблаговременно ждутъ ихъ; а которая заспалась бы или не успѣла бы прибраться до ихъ прихода, ту обливаютъ водою. Такъ ведется у насъ на степи при Супоѣ; и это есть остатокъ давняго Украинскаго обычая, описаннаго Бопланомъ [1]) во второй половинѣ 17-го вѣка, когда парубки

[1]) См. его *описаніе Украины*, переведенное Устряловымъ, 1832 года, стр. 79.

обливали дѣвчатъ въ великодный *понедѣльникъ*, а дѣвчата парубковъ во *вторникъ*, какъ это понынѣ ведется у Словаковъ, у которыхъ есть пѣсенка объ этомъ [1]):

«Облѣвай, облѣвай власы ай главичку,
Але ми зашануй ту нову сукничку».

Въ 31 главѣ *Кіевскаго Синопсиса*, а также и въ *Кройнікѣ* или лѣтописи Густынской, (подъ 988 годомъ), говорится «о обліяніи водою на *Великъ-день»;* но то, очевидно, взято изъ лѣтописцевъ Польши и относится къ ея обычаю. Наши степные обливальники-парубки, а также и дѣвчата, подъ вечеръ въ понедѣльникъ сходятся въ одну хату, и тамъ на общую *складку* пируютъ и веселятся съ пѣснями и музыкою, и иногда до свѣта. Съ великоднаго понедѣльника возобновляются и дѣвическія пѣсни-веснянки, примолкшія съ вербной субботы. Вотъ одна веснянка, вдохновленная мѣсяцемъ квѣтнемъ въ сѣверной сторонѣ (она записана мною 1827 года, на берегахъ Шостки, впадающей въ Десну) [2]):

Розлилися воды
На чотыри броды.
У першому бродѣ
Соловейко щебетавъ,
Зелены сады розвивавъ.
У другому бродѣ
Зозулька ковала,
Лѣтечко казала.
У третёму бродѣ
Коничокъ заржавъ,
Вôнъ дорôженьку почавъ.
А въ четвертôмъ бродѣ
Да дѣвчина плаче,
За нелюбого идучи,
Свое лихо чуючи.

Съ Великодня къ обыкновеннымъ пѣснямъ-веснянкамъ присоединяются еще дѣвическія игры, сопровождаемыя особыми

[1]) См. Коларовы «Narodnié Zpiewanky». 1834. Т. I. стр. 24 и 431.
[2]) См. моего изданія Малороссійскія пѣсни, 1827 года, стр. 159.

пѣснями и называемыя вообще *танками*. Эти игорныя веснянки на Украйнѣ тоже, что въ великой Руси *хороводы*, объ которыхъ и тамъ говорится въ народѣ: *танки водить*; и нѣкоторые изъ нихъ тѣ самые, что и на Украйнѣ, какъ-то: *просо-сѣяти, макъ-сѣять, Заинька, Ящуръ*. А разница между ними та, что въ Великорусскихъ танкахъ или хороводахъ участвуютъ старъ и младъ обоего пола, и водятъ ихъ съ весны до зимы, повершая ими нерѣдко и другіе праздники народные; но танки Южнорусскіе остаются исключительною собственностью дѣвчатъ и весны, ибо водятъ ихъ только съ Великодной до Зеленой недѣли. Великорусскими танками заправляетъ особая *хороводница*, женщина обыкновенно пожилая и нерѣдко вдова; а Украинскіе танки водятъ сами дѣвчата, изъ которыхъ передовою становится болѣе замѣтная или болѣе удалая въ играхъ. Одна изъ нихъ въ прошломъ столѣтіи воспѣта въ особой пѣснѣ, понынѣ любимой на обѣихъ сторонахъ Днѣпра: это прекрасная *Бондаро́вна*, злополучная жертва знаменитаго повѣсы пана-Канёвскаго (Потоцкаго).

Въ славно́мъ мѣстѣ у Ка́невѣ
Дѣвокъ тано́къ ходить;
Молодая Бондаро́вна,
Усѣмъ передъ водить.. и т. д.

На Украйнѣ, гдѣ нынѣ въ большой модѣ у дѣвчатъ пѣсни Московскія, и особенно солдатскія, давно извѣстна пѣсня.

«Какъ у нашихъ у воротъ
Стоялъ дѣвокъ хороводъ».

Однако названье *хоровода* не пристаетъ къ *танкамъ* дѣвическимъ; и это потому, что на Украйнѣ *корогодъ* имѣетъ совсѣмъ другое значеніе. *Корогодъ*, такъ же какъ и *коровай*, является только *на весе́льяхъ*, т. е. на свадьбахъ. Въ брачную ночь, когда благополучная чета оставляется уже въ покоѣ, дружко́ съ хмѣльнымъ причетомъ своимъ и музыкою шумно провожаетъ по селу *корогода*, съ особенной о немъ пѣснею; при чемъ прида́нки и свашки поютъ и о корогодовой женѣ-воеводѣ.

Дѣвическіе танки, по внѣшнему виду, бываютъ: 1) *Круговые*, которые водятъ, сомкнувшись въ кружокъ, таковы: *макъ-сѣять*, *кропъ*, *перепелка*, *заюшка*, *ящуръ*, *король*, *нѐлюбъ*, *переборéць* и другіе; 2) *Ключевые*, которыя, водятъ, сомкнувшись въ *одинъ ключъ;* таковы: *галка*, *чечѐтка*, *горобей*, *лѣсаниця*, *кривый-танѐць* и другіе; или же, сомкнувшись въ *два ключа*, какъ въ танкѣ *просо-сѣять* и въ *шумъ*.

Перепелкою становится въ средину круга одна изъ красивѣйшихъ дѣвчатъ и представляетъ тѣлодвиженіями то, о чемъ поютъ ходящія вокругъ. При «старо̂мъ мужичкѣ» она падаетъ на земь съ печальнымъ видомъ; при «молодомъ козачкѣ» вскакиваетъ весело, подпрыгивая и трепля въ ладоши; а при послѣднемъ стихѣ она старается выскочить изъ круга, но ее ловятъ и *туркаютъ* въ голову.

А въ перепелкы да головка болить.
    Тутъ була тутъ перепелочка;
    Тутъ була тутъ бѣлозо̂рочка [1]).
А въ перепелкы да плечици болять.
А въ перепелкы да реберця болять.
А въ перепелкы да стегеньця болять.
А въ перепелкы да колѣньця болять.
А въ перепелкы по̂дошовкы болять.
А въ перепелкы да старый мужичокъ.
А въ перепелкы молодый козачокъ.
Перепелка йде и гостиньця несе.

Великолѣпный Великорусскій танокъ «Заплетися, плетень заплетися» неизвѣстенъ на Украйнѣ; а въ замѣнъ его есть свой шуточный танокъ, «Плету, плету лѣсъ, лѣсъ»,—въ насмѣшку надъ парубками, которые весною плетутъ *лѣсы* около дворовъ и огородовъ. Игра *макъ-сѣять* на Украйнѣ выходитъ красивѣе, чѣмъ въ великой Руси; ибо здѣсь *маковкою* садится въ срединѣ круга красивая дѣвочка, которую подъ конецъ подкидываютъ вверхъ, представляя тѣмъ отряхиванье мака;

---

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется за каждымъ стихомъ, какъ повторяются припѣвы и въ другихъ пѣсняхъ.

а тамъ—*макомъ* бываетъ большею частью простачекъ-дѣтина, которому подъ конецъ, когда станутъ отряхивать макъ, достается до слёзъ [1]).

Заюшка у насъ на побережьи разыгрывается въ такомъ видѣ. Ставшая въ кругу прыгаетъ, стараясь выскочить подъ руками окружныхъ, но ее не выпускаютъ; подъ конецъ пѣсни она кланяется одной, и та становится на ея мѣсто, и такъ далѣе.

Заюшка сѣресенькій,
Заюшка бѣлесенькій!
Заюшка скокомъ бокомъ
Передъ моимъ карымъ окомъ!

Да нѣкуды заюшцѣ а не выскочити,
Да нѣкуды заюшцѣ а не выплыгнути;
Що въ насъ городы все Турецькіи,
Що въ насъ замкы все Нѣмецькіи,
Позащёпованы, позамыкованы,
Жовтымъ пѣскомъ позасыпованы,

Заюшка не гордися,
Котрôй паннѣ поклонися,
Хочъ старôй хочъ малôй,
Хочъ менѣ молодôй.

А вотъ круговой танокъ историческаго происхожденія. Послѣ князя Михайла Михайловича Вишневецкаго и благочестивой княгини его Раисы, урожденной Могилянки, объ которыхъ добрая память осталась на Украинѣ въ трехъ монастыряхъ: Лубенскомъ, Густынскомъ и Ладинскомъ, наслѣдникомъ огромной ихъ Украинской вотчины, (простиравшейся отъ Полтавы до Прилуки въ одну сторону, и до Домонтова, на устьѣ Супоя, въ другую) остался храбрый княжичь *Іеремія*. Онъ былъ «пожадâнною утѣхою» для народа Украинскаго; но, женясь на Гризельдѣ Замойской, онъ отступилъ отъ правосла-

---

[1]) См. у Сахарова «пѣсни Русскаго народа» 1838. Ч. II, стр. 296. («Часто случается, что хороводникъ, лишенный отъ трясенія волосъ, начинаетъ драку»).

вія (около 1631 года) и сталъ тогда во взаимное нелюбіе съ Украиною. Въ 1648 году, когда воздвигшійся Богданъ Хмельницкій началъ полякамъ *веремья крутити* [1]), князь Іеремія, имѣвшій званіе *Русскаго воеводы*, принужденъ былъ разстаться навсегда со своею Украинскою Вишневеччиною, бѣжалъ изъ Лубенъ на Волынь и за то въ борьбѣ съ казачествомъ былъ онъ какъ лютый звѣрь. Въ слѣдующее лѣто выдержалъ онъ Термопильскую осаду въ *Збаражѣ*, при чемъ былъ раненъ въ ногу. По этому случаю сложена была козаками насмѣшливая пѣсня, приглашающая славнаго Русскаго воеводу вывесть танѐцъ по Нѣмецки. Припѣвъ ея съ разными пѣснями понынѣ повторяется въ веселомъ дѣвическомъ танкѣ *выступцѣ*. Дѣвчата, при пѣніи каждаго двустишія, идутъ широкимъ кругомъ; но за припѣвомъ онѣ устремляются въ припрыжку, то въ середку круга, направивъ кулаки впередъ, чтобы столкнуться, то подаются назадъ.

Ой на ставку, на ставку,
Пôймавъ сокôлъ ластовку.
Выступцемъ,
Выдрôбцемъ:
Пане Вишневецькій,
Воеводо Кгрецкій,
Да выводь танчôкъ по Нѣмецькій!

Просилася Настуся
Въ молодого Петруся:

Пусти мене въ таночокъ
Погуляти до дѣвочокъ.

Тодѣ тебе я пущу,
Якъ кôсоньку роспущу.

Изъ танковъ, выводимыхъ однимъ ключемъ, самый летучій— *галка*. Ставшая на одномъ концѣ проводитъ за собою весь

---

[1]) Величко въ своей лѣтописи (см. Т. I, стр. 68), описывая знаменитую Корсунскую побѣду 16-го мая 1648 года, говоритъ: «скоро теди поляки зъ своихъ висунулися окоповъ, заразъ Хмельницкій зъ Ордою началъ около нихъ (якъ приказуютъ) *веремъя крутити*».....

ключъ подъ руками послѣдней пары, а тамъ также проводитъ стоявшая на другомъ концѣ; и такимъ порядкомъ весь ключь уходитъ иногда за версту, передвигаясь впередъ то прямо, то излучисто. За каждымъ разомъ поютъ:

Ой галъ-галъ, чорна галочко!
Ой галъ-галъ, красная панночко!
Стань же намъ да до помочи,
Зъ хорошими, зъ хорошими дѣвочками,
Зъ красными, зъ красными панночками!
Ой ты, Марусю, скочь на конець;
А ты, Олесю, веди конець!

Танокъ *просо-сьять*, любимый всею Русью, отъ Карпатъ и до Урала, здѣсь, на Днѣпровскомъ побережьи, разыгрывается въ слѣдующемъ видѣ. Ставши въ два ключа, лицемъ одинъ къ другому, дѣвчата поочередно поютъ, кланяючись:

1-й ключь: Ой мы въ поле выѣдемъ, выѣдемъ—
Ой мы зъ Ладомъ выѣдемъ, выѣдемъ.
2-й » А мы нивку выоремъ, выоремъ—
Ой мы зъ Ладомъ выоремъ, выоремъ.
1-й » А мы проса насѣемъ, насѣемъ.
2-й » А мы кони пустимо, пустимо.
1-й » А мы кони займемо, займемо.
2-й » А мы кони выкупимъ, выкупимъ.
1-й » Мы на купчу не глянемъ, не глянемъ.
2-й » Мы сто рублёвъ кладемо, кладемо.
1-й » На сто рублёвъ не глянемъ, не глянемъ.
2-й » Мы бабусю додамо, додамо.
1-й » Мы бабуси не хочемъ, не хочемъ.
2-й » Мы дѣвочку додамо, додамо.
1-й » За дѣвочку ни слова, ни слова.
2-й » Бувай, дѣвка, здорова, здорова!

При этомъ одна дѣвка переходитъ въ первый ключь, которому говорятъ:

Ѣдьте, поѣдьте до насъ!

А тѣ отвѣчаютъ, тоже говоромъ:

Нема короля дома,
Поѣхавъ по дрова,
Пиво варити,
Сына женити,
Дочку давати,
Насъ на весѣлье звати!

Танокъ *Шумъ* играется на Днѣпровскомъ побережьи. Дѣвчата становятся въ два ключа, одинъ за другимъ параллельно, и при этомъ поютъ:

Ой нумо жъ мы нумо,
Въ зеленого Шума.
А въ нашого Шума
Зеленая шуба.

За тѣмъ оба ключа бѣгутъ разомъ впередъ, а потомъ назадъ, распѣвая самымъ сильнымъ голосомъ, сколько мôга:

Ой Шумъ хôдить, по водѣ бродить;
А Шумиха рыбу ловить,
Що вловила, то й пропила,
Своѣй дочцѣ не вгодила.
Пожди, доню, до суботы,
Куплю сýкню, ще й чоботы!
—Абô жъ менѣ сýкню крайте,
Або менѣ жениха дайте!
Або жъ менѣ кулешý наварить,
Або менѣ жениха приведить!

Такъ въ этомъ *зеленомъ шумѣ* дѣвчатъ отозвался Днѣпръ, убирающійся въ зелень своихъ луговъ и островoвъ, шумящій въ весеннемъ разливѣ своемъ и дающій тогда полное приволье рыболовству. Въ одно весеннее утро я видѣлъ здѣсь, что и воды Днѣпра, и его песчаная *Бѣлая-коса* за *Шумиловкою*, и самый воздухъ надъ нимъ—всё было зелено.... Въ то утро дулъ порывистый *горишній*, т. е. верховой вѣтеръ; набѣгая на прибрежные *ольховые кусты*, бывшіе тогда въ цвѣту, онъ поднималъ съ нихъ цѣлыя облака зеленоватой цвѣточной пыли, и развѣвалъ ее по всему полуденному небосклону.

Всеобщая гульба и веселье свѣтлопраздничное повершается въ началѣ слѣдующей недѣли, называемой *проводною;* оно повершается поминаніемъ родичей на ихъ *могилкахъ* или *гробкахъ.* Обыкновенно въ *понедѣльникъ* собирается народъ на кладбище, неся туда крашанки, книші, пироги, ряжанку и всякую другую страву, кромѣ вареной; а къ тому и *пляшку горѣлки,* составляющую непремѣнную обрядную принадлежность всѣхъ важныхъ случаевъ и праздниковъ Украинской жизни отъ колыбели до могилы. По приходѣ на могилки родителей и родичей, говорятъ имъ: Христосъ воскресъ! Между тѣмъ служится общая панихида въ церкви, а по хуторамъ и деревнямъ—подъ открытымъ небомъ на кладбищѣ; и послѣ того священникъ съ кадиломъ обходитъ порознь всѣ тѣ могилки, гдѣ есть поминальщики. Тогда обсѣдаютъ вокругъ могилокъ родичи и сосѣди (за исключеніемъ взрослыхъ дѣвчатъ), а также и *старцы,* т. е. нищіе, которымъ подаютъ милостыню особенно въ эти недѣли, по той вѣрѣ, что самъ Господь ходитъ по землѣ въ видѣ нищаго, съ *Великодня* и до *Вшéстя* (Вознесенія). Украинцы вѣрятъ также, что во всю свѣтлую седмицу открытъ рай, и что всѣ умершіе въ эти дни будутъ въ раю; да и въ каждый воскресный день случающаяся смерть человѣка почитается счастливою. Когда усядутся вокругъ могилокъ, тогда начинается круговая заупокойная чарка, вызывающая умилительныя рѣчи и слезы о покойникахъ: чтобъ имъ «лёгко лежать и землю держать, а на томъ свѣтѣ царство небесное»!—«нехай со святыми спочивають, да й насъ дожидають»! и т. п.

Начатыя на могилкахъ поминки расходятся по хатамъ и там доканчиваются; и тогда уже *на подпитку* распѣваются разные поучительные стихи, особенно о *смерти*—

«Якъ положать грѣшне тѣло
На дубову лаву»....

Покойника на Украинѣ кладутъ и отпѣваютъ не на столѣ, а на лавѣ. Къ тому-то и въ пѣснѣ жена, въ сердцахъ на мужа своего поетъ ему:

«Хиба тодѣ затужу,
Якъ на лавѣ положу;
Хиба тодѣ заплачу,
Якъ на лавѣ побачу»!

Не довольствуясь поминальными *проводами* всѣхъ родичей въ понедѣльникъ, женки собираются по хатамъ еще и во *вторникъ*—поминать *дядинокъ*, т. е. дядьковскихъ женъ, по которымъ и этотъ дополнительный *жоночій* или *бабскій* праздникъ называется *дядинками*, а въ Переяславскомъ уѣздѣ *громницями*. Но обыкновенно на Украйнѣ *громницы да блискавицы* полагаются въ первый вторникъ Петровки, послѣ понедѣльника, называемаго *Розыграми*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ празднованіе *могилокъ* перенесено съ понедѣльника на *вторникъ проводной;* а въ городѣ Золотоношѣ вмѣсто того на *могилки* собираются въ *Мироносный понедѣльникъ:* тамъ на кладбищѣ находится и небольшая церковь во имя *женъ Мироносицъ* [1]). Съ проводнымъ вторникомъ кончаются уже для обоего пола Великодные праздники, и жизнь Украинскаго селянина входитъ съ новою силою въ свою работную, буднишнюю колею. Куски и крошки паски, скорлупы крашанокъ и всѣ прочіе останки *свяченаго*, сбереженные тщательно, пускаютъ на воду; а часто ихъ сберегаютъ вмѣстѣ съ дробками соли свяченой и артосомъ или *Дарникомъ*, какъ цѣлебное средство, особенно для отелившихся коровъ. Свяченое сало почитается лучшею мазью для воловъ, когда у нихъ отъ ярма натрутся шеи. Остатки всего *свяченаго* сберегаются, и какъ охранительное средство будущимъ хлѣбнымъ скирдамъ отъ мышеѣду. Ведется по всей Украйнѣ повѣрье, что если мышь съѣстъ хоть крошку святой паски, то обращается въ *кажана* (летучую мышь).

Изъ постоянныхъ дней апрѣля главный 23-й *Юрьевъ день*, почитаемый за великій праздникъ, по особенному уваженію всего христіанскаго міра къ *побѣдоносцу Георгію*. Сей святый витязь на бѣломъ конѣ—«лицемъ бяше красенъ, и

[1]) Во многихъ мѣстахъ Украйны, кромѣ проводныхъ могилокъ, прицерковныя *сестрички* устрояютъ панихиду и поминальный обѣдъ еще въ понедѣльникъ Мироносный.

храбръ вельми» и прославленъ, какъ низложитель Ливійскаго змія; а по своему имени св. *Георгій—земледѣлецъ*, и почитается издревле покровителемъ земледѣлія и скотоводства. Такъ и на Украйнѣ, *на Егорія*—каждое село выходитъ въ поле, для молебствія и освященія посѣвовъ озимыхъ и яровыхъ, при чемъ бываетъ освященіе криницъ и колодязей; и съ этого дня уже не пускаютъ скота ходить по полямъ *бéзбашъ*, т. е. безъ пастуха; до Юрьева дня даже нарочно *сбиваютъ* житà скотомъ, чтобы онѣ лучше росли въ новыя стрѣлки. Съ этого же дня запрещается пускать скотъ и на тѣ *луки* и *степы*, которые назначаются подъ сѣнокосъ. А объ запасномъ кормѣ ведется пословица, что—«и въ дурня стане сѣна до Юрья, а у розумного до Николы».

Украинскій селянинъ примѣчаетъ на Юрья вышину своей озими: «коли с̑ховается въ житѣ ворона, то буде урожайне лѣто; а якъ горобцю по колѣна, то буде лихе лѣто». Предвѣстницею урожая служитъ и *зозуля* (кукушка): «коли закуе до Юрья на голе дерево, то буде голодне лѣто; а якъ на листъ, то буде полѣтье». Зозулю представляютъ кующею на дерево; потому и про тѣ кольца, что складываются изъ мотыльковыхъ яичекъ на вишневыхъ и другихъ вѣткахъ, говорятъ, что то «зозуля наковала». Не одинъ Украинецъ съ началомъ весны носитъ при себѣ копейку *про зозулю*, чтобъ показать ей, послышавъ ее въ первый разъ, и чтобъ она наковала ему копейку на весь годъ. Но не объ одномъ только наступающемъ лѣтѣ куетъ вѣщая зозуля Украинцамъ; у нея часто запытываютъ дѣвчата, черезъ сколько лѣтъ онѣ выйдутъ за мужъ? Порою и старикъ спроситъ у нея: сколько лѣтъ ему жить еще на этомъ свѣтѣ? А объ соловьѣ, прилетающемъ изъ *вырая* почти въ одну пору съ кукушкою, говорятъ, что онъ только съ Юрьева дня начнетъ пѣть свою настоящую пѣсню *тёхъ-торорòхъ;* а до Юрья онъ только *цвѣринькаетъ,* заурядъ съ прочими пташками.

Юрова роса почитается на Украйнѣ цѣлебною для очей; для того и собираютъ ее обыкновенно цѣдилкою, которую оставляютъ на травѣ на ночь подъ Юрьевъ день. А во время обѣдни каждая Украинская хозяйка ставитъ свѣчу передъ

образомъ св. Георгія, прося его, чтобъ онъ доглядѣлъ ея овечку или телицу; а содержатели скота, особенно *чередники* и *ватажники*, на Юрья постятся до захода солнца, а иные даже не гонятъ и скота на пашу, а кормятъ на дому. Такой обычай соблюдается *про звѣря*, т. е. про волка (которому собственно и принадлежало въ древнее время имя *лютаго*-звѣря); ибо на Украйнѣ говорятъ, что «святый Юръ звѣра пасе»,—и волкъ считается *Юровою собакою*, которая безъ его дозволенія не займетъ ни скотины, ни людыны. Такъ и у Великорусскаго народа говоритъ пословица: «у волка въ зубахъ, что Егорій далъ».

Чередники, ватажники и табунщики къ Юрьеву дню отпускаютъ себѣ бороды; ибо Украинцы вообще *голятъ* бороды съ давняго времени, хотя и неизвѣстно, съ какого именно. Впрочемъ на Украйнѣ въ старину борода считалась украшеніемъ стараго человѣка. Такъ достославный гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, скончавшійся въ Кіевѣ *1622 года, 10-го апрѣля, на проводной недѣлѣ*, носилъ бороду [1]). Храбрый Лубенскій полковникъ *Леонтій Леонтьевичъ Свѣчка*, въ концѣ 17-го вѣка, тоже ходилъ съ бородою. Да и въ старинныхъ пѣсняхъ Украинскихъ говорится, напримѣръ:

«Дѣду мôй, свѣте мôй,
Шовковая борода»!

Что касается до подбриванія головы, то старобытные козаки, особенно Запорожскіе, оставляли и лелѣяли на головѣ *чубъ*, по образу *Святослава Хоробраго* [2]), легко ходившаго въ войнахъ, — *аки Пардусъ*, и сложившаго свою чубатую голову у Днѣпровскихъ пороговъ, съ наступленіемъ весны 972 года. Въ нѣкоторыхъ приднѣпровскихъ мѣстахъ еще и теперь козаки, особенно молодые, ходятъ въ *чубахъ* или *оселѐдцяхъ*.

---

[1]) См. портретъ его въ 3 книгѣ *Кіевлянина*, 1850, на стр. 151, взятый изъ современной книги: «вѣршѣ на жалосный погребъ зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачнаго» 1622.

[2]) Такъ названъ воинственный князь Святославъ Игоревичъ въ Волынской лѣтописи, подъ 1254 годомъ: «не бѣ бо въ землѣ Русцѣй первѣе, иже бѣ воевалъ землю Чешьску — ни Святославъ *хоробрый*, ни Володимеръ *святый*».

надъ селомъ Бубновскою слободкою, есть древнее *Городище*, весьма искусно устроенное на углу крутаго и глубокаго яра. На это замѣчательное мѣсто, съ котораго открывается такой живописный просторъ и въ степъ, и на Днѣпръ, и на гористое Заднѣпровье, въ *Юрьевъ день* издавна поселяне окрестныхъ селъ сходятся на гулянье; а по какому случаю повелось оно, неизвѣстно. Въ разсказахъ объ этомъ городищѣ нѣтъ ничего особеннаго, ему исключительно принадлежащаго, а только общая обо всѣхъ подобныхъ мѣстахъ молва, что тутъ была нѣкогда церковь, ушедшая въ землю.... Въ этой повсемѣстной молвѣ, переходящей изъ рода въ родъ, не отзывается ли та предковѣчная быль, что всѣ эти *рȣбленыя могилы* и *городища*, такъ знаменательно выдающіяся по Украинскимъ степямъ, возникли первоначально какъ молитвенные храмы того народа, который впослѣдствіи перешелъ въ баснословные разсказы Украинцевъ о *Вѣлетняхъ* и другихъ первожителяхъ земли Южнорусской, и отъ котораго прочія степныя могилы, *круглыя* и *острыя*, остались, какъ памятники надгробные? Такъ, на лѣвой сторонѣ Трубежа, подъ Переяславомъ, есть круглая могила *Свидова*, о которой говорятъ въ народѣ, что она насыпана надъ Вѣлетнемъ *Свидомъ*.

Къ числу забавъ Юрьевскаго гулянья на Бубновскомъ городищѣ принадлежитъ катанье красныхъ яицъ, столь любимое по всей Руси. Во многихъ мѣстахъ Украйны дѣвчата, послѣ обѣда въ Юрьевъ день, выходятъ катать крашанки въ полѣ на житàхъ, и тамъ закапываютъ ихъ въ землю до начатія жатвы.

III. МАЙ.

Третій мѣсяцъ весны май, встарину назывался травнемъ, ибо въ этотъ мѣсяцъ наростаетъ трава по степямъ, лугамъ и лѣсамъ, на сѣно и на лѣкарства.

Мая 1-го, въ день святаго пророка Іереміи, жители Кіева собираются послѣ обѣда на гулянье, которое отъ начала прошлаго столѣтія и до послѣднихъ годовъ дѣялось за

Лыбедью, въ рощѣ Шулявщинѣ, называвшейся въ древн[illegible] Шелвовымъ боркомъ. Это гулянье повелось у Кіевлянъ [illegible] примѣру занятыхъ у западныхъ *школъ, маевокъ* или *майск[illegible] рекреацій*, для которыхъ Кіевскіе ученики съ учителями [illegible] ходили изъ своихъ «Аполлоновыхъ житницъ» [1]) на гору С[illegible]вику (по древнему Щековицу), и тамъ потѣшали себя [illegible] древнюю матерь Русскихъ городовъ разными играми и пр[illegible]ставленіями. Но селянинъ Украинскій не знаетъ гулянья [illegible] день *святаго Яремы*, возлагавшаго на себя ярмо во дни с[illegible]ихъ пророчествъ. «Прійде май, то всякъ собѣ дбай», гов[illegible]ритъ Украинецъ, и неусыпно продолжаетъ свою оранку [illegible] сѣвбу на полѣ. Тогда не время и для свадебъ, въ хозяйско[illegible] быту; «хто въ Маѣ звѣнчается, буде вѣкъ маяться». Так[illegible] и у Великорусскаго селянина: «святой Еремѣй Запрягал[illegible]никъ», а первомайское гулянье Москвы въ Сокольникахъ з[illegible]вется «Нѣмецкими станами».

Люблю посмотрѣть на Украинскую бранку весною, когд[illegible] въ виду зеленѣющихъ житами нивъ, тяжелые плуги, влекомы[illegible] восьмериками круторогихъ воловъ, ходятъ по широкой степ[illegible] бороздя *въ складъ* тугую землю, и, подъ сіяніемъ благодат[illegible]наго солнца, среди немолчнаго пѣнія веселыхъ жаворонковъ, раздаются протяжные клики погоничей: «гей!» т. е., впередъ!... Много жизни въ этой потовой работѣ пахаря; въ ней совершается первоначальный трудъ, назначенный человѣку отъ Бога: *дѣлати землю!* И земледѣліе для Украинскаго народа, потомка и наслѣдника древнихъ *Полянъ*—выше всякаго ремесла и промысла, любимое дѣло его жизни.

Какъ ни легка сѣверная *соха*, и особенно безколесная соха *одноконка*, но Украинскій селянинъ не покидаетъ своего праотческаго *плуга*, который и не кажется ему тяжелымъ, такъ же какъ не кажутся ему тяжелыми ни волы и возы его, ни его степная *земля—мати*, ни самъ онъ, въ своемъ многотрудномъ хозяйскомъ быту, гдѣ все у него сладилось вѣками одно къ одному... «Якъ плугомъ одъоравъ»,

[1]) Horrea Apollinea: такъ называлъ Кіевобратскія школы Сильвестръ Коссовъ, въ книжкѣ своей Exegesis, 1635.

говоритъ онъ о томъ, кто облегчитъ ему душу, выручивъ изъ какой либо трудности. Онъ увѣренъ, что *соха*, столь удобная на своихъ мѣстахъ, для степной земли не годится, что къ надлежащему поднятію Украинской земли на хлѣбъ—способенъ только *плугъ*, которому и придаетъ онъ высокое происхожденіе. Ибо онъ говоритъ, что самъ Богъ далъ Адаму *плугъ*, а Евѣ *кужѣлку*, когда высылалъ ихъ изъ рая; что и «Кузьма-Демьянъ, Божій—коваль», ковалъ плугъ, когда великій змѣй, истреблявшій родъ людской, хотѣлъ уже напасть на него... И уже языкомъ своимъ пролизалъ змѣй желѣзную дверь въ его кузницу. Тогда Божій—коваль ухватилъ змѣя клещами за языкъ, запрегъ въ плугъ и, проօралъ землю отъ моря до моря; и тѣ борозды лежатъ по обѣ стороны Днѣпра *змѣевыми валами*. Великій змѣй въ плугѣ все просился напиться воды изъ Днѣпра; а Божій — коваль все погонялъ змѣя, паки доорался до Чернаго моря, тогда уже пустилъ змѣя пить доволи; и какъ выпилъ полморя, то и разсѣлся; и поползли изъ него по всей землѣ малыя змѣи. По народному сказанью и князь Борисъ все плуги ковалъ да людямъ давалъ! За то и великое почтеніе къ святому князю у земледѣльческаго народа Украины.

Мая 2-го, *на веснянаго Бориса*, здѣсь, въ Переяславской Украйнѣ, отмѣняется полевая работа, по пословицѣ старыхъ людей: «на Глѣба и Бориса за хлѣбъ не берися». Въ другихъ мѣстахъ Украйны это относятъ къ *лѣтнему Борису* (24-го іюля).

Ко дню веснянаго Бориса, называемому у Великороссіянъ «соловьинымъ днемъ», народъ изъ хуторовъ и селъ Переяславской Украйны идетъ, какъ *дымъ*, на берегъ *Ильтицы* (т. е. Альты), освященный кровью св. князя Бориса (24-го іюля, 1019 года). Тутъ и въ древнее время стояла часовня, поминаемая въ лѣтописаньи подъ именемъ «божницы Летской» (т. е. Альтской), и къ ней ходили тогда изъ Переяслава праздновать *2-го мая*, какъ день перенесенія мощей Бориса и Глѣба. Оно совершено было въ Вышгородѣ, въ первый разъ 1072, а въ другой разъ 1115 года, при великомъ князѣ Владимірѣ Всеволодовичѣ Мономахѣ. Сей «добрый страдалецъ за

Русскую землю», (какъ онъ названъ въ Кіевской лѣтописи) по *великой* любви своей къ святымъ мученикамъ—князьямъ, поставилъ во имя ихъ *прекрасную* церковь на славномъ берегу Ильтицы, и у той *милой* ему церкви окончилъ онъ свою жизнь *19-го мая*, 1125 года, а отсюда перевезенъ дѣтьми своими въ Кіевъ, ко святой Софіи, и тамъ положенъ возлѣ отца своего, и возлѣ меньшаго брата своего, Ростислава, князя Переяславскаго, утонувшаго въ рѣкѣ Стугнѣ, *26-го мая*, 1093 года.

Вышеупомянутая божница въ позднѣйшіе вѣки возобновлялась постоянно (подъ именемъ *каплички)* надъ *каменнымъ крестомъ*, поставленнымъ *на крови св. Бориса*, 1664 года, 2-го мая. Въ недавнее время, попеченіемъ Переяславскаго архіепископа Гедеона, сооружена на мѣстѣ часовни каменная церковь. Сюда въ Борисовъ день, послѣ литургіи, идетъ большой крестный ходъ изъ Переяславскаго Вознесенскаго собора; и когда совершится водоосвященіе на завѣтномъ берегу Ильтицы, народъ цѣлыми сотнями устремляется въ освященную рѣку, чтобы окупаться въ ней и, вмѣстѣ съ сброшенною съ себя одеждою, потопить въ ней свои недуги и печали, а множество народа и весь молебенъ слушаетъ, стоя въ рѣкѣ.

Между тѣмъ, какъ на поляхъ Украйны производится весенняя бранка, съ нею продолжается и сѣвба. *Яринà*, собственно такъ называемая, сѣется въ началѣ весны на *рольъ*, поднятой плугомъ съ осени *на зябь*, и потомъ проходимой раломъ уже передъ самимъ посѣвомъ. *Усатый ячмень* говоритъ своему хозяину: «Кидай мене въ грязь, то будешъ ты князь»; и за Днѣпромъ говоритъ онъ: «топчи мене въ болото, то буду якъ золото»! За ячменемъ идетъ въ ролью *ярая пшеница*, а за нею *рясный овесъ*.

Чтобы пшеница родилась чистая «якъ золото», многіе хозяева сѣютъ и въ чистый (великій) четвергъ; а чтобы въ ея колосья не вкидалась травная болѣзнь, *сажка*, сѣютъ ее въ ту пору дня, какъ уже не видно дыму изъ хатъ, и бросая зерна ея въ ту сторону, куда вѣтеръ вѣялъ на Евдокіи. Если же сѣется пшеница и не въ чистый четвергъ, то примѣтливый *сѣвакъ* надѣваетъ на себя ту сорочку, въ которой онъ

причащался, и которую для того скидаетъ онъ съ себя тотчасъ, какъ прійдетъ изъ церкви послѣ причастія. Разсѣявъ пшеницу, разумѣется, на-що-сердце (т. е. на тощакъ), садятся и ѣдятъ сперва тѣ кресты, что спечены были въ се́реду *на хре́стци*, изъ своей, непокупной, пшеницы, и при томъ съ макомъ, въ ту середу сѣемымъ. Такъ ярая пшеница,—эта княгиня между хлѣбами,—предохраняется отъ докучнаго, хотя и красиваго, зелья, *куколю*, сѣянье котораго въ яринѣ, по Украинскому повѣрью, вмѣняется *полевому дѣдьку*, его же (какъ и *водянаго* или *боло́тянаго*, и *лѣсоваго*, и *вѣтрянаго* и всякаго дѣдька) зовутъ безъ различія *сатаною*, *бѣсомъ*, *чортомъ*, *лукавымъ*, *діяволомъ*. Полевому сатанѣ или дѣдьку вмѣняется сѣянье еще двухъ зельевъ: *осоту* по полямъ, и *ве́ху* по болотамъ. О ядовитомъ *вехѣ* (cicuta virosa) ведется Украинское повѣрье, что онъ стонетъ какъ человѣкъ. О *куколѣ* (agrostema githago) идетъ сказка, что изъ него сатана выкурилъ первую *горѣлку* на свѣтѣ, и подпоивъ нашу праматерь, Еву, далъ закусить ей яблочкомъ. А объ томъ, какъ сатана разсѣялъ по нивамъ *осо́тъ* (cirsium arvense), ведется на Украинѣ такая сказочка. Когда уже была сотворена земля, и пошло на ней все своимъ порядкомъ, увидалъ сатана, что мужикъ сѣетъ на нивѣ, и спрашиваетъ: «А что ты сѣешь»! «Овесъ». «А гдѣ ты взялъ»! «Богъ далъ». Вотъ тогда сатана предсталъ передъ Бога, и выпросилъ себѣ овса, и побѣжалъ съ нимъ на землю, твердя, чтобъ не забыть: «овесъ, овесъ».... А святый Петро́ говоритъ: «Господи! Понесъ сатана на землю овесъ; а то зелье доброе, пригодное человѣку и для коней и для него самаго; дать бы сатанѣ какое, непотребное зелье»! И сказалъ Богъ: «добре»! Тогда святый Петро, догнавъ сатану, спросилъ у него вдругъ: «что ты несешь»? Оторопѣвъ, сатана проговорилъ: «Тьбру! Вотъ же уже и забылъ». «Не крапиву ли»? «Нѣтъ, нѣтъ, то такое, что какъ говоритъ, то сычитъ«! »Можетъ, *осотъ*»? «Такъ, такъ»! сказалъ сатана, и побѣжалъ на землю, твердя, чтобъ не забыть: «Осотъ, осотъ».....

Изъ всѣхъ хлѣбовъ на полѣ, говорятъ, сатана старается вредить особенно пшеницѣ, какъ самому бѣлому и самому свя-

тому хлѣбу; и онъ вредитъ ему куколемъ и всячески. Въ одной пѣснѣ говоритъ козакъ:

«Дѣвчиноньво, принёсъ тебе *дѣдько*,—
Росѣявъ я пшениченьку рѣдко».

Недобрый нахлѣбникъ земледѣльца извѣстенъ и у нашей западно-славянской братіи. Такъ у Словаковъ, когда весною (на *Квѣтной* или *Смертной* недѣлѣ) дѣвчата торжественно несутъ изъ села соломянную куклу *морены* (какая и на Украйнѣ кое-гдѣ наряжается, подъ именемъ *Маринки*, въ купальную ночь);—хлопцы за ними несутъ соломяннаго *дѣдька*, припѣваючи:

«Дѣдко нашъ, дѣдко!
Пожравъ си намъ вшѣтко» [1]).

Мы уже видѣли, какъ дѣвчата на Украйнѣ, въ своихъ веснянкахъ, воспѣваютъ и разыгрываютъ сѣянье маку, ячменю, пшеницы и проса. Что касается до сѣвбы *проса* на самомъ дѣлѣ, то она начинается съ конца проводной (Ѳоминой) недѣли, и повторяется нѣсколько разъ, смотря по погодѣ и досугу: «коли до Ивана просо зъ ложку, то буде и въ ложку»! Землю на просо поднимаютъ плугомъ обыкновенно весною, и не ралятъ раломъ, а *скородятъ* бороною; а потомъ, разсѣявъ просо, *волдчатъ* бороною съ *напоромъ*, т. е. съ привязанными къ ней полѣньями, чтобы разбивать землю и затирать въ нее зерно. Гдѣ можно, тамъ на просо, какъ и на лёнъ, поднимается *новь*. Въ просо, какъ и въ пшеницу, нерѣдко вкидается травная болѣзнь, *сажка*, отъ которой у него, вмѣсто многозернистыхъ *волдтѣевъ*, выростаетъ *кичка*,— травяной мѣшокъ, наполненный дрянью. Въ предохраненіе отъ этого все, назначаемое къ посѣву просо, перепускается черезъ поломя или дымъ зажженной соломы; а иные полагаютъ, что достаточно для того кинуть въ огонь жменю (горсть) проса, передъ самымъ посѣвомъ. Въ обоихъ случаяхъ ожидаютъ, что отъ такого очищенія проса *огнемъ*, оно уродится чистое, *якъ вода*. Въ просѣ растетъ обыкновенно, сродный

[1]) См. Колара.

съ нимъ злакъ, *брыця* (setaria viridis et glauca, по Линею panicum); но какъ зерно этой, впрочемъ сорной, травы, любитъ *дробина́* (домашняя птица), то объ ней говорятъ: «брыця въ пашнѣ помошниця». Когда весною появляются во множествѣ жуки, называемые *хрущами* (отъ которыхъ зазеленѣвшія дубравы становятся тогда опять безлиственными), то это примѣта богатаго урожая проса. А у женокъ Украинскихъ есть другая примѣта: когда цыплята заводятъ пѣніе еще подъ квочкою (насѣдкою), то это—на просо.

Вмѣстѣ съ просомъ, на проводной недѣлѣ, начинаютъ сѣять *коноплu*. Эти раннія проводныя коно́пли сѣются собственно на тонкую пряжу, которая тянется изъ плоскони (т. е. мужеской конопли), а ранняя *ма́терка* (т. е. женская конопля), если и бываетъ годна на прядиво, то на *сѣмя* хороша не бываетъ.

Изъ всего, что сѣется въ полѣ, только на конопли (да еще на *тютюнъ*, табакъ) готовится *по́дметъ*, т. е. унавоженная нива, избираемая обыкновенно въ долинкова̀томъ мѣстѣ, и поднимаемая глубоко плугомъ въ осени, а потомъ еще въ другой разъ весною. Что же касается до хлѣбныхъ злаковъ, то ни одинъ изъ нихъ, на богатыхъ степяхъ Украйны, не нуждается еще въ навозной пищѣ; земля-мати питаетъ ихъ еще сама, безъ трудовой возни человѣческой; и отъ напраснаго унавоженья степной земли хлѣба́ вылегаютъ на ней, какъ отъ проливныхъ дождей, и растутъ болѣе въ солому, чѣмъ въ зерно.

Украинскій селянинъ, при своей чорноземной почвѣ, остается безпечнѣе земледѣльца сѣверорусскаго. Посѣявъ *ярину*, онъ ждетъ на нее и на весь свой хлѣбъ майскаго дождя, какъ благодати Божіей; ибо говоритъ онъ: «якъ выпадуть въ маѣ три дощи добрыхъ, то дадуть хлѣба на три годы»! а жонки, какъ только соберутся въ свои веселыя бесѣды, всегда поютъ и пьютъ за урожай пашни:

«Ой выпыймо, родино,
Щобъ намъ жито родило;
И житечко, и овесъ,

Щобъ зобрався родъ увесь;
И пшениця, и ячмéнь,
Щобъ намъ жити смачнѣй»!

Къ этому иная припѣваетъ еще:

«А гречечка на крупы
Якъ не стане, той купи»!

Гречка, называемая у западной братіи нашей и *татаркою*, и *поганкою*, а по сказкѣ Великорусской и происшедшая изъ прекрасной княжны Крупенички, — сѣется на зерно уже въ іюнѣ мѣсяцѣ; а гречка *маéвка* сѣется собственно на цвѣтъ для пчелы, которая говоритъ хозяину: «годуй мене до Ивана, то наряжу тебе, якъ пана»! Но я позабылъ было сказать о *горохѣ*, который сѣется на полѣ рано, вмѣстѣ съ яриною, такъ какъ онъ не боится весеннихъ морозовъ. Самымъ благопріятнымъ днемъ для его посѣва почитается Лазарева суббота.... Горохъ въ полѣ при другихъ хлѣбахъ тоже, что убогій *подсусѣдокъ* при *хозяинѣ-богатырѣ*. На Украинѣ бѣднякъ-селянинъ говоритъ о себѣ: «живу, якъ горохъ при дорѡзѣ: хто йде, не мине, за стручечокъ скубнé»! Полагаютъ, что отъ сосѣдства съ твердо зернистымъ ячменемъ и горохъ родится съ зерномъ твердымъ и неввипущимъ; а чтобы зерно его было мягкое и расвипчастое, сѣютъ его возлѣ гречки, а и того лучше на мягкой гречковкѣ.

Какъ жемчугъ во снѣ, такъ горохъ на яву есть примѣта и подобіе слезъ. Потому утромъ на Василья, когда по хатамъ насыпаютъ разнымъ зерномъ, въ привѣтъ съ новымъ годомъ, не позволяется посыпать горохомъ. По этому молодицы не ѣдятъ гороху на що-сердце (на-тощакъ), чтобъ не катились у нихъ слезы изъ очей, отъ ихъ замужняго житья. А между тѣмъ:

«Соловейко у садочку тёхъ—торрóхъ;
Покотились дрóбны слёзы, якъ горохъ»...

Но оставимъ на время поля, и обратимся къ водамъ, къ ихъ представителю *Днѣпру-Слювутѣ*, который въ козацкихъ пѣсняхъ величается *батькомъ*.

«Ой ты, Днѣпре, ой ты батьку мôй,
Скажи правду да Самарськую»!

Рѣка Самара называлась у козаковъ *святою*, и тамъ на острову, при впаденіи Самарчика, былъ Запорожскій *Пустынно-Никольскій* монастырь.

Разливъ Днѣпра, которымъ такъ роскошно означаетъ себя весна на Украйнѣ, останавливается обыкновенно около Юрьева дня,—тогда, говорятъ, какъ зацвѣтетъ *густый тèренъ* (тернъ). Въ ту пору кончается выходъ живой рыбы изъ Днѣпровской глубины на луговое мѣлководье, для весенняго *тèрла*.

Прежде всѣхъ рыбъ выходитъ *щука*, зачинщица весны въ Днѣпрѣ, самая знаменательная рыба у народа Украинскаго:

«Щука рыба въ морѣ
Гуляе доволи;
А я козакъ на чужинѣ,
Да не маю доли»!

Молодая козачка, въ тоскѣ по своемъ мужѣ, находящемся въ походѣ, поетъ себѣ:

«Ой зыйду я, зыйду
На крутую гору,
Ой стану я, ой гляну я
На быстреньку воду:
Щука рыба грае,
Доволи гуляе,
А я стою, да думаю,
Що пары не маю»!

«Щука хвостомъ ледъ розбивае». А кончаетъ весну въ Днѣпрѣ толстый *корôпъ*, такой же прыгущій, какъ щука, и также какъ она, бывающій иногда въ пудъ вѣсомъ. Позднѣе всѣхъ рыбъ выходитъ онъ на мелководье изъ глубины Днѣпровской, уже подъ конецъ разлива [1]). Но самымъ вѣрнымъ по-

---

[1]) *Коропова луска* составляетъ на Украинѣ любимый узоръ для тканья скатертей, а также и для густыхъ поясовъ, такихъ красныхъ, «якъ жаръ

казателемъ, что разливъ Днѣпра кончается, служитъ птица *крячо́къ*, и особенно *черный крячокъ* (sterna nigra), съ которымъ въ пѣсняхъ сравнивается бездомный козакъ-сиромаха. Прилетая на Украйну, эти крячки пристаютъ сперва на Сулѣ, Супоѣ и другихъ меньшихъ рѣкахъ; но какъ только остановиться разливу Днѣпра, они во множествѣ налетаютъ на его берега. Это замѣчается и въ обыкновенный, ранній разливъ, и въ поздній, доходящій иногда до Николина дня, но не далѣе.

Мая 9-го, *на весняного Николы*—великій праздникъ, въ память перенесенія мощей сего святителя и чудотворца въ городъ Бари, 1087 года. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи дѣлаютъ въ этотъ день заздравные обѣды, называемые «Никольщиною».

Тогда-то особенно хорошо поются два псалма Святителю, слышимые, впрочемъ, всегда и вездѣ, гдѣ только поютъ *старцй* (нищіе) и *лйрники:*

«Ой хто, хто Николая любить,
Ой хто, хто Николаю служить,
Тому святый Николае,
На всякій часъ помогае,—
Николае»! и т. д.

Къ нему, *Скорому Помощнику*, обращается съ молитвою народъ во всѣхъ внезапныхъ бѣдахъ и напастяхъ, особенно же почитается онъ властвующимъ *на водахъ*, и въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ кто изъ Украинцевъ не знаетъ придѣла во имя *Николая Мокраго*, съ чудотворнымъ его образомъ? Въ одной изъ Украинскихъ колядокъ поютъ:

«Сидить Николай
Въ концѣ престола,
Головку зхиливъ,
Слёзоньку вронивъ;
А зъ тои слёзы
Дунай разлився»...

потухае».... А для женскихъ *плахтъ* самый лучшій узоръ встарину былъ—*воловы очи*. Воловыми очами здѣсь, на Супоѣ, зовется и дикорастущая порода астры (aster amellus).

Днемъ *веснянаго Николы*, по Староукраинскому народному понятію, освящается вода на купанье; а прежде сего дня не должно вбродить въ воду на купанье—«бо зъ чоловѣка верба выросте», т. е. выростетъ надъ его прибережной могилою, изъ поставленнаго на ней вербоваго креста (какъ это нерѣдко бываетъ на кладбищахъ, что могильные кресты разростаются въ большія плакущія вербы). До веснянаго Николы не должно и конопель мочить въ водѣ; а если намочены, то къ этому дню надо вытянуть ихъ изъ воды, чтобъ не пришлось вытягивать утопленика.

Къ скорому помощнику обращаются съ молитвою Украинцы отъ всякой *мары* (привидѣнья), особенно же отъ «болотяного дѣдька», въ бытіи котораго народъ не сомнѣвается.

Ммножество разсказовъ на Украинѣ, о томъ, какъ *болотяникъ*, подмѣтивъ запоздалаго въ шинку гуляку, сторожитъ его, обернувшись въ веселаго человѣка, и вызываетъ проводить его до дому, и въ темную ночь присвѣчиваетъ ему своимъ болотянымъ огонькомъ; когда гуляка проснется утромъ, то видитъ себя на водяной мельницѣ, или на иной надводной кручѣ, на которую самому и не взлѣзть бы. Иной разъ дѣвчатамъ, когда пойдутъ онѣ на болото, по лакомый для нихъ *рогôзъ*, вдругъ покажется черный волъ въ купьяхъ, или жидъ въ ольхахъ... и когда онѣ станутъ креститься, не станетъ вдругъ ни чернаго вола, ни жида въ красномъ поясѣ, а только прошумитъ тамъ, какъ бурею. Иногда болотяникъ, подъ видомъ вьюна, заползаетъ въ рыболовную вершу, которую онъ очень любитъ, особливо ту, что называется *скрипкою* (что на верху съ колпакомъ). Потому-то въ веснянкахъ поютъ дѣвчата:

«Ой, на́ тобѣ, сатано̀, вершу—
Верни мою женишину першу!
Ой, на́ тобѣ, сатано̀, и другу—
Верни мою женишину любу»!

Но самая любимая потѣха болотяника—разорять по ночамъ плотины и гребли, съ такимъ трудомъ насыпаемыя и поправляемыя Украинскими козаками. Къ тому-то въ веснянкахъ поютъ дѣвчата про невѣрнаго жениха:

Нехай ёго тіи просять,
Що гребли розносять;
Нехай ёго тѣ благають,
Що гребли ламають»!

Когда же болотяникъ вздумаетъ настойчиво разорять въ греблѣ каждую ночь то, что сработано людьми въ продолженіе дня, тогда противъ этого есть особенное знахарское средство: закопать въ греблѣ *кобылью голову*, которой болотяный дѣдько и не любитъ, и боится (знахорки собираютъ и ту траву, что проростаетъ сквозь очныя ямки конской головы).

Здѣсь, на Супойскихъ степяхъ, малыя дѣти, когда входятъ въ воду на купанье, то проговариваютъ на распѣвъ:

«Чортòкъ, чортòкъ,
Не ламай кòстóкъ;
Ты зъ воды, а я въ воду»!...

Вотъ кстати еще купальная пѣсенка, которую проговориваютъ обыкновенно по выходѣ изъ рѣки, когда вода заходитъ въ уши. Тогда, приложивъ руки къ ушамъ, качаютъ головою вправо и влѣво, проговаривая на распѣвъ:

«Коте, коте! вылій воду на колоду:
Чи на грôмъ, чи на дощъ, чи на блискавку»?..

А дѣвчата къ этому прибавляютъ:

«Чи на мене молодую, якъ на листовку» (?).

Потомъ смотрятъ на ладони: если сухо, то это па молнію и зарницу; а если блеститъ вода, то это на дождь и грозу.

Мая 10-го, на *Симона Золота* (т. е. Зилота) — замѣчательный день относительно травознанія — бабы и молодицы Украинскія рвутъ и копаютъ всякія цѣлебныя зелья, полагая, что это именно тотъ весенній день, когда всякая трава бываетъ въ своей силѣ. *Украинскій Зéльникъ* такъ обширенъ, что я не стану и называть того, что собирается въ этотъ день, и для чего именно собирается. По народному понятію, каждая трава на землѣ имѣетъ свою цѣлящую силу и для чего-нибудь полезна, да только не всякому дается травознаніе. Есть объ этомъ и приказка.

Ѣхалъ чумакъ съ своимъ наймитомъ изъ Запорожья на Украину; остановился на попасъ; и когда развели огонь, онъ отошелъ въ сторону, свистнулъ на гадъ, и сползлась его цѣлая куча. Чумакъ взялъ изъ нея, что ему было надобно, вкинулъ въ котелокъ; и когда закипѣла вода, онъ слилъ ее на земь; слилъ и другую воду; и уже въ третью воду съ *гадюками* (змѣями) всыпалъ пшена. И когда наѣлся чумакъ той каши, велѣлъ наймиту пойти на рѣчку вымыть котелокъ и ложку. «Да гляди жъ ты,—говоритъ,—не коштуй (не отвѣдывай) моей каши»! А наймитъ не утерпѣлъ, наскрёбъ себѣ полную ложку гадючей каши, да и съѣлъ. И вдругъ стало ему чудно: видитъ и слышитъ онъ, что всякая трава на степи колышется и наклоняется одна къ одной, и шепчетъ: «Я отъ того-то! У меня такая-то сила»! А какъ сталъ онъ подходить къ возу, то слышитъ, что волы говорятъ между собою: «Вотъ уже идетъ, опять будетъ закидать насъ въ ярмо»! А какъ поѣхали степью мимо толоки, которая вся была покрыта *бодякóмъ*, какъ червонымъ сукномъ, то услышалъ наймитъ, что бодякъ, качаючись, все говоритъ себѣ: «а я отъ»...., и съ того онъ засмѣялся; а чумакъ примѣтилъ, да не сказалъ ничего. Вотъ пришлось ѣхать черезъ бродокъ; жеребенокъ, бѣжавшій за возомъ, остановился; а кобыла, привязанная за возомъ, проговорила ему: «Гмъ, гмъ! бреди, бреди, не глыбоко»! Наймитъ опять засмѣялся; а чумакъ говоритъ: «Чого ты, хлопче, смѣешься»?—Да то я съ кобылы»!..—«Э, сучій сынъ, я жъ не велѣлъ тебѣ коштовать моей каши»!.. И, вставъ съ воза, чумакъ отошелъ въ сторону, вырвалъ стебло *чернобыли*, облупилъ его и говоритъ: «Нá, съѣжъ»! И когда съѣлъ наймитъ стебло чернобыли, пересталъ слышать, какъ шепчутся на степи травы, и позабылъ все, что онѣ говорили. Отъ того-то чернобыль и зовется на Украинѣ *забудьками*.

Украинскія хозяйки въ день *Симона Зилота* закармливаютъ своихъ коровъ разными желтыми травами, чтобы масло было желтѣе; чтобы молоко лучше ссѣдалось въ сметану и сыръ, обмываютъ коровамъ вымье отваромъ изъ травы *сѣдача* (eupatorium cannabinum), въ этотъ день собранной. Майское масло уважается не только по виду своему, но и какъ цѣ-

намѣсить, а сверху бѣлую хустку (полотняный платокъ), для того, чтобы капуста была такъ же намѣшена, головаста какъ горшокъ, а бѣла какъ платокъ. Остальная розсада капусты садится въ печальную субботу накануне Троицына дня, если эта суббота приходится послѣ 25-го мая.

Пряжи «за головатаго Ивана» не принимаются за веретено, такъ же, какъ и на первое *Обрѣтеніе* 24 февраля.

Означивъ постоянные дни или мѣсяца, замѣтные у земледѣльца Украинскаго, обратимся къ переходнымъ днямъ и недѣлямъ.

Тутъ прежде всего замѣчательна въ *четвертой* недѣлѣ по Паскѣ, *правая середа*: такъ зовется въ Малороссіи день Преполовенія. На Волыни и Подолѣ и въ Червоной Руси правая середа зовется еще *Рахманскимъ Великоднемъ*. Это имя, неизвѣстное на Украйнѣ, указываетъ на какое-то особенное значеніе правой середы, уже позабытое въ народѣ: ибо и тамъ, за Днѣпромъ, народъ не знаетъ, въ чемъ состоитъ «Рахманскій Великдень», а говоритъ только, что онъ остался отъ *Рахмановъ*, когда-то жившихъ въ той сторонѣ. Здѣсь, на Украйнѣ, извѣстна веснянка:

«Ой на праву середу
Пасла гѣвка череду»...

Но въ ней воспѣто случайное происшествіе дня, не объясняющее намъ его прежняго значенія. Намекомъ на него остается только тотъ обычай Украинскій, что въ этотъ день, до восхода солнца, ломаютъ и рѣжутъ *березовыя палочки*, и берегутъ ихъ на весь годъ, какъ цѣлебное средство отъ всякихъ поврежденій и болей въ кости, говоря, что береза на правую середу становится въ полной силѣ своей и — *крѣпкою костью*. А какъ береза, по народно-Украинской символикѣ, есть представительница весны, то правая середа не была ли нѣкогда праздникомъ полнаго развитія весны, и не приходилась ли она въ травный день Симона Зилота, прежде, чѣмъ пріурочена стала ко дню Преполовенія?...

Хотя по Пасхаліи она приходится уже въ разное время (между 15-мъ апрѣля и 19-мъ мая), однако на Украйнѣ она

почитается самымъ благопріятнымъ днемъ для засѣва *баштановъ* (бакчей) дынями, каунáми (арбузами), огурцами. Сродство этихъ растеній, составляющихъ особое семейство (*гарбузовыхъ* или *тыквенныхъ*, cucurbitaceae), давно означено въ Украинской пѣснѣ:

Хóдить гарбузъ по горóду,
Пытаеться свого роду:
Ой, чи живы, чи здоровы
Всѣ родичи гарбузовы?
Обóзветься жовта дыня:
Ось, я, твоя господыня!
Обóзвуться огурóчкы:
Ось, мы, твои сыны, дочкы»!

Въ *середу на шестой* недѣлѣ по Пасхѣ наша церковь кончаетъ Свѣтлый праздникъ, а въ четверкъ празднуется уже святое *Вознесеніе*, называемое по западнославянски *Вшестьемъ*. Во многихъ мѣстахъ Украины, по недоразумѣнію, простолюдье различаетъ эти слова, и *Вшестьемъ* называетъ середу передъ *Вознесеньемъ*; но въ опровержение этого есть Украинская же пословица: «не прійдеться въ середу Вшестье»!

Въ Сѣверской сторонѣ, надъ Десною, въ день Вознесенія пекутъ *млинцы*, т. е. блины, тамъ называемые на этотъ день «божими онучами». Тамъ же и въ середу на *пятой* недѣлѣ (на отданіе праздника Преполовенія) пекутся блины: и это называется тамъ въ простолюдьи: «подсаживать бога на небо»!

Вознесенскіе блины Сѣверянъ припоминаютъ намъ, какъ нѣкогда царь Давидъ, совершивъ радостное перенесеніе Кивота Господня въ Іерусалимъ и, «вознеся всесожженія и мирная, раздѣли всѣмъ людемъ коемуждо по укруху хлѣба, и по части печенаго мяса, и по *сковрадному млину*» (2 царствъ VI. 19).

На Украинѣ *млинцы* не составляютъ собою никакой обрядной яствы, ни поминальной, ни масленичной. Въ поминовеніе усопшихъ на Украинѣ пекутся обыкновенно *книшй*, а масленая отбывается собственно *варениками*, почему, о

первомъ великопостномъ понедѣльникѣ, говорится: «вареники доведуть, що и хлѣба не дадуть»! Во многихъ мѣстахъ и степямъ, въ поминальныя суботы приносятъ на панихиды книши, пироги и опеченую курицу, съ пляшкою медовой сыты. Но блины составляютъ на Украинѣ одно изъ обыкновенныхъ печеньевъ, заурядъ съ прочими; и только въ одинъ день они должны быть непремѣнно, вмѣстѣ со всѣми прочими: это *на Мела́нки*, когда бываетъ *щедрый вечеръ*, и когда какъ говоритъ пословица: «живый живе гада́е».

Всѣ *четверки*, отъ Чистаго (Великаго) и до Вознесенскаго, на Украинѣ почитаются неблагопріятными днями какъ для выѣзда въ великую дорогу, такъ и для начатія какого нибудь значительнаго дѣла, а также въ эти четверки считается непозволительнымъ дѣломъ *золить* бѣлье. Но и въ каждый *четверкъ* въ году не должно, говорятъ, во первыхъ, трусить *сажи* въ печахъ, чтобы она не загоралась; во вторыхъ, ни сновать пряжи на сновницахъ, ни накидать новой основы на ткацкій станъ, чтобы не *сновала* черезъ дворъ тотъ *скаже́ная* (бѣшеная собака, о которой ведется повѣрье, что она *сновидяетъ* (слоняется) по селу только до *девяти* дворовъ такихъ, гдѣ по четверкамъ снуютъ, либо накидаютъ на станъ основу. Еще замѣтны *четверки* на исходѣ каждаго мѣсяца. Знахарки почитаютъ ихъ самыми благопріятными днями для выливанія *переполо́ху*, т. е. такой болѣзни, которая, по ихъ понятію, происходитъ отъ *лукаваго*, когда онъ, при какомъ-нибудь испугѣ, входитъ въ человѣка подъ самое сердце, и пускаетъ по его жиламъ свои парусы.... (Родимецъ у дѣтей и *супротивникъ* у взрослыхъ, говорятъ, тоже происходитъ отъ *лукаваго* [1]), который хоть разъ въ жизни каждаго человѣка нападаетъ на него, если не *на ро́дивъ*, то *на смерти́)*. А выливается переполохъ, какъ извѣстно, надъ головою больнаго, на растопленное олово, смолу, воскъ, съ разными притомъ заговорами. Кромѣ того у больнаго, въ исходный четверкъ, срѣзываютъ немного ногтей и волосъ и заколачи-

[1]) Не будетъ ли это миѳическій *родъ*, поминаемый вмѣстѣ съ *Рожаницами*.

ваютъ ихъ колочкомъ изъ *клёчанья* — въ одвёрокъ (дверной косякъ), если больной уже не молодъ; или въ сырой дубъ, если больной еще ростетъ. Не лишнимъ считаю здѣсь припомнить, что *четверкъ* въ языческой Славянщинѣ считался и даже назывался *перуновымъ днемъ*, какъ у Римлянъ днемъ Юпитера (dies Jovis), по ближайшему сродству нашего Громовержца съ Греко-Римскимъ.

На *седьмой* недѣлѣ по Пасхѣ, называемой «недѣлею святыхъ отецъ», въ сѣверной Руси празднуется *четверкъ*, называемый *Семикомъ*. Тамъ этимъ днемъ начинаются Зеленые святки; но здѣсь, на Украинѣ, Семикъ неизвѣстенъ, и Семицкій четверкъ проходитъ какъ буднишній день, ничѣмъ особеннымъ не замѣтный. Изо всѣхъ дней седьмой недѣли на Украинѣ замѣчательна только *субота*, называемая *Клечальною*. Она замѣчательна, во первыхъ, по вселенской панихидѣ, отправляемой за всѣхъ, постигнутыхъ *напрасною смертію;* во вторыхъ, замѣчательна она тѣмъ, по чему и зовется *Клечальною суботою:* постановкою *клёчанья*, т. е. небольшихъ *березовыхъ* деревъ и вѣтвей, которыми селяне и горожане, подъ конецъ этого дня, украшаютъ церкви и колокольни, домы и дворы. Вмѣстѣ съ *клёчаньемъ* (которое по сѣверски зовется еще *маемъ*) помосты церквей и домовъ усыпаются изобильно *травою*, а образá, столы, окна, сволокá и все, что только удобно, убирается *цвѣтами*. Такъ, въ заключеніе *весны*, главныя произведенія трехъ мѣсяцевъ ея, *Березня*, *Квѣтня* и *Травня*, соединяются въ одно праздничное приношеніе—къ святому *пятидесятому* дню, который называется *Духовымъ днемъ*, въ память сошествія Святаго Духа на апостоловъ, въ видѣ *огненныхъ языковъ*, и который ознаменованъ въ церкви нашей необычайнымъ служеніемъ вечерни вслѣдъ за литургіей.

На восьмой недѣлѣ по Пасхѣ, называемой «недѣлею пятидесятницы», а также *Троицкою* и *Зеленою,*—хотя она по Пасхаліи приходится розно,—(и въ послѣднюю треть мая, и въ первую треть іюня), по народному понятію сходится конецъ весны съ началомъ лѣта; лѣто встрѣчается, весна провожается. Съ этой точки зрѣнія мы будемъ смотрѣть и на разные народные обычаи, которыми сопровождаются Зеленые

снятся. Что весна, по народно-Украинскому понятію, продолжается собственно до Святаго Духа *), то видно изъ того уже, что дѣвическія Веснянки (игрища и пѣсенки) прекращаются почти вездѣ на сошедшей недѣлѣ. Въ послѣдній день ея (т. е. въ клечальную субботу), представительница весны— бѣлая береза—рубится и ставится въ привѣтъ наступающему лѣту. А что обрядное дерево на Зеленыхъ святкахъ есть именно береза, это видно и въ Великороссійскихъ народныхъ обычаяхъ въ Семикъ и на Троицу; если же идетъ на клѐчанье и другое дерево, особенно кленъ и липа, то это дѣлается или для большей роскоши, особенно при украшеніи церквей, или по недостатку въ березѣ.

Но тутъ надо особо замѣтить о клѐчаньѣ изъ осины, почитаемой по Украинскимъ селамъ: оно ставится на воротахъ и на всѣхъ углахъ подворья (т. е. скотнаго двора), въ охраненіе коровъ и телятъ отъ вѣдьмъ: ибо это дерево, по народному повѣрью, имѣетъ особенную силу противодѣйствовать всякой нечистой силѣ. Потому и знахарское употребленіе осины распространено, особенно той, которая стояла въ клѐчаньѣ. Такъ и между пахучими травами и цвѣтами, которыми дома убираются наканунѣ Духова дня, является на окнахъ и воротахъ полынь — отъ Русалокъ, выходящихъ въ эту ночь изъ своихъ водъ на сушу, и крапива—отъ вѣдьмъ, которыя въ эту ночь особенно промыслительны, и рыскаютъ по дворамъ. Предусмотрительныя хозяйки въ клечальную субботу выкапываютъ изъ тёрницъ деревянные мечики, которыми трутъ коноплю; ибо вѣдьмы любятъ красть ихъ въ эту ночь, чтобы послѣ рубиться ими, когда, слетясь на Лысую-гору, онѣ начнутъ тамъ свои потѣхи. Улетая туда, онѣ затыкаютъ себѣ за поясъ, вмѣсто сабель, украденные мечики; а такъ когда, между прочимъ, начнутъ и свою междоусобную баталію, тогда

---

*) Украинская пословица «до Святого Духа не кидай кожуха» согласуется съ тѣмъ же понятіемъ, что до этого дня продолжается еще весна, и возможенъ въ послѣдней быть безвременный морозъ, какой замѣченъ и въ такъ называемой «Черниговской лѣтописи». Въ ней записано, что [illegible] года «свѣтъ на Вознесеніе Господне выпалъ съ морозомъ, же въ поле [illegible] садбу и жито, сбоку [illegible]».

бьючись въ ладь тѣми мечиками, онѣ все приговариваютъ: «Що втну, не перетну!» и отъ того онѣ остаются пораненными! Хозяева украинскіе въ клечальную субботу выѣзжаютъ въ поле, чтобы дѣлать послѣдній сѣвъ конопли, и уже собственно на сѣмя, не на пряжу; а кто не успѣетъ въ этотъ день, тотъ досѣваетъ въ два послѣдніе дня Зеленой недѣли, хотя впрочемъ всѣ полевыя работы у старыхъ Украинцевъ отмѣнялись на всю эту недѣлю. Равно и женки въ дворахъ не ткутъ и не прядутъ во всѣ дни *Зеленыхъ святокъ*, называемыхъ на Украйнѣ и *Святою недѣлею*, въ отличіе отъ *Свѣтлой, Великодной*. Во всей Малороссіи *Тройцею* называется второй день Зеленой недѣли, т. е. *понедѣльникъ*, съ котораго собственно и начинаются народныя забавы, послѣ церковныхъ молитвъ на *Святаго Духа*, (т. е. въ воскресенье).

Въ Сѣверской сторонѣ ведется почти позабытое на Украйнѣ завиванье Троицкихъ *вѣнковъ* на березахъ, или же плетенье вѣнковъ на головы изъ березовыхъ вѣтокъ, перевитыхъ цвѣтами. Тамъ, надъ Десною, эта Троицкая забава называется *кумованьемъ*, и сопровождается разными пѣснями и закусками, въ числѣ которыхъ *яичница* составляетъ, можно сказать, обрядную яству. На берегахъ Десны записана Троицкая пѣсня, напечатанная въ моемъ изданіи Малороссійскихъ пѣсенъ 1827 года:

«Ой завью вѣнкы̀ да на всѣ святкы̀,
Ой на всѣ святкы̀, на всѣ праздничкы»! и т. п.

Помню и другую Троицкую пѣсенку:

«Передъ нашими воротами
Вились, завива́лись,
Два голубчикы, два сизе́нькіи;
А я въ лугъ пойду, я вѣнокъ завью»!

За каждымъ стихомъ припѣвается: *Ой Лели Ладо»!*

Будучи ученикомъ Новгородсѣверской гимназіи съ 1812 года, я не разъ видѣлъ, какъ тамъ *кумились* въ знаменитомъ Троицкомъ саду и въ Полковницкомъ гаю; но не припомню, было ли тамъ цѣлованье сквозь березовые вѣнки, и тамъ

называемые «крещеніе кукушки» (подъ видомъ травы «кукушкины слезы»), какія ведутся въ Среднерусской сторонѣ, гдѣ и Троицкая березка зовется кумою. Въ Сѣверской сторонѣ завивались вѣнки и дѣвчатами, преимущественно въ Троицкій понедѣльникъ, и молодицами—во вторникъ; а въ иныхъ селахъ, вмѣсто того, только носили по улицамъ срубленую березу съ разными пѣснями. «Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай», говоритъ Русская пословица. Такъ и здѣсь, на Украинѣ, напримѣръ у насъ, на *Побережьи*, въ Прохоровкѣ и другихъ селахъ, уже вывелись почти всѣ Троицкіе обычаи; въ нѣкоторыхъ селахъ на Сулѣ, независимо отъ игорнаго *дуба* (о которомъ сказано будетъ ниже), дѣвчата послѣ обѣда наряжаютъ какъ-нибудь особенно двухъ красивѣйшихъ подружекъ своихъ, и вслѣдъ за ними идутъ по селу и на степь съ пѣснями. Въ другихъ мѣстахъ Украины, по свидѣтельству Костомарова (см. его книгу: «Объ историческомъ значеніи Русской народной поэзіи». Харьковъ. 1842 года, стр. 53), дѣвчата, выбравъ одну изъ подругъ, подвязываютъ ей руки вверхъ къ палкѣ, и подъ именемъ тополя ведутъ ее черезъ слободу и поле, припѣваючи:

«Стояла тополя, край чистого поля:
Стой, топóленько, не розвивайсь,
Буйному вѣтроньку не пóддавайсь»!

Троицкіе вѣнки, въ которые завивается береза, знаменуютъ собою обращеніе или переходъ весны въ лѣто. *Вѣнокъ* есть принадлежность *лѣта:* сперва этотъ Троицкій вѣнокъ изъ березы, потомъ купальскій вѣнокъ изъ цвѣтовъ, наконецъ жатвенный вѣнокъ изъ жита или изъ озимой пшеницы. (Подобно тому и *барвинковый*, либо *рутяный* вѣнокъ, который плетется для невѣсты, передъ брачнымъ вѣнцемъ церковнымъ, завершаетъ собою дѣвичество ея, весну ея жизни).

На Украинѣ, какъ я сказалъ, почти позабыты Троицкіе вѣнки изъ *березы*, завиваемые дѣвчатами и молодицами въ Сѣверской сторонѣ Малороссіи и на Руси Сѣверной. Въ замѣнъ того Украинскіе *парубки* заботятся объ устроеніи игорнаго *дуба:* такъ называется длинная жердь, съ прикрѣплен-

нымъ на верху колесомъ, которая вся убирается въ траву и въ цвѣты. Хозяйки, зная предстоящее опустошеніе огородовъ своихъ, стерегутъ ихъ во всю седьмую недѣлю; но въ томъ и молодечество, чтобы накрасть цвѣтовъ тамъ, гдѣ стерегутъ ихъ; къ тому же сами дѣвчата помогаютъ парубкамъ украшать *квѣтками* и *стрôчками* (лентами) приманчивое колесо, подъ которымъ въ первые дни (а кое-гдѣ и во всѣ дни) Зеленой недѣли будетъ ихъ общее вечернее гульбище. Игорный *дубъ* ставится въ клечальную субботу, (а кое-гдѣ вечеромъ на Троицу) обыкновенно на выгонѣ, либо на уличной площади; вокругъ него обкапывается небольшой ровчикъ; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ставится вокругъ и березовое клечанье. Въ иныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ селѣ Рогозовѣ (между Кіевомъ и Переяславомъ), эта жердь съ колесомъ называется *сухимъ дубомъ;* и къ нему, убираемому въ зелень и цвѣты, припѣваютъ:

«Розвивайся, сухій дубе,
Бо на тебе морозъ буде!
—Я морозу не боюся,
Прійде весна—розôвьюся»!

Этотъ сухой дубъ, наряженный въ зелень и цвѣты, среди березоваго клечанья,—(иногда вѣющій цѣлымъ кругомъ разноцвѣтныхъ лентъ, вмѣсто колеса), — не означаетъ ли собою лѣта, возродившагося на послѣдяхъ весны?

По народно-поэтической символикѣ, дубъ относительно березы, что сынъ относительно матери:

«Ой, дубъ до березы
Гôльемъ похилився;
Козакъ своêй матусеньцѣ
До нôгъ уклонився».

А самъ по себѣ *дубъ*—символъ мужества и крѣпости, любимое подобіе неженатаго козака:

«Чомъ дубъ не зеленый?
—Бо туча прибила;
Козакъ не веселый?
—Бо лиха година».

Или въ другой пѣснѣ:

«Да зеленый дубъ, да зеленый дубъ,
Да безъ сонця завьявъ;
Да молодѐнькому да козаченьку
Да Богъ доли не давъ»...

А дѣвица-невѣста въ Украинскихъ пѣсняхъ нерѣдко уподобляется *дуброве*:

Зеленая дубрôвонько,
Чомъ не говоришъ, да все курышся?
Молодая дѣвчинонько,
Чого плачешъ, да все журишся»?

Такъ и на Дѣвичь-вечерѣ дружки поютъ невѣстѣ—сиротѣ:

«Зеленая да дубрôвонько,
Да чого въ тебе да пенькôвъ много,
А парôсточка да ни ôдного?
Що нѣкому зашумѣти,
Дубрôвонькы звеселити?
Молодая да Марусенько,
Чого въ тебе да батькôвъ много,
А рôдного да ни ôдного,
И порâдонькы ни одъ ôдного»?

Дубъ въ языческой Славянщинѣ, какъ извѣстно, былъ деревомъ, у котораго совершались жертвоприношенія богамъ; особенно же посвящался онъ верховному богу, Перуну, какъ и у Римлянъ Юпитеру. Прямымъ указаніемъ на это, кромѣ свидѣтельствъ о Славянщинѣ Западной, можетъ служить урочище *перуновъ дубъ* въ Червоной Руси, упоминаемое въ грамотѣ 1302 года («И отъ Перунова дуба до бѣлыхъ береговъ, а отъ бѣлыхъ береговъ до Кольменскихъ потоковъ»). Подъ самымъ Кіевомъ былъ *добрый дубъ*, имя котораго оставалось на урочищѣ, помянутомъ въ Кіевской лѣтописи подъ 1169 годомъ. Моленье у дуба продолжалось кое-гдѣ на Руси и въ христіанскія времена, можетъ быть, уже съ мыслію о дубѣ Мамврійскомъ. Оно было даже въ прошломъ столѣтіи, какъ видно изъ первой части Духовнаго Регламента, гдѣ сказано: «тако жъ на

иномъ мѣстѣ попы съ народомъ молебствуютъ предъ дубомъ, и вѣтви онаго дуба попъ народу раздаетъ на благословеніе».

Но здѣсь намъ ближе къ дѣлу припомнить древнее сказаніе Константина Багрянороднаго о томъ *великомъ дубѣ* на Днѣпровскомъ (Георгіевскомъ) острову, у котораго нѣкогда наша Кіевская Русь, переправясь черезъ Днѣпровскіе пороги, приносила въ жертву богамъ живыхъ птицъ, хлѣбы, мясо и прочее, сдѣлавъ *кругъ* стрѣлами; а потомъ метала жеребьи и гадала — рѣзать ли тѣхъ птицъ, или выпускать на волю? Напоминаніемъ этого Днѣпровскаго дуба остался на Украинѣ игорный дубъ, на зеленыхъ святкахъ, и гульбицы въ устроенномъ около него *кругу*. Такъ всѣ первоначальные обряды и обычаи, теряя свой прежній смыслъ, обращались въ простую игру жизни, не имѣющую теперь въ народѣ никакого уже смысла, кромѣ увеселительнаго, и то нерѣдко запретнаго.

Игорный *сухій дубъ* не относился ли прежде собственно къ Троицкому *четверку*, который на Украинѣ зовется *Сухимъ четверкомъ*, и въ который полагается *Русальчинъ Великдень?* Говорятъ въ народѣ, что этотъ четверкъ такой день, въ который не должно ни дерева рубить, ни травы косить, ни зелья рвать, ни даже грядокъ полоть, дабы не поворошить и корня огородной зелени; ибо каждая трава и дерево, тронутыя въ этотъ день, *усыхаютъ*. Говорятъ также, что и Русалки, въ этотъ свой Великдень, *просушиваются*. Вслѣдствіе такого стародавняго понятія о Сухомъ четверкѣ, ведется на Украинѣ обычай этого дня—выкидать изъ коморъ и скрынь все платье и бѣлье на воздухъ для просухи.

Пріурочивая игорный *Сухій дубъ* къ *Сухому четверку*, и вспоминая объ *огнѣ*, горѣвшемъ нѣкогда передъ Перуномъ, и объ томъ Западнославянскомъ обрядѣ, понынѣ оставшемся у Хорутанскихъ дѣвчатъ, что онѣ въ Троицкій четверкъ, равно какъ и въ чистый, разводятъ на полѣ или въ дубровѣ огонь, величаемый въ ихъ припѣвахъ *святымъ огнемъ*, я полагаю, что отъ обрядныхъ игръ Сухаго четверка осталась на Украинѣ дѣвическая игра, называемая *Горю-дубомъ* или *Горю-пнемъ*,—въ родѣ Великороссійскихъ *горѣлокъ*.

Дѣвушка, ставшая *горѣть*, говоритъ: «Горю, горю-дубъ»! (или: «Горю, горю-пень»!). Одна изъ двухъ, противъ нея ставшихъ, спрашиваетъ: «Чого жъ ты горишъ»?—«Краснои панны»!—«Якои»?—«Тебе молодои»!—Тогда говоритъ красная панна: «Печу, печу ла́стôвку»!—А горящая спрашиваетъ: «Чи спечешъ»?—«Спечу»!—«Втечешъ»?—«Втечу»!— и тѣ двѣ бѣгутъ, а горѣвшая ловитъ.

Въ этой игрѣ горѣніе дуба могло быть обряднымъ огнемъ въ честь наступающаго *лѣта*, а печеніе ласточки, этой доброй вѣстницы весны, потопляемой народнымъ повѣрьемъ въ глубинахъ водныхъ на цѣлые полгода, могло быть обряднымъ знакомъ прощанья съ *весною*. Принадлежность ласточки къ *веснѣ* выражается многими относящимися къ ней подробностями, даже тою, что кто выдираетъ ласточьи гнѣзда и яицы, на лице тому нападутъ *веснушки*.

Между тѣмъ въ украинскихъ Веснянкахъ встрѣчаемъ совсѣмъ другое гашеніе дубравнаго огня—водою:

«Горѣла диброва, горѣла,
Я жъ молода гасила,
Кубочкомъ воду носила:
Скôлько въ кубочку води́цы,
Стôлько въ дѣвочкахъ правди́цы». и т. д.

Это гашеніе дубравнаго огня водою не было ли обряднымъ знакомъ наступленія весны, знаменующей себя раствореніемъ и потомъ разливомъ воднымъ?.. Тутъ мнѣ припоминается народная сказка, еще въ юности слышанная мною въ Сѣверской сторонѣ, какъ вода, въ спорѣ съ огнемъ, заливала его собою, и какъ огонь укрылся отъ воды въ *кремнѣ*, изъ котораго потомъ и стали его *кресать* люди.

Изъ Московскаго Стоглава видно, что и на Руси еще въ 16-мъ вѣкѣ было паленіе огня въ Чистый Четверкъ («а въ Великій четвертокъ порану солому па́лятъ и кличютъ мертвыхъ»). Вѣроятно, оно было и на Украинѣ, но уже давно прекратилось и замѣнилось священнымъ огнемъ страстныхъ свѣчей, который Украинцы такъ бережно несутъ въ ночи изъ церкви до своей *господы* (дома), чтобы напалить имъ крестъ на свôлокѣ. Есть Веснянка, начинающаяся такъ:

«На бѣлой недѣлѣ
Пожари горѣли;
Погорѣли щири боры
Зъ вишеньками».

На *Бѣлой* недѣлѣ, т. е. на Страстной; тутъ есть намекъ. Впрочемъ, я не скажу, чтобы это относилось именно къ обрядному дубравному огню Четверковому, которымъ и на Украинѣ, конечно, завѣдывали нѣкогда дѣвчата. Весьма можетъ быть, что въ Веснянкѣ рѣчь о тѣхъ пожарахъ, какіе иногда бываютъ весною отъ нарочнаго выжиганія въ лѣсахъ стараго листу и сушняку, иногда же отъ покидаемыхъ пастухами и проѣзжимъ людомъ огнищъ, на которыхъ потомъ растутъ очень вкусные грибы, называемые *пожарками*. Съ такимъ пожаромъ сравнивается въ Веснянкахъ невѣрный па́рубокъ.

«Ты не пожаръ, ты не пожаръ,
А я не былина—
Не зводь мене изъ рôзума,
Бо я сиротина».

Зеленая недѣля на Украинѣ зовется еще *Русальною*, по народному повѣрью, что въ ночь противъ Духова дня *Русалки* выходятъ на сушу изъ своихъ рѣкъ, озеръ и криницъ, и въ продолженіе всей этой недѣли гуляютъ по лѣсамъ и полямъ. Названіе *Русальной недѣли* въ нашей Кіевской Руси ведется издревле, и въ 17-мъ вѣкѣ оно было здѣсь общеупотребительнымъ, какъ это можно видѣть изъ трехъ мѣстъ Кіевской лѣтописи (подъ 1174, 1177, 1195 годами).

Сообразно съ понятіемъ Украинскаго народа о Русалкахъ, которое старался я узнать изъ многоразличныхъ разсказовъ, надобно различать *три* вида и поколѣнья Русалокъ.

Во первыхъ—первобытныя, коренныя, Русалки, представляемыя въ видѣ взрослыхъ блѣднолицыхъ дѣвчатъ, съ *русыми* длинными, распущенными волосами. Родина ихъ—главное мѣстопребываніе—*Днѣпръ;* отсюда онѣ расходятся по другимъ рѣкамъ, озерамъ и самороднымъ криницамъ, и тамъ пріумножаютъ свой родъ изъ рода людскаго—умершими

безъ крещенья дѣтьми, и утопленницами. Дѣвчата, кинувшіяся въ воду съ какого-либо горя, подхватывались Русалками и обращались въ нихъ, и только тѣмъ отличаются, что у нихъ *зеленые* волосы. Что касается до умершихъ безъ крещенья дѣтей, то русалки любятъ красть ихъ изъ земли и уносить ихъ въ свои воды; онѣ крадутъ ихъ даже изъ-подъ *порога*, гдѣ полагается самое надежное имъ убѣжище отъ всякой нечеловѣческой силы, какъ по собственному свойству *порога*, такъ и по дѣйствію *переступанія*, которое и новорожденныхъ животныхъ предохраняетъ отъ нечистой силы. До семи лѣтъ, говорятъ, есть надежда спасти душу дѣтей, украденныхъ Русалками, — особливо ежегодными панихидами въ первый понедѣльникъ Петровки. Но если въ семь лѣтъ они не будутъ искуплены молитвами, тогда уже навсегда остаются въ Русалкахъ. Эта порода Русалокъ представляется въ видѣ дѣвочекъ *семилѣтокъ*, съ русыми кудрявыми волосами, въ бѣлой сорочкѣ, безъ пояса. Въ разныхъ мѣстахъ южной Руси онѣ зовутся *Мавками* (т. е. *навками*, мертвушками); но здѣсь, на Украинѣ, это названье неизвѣстно. Рожденныя на землѣ Русалочки, выходя изъ воды на всю Зеленую недѣлю, радостно бѣгаютъ по полямъ, особенно по житамъ, трепля въ ладони и приговаривая:

«Ухъ, ухъ, соломяный духъ!
Мене мати породила,
Нехрещену положила»!

А тѣ изъ нихъ, которыя своими невѣнчанными матерями были потоплены въ водѣ, тѣ любятъ болѣе сидѣть и колыхаться на березахъ, приговаривая:

«Новыи бильця,
Нове барыльце:
Мене мати не колыхала,
Да въ воду пускала»!

Тѣже приговорки у Русалочекъ, когда онѣ купаются, или когда онѣ щекочутъ до смерти попавшихся имъ дѣвчатъ и молодицъ, которыхъ онѣ вообще не любятъ, не смотря, что

тѣ для нихъ такъ усердно ломятъ и кладутъ на овнахъ горячій хлѣбъ, дабы онѣ попитались его паромъ; что тѣ для нихъ (въ Сѣверской сторонѣ) вѣшаютъ на деревьяхъ и намѣтки и полотенца на сорочки, и пряжу; дѣвчата вѣшають имъ на березахъ еще и вѣнки. *Лоскотъ* (т. е. щекотка) есть единственный способъ, которымъ всѣ Русалки, большія и малыя, наносятъ смерть человѣку; и для того онѣ пристаютъ къ людямъ подъ разными предлогами;

«Ой бѣжить, бѣжить мила дѣвчинка,
А за нею да Русалочка.
Ты послухай мене, красна панночко!
Загадаю тебѣ три загадочкы;
Якъ угадаешъ, до батька пущу;
Коли-жъ не вгадаешъ, до себе возьму».
«Ой, що росте безъ кореня,
А що бѣжить безъ повода,
А що цвѣте да безъ цвѣту?
Камêнь росте безъ кореня,
Вода бѣжить безъ повода,
Папороть цвѣте безъ цвѣту!
Дѣвчинка загадочкы не вгадала,
Русалочка дѣвчинку залоскотала».

Въ моемъ изданіи «Малороссійскихъ пѣсенъ» 1827 г. (стр. 219) замѣчено, что эта Русалкина загадка *о камнѣ* напоминаетъ Линнеевскій признакъ минераловъ «lapides crescunt», а цвѣтеніе *папорти безъ цвѣту* напоминаетъ принадлежность папоротниковъ къ растеніямъ *Тайноцвѣтнымъ* (или Тайнобрачнымъ, cryptogamae). Маркевичъ, въ своихъ «Украинскихъ Мелодіяхъ», 1831 г. (стр. 246), говоритъ, что эту пѣсню «поютъ хоромъ; одна дѣвушка играетъ роль панночки, другія роль Русалокъ».

На Украинскихъ степяхъ дѣвчата уже съ перваго дня Зеленой недѣли выходятъ изъ своего села или хутора не иначе, какъ имѣя при себѣ траву *полынь*, на тотъ случай, что можетъ выбѣжать Русалка изъ-за степной могилы, или изъ озерной долины, и станетъ спрашивать: «а що мати ва-

рила»? и тогда надо отвѣчать: «борщъ да полынь»! и надо при этомъ показать ей полынь. Подобно тому, если итти купаться на Зеленыхъ святкахъ (разумѣется, только не въ Сухій четверкъ), то надо сперва бросить въ воду нелюбимую Русалками траву, говоря: «отъ вамъ полынь»! и будетъ изъ воды сказано: «сама ты изгынь»! и можно тогда купаться безбоязненно.

А если кинуть мяту, говоря: «отъ вамъ мята»! тогда будетъ въ отвѣтъ: «ты жъ наша мати»! или: «тутъ тобѣ и хата»! а если сказать: «отъ вамъ петрушка»! и бросить ее въ воду, тогда Русалки всклакнутъ: «ты жъ наша душка»! и начнутъ щекотать. Русалки болѣе всякаго зелья любятъ *петрушку;* и по этой примѣтѣ, я полагаю, что извѣстная игра въ *дрôбушки* есть представленіе Русалокъ, которыя вообще очень любятъ плясать и кружиться; и для того, въ продолженіе всей Петровки, выходятъ онѣ изъ воды на берегъ по ночамъ, и особенно при свѣтѣ мѣсяца. Игра въ *дрôбушки* или въ *дрôба* состоитъ въ томъ, что двѣ дѣвушки, ставъ другъ къ другу лицемъ, схватываются протянутыми впередъ руками, и, соступясь ногами близко, вертятся скоро, приговаривая нараспѣвъ:

«Дрôбъ, дрôбъ, соли дрôбъ;
На камени бочка.
Петрова дочка
Не рабôтничка.
Выгнала бычка
За ворôтечка.
Пасись, пасись, бычку,
Поки спряду мычку!
Бычокъ не пасеться,
Мычка не прядеться.
Ставъ бычокъ пáстись,
Стала мычка прястись».

Потомъ онѣ вертятся скоро въ другую сторону, чтобы *развертѣться*, приговаривая:

«Дробу, дробу, дробушечкы;
Наѣвшися петрушечкы;
Гиля, гиля до воды,
Наѣвшися лободы»!

Говорятъ, что Русалки иногда успѣваютъ заманить къ себѣ на берегъ овчаря съ сопѣлкою и заставляютъ его играть себѣ всю ночь; и тамъ, гдѣ онъ притоптывалъ имъ ногою въ ладъ, остается ямка въ землѣ и даже на камнѣ, если онъ сидитъ на немъ, играючи на сопѣлкѣ; а тамъ на землѣ, гдѣ плясали и кружились Русалки, еще лучше трава зеленѣетъ. За Десною извѣстна Троицкая пѣсенька, сложенія Украинскаго (какъ это очевидно по выговору глагола *лѣзли*, риѳмованнаго съ глаголомъ *грызли)*:

«Русалочкы, земляночкы,
На дубъ лѣзли, коры грызли,
Звалилися, забилися».

Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о Русалочкахъ *мавкахъ*, рожденныхъ на землѣ на сухомъ дубѣ, который весьма могъ и къ нимъ относиться.

Въ Украинскихъ сказкахъ [1]) не рѣдко бываютъ дѣйствующими лицами наши Нимфы, какъ называли *Русалокъ* многіе наши писатели, справедливо примѣняя къ нимъ древнее сказаніе Прокопія о почитаніи Славянами *Нимфъ*. Между сказанными Русалками являются и крылатыя дѣвы, большія и крохотныя; но объ этихъ и о другихъ миѳическихъ дѣвахъ—рѣчь впереди.

---

[1]) Напримѣръ, въ сказкѣ про старика *Лукомира;* и въ сказкѣ о трехъ побратимахъ, *Вырвидубѣ, Вернигорѣ и Пашкѣ Медвежомъ Ушкѣ,* зачатомъ отъ медвѣдя. Въ этой второй сказкѣ говорится объ одной изъ первобытныхъ коренныхъ *Русалокъ*, находящейся на томъ особенномъ свѣтѣ, на которомъ тоже, какъ и у насъ, и солнце свѣтитъ, и дождь идетъ, и трава зеленѣетъ, и ростетъ верба густыми тернами, но съ котораго только птица *грипъ* перелетаетъ къ намъ черезъ широкое море; дѣдокъ *Корха* лазилъ оттуда кратчайшимъ путемъ, черезъ нору сквозь землю! А этотъ дѣдъ «самъ зъ кôрха, семи сажень борода, съ семи козъ калита, костуромъ подпираеться, чмелéвымъ перомъ подкидаеться». На томъ-то свѣтѣ Русалка стерегла свой заповѣдный *степокъ;* и за то, что дѣдъ съ бабою, на томъ свѣтѣ жившіе, попасли на томъ степку своихъ овечекъ, Русалка вынула ихъ очи, и носила ихъ у себя въ платочку за поясомъ!

А здѣсь я приведу нѣкоторыя подробности изъ Украинской сказки о *Котигорошкѣ*. Бездѣтная жонка шла по воду; увидѣла, что по дорогѣ котится *горошина*, поймала ее и съѣла; отъ горошины родился у нея сынъ, прозванный *Котигорошкомъ*. При помощи своего вѣщаго воронаго коня, этотъ герой совершилъ разныя чудныя похожденія, изъ которыхъ особенно замѣчательно то, что онъ, поставивъ на морскомъ берегу всякаго *кра́му* (мелкаго товару), въ томъ числѣ и *зеленые черевички*, выманилъ ими изъ моря *Морскую Пани* несказанной красоты; а при посредствѣ *зеленаго вина*, тамъ же поставленнаго, которымъ упилась Морская Пани, Котигорошко успѣлъ поймать ее, и привезъ къ себѣ въ домъ. Въ угоду ей, онъ долженъ былъ сперва достать со дна моря стоявшую тамъ на камени *скрыню* ея, полную жемчуговъ и кораловъ (а помогалъ ему въ этомъ морской ракъ, но не тотъ, что великъ, какъ хата, а «рачення, таке́ мале́, якъ стоноженя»); потомъ онъ долженъ былъ пригнать изъ-за моря двѣнадцать кобылицъ и жеребца, принадлежавшихъ Морской Пани. Наконецъ онъ долженъ былъ итти за три-девять земель, туда, гдѣ солнце ночуетъ, и узнать: отъ чего оно прежде всходило *червоно*, а теперь стало всходить *бѣло?* И когда Котигорошко пришелъ до *господы* (дома), гдѣ солнце ночуетъ, и гдѣ все было изъ чистаго золота, то засталъ тамъ одну *Солнцеву-мати*; и когда пересказалъ онъ ей, зачѣмъ пришелъ и что видѣлъ въ дорогѣ, тогда Солнцева-мати ему сказала: «Подлѣзь же ты подъ *Золотое корыто*, и слушай»! И когда *Солнце-Царь*, обойдя все небо, вернулся на ночь до своей господы, тогда Солнцева-мати, говоря съ нимъ обо всемъ, спросила наконецъ: «отъ чего ты, сыне мой, всходилъ прежде *червоно*, а теперь сталъ всходить *бѣло?*» — «Отъ того, мати моя, что прежде, при восходѣ моемъ, встрѣчалъ я въ морѣ прекрасную Морскую-Пани, и увидавъ ее — *почервонѣю;* а теперь уже не вижу ее въ морѣ, и отъ того я всхожу теперь *бѣло*».

Все содержаніе этой сказки пересказано и передѣлано въ нѣсколькихъ другихъ, напримѣръ въ сказкѣ о *Трёмсынѣ*, рожденномъ отъ щучьяго пера, какъ онъ, при помощи сво-

его коня, рожденнаго отъ туски той же щуки, съѣденной царскою кобылицею, досталъ, въ угоду своему Бѣлозерскому царю, *прекрасную Настасію*, которая, плавая на лодьѣ по морю, плескала водою на влюбленное въ нее *Солнце*, и прочая. Но въ помянутой сказкѣ о Котигорошкѣ все ея содержаніе уцѣлѣло гораздо ближе къ первоначальной своей чистотѣ.

Въ этой сказкѣ сохранилась изъ Южнорусской миөологіи *Солнцева-мати*, въ полномъ смыслѣ «Золотая Пани»: это наша Латона, которая у Чеха Вацерада, современнаго Нестору, переводится именемъ Славянской богини *Литмины*. Сохранился и *Солнце-Царь»* (такъ именно онъ названъ въ сказкѣ), который у Кіевской Руси былъ обожаемъ подъ именемъ *Дажьбога*, какъ это съ 1843 года стало извѣстно всѣмъ изъ печатнаго изданія Кіевской лѣтописи. По сказкѣ, Солнце-Царь былъ влюбленъ въ Морскую-Пани, и краснѣлъ при встрѣчѣ съ нею. Эта *Морская пани* была несказанной красоты, и вышла на землю изъ моря, подобно вышедшей изъ океана Индійской богинѣ красоты и любви, *Лакшми*, супругѣ бога Вишну, подобно Греческой Афродитѣ, или супругѣ бога Ифеста, (соотвѣтственнаго Египетскому Фтасу), имя котораго Кіевскій лѣтописецъ пояснилъ Русскимъ именемъ *бога Сварога* [1]), и слѣдственно, *Сварогъ* былъ нашъ Ифестъ или Вулканъ, богъ огня. У Вацерада (въ Mater verborum) Афродита переводится именемъ Славянской богини *Ipia*; Цигера или

---

[1]) Хотя въ Кіевской лѣтописи *Дажьбогъ* названъ *сыномъ Сварожичемъ*, но это потому собственно, что нашъ лѣтописецъ именами Южнорусскихъ боговъ перевелъ съ Греческаго языка Египетское сказаніе объ *Озирисѣ* и *Фтасѣ*; у Русскихъ язычниковъ могло и не быть этого родственнаго отношенія между богомъ-солнцемъ и богомъ огня; могло быть отношеніе другое, какъ напримѣръ въ миөологіи Грековъ и Римлянъ. По той же причинѣ и все сказанное въ лѣтописи о двухъ богахъ Египетскихъ, не слѣдуетъ присвоять непремѣнно и нашимъ Дажьбогу и Сварогу. Миөологія Грековъ во многомъ ближе къ намъ, чѣмъ Египетская. Греки, собиравшіе у всѣхъ, доступныхъ имъ народовъ, миөы въ свою богатую миөологію, конечно, заимствовали нѣкоторые изъ нихъ и у племени Славянскаго; и мы, прибѣгая къ Греческой миөологіи для поясненія обломковъ нашей Миөологіи, беремъ оттуда иногда, можетъ-быть, наши же миөы, но уже какъ Греческіе.

Венера, — именемъ Славянской богини *Лады*, которой имя знакомо было и на Руси. Да и понынѣ звучитъ въ народныхъ припѣвахъ. И мнѣ кажется несомнѣнно, что *Лада* и *Морская-Пани* одно лице; что праздникъ Лады, начинавшійся въ исходѣ мая, нѣкогда и на Украинѣ приходился на Русальной недѣлѣ, когда и наши Нимфы-Русалки выходятъ изъ своихъ водъ на сушу. По сказкѣ, Морская Пани вышла изъ моря на землю, соблазнясь *зелеными черевичками* (башмачками): эта обувь можетъ значить вообще травную майскую зелень: но еще ближе къ сказкѣ можно признать здѣсь именно ту красивую траву, изъ семейства *Любковыхъ* (orchideae), которая по Украински зовется *Черевичками*, да и по Латински у ботаниковъ издавна зовется Calceolus, а Линней придалъ ей родовое имя, по имени Киприды—Cyрripedium [1]). Эта трава ростетъ по низменнымъ луговымъ мѣстамъ, и цвѣтетъ въ маѣ. Что касается до самого героя сказки, *Котигорошка*, то онъ, конечно, принадлежитъ также къ числу лицъ Южнорусской миѳологіи.

Войдя въ кругъ народныхъ Русскихъ пѣсенъ, обычаевъ, повѣрьевъ, сказокъ, мы съ тѣмъ вмѣстѣ уже вошли неизбѣжно въ кругъ миѳологіи; ибо во всемъ томъ еще пестрѣетъ ярко и отзывается звонко предковская, языческая старина Русской земли, понынѣ неразгаданная, но изучаемая и наблюдаемая уже съ должнымъ вниманіемъ и соображеніемъ.

Г. Сахаровъ, начавъ свои многополезныя «сказанія Русскаго народа» *Славянорусской Миѳологіей*, увѣряетъ потомъ, что «никогда не бывало божества *Лады* у язычниковъ Славянорусскихъ»; — «подивился, — говоритъ, — странности нашихъ миѳографовъ, умѣвшихъ *Ярила* причислить къ Славянорусскимъ божествамъ», — и наконецъ онъ упрекаетъ нашихъ миѳографовъ и археографовъ въ томъ, что они, «подъ видомъ ученыхъ изслѣдованій, прибѣгаютъ къ небывалымъ открытіямъ и наводятъ на нашихъ предковъ *позорную тѣнь многобожія*»! (См. сказ. Р. Н. кн. VII).

---

[1]) «*Cypripedium*, quasi calceum Veneris, diximus a fleoris figura et viribus». См. *Linnaei* flora Lapponica, 1737., p. 248,

Но эта тѣнь лежитъ на всѣхъ племенахъ *Индоевропейскаго* колѣна, въ томъ числѣ и на нашемъ *Славянскомъ*. А что у нашихъ Слявянорусскихъ предковъ было *многобожіе*, въ томъ, казалось бы, и самому сомнительному археографу нельзя усомниться, когда и нашъ первоначальникъ въ сказаньяхъ о Русскомъ народѣ, преподобный Несторъ, повѣтствуетъ о Кіевскихъ кумирахъ: *Перуна*, *Хорса*, *Дажьбога*, *Стрибога*, *Сима-Рыгла*, *Мокоша;* когда и другой нашъ древній *Христолюбецъ* говоритъ о нашихъ предкахъ: «иже суть крестіане вѣрующе въ *Перуна*, и *Хорса*, и въ *Сима*, и въ *Рыгла*, и въ *Вилы*, ихъ же числомъ *тридесять* сестреницъ, глаголютъ окаянніи невѣгласы; то все мнять *богы* и *богынями;* и тако покладаютъ имъ требы, и короваи имъ ломять, и куры имъ рѣжуть; и *огневи* молятся, зовутъ его *Сварожищемъ*». Дѣломъ Христолюбцевъ было разгонять эту «тѣнь многобожія», а что она такъ долго лежала на нашихъ предкахъ, какъ и на прочихъ, родственныхъ имъ, племенахъ, въ томъ нѣчего винить миѳографовъ и археографовъ: ихъ дѣло собирать отовсюду слѣды и останки прежняго языческаго многобожія нашихъ предковъ въ одну *Славянорусскую миѳологію*, какъ *Геологія*, собирая разсѣянные по всей землѣ останки допотопныхъ животныхъ и растеній, возсоздаетъ по нимъ, для своего знанія, два органическія царства, нѣкогда жившія на землѣ. У всѣхъ племенъ Индоевропейскаго колѣна лежитъ въ основѣ одинъ *общій запасъ* вѣрованій и словъ, который потомъ, у каждаго племени развившись по своему, и устроился *особенно* у каждаго. Нашей *Русской Миѳологіи* и *Русской филологіи* всего ближе обращаться къ нашей родной *Славянщинѣ*, *Южной* и *Западной*, какъ *тамъ* вѣровали и говорили; да безъ этого *сравнительнаго* изученія не могутъ онѣ и состояться основательными науками; а для бóльшей полноты и твердости своей, нельзя же имъ не справляться съ вѣрованіями и рѣчами другихъ Индоевропейскихъ племенъ, и не повѣрять себя ими.

Вотъ, напримѣръ, хоть бы и о Великороссійскомъ *Ярилѣ*, по поводу котораго г. Сахаровъ хотѣлъ удивить Европу *странностью* нашихъ миѳографовъ, что они *умѣли* при-

числить Ярила въ Славянорусскимъ божествамъ!... Въ Воронежѣ, гдѣ празднество *Ярила* принимало въ прошломъ столѣтіи наибольшій размѣръ, преосвященный *Тихонъ*, прекратившій тамъ это празднество, говорилъ объ немъ: «изъ обстоятельствъ оваго видно, что древній нѣкій былъ идолъ, прозываемый именемъ *Ярило*, который въ сихъ сторонахъ за *бога* почитаемъ былъ, пока еще не было христіанскаго благочестія». Согласно съ этимъ мнѣніемъ Воронежскаго іерарха, послѣдующіе миеографы зачислили *Ярила* въ число языческихъ Русскихъ *божествъ*, и поступали совершенно справедливо. *Ярило*, въ собственномъ и первоначальномъ его значеніи, есть *богъ весны*, Весникъ, какъ это видно уже по имени его, происшедшему отъ Славянскаго слова *яро* или *яръ*—весна (и по Гречески *ἔαρ*), отъ котораго и названіе хлѣба весною сѣемаго *яриною* или *ярью*. *Ярило* тоже, что въ Западной Славянщинѣ *Яръ*, *Яробудъ*, *Яровитъ* въ ихъ первоначальномъ значеніи; тоже, что Индійскій *Гарисъ*—одно изъ именъ бога Вишну, означающее, между прочимъ, *зеленаго*. Жрецъ Полабскаго Яровита говоритъ отъ его имени: «я покрываю травою поля и листьями лѣса». Но если онъ былъ тамъ же и Марсомъ, и данъ былъ его кумиру *золотой щитъ*, при ударѣ въ который жрецомъ попадали на земь новокрещенные поклонники этого бога, то это надо отнести уже къ его позднѣйшей исторіи въ Славянщинѣ Полабской. Тамъ значеніе Марса придавали многимъ богамъ — и *Святовиту*, и *Сварожичу*, и даже *Радигосту* (который у Вацерада сравненъ съ Меркуріемъ и названъ *внукомъ Кирта*). На Руси этого не было съ *Ярилом*ъ; а потому напрасно и сравнивать его съ Аресомъ [1]), тѣмъ болѣе, что Греческій Аресъ тоже что Египетскій *Горосъ*, *старшій* (усыновленный Озирису), что Индійскій *гарасъ* или *гара*—имя Сивы въ значеніи бога войны; а съ ними однозначителенъ, какъ мнѣ кажется, нашъ Кіевскій *Хорсъ*, названный въ Игоревой пѣсни *великимъ Хор-*

[1]) Снегиревъ, въ своемъ ученомъ трудѣ «Русскіе простонародные праздники», вып. IV. 1839, стр. 55, призналъ великороссійскаго Ярила «за божество мужества и вожделѣнія», примѣняя къ нему Греческихъ Ареса и Эрота.

сомъ. Праздникъ *Ярила* въ Воронежѣ кончался въ первый понедѣльникъ Петровки (послѣ всесвятскаго заговѣнья), въ которомъ, въ тоже время, хоронятъ соломенную куклу *Ярила*, за которою жонки голосятъ съ разными причитаньями. Но въ Муромѣ въ первый понедѣльникъ Петровки, дѣвицы и парни топятъ соломенную куклу, называемую *Костромою*. А въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ эта игра разыгрывается однѣми дѣвицами: *Кострому* представляетъ дѣвушка; прочія подружки кланяются ей, потомъ кладутъ ее, какъ бы неживую, на доску, несутъ къ рѣкѣ или пруду, и опускаютъ на воду, и всѣ вмѣстѣ съ нею купаются. Не смотря на разность обрядовъ и именъ, ясно видно, что *Кострома* долженъ быть тоже, что и *Ярило*. А что празднество Всесвятскаго понедѣльника у Московской Руси велось издревле, о томъ замѣтка сохранилась въ Стоглавѣ, гдѣ сказано: «въ первый понедѣльникъ Петрова поста въ рощи ходятъ и въ Наливки, *бѣсовскія потѣхи дѣяти*».

На Украинѣ первый понедѣльникъ Петровки называется *розыграми*, и празднуется преимущественно жонками. Встарину, онѣ въ этотъ день хоронили соломянную куклу мужескаго пола, называемую *Кострубонькомъ*, голосили надъ нею разныя причитанія [1]), и пѣли слѣдующую пѣсню, перемежая заунывный напѣвъ съ веселымъ:

«Поме́ръ, померъ Кострубонько,
Сивый, милый голубонько:
Зосталася хатка,
Ище́ й сѣножатка,
И ставо́къ и млино́къ,
И вишне́венькій садокъ.
Що у ставокъ купатися,
А у млинокъ проспатися,
А у садокъ погуляти,
Кострубонька поминати»!

---

[1]) Г. Терещенко, въ своемъ «Бытѣ Русскаго народа», 1848. Т. V, стр. 101., описалъ подобный обрядъ, видѣнный имъ въ Малороссіи, во время его юности; но онъ не упоминаетъ ни о пѣснѣ, ни о названьи куклы Кострубонькомъ.

Въ нынѣшнее время, покинувъ и позабывъ этотъ третій обычай свой, Украинскія жонки *на розыгры* собираются въ веселыя бесѣды—*замачивать дойницы*, къ предстоящему сбору молока въ продолженіе Петровки. *Замачиванье* производится такимъ порядкомъ, что, поставивъ на землѣ новую дойницу, жонки усаживаются вокругъ нея, и потомъ начинается круговая чарка, за которою высказываются и выпѣваются разныя хозяйственныя благожеланія:

«Щобъ дойниця не текла,
А хозяйка весела була!
Щобъ хозяйка не засыпала,
Да до коровы рано вставала!
Щобъ корова стояла,
Да по багату молока давала»! и т. п.

Между тѣмъ *Кострубонько*, котораго жонки провожали нѣкогда съ жалостью, въ заключеніе весны, былъ въ ходу и у дѣвчатъ Южнорусскихъ въ началѣ весны. На Украинѣ дѣвчата водили особенный танокъ, въ которомъ одна, въ срединѣ круга, представляла умершаго Кострубонька, при чемъ ея подружки пѣли нѣсколько разъ, ходя вокругъ нея:

«Померъ, померъ нашъ Кострубонько;
Померъ, померъ нашъ голубонько!
Кобыло жъ наша бѣлобокая,
Не впади зъ мбста,
Не вмочи хвбста»!

Наконецъ, дѣвушка, представляющая Кострубонька, вскакиваетъ, а подружки ея поютъ весело и громко:

«Оживъ, оживъ нашъ Кострубонько,
Оживъ, оживъ нашъ голубонько»! и т. п.

Такъ разыгрывался этотъ весенній танокъ лѣтъ за двадцать подъ Переяславомъ, надъ рѣчкою Караньею (на которой, въ Староселье, проходило мое первоначальное дѣтство). Но въ Червоной Руси Кострубонько играется иначе: дѣвушка въ срединѣ круга тужитъ по немъ, какъ бы въ ожиданіи его, и спрашиваетъ о немъ у подружекъ, которыя всѣ отвѣчаютъ

ей, что Кострубонько лежитъ въ недугѣ,—и она при этомъ, беручись за голову, поетъ плачевно:

«Що жъ я бѣдна учинила,
Кострубонька не любила»!..

Наконецъ ей говорятъ, что Кострубонько уже померъ. (См. Жеготы Паули Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi. 1839, т. II. 22).

Очевидно, что Южнорусскій *Кострубонько*, оживающій въ началѣ весны и погребаемый въ заключеніе ея, есть сама *весна*, олицетворенная въ мужескомъ видѣ. Это одно лице съ Великороссійскимъ *Костромою* и съ *Яриломъ*, въ которомъ мы уже признали языческаго *бога весны*.

Въ Украинскомъ просторѣчіи бранчивое слово *кóструбъ* означаетъ нечесу, кудлая; это даетъ намъ мысль, что Украинскій миѳическій Веснякъ былъ представляемъ съ головою всклокоченною. Такъ имена языческихъ божествъ, переходя въ нарицательныя имена, удерживали нѣчто отъ ихъ свойствъ или принадлежностей. Имя громовержца *Перуна* стало значить молнію или громовую стрѣлу; имя богини любви *Лады* у Словаковъ обратилось въ названіе распутной женщины; имя Западнославянской *Дюнди*, которое такъ торжественно звучитъ въ хоровой пѣснѣ Словацкихъ дѣвчатъ:

«Гойя, Дюндя, гойя»!

на Украинѣ обратилось въ нарицательное имя, которое безъ сорома возглашается только въ свадебной пѣснѣ жонками, когда онѣ, подобно Вакханкамъ, скачутъ и рукоплещутъ у дверей брачной коморы.

Наконецъ упомяну о слѣдующемъ обрядѣ, который *на розыгры* ведется вь Новгородъ-сѣверской сторонѣ, надъ Десною. Молодежь собирается въ этотъ день гурьбою въ лѣсъ. Срубивъ нѣсколько *березовыхъ* вѣтвей, увиваетъ ихъ цвѣтами, потомъ несетъ съ пѣснями по селу и вокругъ села, и наконецъ бросаетъ ихъ въ рѣку. Эти проводы весны, въ видѣ потопленной *березы*, называются тамъ *проводами Дремы*. Въ этомъ названіи тотъ смыслъ, что съ слѣдующимъ днемъ начинаются уже рабочіе дни Петровки, въ которые надо быть неусыпными, и о которыхъ поютъ на Украинѣ:

«Мала нôчка-Петрôвочка,
Не выспалась наша дѣвочка».

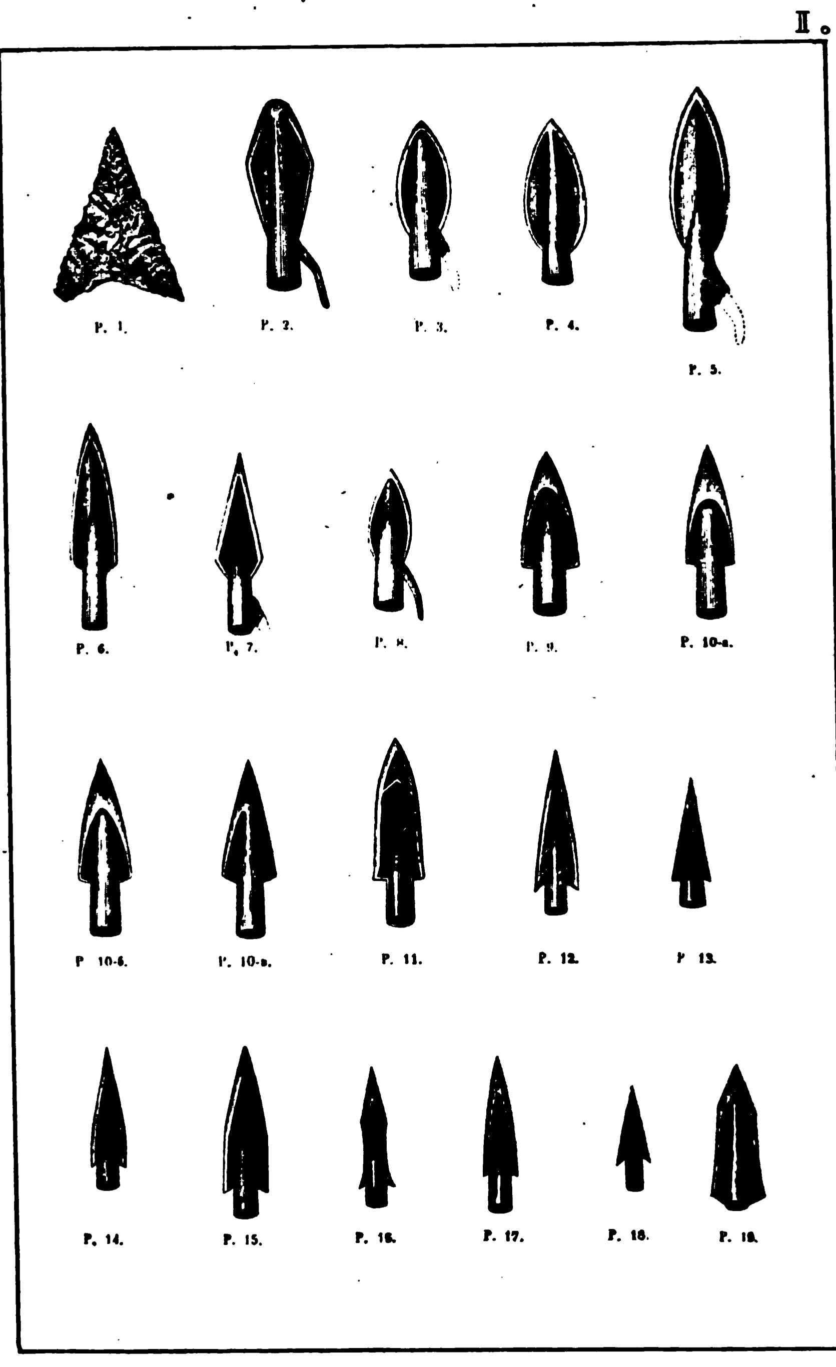
Изо всего, что сказано о *Русальной* или *Зеленой* недѣлѣ, можно, видѣть, что она во времена языческія была у насъ однимъ изъ самыхъ главныхъ праздниковъ въ году, праздникомъ *перехода весны въ лѣто*, который сопровождался обрядными играми въ честь многихъ божествъ. Потому-то *Русальныя игры* или *Русальи* у христіанскихъ писателей нашихъ обратились въ нарицательное имя всѣхъ вообще народныхъ шумныхъ игрищъ. Такъ и въ Московскомъ Стоглавѣ называются заодно и *Русальями* и *Еллинскими бѣсованіями* народныя игрища Купальскія, Рождественскія и Крещенскія. Русальныя игры Зеленой недѣли оканчиваются первымъ понедѣльникомъ Петровки. Тогда, въ такъ называемыя *розыгры*, совершались послѣдніе *проводы весны*, погребеніемъ либо потопленіемъ ея, въ видѣ *Кострубонька*, или подъ видомъ ея представительницы, *березы*. *Розыгры*—конецъ весны. На этомъ днѣ окончимъ и мы *Весну* нашихъ «Дней и Мѣсяцевъ».

1856 г. 7 августа.

Михайлова-гора.

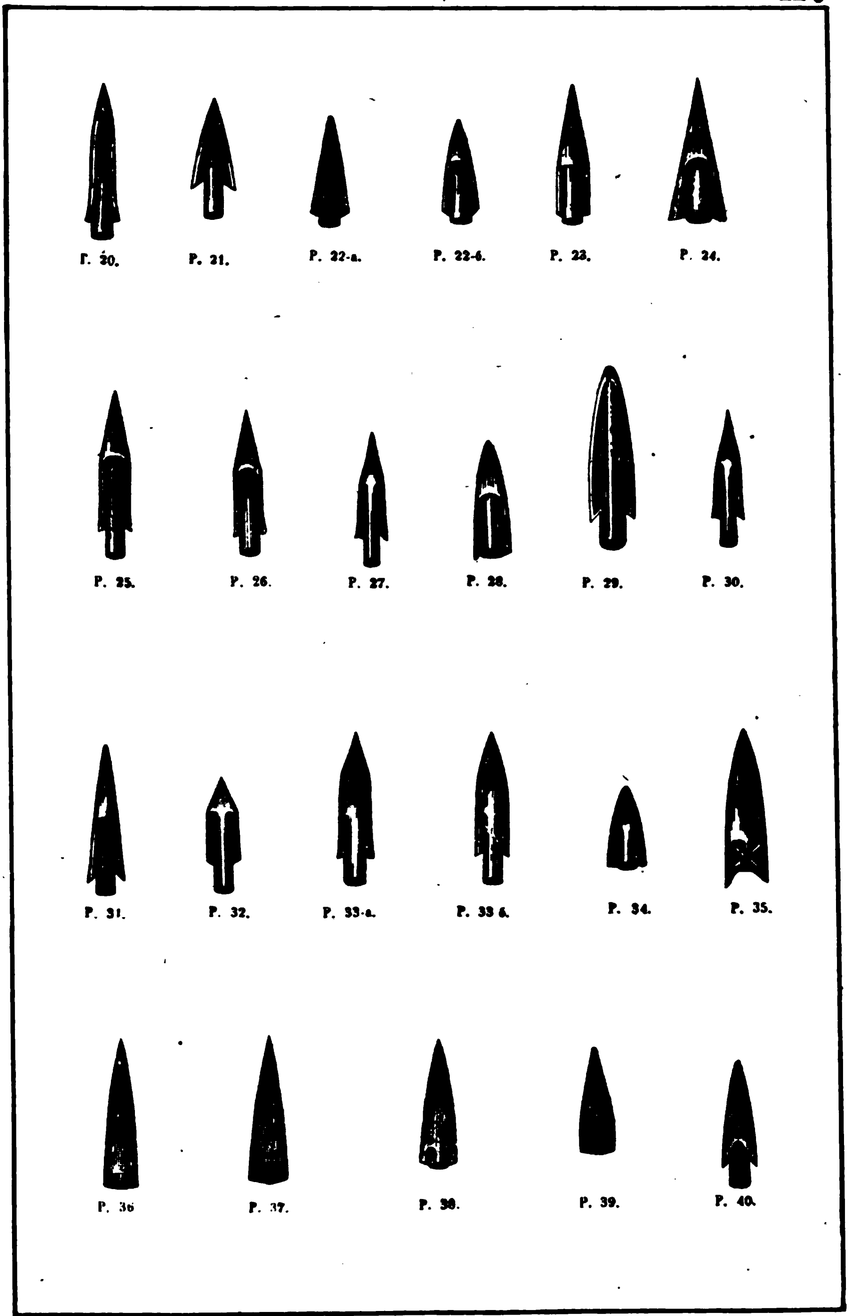

II.

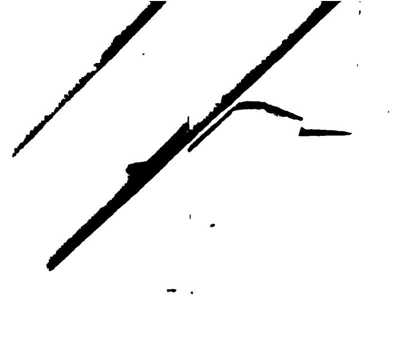

Къ Стр. 407–423.

*PB-43291-SB
5-06
CC
BT

Къ Стр. 407-423

D
5
M
v.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D AUG 1 0 1996

28D SEP - 9 1996

OCT 0 9 1996

28D NOV - 9 1996

28D DEC 0 9 1996

DEC 09 1996

